ЮЖНЫЙ ФЕДЕРАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

Journal of metadisciplinary research
The POLITICAL CONCEPTOLOGY

2014 г. № 1

ПОЛИТИЧЕСКАЯ КОНЦЕПТОЛОГИЯ:

журнал метадисциплинарных исследований

Ростов-на-Дону

ЮЖНЫЙ ФЕДЕРАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

ЦЕНТР ПОЛИТИЧЕСКОЙ КОНЦЕПТОЛОГИИ

Северо-Кавказского НИИ экономических и социальных проблем

ФАКУЛЬТЕТ СОЦИОЛОГИИ И ПОЛИТОЛОГИИ

ПОЛИТИЧЕСКАЯ КОНЦЕПТОЛОГИЯ:

журнал метадисциплинарных исследований

2014. № 1

(январь-март)

Научный журнал
Издается с 2009 года

Политическая концептология:
журнал метадисциплинарных исследований

Научно-аналитическое издание

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере массовых коммуникаций, связи и охраны культурного наследия. Свидетельство о регистрации средства массовой информации: Эл № ФС77-32422 от 09 июня 2008 г.

ISSN 2218-5518

Учредитель: Федеральное государственное образовательное учреждение высшего профессионального образования «Южный федеральный университет»

Редакционная коллегия:

Главный редактор: *В.П. Макаренко*, доктор политических и философских наук, профессор, Заслуженный деятель науки РФ, академик Академии педагогических наук Украины

Заместитель главного редактора: *С.П. Поцелуев*, доктор политических наук, доцент

Ответственный секретарь: *М.С. Константинов*, кандидат политических наук

Корректор: *Д.Н. Протасеня*

Редакционный совет:

Председатель – доктор философских наук, кандидат исторических наук, профессор *А.В. Лубский* (Ростов-на-Дону)

Доктор политических наук, доцент *А.И. Бардаков* (Волгоград)

Доктор экономических наук, профессор *В.В. Вольчик* (Ростов-на-Дону)

Доктор политических наук, профессор *И.И. Глебова* (Москва)

Профессор ординарный, доктор габилитованы *Анджей Захариаш* (Жешов, Польша)

Доктор политических наук, профессор *В.С. Малахов* (Москва)

Доктор экономических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ *О.Ю. Мамедов* (Ростов-на-Дону)

Доктор юридических наук, профессор *А.В. Оболонский* (Москва)

Доктор экономических наук, профессор *А.Н. Олейник* (Москва, Ньюфаундленд, Канада)

Доктор политических наук, профессор, действительный член РАН *Ю.С. Пивоваров* (Москва)

Доктор философских наук, профессор *Н.С. Розов* (Новосибирск)

Доктор философских наук, профессор *В.В. Савчук* (Санкт-Петербург)

Доктор исторических наук, профессор *В.Н. Ткаченко* (Киев, Украина)

Доктор философских наук, профессор *С.Г. Чукин* (Санкт-Петербург)

Доктор философских наук, кандидат психологических наук *В.А. Шкуратов* (Ростов-на-Дону)

Доктор исторических наук, профессор *В.А. Шнирельман* (Москва)

Электронная версия журнала: **http://politconcept.sfedu.ru**

Номер подготовлен с участием младших научных сотрудников Центра политической концептологии СКНИИЭиСП ЮФУ Дарьи Протасеня и Анны Рюмшиной.

Адрес учредителя:
344006, г. Ростов-на-Дону
ул. Б. Садовая, 105
тел.: (863) 263 3158 263 8498
факс: (863) 264 5255
e-mail: rectorat@sfedu.ru

Адрес редакции:
344006, г. Ростов-на-Дону
ул. Пушкинская, 160, к. 112
тел. (863) 264-02-64
факс: (863) 264-52-55
e-mail: politconcept@mail.ru

СОДЕРЖАНИЕ

СЛОВО РЕДАКТОРА

От редакции
Юбилейный номер журнала «Политическая концептология»..... 6

Макаренко В.П.
Русская власть и модернизация: общие тенденции на фоне новейших исследований.... 6

ЗЛОБА ДНЯ: ВЧЕРА, СЕГОДНЯ, ЗАВТРА

Батурин Ю.М.
Учёным сказали прямо: «Вы не нужны»..... 23

Берлявский Л.Г.
Депортация учёных из Советской России в 1922 г.: уроки истории..... 29

Никольский С.А.
Русские как имперский народ..... 42

Ткаченко В.Н.
Общность исторической судьбы: испытание Майданом..... 55

Паин Э.А. — Гудков Л.Д.
Беседа на тему: «В ожидании чуда: российское общество после крымских событий».. 69

200 ЛЕТ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ ТАРАСА ГРИГОРЬЕВИЧА ШЕВЧЕНКО

Шкляр Л.Е.
Национально-патриотические предпосылки политического мировоззрения Т.Г. Шевченко..... 75

Прицак О.И.
Шевченко-пророк..... 90

Дзюба И.М.
Поэт против империи..... 109

Мельниченко В.Ю.
Тарас Шевченко в Москве (март 1858 года)..... 128

ПАМЯТИ Г.П. ЩЕДРОВИЦКОГО

Рац М.В., Котельников С.И.
Власть или управление?..... 156

ДИСКУССИИ И ОБСУЖДЕНИЯ

Стенограмма семинара-диспута
Наследие коммунистического прошлого в современной жизни России и российские перспективы левого движения (18–19 мая 2013 г., Ростов-на-Дону)..... 210

КНИЖНАЯ ПОЛКА

Колчинский Э.И.
Так вспоминается, или Ещё одно лжесвидетельство (главы из книги)..... 250

Указатель статей и материалов, опубликованных в журнале в 2013 г...... 301

Наши авторы..... 305

Summaries and keywords..... 307

Contents..... 310

К сведению авторов..... 312

Слово редактора

От редакции

Уважаемые читатели, друзья и коллеги! Так совпало, что данным номером журнал «Политическая концептология» отмечает двойной юбилей: пятилетие существования журнала и семидесятилетие его главного редактора В.П. Макаренко. Сотрудники редакции поздравляют Виктора Павловича и желают ему здоровья, творческих успехов и бодрости духа. Надеемся, что в свои семьдесят лет журнал сохранит тот полемический задор и энергию, которую ему придал его интеллектуальный и духовный отец.

В редакции возникла идея посвятить данный номер творчеству В.П. Макаренко, однако эта инициатива снизу была совсем недемократически пресечена главным редактором. Тем не менее, в любых, даже самых авторитарных режимах существуют теневые возможности обойти прямые запреты начальства. Мы тоже рассчитываем найти способы в течение года «протащить» в журнал несколько статей, посвящённых В.П. Макаренко. Поэтому предлагаем всем интересующимся творчеством В.П. Макаренко присылать статьи по адресу: konstantinov@sfedu.ru.

Для научного журнала пять лет — срок немалый. И мы сегодня хотели бы высказать свою признательность всем, кто работал над журналом эти годы, но по разным причинам покинул редакцию — А.В. Чибизову, И.В. Николаеву, А.И. Субботину. Благодарим также наших постоянных читателей и авторов. Нам ещё многое предстоит сделать.

РУССКАЯ ВЛАСТЬ И МОДЕРНИЗАЦИЯ: ОБЩИЕ ТЕНДЕНЦИИ НА ФОНЕ НОВЕЙШИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

В.П. Макаренко
Южный федеральный университет

Аннотация: *Автор применяет разработанную им концепцию троевластия к анализу советской модернизации. Сложившаяся в СССР система троевластия охватывает власть, собственность и идеологию и включает тренды терроризации, бюрократизации и модернизации. На основе новейшей литературы показана эвристичность этой посылки для описания современной России. Автор предлагает сделать память о государственном насилии в прошлом и осознание форм его проявления в настоящем исходным пунктом анализа всех социальных проблем, включая региональные.*

Ключевые слова: *модернизация, государственное и повседневное насилие в СССР/России.*

В большинстве литературы процессы и результаты советской модернизации рассматриваются изолированно от государственного насилия. Нынешняя власть определяет Сталина как «эффективного менеджера», осуществившего модернизацию России [Соколов 2011: 735–737], и пытается построить неосоветизм на усечённом неороссийском пространстве [Неретина 2012]. Я буду оспаривать эту тенденцию. Эта установка позволяет видеть реальную проблему: даже среди бывших узников ГУЛАГа продолжается идеализация СССР. В итоге репрессивный режим становится объединяющим в отношениях и поведении людей. Вопреки собственным интересам многие нынешние граждане России стремятся сохранить устарелый государственный строй. На государственном и общественном уровнях слабо осознаны проблемы личной и институциональной ответственности, вины и необходимости объяснения советского государственного насилия. Эти проблемы важны для понимания советского прошлого и российского настоящего [Адлер 2011: 672–679].

В последние годы в России вышла серия книг (больше 100) под рубрикой «История сталинизма», в которой детально исследованы основные аспекты социальной жизни советского общества, в том числе специфика сталинской модернизации. Я частично прочел примерно 50 томов этой серии, а некоторые проштудировал. В статье обобщу выводы некоторых книг.

Это обобщение имеет предысторию. Я давно занимаюсь изучением государственного насилия. В 1970–80-е гг. я разработал свой вариант теории бюрократии на основе критического применения определённых сторон наследства К. Маркса, М. Вебера и В. Ленина к политической истории советского государства и опубликовал цикл работ на эту тему [Макаренко 2001]. На основе теории бюрократии и наблюдения за современной российской действительностью в 1990-е г. я создал теорию русской власти. Показал, что на протяжении всей истории России власть была связана с собственностью, а начиная с XVIII в. в стране постепенно возникал феномен троевластия. В XX веке он окончательно оформился в систему «власть-собственность-идеология». Сходные взгляды высказывают и другие учёные [Пивоваров 2006; Олейник 2011].

Если соглашаться с различными вариантами философии истории (что само по себе дискуссионно, но сейчас я эту проблему не рассматриваю), то терроризация восходит к Ивану Грозному, бюрократизация — к Петру I, модернизация — к Александру II. Независимо от разных концепций исторического процесса (здесь споры тоже неизбежны) я предлагаю **рассматривать терроризацию, бюрократизацию и модернизацию как органические составные части одного и того же процесса осуществления власти**. Русская власть всегда навязывала и навязывает до сих пор обществу эти тенденции ради собственного усиления, а не решения социальных задач и достижения социальных целей [Макаренко 1998].

Этот общий тезис можно проиллюстрировать в отношении разных периодов, регионов и отраслей хозяйства. Цель статьи — на основе новейших исследований показать, как в истории Советского Союза были связаны тенденции терроризации, бюрократизации и модернизации. Общую посылку можно сформулировать так: под воздействием природно-климатического фактора в России возник специфический тип государства, которому не были свойственны хозяйственно-экономические функции. Роль государства в создании всеобщих условий производства всегда была минимальной. Господствующий класс уже на ранних этапах российской государственности был военизированным. Чем меньше был объем создаваемого обществом прибавочного продукта, тем сильнее проявлялась роль государственного насилия в процессе изъятия и концентрации этого продукта. В результате война стала средством производства. Полюдье как форма бескомпромиссного военного господства при систематическом изъятии прибавочного продукта способствовало перерастанию налоговых функций в общегосударственные. Русская государственная машина стала «странствующей». По этой причине центральная власть стала главным вершителем дел на местах. Важнейшим элементом такого

строя был институт «власти-собственности», который стал основой жестокого механизма извлечения совокупного прибавочного продукта в результате колонизации Московским княжеством, а затем Российской империей евроазиатской ойкумены [Милов 1998: 554–572].

Из множества возникающих при таком подходе проблем я рассмотрю две: государственного насилия; отношения между насилием и повседневностью.

Проблема государственного насилия

5–7 декабря 2008 г. в Москве состоялась первая (в России) международная научная конференция по истории сталинизма. В ее работе приняли участие специалисты по истории сталинизма из России, европейских стран, США, Канады, Японии. Политические изменения в России и частичное открытие архивов способствовали прогрессу в изучении этой проблемы. Одновременно углубляется разрыв между научными и обыденными представлениями граждан России о сути сталинизма. В СМИ России и псевдоисторических изданиях реанимируются концепции Краткого курса истории ВКП(б). В лучшем случае эксплуатируются аргументы хрущевской десталинизации. Распространяются рецепты возрождения России путем авторитарной модернизации и пропаганды исторической оправданности насилия, многомиллионных жертв и социальных чисток.

Работа конференции была посвящена ключевым проблемам истории сталинского периода, в том числе проблеме модернизации в условиях тотального государственного насилия [История сталинизма… 2011]. Отмечу лишь некоторые продуктивные идеи.

А. Рогинский показал [История сталинизма… 2011: 21–27], что сталинизм — это система государственного управления, главной характеристикой которой является насилие как универсальный инструмент решения любых политических и социальных задач. Такое насилие обеспечивает централизацию управления, разрыв горизонтальных связей, высокую вертикальную мобильность, жёсткость внедрения идеологии при лёгкости ее модификации, большую армию субъектов рабского труда ради модернизации. Память о сталинизме — это память о государственном насилии. Но нынешняя память о сталинизме в России иная.

Это почти всегда память о жертвах, а не о преступлении государства. Как память о преступлении она не отрефлексирована. До сих пор не принят правовой акт, в котором государственное насилие было бы названо преступлением. Против участников государственного насилия в новой России не было ни одного судебного процесса. На уровне личных воспоминаний это уходящая память, поскольку последние свидетели сталинской модернизации уходят. На смену памяти-воспоминанию приходит историческая политика — целенаправленные усилия политической бюрократии по формированию устраивающего ее образа прошлого. Этот процесс идёт с 1990-х гг. В итоге такой политики в массовом сознании существуют два конкурирующих образа сталинизма: как преступного режима, на совести которого десятилетия государственного насилия; как эпохи модернизации, побед и свершений, в первую очередь в советско-германской войне.

Эта война стала несущей конструкцией, на которой была переорганизована национальная идентификация. Память о войне как трагедии подменена памятью о победе. В итоге память о государственном насилии оказалась на периферии массового сознания. В России 800 памятников сталинскому террору. Но все воздвигнуты общественностью и местной администрацией. Федеральная власть не участвует в мемориализации террора. Уклоняется от легитимизации болезненной темы. Изданы крошечными тиражами около 300 томов региональных книг памяти. Но они почти не формируют национальную память. Содержание каждой из них являет собой образ местной беды, а не общей катастрофы. Федеральная власть и здесь уклоняется от своего долга. До сих пор нет музея государственного насилия. В школьных

учебниках по истории оно показано как исторически детерминированный и безальтернативный инструмент решения государственных задач. Такая концепция не допускает постановки вопроса о преступном государстве и субъекте этого преступления: «Это не результат установки на идеализацию Сталина, а подобное следствие решения другой задачи — утверждения заведомой правоты государственной власти. Она выше любых нравственных и юридических оценок. Она неподсудна по определению, ибо руководствуется государственными интересами, которые священнее интересов человека и общества, морали и права. Правота всегда на стороне государства… Эта мысль пронизывает новые учебные пособия от начала до конца» [там же: 27].

Л.Д. Гудков проанализировал миф о Сталине [Гудков 2011: 680–696]. Как показывают социологические опросы с 1996 по 2010 г. (в ходе которых респондентам были заданы вопросы «Как бы Вы оценили роль Сталина в советской истории, истории нашей страны?» и «Как Вы в целом относитесь к Сталину?»), положительное отношение к Сталину выросло за счет «болота» — опоры нынешнего режима Путина. Единственной влиятельной группой, которая оказалась податливой для нынешней пропаганды, стали люди с дипломом о высшем образовании, сервильная и государственническая «элита» страны.

В 2009 г. большинство (60%) заявили, что ничем нельзя оправдать понесённые при Сталине жертвы. Однако основная масса населения России не решается признать саму идею суда над Сталиным как носителем высшей власти. Давление пропаганды проявляется главным образом как представление значительной части людей о том, что есть некое авторитетное мнение, которое приобретает характер объективной реальности благодаря тому, что его высказывают власти. Поэтому создаётся впечатление, что его разделяет неопределённое множество людей. И это фиктивное «мнение большинства» оказывает влияние на тех, у кого нет собственной моральной позиции в отношении прошлого и настоящего.

В 1990-е гг. возникла обширная тривиальная литература о Сталине, его привычках и вкусах, окружении и любовницах, в которой Сталин подан как национальный гений и вождь, спасающий Россию от распада. На основе социологических опросов Л. Гудков делает выводы о функциях ведомства пропаганды: «Она не ведёт дело к реабилитации тоталитарного режима или его вождей, но она подрывает основы моральной оценки прошлого и настоящего, лишая смысла саму идею ответственности власти за проводимую ею политику… Нынешняя пропаганда и манипулирование массовым сознанием направлены исключительно на поддержание состояния аморализма и беспринципности, равнодушия к общественным вопросам и отчуждённости от политики» [там же: 687]. Короче говоря, произошла реанимация мифа о «великом Сталине».

Л. Гудков выделяет четыре этапа сталинского мифа: сложившаяся при Сталине и просуществовавшая до его смерти система образов и риторических клише; хрущевская критика культа личности Сталина; горбачевская гласность и перестройка. Нынешний этап начинается в 1999 г. Приход Путина к власти ознаменовался рядом его демонстративных жестов по отношению к прошлому: заявления подчёркнутого уважения к Сталину, деятелям КГБ, восстановлением сталинского государственного гимна.

В целом сила Сталина заключалась в терпении, цинизме, эклектическом смешивании и использовании любых идей для достижения нужного эффекта в нужное время, мстительности, свободе от любых форм морали, принципов и убеждений, сдерживающих обычных политиков догм, личных связей и традиционных ограничений. Гудков предлагает называть Сталина не модернизатором, а рутинизатором (в веберовском смысле) послереволюционной эпохи. Поэтому отношение к Сталину (мифу о вожде, отце народа, гениальном учителе и полководце и т. д.) может служить индикатором степени модернизированности российского общества. «Настойчивое сохранение фигуры Сталина… говорит лишь об отсутствии у нынешнего

руководства страны каких-либо моральных и ценностных представлений, без которых невозможна какая-либо последовательная политика модернизации страны» [там же: 696].

Б.С. Илизаров использует концепт социального конструктивизма для описания специфики сталинской модернизации [Илизаров 2011: 615–631]. Социальный конструктивизм — это проектное строительство нового государства или радикальное переустройство базовых институтов традиционного общества, осуществляемое лидером или группой лидеров.

На основе разбора всех инициатив, планов и_проектов Сталина Илизаров показал, что Сталин до конца своих дней был не творцом, а эпигоном; до середины 30-х гг. эпигоном Троцкого, а затем, до конца жизни — Гитлера и русского царизма. Своеобразие сталинских решений состояло в том, что они **сочетали в себе элементы социального новаторства, глубинной архаики и поверхностного утопизма. В этом суть советской модернизации**. Сталин осуществил модернизацию (коллективизацию, индустриализацию и культурную революцию) с помощью аппарата насилия.

Сталин — это бюрократ-самородок, взнуздавший партийно-государственную бюрократию ее же методами. «Мало кто осознавал, — пишет Илизаров, — что новым и невиданным эксплуататором стал отныне трёхглавый «дракон»: партия, армия и спецслужбы… В наше время одна из выживших голов этого дракона пытается восстановить хотя бы в общих чертах исходный сталинский проект. Но эпигоны эпигонов не способны создать ничего жизнеспособного даже ценой пролития очередной порции невинной крови» [там же: 622].

Троцкий точно определил Сталина как интенданта и эпигона Гитлера. Под влиянием идей «консервативной революции», перенесённых на советскую почву, в идеологии, культуре и внешней политике возродились дореволюционные имперские ориентиры, цели и фобии. Царские сатрапы и поработители соседних народов (Суворов, Кутузов, Нахимов и др.) вновь стали символами имперской доблести. Новый поворот в идеологической ориентации был окончательно оформлен в докладе начальника Главного политического управления РККА Л. Мехлиса накануне войны перед выпускниками военных академий. Доклад был сделан с подачи и одобрения лично Сталина. Более ранним символом идеологического поворота стала всесоюзная кампания по разработке новых учебников по гражданской и партийной истории. Она завершилась выпуском школьных и вузовских учебников, Краткого курса, в которых прославлялись строители, охранители и «собиратели» Российской империи — от Дмитрия Донского до Сталина. Сегодняшние эпигоны Сталина тоже стремятся создать канонический учебник по истории.

Сталин создал и реализовывал проект национально-имперской иерархии. На высшей ее ступени мыслился русский народ, ниже — украинцы и белорусы, затем грузины и азербайджанцы, затем мусульманские народы Средней Азии без градации, затем тюркские народы Поволжья, Сибири и т. д. С довоенных времён на низшие ступени были поставлены поляки, прибалтийские народы, а во время войны — немцы Поволжья. Ещё ниже находились народы-враги — репрессированные народы Кавказа и Дальнего Востока. После войны на позицию народа-парии все методичнее оттеснялись этнические евреи. Сталин не успел завершить свою грандиозную имперскую постройку, но ее импульсы ощутимы до настоящего времени [Зубок 2011].

В советскую эпоху в СССР культивировалась марксистская модель общественного развития, согласно которой человечество восходит от одной ступени цивилизации (формации) к другой, более высокой, через цепочку переворотов и революций. На практике советское общество сложилось как многослойное, многоформационное образование. Все классические марксистские общественно-экономические формации 70 лет одновременно сосуществовали в нашей стране.

Советское государство включало следующие классы людей: рабы; феодально закрепощённые крестьяне; классические пролетарии; отдельные сословия, живущие в условиях социализма; малые прослойки, достигшие коммунистического благополучия. Советское рабство — это система ГУЛАГа, возродившая классическое рабство в современную эпоху. До 1953 г. в государственных рабах (по заниженным подсчётам чекистов) значилось более 3 млн. человек. Это подлинная государственная собственность, настоящий общественный класс людей, который кроме пайка ничего не имел. Его можно было в любой момент убить, уморить голодом. Даже списки врагов народа были заимствованием «проскрипционных списков» в Древнем Риме. Что касается советских крестьян и рабочих, то «…самая беспощадная капиталистическая форма эксплуатации трудящихся в XX в. была именно на советских фабриках и заводах» [История сталинизма… 2011: 629]. Значительная часть интеллигенции и мелких служащих была пролетариями умственного труда. Но малая часть интеллигенции, верхушечная часть партгосаппарата, высокое армейское офицерство и большинство работников спецслужб жила при социализме. Высший эшелон власти жил в условиях реального коммунизма [Кондратьева 2011].

В целом ни к модернизации, ни к марксовому социализму и коммунизму советское государство не имело никакого отношения. «Сталин соорудил общество, обречённое на скорое и неизбежное вырождение. Современный «мягкий», «либеральный» сталинизм с его «собиранием земель» и «вертикалью власти» неизбежно завершится очередным распадом, и на этот раз распадом России» [История сталинизма… 2011: 630].

А. Блюм рассматривает государственное насилие по отношению к инженерам и учёным — главным агентам модернизации [Блюм 2011: 78–92]. Чекисты стремились отнять у них эту роль. Мишенью репрессивного аппарата становится не отдельный индивид, а сеть знакомств и контактов, рассматриваемая теперь как контрреволюционная, террористическая или иная группа. В этом контексте А. Блюм ставит проблему изучения особой полицейской точки зрения, «основанной на подозрении, так как слежка не означает простого, нейтрального наблюдения и описания увиденного. Она предполагает дальнейшую интерпретацию, ведущую к появлению подозрений в отношении индивида» [там же: 84][1]. Такое понимание способствует выдвижению политической полиции на роль главного модернизатора — ключевого агента социального бытия.

Матрица криминализации повседневности началась с Шахтинского дела, затем была применена в академическом деле. На основе анализа этих дел, в которых ГПУ как раз преследовало инженеров и учёных, А. Блюм выделяет несколько этапов, которые привели к образованию полицейской точки зрения на факты: 1. Публично оговаривается известный человек (академик С.А. Ефремов), которому предстоит оказаться в центре всех обвинений в заговоре. Начинается кампания в печати, цель которой — не только бросить тень на будущего обвиняемого, но и изолировать его от окружения и общества в целом, оставив ему отношения только с самыми близкими. 2. На втором этапе идёт идентификация, арест и допросы человека (студента), не имеющего значения в мире науки, но близкого к главной жертве и призванного послужить опорой для готовящегося следствия. 3. Затем происходит арест главного действующего лица. На этом этапе происходит анализ и интерпретация прошлого в новых терминах,

[1] Эта точка зрения базируется на трансформации подхода к интерпретации фактов как повода для репрессий. В 1920-е гг. происходит трансформация оснований для репрессий. Вначале причиной недоверия к человеку были его социальное происхождение или реальная принадлежность к небольшевистской или оппозиционной партии. Затем под подозрение попадают отношения между обвиняемым и его окружением. Цель ослабления любого круга связей — создать общество, в котором остаётся только один тип лояльности — верность по отношению к Сталину, и где связи солидарности внутри групп рассматриваются как угроза. Согласно полицейской посылке, подвластным миром должна править нестабильность.

переосмысление, осуществляемое «совместными» усилиями следователя и обвиняемого. 4. Расширение круга подозреваемых, уничтожение родственных, дружеских, профессиональных связей. 5. Арестам придаётся огласка, выливающаяся в «постановку» показательного процесса.

Для понимания допросов и обвинений как необходимой части следственно-прокурорской деятельности в целом Блюм выделяет три формы идентификации поднадзорных индивидов:

1. Биографическая идентичность описывает жизненный путь человека, информацию о главных событиях в его судьбе (географические перемещения, профессиональная мобильность, принадлежность к партиям и организациям).

2. Идентичность действия характеризует индивида на основе его занятий, мнений, повседневной жизни.

3. Идентичность на основе связей представляет собой главный элемент в наблюдении за индивидом, а затем в его описании. Эта форма означает, что для характеристики человека используются не его профессиональные, социальные или политические атрибуты, а описание всей совокупности встретившихся на его пути людей, частоты и характера этих связей.

В настоящее время в общественном сознании сетевой подход является интеллектуальной модой. Согласно этому подходу, человек есть нечто большее, чем просто индивид. Он — клубок связей, центр определённой сети, в которой сходится и расходится множество связей и отношений, крепких и слабых, эпизодических и постоянных. Форма и охват этих связей (на уровне региона, страны, мира), их частота и природа (подчинение, уважение и др.) представляют собой элементы этой сети.

После революции происходит переход от идентичности действия, которая должна быть основой любого обвинения, к биографической идентичности. После шахтинского процесса в центре обвинения оказывается идентичность, основанная на связях. Стигматизации подвергается именно профессиональная и сетевая солидарность. С момента установления господства такой логики вся работа чекистов сводится к раскрытию идентичности, основанной на связях, и не нуждается ни в каких доказательствах вины. В результате никаких границ для репрессий не существует. Одновременно снимается различие между научным и полицейским пониманием социальных фактов.

Ж. Кадио показал, что категории науки в 1930-е гг. многое переняли у административных и полицейских организаций [Кадио 2011: 632–639]. Для доказательства он проанализировал репрессивный порядок, в котором национальность вызывает подозрение, однако явными критериями для преследования становятся биографии индивидов, сети отношений, статус беженца. Вообще само обнаружение национальных различий — это знание на службе государства. Учёные первыми сделали попытку определить национальные категории в надежде снизить национальную напряжённость в ее социальных и политических проявлениях. Объективное определение национальной принадлежности осуществлялось через перепись населения. В результате дискуссий была разработана статистическая методика: каждый индивид должен был называть сначала свой родной язык, затем национальность (начиная с 1917 г. в России). Все это имело целью справедливое разрешение территориальных конфликтов и реализацию принципа национальностей. Тем самым статистики в начале века противопоставляли объективную национальность (проявляющую себя в образе жизни, культуре, языке) административной национальности и избегали разговоров о политической национальности.

Большевики переняли принцип национальностей и стали строить свою федерацию. Чтобы учесть все разнообразие национальных групп, этнографы, обрабатывающие данные переписей 1920-х гг., дали точную картину всей совокупности этнических групп (около 200). Но при разработке переписей Сталин распорядился, чтобы 60 национальностей, получивших

административный статус, были перенесены в научный список национальностей. Этнографы и статистический аппарат подвергся чисткам. В итоге мелкие меньшинства потеряли всякую видимость. В отдельную рубрику были выделены трансграничные национальности. От переписчиков потребовали с особой тщательностью переписать те группы, основное население которых проживало за границей. Эти группы вначале стигматизировались, затем репрессировались. «В конце 30-х гг. причисление к той или иной национальности опиралось уже не на науку, оно стало важнейшей функцией полицейского государства, которое разработало многочисленные меры контроля, депортации людей, принадлежащих к определенным национальностям, считавшимися сталинским руководством в целом подозрительными» [там же: 634]. В результате советское гражданство стало бюрократической фикцией. «В настоящее время не ведётся ни одного крупного исследования на тему права советского гражданства, где рассматривались бы процессы приобретения и потери советской национальности» [там же: 638].

Л. Дробижева констатирует: вчера ещё гражданская идентичность понималась как верность советскому строю и государственному руководителю. Примерно ⅔ взрослого населения прошли социализацию в постсталинские времена, но их взгляды сохранили имперскую компоненту. Имперская идеология — это не столько представление о необходимости удержания периферийного пространства, но и идея государственной доминанты в жизни общества, служение государю, вождю и учителю и вообще первому лицу государства. Транслируется также советское представление о жизни в «кольце врагов», взгляд на человека как на винтик в политическом механизме [там же 608–614].

Е.А. Осокина на основе анализа концепции «повседневного сопротивления», которую разработал Джеймс Скотт для описания поведения крестьян[2], ввела понятие сопротивляемости как формы социального иммунитета. Это понятие помогает описать сопротивление не чужим оккупантам, а «своей» власти. В обществах типа СССР и нацистской Германии трудно провести границу между неповиновением, приспособлением и сотрудничеством с властью [там же: 387–406]. Но она необходима в аналитических целях.

Л. Виола пишет, что хотя партия публично провозглашала коллективизацию «социальным преобразованием», в действительности же она оказалась войной культур, гражданской войной между государством и крестьянством. Крестьянская поддержка коллективизации была ограничена незначительным меньшинством сельских жителей. В результате насилие стало главным механизмом внедрения государственной политики в условиях мощного крестьянского сопротивления» [Виола 2011: 103].

Государственное насилие и повседневность

В капитальном исследовании Карла Шлегеля зафиксирована асимметрия между осмыслением исторической катастрофы в СССР и осмыслением нацистских преступлений. Мир знает Дахау, Бухенвальд, Освенцим. И не знает, что такое Магадан, Воркута, Колыма. В отношении к жертвам советской диктатуры господствует безразличие. Оно культивируется движениями, которые ставят своей задачей рационализацию советского прошлого. Рационализация обычно отождествляется с модернизацией. Вследствие этого тоталитарное прошлое все ещё не выяснено. «Этот процесс ещё далёк от завершения, и он найдёт свой счастливый конец лишь в том случае, если Лубянка — символ безграничного презрения к человеку, символ власти убийц в центре Москвы — однажды, в не столь уж далёкий день будет превращена в музей и место поминовения» [Шлегель 2011: 7].

[2] Повседневное сопротивление — это реакция на подавление государством.

Для сопротивления асимметрии в изображении советского и нацистского прошлого, а также любым формам рационализации Шлегель разработал концепцию тотальной истории. Тотальная история — это сведение воедино надежды и насилия, мечты и террора: «Никогда я так явственно не чувствовал границ возможности поведать историю, как при попытке свести воедино диаметрально противоположные опыты террора и мечты. Но, может, все-таки стоит лишиться дара речи и онеметь, чтобы вообще начать эту работу?» [там же: 8]. Проследим основные тенденции превращения насилия в универсальное средство, пронизывающее все сферы жизни общества, подвергаемого модернизации.

Обычно считается, что насилие было направлено преимущественно против членов партийно-государственного аппарата. На деле Большой террор 1937 г. был направлен в первую очередь против простых людей, не входящих в партию, которых отбирали по социальным и этническим критериям и планомерно уничтожали.

В целях изображения этого феномена Шлегель использует ряд методологических средств, разработанных в других сферах гуманитарного знания — теорию хронотопа М. Бахтина, методы фланирования В. Беньямина, эстетику и технику монтажа С. Эйзенштейна и магический реализм М. Булгакова. Все эти средства применяются для описания истории одновременности. «Самое большое преимущество состоит в немом принуждении, которое осуществляет сама привязка событий к конкретному месту. История, соотнесённая с местом или пространством, всегда представляет собой признание одновременности неодновременного, сосуществования и совместного присутствия несовместимого. Место гарантирует комплексность. Стереоскопический взгляд направлен на обзор, более соответствующий разнородности мира, нежели напряжённый, сконцентрированный взгляд, словно устремленный сквозь тунель. Восприятие «с налёта» позволяет видеть отношения, ускользающие пусть и от специализированного, но все же частного наблюдения. Восприятие, чувствительное к пространству и месту, высвобождает отношения, остающиеся неизменными при концентрированном, выборочном рассмотрении. Именно такому времени, как 30-е годы, которые сами по себе представляют эпоху крайностей внутри эры крайностей, наиболее подобает идея тотальной истории, даже если эта идея никогда не была полностью выполнима. Основное усилие, которое должно инвестироваться в эту историю, последовательно расходуется в поиске пути и формы для совместного осмысления крайностей. Преодоление заключённых в этом трудностей оказалось гораздо более серьёной проблемой по сравнению с проблемой первоисточников. Не недостаток последних, а их огромное изобилие и неисчерпаемое богатство представляют собой серьёзнейший вызов» [там же: 11–12].

Шлегель рассматривает историю насилия в социальном контексте. История насилия сама по себе столь же ложна, сколь и изолированная история индустрии модернизации, киноиндустрии, развлечений. История советской повседневности происходила на фоне целенаправленных акций умерщвления. Все эти истории входят в понятие советского пространства совместного опыта и действия. Эффект такой географии пространства заключается не в смягчении и приглушении противоречий, а в их чёткой разработке.

Лучше всего выражает одновременность и взаимопроникновение насилия и мечты параллельность подготовки к выборам в Верховный Совет 12 декабря 1937 г. и массовой операции по аресту и умерщвлению сотен тысяч людей, начатой в августе 1937 г. Подготовка к «всеобщим, свободным, прямым и тайным выборам» и массовое убийство шли рука об руку. Проведение выборов подразумевало физическое исключение всех сил, которые могли стать опасными для монополии коммунистической партии на власть.

История событий, история повседневности, история умонастроений — все это лишь различные грани и расстановки акцентов. В обыденном сознании существует образ стабильности советской системы. На деле эта «система» была контролируемым хаосом, который

власть специально развязывала ради сохранения самой системы. С этой точки зрения «Власть» — это объединение людей, окопавшихся в нескольких укреплённых опорных пунктах, испытанных и закалённых в Гражданской войне, которые могут погибнуть в любой момент» [там же: 16].

Шлегель строит аналитическую матрицу, на которую надо осмысленно нанести политические события. Речь идёт об имперском времени и пространстве. Ее население было бесконечно далеко от власти и политики. Все твёрдые структуры были ликвидированы на протяжении глубинного переворота, длящегося два десятилетия, а передвижение сделало невозможной какую бы то ни было консолидацию. Для получения адекватного образа жизни в СССР надо изучать страх как конститутивный элемент истории, голод и всеобщее истощение людей, вокзалы, чёрные рынки, очереди, бараки, общежития, формы физического насилия. Именно в этом как раз и отражались основные моменты советской жизни. «До сих пор ужасает, — пишет Шлегель, — как мало мы знаем о более высоком и, прежде всего, среднем руководящем уровне того времени — сцена кажется просто-напросто очищенной от людей» [там же: 18].

«Магический реализм» М. Булгакова открывает пространство для возможностей описания, которые в значительной степени закрыты перед историческими науками: историю распада всего прочного, устоявшегося, пространство фантастического, вовсе не являющегося ирреальным или сюрреалистическим, а реально-фантастическим.

Главными объектами тотальной истории советской модернизации является множество феноменов и процессов, для знакомства с которыми надо целиком проштудировать книгу Шлегеля. Я здесь отмечу только ту часть, которая показалась мне самой интересной.

В 1920–30 годы Москва была полигоном модернизации, огромной стройплощадкой — сталинским генеральным планом в действии. На первый взгляд, эти действия власти были направлены на решение бытовых проблем и потому на благо людей. «При более внимательном взгляде перестройка представляется отчаянной попыткой при помощи всех средств, которые мастер-план предоставляет неограниченной власти — государственных финансов, ноу-хау планировщиков, инженеров, архитекторов, — противиться элементарному стихийному росту города, обрести твёрдую почву под ногами и найти опору в движении, которое никто не мог контролировать» [там же: 62].

Власть сама спровоцировала рост города. Возник город вне города Генерального плана, на краю города, целиком и полностью состоявший из деревенских иммигрантов. Эти люди держали кроликов, кур, свиней или коров для самообеспечения или на продажу, что хотя и не разрешалось, но было незаменимо для снабжения населения продуктами. За кулисами модернизации Москвы воспроизводилась деревня с сельским образом жизни. Хотя власть стремилась отгородиться от процессов, которые протекали в селе.

Рос наплыв новых горожан. Поэтому Генеральный план реконструкции столицы был не столько грандиозным видением всемогущего государства, приказывающего и планирующего по собственной воле. Сколько чрезвычайным проектом, вызванным безусловной волей к самоутверждению в стране, в которой все пришло в движение. Генеральный план реконструкции Москвы — это акт самоутверждения городской власти против стихийной силы «общества наносного песка» (определение М. Левина).

Такая ситуация создавала ожесточённую борьбу за выживание. Гиперурбанизация ничего кардинальным образом не изменила. Но сделала безграничной и безжалостной всеобщую ненависть, которая через рупоры радио пробивала себе дорогу над площадями города. Общество потеряло опору, структуру и сплочённость. Оно было крайне хрупким, ему угрожал распад, хотя оно нуждалось в сплочённости. Население столицы — это миллионы людей, вытолкнутых из своей жизненной колеи и нигде больше не чувствовавшие себя своими. «Все

было в принципе готово к тихой гражданской войне, к борьбе всех против всех, почти за каждым индивидом скрывалось давление отчаянной борьбы за выживание… С этими людскими потоками в большой город пришло увеличенное в миллионы раз знание, накопленное в борьбе за выживание. Там оно и хранилось в скрытом состоянии» [там же: 68].

Но люди исчезали. Для анализа процессов исчезновения людей Шлегель анализирует адресную книгу Москвы за 1936 г. Адресные книги являются документом своего времени, изображением статус-кво. Они входят в состав топографии власти. В адресной книге было отражено многообразие общественных, полугосударственных структур и объединений. На этой основе можно не только получить представление о том, какой богатой была жизнь горожан, но и о том, какое насилие было пущено в ход, чтобы подчинить, нивелировать и унифицировать это общество. Именно в Москве произошла унификация книжного искусства: сотни журналов и газет стали повиноваться единым языковым нормативам, репертуары театров приведены в соответствие с указаниями свыше, библиотеки и книжные магазины стали вычищаться от книг, не соответствующих «духу времени». То же самое относится к музеям, сотням школ и тысячам учащихся, которые почувствовали себя обязанными следовать новому канону. Иначе говоря, насилие было использовано для тотальной бюрократизации общества.

Документы тайной полиции пока не опубликованы. На деле все происходило прозаически. Сотрудник НКВД ходил по домоуправлениям Москвы, выписывал из домовых книг всех лиц с иностранными фамилиями, сдавал их в особый отдел, который выписывал справки на арест.

Главной причиной создания врагов Шлегель считает революции — времена «необузданной мысли» и «своенравия». Вокруг Российской коммунистической партии собралось немало индивидов, сохранивших свободу мысли. Однако двурушничество, смесь приспособленчества и своенравия, оппортунизм повседневности не было оригинальной позицией и не ограничивалось политической сектой. Двурушничество было душевным состоянием, образом жизни внутри партии, в ее ближайшем окружении и повсюду, где обычные граждане сталкивались с далёкой и слепой по отношению к реальной жизни властью. «Двоемыслие было в эпоху перелома не эксцентрической и маргинальной точкой зрения, а позицией мэйнстрима, которая пыталась расположить на одной линии своенравие и компромисс» [там же 97–98].

Шлегель дает оригинальную трактовку генезиса советского патриотизма. Час рождения советского патриотизма пробил задолго до начала Великой Отечественной войны. Важнейший материал для его формирования — не имперская ностальгия, а «самоутверждение страны, ввергнутой в процесс модернизации среди мира, потрясаемого военными осложнениями и агрессией» [там же: 130]. Из Первой мировой и Гражданской войн вышла новая нация. Ее прочно связал могущественный и дисциплинирующий страх перед возвращением в «смутное время». Не будь военной динамики и опасности войны, сталинскому руководству следовало бы их выдумать. Реализованной выдумкой стала ситуация в Испании. На основе анализа гражданской войны в Испании Шлегель показывает экстерриториальность НКВД, которое утверждало, что войну против Франко можно выиграть только в том случае, если сначала будет покончено с «внутренними врагами» — анархистами, троцкистами, синдикалистами. «Внутренних врагов» уничтожили, а Франко победил.

Отсюда вытекает парадокс: власть, во всех и каждом видела действия вражеских агентов; но когда вермахт развернулся на государственных границах, была слепа на грани предательства в распознавании врага. Народ раньше власти увидел реального врага, а не измышления на эту тему, которые были необходимы правящей клике для сохранения власти. «Без учёта страха перед началом новой войны и без эскалации этого страха бессовестной властью, невозможно понять, откуда взялись демоны насилия внутри советского общества» [там же: 130–131].

В 1937 г. была проведена перепись населения. Но ее результаты были скрыты, а организаторы уничтожены. Перепись отразила демографическую катастрофу, которая произошла в результате коллективизации и вызванного ею голода. Общество было крайне неоднородным, анархическим, своенравным. Советское руководство разрушило аналитическую матрицу, на которой обозначались контуры страны и ее населения. Тем самым оно лишилось инструмента для интерпретации происходящего. В результате исчезла способность к общественному самоанализу. Ослеплённому руководству оставалось только паническое упреждение событий посредством насилия [там же: 140–157].

В период травли Промпартии геолог Василий Орлов повесился в 1931 г. в Ростовской тюрьме, не выдержав пыток [там же: 214]. В 1935–38 гг. прошла волна самоубийств советских руководителей. На основе анализа этих смертей Шлегель анализирует тему самоубийство как оружие. По отношению к самоубийству в большевистской партии существовала генеральная линия: восходящая к Просвещению позиция, согласно которой люди могли сами принимать решение о своей судьбе, в том числе жизни. Такой подход практиковался в русском радикализме конца XIX — начала XX в. (особенно после поражения революции 1905 г.). Но в целом самоубийство отвергалось, хотя оно встречалось в марксистской традиции как акт отчаяния индивидов, не устоявших под давлением классовой борьбы.

Новая партия возникла в ходе двойного процесса: высвобождение недовольства, критики, массового движения; уничтожении остатков старой партийной элиты. «Именно благодаря связи террора снизу с террором сверху руководящая группа вокруг Сталина и утвердила свою власть» [там же: 248].

Физкультурник и физкультурница стали иконами нового времени. «Спартак» — «Динамо» были клубами армии и НКВД. Стадионы были единственное место, где можно было безнаказанно кричать «Бей энкаведешников!» — ведь речь шла о спортивной команде, а не о политическом боевом кличе.

Модернизация была одновременно средством усиления террора. Радио способствовало созданию большого советского эмоционального сообщества. Благодаря ему коллективы (заводские собрания, демонстрации, парады) превратились в сообщества воли, готовые к уничтожению. Возник опыт, согласно которому ни одна точка в мире не даёт больше возможности спастись бегством от политического и идеологического насилия.

На основе анализа подготовки и проведения XVII международного геологического конгресса в Москве и лагерей для строительства каналов Шлегель заключает: «Возникла *гармония науки и террора*, специалистов и принудительного труда, превращение знания об использовании природных богатств в знание об угнетении человека» [там же: 342].

Самолёт как икона прогресса и современности был лучшим способом пропаганды советских стремлений к модернизации. Лётчики стали для целого поколения идеалом, образцом советского человека. Советский строй представлял собой разработанный искусственный продукт. В то время сформировался термин «большевистская романтика». Он выражает сочетание невозможности все рассчитать до конца, личного мужества, случая и везения. «Полярная экспедиция, сопряжённая со смертельными опасностями, превращается в символическое средоточие свободы в стране, где сама свобода упразднена» [там же: 376–391].

Шлегель анализирует также мир советской рекламы как элемент модернизации. Особенно показательна глава «Москва как витрина: богатство мира, товарный голод и головокружение от голода». В ней рассматривается официальный путеводитель по Москве 1937 г. Он вышел в издательстве иностранных рабочих для гостей из-за границы и пропагандировал идею: Москва — это рай изобилия. То же самое публиковалось в газетах — от «Правды» до «Вечерней Москвы» целые полосы были заполнены рекламой. То была «реклама товаров и услуг страны, только что пережившей самый ужасный в своей истории голод, и города, где в

начале 1937 г. сотни тысяч, а то и миллионы людей изо дня в день были заняты обеспечением самого элементарного пропитания» [там же: 397]. Изучение советской рекламы включает важные темы: общее и советское соотношение ограниченности и роскоши; реклама и декорация: объекты страстного желания и их инсценировка; головокружение от голода.

Весь мир советской рекламы — тотальная ложь. Урожай 1936 г. был низким. Большая часть жизненной энергии тратилась на приобретение самого обычного продовольствия. Большая часть людей валилась с ног от усталости и утомления. В таких условиях места, находящиеся поблизости от тех инстанций, где принималось решение о доступе к хронически крайне скудным товарам, были с точки зрения статуса гораздо важнее, чем все остальные: «Властная позиция имела решающее значение для обеспечения доступа к крайне скудным ресурсам. Вокруг товаров и услуг разворачивалась ожесточённая и непримиримая борьба… Энергия ненависти 1937 г. буквально струилась из пор населения, почти лишённого рассудка и самообладания» [там же: 402–403].

Весь народ хотел справиться с трудностями. И потому был вынужден воспользоваться обменом и перепродажей, превратившись в коллективного спекулянта. Советская власть была бессильной против чёрного рынка как органа экономической рациональности и против спекулянта как агента чуждой экономики.

Очереди стали повседневностью и породили феномен *интеллигентности очередей*. Интеллигенция формировалась в очередях. Она провоцировала игру в кошки-мышки между милицией и населением — раствориться при появлении милиции и снова собраться при ее исчезновении. В повседневной борьбе за выживание возникал особый психологический настрой гражданина как потребителя. Этот настрой предшествовал всей «политике».

Возникло полное истощение населения, которое без остатка израсходовало свои силы в преодолении проблем повседневности. Именно на основе истощения возможно понять *систему господства*, сложившуюся в 30-е гг. Недостаток элементарных товаров, упразднение всех благ цивилизации и привычек нормальной жизни давили на жизнь людей не меньше, чем репрессия. «Тем же, кто выбирался из худшего состояния, — пишет Шлегель, — натюрморты из шампанского и икры нравились не только как картины счастливого будущего, но уже и как задаток в настоящем. Ограниченность и нужда — столь же важные конституирующие признаки времени, как и ненависть, зависть и изнеможение. Истории 1937 года должна рассказывать и об истории физического и духовного истощения, а также о границах того, что может произойти с людьми по эту сторону террористической власти — в результате расшатывания привычного мира повседневности. Не только индивиды, но и целые общества могут быть «унифицированы». А без такой «унификации общества» общества нет и 37 года» [там же: 404].

В то же время правительство рекламировало круизы по Волге и отпуск на Красной Ривьере в надежде, что в СССР возникнет всемирный центр туризма: интерес к строительству нового общества привлечёт потоки туристов со всего мира.

Москва превратились в синтез ковчега, спасающего жизнь коминтерновцам, с тюрьмой, из которой нет выхода. Они приехали в страну, где столкновение мнений и направлений давно подавлялось, а каждая самостоятельная точка зрения каралась как проявление оппозиционности. Поэтому коминтерновцы стали тотальными доносчиками, создавая призрак всемирного заговора.

Специфика советского города переплетена с генезисом советских трудовых коллективов. На примере рабочих автозавода имени Сталина Шлегель анализирует две стороны одного процесса: типичную для иммигрантов парализацию любой солидарности; их превращение в однородную массу, идентифицировавшую себя со своим трудом, предприятием, индустриализацией и формировавшую «патриотизм завода». То же самое относится к «шанхаям» — го-

родам на периферии, месте проживания иммигрантов. Бегство из деревни стало для многих единственным способом выживания в условиях голода и депортаций. Они брали на себя самую грязную, опасную и низкооплачиваемую работу. Фабрики, заводы и пролетарские районы превратились в шлюзовую камеру между деревней и городом, XIX и XX веком.

Пролетарские районы стали местом социальной мимикрии миллионов и готовности приспособиться в условиях чрезвычайного положения, ибо все зависело от возможности найти путь в новое советское общество. Пути назад были отрезаны, оставалось только бегство в новую идентичность. Развитие и формирование рабочего класса с собственной идентичностью имело решающее значение для стабильности страны и режима. Заводы и другие места компактного проживания рабочих были социальными пространствами, «…где иммигранты оказывались предоставлены самим себе и собственной судьбе, территории, где отсутствовало «государство», где чёрный рынок, проституция и насилие представляли собой повседневный опыт, и куда не осмеливалась войти милиция» [там же: 520].

Город был воспитателем «общества наносного песка», абсентеизм — основным явлением повседневности на предприятии. Советские заводы и фабрики были очагами дезорганизации, хаоса, анархии, настоящими ведьмиными котлами дискуссий, критики и постоянного доносительства. Рабочие надеялись, что сумеют очернить и уничтожить ненавистных начальников.

Насилие 30-х годов обладает акустическим образом. Независимо от желания граждан власть через громкоговорители получила доступ к их уху. Такую акустику создавали Л. Утёсов с джазом, И. Дунаевский с массовой песней и Шостакович симфонической музыкой. Сегодня в соответствии с этими образами воспроизводится так называемое «советское прошлое» — т. е. социокультурные комплексы, созданные властью. Москва стала машиной по «штамповке» образов.

Все эти изменения отразились на фотографиях советских людей. «Вырванные из жизни, люди превращались в приложение к полицейским актам» [там же: 546]. Черты их лиц свойственны всем народам Советского Союза и представителям всех профессий. «Эта галерея иллюстраций — не только документ тотальной власти и произвола полицейского государства, его способности к насилию и воли к уничтожению. В секундную вспышку магния фотоаппарат фиксирует также и лицо страны, обречённой на гибель» [там же: 547].

Главными жертвами в количественном отношении были рядовые члены партии и простые люди, вообще не принадлежавшие ни к одной партии — ни к правящей, ни к контрреволюционной. На одном лишь «Электрозаводе» было репрессировано 1000 человек. Параллельно со всеми действиями по модернизации страны работала гигантская машина уничтожения. Для изучения ее результатов в единстве с карательной деятельностью органов НКВД Шлегель вводит понятие социологии братской могилы. В состав такой социологии должно войти изучение всех мест массовых захоронений советских граждан (по примеру Катыни). Шлегель проанализировал состав останков казнённых в 1937 г. и захороненных на Бутовском полигоне. Оказалось, что там лежат люди, не имевшие ничего общего с политикой и номенклатурой. Самую большую группу убитых составляют рабочие, служащие, крестьяне (примерно две трети жертв). Затем идут по убыванию следующие группы: православное духовенство и представители других религиозных общин; национальные группы (поляки, латыши, немцы); представители старой элиты и небольшевистских партий и группировок; заключённые строители канала Москва-Волга; группа «асоциальных» и инвалидов, уничтоженных, чтобы освободить места в тюрьмах. Цифры ясно свидетельствуют: большинство жертв советской власти и авторитарной модернизации происходило не из рядов «старой гвардии», не из политического истеблишмента, а из массы простого населения [там же: 600].

В заключение Шлегель констатирует, что за катастрофой 1937 г. по прошествии всего лишь трех лет последовала ещё большая: «За историей, рассказанной здесь, должна была бы последовать другая, посвящённая грядущей войне, едва не наступившей гибели страны и ее спасению, когда одна трагедия исчезает в тени другой, ещё большей» [там же: 613]. Иначе говоря, война стала занавесом, который закрывает деятельность государственной власти.

Выводы

Для понимания проблемы государственного насилия как элемента модернизации надо учитывать, что в общественном сознании слабо представлена память о преступлении государства. Память о войне как трагедии подменена памятью о победе. В итоге память о государственном насилии оказалась на периферии массового сознания. Политическая бюрократия утверждает заведомую правоту государственной власти. До сих пор основная масса населения России считает, что власть способна высказывать авторитетное мнение, которое приобретает характер объективной реальности. Отношение к сталинскому мифу — индикатор степени модернизированности российского общества. В советское время партия, армия и спецслужбы стали новым эксплуататором. Советское государство не имеет отношения ни к модернизации, ни к марксовому социализму и коммунизму. В репрессивных органах сложилась особая полицейская точка зрения на факты и события социальной действительности, которая способствовала выдвижению полиции на роль ключевого агента социального бытия. Категории науки в 1930-е гг. многое переняли у административных и полицейских организаций. Социальные науки превратились в «легавый марксизм» (А. Зиновьев). Обнаружение национальных различий — это знание на службе государства. Во взглядах ⅔ населения современной России сохранилась имперская компонента. Поэтому требуется разработка и внедрение различных концептуальных и организационных форм социального иммунитета и сопротивления существующей власти. В постимперских обществах и государствах требуется также учитывать различие между неповиновением, приспособлением и коллаборационизмом.

Существует асимметрия между осмыслением исторической катастрофы в СССР и осмыслением нацистских преступлений. Для ее преодоления надо отвергнуть любые способы рационализации советского прошлого и его отождествления с модернизацией на уровне страны и региона. Концепция тотальной истории позволяет рассматривать насилие как универсальное средство, пронизывающее все сферы общества, подвергаемого модернизации. Политическая география сталинизма может базироваться на разработке всех противоречий социальной жизни. Лучше всего выражает взаимопроникновение насилия и мечты параллельность электоральных процессов и массовых репрессий. Надо изучить, как влияет на электоральное поведение современных россиян одновременность подготовки выборов и проведение массовых акций по уничтожению. Советская система была контролируемым хаосом, который власть развязывала ради сохранения самой системы. Для адекватного представления о советской модернизации надо изучать страх, голод, всеобщее истощение людей, вокзалы, чёрные рынки, очереди, бараки, общежития, формы физического насилия. Именно в этом отражались основные моменты советской жизни. Особенно важно описание среднего уровня советской власти, подписывающего приказы на уничтожение в каждом областном городе (тройки).

Модернизация — это история распада всего прочного, устоявшегося. Власть осуществляла модернизацию ради обеспечения собственной полной бесконтрольности. Все планы власти были чрезвычайными проектами. Такая ситуация создавала ожесточённую борьбу за выживание. Модернизация — это тихая гражданская война, многократно усиленная абстракция первобытного состояния войны всех против всех.

Власть насильственно создала такую ситуацию, а затем использовала насилие для тотальной бюрократизации общества. Результатом стал универсальный оппортунизм. Советский патриотизм не связан с революцией и советско-германской войной, а со всеми свойствами советской модернизации. В СССР возникла гармония науки и террора, специалистов и принудительного труда, превращение знания об использовании природных богатств в знание об угнетении человека. Авиация и реклама как элемент модернизации были тотальной ложью. Надо исходить из полного истощения населения при преодолении проблем повседневности. На основе такого истощения можно понять систему советского господства как элемент модернизации, которая породила унификацию общества.

Советский город переплетён с генезисом советских трудовых коллективов и пролетарских районов. Они стали местом социальной мимикрии миллионов и готовности приспособиться в условиях чрезвычайного положения. Советские заводы и фабрики были очагами дезорганизации, хаоса, анархии, дискуссий, критики и доносительства. С помощью радио власть получила доступ к уху граждан, независимо от их желания. Акустический образ насилия создавали Л. Утёсов со своим джазом, И. Дунаевский с массовой песней и Д. Шостакович симфонической музыкой. Сегодня в соответствии с этими образами воспроизводится так называемое «советское прошлое» — т. е. социокультурные комплексы, созданные властью. Действительно, столица стала машиной по штамповке образов.

Параллельно с модернизацией страны работала машина уничтожения. Поэтому советскую модернизацию надо изучать в единстве с карательной деятельностью органов НКВД, и разрабатывать социологию братской могилы. Идея трагичности позволяет сделать человеческие потери модернизации важным аспектом социального анализа. Поэтому возникает проблема использования методологии учёта военных потерь при анализе модернизации как социальной войны государства с населением.

Стало быть, память о государственном насилии в прошлом и формах его проявления в настоящем надо сделать исходным пунктом анализа всех социальных проблем. Региональная история и другие социальные науки могут быть следствием применения этих посылок.

Адлер Н. 2011. Особенности исследовательской работы над биографиями жертв сталинизма. — *История сталинизма: итоги и проблемы изучения. Материалы международной научной конференции. Москва, 5–7 декабря 2008 г*. — М.: РОССПЭН; Фонд «Президентский центр Б.Н. Ельцина». — С. 672–679.

Блюм А. 2011. Администраторы, научные элиты и отношения с властью. — *История сталинизма: итоги и проблемы изучения. Материалы международной научной конференции. Москва, 5–7 декабря 2008 г.* — М.: РОССПЭН; Фонд «Президентский центр Б.Н. Ельцина». — С. 78–92.

Гудков Л.Д. 2011. Российский миф о Сталине. — *История сталинизма: итоги и проблемы изучения. Материалы международной научной конференции. Москва, 5–7 декабря 2008 г*. — М.: РОССПЭН; Фонд «Президентский центр Б.Н. Ельцина». — С. 680–696.

Дробижева Л. 2011. Сталинское наследие национальной политики в массовом сознании современных россиян. — *История сталинизма: итоги и проблемы изучения. Материалы международной научной конференции. Москва, 5–7 декабря 2008 г*. — М.: РОССПЭН; Фонд «Президентский центр Б.Н. Ельцина». — С. 608–614.

Зубок В.М. 2011. *Неудавшаяся империя: Советский Союз в холодной войне от Сталина до Горбачева*. — М.: РОССПЭН.

Илизаров Б.С. 2011. Утопизм, новаторство и архаика в сталинском имперском строительстве (о социальном конструктивизме). — *История сталинизма: итоги и проблемы изучения. Материалы международной научной конференции. Москва, 5–7 декабря 2008 г*. — М.: РОССПЭН; Фонд «Президентский центр Б.Н. Ельцина». — С. 615–631.

История сталинизма… 2011. *История сталинизма: итоги и проблемы изучения. Материалы международной научной конференции. Москва, 5–7 декабря 2008 г*. — М.: РОССПЭН; Фонд «Президентский центр Б.Н. Ельцина».

Кадио Ж. 2011. От списка групп к индивидам: этническая идентификация в Российской империи при Сталине. — *История сталинизма: итоги и проблемы изучения. Материалы международной научной конференции. Москва, 5–7 декабря 2008 г*. — М.: РОССПЭН; Фонд «Президентский центр Б.Н. Ельцина». — С. 632–639.

Кондратьева Т.С. 2011. *Кормить и править: о власти в России XVI–XX века*. — М.: РОССПЭН.

Макаренко В.П. 1998. *Русская власть: теоретико-социологические проблемы*. — Ростов-на-Дону: Изд. СКНЦ ВШ.

Макаренко В.П. 2001. *Цикл работ 1985–2000 гг. по фундаментальным проблемам политической науки*. — Доступно: http://lib.sibnet.ru/book/2544. — Проверено: 03.04.2014.

Милов Л.В. 1998. *Великорусский пахарь и особенности российского исторического процесса*. — М.: РОССПЭН.

Неретина С. 2012. Были ли контрреволюционеры революционерами? — *Политическая концептология: журнал метадисциплинарных исследований*. — № 2. — Доступно: http://politconcept.sfedu.ru/2012.2/10.pdf. — Проверено: 03.04.2014.

Олейник А.Н. 2011. *Власть и рынок: система социально-экономического господства в России «нулевых» годов*. — М.: РОССПЭН.

Осокина Е.А. 2011. О социальном иммунитете, или критический взгляд на концепцию пассивного (повседневного) сопротивления. — *История сталинизма: итоги и проблемы изучения. Материалы международной научной конференции. Москва, 5–7 декабря 2008 г*. — М.: РОССПЭН; Фонд «Президентский центр Б.Н. Ельцина». — С. 387–406.

Пивоваров Ю.С. 2006. *Русская политическая традиция и современность*. — М.: ИНИОН РАН.

Рогинский А. 2011. Память о сталинизме. — *История сталинизма: итоги и проблемы изучения. Материалы международной научной конференции. Москва, 5–7 декабря 2008 г*. — М.: РОССПЭН; Фонд «Президентский центр Б.Н. Ельцина». — С. 21–27.

Соколов Н. 2011. Реабилитация сталинизма в российских школьных учебниках. — *История сталинизма: итоги и проблемы изучения. Материалы международной научной конференции. Москва, 5–7 декабря 2008 г*. — М.: РОССПЭН; Фонд «Президентский центр Б.Н. Ельцина». — С. 735–737.

Шлегель К. 2011. *Террор и мечта. Москва, 1937*. — М.: РОССПЭН.

Злоба дня: вчера, сегодня, завтра

УЧЁНЫМ СКАЗАЛИ ПРЯМО: «ВЫ НЕ НУЖНЫ»

Ю.М. Батурин
Институт естествознания и техники РАН

Аннотация: *Статья посвящена проблеме взаимоотношений науки и власти. На примере кризиса лета-осени 2013 года, связанного с реформированием РАН, показаны закономерности во взаимоотношениях государственных органов, политических деятелей и представителей научной среды в России. В контексте вопроса о финансировании науки властью проблематизируется статус учёного в качестве имущества. Как отмечает автор, с момента вступления закона о реформе РАН в силу 28 сентября 2013 года, Академия оказывается в новой реальности.*

Ключевые слова: *наука, власть, реформа РАН, научный институт, реформа образования.*

Как мастерили реформу РАН — и что получилось в результате

В драме, свидетелями (а многие — и участниками) которой все мы были в течение трех месяцев — с июня по сентябрь, — несколько главных действующих лиц. Представим их читателю и будем называть в тексте по имени, то есть с заглавной буквы.

Власть и Наука — так обобщенно именуются составные персонажи драмы, включающие в себя, с одной стороны, и государственные органы, и политических деятелей, а с другой — руководство Российской академии наук, научные институты РАН и их сотрудников.

Осень. Дожди. Слякоть

За летом следует осень. Это закономерность, которую не стоит игнорировать. Осенью мокро, идут дожди, в России слякоть, промокает обувь, хочется в тёплые края, где солнышко…

Свои закономерности есть и во взаимоотношениях Науки и Власти в любой стране и в разные времена. Именно они, а не чья-то месть или амбиции стали причиной того, что произошло. Личные мотивы могли стать лишь спусковым воздействием, повлиявшим на момент начала реформы. Суть в другом. Произошедшее — следствие совпадения во времени действия фундаментальных закономерностей, вызвавших резонанс, выстроившихся в ряд, образовавших своего рода «парад планет».

Закономерность 1. Власть, когда отдаёт команду, приказ, ожидает только подчинения. Такова природа Власти. Учёные в этом отношении неизменно вызывали и вызывают подозрения у Власти. Причина в том, что, приверженные академическим свободам, учёные истину

ставят выше идеологических и политических утверждений, задаваемых обществу как аксиомы, учёные пытаются их либо доказать, либо опровергнуть — такова природа Науки. То есть учёные не следуют правилу «приказы не обсуждаются». В начале 1920-х годов вице-президент Академии наук В.А. Стеклов писал: «…Свободный ум точного исследователя и мыслителя никаким заранее определенным и всегда неподвижным лозунгам никакой партии никогда подчиниться не может. Не было, нет и не будет такой силы, которая заставила бы его подчиниться этому требованию».

Закономерность 2. Из всех видов управления для Власти наиболее близко, а потому чаще всего применяется командное управление, с помощью которого она добивается подчинения. (Из совсекретной записки комиссии по наблюдению за работой Академии наук СССР в Политбюро ЦК ВКП(б) 16 января 1928 года: «Формального способа заставить Академию наук избрать желательные нам кандидатуры не имеется. Остаются пути всяческого воздействия на Академию — личное давление через верхушку Академии; общественное давление через печать; административное давление через ОГПУ как крайнее средство»).

Наука же, будучи, с точки зрения Власти, всего лишь ее полезным ресурсом, добивается от Власти своих целей (в первую очередь финансирования научных исследований), предпочитая рефлексивные трансформации, корректировки целеполагания Власти, подразумевающие необходимость и возможность поставить себя на место партнёра, представить его будущие действия и делать свои шаги, исходя из этого знания. Как в дипломатических переговорах. Наука рефлексивным образом переводит высокие интересы поиска истины на понятный Власти язык утилитарных интересов государства. Власти, конечно, тоже нельзя отказать в рефлексии, однако ранг рефлексии Власти заведомо ниже ранга рефлексии Науки в силу особой природы Власти, обладающей практически безграничными силовыми ресурсами, а потому не ощущающей необходимости вырабатывать у себя рефлексию высокого ранга («Сила есть — ума не надо»).

Закономерность 3. В кибернетике есть закон необходимого разнообразия, который гласит: для эффективного управления какой-либо системой управляющий орган должен быть сложнее, разнообразнее, умнее, если хотите. Этот закон справедлив и в других областях нашей жизни. Он многое объясняет и в ситуации с реформированием РАН. Уже бывало в истории, что правительство, как в 1959 году, упрекало Академию в том, что она стала слишком сложной, «плохо управляемой», выдвигало планы упрощения, «серьёзной разгрузки Академии».

Закономерность 4. Невнимание к фундаментальным наукам проявлялось не раз в истории и тоже оказывается стойкой закономерностью. Иногда такое пренебрежение было вызвано искренним непониманием, какой такой заумью занимаются учёные чудаки. Иногда, например, сегодня — высшим приоритетом «быстрых денег», когда все, что не приносит немедленной прибыли, — дело пустое и финансирования не заслуживает. Редко, когда государственные деятели улавливали связь между занятиями учёных чудаков и мощью, политическим авторитетом государства.

Президент Академии наук Дмитрий Николаевич Блудов в похожей ситуации напоминал в 1857 году: «…неможно наперед сказать, что такое-то открытие в области чисто умозрительной не приведет со временем и к практическим приложениям. Если допустить такой тесный взгляд на достоинство науки… то скоро понизится умственный уровень страны с большим ущербом для самого политического ее значения».

Три первые закономерности обязывают нас поговорить о политических мотивах реформы.

Итак, природа Власти — в способности добиваться от других подчинения. Применительно к Науке — поведения учёных, соответствующего воле Власти. Может ли возникнуть

обратная ситуация, когда Наука добивается от Власти поведения, которого Власть в иных условиях не придерживалась бы? Об этом мечтал философ Огюст Конт. В его утопии Наука становилась Властью. Утопичность такой модели легко объяснима тем, что сущность Власти — быть самоцелью, смысл Власти — господство, но не подчинение, и если Наука становится Властью, она теряет свою сущность (также быть самоцелью) и меняет свой смысл.

Но для Власти невозможность осуществления идеи Конта неочевидна, поскольку из-за невысокого ранга собственной рефлексии она завышает ранг рефлексии Науки, в ее представлении имеющий опасность для Власти. Когда разрыв в рангах рефлексии Власти и Науки и их представлениях о рангах рефлексии (своего и другого) становится выше некоторого предела, возникают кризисы в отношениях Власти и Науки.

Научной мысли невозможно предписать ни пути поиска истины, ни выводы. Разум совершает путешествие, которому Власть не может установить пределов. Это непонятное ограничение тревожит Власть. Отсюда — безотчётный страх, боязнь рефлексивного персонажа, видящего картину с более высокого уровня, а значит, умеющего предвидеть. В качестве противодействия такому опасному субъекту Власть время от времени принимает иррациональные решения.

Закономерности бытования Власти и закономерности развития Науки даже при партнерских отношениях неизбежно выводили и будут выводить на непримиримые противоречия. В такие периоды в их отношениях возникает кризис.

Кризис лета-осени 2013 года, вызванный решением Власти силовым (с нулевым рангом рефлексии) способом реформировать РАН, объясняется разными причинами, в том числе и завышением Академией ранга рефлексии Власти, с одной стороны, и представлениями Власти о том, почему рефлексивная структура Науки не встраивается в командную «вертикаль», — с другой.

«Выгода движет миром»

Четвёртая закономерность выводит нас на экономический мотив. Отношения Власти и Науки, финансируемой Властью, всегда осложнялись и будут осложняться утилитарным подходом Власти к Науке, постоянными сомнениями Власти в прибыльности Науки. Лишь диверсификация источников финансирования, привлечения бизнеса и промышленности могут смягчить эти жёсткие отношения. Однако в стране, в которой произошла деиндустриализация, почти не осталось промышленности, которая могла бы востребовать научные открытия. Между тем ответственность за это почему-то возлагают на Академию наук — коль скоро вы не востребованы, вы не нужны.

Любые отношения, осложнённые Выгодой, которая, как сказано в одной из хроник Шекспира, — «уклон к подлости», особенно в наше время всплеска стяжательства, быстро становятся предельно жёсткими. «Выгода движет миром», — говорит один из героев Шекспира. В чем выгода, получаемая от реформы?

По экспертным оценкам, стоимость недвижимости РАН и других академий составляет триллионы рублей, 15 млн кв. м производственных площадей, сотни тысяч гектаров земли. Адресная книга, перечисляющая расположение академических институтов, читается как увлекательный роман из жизни старой Москвы, где действие развивается вблизи Кремля: улицы Арбат, Остоженка, Пречистенка. Институт Африки РАН на Спиридоновке, Институт русского языка им. В.В. Виноградова на Волхонке, Институт мировой литературы им. А.М. Горького на Поварской, Институт государства и права и Библиотека по естественным наукам на Знаменке, Институт языкознания РАН в Большом Кисловском переулке, Институт машиноведения им. А.А. Благонравова в Малом Харитоньевском, Институт проблем переда-

чи информации им. А.А. Харкевича в Большом Каретном, Институт востоковедения на Рождественке, Геологический институт в Пыжовском переулке. Здания институтов РАН, расположенных в Западном и Юго-Западном административных округах, особенно на Ленинском и Нахимовском проспектах, на улицах Обручева, Вавилова, Усиевича, Гарибальди, также будут пользоваться повышенным спросом со стороны покупателей. То же можно сказать об институтах и учреждениях РАН в Санкт-Петербурге, в Московской области. И это только часть зданий РАН, все они имеют уникальное расположение, как и здание Президиума РАН в бывшем Александринском дворце на территории Нескучного сада в Москве. Поэтому судьба этих учреждений предрешена — институты будут признаны неэффективными, а их здания будут проданы и станут частными особняками и апартаментами класса de luxe.

Вот откуда появляются быстрые деньги, способные хоть немного поддержать расползающийся государственный бюджет.

«О необходимости оглушения»

Реформа РАН проводилась в рамках перечисленных общих закономерностей с учётом российских обыкновений. Лучшие пособия по отечественным государственным манерам написал Михаил Евграфович Салтыков-Щедрин. «Что такое реформа? Реформа есть такое действие, которое человеческим страстям сообщает новый полет… Прежде всего надо ослабить силу страстей… Удобнее всего это достигается посредством так называемого оглушения».

Способ оглушения был выбран весьма изысканно. Кампания против Академии наук была проведена грамотно, хотя и грязно и не без помарок.

Попытались подкупить. Не вышло.

Попытались противопоставить молодёжь академикам. Не получилось.

Попытались провести закон мгновенно в трех чтениях. Не решились, учитывая масштаб протестов.

Имитировали переговоры по академическим поправкам.

Заказывали и лили потоки лжи на Академию.

В результате все сделали, почти как задумали.

Важно заметить, что реформа науки является частью более общего процесса, включающего реформу образования, реформу здравоохранения и т.д. Так все и идёт, по Щедрину: «Выпустил реформу — довольно, ставь точку; потом, спустя время, опять выпустил реформу и опять точку ставь. И так далее, до тех пор, пока не исполнятся неисповедимые божии пути».

Модель профессора Доуэля

Говорят, правильное управление имуществом — вот ключ к эффективности научных исследований.

Петр Леонидович Капица вспоминал, как создавался Институт физических проблем Академии наук: «Первым вопросом был вопрос места. Это чрезвычайно важный вопрос. Большинство физических измерений производится, как известно, очень чувствительными приборами, поэтому надо было удалить институт от источников всяких мешающих влияний. Этих мешающих влияний в городах достаточно много: сотрясение от уличного движения, индукционные токи от трамвайных линий и от расположенных поблизости радиостанций и т.п. При проектировании института был принят следующий план. Рабочая лабораторная часть здания, в которой будут производиться опыты, вся расположена в первом этаже… Второй этаж здания предназначается только для административных и хозяйственных целей».

Скажите, какое агентство сегодня способно на такое отношение к делу? Чиновник даже не выйдет из-за стола, а дело решат деньги.

Идеология проводимой реформы свелась к разделению существа познания на «мысль» и «инструмент». Пусть учёный занимается наукой, а мы обеспечим ему нужный инструмент, — говорят они. Но «инструмент» — это не только помещения, лаборатории, приборы, это и люди, у которых тоже есть мысли, это научная среда, которая обеспечивает скрупулезную проверку новых идей в научных дискуссиях. А с людьми обошлись как с имуществом. Собственно, в этом и было главное возражение Академии: нельзя доверять управление научными институтами ведомству, отвечающему за имущество. Создаётся организация науки по модели «головы профессора Доуэля», которая получает искусственное питание, «слышит, понимает и может отвечать мимикой лица». Воздействовали на голову Доуэля самыми грубыми методами (пропуская через нее электрический ток, примешивая к питательным растворам раздражающие вещества), но модель оказалась нежизнеспособной, что и показано у фантаста Александра Беляева.

Теперь придётся собирать работоспособную схему институтов не столько по чертежам, как принято, сколько по рисунку швейцарского художника Сандро Дель-Пре.

«Что от сего произойти может?» — именно так озаглавлен один из параграфов описанного Щедриным проекта «О переформировании де сиянс академии». Следствия реформы многочисленны. В рамках статьи можно лишь привести их не исчерпывающий перечень.

Произойдёт сокращение институтов, их штатов, а с ними потеря части научных школ.

Попытка управлять учёными как имуществом приведёт к снижению научных результатов.

В институтах, ставших по форме отраслевыми, исчезают традиционные академические свободы, снизится эффективность научного поиска.

Увеличится бюрократизация в работе научных институтов.

Произойдёт потеря интереса к науке у школьной и студенческой молодёжи.

В будущем в штате исследователей возникнет провал большой возрастной группы из-за отъезда, в качестве реакции на реформу, научной молодёжи за рубеж.

Пострадают академические коллекции, музеи и архивы.

Произойдёт раздел социальных учреждений РАН, таких как поликлиники, больницы, санатории, детские сады, что усложнит бытовые проблемы учёных и приведёт к дополнительному оттоку кадров.

Усилится автономизация региональных отделений и научных центров РАН; в перспективе может произойти раздробление Академии на несколько самостоятельных академий меньшего масштаба.

В результате объединения трех академий увеличится общий беспорядок (суммарная энтропия объединённой Академии больше суммы энтропий каждой из них); для восстановления рабочего порядка потребуются огромные затраты и много времени.

Возникнет бум на рынке недвижимости; произойдёт крупный передел академических земель.

Проведение реформы, сопровождающееся откровенным унижением Академии наук и учёных, приведёт к потере авторитета некоторых государственных органов.

Нельзя сказать, что эти следствия не были известны заранее организаторам реформы. Но взвешенные на весах Выгоды потери показались им пренебрежимо малыми. И учёным сказали прямо, хотя и в кулуарах: «Вы не нужны».

* * *

С 28 сентября 2013 года, после вступления закона в силу, РАН оказалась в новой реальности. Впрочем, не такой уж и новой. Было в ее истории и подчинение Министерству народного просвещения, а затем Наркомпросу. Было объединение академий. Было раздражение университетской профессуры против Академии. Не раз возникало опасное положение, которое «не замедлило бы привести Академию в упадок и лишить ее того значения в учёном мире, которое она должна иметь как первенствующее учёное учреждение России, — как писал в 1865 году президент Академии наук Федор Петрович Литке. — Однажды утратив это значение, Академия нелегко могла бы его вновь приобрести».

Но тем не менее благодаря разнообразию знаний и умений, свойственному Академии, благодаря многоранговой рефлексии, обладая которой она просчитывает будущие шаги своих недоброжелателей, благодаря стойкости своих членов и сотрудников, Академия выживала и восстанавливалась.

Все повторится. Только надо работать и помнить, что предыдущим поколениям учёных достались куда более страшные времена. Но они справились.

Как говорится в прекрасных стихах Юрия Левитанского:

— Чем же все это окончится? — Будет апрель.

— Будет апрель, вы уверены? — Да, я уверен…

ДЕПОРТАЦИЯ УЧЁНЫХ ИЗ СОВЕТСКОЙ РОССИИ В 1922 г.: УРОКИ ИСТОРИИ

Л.Г. Берлявский
Ростовский государственный экономический университет «РИНХ»

Аннотация: *В статье автор рассматривает взаимоотношение науки и советского политического режима. Анализируются события 1922 года — депортация из страны большой группы учёных. Важной проблемой, которую ставит автор, является оценка итогов высылки и интеллектуального истощения общества. В статье актуализируется административная высылка как средство борьбы с интеллектуальной оппозицией.*

Ключевые слова: *наука, советский политический режим, депортация учёных, административная высылка, интеллектуальная оппозиция, политическая оппозиция.*

Одним из наиболее ярких событий в истории взаимоотношений науки и советского политического режима является состоявшаяся в 1922 г. депортация из страны большой группы учёных и других представителей интеллектуальной элиты. Собственно, высылка как вид уголовного наказания открывала главу «Роды и виды наказаний и других мер социальной защиты» вступившего в силу 1 июня 1922 г. Уголовного кодекса РСФСР. Однако все высланные депортировались не в результате уголовного преследования и не на основании судебного приговора, а в административном порядке — по решению исполнительной власти, без какого-либо судебного разбирательства.

10 августа 1922 г. ВЦИК был принят декрет «Об административной высылке», согласно которому высылка в административном порядке устанавливалась «в целях изоляции лиц, причастных к контрреволюционным выступлениям», в отношении которых испрашивалось у Президиума ВЦИК разрешение на изоляцию свыше двух месяцев и в тех случаях, «когда имеется возможность не прибегать к аресту». Рассмотрение вопросов о высылке возлагалось на Особую комиссию при наркомате внутренних дел под председательством наркома. Высланные лишались избирательного права и поступали под надзор ГПУ [Об административной высылке… 1922: 813–814]. 3 января 1923 г. вступила в действие подписанная Ф.Э. Дзержинским «Инструкция по применению постановления ВЦИК об административной высылке за границу и внутренней высылке».

В самом тексте декрета ВЦИК содержалось существенное противоречие: в п. 1 указывалось, что высылка осуществляется за границу или в определённые местности РСФСР, а пункт 6 чётко определял, что срок административной высылки не может превышать трех лет.

Если следовать букве декрета, то и высланные за границу имели право вернуться через три года. Между тем, их высылали бессрочно, с арестованных была взята подписка с обязательством не возвращаться в Советскую Россию. Ю.И. Айхенвальд, давая подписку, указывал в ней, что предупрежден о применении к нему ст. 7 Уголовного кодекса РСФСР, карающей за самовольное возвращение в пределы РСФСР высшей мерой наказания [Очистим Россию надолго… 2003: 67].

Основную работу по подготовке к высылке возложили на ГПУ, которое уже имело в этом деле некоторый опыт [Философский пароход… 2002: 134]. Ещё в мае 1921 г. в целях выявления инакомыслящих в важнейших государственных учреждениях страны, в том числе, в наркоматах и университетах, были созданы «бюро содействия» работе ВЧК, члены которых из числа партийных и советских руководителей (коммунисты с не менее чем 3-летним партийным стажем) собирали разнообразную информацию об антисоветских элементах в своих учреждениях. Кроме того, в их обязанности входило наблюдение за проведением съездов, собраний и конференций. Информационные материалы «бюро», являясь строго секретными, концентрировались в 8-м отделении секретного отдела ВЧК — ГПУ.

Непосредственное проведение мероприятий по высылке учёных и специалистов в ГПУ возложили на 4-е отделение секретного отдела, отвечавшее за «работу с интеллигенцией». Несколько позднее в центральном аппарате ГПУ на базе этого отделения было создано «особое бюро по административной высылке антисоветской интеллигенции», аналогичные бюро были образованы в аппаратах полномочных представителей губодтделов ГПУ. Ф.Э. Дзержинскому было предоставлено право вносить изменения в список высылаемых [Постановление Политбюро ЦК РКП (б)… 1922с: 92].

Рассматривая обстоятельства высылки, следует указать, что она готовилась в непосредственной связи с преследованием политических противников Советской власти из социалистического лагеря: меньшевиков и эсеров. 7 января 1922 г. И.С. Уншлихт предъявил постановление президиума ВЧК содержащимся в Бутырской тюрьме меньшевикам [Уншлихт И.С. — В Политбюро ЦК РКП (б)… 1922]. В конце февраля 1922 г. в Москве было объявлено о предстоящем судебном процессе над правыми эсерами. По мнению ряда исследователей, во главе общественной борьбы против предстоящей расправы над эсерами оказались находившиеся в эмиграции меньшевики во главе с Ю.О. Мартовым, выступившим с инициативой вовлечения в эту борьбу А.М. Горького [Флейшман, Хьюз, Раевская-Хьюз 1990: 232–233].

Именно А.М. Горький вышел на серьёзные общеполитические выводы и в письме А.И. Рыкову по поводу процесса над правыми эсерами настаивал на том, что «за все время революции я тысячекратно указывал Советской власти на бессмыслие и преступность истребления интеллигенции в нашей безграмотной и некультурной стране» [Горький 1989: 243]. Реакция научных кругов, уже испытавших на себе воздействие судебно-политических репрессий, мало чем отличалась от позиции Горького, так как учёные становились потенциальным объектом преследования советских властей. 16 июля 1922 г. В.И. Ленин направил И.В. Сталину письмо о том, что необходимо осуществить решение высшего советского руководства о высылке оппозиционно настроенных к Советской власти представителей интеллигенции и о том, что все мероприятия следует провести быстро, до окончания судебного процесса над левыми эсерами [Ленин В.И. — Сталину И.В.… 1922а].

Немаловажным было также отсутствие легальных, правовых возможностей выезда учёных, не согласных с политическим режимом, о чем упоминает один из высланных — профессор Д. Лухотин.

Серьёзным фактором был рост авторитета учёных, принявших активное участие в борьбе с голодом в 1921–1922 годах. Статус общественного Всероссийского комитета помощи голодающим (Помгола) был утверждён ВЦИК, председателем его был назначен председатель Моссовета Л.Б. Каменев, а почётным председателем избран писатель В.Г. Короленко. В со-

ставе «Помгола», деятельность которого стала беспрецедентным в истории СССР случаем предоставления широкой автономии общественной организации, были широко представлены научные круги России: президент Академии наук А.П. Карпинской, вице-президент В. Стеклов, академики П. Лазарев, В. Игнатьев, А. Ферсман, Н. Курнаков, Н. Марр, С. Ольденбург, профессора А. Чаянов, Н. Кондратьев и другие [Просим освободить… 1998: 165–167]. При Комитете действовала ячейка коммунистов из 12 человек: А.В. Луначарский, М.М. Литвинов и др.

Комитет был наделен широкими полномочиями: правами образовывать свои отделения на местах и за рубежом, приобретать в России и за границей продовольствие, фураж, медикаменты, распределять их среди голодающих. В результате переговоров с представителями зарубежных комитетов помощи голодающим в России была достигнута договоренность о поездке делегации Помгола в Стокгольм. Деятельность Комитета помощи голодающим М. Геллер и А. Некрич расценили как заключение Советской властью «похабного» мира с интеллигенцией [Геллер, Некрич 1990: 75].

Разумеется, подобный мир долго просуществовать не мог, и уже в июле 1921 г. почётный председатель «Помгола» В.Г. Короленко пришёл к выводу, что «у нас, вместо свободы, все идёт прежним путём: одно давление сменилось другим, и вот вся наша «свобода» [Короленко 1989: 71]. Ректор Московского зоотехнического института профессор М.М. Щепкин, арестованный карательными органами в числе других членов Комитета помощи голодающим по обвинению в контрреволюционной деятельности, на следствии признал, что отдельные члены комитета в неофициальной обстановке высказывались о возможности падения советской власти из-за голода и разрухи. Последовавшие в августе 1921 г. аресты московских профессоров, сотрудничавших с «Помголом», продемонстрировали негативную оценку властями гуманитарной акции учёных в помощь голодающим.

В.И. Ленин 26 августа 1921 г. направил письмо И.В. Сталину и всем членам Политбюро ЦК РКП (б), в котором предложил распустить Помгол, арестовать С.Н. Прокоповича, остальных членов этого комитета выслать из Москвы, «разместив их по одному в уездных городах по возможности без железных дорог, под надзор» [Ленин 1970: 140–142]. В июле этого года вместо Помгола была создана Центральная комиссия помощи голодающим при ВЦИК под председательством М.И. Калинина. Итог деятельности Помгола был подведён в резолюции XII Всероссийской конференции РКП (б) (август 1922 г.): «Опыт пресловутого Всероссийского общественного комитета помощи голодающим («Прокукиш»), попытавшегося использовать легальную организацию помощи голодающим для целей контрреволюции, был только первым шагом» [XII Всероссийская конференция РКП (б)… 1922: 464].

Осуществление новой экономической политики породило у учёных определённые надежды на возможную политическую либерализацию. При этом деятели науки не избегали острых оценок, откровенно обозначали свои политические взгляды. Например, И.А. Ильин в речи на заседании Московского юридического общества весной 1922 г. охарактеризовал переживаемое время как деспотию интернационалистов, хозяйственную опустошительность коммунизма [Ильин 1990: 61]. П.А. Сорокин в речи в Петербургском университете в феврале 1922 г. выступал за «чистую науку, обязательную для всех, кроме дураков, не лакействующую ни перед кем», против «буржуазных» и «пролетарских» суррогатов науки [Сорокин 1992: 245–247]. Не случайно, что рецензия П. Сорокина на книгу Н.И. Бухарина «Теория исторического материализма» была признана «некорректной», а набор книги выдающегося социолога «Голод как фактор» подвергся уничтожению.

В опубликованной в феврале 1922 г. правдинской заметке «Кадеты за работой» утверждалось, что «профессора ВУЗ ведут бешеную кампанию против Советской власти»; опирающиеся исключительно на веяния НЭПа, они разыгрывают предгенуэзскую комедию борьбы за «автономию» высшей школы [Кадеты за работой… 1922]. Обращает на себя внимание увязка борьбы профессоров за академическую автономию с надеждами на усиление роли оп-

позиции в условиях борьбы СССР за дипломатическое признание. Обзор ГПУ политико-экономического состояния РСФСР по округам за март 1922 г. зафиксировал наибольшее оживление в кадетских группах высших учебных заведений [Обзор ГПУ… 2003: 1].

Даже находясь под следствием в ГПУ, многие учёные не отказывались от своих воззрений. Так, в протоколе допроса Н.А. Бердяева от 19 августа 1922 г. зафиксировано: «Стою на точке зрения человека и человечества, до которых должна подняться всякая классовая ограниченность и корысть… Не сочувствую политике советской власти относительно высшей школы, поскольку она нарушает свободу науки и преподавания и стесняет свободу преподавания философии» [Протокол допроса Н.А. Бердяева… 1994: 202–203].

Подобное политическое свободомыслие не могло не тревожить власти, так как при НЭПе продолжали существовать вполне легальные возможности высказывания своих взглядов, в частности, в ноябре 1921 г. была разрешена деятельность частных издательств, число которых в Москве составляло 220, а в Петрограде — 99. Именно благодаря этому на страницах журнала «Экономист», издававшегося промышленно-экономическим отделом Русского технического общества, Б.Д. Бруцкус сделал вывод о несовместимости социализма с рынком, экономической непродуктивности данного строя, силе военно-коммунистических тенденций на любых этапах построения социализма: «Именно в социализме государство является во всемогуществе и политической силе» [Бруцкус 1990: 174–212]. Другой автор этого журнала П. Чубутский был уверен, что главным элементом возрождения России становится «мужик» — крестьянин, сельский труженик «хозяин», вовлекаемый в рыночные отношения посредством кооперации [Чубутский 1992: 59].

В публикациях сотрудников «Экономиста», в числе которых были П.А. Сорокин, Е.В. Тарле, С.Н. Булгаков, Н.А. Бердяев, Н.Д. Кондратьев, А.И. Тарновский и другие, с введением НЭПа начала формироваться либерально-демократическая альтернатива государственному социализму, учитывавшая общенациональные интересы российского общества. 19 мая 1922 г. В.И. Ленин обратился к Ф.Э. Дзержинскому по «вопросу о высылке за границу писателей и профессоров, помогающих контрреволюции… Надо поставить дело так, чтобы этих «военных шпионов» изловить и излавливать постоянно и систематически высылать за границу». В письме упоминались закрытый в Петрограде журнал «Новая Россия» и враждебно настроенные по отношению к Советской власти сотрудники журнала «Экономист» [Ленин В.И. — Дзержинскому Ф.Э… 1922].

Вскоре, 21 мая 1922 г. нарком здравоохранения Н.А. Семашко направил письмо членам Политбюро ЦК РКП (б) об опасных антисоветских течениях, проявившихся на 2-м Всероссийском съезде врачебных секций при ЦК профсоюза Всемедикосантруда, широко распространённых среди интеллигенции и старых специалистов и опасных в период переустройства советской системы и проведения НЭПа. В письме предлагалось с помощью ГПУ «изъять верхушку» оппозиционного съезда и некоторых местных врачебных обществ. В.И. Ленин запиской на данном письме, адресованной И.В. Сталину, предложил ознакомить с предложениями Семашко всех членов Политбюро для выработки ГПУ соответствующих директив [Семашко Н.А. — Членам Политбюро ЦК РКП (б)… 1922].

Обращает на себя внимание выполненная на этом же письме вслед за записью В.И. Ленина резолюция М.П. Томского: «Воздерживаюсь, ибо вопрос съезда врачей требует иной постановки дела. Во многом виноваты мы сами и в первую голову т. Семашко» [Томский 1922]. Из этого можно сделать вывод, что в высшем советском партийно-государственном руководстве не было единства по проблеме «изъятия верхушки» интеллигенции. Поэтому представляется недостаточно обоснованной позиция М.Е. Главацкого о том, что решение о высылке было принято до 19 мая 1922 г. [Главацкий 2002: 92–93]

Только через пять дней после письма В.И. Ленина от 19 мая 1922 г., на заседании Политбюро было решено поручить Ф.Э. Дзержинскому с участием Н.А. Семашко выработать план мер в связи с Всероссийским съездом врачей [Протокол заседания Политбюро ЦК

РКП (б) № 8… 1922]. 1 июня 1922 г. ГПУ за подписью особоуполномоченного Я. Агранова была направлена докладная записка в Политбюро ЦК РКП (б) «Об антисоветских группировках среди интеллигенции», в которой утверждалось, что антисоветская интеллигенция широко использует открывшиеся ей возможности организации и собирания своих сил, созданные мирным курсом и ослаблением деятельности репрессивных органов. По мнению автора записки, мощь антисоветской интеллигенции и ее сплочённых группировок усиливается еще и тем обстоятельством, что в широких кругах членов компартии в связи с ликвидацией фронтов и нэпом установилось определённое «мирное» ликвидаторское настроение. Борьба за автономию высшей школы была охарактеризована в этом документе как имевшая исключительно политические цели. В качестве «орудий борьбы» антисоветской интеллигенции были названы частные общества (научные, торгово-промышленные и др.), частные издательства и периодическая печать, съезды и всероссийские совещания спецов [Агранов 1922].

Исходя из этих данных ГПУ, Политбюро 8 июня 1922 г. предложило ВЦИК издать постановление о создании особого совещания из представителей НКИД и НКЮ, которому предоставить право в тех случаях, когда имеется возможность не прибегать к более суровому наказанию, заменять его высылкой за границу или в определённые пункты РСФСР. Для окончательного рассмотрения списка «подлежащих высылке верхушек враждебных интеллигентских группировок» образовывалась комиссия в составе И.С. Уншлихта, Л.Б. Каменева, Д.И. Курского [Об антисоветских группировках… 1922].

22 июня 1922 г. Политбюро ЦК РКП (б) приняло по докладу И.С. Уншлихта постановление о высылке группы делегатов Всероссийского съезда врачей за использование ими служебного положения для антисоветской агитации [Постановление Политбюро ЦК РКП (б)… 1922а]. В этот же день Политбюро разослало губкомам партии письмо с разъяснением о том, что на Всероссийской партконференции в докладе «Очередные вопросы агитации и пропаганды» будет рассматриваться вопрос об отношении к антисоветским партиям и течениям [Политбюро ЦК РКП (б). — Губкомам РКП (б)… 1922]. Тезисы данного доклада были подготовлены Г.Е. Зиновьевым [Зиновьев 1922].

В это время деятели отечественной науки протестовали против конкретных проявлений советской политической практики. В частности, президент Академии наук А.П. Карпинский и председатель РАИМК А. Васильев в письме, направленном в мае 1922 г. во ВЦИК и Наркомпрос, резко высказывались против изъятия церковных ценностей и «антикультурного обращения» с ними [Письма советских учёных… 1990: 111]. В защиту приговорённых по делу церковных деятелей Петрограда выступили известный правовед, автор многочисленных статей и книг по общим и частным юридическим вопросам профессор А.А. Жижиленко и будущий академик Д.Б. Рязанов [Судебная расправа 1922 года… 1992: 112]. Профессор уголовного права А.А. Жижиленко был известен как страстный пропагандист презумпции невиновности [Жижиленко 1909; Жижиленко 1914 и др.].

На этом процессе он защищал своего коллегу — профессора уголовного права Ю.П. Новицкого, профессоров богословия В.Н. Бенешевича и П.А. Карабинова, профессора Военно-юридической академии М.Ф. Огнева. По мнению государственного обвинителя на данном процессе, высшее образование подсудимых было обстоятельством, усугублявшим их вину [«Дело» митрополита Вениамина… 1991: 12, 18, 64–65]. Профессор Д. Кузовков в докладной записке, направленной, вероятно, в Политбюро ЦК РКП (б), в числе «своеобразных условий», созданных политикой правящей партии, называл отсутствие научной перспективы и снижение ответственности из-за коллегиально принимаемых решений, фактически диктаторское положение и монополию взглядов наркомов [Дегтярев 1992: 18].

Не могли не тревожить властные структуры попытки создания новых научных обществ в 1921–1922 гг. После увольнения ректора Петроградского университета, выдающегося отечественного зоолога В.М. Шимкевича, многих профессоров лишили права преподавать, в том числе, П.А. Сорокина, по словам которого «такая политика была настоящим испытанием

нравственных и гражданских позиций русских учёных». Не случайно, что «двое наиболее часто выступающих с критикой коммунизма учёных» — И.П. Павлов и П.А. Сорокин — организовали Общество объективных исследований человеческого поведения, в котором первый был почётным, а второй — действующим председателем [Сорокин 1992: 134].

Касаясь мотивов высылки, один из подвергнутых депортации философ Н.А. Бердяев чётко указал, что был выслан не по политическим, а по идеологическим причинам, на аналогичную причину высылки профессоров и писателей обратил внимание в «Истории русской философии» Н.С. Лосский [Бердяев 1991: 236–237; Лосский 1991: 268]. Причиной высылки интеллигенции являлась неуверенность руководителей советского государства в своей способности удержать власть после окончания гражданской войны; сменив политику «военного коммунизма» на новый экономический курс и разрешив в сфере экономики рыночные отношения и частную собственность, большевистское руководство понимало, что оживление мелкобуржуазных отношений неминуемо вызовет всплеск политических требований о свободе слова, а это представляло прямую угрозу власти вплоть до смены социального строя.

На допросах в ГПУ в мае-ноябре 1922 г. профессора Ф.А. Степун, Н.О. Лосский, И.И. Лапшин, Л.П. Карсавин, А.С. Изгоев, И.Н. Куколевский показали, что относились к советской власти вполне лояльно, считали необходимой «непрерывную работу учёных людей на ниве народного просвещения», отрицательно относились к саботажу и эмиграции, высказывались за «духовную неприемлемость большевистки-коммунистического миросозерцания», многие критиковали реформы высшей школы, сочувственно относились к сменовеховцам [Макаров 2002].

Обвинение в контрреволюционности было слишком натянутым, и в качестве причины высылаемым объяснялось их нежелание примириться и работать с советской властью. По этому поводу заместитель председателя Союза писателей М. Осоргин писал, что по отношению к большинству это обвинение было неправильным и бессмысленным: «Или разве кто-нибудь из этих людей науки и литературы думал тогда о заговоре против власти, борьбе с ней? Думали о количестве селёдок в академическом пайке! Работали все, кто как умел и мог: но желать работать с властью, — для меня лично было достаточно опыта Комитета помощи голодающим, призванного властью для срочной совместной работы; это случайно не кончилось расстрелом» [Осоргин 1990: 121].

Историк С.П. Мельгунов заявил на допросе 5 июня 1922 г., что, не являясь принципиальным сторонником советской власти и той государственной системы, которую она строит, он, тем не менее, относился к ней лояльно [Протокол допроса С.П. Мельгунова… 2003: 127]. Любопытно, что в феврале того же года Президиум ВЦИК на основании ходатайства Академии наук постановил освободить Мельгунова из-под ареста и откомандировать его «для научных занятий».

Подавляющее большинство высланных интеллектуалов активно занимались научно-педагогической деятельностью либо служили специалистами в учреждениях, порождённых НЭПом. В частности, С.Е. Трубецкой, работавший в Госсельсиндикате, считал, что его служба оплачивалась исключительно хорошо, и, считая в золоте или твёрдой валюте, он далеко не получал потом в эмиграции такого высокого вознаграждения, как тогда [Трубецкой 1992: 131]. Разумеется, подобного рода специалисты были заинтересованы в продолжении политики нэпа, а сотрудники журнала «Экономист» разрабатывали альтернативную программу углубления этой политики. Именно с этим не были согласны советские лидеры.

В резолюции XII Всероссийской конференции РКП (б) 4–7 августа 1922 г., принятой по докладу Г.Е. Зиновьева, применительно к деятелям науки констатировалось, что антисоветские партии и течения держат курс на «врастание» в советский режим, который они надеются постепенно изменить в духе буржуазной демократии, а также обосновывалось применение репрессий «по отношению к политиканствующим верхушкам мнимо беспартийной буржуазно-демократической интеллигенции», для которой подлинные интересы науки, техники, пе-

дагогики, кооперации являются только пустым словом, политическим прикрытием [XII Всероссийская конференция РКП (б)… 2003: 127].

Кроме того, в опубликованном сообщении Исполкома Коминтерна о завершившемся судебном процессе над эсерами было обосновано важнейшее для советского политического режима положение о том, что «революционная власть далека от буржуазного обожания буквы закона» [Исполнительный Комитет Коммунистического Интернационала… 1922]. На основании принятого политического решения органы госбезопасности перешли к активным действиям, так как Политбюро признало работу комиссии по высылке неудовлетворительной «как в смысле величины списка, так и в смысле его недостаточного обоснования». ГПУ поручалось разработать индивидуальные меры в отношении интеллигентов, враждебно настроенных к Советской власти [Доклад т. Уншлихта… 1922]. Заместитель председателя ГПУ И.С. Уншлихт 18 августа 1922 г. направил В.И. Ленину утверждённые Политбюро «списки интеллигенции», т. е. кандидатов на высылку по Москве, Петрограду и Украине [Уншлихт И.С. — Ленину В.И… 1922].

5 сентября 1922 г. Ф.Э. Дзержинский обратился к И. Уншлихту с письмом, в котором утверждалось: «Директивы В.И. (Ленина). Продолжить неуклонно высылку активной антисоветской интеллигенции (меньшевиков в первую очередь) за границу… Надо всю интеллигенцию разбить по группам… Сведения должны собираться всеми нашими отделами и стекаться в отдел по интеллигенции. На каждого интеллигента должно быть дело; каждая группа должна быть освещаема всесторонне компетентными товарищами, между которыми эти группы должны распределяться нашим отделом» [Заметки Ф.Э. Дзержинского… 1922].

Из данного письма следует, во-первых, что директивы по вопросам административной высылки шли от В.И. Ленина; во-вторых, учёные могли входить в каждую из групп, о которых вёл речь руководитель ГПУ; в-третьих, в этой системе был заблаговременно создан отдел по интеллигенции, а главным специалистом по данному вопросу стал известный чекист Я. Агранов, с отъездом которого, сетовал Ф.Э. Дзержинский, нет лица, достаточно компетентного. 17 сентября 1922 г. В.И. Ленин просил Уншлихта вернуть списки «с заметками, кто выслан, кто сидит, кто (и почему) избавлен от высылки» [Ленин В.И. — Уншлихту И.С… 1922]. 18 сентября 1922 г. Г.Г. Ягода возвратил В.И. Ленину списки антисоветской интеллигенции с комментариями о действиях, предпринятых в отношении высылаемых [Ягода Г.Г. — Ленину В.И… 1922].

Одновременно были предприняты пропагандистские усилия для разъяснения причин и обстоятельств депортации. 30 августа 1922 г. в интервью Л. Брайант-Рид Л.Д. Троцкий назвал высылаемых политически ничтожными, но они — «потенциальное оружие в руках наших возможных врагов». В случае военных осложнений, утверждал Троцкий, мы вынуждены будем расстрелять их по законам войны [Троцкий 1922a].

В опубликованной на следующий день его статье «Первое предостережение» Л.Д. Троцкий пояснял, что высылаемые по постановлению ГПУ наиболее активные контрреволюционные элементы из среды профессуры, врачей, агрономов, литераторов издевались над государством, которое «не имело достаточного кадра своей собственной интеллигенции, и проводили политику открытого и тайного саботажа». Важно заметить, что в статье указывалось на высылку по решению административного органа — ГПУ, в качестве причины депортации назывался саботаж, причём под «тайный саботаж» можно было подвести любое проявление инакомыслия. С точки зрения Л.Д. Троцкого, осуществлялась высылка контрреволюционных элементов, вообразивших, что при НЭПе им будет позволено готовить контрреволюционный переворот. Троцкий настаивал на том, что среди высылаемых нет крупных научных имён, «в большинстве это — политиканствующие элементы профессуры» [Троцкий 1922b].

Практическая деятельность по подготовке и осуществлению высылки интеллигенции была освещена в Циркулярном письме ГПУ от 23 ноября 1922 г., в котором указывалось, что

«контрреволюционные элементы профессуры пытались и пытаются использовать кафедру высшей школы в качестве орудия антисоветской пропаганды»; профессура ряда высших учебных заведений Москвы и Петрограда провела весной 1922 г. ряд забастовок, где наряду с экономическими требованиями были выдвинуты и требования автономии высшей школы, свободы профессорских и студенческих ассоциаций [Ленин В.И. — Уншлихту И.С. 1922].

При начальнике Секретно-Оперативного Управления ГПУ учреждалось особое бюро по административной высылке антисоветской интеллигенции. ГПУ настаивало на том, что административная высылка могла применяться к определённому лицу при возможности вменения ему какой-либо из ст. 57, 62, 63, 69, 70 Уголовного кодекса (участие или пособничество антисоветским организациям, контрреволюционные выступления на съездах, конференциях и в печати и пр.) в случае, если материал недостаточен для предания дела суду. Считалось, что административные репрессии могут касаться главным образом видных деятелей антисоветской интеллигенции; «должны приниматься во внимание удельный вес данного лица в качестве научной и технической силы и степень его полезности для Советской республики».

В октябре-декабре 1922 г. Политбюро неоднократно рассматривало вопрос о высылке учёного-историка Н.А. Рожкова, который, несмотря на его заявления о выходе из партии меньшевиков и вступление в группу левой профессуры, представленный проект доклада о роли интеллигенции в революции, тем не менее, был выслан в Псков [Решение Политбюро ЦК РКП (б)… 1922a; Решение Политбюро ЦК РКП (б)… 1922b; Мессинг С.А. — Зиновьеву Г.Е… 1922; Ленин В.И. — Сталину И.В. 1922b].

Важной проблемой является оценка итогов высылки, относительно которой в литературе высказывалось мнение, что эта мера не затронула основную часть крупных естествоиспытателей, по отношению к которым органы советской власти занимали иную позицию, чем по отношению к учёным-гуманитариям. [На переломе… 1990: 16] Существует точка зрения (С. Хоружий и др.), что численность высланных профессоров естественных и технических наук равнялась совокупности философов, социологов, правоведов, в количественном отношении среди высланных преобладали экономисты, агрономы, кооператоры. Однако из 116 кандидатов на высылку по девяти спискам, утвержденным Политбюро ЦК РКП (б) 10 августа 1922 г., профессоров и других деятелей науки было 64 человека или 55 процентов, что свидетельствует о преобладании представителей научной сообщества [Постановление Политбюро ЦК РКП (б)… 1922b: 81–90].

В частности, математик Д.Ф. Селиванов был арестован 16 августа 1922 г. за «буржуазный» метод преподавания этой науки инженерам. По этому поводу Н.О. Лосский заметил, что в то время большевики считали, что инженеру нужно знать формулы, но не требуется знать, как они обосновываются [Лосский 1994: 239].

Среди высланных были видные представители инженерно-технической интеллигенции. Так, в список кандидатов на высылку были включены профессора Московского высшего технического училища В.В. Зворыкин, Н.Р. Брилинг, И.И. Куколевский, профессора Института инженеров путей сообщения Т.П. Кравец, Н.Д. Тяпкин, профессор института им. К. Маркса Н.А. Изгарышев, целая группа специалистов согласно «Списку антисоветских инженеров (Москва)», утверждённых на высылку постановлением Политбюро ЦК РКП (б) от 10 августа 1922 г. ГПУ предлагалось всех подвергнуть обыску, арестовать только тех, кто может скрыться, к остальным применить домашний арест [Постановление Политбюро ЦК РКП (б)… 1922a].

Не по своей воле страну покинули учёные-медики: декан медицинского факультета Казанского университета П.В. Трошин, профессор гистологии В.Е. Фомин, группа медиков по «Списку врачей». Среди высылаемых оказались специалисты в области сельского хозяйства: профессор Петроградской сельскохозяйственной академии Б.Д. Бруцкус, профессор А.А. Рыбников, довольно значительная группа «антисоветских агрономов и кооператоров».

Таким образом, говорить о более позитивном отношении властей к «нефилософам» вряд ли имеет смысл.

Ряд авторов акцентировали внимание на том, что после высылки умами Россия оставалась богата, в стране продолжали работать видные философы Г.Г. Шпет, директор Психологического института Г.И. Челпанов, П.А. Флоренский, В.Ф. Асмус, А.Ф. Лосев, П.С. Попов [На переломе… 1990: 16]. Действительно, по данным справочника «Наука в России» за 1922 г. только в Петрограде было зарегистрировано около 4000 научных специалистов [Наука в России… 1923]. Даже если предположить, что выслано было 500 деятелей науки и техники, с количественной точки зрения, потеря не выглядит катастрофической. Однако депортировались учёные, за каждым из которых стоял длительный опыт научно-исследовательской деятельности, часто руководство научными школами, востребованность в условиях оживления кооперативного движения, промышленности, торговли.

Административной высылке подверглись видные организаторы науки: последний выборный ректор Московского университета М.М. Новиков, директор Томского технологического института Е.Л. Зубашев, проректоры Петербургского университета профессор права А.А. Боголепов и профессор-почвовед Б.Н. Одинцов, координатор деятельности научных обществ — председатель правления Дома учёных в Москве профессор МВТУ В.И. Ясинский, видные историки (С.П. Мельгунов, А.А. Кизеветтер, А.В. Флоровский и др.), социолог П.А. Сорокин, выдающиеся философы (Н.А. Бердяев, Н.О. Лосский, С.Л. Франк, Л.П. Карсавин, И.А. Ильин, И.И. Лапшин, Л.И. Шестов, Ф.А. Степун, Б.П. Вышеславцев), было выкорчевано целое направление в экономической науке, представленное авторами журнала «Экономист». Явными были потери для отечественной лингвистики в лице высланных Е. Трубецкого и Р.О. Якобсона.

Для понимания целей акции по истощению интеллектуального слоя России целесообразно обратиться к сделанной перед высылкой записи беседы П.А. Сорокина с Г.Л. Пятаковым. Последний утверждал, что в России происходит два процесса: один — восстановление буржуазного общества, другой — процесс приспособления к этому Советской власти, причём первый процесс идёт быстрее, чем второй. «Это создаёт угрозу нашему существованию. Наша задача — замедлить развитие первого процесса, — утверждал Пятаков, — а ты и остальные, кого мы высылаем, ускоряете его. Вот почему вас высылают. Возможно, года через два-три пригласим вас назад» [Сорокин 1992: 144].

Высылка для советских лидеров типа Г.Л. Пятакова представляла собой крупномасштабную акцию по насильственному устранению из страны потенциальных, а отнюдь не реальных интеллектуальных противников, которые могли в условиях НЭПа выступить с претензиями на политическую либерализацию. По мнению Ш. Фитцпатрик, депортация деморализовала школы социальных исследований в дореволюционных университетах, с которыми были связаны высылаемые [Fitzpatrick 1992: 46]. Так как среди высланных находились организаторы науки, учёные в области естественных и технических наук, думается, что подобный процесс охватил не только отечественные немарксистские гуманитарные школы.

Кроме того, имеет место идущая от Л.Д. Троцкого точка зрения о том, что высылка спасла жизнь многим русским интеллигентам, вошедшим в мировую науку и культуру. Последнее представляется верным, как и то, что в результате ее оголились целые направления отечественной науки. Вместе с тем, оставшись в России, эти люди наверняка стали бы объектами репрессивной политики в отношении науки в последующий период.

Наконец, высылка 1922 г. призвана была нанести косвенный удар по российской научной эмиграции, придерживавшейся доктрины сменовеховства. Так, в августе 1922 г. один из видных украинских партийных деятелей Д.З. Лебедь информировал секретарей губкомов этой республики, что ЦК дал директиву провести аресты и наметить к высылке тех профессоров и представителей интеллигенции, которые явно или тайно начинают протаскивать свои сменовеховские расчёты в практику высшей школы и иных советских учреждений. «Из наме-

ченных 70 профессоров и нескольких врачей большинство оказывается активными идеологами буржуазии, бывшими членами кадетской партии, которые сейчас пытались в новой фразеологии проповедовать старые кадетские лозунги»; после высылки тот же Лебедь констатировал настроение оставшейся профессуры — готовы служить и не раздумывать [Касьянов 1992: 42–43].

Вместе с тем исследовавший протоколы ЦК КП (б)У за 1919–1923 гг. К.К. Васильев, пришёл к выводу, что бедная научными силами страна потеряла многих учёных в результате политической эмиграции, повышенной смертности в годы гражданской войны; отсюда такое решение: высылать за границу не всех. Части профессоров высылка отменялась вообще, других использовали для строительства нового общества, но где-нибудь в глубинке РСФСР под надзором местных органов ГПУ [Васильев 2004: 22].

По вопросу о том, достигла ли депортация своей цели в высшем советском руководстве существовали серьёзные сомнения. 27 мая 1923 г. Ф.И. Дзержинский в письме И.С. Уншлихту и В.Р. Менжинскому высказался за нецелесообразность практики массовых высылок, пояснив, что «массовые высылки вызывают у меня большие опасения»; по данному вопросу он считал необходимым войти с предложением в ЦК партии [Дзержинский Ф.Э. — Уншлихту И.С… 1923].

В целом, административная высылка 1922 г. затронула в большей мере деятелей науки, профессоров, востребованных в условиях НЭПа специалистов и явилась показателем глубокой противоречивости советского политического режима начала 20-х годов, породившего у российских учёных определённые надежды на возможную политическую либерализацию, в особенности, перед Генуэзской конференцией. В период подготовки и осуществления этой акции в высшем советском партийно-государственном руководстве отсутствовало единство по вопросу депортации учёных и деятелей культуры. Основным исполнителем решений Политбюро ЦК РКП (б), связанных с высылкой, было ГПУ, административная высылка стала методом борьбы с интеллектуальной оппозицией, считавшейся партийно-государственным руководством оппозицией политической. Этот метод отражал всю противоречивость государственного механизма диктатуры пролетариата начала 20-х гг. и привёл к разрушению значительного числа состоявшихся научных школ, которые возглавлялись депортированными деятелями науки.

XII Всероссийская конференция РКП (б)… 2003. XII Всероссийская конференция РКП (б). Об антисоветских партиях и течениях. — *КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК*. — Изд. 6-е.

Агранов Я. 1922. Об антисоветских группировках среди интеллигенции»: Докладная записка ГПУ в Политбюро ЦК РКП (б) 1 июня 1922 г. — *РГАСПИ*[1]. — Ф. 17. — Оп. 86. — Д. 17. — Л. 55–59.

Бердяев Н.А. 1991. *Самопознание*. — Л.

Бруцкус Б.Д. 1990. Социалистическое хозяйство. — *Новый мир*. — № 8 — С. 174–212.

Васильев К.К. 2004. «Философский пароход»: как это делалось на Украине (по протоколам заседаний ЦК Коммунистической партии (большевиков) Украины. — *Интеллигенция России и Запада в XX–XXI вв.: выбор и реализация путей общественного развития*. — Екатеринбург.

Геллер М., Некрич А. 1990. Утопия у власти. — *Даугава*. — № 12.

Главацкий М.Е. 2002. *«Философский пароход»: год 1922-й: Историографические этюды*. — Екатеринбург.

[1] Российско-государственный архив социально-политической истории.

Горький А.М. — Рыкову А.И… 1989. Горький А.М. — Рыкову А.И. 1 июля 1922 г. Из переписки А.М. Горького. — *Известия ЦК КПСС*. — № 1.

Дегтярев Г.П. 1992. Нэп: идеологические тупики реформы. — *Вестник РАН*. — № 4.

Доклад т. Уншлихта… 1922. Доклад т. Уншлихта: Постановление Политбюро ЦК РКП (б) 20 июля 1922 г. Пункты 13,14. — *РГАСПИ*. — Ф. 17. — Оп. 163. — Д. 287. — Л. 18, 19.

«Дело» митрополита Вениамина… 1991. *«Дело» митрополита Вениамина. Петроград, 1922*. — М.

Дзержинский Ф.Э. — Уншлихту И.С… 1923. Дзержинский Ф.Э. — Уншлихту И.С., копия Менжинскому В.Р. 27.05.1923 г. — *РГАСПИ*. — Ф. 76. — Оп 3. — Д. 150. — Л. 20.

Жижиленко А.А. 1909. *О безответственности народных представителей*. — Ярославль.

Жижиленко А.А. 1914. *Наказание и его отличие от других правоохранительных средств*. — Пг.

Заметки Ф.Э. Дзержинского… 1922. Заметки Ф.Э. Дзержинского после разговора с В.И. Лениным об организации работы по высылке интеллигенции. 4–5.09.1922 г. — *РГАСПИ*. — Ф. 76. — Оп. 3. — Д. 303. — Л. 1–3.

Зиновьев Г.Е. 1922. Наброски тезисов к докладу «Об антисоветских партиях и течениях». Август 1922 г. — *РГАСПИ*. — Ф. 49. — Оп. 1. — Д. 1. — Л. 16–28.

Из Циркулярного письма ГПУ № 26… 1922. Из Циркулярного письма ГПУ № 26 «Об антисоветском движении среди интеллигенции» от 23 ноября 1922 г. — *«Философский пароход». Высылка учёных и деятелей культуры из России в 1922 г*. Предисловие В.С. Христофорова.

Ильин И.А. 1990. Наши задачи. Избранные статьи. — *Юность*. — № 8.

Исполнительный Комитет Коммунистического Интернационала… 1922. Исполнительный Комитет Коммунистического Интернационала. Справедливый приговор. — *Правда*. — 1922. — 9 августа.

Кадеты за работой… 1922. Кадеты за работой. — *Правда*. — 1922. — 17 февраля.

Касьянов Г.В. 1992. *Українська інтелігенція 1920-х — 30-х років: социальний портрет та історична доля*. — Київ.-Едмонтон.

Короленко В. 1989. Если возможен ещё выход для России, то он только в одном: в возвращении к свободе. — *Родина*. — № 3.

Ленин В.И. — Дзержинскому Ф.Э… 1922. Ленин В.И. — Дзержинскому Ф.Э. 19.05.1922 г. — *РГАСПИ*. — Ф. 2. — Оп. 1. — Д. 23211. — Л. 1,1 об, 2, 2 об.

Ленин В.И. 1970. *Полн. собр. соч*. — Т. 53. — М.: Политиздат.

Ленин В.И. — Сталину И.В… 1922a. Ленин В.И. — Сталину И.В. 16.07.1922 г. — *РГАСПИ*. — Ф. 2. — Оп. 2. — Д. 1338. — Л.1–11 об.

Ленин В.И. — Сталину И.В… 1922b. Ленин В.И. — Сталину И.В. 13.12.1922 г. — *РГАСПИ*. — Ф. 2. — Оп. 2. — Д. 1344. — Л. 1.

Ленин В.И. — Уншлихту И.С… 1922. Ленин В.И. — Уншлихту И.С. 17.09.1922 г. — *РГАСПИ*. — Ф. 2. — Оп. 2. — Д. 1245. — Л. 1.

Лосский Н.О. 1991. *История русской философии*. — М.

Лосский Н.О. 1994. *Воспоминания: Жизнь и философский путь*. — СПб.

Макаров В.Г. 2002. Архивные тайны: интеллигенция и власть. — *Вопросы философии*. — № 10. — С.108–155.

Мессинг С.А. — Зиновьеву Г.Е… 1922. Мессинг С.А. — Зиновьеву Г.Е. Не позднее 26.10.1922 г. — *РГАСПИ*. — Ф. 2. — Оп. 1. — Д. 24809. — Л. 2–5.

На переломе… 1990. *На переломе. Философские дискуссии 20-х годов: Философия и мировоззрение*. — Сост. П.В. Алексеев. — М.

Наука в России… 1923. *Наука в России: Справочник. Данные к началу 1922 года*. — Сост. Комиссией «Наука в России» при РАН. Под наблюдением С.Ф. Ольденбурга. Научные работники Петрограда. — М.-Пг.

Об административной высылке… 1922. Об административной высылке: Декрет ВЦИК. 10 августа 1922 г. — *Собрание узаконений и распоряжений рабочего и крестьянского правительства*. — М. — № 51. — Ст. 646.

Об антисоветских группировках… 1922. Об антисоветских группировках среди интеллигенции: Постановление Политбюро ЦК РКП (б). 8 июня 1922 г. (проект решения). — *РГАСПИ*. — Ф. 17. — Оп. 86. — Д. 17. — Л. 51–59.

Обзор ГПУ… 2003. Обзор ГПУ политико-экономического состояния РСФСР по округам за март 1922 г. — *Философскій пароходъ. Высылка интеллигенции из Советской России в 1922 году*.

Осоргин М. 1990. Как нас уехали: Юбилейное. — *Социологические исследования*. — № 3.

Очистим Россию надолго… 2003. «Очистим Россию надолго». К истории высылки интеллигенции в 1922 г. — Вступительная статья, комментарии и подготовка документов к публикации А.Н. Артизова. — *Отечественные архивы*. — № 1.

Письма советских учёных… 1990. Письма советских учёных руководителям партии и государства (1922–1934). — *Вестник АН СССР*. — № 10.

Политбюро ЦК РКП (б). — Губкомам РКП (б)… 1922. Политбюро ЦК РКП (б). — Губкомам РКП (б). 22.06.1922 г. — *РГАСПИ*. — Ф. 49. — Оп. 1. — Д. 1. — Л. 10 а.

Постановление Политбюро ЦК РКП (б)… 1922a. Постановление Политбюро ЦК РКП (б) от 22.06.1922 г. — *РГАСПИ*. — Ф. 17. — Оп. 163. — Д. 282. — Л. 18.

Постановление Политбюро ЦК РКП (б)… 1922b. Постановление Политбюро ЦК РКП(б) об утверждении списка высылаемых из России интеллигентов. 10 августа 1922 г. ПБ № 21/7. Приложения 1–9. — *«Очистим Россию надолго». К истории высылки интеллигенции в 1922 г.*

Постановление Политбюро ЦК РКП (б)… 1922c. Постановление Политбюро ЦК РКП (б) о предоставлении Ф.Э. Дзержинскому права вносить изменения в список высылаемых. 24 августа 1922 г. — *«Очистим Россию надолго». К истории высылки интеллигенции в 1922 г.*

Просим освободить… 1998. *Просим освободить из тюремного заключения*. — Сост. В. Гончаров, В. Нехотин. — М.

Протокол допроса С.П. Мельгунова… 2003. Протокол допроса С.П. Мельгунова от 5 июня 1922 г. — С.П. Мельгунов — пассажир «философского парохода». Предисловие В.С. Христофорова. — *Новая и новейшая история*. — № 2.

Протокол допроса Н.А. Бердяева… 1994. Протокол допроса Н.А. Бердяева. Отдел секретный. 18 августа 1922 г. — *История России 1917–1940. Хрестоматия*. — Под ред. М.Е. Главацкого. — Челябинск.

Протокол заседания Политбюро ЦК РКП (б) № 8… 1922. Протокол заседания Политбюро ЦК РКП (б) № 8 от 24.05.1922 г. Пункт 22. — *РГАСПИ*. — Ф. 17. — Оп. 3. — Д. 294. — Л. 5.

Решение Политбюро ЦК РКП (б)… 1922a. Решение Политбюро ЦК РКП (б) от 19.10.1922 г. — *РГАСПИ*. — Ф. 17. — Оп. 3. — Д. 318. — Л. 3.

Решение Политбюро ЦК РКП (б)… 1922b. Решение Политбюро ЦК РКП (б) от 26.10.1922 г. — *РГАСПИ*. — Ф. 17. — Оп. 3. — Д. 319. — Л. 2.

Семашко Н.А. — Членам Политбюро ЦК РКП (б)… 1922. Семашко Н.А. — Членам Политбюро ЦК РКП (б). 21.05.1922 г. — *РГАСПИ*. — Ф. 2. — Оп. 1. — Д. 23224. — Л. 1–1 об.

Сорокин П. 1992. *Дальняя дорога. Автобиография*. — М.

Судебная расправа 1922 года… 1992. Судебная расправа 1922 года: академик Рязанов против карательной практики большевиков. — *Вестник РАН*. — № 4.

Томский М.П. 1922. Запись на письме Н.А. Семашко от 21.05.1922 г. — *РГАСПИ*. — Ф. 2. — Оп. 1. — Д. 1. — Л. 2.

Троцкий Л.Д. 1922a. Из беседы с Л. Брайант-Рид. — *Правда*. — 30 августа.

Троцкий Л.Д. 1922b. Первое предостережение. — *Правда*. — 31 августа.

Трубецкой С.Е. 1992. *Минувшее.* — М.

Уншлихт И.С. — В Политбюро ЦК РКП (б)… 1922. Уншлихт И.С. — В Политбюро ЦК РКП (б). В.И. Ленину. 7.01.1922 г. — *РГАСПИ*. — Ф. 5. — Оп. 2. — Д. 46. — Л.9–10.

Уншлихт И.С. — Ленину В.И… 1922. Уншлихт И.С. — Ленину В.И. 18.08.1922 г. — *РГАСПИ*. — Ф. 5. — Оп. 1. — Д. 2603. — Л. 1–1 об.

Философский пароход… 2002. «Философский пароход». Высылка учёных и деятелей культуры из России в 1922 г. Предисловие В.С. Христофорова — *Новая и новейшая история*. — № 5.

Флейшман Л., Хьюз Р., Раевская-Хьюз О. 1990. Горький и дело эсеров. — *Дружба народов*. — № 12.

Чубутский П. 1992. Новое народничество. 1922 г. — *Новое время*. — № 7.

Ягода Г.Г. — Ленину В.И… 1922. Ягода Г.Г. — Ленину В.И. 18.09.1922 г. — *РГАСПИ*. — Ф. 2. — Оп. 2. — Д. 1245. — Л. 2–6.

Fitzpatrick S. 1992. *The Cultural Front. Power and Culture in Revolutionary Russia*. — Ithaca, London.

РУССКИЕ КАК ИМПЕРСКИЙ НАРОД[1]

С.А. Никольский
Институт философии РАН

Аннотация: *Центральной темой данной статьи является проблема переосмысления имперского сознания россиян. Автор выделяет ряд черт имперского сознания и подробно рассматривает процесс имперского строительства, формирования и эволюции имперского сознания.*

Ключевые слова: *имперский народ, имперское сознание, имперское строительство.*

Может быть наиважнейшей мыслью, которая была воспринята и сохранена народами, населяющими Россию со времени падения Византии до наших дней есть мысль об империи и о том, что они — имперский народ. Мы всегда знали, что живём в стране, история которой представляет собой непрерывную цепь территориальных расширений, захватов, присоединений, их защиты, временных утрат и новых приобретений. Мысль об империи была одной из самых ценных в нашем идейном багаже и именно ее мы были готовы заявить и заявляли другим народам. Именно ею мы удивляли, восхищали или ужасали остальной мир.

С крушением СССР империя исчезла. И ни власть, ни общество, похоже, не знают — чем жить дальше. Ответа нет, а число ошибок, неизбежных при отсутствии цели и смысла существования, множится день ото дня.

Жизнь в империи не прошла для нас даром. За минувшие столетия имперское бытие сформировало наше сознание, вошло в культуру. Но адекватно ли наше имперское сознание сегодняшним реалиям? Хотим ли мы воссоздания империи из руин и способны ли к этому? А если не хотим, то, может, стоит задуматься, чего хотим?

* * *

Определений империи, как и реально существовавших государств такого типа, множество. Были Римская и Византийская империи, Османская, Британская, Китайская, Австро-Венгерская, Германская империя времён Бисмарка и Вильгельма, Веймарская республика, Третий Рейх, были Российская империя и Советский Союз[2]. Все имели особенности, охватить которые единым определением нельзя. По этой причине я попытаюсь дать определение

[1] Статья выполнена по гранту РГНФ 14-03-00192 «Образы прошлого в культуре и общественном сознании россиян XX — начала XXI века. Социально-философский анализ».

только нашей империи — от примерного времени ее возникновения в середине XVI столетия и до момента крушения СССР.

Российская империя и СССР должны быть рассмотрены как особый тип государства, способ хозяйственной и общественной жизни, особое сознание подданных. Для них характерны следующие черты, в чем-то повторяющиеся у других империй, а в чем-то уникальные. В числе их наиболее характерных черт были:

- максимизация территориального расширения ради экономических и политических интересов как один из важнейших принципов государственной политики. Цель присоединения народов вторична по сравнению с целью присоединения территорий. Отсюда — отношение к присоединяемым как к сопутствующему материалу;

- построение закрытой для внешнего мира самодостаточной экономической и общественной жизни (концепция единственной на свете «святой Руси», «железного занавеса»). Уверенность, что все, находящееся за пределами России, чуждо и враждебно ей;

- наличие в национальном самосознании представления о наличии у страны особой миссии. «Сверх-идеям» православия, «Третьего Рима», пролетарского интернационализма, «СССР — оплот мирового коммунизма» приписывалась неколебимая истинность и божественный характер. Возможность появления истинных и божественных идей у других народов исключалась;

- обязательность сакральной фигуры императора-вождя (самодержца — наместника Бога на земле, «отца народов», генерального секретаря), наделённого всеобъемлющей властью. Под его мировидение строятся и перестраиваются государственные институты — инструменты реализации его воли;

- гражданственность как качество населения невозможна, т. к. не имеет экономических, политических, правовых, культурных основ. Зачатки гражданского общества в форме свободных корпораций (боярской думы, автономных университетов, крупных общественных или частных объединений, парламента) если и возникают, то ограничиваются. Право — инструмент воли самодержца и государственной бюрократии;

- отдельный человек рассматривается как мелкая деталь большого механизма, его личностные особенности и интересы игнорируются (как говорил поэт: «единица — ноль»). Реализуется цель гомогенизировать население — воспроизводить подданных.

* * *

Трудно установить время, которое бы позволило точно определить «начальную точку» российского имперского сознания. Было ли это время падения Константинополя? Или это случилось при Иване Грозном, столетие спустя, когда по Европе распространилась реформация и, как считалось в Москве, прежде заблуждавшиеся, но все же христианские народы, теперь и вовсе сделались вероотступниками, а мы оказались последним оплотом правильного христианства?

С какого момента русские начали ощущать себя народом, который способен и имеет право подчинять себе других, главенствовать, определять свое и чужое настоящее и будущее? Когда начало проявляться наше имперское сознание, о котором не так давно один отечественный исследователь недавно писал, что «присоединяем мы к себе народы, или даже силой оружия покоряем — для их же Блага — с нами Бог! А если они с нами, то и с ними Бог. Россия потому и Россия, что она всегда права. Россия всегда на стороне Бога. Если она не права, то это уже, как бы, и не Россия». В общем, вслед за пророком Исайей: «С нами Бог, разумейте, народы, и покоряйтеся, ибо с нами Бог» (Исайя, 7, 18–19).

[2] В том числе, все существовали разное время. Примерно: Римская — восемь веков, Византийская — одиннадцать, Османская — пять, Китайская — три, Британская — 150 лет, Австро-Венгерская — 100, Германская империя времён Бисмарка и Вильгельма, Веймарская республика, Третий Рейх — 75, Советский Союз — 70.

Наука не знает, почему одни народы строят империи, а другие нет. Тем более — почему одни к разрушившемуся относятся без слез или даже разрушают свои империи сами, а другие, как мы, все никак не могут от этого отказаться. Защитники идеи империи как формы существования избранных народов доказывают, что строят империи только сильные народы, которые «обладают правдой от Бога» и которые ради этой правды готовы нести свои и чужие жертвы. Более того: те, кто утверждает, что «Россия — империя навсегда», добавляют, что, в отличие от прочих завоевателей-империалистов, мы реализовали не прагматически обусловленную, а особую «культурно-детерминированную» экспансию и действовали не ради собственного интереса, а для пользы присоединяемых и чаще всего бескорыстно, если не в ущерб себе. Но почему мы столь альтруистичны? На это ответа нет.

Пониманию, откуда взялось наше имперское сознание помогает история наименования «Третий Рим». Как известно, Древний Рим был первой мировой языческой империей, претендовавшей на включение в свои пределы всего цивилизованного мира. Политический, экономический, военный и любой иной изоляционизм от варварских народов, равно как культурный и правовой универсализм внутри империи были его главными отличительными признаками. Этническая принадлежность входивших в империю народов во внимание не принималась. Рим как продолжение Афин являл собой новое издание эллинистической цивилизации, ее культуры и религии, дополненных глубоко разработанным правом. При этом религия пронизывала государственную жизнь, а отношения человека с богами реализовывались под строгим государственным контролем.

Пришедшая с распространением христианства на смену Рима Византия с самого начала заявила о себе как о земном бытии Царства Небесного, а о фигуре императора — как о наместнике Бога. В качестве идеала Византия провозгласила сообщество людей на основе общей правильной (православной) христианской веры. Различение языков, этносов, культур не просто игнорировалось, но считалось следствием греха, самовольной попытки вавилонского покорения Небес. Православием Византия преодолевала любой национализм. Власть государства была всеобъемлюща. Каждый подданный рассматривался как винтик единого механизма, который мог быть извлечён из глубин любого социального слоя и прилажен к нужному месту. Император управлял империей, а все иные народы ранжировались как «полезные» или «вредные» для православного государства.

Россия, бывшая частью Византийского мира, после падения Царьграда ощутила себя сиротой, но, вместе с тем, и единственной наследницей великой империи. Россия воспроизвела, хотя и существенно скорректировала основные имперские принципы Византии. Сохранив изоляционизм от неправославного мира, хотя и не варварского, как считали в Византии, но погрязшего в заблуждениях и грехе, русские сосредоточились на расширении и укреплении границ своего царства. Для этого, как универсально обрисовывал ситуацию Лев Толстой, на Кавказе «русскими мужиками, обстриженными и одетыми в мундиры и вооружёнными ружьями со штыками, убивались тысячи людей, защищавших свою свободу, свои дома и семьи». То же самое делалось и на других «окраинах», за что царские начальники «получали ордена и новые украшения на мундир». И это не было отдельными мероприятиями Российской империи. Тот же Толстой, как известно, задумывал роман о «силе завладевающей» — главном божеском призвании русских. Эту мысль — о мирном завоевании необъятных восточных пространств — неоднократно высказывал в «Анне Карениной» и его любимый герой Константин Левин.

При этом, в отличие, например, от имперской политики Англии, внутри страны православного миссионерства среди присоединяемого туземного населения по мере продвижения на запад, юг и восток не было. Приятие в православие считалось делом Божьего Промысла. Однородность империи покоилась на религиозной основе декларативно. Фактически же в ее границах сосуществовали мусульманский, буддийский, католический и протестантский

миры, а гражданство (подданство) предоставлялось по факту проживания в границах империи и было предварительным условием обращения в православие.

Как и в Византии, на государство смотрели как на икону, но «симфонии» государя и патриарха не было, а царю божественная воля приписывалась даже в большей, чем у византийцев, мере. И если от подданных империи не требовалось православного религиозного служения, то им предписывалось отнюдь не меньшее служение царю как помазаннику Бога и столпу государственности.

Усиление тенденции «самодержавства» в противоположность «самовольству» выразилось и в том, что русские последовательно игнорировали входившее в византийское наследство римское право. Покоившееся на идее частной собственности и личности как субъекта правоотношений, оно не только не стало как в Византии основой имперского универсализма, но, напротив, сделалось угодливой служанкой царской власти. Гражданство в Российской империи, лишённое политических, культурных и правовых основ, было «гражданством» по месту нахождения человека на определённой территории, включённой в состав государства. У земель было больше прав, чем у населявших их жителей. Уже Иван Грозный «тасовал» бояр между территориями «опричнины» и «земщины», между центральными и отдалёнными регионами, таким образом определяя меру их приближения к себе и степень «достоинства», без суда, по личному решению сотнями грабил, пытал, казнил. Самодержавный произвол сделался одним из столпов Российской империи.

Параллельно со становлением российской империи посредством наращивания территорий шло формирование имперского сознания. Мощный импульс российской имперской идее в начале XVI века придала формула псковского монаха Филофея «Москва — Третий Рим». Но кроме знаменательной масштабной цели идея содержала в себе и важный для самодержавной нацеленности российской власти чрезвычайный характер. Москва объявлялась Римом не только следующим, но — главное — последним и на короткий срок, так как конец человечества якобы был близок. Поэтому задача спасения правильного христианства публично возлагалась русскими только на себя, а исключительный характер исторических обстоятельств оправдывал и требовал от них чрезвычайных действий.

Конец света, однако, все не наступал и для поддержания имперской идеи понадобился новый материал. Поскольку правовых отношений между государством и подданными не предполагалось, начиная со второй половины XVI века набирает силу процесс закрепощения крестьянства и дворянства самодержавной властью. Даже появившееся спустя столетие послабление для дворянства в виде указов Петра III, а затем и Екатерины II, согласно которым оно освобождалось от обязательной 25-летней гражданской и военной службы, коренным образом их отношений с высшей властью не изменило.

Думаю, со времени сформулированных Иваном IV идей «самодержавной воли» и «единственной истинной веры» можно говорить об элементах целенаправленного имперского строительства со стороны власти и о запущенном процессе формирования у русского народа имперского сознания. «Самодержавство» Ивана Грозного было и реакцией на реформацию в Европе, что верно было истолковано как увеличение степени свободы индивида, недопустимого для России.

Процесс имперского строительства и формирования имперского сознания шёл противоречиво. С одной стороны, в него входили представления об общине — крестьянском мире, которым крестьяне отгораживались от государства. С другой, формировалась логика захвата, перехода на новые, принадлежащие инородцам и потому «не занятые» земли, что совпадало с хозяйственной практикой экстенсивного ведения хозяйства. В этом крестьянство было с государством заодно и это в последующем дало основание спекулировать на идее «русский народ — народ-государственник». Само собой, что в обоих отношениях право если и присутствовало, то только условно-декларативно и на высшем уровне, в то время как на практическом, низовом имела место камуфлированная под мирное сосуществование колонизация. При

этом, захватывавший чужие территории русский народ был преисполнен веры в свою государственническую миссию. Считалось, что там, где живут русские, там Бог и Российская империя.

Нельзя, однако, забывать, что на новые земли народ гнала хозяйственная нужда, безземелье или стремление уйти от власти государства. Как полагали, например, старообрядцы, убегая на восток, они уносили с собой Святую Русь от антихриста — государства. Однако власть шла следом за народом, шаг за шагом возвращая его в подданство и, одновременно, расширяя свою территорию. Как свидетельствовал один русский чиновник, разницы между Ермаком и генералом Черняевым («Ташкентским львом») нет никакой.

В строительстве империи посредством колонизации окраин русские не были исключительно миротворцами, как это пытаются представить сегодняшние защитники идей «духовных скреп». Мирным путём цели достигались только там, где мы встречали народы со слабо развитой культурой и национальным чувством. Там русский рецепт имперскости — личного бесправия (холопства), господства самодержавной воли, отсутствия закона и гомогенизированного индивида в массе подданных принимался аборигенами без сопротивления.

Но там, где русским колонистам противостояла сколько-нибудь развитая государственность, культура, личное и национальное чувство, там дело, как правило, не решалось миром или и вовсе терпело провал. В отличие от мирной колонизации, колонизация военная требовала всестороннего «усмирения» — вплоть до уничтожения — «буйных» туземцев. В случае победы их общественная жизнь — управление, суд, социальная стратификация — приводилась в соответствие с российской, а их национальный высший слой включался в имперский.

В обоих, мирном и военном вариантах русского строительства империи, слабо присутствовали просветительский и цивилизационный элементы. Главным образом преследовалась цель гомогенизации населения территории — основы государственного единства. Конечно, там, где это было возможно, ассимиляция закреплялась православным крестом. Но там, где это, как, например, в Туркестане, исключалось мусульманством, власть была вынуждена довольствоваться фактом территориального гражданства.

Гомогенизация (покорение с усреднением, низведением личностного начала до ничтожества и холопской покорности, приучение жить по воле ближнего наместника и дальнего царя) как доминирующий имперский принцип требовалась потому, что была единственным способом успешно осуществлять централизованный способ управления. Самодержец волею Божьей мог управлять, только предельно упростив все управляемые субъекты. Реализация желания быть вездесущим и править исключительно лично требовала сокращения количества управляемых до небольшого числа.

Культура как постоянное увеличение разнообразия и просвещение как рост информационного содержания каждого управляемого элемента имперской системе были категорически противопоказаны. При самодержавном способе правления культура делалась тем, что мешало, считалась вредной. По этой причине высокая культура допускалась в ограниченном и часто оскоплённом виде, зато процветала выгодная империи культура «массовая».

Имперское строительство было не только государственной, но и народной политикой. К переселению крестьянина центральной России толкала постоянно усиливающаяся при экстенсивном ведении хозяйства «теснота жизни», а закабалённые могли обрести волю только на чужой стороне. По этой причине свободные переселения (равно как переселения беглых) нельзя относить к беспричинным, неразумным или выгодным только власти. Существовал созданный крестьянами институт ходаков, которых общины посылали в предполагаемые районы переселения для сбора нужной информации.

Однако крестьянство, как и управленческий слой русской колониальной администрации, придя на «незанятые» земли как захватчик, по-своему было заинтересовано в сохранении примитивного уровня сознания и культуры аборигенов. В лице туземцев русские переселенцы обретали ещё более бесправных перед российской властью людей, чем они сами. И,

значит, у них появлялась возможность переложить на них часть той тяжести, которая ранее всей своей силой давила их самих. Кроме того, поскольку вслед за народом на колонизованные земли приходила государственная власть, русские оказывались под ее защитой и по этой причине тоже рассматривались местным населением в качестве привилегированного класса. Причём для этого не требовалось ни образованности, ни принадлежности к высокой социальной группе, ни, тем более, личных усилий и качеств. Достаточно было национального признака. То, что это было непременно так, подтверждается и отношением русских к евреям, столетиями живших в стране, но, тем не менее, считавшихся за инородцев. Они, как отмечает, например, Н.С. Лесков, оставались «на своей родине не более как теми же ««презренными жидами», которым считает себя вправе оказать пренебрежение всякий безграмотный мужик, полуграмотный дьячок и самый легкомысленный газетный скорописец». Поэтому одно из наиболее обоснованных, на мой взгляд, объяснение причин активного участия народа в строительстве империи и сохранения имперского сознания состоит в следующем: русский народ бежал от власти и к власти стремился.

Впрочем, самодержавно-православная парадигма российской власти, дававшая результат от середины XVI столетия до Октябрьского переворота, во времена советского строя должна была быть заменена, что и произошло.

* * *

В сравнении с российской империей замысел имперского СССР был более эффективной попыткой, но, в то же время, и более безнадёжным в своем результате опытом. Как эффективная попытка он нивелировал ряд свойственных русским качеств, вредных для имперского строительства. Так, многими исследователями отмечалась нетерпимость русских к национальным проявлениям государственности и культуры, их склонность грубо гомогенизировать аборигенов перед лицом государственной власти. Эти качества был призван нейтрализовать пролетарский интернационализм. Далее. Склонность к доминированию по признаку принадлежности к великорусской нации успешно блокировалась, во-первых, введением концепта лишённого национальности «трудящегося пролетарского государства», и, во-вторых, «ленинской национальной политикой», вводившей для прежде угнетавшихся нерусских наций в качестве компенсации массу «льгот». В совокупности эти идеи были призваны заменить православие как главный идеологический принцип Российской империи. Что же до идеи самодержавия, то она получила новую жизнь в форме верховной власти партии большевиков и ее централизованной управленческой структуры при сохранении традиционного для России манипулирования или небрежения правом.

Российская империя, каковой она подошла к началу XX столетия, не представляла собой целостного образования. Это был, если помнить о Финляндии, Закавказье и Средней Азии, конгломерат территорий с разными формами интеграции в имперское целое. И хотя имело место государственное политическое единство, но имперский принцип не был реализован в полной мере и на его основе не удалось до конца создать гомогенную массу подданных. Все эти проблемы достались в наследство советской власти — «правопреемнице» Российской империи.

Технология создания советской империи изначально была задана фактом «Октябрьского переворота» — комплексного явления, включавшего в себя свержение Временного правительства, роспуск Учредительного собрания, роспуск Советов и водворение на их место комитетов деревенской бедноты и «красным террором». Последовавшим за этими событиями продолжением — разжиганием гражданской войны как средством перехода от буржуазно-демократической революции к социалистической и введением «военного коммунизма» Ленин заложил основы нового имперского целого. Разумно рассудив, что господство над финнами, привыкшими к жизни при собственном парламенте и конституции, обойдётся со-

ветской власти недешево, от их включения в создаваемую империю он отказался. Но в отношении остальных «окраин» имперская идея проводилась неуклонно.

Поставленный на место православия пролетарский интернационализм не был обременён имперскими ценностями Византии и России, в особенности вниманием Константинополя к культуре и праву. Вместо них последовательно культивировалась ценность так называемого классового подхода и революционного правосознания. Более того. С первых шагов советской власти была сделана заявка на потенциальное расширение советской империи за наличные пределы. Средством должен был стать экспорт революции, для подготовки и реализации которой создавался институт III Интернационала. Всерьёз обсуждалась идея наступательной социалистической войны советской России против стран Европы для поддержки пролетариата этих стран.

Имперское строительство при советах обрело новое содержание и во внутренней жизни страны. Замена частнопредпринимательской экономики плановым хозяйством означала включение хозяйственной компоненты в имперскую цель гомогенизации подданных под управлением централизованной диктатуры.

На советскую гомогенизацию работала большевистская «трёхчленка» социальной структуры — наличие «классов рабочих и колхозников с «прослойкой» из интеллигенции». Кроме того, решению имперской задачи создания единого экономического пространства способствовали и абсурдные хозяйственные решения, прежде всего связи между источниками сырья, производителями и потребителями. Исключительно в целях политической целесообразности все эти элементы хозяйственного целого были механически рассредоточены по территории страны без учёта не только хозяйственной выгоды, но даже особенностей климата и природных условий. Достижению цели гомогенизации подданных советской империи способствовало и состояние всеобщего бесправия и уязвимости населения перед властью. У людей систематически вырабатывался комплекс «вины каждого» и «права власти на насилие над каждым», что подкреплялось постоянными репрессиями без различения национальности, социального положения, возраста, пола, личных заслуг, места нахождения и т.п.

Ещё одним новым инструментом и, одновременно, продуктом советского имперского строительства стал концепт «свободной и счастливой жизни» в имперском СССР и, главное, абстрактная идея «светлого завтра». Концепт «счастливая жизнь» был сложным мировоззренческо-идеологическим образованием. В него входило доставшееся ей от Российской империи наследство в виде полиэтнического состава населения в разной степени гомогенизации. Повсеместно, благодаря усилиям центральной и региональной большевистской власти, выжившее в гражданской войне (одержавшее победу) население было спаяно кровью своих единоплеменников, пролитой ради «светлого завтра». В него включался и нагнетаемый властями психоз в связи с возможностью уже после окончания гражданской войны новой внешней агрессии, и связанная с этим необходимость подготовки для борьбы с иностранным врагом за счастье трудящихся всего мира. Это была и непрекращающаяся борьба в верхних эшелонах власти. В «счастливую жизнь» после НЭПа вошла и коллективизация и, значит, новые смерти и кровь.

Жизнь в советской империи покоилась на небрежении правом, так как при реализации таковой в будущем потребность в праве, как и в государстве, как обещали, отмирала. Но если царское самодержавие, в особенности после судебной реформы Александра II, все же начало реальный поворот в направлении законности, то имперский СССР высшим выражением права сделал беззаконие. Начал он с провозглашения высшей юридической нормой «пролетарского классового сознания» и «революционной целесообразности». Однако эти категории, не имеющие адекватного правового оформления, для своего существования нуждались в общественном приятии, каковое и обнаружилось в сознании пролетарских масс. Почему же именно общественное сознание выступило основой имитировавшего право «пролетарского классового сознания» и «революционной целесообразности»?

Это произошло, во-первых, в силу той «физической чистки», которую при опоре на люмпенов из всех социальных слоёв начали проводить среди населения большевики. Не только уничтоженные в гражданской войне, но десятки и сотни тысяч постоянно убиваемых или изгоняемых из страны людей в результате перманентных политических и экономических компаний вплоть до смерти Сталина стали результатом невиданного в мировой истории социального отбора. Критерием отбора была практическая и идеологическая лояльность большевистской власти, ее идеологии и, в том числе, идеалу «счастливой жизни».

К восприятию категорий классового сознания и революционной целесообразности общественное сознание было, во-вторых, подготовлено исторически. Нельзя забывать, что при отсутствии в стране права как одной из важнейших форм регуляции отношений между как людьми, так и между обществом и государством, необходимые для жизнедеятельности функции регулирования и управления вынужденно принимают на себя иные социальные и личностные механизмы. Так, если в обществе столетиями не было правовых механизмов согласования и договора, равно как сопутствующих им механизмов толерантности и компромисса, то это не значит, что люди не строят между собой отношений, государство перестаёт управлять, а общество перестаёт управляться и самоуправляться. Конечно, во всех социальных группах продолжают действовать нормы обычного права, работают традиции и их роль возрастает. Однако нормы и традиции принимаются далеко не всеми или их не всегда оказывается достаточно. И в этом случае в ход пускается естественный древний заменитель права — насилие.

Насилие как угроза и форма приведения к согласию разных интересов — основной для царской и советской России государственный регулятор. К насилию, однако, с одной стороны, можно привыкнуть или найти способы его минимизировать, а с другой, чтобы быть эффективным, оно должно становиться все более жестоким. Но насилие, также ещё и наиболее простая, доступная каждому форма «взаимосогласования» отношений и интересов. Поэтому форма эта легко могла стать и стала народной. При этом, если в царской империи в межличностном общении для подданных все же иногда работал сдерживающий религиозный фактор, то в советской империи религиозного фактора заведомо не было, а, напротив, было требование максимальной беспощадности по отношению ко всякого рода «врагам», что заведомо исключало любое проявление сострадания и жалости. Более того: насилие поощрялось, а его недостаток властями расценивался как предательство и преследоваться. Таким образом, жестокость как норма и средство общения в России стали одним из культивируемых признаков, условием выживания в стране, а позднее сделались важными атрибутами имперского СССР. Именно они были тем реальным и всеми хорошо ощущаемым основанием, который до времени прикрывался феноменом «дружбы народов» и идеалом «счастливой жизнью». Однако если возникала надобность, то в скорости появления на свет насилия не сомневался никто.

Ещё одной чертой имперского сознания является сопутствующее насилию презрение к человеку, отношение к нему как к объекту для гомогенизации. Поскольку империи прежде всего заботились о том, что имело отношение к их природе или входило в сферу их интересов, то до частных интересов отдельного человека дело, как правило, не доходило. Примеров такого рода так много, что для прояснения этой характеристики следует обратиться и в самом деле к чему-то исключительному. Таковым, например, в истории Российской империи мне представляется факт отношения власти к последним дням жизни Льва Толстого. Авторитет всемирно известного писателя был столь высок, что даже царь и его ближайшие чиновники при жизни никогда не допускали мысли о каком-либо властном на него воздействии или, того пуще — насилии, хотя поводов для этого писатель давал много. Но все это относится к ситуации, когда писатель жил сам по себе. Но вот на станцию Астапово Рязанско-Уральской железной дороги ночью 31 октября 1910 года приезжает больной Толстой, чтобы здесь через шесть дней умереть. Об этом узнает страна и сюда устремляются массы народа. Что же власть?

Первоначально она старается снизить интерес общества и сделать событие рядовым. С этой целью рязанский генерал-губернатор князь А.Н. Оболенский пытается выжить со станции корреспондентов. Ради этого закрывают станционный буфет, а когда журналисты жалуются наверх, то о них все же решают проявить заботу — выдают матрацы и лампы. Вместе с тем, местным начальством рассматривается вариант перемещения Толстого — неизвестно куда, но лишь бы с подвластной территории. Так, один высокий чиновник спрашивал другого: «Телеграфируйте кем разрешено Льву Толстому пребывание Астапове станционном здании[3], не предназначенном помещения больных. Губернатор признает необходимым принять меры отправления лечебное заведение или постоянное местожительство». Несомненно, что если бы ущерб от скандала не превысил издержек по «неразрешенному пребыванию» тяжко больного, его бы, хотя и насильно, но «переместили» бы. Это же в массовом порядке и делала, например, власть в имперском СССР, не разбираясь, имеет ли дело с отдельным человеком, сельским сообществом или народом. Адресом же «перемещения» могла быть либо окраина СССР, либо и вовсе «тот свет».

Эти и иные подобные меры властей постоянно культивировали новое имперское сознание россиян в СССР. При этом, основные черты строящейся советской империи либо оставались теми же, что и в российской империи, либо ещё более усугублялись. Таким, к примеру, был изоляционизм по отношению к внешнему миру. «Оплот трудящихся всех стран» скрывался за железным занавесом, защищавшим от врагов и от познания советскими людьми внешнего мира. Внутри страны процветал не виданный ранее универсализм на основе коммунистической идеи. Ни на день не прекращалась тотальная гомогенизация населения. Была разработана и успешно осуществлялась специфическая, «пролетарски» переработанная культурная политика. Доставшаяся от Российской империи культура безжалостно переделывалась — «исправлялась». И, наконец, шла тотальная коррекция (переформатирование) народной памяти. О соплеменниках, уничтоженных и уничтожаемых ради «высокой» идеи, предписывалось забыть как о врагах или как о неизбежных исторических жертвах[4].

За любое, ставшее известным несогласие с каким-либо из этих принципов советской империи полагалась немедленная жестокая репрессия. Идеологическое обоснование этих мер там, где она требовалась, применялось государством не «просветительски» и постепенно, а властно-репрессивно и в жёсткие сроки. Думаю, что для построения советской империи у большевиков был свой «пятилетний» план, который, как и остальные, предполагалось осуществить в два-три года. Но, к счастью, как и остальные, он не был успешно завершён, хотя и нанёс огромный вред.

* * *

Я уже отметил, что сегодня у власти и общества, на мой взгляд, нет сколько-нибудь ясного представления о том, что делать на руинах советской империи: пытаться продолжать или даже изобретать новую империю, либо строить нечто иное. Чтобы попытаться ответить на этот вопрос, несколько слов следует сказать о доставшемся нам наследстве. Для этого среди «ценностей» последней империи, до сих пор не преодолённых в общественном сознании и даже пользующихся популярностью и поддержкой у отдельных категорий граждан, выделю несколько, наиболее, на мой взгляд, значимых.

[3] Комнату тяжело больному Толстому из сострадания предоставил в своей квартире начальник станции.

[4] Масштабы предназначенного к забвению, не прояснены до сих пор. Сколько — один, шесть или десять миллионов было уничтожено в СССР в коллективизацию, в том числе и в ходе военных действий частей Красной армии против восставших сел? Сколько — половина или более половины населения Казахстана и Башкирии погибло от голода в результате реквизиций у него скота? Сколько крестьян Украины и Поволжья умерли от голода после выполнения сталинских планов хлебозаготовок? И т. д., и т. п.

Возможно, на первом месте здесь следует поставить «ценность» страны, которую раньше «все боялись» и, как очевидно думает эта категория населения, по этой причине «уважали». Нечто рациональное из страха перед нами можно вывести только следующим заключением: если мы делали что-то заведомо недоброе, то нам не только не противились, но и не показывали вида.

Существенно померкла, но все ещё жива «ценность» пролетарского интернационализма. Слава Богу, последним прецедентом реализации этой идеи на практике был Афганистан. Позднее, даже имеющий российские имперские корни опыт войны на стороне «сербских православных братьев», не говоря уже о военной «солидарности» с социалистической Югославией против НАТО, ограничился маневром над Атлантическим океаном самолёта тогдашнего премьер-министра. Таким образом, идея экспорта коммунизма, будем надеяться, сдана в архив.

Туда же отправлена и «ценность» жизни в империи больших народов, расположенных по периметру нашего отечества и включённых в Российскую, а затем и в советскую империю. Свое отношение к империи «национальные окраины» высказали ещё в 1991 году. Что же до «окраин» внутренних, то одно дело — Кавказ, и другое — Татарстан, Башкирия и другие этнические сообщества. И если с последними двумя общий язык и совместное развитие нащупывается, то с Кавказом перспективы конструктивного взаимодействия вряд ли устойчивы. Не анализируя эту тему в силу ее сложного специального характера, отмечу лишь одно. Ещё русские колонизаторы, которые вели захватнические войны против черкесов, (как скопом именовали все народы Кавказа), поняли безуспешность попыток распространить на них православие и самодержавие. Их не удалось в полной мере ни гомогенизировать в «трудящихся СССР», ни «переделать» в духе идей «пролетарской диктатуры». Думаю, что они составили себе представление и о современном российском «единодержавии» и новом варианте «дружбы народов». И рассчитывать на попытки реинкарнации советской империи на их территориях, хотя бы и в модифицированном варианте, нельзя.

К перечню «ценностей» последней империи следует добавить и свойственную значительной части населения современной России «антикапиталистическую ментальность». В существо капиталистического способа производства включается частная собственность, определение максимизации дохода и пользы как цели хозяйствования, координация хозяйственной деятельности через рынки и систему цен, почти полное исключение из межчеловеческих связей патернализма и отношений типа «раб — господин», стремление к утверждению верховенства закона. Естественно, что наше общество, привыкшее к царскому или советскому произволу, в том числе и прежде всего в отношении института частной собственности, равно как и к типам хозяйствования и потребления, далёким от рациональности и личной, не зависящей от «господина» выгоды, в массе своей не готово к быстрому переходу на капиталистические основания жизни. Думаю, что и современная российская власть иногда искусственно подпитывает антикапиталистические настроения населения.

Все перечисленное, если иметь в виду перспективу не загнивания и даже возможности исчезновения нашего народа, а его возрождения на новых основах, заставляет рассматривать попытку нового имперского строительства как дело убийственное. Так что же нам делать?

На мой взгляд, речь должна идти о смене россиянами своей имперской идентичности на патриотическую идею возрождения народа и страны без имперских целей. А это предполагает, глядя из глубины почти пятисотлетней истории, организацию непривычного для нас дела — введение в состояние цивилизованности самих себя. Не привычно это, во-первых, потому, что предмет усилий из внешнего (активность, направленная на других) становится внутренним (активность направляется на самих себя). Сложно это, во-вторых, потому, что содержанием активности вместо православия и самодержавия или коммунистической идеологии, власти партии или властной группы становится развитие, распространение и укрепление культуры и права.

Отказ от попытки воссоздания империи формулирует вопрос о форме государственности. Таковой в России, на мой взгляд, должна стать давно существующая в развитых странах форма — национальное государство. Но это, конечно, не «государство русских», если развивать далее идею «русские — государствообразующий народ». Нация в национальном государстве — не этническое, а гражданское единство. Гражданская нация — сообщество граждан, которые принадлежат к разным этносам, социальным группам и исповедуют разные религии, но признают свою историческую и культурную общность, активно развивают политические и правовые связи с государством и между собой в общенациональном деле — созидании свободного, демократического, открытого и миролюбивого общества, в основе которого — капиталистический способ производства.

* * *

Долженствование по отношению к будущему справедливо вызывает улыбку. Однако не стоит чрезмерно критически относиться к попыткам посмотреть на то, что можно назвать его ростками. Кроме того, и то, что я буду говорить далее в связи с идеей национального государства, я предложил бы рассматривать не как обязательное долженствование или, тем более, неизбежность, а только как регулятивную идею. Регулятивная идея — это тезисы, к которым предлагается относиться как к тому, что может быть принято обществом в качестве желательного. В этом смысле и христианская доктрина — регулятор, который не всегда и не везде срабатывает, но который существует и работает в сознании и в действиях.

Итак, говоря о национальном государстве, прежде всего следует сказать о субъекте его строительства. Таким коллективным субъектом, на мой взгляд, сегодня могут и уже начинают выступать те, кого следовало бы называть «новой элитой» — лучшими. Что имеется ввиду?

В каждой социальной и профессиональной группе есть эффективные люди, которые о самих себе говорят как о «нормальных», что, с поправкой на скромность, означает знающих, ответственных, энергичных, честно делающих свое дело. Именно они, материализуя свойственное им желание — отрицать среди сущего «плохое» и утверждать «лучшее в качестве должного» — могли бы стать коллективным субъектом строительства новой стадии российского государства.

В этой связи хотел бы напомнить о начальной стадии процесса создания национального государства во Франции, поскольку весь процесс вышел за пределы столетия. Как отмечают исследователи, французская революция не была совершена определённой партией или движением в соответствии с какой-либо программой. Движущей силой революции выступала группа «буржуазии», воспринявшая от философов и экономистов идеи классического либерализма. По этой причине «философы» могут считаться ответственными за революцию. Именно их абстрактные тезисы «овладели массами».

Не думаю, что было бы ошибкой указать и на то, что аналогичный субъект активности при запуске процесса рациональных аграрных реформ в России видел, например, П.А. Столыпин, когда говорил, что в политике будет ориентироваться «не на пьяных и слабых, а на трезвых и сильных». Метафора премьер-министра не смущала, а успешно начатое им реальное реформационное движение подтвердило, что понятная обществу абстракция «сильные» вовсе не помеха.

Но обладает ли наша элита самосознанием, достаточным для активного действия? Иными словами, насколько она готова выйти из вялотекущего процесса «стабильности-деградации», который под управлением властных «псевдо-элит» возобладал в современной России? Но насколько их идеалы, ценности, стандарты деятельности и поведения готовы воспринимать другие члены их профессиональных групп, а также иных социальных слоёв? Очевидно, в зависимости от ответа на этот вопрос потребуется тот или иной характер социальной рабо-

ты и активности как внутри «новых элит», так и этого коллективного субъекта с иными слоями общества.

Попутно отмечу, что похожая просветительско-культурная работа в нашей стране уже была. В начале XX века, когда озабоченные проблемой «окультуривания» русской деревни в нее шли учёные-кооператоры и общественные деятели, заботясь не только о продвижении в аграрный сектор передовых сельскохозяйственных знаний, но и ставя более общую цель — цивилизационного подъёма народной жизни. Очень скоро, уже к началу 1917 года, до 75% крестьянских дворов России были вовлечены в те или иные формы кооперации, «охвачены» просветительской деятельностью. Не удивительно, что после прихода к власти большевиков именно кооператоры и кооперация как массовое проявление энергии гражданского общества были определены Лениным «врагом № 1» и в период политики «военного коммунизма» подверглись уничтожению. Этот период просветительской работы охватывал от пятнадцати до двадцати лет. Но в какой мере в это время в нем произошло становление новой элиты, сказать сложно.

Думаю, что ясного ответа на поставленные вопросы пока нет. Однако понятны две вещи. Первая: ждать, пока новые элиты себя самоосознают и обнаружат, пока сама собой случится смена идентификации россиянина, не стоит. Если у какой-то части общества есть понимание необходимости начинать работать, то это и есть достаточный сигнал для начала действий. Тем более, что очевидно: только длительная, проводимая не только интеллигенцией, а «верхними» слоями социальных групп «культурническая» и политическая работа приведут к становлению гражданской нации, сформируют у членов общественных групп устойчивые привычки эффективно и добросовестно делать свое дело, думать и поступать не «под давлением производимых властями обстоятельств», сиюминутных выгод, но так, как «должно». При этом начинаться этот процесс, который в перспективе может вылиться в общественное «культурное движение», очевидно, будет как индивидуально, так и в группах, независимо от географии, профессии, возраста. В последнем случае, конечно, это должно быть включено в существующие воспитательные и образовательные механизмы, так что без активного участия государства здесь не обойтись.

* * *

В заключение повторю: России пора перестать имитировать признаки империи. Эволюция российской государственности в форму национального (гражданского) государства в современных условиях возможна и необходима. Содержанием этой работы, наряду с прочим, видится и корректировка идентичности современных русских — вытеснение из нее имперской составляющей и наполнение смыслами и ценностями культуры и права. Исторического опыта такого рода работы у нас нет. Но и империю воссоздать нельзя. Остаётся заняться созданием самих себя.

Андерсон Б. (ред.). 2002. *Нации и национализм*. — М.

Лесков Н. 1956. *Собрание сочинений в одиннадцати томах*. — М.

Лурье С. 2012. *IMPERIUM. Империя — ценностный и этнопсихологический подход*. — М.

Малинова О. 2013. *Конструирование смыслов*. — М.

Миллер А. 2006. *Империя Романовых и национализм*. — М.

Наследие империй… 2008. *Наследие империй и будущее России*. — М.

Никольский С.А., Ходорковский М.Б. (ред.). 2013. *Государство. Общество. Управление*. — М.

Солоневич И. 2006. *Мировая революция*. — М.
Толстой Л. 1978. *Собрание сочинений в двадцати двух томах*. — М.
Хобсбаум Э. 1999. *Век империи*. — М.
Хоскинг Д. 2000. *История Советского союза*. — М.

ОБЩНОСТЬ ИСТОРИЧЕСКОЙ СУДЬБЫ: ИСПЫТАНИЕ МАЙДАНОМ

В.Н. Ткаченко
Национальная академия педагогических наук Украины

Аннотация: *В статье анализируются истоки, движущие силы и течение гражданского противостояния в Украине, известного как Евромайдан 2014 года.*

Ключевые слова: *Евромайдан, Антимайдан, гражданское противостояние, евроинтеграция, международные санкции, виновник кровопролития, идентичность сопротивления, идентичность проекта будущего, «двойная периферия», «война миллионеров против миллиардеров», «миллениумы», «родовой» труд, «самопрограммированный» труд, «титушки», социальное исключение, политика «сильной руки», антикриминальная революция.*

Летом 2013 года, думая о перспективах евроинтеграции Украины, я был озабочен вопросом зрелости украинского общества, его готовности сделать решительный шаг и порвать с имперским прошлым, которое глубоко засело в мировоззрении определённой части населения нашей страны, вошло в подсознание, жизнь, быт и привычку. Российская империя, к обустройству которой в течение более чем трех столетий украинцы приложили немало усилий после Переяславского договора 1654 года (и в этом они преследовали свой определённый национальный интерес), даже после провозглашения независимости Украины в 1991 году все ещё оставалась весомым фактором общественной жизни, заметной составной политической культуры и духовной жизни в целом. В частности это проявилось в процессе фольклорной стереотипизации украинцев в имперской культуре (как русской, так и украинской), где украинцы часто воспринимались как некая экзотическая группа верноподданного «поющего и пляшущего племени». Яркий пример того — метафоричное изложение Николаем Гоголем в повести «Ночь перед рождеством» встречи запорожцев с Екатериной II, где они пали ниц, отказываясь подняться.

Майдан человеческого достоинства

Апеллируя к метафоре Николая Гоголя, я тогда — за полгода до Евромайдана — выразил свои предчувствия в такой форме: «Знаете ли вы украинскую ночь? Нет, вы не знаете украинской ночи! Особенно это касается ночи перед Рождеством. Да и летней ночи, где до сих пор на всеукраинской Сорочинской ярмарке под окнами хат шатается со свиным рылом

красная свитка, смущая православный люд призывом „вернуть все богатство народу“. А на призыв встать в полный рост на пути евроинтеграции, некоторые правнуки запорожцев, под дикий хохот Басаврюка, до сих пор традиционно отвечают: „Не встанем, мамо! умрём, а не встанем!“. Однако, прогноз мой все же заканчивался надеждой на то, что «по законам жанра, скоро будет светать… А затем пропоют и третьи петухи» [Ткаченко 2013: 186].

Дело не обошлось петухами… В ночь с 10 на 11 декабря 2014 года, незадолго до Рождества, на звоннице Михайловского собора послышался гул всех колоколов. В набат били монахи, призывая киевлян выйти на улицы, дабы остановить штурм спецназом митингующих на Евромайдане. Звонили три часа подряд. По словам звонаря — аспиранта Киевской православной богословской академии Ивана Сидора — «Святейший Патриарх Филарет распахнул двери монастыря, а наместник Агапит благословил колокольный звон. Церковь должна быть с народом, она создана Христом, чтобы спасти человечество. Церковь, которая закрывает двери перед людьми — это не церковь». В этой связи «именно колокольным звоном я пытался прогнать из душ людей тьму и зло, которое там поселилось» [Звонарь Евромайдана… б/д]. Киевляне подтянулись на площадь, Евромайдан выстоял, и с первыми лучами солнца спецназ постепенно ретировался в места своей дислокации. Проба сил состоялась, и стало ясно: это воспарил НАРОД, ибо «чтобы взлететь, птица должна стать гордой».

А что же сильные мира сего? 13 декабря в заявлении, обнародованном пресс-службой СКМ (System Capital Management) от имени самого богатого человека Украины Рината Ахметова ситуация была прокомментирована следующим образом: «Украина и президент (Виктор Янукович) три с половиной года шли по европейской дороге. И за это время было очень много сделано. В Вильнюсе соглашение не было подписано. И у всех возник вопрос — что случилось? Украина взяла паузу? Украина остановилась? Или Украина пошла в другую сторону? Все хотят иметь ясность… Люди стали искать ответы и вышли на Майдан. То, что мирные люди вышли на мирные акции, говорит о том, что Украина — свободная демократическая страна. И с этой дороги Украина не свернёт. И это очень здорово. Но то, что в эти дни пострадали люди, это — недопустимо» [Главный олигарх Украины… б/д]. Такой комментарий обнадёживал, более того — он как бы поддерживал все происходящее со стороны украинского крупного капитала.

Это дало отмашку ведущим телеканалам крупнейших украинских олигархов. Они вдруг начали освещать события достаточно широко, с претензией на объективность. Во всяком случае, интенсивность подачи материалов была невиданная ранее. Майдан завоевал национальное медиапространство, а вскоре этот украинский феномен стал фактором воистину вселенским. Хотя в ряде СМИ, в том числе и российских, все ещё пытались создать имидж Майдана с элементами карнавала. Так, внимание, например, фокусировалось на приготовлении в большущих казанах борща на Крещатике и тому подобное. И ведь неспроста. Этот умилённо-этнографический колорит должен был «замылить глаза» и помешать увидеть главное — миллионную демонстрацию протестующих родителей после избиения их детей — пикетировавших студентов в ночь на 30 ноября. Люди пришли отстоять свое достоинство, честь своих детей и будущее своих внуков. И какой же профессиональной близорукостью нужно было обладать, чтобы на ряде телеканалов постоянно уменьшать число демонстрантов до 40–50 тысяч человек, а то даже и до 10 тысяч. То есть, даже не в разы, а на порядки.

Украинская власть тоже старалась в упор не видеть Майдан, не слышать его требований. Надеялась, что все либо рассосётся само собой, либо с помощью штурмовиков, завезённых из юго-восточных регионов страны. Постепенно улицы Киева стали целенаправленно наводнять молодёжью из депрессивных предместий Донбасса, их стали натравливать на активистов протестных акций. В столице участились случаи ночных поджогов автомобилей, избиения людей и погромов. Расчёт строился на том, что если в городе «посеять мрак и разврат», то тогда «они у нас спляшут, и не танец маленьких лебедей, а железное болеро, крако-

вяк вприсядку» (В. Шукшин). А вот когда городские обыватели возмутятся, то сами и попросят власть «навести порядок». Что и будет сделано.

А тем временем 60-летний участник Евромайдана в своем интервью заявляет журналистам: «Я вам скажу. Вот здесь их просчёт. Если бы провокаторы нас не подогревали, может быть, мы бы так долго не держались». В течение двух томительных месяцев ожидания, чередующихся с попытками «зачистки» Майдана, выстраивались и укреплялись баррикады. Со стороны «Беркута» час от часу применялись светошумовые гранаты и слышались выстрелы, а в ответ летели камни и «коктейли Молотова». Наконец, 19 января 2014 года, как раз на крещенские святки, наши нарочито набожные власти преступили роковую черту. Появились первые убитые — гражданское противостояние вошло в фазу вооруженного конфликта.

Вот только сейчас еврочиновники из Брюсселя начали проявлять видимые признаки беспокойства — как-никак, а загорелось не где-то там, в Ираке или Сирии, а вот здесь, в Украине, прямо на границе с Евросоюзом. Конечно, было бы несправедливо не отметить, что и до этой вспышки насилия Брюсселем неоднократно принимались различные резолюции, которые «осуждали», а то даже и «резко осуждали» насилие как таковое. Более того — Украину регулярно посещали еврокомиссары и очень авторитетные уполномоченные. От них постоянно слышались призывы к примирению. Но рядовой украинец нутром чуял, что это все как-то отстраненно и натужно. Чувствовалось, что сытой Европе как бы ни с руки втягиваться в процесс, который ничего доброго не сулил. Одни неприятности. А тут как раз наступают Рождественские каникулы, тут вам разворачивается шоппинг, люди едут в отпуска, катаются на лыжах. Что и говорить, Рождественские каникулы для европейца — это святое. Да и поведение официальной Москвы выглядело не лучшим образом — час от часу слышались то предупреждения от различных чиновников, то нравоучения от политиков. И одновременно велись переговоры с Януковичем на президентском уровне за закрытыми дверьми. А то вдруг в прессе прошла информация, что на саммите «Россия–ЕС» Владимир Путин как бы невзначай бросил фразу: «Украина принадлежит России, как Кипр ЕС». Все это повышало и до того перегретый температурный градус на Майдане.

Кто мог из России успокоить сердце? Разве что наша проникновенная землячка-львовянка Лилия Швецова, которая уже с первых дней противостояния на Майдане ударила в Москве в набат: «Западные демократии и международные институты в параличе… Не понимают, что можно сделать и ничего сделать не способны». Озабоченный Андрей Илларионов взывает к российской общественности и в конце января создаёт «Комитет солидарности с Майданом». Проблемы Украины регулярно комментирует публицист Дмитрий Шушарин — достаточно профессионально, хотя иногда весьма сомнительно.

Итак, лишь после «кровавого крещения» 19 января Евромайдан стал предметом рассмотрения на заседаниях Всемирного экономического форума в Давосе 22–24 января, на саммите Россия — Европейский союз 28 января, и, в конце концов, вызвал бурные дискуссии на Мюнхенской конференции по вопросам безопасности 31 января — 2 февраля 2014 года. Как интенсивность, так и высокий уровень переговорного процесса засвидетельствовали, что кризис в Украине перерос локальный уровень парламентского, стал системным и нуждающимся в международном посредничестве.

Речь, конечно же, не шла о том, чтобы в это противостояние вмешивались представители других стран. Более того — такое течение событий было бы крайне нежелательным. Однако нельзя было закрывать глаза и на то, что решение «великих» — США, Европейского союза и Российской Федерации — относительно будущего Украины становилось все более ожидаемым сценарием. Как отмечал в начале февраля 2014 года известный украинский аналитик Валерий Чалый, «хотя международное посредничество де-факто уже существует», и «консультации с иностранными политиками выглядят вполне естественно», однако «для паритета должно быть большее присутствие и со стороны России» [Якщо криза в Україні поглибиться… б/д].

Как это ни печально, но призывы зарубежных модераторов между украинской властью и оппозиций не возымели должного действия. Стихия противостояния затягивала развитие событий в тёмную воронку какой-то мутной и тревожно ожидаемой завершающей фазы. Окончательную черту невозврата подвела кровавая бойня 18–20 февраля, когда с печерских холмов на улице Институтской, под прикрытием спецназа, профессиональным снайперским огнём стали методично расстреливать молодых активистов Майдана.

И вот только тогда наступил момент истины: ведущие европейские лидеры, политики и эксперты все-таки решились прибегнуть к осуждению насилия в столице Украины. Эдвард Лукас — заместитель главного редактора журнала The Economist — дал следующую оценку истокам событий: «если бы не постоянное и усиливающееся давление со стороны России на Януковича, конфликт мог бы быть разрешённым». Аргументы в поддержку этого тезиса были следующие: «Именно Россия принудила Украину отказаться от экономического соглашения, предложенного ЕС в октябре, начав ущербную торговую войну против украинского экспорта. Именно Россия предложила дешёвый газ и выгодные кредиты, когда украинская экономика пошатнулась. Именно Россия предоставила сотни „советников“ ключевым украинским структурам и министерствам, включая секретные службы СБУ, чтобы контролировать выполнение ими сценария Москвы. Если бы не безмолвный путч России, украинцам не пришлось бы строить баррикады на улицах, протестуя против злоупотребления властью со стороны нынешнего режима» [Протести в Україні… 2014: 3].

Конечно, не со всеми этими аргументами можно согласиться, но принять к сведению в процессе дискурса можно. Главное возражение с нашей стороны — раз уж Украина независимая, то и отвечать за происходящее в первую очередь ей приходится самой. Но подробнее об этом будет ниже.

Досталось от экспертов и Западу: многие осудили ЕС и США за чрезмерную пассивность, неспособности повлиять на действия украинской власти. В частности, глава делегации Европейского парламента в Комитете парламентского сотрудничества «ЕС–Украина» Павел Коваль заявил: «ЕС проявил грех бездеятельности, не применив надлежащим образом последние несколько недель европейскую дипломатию. Вместо этого они только говорили о планах и высказывали возмущение. Теперь уже слишком поздно прибегать к мягкой дипломатии. Если Европейский Союз решит прибегнуть к санкциям, то они должны идти рука об руку с конкретным планом поддержки экономики и общества. Ещё раз обращаюсь к лидерам ЕС ускорить процесс отмены виз для граждан Украины» [Про «гріх бездіяльності» ЕС… 2014: 3].

Подобные темпы «миротворчества» рассудок отказывался воспринимать. Оказывается, понадобилась сотня убитых и тысячи раненых для принятия Евросоюзом решения о введении визовых и финансовых санкций в отношении представителей украинской власти, ответственных за «невероятное применение силы». И это сразу же возымело действие. Тут же в Киеве, на фоне непрекращающихся столкновений и кровопролития состоялась встреча министров иностранных дел Польши, Германии и Франции с президентом Януковичем и представителями оппозиции. А в пятницу утром 21 февраля на переговорах, при участии представителей Европейского союза и России, противоборствующие стороны договорились провести досрочные выборы президента и парламента не позже декабря 2014 года, а тем временем сформировать техническое правительство. Как говориться — процесс пошёл, хотя Майдан идею пролонгации полномочий президента вплоть до декабря не воспринял. Полевые командиры-сотники стали готовиться к штурму здания администрации.

К счастью, до нового побоища не дошло. Его результаты могли бы быть непредсказуемы. В одних гнев зажигал горячечное желание немедленной атаки, а в других — холодную решимость обороняться до конца. Передавая настроение момента, ведущие украинские журналисты абсолютно идентично фиксировали: «Те, кто ненавидеть не хочет или не умеет, наверное, ушли с Майдана вместе с иллюзиями. Остались те, для кого власть из оппонента

окончательно превратилась во врага. Который не берет пленных, предпочитая эфемерной жалости осязаемую зарубку на прикладе снайперской винтовки. Методичный отстрел, бессмысленный и беспощадный, устроенный режимом в день им же объявленного траура по убиенным накануне, утопил последние иллюзии в людской крови» [Мостовая, Рахманин 2014: 1].

Президенту нельзя отказать в интуиции — чутье опять его не подвело. В субботу 22 февраля поступило известие, что Янукович самоустранился от выполнения своих служебных обязанностей и исчез в неизвестном направлении. В итоге всю полноту власти взяла на себя Верховная Рада, новоизбранный спикер которой Александр Турчинов стал одновременно исполнять обязанности президента Украины. Вслед этому решению, на каналах TV появилось обращение, где Янукович заявил о своем непризнании решений Верховной Рады, считая все происходящее в Киеве государственным переворотом, а потому в отставку не уйдёт. Но это уже мало кого впечатляло. Большинство его однопартийцев либо сбежали, либо покинули ряды партии, либо, в лучших советских традициях, «осудили его и отмежевались». Ключевым апофеозом в этом процессе стало заявление Партии регионов, которое озвучил глава парламентской фракции Александр Ефремов. Он назвал Януковича предателем, который и есть виновником кровопролития.

Все это можно было бы воспринять с саркастической усмешкой — виновник наказан, добродетель восторжествовала. Однако… Если бы не усталое и истерзанное от трагических событий украинское общество, которое, наконец, получило передышку. Если бы не героический Майдан, полыхавший огнём и истекавший кровью, положивший на алтарь отечества своих лучших сыновей. И уместным ли в данном случае было досадное заявление Александра Турчинова о том, что протестующие уже могут расходиться?… А Майдан все не уходит, ибо он заявил о себе как нарождающееся гражданское общество, которое пытается остаться активным субъектом политического процесса в формировании новой системы власти: «Никуда мы расходиться не будем! Мы здесь не за их портфели стояли! Наши требования о полной перезагрузке власти ещё не выполнены. Не он нас собирал, не ему и распускать!» — такова была реакция активистов Майдана.

Все это во всю полноту ставит вопрос: есть ли у Майдана, а тем более у широких слоёв населения Украины понимание тех вызовов современного глобализированного мира, на которые страна должна дать ответ, определяясь со своей новой идентичностью? А по этому вопросу обязательно необходимо достичь консенсуса. Ведь недостаточно провозгласить свою европейскую идентичность — ее форму и статус ещё должна принять европейская сторона. И от этого никуда не уйти — так везде и во всем мире!

Итак, кто же мы такие в современном мире? Какой вызов нам брошен и как мы собираемся на него отвечать?

Бремя периферийного капитализма

Майдан показал, что завет Леонида Кучмы «Украина — не Россия» все-таки восторжествовал и закрепился в сознании и (надеюсь) подсознании преимущественного большинства украинских граждан. То есть — можно считать, что этап «идентичности сопротивления» в основном пройден, а злобу дня сегодня составляет проблема «идентичности проекта будущего». Пока что таким проектом предлагают считать Соглашение об ассоциации с Европейским союзом, которое создаёт рамки для сотрудничества между договаривающимися сторонами. Область сотрудничества обычно затрагивает развитие политических, торговых, социальных, культурных связей и укрепление безопасности. Соглашение об ассоциации ЕС обычно заключают в обмен на обязательство проведения политических, экономических, торговых или судебных реформ. В обмен на это ассоциированное государство может получить беспошлинный доступ к некоторым или всем рынкам ЕС (в частности к рынку сельскохозяйственных продуктов), а также финансовую или техническую помощь.

Все это так, но Соглашение это представляет собой документ на тысячу страниц, который, естественно, никто из граждан Украины читать не будет — это дело специалистов. Однако выполнение этого документа коснётся каждого, а в краткосрочной перспективе жизнь едва ли станет лучшей, поскольку любой процесс адаптации всегда болезнен. И к этому необходимо быть готовым. Улучшение может наступить лишь в среднесрочной, а то и долгосрочной перспективе. И чтобы стойко пройти этот этап адаптации, необходимо хотя бы в общих чертах понимать, что иного не дано, что любые полумеры будут лишь усугублять ситуацию и оттягивать час выздоровления. А для этого необходимо осознать, что нынешнее украинское общество тяжело больно, оно находится в фазе обострения кризиса. Кризис же, как известно, в переводе с греческого — решение, поворотный пункт, или состояние, при котором существующие средства достижения целей становятся неадекватными.

В условиях Украины сущность кризиса состоит в том, что Украина в последние годы (а особенно в последние месяцы) пребывает в зоне двойной периферии глобальной капиталистической мир-системы. Не претендуя на оригинальность, сошлюсь на авторитет Иммануила Валлерстайна, который отверг, казалось бы, незыблемый постулат о продвижении всех стран мира по американскому пути, где каждая страна при старании якобы может достигнуть процветания. На самом деле, существующий мир жестокий и несправедливый. Капиталистическая мир-система состоит из трех составных: ядро, полупериферия и периферия. Между ними складываются отношения «зависимого развития»: путём неэквивалентного обмена выигрывает ядро (развитые капиталистические страны); периферия проигрывает («третий мир»), а полупериферии (например, так называемые государства БРИК — Бразилия, Россия, Индия и Китай) занимают промежуточное состояние.

Конечно, бывают и исключения, когда ядро считает целесообразным подключить в зону своей заинтересованности ту или другую страну. Так, например, в послевоенные годы свершился ряд чудес: немецкое чудо, японское, южнокорейское, тайванское и т.д. Но это сработал феномен холодной войны — оккупационный американский режим плюс массовые инвестиции в инновационное производство сделали свое дело.

Логично возникает вопрос о местоположении Украины в иерархии стран мира и ее перспективах. В своих работах я неоднократно обращал внимание на то, что из-за отсутствия чёткого курса на евроинтеграцию перед Украиной все больше вырисовывается перспектива не просто «мировой периферии», а «двойной периферии», где Россия занимает место «полупериферии» Европы, а наша страна скатывается к роли «периферии России».

Причин и свидетельств тому великое множество. Отметим одну из важнейших. Еще до вступления Януковича в должность, украинский академик Валерий Геец предупреждал, что если взять 133 государства мира (за исключением «большой двадцатки» — G-20), то из них только 20 стран смогли за последние 50 лет сократить свое отставание от G-20. Остальные 113 — не смогли продвинуться никуда. Более того, 43 страны, то есть не меньше половины, имеют по существу формальную атрибутику, полностью попав в зависимость от транснациональных и региональных корпоративных кланов. Академик предупреждал, что пребывая в числе отмеченных 113 государств, Украина очутилась перед угрозой скатиться в число 43 квазисуверенных государств — и в первую очередь из-за недоверия граждан к государственным институтам. Именно из-за дефицита доверия невозможно вывести из теневого оборота минимум 40% ВВП (порядка 400 млрд. грн.), а также наличных сбережений граждан (от 30 до 60 млрд. дол.). Этот гигантский объем дополнительных внутренних ресурсов люди просто прячут от родного государства куда подальше [Антикризисным мерам правительства пророчат… 2009].

Понятное дело, что никто из власть имущих этим доводам академика не внял. Было не до того — и президентская «семья», и другие олигархи умножали свои капиталы. А в стране установился правящий режим бюрократически-олигархического типа, который и знать не желал ни национального интереса, ни потребностей народа. Вместо поиска национального кон-

сенсуса путём диалога, власть предпочла другие методы осуществления своего правления, связанные с высокими затратами на содержание аппарата репрессий — спецназа, милиции и органов безопасности, которые стали применять методы внутреннего шпионажа и репрессий против тех групп населения, которые, собственно, никогда и не были прямой угрозой для государства. Ведь именно эти социально активные граждане и вышли на Майдан с пением национального гимна, дабы защитить государство и достичь национального консенсуса. (Кстати, я никогда не слышал, чтобы во время массовых шествий в России пели национальный гимн).

Для полноты картины сошлёмся на авторитетное мнение бывшего директора Института стратегических исследований Андрея Ермолаева, который так и не нашёл понимания со стороны власти и подал в отставку: «За это время выявилась проблема, которую я считаю ключевой… Государственный механизм оказался разобран на отдельные институты, каждый из которых был приватизирован частным образом. Сегодня мы имеем страну, которой с помощью государственных институтов руководит корпорация. Это уже не корпоративное государство, а нечто иное. В чем это проявляется? Ни один институт не работает так, как он заложен в качестве элемента государственной машины. Простые граждане приходят в суды, и не находят справедливой защиты своих прав. Они надеются на защиту милиции, а сталкиваются с коррупцией и жестокостью. Граждане избирают парламент, но в ответственные периоды он работает как телевизионное шоу, а не законодательный орган страны. Поэтому, очевидно, что всем нам предстоит шаг за шагом воссоздавать государство как систему национальной самоорганизации и самоуправления» [Ермолаев 2014: 1, 14].

На мой взгляд, было бы упрощением анализировать ситуацию в Украине исключительно в плоскости «власть-народ». Проблема шире и глубже — она есть не в меньшей мере прямым следствием глобальных процессов, с которыми столкнулась в наши дни периферия капиталистической мир-системы, а тем более страна «двойной периферии». Как бы ни хотелось повторять некоторые, ставшие сейчас (в отличие от романтики перестроечных годов) хрестоматийными истины, однако придётся это сделать. И не в последнюю очередь потому, что и ныне в Украине все ещё в ходу и упрощённые схемы трактовки событий Евромайдана как, дескать, «войны миллионеров против миллиардеров». Это уже ближе к конспирологии, где народ выступает глупенькой жертвой происков группы злокозненных олигархов и казнокрадов. Конечно, есть и первое, и второе, и третье… Но не так, и не в такой последовательности по значимости.

Ныне в активную фазу жизни Украины вошла молодёжь, рождённая после провозглашения независимости, над которой уже не тяготеет груз советской эпохи. Вернее — тяготеет, но в меньшей степени. Они как в свое время декабристы — «первое поколение не поротых дворян». Эта молодёжь живёт уже в резонансе молодёжного «глобального политического пробуждения» (З. Бжезинский). Реагируя на факт появления этого феномена, где роль авангарда принадлежит студенчеству, международная аудиторская и консалтинговая фирма Deloitte вынесла на обсуждение в Давосе 2014 года привлёкшую к себе особое внимание тему «Миллениумы» (Millennials) — так называют тех, кто родился позже 1983 года. Представленный фирмой Deloitte анализ показывает, что многие молодые люди потеряли веру в способность как государства, так и бизнеса к решению ключевых задач, стоящих перед этим поколением: а именно — обеспечению экономической безопасности, снижению уровня безработицы среди молодёжи, доступа к образованию. Пока что репутация и государства, и бизнеса среди молодёжи довольно низкая, хотя именно только сотрудничество этих двух составных с гражданским обществом и может обеспечить благосостояние, создавая рабочие места и решая тем самым наиболее серьёзные социальные проблемы. В этой ситуации как никогда резко возрастает роль общественных организаций гражданского общества, способных генерировать достойные идеи. Впрочем, до сих пор они не имеют ни достаточных средств, ни надлежащей инфраструктуры для достижения своих целей. Поэтому молодые миллениумы

во всем мире требуют перемен, и с этим нельзя не согласиться. Тут достаточно вспомнить, как в странах Запада горели студенческие кампусы в 1968 году.

Выводы консалтинговой фирмы следующие. Во-первых, ответственность за общество больше нельзя возлагать исключительно на правительство. Бизнес-лидеры также должны во все большей степени предлагать молодёжи уникальный набор навыков, которые лишь в сочетании с финансовыми ресурсами как государственного, так и неправительственного секторов в состоянии создать мощный инновационный микс. Во-вторых, слова сильных мира сего не должны расходиться с делами. Недостаточно говорить для молодёжи правильные вещи — в бизнесе сделка начинается с разговора, но должна заканчиваться деловым решением. И в-третьих, не следует бояться нарушать правила, по которым работали ранее. Если нынешние подходы к решению проблем не срабатывают, то их необходимо оспорить.

В итоге, на Всемирном экономическом форуме была поставлена задача «Изменить мир»: и бизнес, и правительства, и общественные организации гражданского общества должны выйти из своих бункеров и работать вместе — как взаимосвязанные лидеры. От этого никуда не уйти: миллениумы, на которых в 2025 году будет приходиться 75% мировой рабочей силы, стремятся работать с теми общественными институтами, которые способствуют: (1) инновационному мышлению; (2) развитию соответствующих навыков; (3) делают зримый позитивный вклад в общество. Только на этом пути есть возможность восстановить веру миллениумов — новейшей рабочей силы и выдвинутых ими будущих лидеров [Зальцберг 2014].

Глобальные мегатренды, обозначенные в Давосе, имеют непосредственное отношение к событиям в Украине. Во всяком случае, они предлагают матрицу для углублённого анализа, как на региональном, так и на национальном уровне.

Миллениумы Украины

Как показывают дискуссии вокруг феномена молодёжного «глобального политического пробуждения», чтобы успешно решить поставленную в Давосе задачу «изменить мир», необходимо, в конечном итоге, повысить роль, значимость и социальную ответственность важнейшей возрастной группы молодёжи — от 15 до 30 лет. Без решения этой задачи невозможно в принципе расширить сферу полномочий гражданского общества. Именно молодёжь высших учебных заведений Украины наиболее массово вышла бороться за свое право быть в объединённой Европе. Именно их жестокое избиение выплеснуло на улицы Киева миллионную демонстрацию родителей, достоинство которых было грубо попрано. И это касается не только Украины.

Ряд учёных уже давно обращали внимание на то, что предоставляя определённые возможности в деле социального становления молодёжи, обеспечивая их определёнными льготами, во многих странах вместе с тем ограничиваются реальные возможности активного участия юношества в важных сферах общественной жизни. Проблема усугубляется тем, что составляя в настоящее время 18% населения мира (1,15 миллиарда человек), 85% миллениумов живут в развивающихся странах с прожиточным минимумом 1–2 доллара США в день. Хотя нынешнее поколение молодёжи и является наиболее образованным за всю предыдущую историю человечества, сегодня 113 миллионов детей все ещё не посещают школу. Эта цифра вполне сопоставима со 130-миллионной группой совершенно неграмотных молодых людей в современном мире.

Итак, будущее Украины будет определяться, в конечном счёте, поколением миллениумов, а потому их проблемы и являются наиболее актуальными проблемами нашего общества. А вот эти проблемы действующая власть и не хотела видеть. Не претендуя на самостоятельное демографическое исследование проблем нашей молодежи, воспользуемся уже существующими расчётами и оценками ведущих украинских исследователей [Попель б/д].

Действительно, демографическая структура населения Украины не может не вызывать тревоги. Во-первых, шестимиллионное сокращение населения за период 1992–2009 годы говорит само за себя — смертность опережает рождаемость. Во-вторых, на рынок труда постепенно выходят люди, рождённые во время демографического кризиса 1990-х годов, что обостряет ситуацию с притоком молодых кадров: если в 2000 году насчитывалось 11 млн. детей в возрасте до 14 лет, то в 2009 их количество сократилось вдвое — до 6,5 млн. человек. Как следствие, Украина практически обречена на экономические и инфраструктурные издержки, вызванные второй демографической волной понижения. Сфера образования ощутила это на себе первой, когда в считанные 1990-е годы внезапно опустели детские сады. В третьих, налицо все ускоряющийся процесс старения населения — ныне это около 13 млн. пенсионеров.

В итоге, в нулевые годы XXI века в экономике страны трудилось только 44% жителей Украины. При этом прослеживается тенденция — молодёжь пытается избежать трудоустройства в промышленном секторе, где тяжёлая работа связана с риском для здоровья и жизни. Она отдаёт предпочтение финансовому и офисному сектору, торговле и государственному управлению (даже несмотря на невысокий уровень зарплат). Это приводит к обратному эффекту на производстве, где рабочие места подчас занимают специалисты, у которых при других обстоятельствах вообще не было бы шансов трудоустроиться. Все это снижает мотивацию к повышению профессионального уровня рабочих — ибо заменить этот контингент малоквалифицированной рабочей силы практически некем. А в среде высококвалифицированных специалистов свои проблемы: 30% молодёжи желает уехать из страны, а потому для них проблема безвизового режима Украины со странами ЕС — первостепенная. Подобными настроениями проникнуты и другие группы наиболее образованных, деловых людей.

Отмеченный процесс отражает глобальный раскол на рынке труда: между традиционным «родовым» индустриальным трудом, с одной стороны, и «самопрограммированным» трудом нового информационального поколения (М. Кастельс), с другой стороны. Здесь необходимо особо отметить, что линию водораздела между этими двумя видами труда проложило образование. Для представителей «самопрограммированного» труда это не просто учёба, а возможность свободного доступа к высшим уровням образования, то есть — систематическое впитывание новых знаний, пополнение информации, а также нацеленность на приобретение новых навыков в соответствии с технологическими и организационными изменениями. В сфере образования на первый план выходит возможность и способность «перепрограммировать» себя в соответствии с бесконечно изменяемыми задачами процесса усовершенствования и усложнения производства.

Однако этот контингент обучающейся молодёжи сталкивается с объективными препятствиями: потребность в самоорганизованном труде появляется лишь при условии непременной социальной предпосылки — наличии инновационного производства. Однако старые индустриальные технологии, лежащие в основе традиционной украинской экономики, нуждаются преимущественно в воспроизводстве представителей «родового» труда, которые не имеют возможности да, собственно, и необходимости к самопрограмированию, поскольку от них требуется лишь способность воспринимать и выполнять определённое конкретное задание. Вот эта резкая дифференциация между трудом «самопрограммированным» и традиционным «родовым» содержит в себе серьёзные риски и угрозы, которые и выявили себя в час украинского Евромайдана. По одну сторону баррикад мы увидели студенчество ведущих университетов, по другую — малообразованную молодёжь депрессивных регионов страны, так называемых «титушек».

Кстати, последние должны бы стать объектом специального исследования, ибо они во время Евромайдана оказались одним из наиболее ярких примеров сращивания власти и криминалитета в борьбе против народа. Как объяснил в Интернете на условиях анонимности источник из правоохранительных органов, против Майдана действует три вида «титушек»: «Первый — это настоящие „титушки“, гопота, дети бедных окраин. Второй — участники

бандформирований типа харьковского „Оплота“, а также ранее судимые, в основном из Донецкой области, состоящие на учёте в МВД, которых направили в Киев их милицейские кураторы. И третий — это сотрудники оперативного состава МВД — уголовного розыска, службы борьбы с экономическими преступлениями, УБОП, „наружки“ и т. д.» [Киевская хроника… 2014].

А в целом общемировая тенденция рынка рабочей силы, в русле которой движется Украина, связана с перемещением количества занятого населения из аграрного и промышленного сектора в сферу услуг. Лидером по многочисленности сотрудников в наши дни являются такие сферы общественного производства: «торговля, ремонт автомобилей, бытовых изделий и предметов личного пользования» — 22%. На втором месте «промышленность» — 18,5%, а на третьем — «сельское хозяйство, охота, лесное хозяйство, рыболовство» — 15,8%. Далее, со значительным отрывом в количестве рабочих мест, следуют: «образование» — 8,1%; «отели и рестораны» — 7%; «охрана здоровья и предоставление социальной помощи» — 6,5%; «финансовая деятельность, операции с недвижимостью, аренда, инжиниринг и представление услуг предпринимателям» — 5,5%; «государственное управление» — 5%; «строительство» — 5%; «предоставление коммунальных и индивидуальных услуг» — 4%; «транспорт и связь» — 2%.

Насколько эта структура занятости соответствует велению времени? Как показывает жизнь, низкий уровень инноваций в процессе производства сказался на деформации структуры занятости. Обнажилась главная проблема — низкий квалификационный уровень наёмных сотрудников в количественно наиболее многочисленных секторах экономики. Так, в торговле наёмный труд, где ещё можно влиять на уровень квалификации, составляет лишь треть от количества всех занятых, а основную долю торгового люда представляет собой так называемое «самозанятое» население на базарах. Характер их работы делает людей инертными — они теряют там даже ранее приобретённую квалификацию (старшие из них — преимущественно бывший научно-технический персонал среднего звена). Сходная ситуация наблюдается и в аграрном секторе, где свыше 60% — это население, живущее за счёт своих индивидуальных подсобных хозяйств. Молодёжь сельский труд совсем не притягивает — они преимущественно мигрируют в города или райцентры, хотя и там «выбиться в люди» им удаётся далеко не всегда.

Те же специалисты, которые и внедрились в перспективные отрасли экономики, также подвергаются определённому риску — профессиональные приоритеты на переломе тысячелетий менялись неоднократно. В советские времена были престижными специалисты военные, инженерно-технические, врачебные, преподавательские, экономические… В девяностых ориентировались на специальности, приносящие доход: экономист, бухгалтер, переводчик, программист, юрист… В нулевые годы XXI века появилась мода на маркетологов, PR-специалистов, рекламистов… Поскольку каждая волна спроса длилась относительно непродолжительное время, то часть людей просто не успевала адаптироваться к требованиям рынка, а в итоге оставалась выброшенной за борт экономически активного населения. Включить их в рынок труда очень сложно — хотя бы даже из-за нарастания психологических надломов. Те же, кому удалось трудоустроиться в престижные зарубежные кампании, очень часто испытывают дискомфорт из-за относительно малых зарплат, по сравнению с их зарубежными коллегами. В частности, это наблюдается в сфере информационных технологий, специалисты которой на 95% работают на зарубежные кампании при относительно низкой по международным меркам заработной плате.

Все это ещё раз подчёркивает превращение сферы образования в важнейший рычаг социально-экономических преобразований, а студенческую молодёжь — важнейшую составную политических процессов страны. Прослеживается определённая закономерность: наличие высшего образования в реалиях сегодняшнего украинского рынка — это непременная и необходимая инвестиция в будущее специалиста. Социологические исследования свиде-

тельствуют, что самый низкий уровень безработицы зафиксирован как раз среди людей с полным высшим образованием. В тех домохозяйствах, в которых имеется хотя бы один человек с высшим образованием, более низок риск бедности. Однако, при всем этом заработные платы «белых воротничков» в Киеве в среднем вдвое ниже, чем в столице России и в четыре-пять раз ниже, чем в Великобритании. Это сказывается на производительности труда. Согласно социологическим опросам, около 42% граждан Украины признают, что могли бы трудиться лучше, если бы при этом увеличивалась их заработная плата. Около 8% честно заявляют, что на работе они целенаправленно стараются сделать как можно меньше. И только 15% наших соотечественников считают, что выкладываются «на все 100%».

Итог оказывается печален. Десятки и сотни тысяч людей постоянно находят и теряют свое рабочее место, скатываясь зачастую в структуры теневой, если не криминальной экономики. Это сказывается на личностных кризисах, провоцирует болезни, тяготение к наркомании/алкоголю, грозит потерей сбережений и попаданию в кредитный капкан. Увеличивается прослойка людей, где грань между социальным исключением и ежедневным выживанием все больше размывается. Часть бывшего советского сегмента специалистов и научно-технических работников все ещё пытается удержаться на плаву, не скатиться вниз до уровня люмпенизированной рабочей силы социально недееспособных людей. Вместе с тем выстраивается настоящая спираль выталкивания людей из производственного цикла (да и настоящего социального исключения!), которая тянет к личностной деградации.

Предварительные итоги

Итак, образовательный ценз внёс с собой раскол, как в социальную структуру труда, так и политическое противостояние образованной и малообразованной молодёжи. Он зримо усугубляет размывание не только остатков классовой, но и нарождающейся национальной солидарности. Более того, этот ценз провоцирует социальное исключение целых потенциально богатых сегментов общества, чьей ценностью до сих пор пренебрегали, чья значимость как производителей/потребителей была не востребована или примитивно игнорировалась. И наоборот, малообразованная молодёжь депрессивных регионов примитивно использовалась в качестве «штурмовиков».

Объективно миллениумы политизируются повседневно и ежечасно. Одни стали понимать, что если не займутся политикой, то политика так и будет их доставать каждый день. Не зря одним из наиболее употребляемых понятий при интервью на Майдане было — «ДОСТАЛИ». Однако есть и другие — молодёжь, живущая «по понятиям», которые привили им кураторы депрессивных районов. И те, и другие поставлены перед выбором альтернативы: какая система власти и форма государственности являются наиболее приемлемыми для них? Судя по всему, узкоспециализированный труд, связанный с индустриальным производством, тяготеет к политике «сильной руки». И наоборот: самоорганизованный труд информационного общества тяготеет к децентрализации властных полномочий и созданию современной геометрии демократической власти.

Вот это соединение, казалось бы, несоединимых понятий в своеобразный микс и дало основание известной организации Freedom House в 2013 году отнести Украину к странам «гибридного режима» с индикатором наиболее низкого уровня демократии. Если говорить образно, то Украину по уровню демократии приравняли к Замбии и Южному Судану. И в этом нет значимого преувеличения — спецподразделения «Беркута», например, вели себя в противостоянии с Майданом не хуже, чем распоясавшиеся «тонтон-макуты» Дювалье на Гаити. К слову сказать, специальные подразделения милиции гражданской безопасности «Беркут» в Украине уже ликвидированы, и не стоит удивляться, где многие из их кадрового состава трудоустроятся. Понимание неестественности состояния уровня демократии в Украине вдруг озарило после Майдана даже председателя Донецкой облгосадминистрации Андрея

Шишацкого, который заявил 25 февраля о том, что «к смене власти в стране привела диктатура». К чести науки, чиновник признал, что «события в Украине развивались так, как описано в книге Джина Шарпа „От диктатуры к демократии“» [Шишацкий б/д].

Но это не снимает главного вопроса — в течение трех месяцев Украина находилась в состоянии острого гражданского противостояния со вспышками применения оружия против манифестантов. Одна часть украинских граждан формировала ядро Евромайдана, а других граждан власть использовала как социальное наполнение Антимайдана. С кем же была солидарна общественная мысль Украины? На конец января, когда судьба Майдана еще не была определена, предпочтения разделились таким образом: Евромайдан поддерживало 50% украинцев, а Антимайдан — 27%. Конечно, это отношение различное в региональном разрезе: в Западном регионе Евромайдан поддерживало 80% (не поддерживало — 7%), в Центре — соответственно 63% (28%), на Юге — 20% (71%), на Востоке — 30% (65%). Антимайдан поддерживало на Западе 3% (не поддерживало — 89%), в Центре — соответственно 14% (75%), на Юге — 54% (22%), а на Востоке — 43% (38%) [Євромайдан підтримує… 2014].

Осмысливая пережитое, можно ли было в этой ситуации ставить вопрос: «кто кого»? Ведь это — два контингента преимущественно молодых граждан одной и той же Украины! Именно им суждено осуществлять и адекватно ощущать на себе «общность исторической судьбы». Надо было очень постараться, чтобы разбудить ненависть в этих молодых сердцах, преследуя свою корысть и отсекая тем самым Украину от цивилизованного мира. А потом ещё и обвинять миллениумов в экстремизме.

Распадется ли страна на составные части, как это пророчат некоторые политтехнологи? Насколько люди ощутили себя настоящими гражданами Украины? Насколько Украина устойчива в своем выборе демократического строя, европейских ценностей свободы и справедливости? Родились ли мы уже как политическая нация? И, в конце концов: когда же мы «научимся жить вместе»? Все эти вопросы заслуживают отдельного рассмотрения.

Какую же общую характеристику можно предложить, оценивая все происходившее в Украине? Известный российский публицист Анатолий Стреляный предлагает определять ее как *антикриминальную* и *национально-освободительную революцию*. Может быть и так. Однако, наверное, следовало бы повременить и подождать результатов дальнейших экономических и социально-политических преобразований в стране. В какую сторону они будут эволюционировать? Смущает то, что за полгода до Майдана 59% украинцев считали, что в Украине в большей мере не хватает «сильной руки», нежели «демократии» (26%) [Майже 60% українцям… б/д].

Но и это ещё полдела. Особенно заставляли усомниться в тяготении значительной части граждан Украины к демократии такие данные: 82,6% респондентов согласились с тем, что лидеры «сильной руки» должны действовать исключительно в пределах закона, по принципу «закон — один для всех», а 8,6% убеждены, что такие лидеры не обязательно должны придерживаться действующих законов, если нужно достичь определённых целей. Ещё не смогли определиться по этому вопросу 8,8% респондентов [Каждый четвёртый считает… б/д]. Не факт, что претендент на «сильную руку» не появится и среди представителей Майдана. Хотя, конечно, феномен Майдана должен был внести кардинальные изменения и в общественное сознание народа. Пока что, судя по всему, следует подождать новых социологических замеров.

А пока воспримем Майдан не как революцию в ее классическом понимании — изменение общественно-политического строя, судя по всему, не предвидится. Скорее всего, это «морально-гражданская революция», которая обязывает к преодолению имперского прошлого и наполнению лозунга «Украина — это Европа» конкретным практическим содержанием.

* * *

Но возвратимся, однако, к метафоре Гоголя. Некоторые читатели спрашивали у меня — кого я имел в виду, упоминая «дикий хохот Басаврюка». Отвечаю — никого конкретно, а лишь только образ Сатаны из повести «Вечер накануне Ивана Купала». Об этом пишет сам Николай Васильевич: «никто другой, как сатана, принявший человеческий образ для того, чтобы открывать клады; а как клады не даются нечистым рукам, так вот он и приманивает к себе молодцев». Вот только к этим молодцам тоже было непременное условие: чтобы заклятые клады не уходили под землю, нужно было это место оросить кровью детей. Так и сделал гоголевский герой Петрусь — и пошли ему в руки мешки с червонцами. Да только жизнь не заладилась — заболел он душевной болезнью: «Бешенство овладевает им; как полоумный, грызёт и кусает себе руки и в досаде рвёт на себе волоса, покамест, утихнув, не упадёт, будто в забытьи, и после снова принимается припоминать, и снова бешенство, и снова мука… Что за напасть Божия?»

А в итоге и финал, образно переданный Гоголем: «Сбежались люди; принялись стучать; высадили дверь: хоть бы душа одна. Вся хата полна дыма, и посредине только, где стоял Петрусь, куча пеплу, от которого местами поднимался ещё пар. Кинулись к мешкам: одни битые черепки лежали вместо червонцев. Выпуча глаза и разинув рты, не смея пошевелить усом, стояли казаки, будто вкопанные в землю. Такой страх навеяло на них это диво».

Однако, возвратимся в день сегодняшний. 22 февраля 2014 года по Киеву разнеслась весть — в поместье Януковича в Межигорье ни одного охранника, а потому надо воспользоваться шансом и посмотреть. Но охрана была — место «Беркута» заняла народная самооборона. Да и люди, очищенные огнём пылающего Майдана, не унизили свое человеческое достоинство мародёрством. Даже автомобили ставили поодаль от дороги, дабы не мешать проезду другим.

А теперь слово журналистскому репортажу с места событий: «Там очередь — как в Мавзолей. Активист, взобравшись на колонну забора и каким-то образом умещаясь на маленьком островке, руководит потоком людей. „Сними балаклаву! Давай, ты что?!“, „По газонам не ходить, детей от себя не отпускать — могут быть мины“, „Страусу перья из задницы не вырывать — он уже научился кричать: "Зека геть!"“.

Также звучит просьба озвучить свои предложения по дальнейшему использованию „маєтка“ — детский дом, санаторий, музей.

… Мы мчимся в город „встречать Тимошенко“. К Новым Петровцам и Межигорью тянется двухкилометровая вереница автомобилей. Люди не боясь подступающего вечера, продолжают ехать к мавзолею режиму Януковича».

Вот такой финал… Майдан Независимости в ночь на 30 ноября 2013 года был орошён «Беркутом» кровью молодёжи. А деньги Януковичу вот в руки и не пошли. А вы говорите — Гоголь!

Антикризисным мерам правительства пророчат… 2009. Антикризисным мерам правительства пророчат провал из-за недоверия народа. — Доступно: http://rus.newsru.ua/ukraine/02may2009/geecz-print.html. — Проверено: 03.04.2014.

Главный олигарх Украины… б/д. *Главный олигарх Украины призвал политиков не допустить возможного раскола страны*. — Доступно: http://www.regnum.ru/news/1745080.html. — Проверено: 03.04.2014.

Ермолаев А. 2014. Украиной руководит корпорация. Государственные институты приватизированы». — *Зеркало недели*. — №4(150). — 8 февраля.

Зальцберг Б. 2014. *Давос–2014: три способа изменить мир*. — Доступно: http://forbes.ua/opinions/1363796-davos-2014-tri-sposoba-izmenit-mir#print. — Проверено: 03.04.2014.

Звонарь Евромайдана… б/д. *Звонарь Евромайдана: «Колокольным звоном прогонял тьму их душ людей»*. — Доступно: http://www.segodnya.ua/print/ukraine/zwonar-evromaydana-kolokolnym-zvonom-progonyal-tmu-iz-dush-ludey-483784.html. — Проверено: 03.04.2014.

Каждый четвёртый считает… б/д. *Каждый четвертый считает, что ситуация в Украине ни на что не похожа (опрос): Новости УНИАН*. — Доступно: http://www.unian.net/politics/805282-kajdyiy-chetvertyiy-schitaet-chto-situatsiya-v-ukraine-ni-na-chto-ne-pohoja-opros.html. — Проверено: 03.04.2014.

Киевская хроника… 2014. *Киевская хроника — Верховная Рада, майдан, жертвы*. — Доступно: http://lb.ua/news/2014/02/21/256418_hronika_kiev_21_fevralya.html. — Проверено: 03.04.2014.

Мостовая Ю., Рахманин С. 2014. Сгибаясь под ношей, ты увеличиваешь ее тяжесть. — *Зеркало недели*. — №6(152). — 22–28 февраля.

Попель С. б/д. *Падение рынка труда Украины: влияние демографических, социальных и экономических факторов*. — Доступно: http://dialogs.org.ua/ru/progect/page19237.html. — Проверено: 03.04.2014.

Ткаченко В.Н. 2013. Феномен «внутренней колонизации» в украинско-российских отношениях (исторический аспект). — *Политическая концептология.* — № 4.

Шишацкий. б/д. *Шишацкий: к смене власти в Украине привела диктатура: Новости УНИАН*. — Доступно: http://www.unian.net/politics/889827-shishatskiy-k-smene-vlasti-v-ukraine-privela-diktatura.html . — Проверено: 03.04.2014.

Євромайдан підтримує… 2014. Євромайдан підтримує 50% українців, Антимайдан — 27%. — *Українська правда*. — Доступно: http://www.pravda.com.ua/news/2014/01/21/7010495/view_print/ . — Проверено: 03.04.2014.

Майже 60% українцям… б/д. Майже 60% українцям не вистачає «сильної руки». — Доступно: http://tyzden.ua/News/81347/PrintView . — Проверено: 03.04.2014.

Про «гріх бездіяльності» ЕС… 2014. Про «гріх бездіяльності» ЕС. — *День*. — № 31. — 20 лютого.

Протести в Україні… 2014. Протести в Україні: Ми дозволяємо Путіну перемогти. — *День*. — № 32–33. — 21–22 лютого.

Якщо криза в Україні поглибиться… б/д. *Якщо криза в Україні поглибиться, то долю країни вирішать США, Росія і ЄС*. — Доступно: http://www.razumkov.org.ua/ukr/print.php?lng=UKR&&news_id=45108&&address=expert . — Проверено: 03.04.2014.

В ОЖИДАНИИ ЧУДА: РОССИЙСКОЕ ОБЩЕСТВО ПОСЛЕ КРЫМСКИХ СОБЫТИЙ
Беседа политолога Эмиля Паина и социолога Льва Гудкова

Э.А. Паин
Национальный исследовательский университет — Высшая школа экономики,
Л.Д. Гудков
Аналитический центр Юрия Левады (Левада-Центр)

Аннотация: *Журнал «Политическая концептология» публикует беседу политолога Эмиля Паина и социолога Льва Гудкова о переменах в российском обществе и во власти после крымских событий. Основным мифологемам, возникшим в российском обществе по поводу ситуации в Крыму, учёные противопоставляют оценки реального состояния российского общества, опирающиеся на недавно завершившееся их совместное исследование.*

Ключевые слова: *Крым, русская власть, политическая демобилизация, политическая пропаганда.*

Конец политической демобилизации

Эмиль Паин: Сегодня мы обсуждаем результаты нашего совместного исследования («Левада-Центра» и моей исследовательской группы из НИУ ВШЭ) под названием «Основные идеологические движения в Рунете и их перспективы в политической жизни России (до 2017 года)». Мы затеяли это исследование для проверки тех данных, которые получили в ходе исследования российской блогосферы и определения того, в какой мере выделенные нами четыре идеологические группы (левые, либералы, националисты и традиционалисты — сторонники власти) представлены за пределами интернет-аудитории.

Мы начинали исследование в одну эпоху, а обсуждаем его совсем в другую. Формулируя гипотезу исследования, мы исходили из того, что живём в эпоху политического безвременья и политической демобилизации населения, которые к тому же специально поддерживаются власть имущими. Это давало им немалые выводы, поскольку блокировало растущее социальное и политическое недовольство. Вот уже несколько лет число россиян, выступающих с критикой партии «жуликов и воров», превышает половину населения страны, но управляе-

мая демобилизация населения значительно компенсировала этот фактор и сокращала возможность крупных брожений и потрясений.

И вдруг произошёл переворот политической стратегии, вместо демобилизации людей подвергли беспрецедентной идеологической накачке, мобилизации. И что любопытно — наш опрос был проведён в начале марта…

Лев Гудков: Прямо в разгар пропагандистской кампании…

Эмиль Паин: Да, именно, и всего за несколько дней до объявления о вхождении Крыма в состав России. И что нам показал наш первый результат? Мы ведь боялись, что все идеологические группы, которые мы предварительно выделили после исследования интернет-аудитории, не превысят 10% населения. А они в совокупности составляют почти половину респондентов. Таким образом, половина общества все ещё в дреме и только наблюдает за событиями по телевизору, а другая половина мобилизуется, определившись, в большей или меньшей мере, с идеологическим выбором.

Но в результатах опроса меня поразила «шизофреничность» массового сознания, его вопиющая, на мой взгляд, раздвоенность. Относительно наибольшая доля респондентов — 40% — хотела бы видеть Россию в будущем «такой, как развитые страны Запада». Причём, как показывают результаты других опросов вашего же центра, этот выбор модели будущего, в которой Запад выступает как идеал, сохраняется на протяжении многих лет и превосходит по популярности все остальные модели почти в два раза.

Лев Гудков: Да, это устойчивый показатель. Максимума он достиг ещё в 2007 году — 50%.

Эмиль Паин: Да, но, с другой стороны, мы видим, что столько же (40%) респондентов с разной степенью положительности (от симпатии до восхищения) относятся к Сталину. Комплекс других ответов на вопросы нашей анкеты позволяет охарактеризовать жителей России (но не Москвы) как все ещё советских людей. И каким образом это сочетается с выбором западного общества как идеальной модели?

Лев Гудков: А почему ты считаешь эти показатели шизофреническими? Это обычное, «нормальное» для массового сознания состояние «мешанины», взвесь разных по своему происхождению стереотипов, мнений, осколков идеологических представлений. Не будучи актуализированными, они составляют ресурс социального воображения, своего рода тезаурус, словарный запас массы или больших групп населения. Они могут упорядочиваться и приходить в какое-то подобие системы, когда общество по тем или иным причинам приводится в «возбуждённое» состояние, то есть когда затрагиваются значимые интересы, материальные (стабильности существования) или идеальные (коллективной идентичности, престижа, гордости и проч.).

Тогда отдельные группы стереотипов, клишированных суждений актуализируются в ответ на тот или иной вызов или провокацию, инициированную СМИ, пропагандой, властями или какими-то чрезвычайными событиями. До момента «включения» эти разнородные представления могут спокойно уживаться в одной голове (что с точки зрения человека, получившего университетское образование и воспитанного в формально-рациональной логике «исключения третьего», есть полный абсурд и вещь недопустимая, ненормальная, «шизофреническая»). Но, как только включается некое «силовое поле» внешнего идеологического воздействия, эти представления немедленно конфигурируются в определённую схему, как железные опилки на листе бумаги, когда к ним снизу подносят магнит.

Каждый из подобных вариантов ответа играет определённую функциональную роль, а это означает, что подобные ответы имеют смысл только в определённой плоскости или в определённых смысловых рамках. Позитивные оценки советских вождей и даже всей советской системы, то, что обычно расценивается как «ностальгия» по СССР, совсем не означает какого-либо желания вернуться в советское прошлое или возможности поворота политического курса. Это означает, что идеализированный образ советского прошлого выступает осно-

ванием для критики современного состояния вещей, по-другому выразить недовольство существующим положением вещей массовое сознание не может. Оно вначале рисует образ того, как это должно быть исходя из подправленного образа прошлого, а затем оценивает существующее положение вещей. Дескать, раньше была бесплатная медицина, доступное образование, гарантированная работа, доступное жилье, сейчас за все надо платить, сейчас — все чиновники воруют, чудовищная коррупция, а тогда — был порядок, в таких размерах не брали и т. п.

Но отсылка к прошлому в этом случае обязательна, поскольку нет авторитетных фигур и общественных сил, которые могли бы наметить желаемое будущее, цели развития. Потому мы те или иные наборы мнений и называем «комплексами» представлений, что составляющие их элементы нельзя рассматривать по отдельности, это более сложные структуры, регулирующие (сортирующие, управляющие, оценивающие) другие наборы мнений и взглядов. В массовом сознании, как правило, все идеологические ориентации и взгляды сочетаются, переплетаются между собой в самом причудливом виде. Допустим, вот вы выявили при анализе интернета чёткие и как бы непротиворечивые типы идеологических установок: русские националисты, левые, европейски ориентированные либералы и путинисты, сторонники нынешнего «национального лидера».

Все вместе они характеризуют или описывают идеологические представления примерно половины всего населения (в зависимости от жёсткости предложений респонденту идентифицироваться с этим установками — от 43 до 55%. Но, что важно, среди тех, чьи взгляды мы характеризуем как «русский национализм» (это самая большая группа), треть поддерживает и лозунги «за европейский выбор России» и треть же — «Путин — наша сила», четверти из них близки лозунги и идеи левых («Вся власть Советам», «Даёшь прямое народовластие!» и т. п.).

То же самое, если мы будем смотреть на тех, кто может быть идентифицирован прежде всего как ярый «путинист»: и среди них оказывается повышенной доля «националистов» или «левых», есть и «европейцы», хотя и в незначительном числе. Другими словами, авторитарный синдром находит свое выражение в определённых идеологических формах или связан с определенным типом социальной личности. Если же мы возьмём более жёсткие процедуры идентификации идеологических ориентаций, то размывание определённости самоотнесения или увеличение связок между разными (с нашей точки зрения) идеологическим ориентациями будет лишь усиливаться.

Эмиль Паин: Тем не менее четверть века постсоветского времени не прошло бесследно: мы видим по нашему опросу явную рационализацию сознания, особенно у москвичей. Здесь западную модель будущего выбрали 52,2% респондентов, а людей, симпатизирующих Сталину и тоскующих по советским временам, почти вдвое меньше, чем в общероссийской выборке.

Лев Гудков: Да это так, хотя, как мне кажется, следует принять во внимание модальность этого выбора. В очень большой степени «европейский выбор» — это маниловские грёзы, мечтательное представление о том, как хотелось бы жить. А вот как это сделать, это никому не понятно или люди не хотят понимать, принимать на себя ответственность за свое будущее, участвовать в политике, добиваться чего-то.

Напротив, общее мнение сводится к тому, что, конечно, демократия (правовое государство и тому подобные приятные вещи) — наилучшая модель или образец для России, только хотелось бы, чтобы за нас кто-то ее осуществил. Вряд ли этих людей в целом можно считать «либералами» в узком смысле слова. Поэтому более распространённая неспособность сделать собственную жизнь по западному образцу оборачивается обвинениями в адрес Запада: «А не больно и хотелось!», «У нас особый путь».

«По щучьему велению»

Эмиль Паин: Действительно, есть глубинные проблемы культуры, закодированные в образе сказочного героя Емели, сидевшего, как известно, на печи и приговаривавшего: «По моему хотению, по щучьему велению». И когда «по моему хотению» не получается, а какая-то внешняя «щука» не помогает, начинает работать идеология «осаждённой крепости». Сегодня 26% населения уверены, что Россия окружена врагами, а ведь 25 лет назад так считали всего 4% жителей страны. Треть населения сейчас полагает, что у страны, вставшей на путь возрождения, всегда найдутся враги. Это же снова тот сталинский лозунг о росте числа врагов народа по мере продвижения к коммунизму, который предшествовал террору 1930-х годов и обосновывал его.

Лев Гудков: И если мы посмотрим по социально-демографической раскладке ответов на вопросы (по возрасту, образованию, месту жительства респондентов и т. п.), то так считают несколько чаще других именно молодые и хорошо образованные люди.

Эмиль Паин: До недавнего времени была очень популярна политологическая «догма»: развитие рынка будет способствовать увеличению доли среднего класса, росту образованного населения, что в результате и приведёт к демократии. А что получилось в реальности? Совсем наоборот. И это требует объяснения.

Лев Гудков: Во-первых, сделаем поправку на специфику нашего так называемого «среднего класса», который радикально отличается от того, что под этим понимается в западных социальных науках. У нас другие принципы социальной морфологии, другие основания для стратификации — в эту категорию попадают гораздо больше госчиновников, государственно зависимых служащих, бюджетников с их патерналистским и державным типом сознания. А во-вторых, следует учесть интенсивность нынешней пропаганды. И, в-третьих, это сознание униженности и беспомощности, уязвимости существования основной массы людей, включая и более зажиточную и экономически благополучную часть.

Пропаганда никуда не убрала и никуда не дела представления о коррумпированном режиме, несмотря на растущие в последние месяцы показатели одобрения Путина (в январе — 50%, в начале марта — 72%, в конце марта — 80%). В этом смысле существующий мобилизационный подъем пока не затронул общественное мнение о характере режима. В представлении населения большинство российских политиков как были, так и остаются алчными, коррумпированными, бессовестными, лживыми и неумными людьми, ставящимися себя над законом, не уважающими обычных граждан. Одобрение касается действий высшей власти и только в отношении Крыма. Реанимация имперских настроений, торжество силы, этическая глухота по отношению к Украине — это компенсаторная реакция на хроническое состояние отсутствия самоуважения у людей, превращённое сознание, что да, конечно, по отношению к ним власть относится как к бессловесному ресурсу, но зато «Россия — великая держава» и мы можем заставить кого хочешь слушать нас и подчиняться нам. Поэтому, если посмотреть данные нашего последнего опроса, присоединение Крыма к России свидетельствует прежде всего о «возвращении ее традиционной роли великой державы», утверждающей свои интересы на постсоветском пространстве» (так считают 79%!). Отношение к Майдану — резко негативное. Причём самое негативное среди образованных москвичей.

Эмиль Паин: Сегодня на волне этого пропагандистского успеха выстраивается идеология, которая, кстати, по большому счёту уже давно придумана Дугиным, Лимоновым и Прохановым. В основании лежит идея о том, что 1991-й год был предательством и его необходимо отыграть обратно через расширение территории России и защиты русского населения. Но к чему это в результате приводит? Перед началом исследования нам казалось, что самой большой, доминирующей группой будут сторонники действующего президента. Ожидания подобного результата только усилились, когда президент «подарил» населению Крым. Но ничего подобного. Люди, поддержавшие лозунги «Путин — наша сила!», «Путин наша наде-

жда!», «Кто, если не Путин?» и другие, характерные для безусловных сторонников нынешней власти, согласно нашему исследованию, занимают только третье место (13%) после националистов (27%) и левых (18%), превосходя только либералов (10%).

Итак, на первом месте оказались те, кто поддерживает лозунги националистов. О быстро растущей их популярности мы с тобой говорили и раньше, но сейчас эта группа сделала большой скачок. Национализм, который так ругали на Украине, у нас оказывается не менее популярным. Пропаганда дала поддержку не столько Путину, сколько этническому национализму, взвинтив и без того высочайший уровень фобий и тревожности.

Но пока государственная пропаганда говорит о том, что современная державническая идеология может стать источником модернизационного прорыва. Есть ли под этим какие-нибудь основания?

Лев Гудков: Этот патриотический тренд будет иметь слабеющий, но длительный характер — 8–10 лет. Если не будет каких-то экстраординарных событий — внезапного экономического развала, кампании массового террора или что-то в этом роде.

Эмиль Паин: Это важно зафиксировать и уточнить. Сейчас в либеральных, вестернизированных кругах многие говорят о том, что пришёл конец нынешнему режиму. Но я с тобой полностью согласен, что у него есть ресурс не на месяцы, а на годы. Один знакомый написал мне: «Патриотической ажитации хватит на полгодика, через дырки в карманах она быстро утекает». Звучит хлёстко, но кто доказал, что эти дырки появятся уже через полгода?

Известно, что экономические санкции, которые Запад вводил даже против маленьких стран, не оказывали того воздействия, на которое он рассчитывал. Это были обычно серьёзные ограничения для экономики, а что уж и говорить о тех диетических санкциях light, которые пока применяют к отдельным российским гражданам и организациям? Большее влияние на российскую экономику, несомненно, окажет постепенная переориентация Европы на альтернативные российским источники энергоснабжения. Однако такая переориентация вряд ли станет тотальной и займёт не меньше трех-четырёх лет, при этом известно, что санкции, «размазанные» во времени, всегда менее болезненные, чем залповые. К постепенным ухудшениям экономических условий легче адаптироваться, привыкнуть и найти какие-то частные альтернативы, ослабляющие ощущения дискомфорта. К тому же в руках государства остаётся пропагандистская машина и возможность навязать свою интерпретацию причин неурядиц и даже направить недовольство в свою пользу.

Лев Гудков: Пропаганда влиятельна, но не всесильна. Власти большой поддержки на весь этот период она не принесёт. Представление о коррумпированности власти не изменится. Сегодняшний рост массового национализма — это неудовлетворённость предыдущей политикой, а также и одобрение нынешних внешнеполитических чрезвычайных действий, которые по определению не могут лежать в основании длительной политики. А вот высокий показатель поддержки идеологии левых — это демонстрация популярности государственного патернализма в различных его вариациях: от сталинской до «шведской». Но и это несёт в себе сильную критическую компоненту по отношению к власти.

Эмиль Паин: Согласен, и у меня нет сомнения в том, что нынешний патриотический подъем не станет для властей ресурсом не только для экономического прорыва, но и для замедления развивающейся рецессии. Сохраняется главный тормоз всего социально-экономического развития — архаичная институциональная система, в которой иерархия бизнес-элит, кланов, различных разновидностей кооператива «Озеро» задана их личными связями с иерархией власти. Такая система не только порождает коррупцию и обусловливает гигантские издержки (разворовывание) бюджетных средств в ходе любых государственных проектов, она ещё и парализует стимулы к развитию. При такой институциональной системе ожидания академика Глазьева и близких к нему экспертов на экономический рывок России — это абсолютное мифотворчество.

Но и надежды части либералов на быстрое затухание нынешнего политического режима — это тоже миф. Крайние суждения всегда далеки от истины. При этом хочу отметить заметное сходство культурных оснований для выдвижения противоположных идей в быстро политизирующемся российском обществе. В обоих лагерях оппоненты опираются не на расчёты, они надеются на чудо.

Вернусь к надежде тех либералов, которые характеризуют нынешнюю ситуацию как «агонию режима». Сугубо теоретически можно предположить (хотя реальных оснований для этого пока нет), что социальное недовольство в России через пару лет после 2014 года по своим масштабам сравнится с тем, которое фиксировалось в начале 2005 года, в ходе протестов против так называемой «монетизации льгот». Ну и кто же сможет оседлать это недовольство? Уж во всяком случае не либеральные силы. Дело не только в том, что уровень поддержки их идеологов и политических лозунгов ниже всех других выделенных нами течений. Ещё важнее, что либеральное сообщество — это самая разобщённая группа.

Лев Гудков: Если посмотреть на наши результаты, то больше всего к самоорганизации способность и желание проявляют левые, а либералы склонны к этому меньше всего. В этом основная слабость современной оппозиции.

Думаю, в ближайшие два года мы будем переживать негативные последствия сегодняшнего великодержавного подъёма.

Это не революция: власть прежняя — формы самосохранения новые

Эмиль Паин: Для того чтобы оценить долгосрочность и реальный потенциал нынешней психологической мобилизации россиян, я предлагаю сравнить ее с тремя известными в истории моделями массовой мобилизации: коммунистическая мобилизации 1920–1930-х годов; национал-социалистическая мобилизация в Германии в 1930–1940-е годы и религиозная мобилизация в Иране в 1978–1980-е годы.

Лев Гудков: Согласен. Мне в момент разгара пропагандистской кампании показалось, что мы имеем дело с рецидивом тоталитаризма, ну, скажем, в его «мягком» итальянском или франкистском варианте. Действительно, имеет место монополия на основные СМИ, превращённые уже из информационного канала в инструмент тотальной пропаганды и обработки общественного мнения. Далее, полный контроль над политическим полем, огосударствление общественных организаций и сращение государственного аппарата с партийными, лояльными администрации Кремля. Но несколько остыв, я изменил свое мнение и не думаю, что сегодня в России проявился тоталитаризм. Ведь на самом деле идеологии у режима нет. Те суррогаты, которые мы принимаем за идеологию, являются фантомами традиционализма, искусственного, придуманного. Неслучайно мы вспоминаем о Дугине, Проханове и Лимонове. Это означает, что власть берет созданные не ею идеи, для воплощения которых только использует свой административно-организационный ресурс.

200 лет со дня рождения Тараса Григорьевича Шевченко

От редакции

В ознаменование двухсотлетия со дня рождения великого украинского поэта Тараса Шевченко помещаем подборку статей наших украинских коллег — известных учёных. Реализация этого проекта — заслуга профессора В.Н. Ткаченко, члена редакционного совета журнала. Сердечно благодарим его за это.

НАЦИОНАЛЬНО-ПАТРИОТИЧЕСКИЕ ПРЕДПОСЫЛКИ ПОЛИТИЧЕСКОГО МИРОВОЗЗРЕНИЯ Т.Г. ШЕВЧЕНКО

Л.Е. Шкляр
Институт политических и этнонациональных исследований НАН Украины им. И.Ф. Кураса

Аннотация: *В статье актуализируется политическая составляющая творческого наследия Т.Г. Шевченко. По мнению автора, политическое в творчестве Т.Г. Шевченко — это попытка передать в форме категорий и понятий то, что изображается в поэтике символа, метафоры или образа.*

Ключевые слова: *политическая философия Т.Г. Шевченко, Шевченко-политик, национальная идея, «шароварные патриоты», политическое мировоззрение Т.Г. Шевченко.*

Ключевые аспекты проблемы

Тарас Шевченко входит в наше сознание как поэт, прежде всего. Хотя мы также ценим его и как прекрасного художника, автора прозаических произведений. Однако именно поэзия стала визиткой того образа Шевченко, каким мы его знаем и ценим. Поэтический мир Кобзаря чрезвычайно разнообразен. Особенную роль в нем играет так называемая «политическая лирика», с помощью которой он выразил свою гражданскую позицию, задекларировал национально-патриотическое «я», поэтизировал образ Украины.

Политическая составляющая творческого наследия Шевченко является неотъемлемой частью его мировоззрения. В конце концов, за свои политические убеждения он заплатил свободой, отбывая в течение десяти лет казарменную службу в тяжёлых условиях Приаралья. В «крамольных» с точки зрения режима стихах звучит критика в адрес самодержавия, изобличается социальная и национальная несправедливость, идеализируется и возвеличивается

прошлое Украины, более того, именно здесь в героическом прошлом казацкого образа жизни он находит модель для ее возрождения «в семье вольной, новой».

Необходимо отметить, что политические воззрения Шевченко исследованы достаточно глубоко. Поэт снискал любовь и уважение как представителей радикальных националистических убеждений, так и социалистических взглядов на общественную жизнь. В годы советской власти из поэта делали эдакого революционера, едва ли не предтечу большевизма. Всячески подчёркивая его «народность», пытались сделать из него социально близкого мироощущению советского человека. При этом, как правило, замалчивались национальные мотивы его творчества, которые, бесспорно, играли главенствующую роль в его мировоззрении. В то же время представители националистического направления мысли видели в нем, прежде всего, «пророка» национальной свободы, что, в общем-то, верно, но «национализм» Т. Шевченко носил несколько специфический характер. Он зиждился не столько на идеях государственности, сколько общественности. Отсюда такая своеобразная черта его «национализма» как демократизм, то есть сочетание трудно сочетаемых идеологических элементов.

Учитывая это обстоятельство, важно подчеркнуть, что политический горизонт великого украинского поэта с трудом укладывается в какие-либо идеологические рамки или «измы», включая, будь то социализм или даже национализм. Необходимо учитывать и то, что политические воззрения поэта все-таки излагались не в формате академических доктрин или концепций. Как правило, это поэтические тексты, соответственно и стилистика изложения мыслей, идей, а иногда и целых программных тезисов существенно отличается от строго научного стиля мышления. Поэтому экспликация политической составляющей творчества любого поэта, и, Т. Шевченко тут не исключение, это попытка передать в форме категорий и понятий то, что изображается в поэтике символа, метафоры или образа, что не всегда просто.

При исследовании проблемы Шевченко-политика, мы исходим из того, что, будучи фигурой библейского масштаба, из разряда тех личностей, которые «делают историю», а не только украшают ее фасад, он вобрал в себя те формы политического мышления, которые затем кристаллизировались в различного рода политические течения — от консерватизма и либерализма, до анархизма и национализма. Поэтому при желании в нем можно найти всего и разного, но это вовсе не означает, что его политический мир был лишён целостности, внутреннего стержня.

Скорее наоборот, политические воззрения Т. Шевченко имели чёткий вектор целеполагания, в нем просматривается доминирующая идея, сквозь призму которой он воспринимал и оценивал то, что принадлежало, говоря его же словами, «и мёртвым, и живым, и не рождённым». Что же это была за идея, которая составляла ядро шевченковского мировоззрения? Если коротко — это была национальная идея. О ее сути речь пойдёт далее, а сейчас важно отметить, что вопросы политического бытия, которые буквально мучили поэта-мыслителя, как это не покажется парадоксальным, во многом остаются актуальными и сегодня. В некотором смысле это печально, но это факт, а поэтому мудрое слово «пророка правды» должны послужить нам не только напоминанием, но и призывом к осуществлению шевченковского завета («заповіту»), который он оставил своим потомкам.

Говоря о предпосылках политического мировоззрения Кобзаря, необходимо подчеркнуть ещё раз, что речь не идёт о политическом мыслителе в традиционном смысле этого слова. Его политические оценки, как правило, эмоционально окрашены, исторические реминисценции нередко имели символический смысл, а образы реальных исторических прототипов сознательно гипертрофированы. Такова особенность поэтического мировосприятия и отображения действительности, что послужило основанием для шевченковедческих исследований в духе «Шевченко-мифотворец» [Грабович 1991, Мейзерська 1993, Забужко 2001].

Разумеется, речь идёт о мифе как способе мировосприятия, характерными чертами которого являются целостность рационального, эмоционального и волевого начал сознания, а не сочинением сказок на исторические или современные темы. Миф для Шевченко не был самоцелью, а всего лишь способом поэтического мышления, благодаря чему он передавал особенности обыденного мироощущения. Необходимо учитывать, что народное сознание в ту пору было во многом синкретичным, близким по своей природе к сознанию так называемых традиционных обществ, и для Шевченко оно также было органичным. Он говорил языком и образами своего героя — народа, среди которого вырос, глубоко знал и чувствовал его. Благодаря такому приёму — использованию пластики мифа с целью формулировки в данном случае политической идеи — возникает возможность буквально несколькими строфами передать, донести то, что в обычном режиме дискурса требует целых трактатов или монографических исследований. Эта особенность мифопоэтического образа — спрессовывать информацию, придавая ей одновременно смысл понятия и энергию эмоционального воздействия — обладает мобилизационным эффектом коллективного сознания — социума или национальной общности. Эта особенность поэтического слова наделяет их творцов качествами, которые выделяют последних среди обычных и даже необычных людей, а именно: качествами пророка, мессии, а не просто политического лидера или вождя — тоже неординарных личностей в политической жизни. Вместе с тем в образно-поэтической форме мировосприятия нередко кодируются или камуфлируются те смыслы, которые требуют дополнительной экспликации в виде комментария или целого исследования.

Т. Шевченко принадлежит к числу тех поэтов-мыслителей, в которых за текстом спрятан контекст, видимая часть «айсберга» предполагает ее незримую глубину. Поэтому неудивительно, что его поэтическое слово становится основанием для размышлений по поводу разного рода вопросов, имеющих не столько фактическое, сколько глобальное или мировоззренческое значение. Как правило, такого рода вопросы являются значимыми для целого поколения, затрагивающими экзистенциальные аспекты его бытия. Именно к таким проблемам принадлежит одна из ключевых тем его поэтического творчества — поиск ответа на вопрос: «Кто мы? Чьи сыны? Каких отцов? Кем? За что порабощены?». Ответы на подобные вопросы не исчерпываются фактами исторических наук, археологии, этнографии и т. д. Это по большей части мировоззренческие вопросы, и в зависимости от того, как их сформулировать, такие ответы и будут искать. Что касается Т. Шевченко, то он их сформулировал в чрезвычайно остром ключе, говоря современным языком — ключе поиска национальной идеи, как ее понимал великий поэт.

Тут важно отметить, что концепт национальной идеи формулируется не столько академическими исследователями или мыслителями-рационалистами, сколько всей совокупностью гуманитарной культуры, в особенности представителями и носителями художественно-эстетических форм сознания и мировосприятия — писателями, поэтами, художниками и т. д.

Поэзия является чрезвычайно мощным, если не единственным инструментом влияния на массовое сознание, в отличие, скажем, от науки, которая требует специальной подготовки и по своей природе является элитарной формой общения и деятельности. Эта традиция берет начало ещё со времён библейских пророков, поэтому не случайно, что Шевченко так часто в своем творчестве обращается к Библии, прежде всего к старозаветной «Книге пророков» как источнику вдохновения и диалога со своим народом. Подобно библейским пророкам, Т. Шевченко также жил и творил в эпоху кризиса устоев общественных порядков. В данном случае речь идёт о системном кризисе российской империи, института самодержавной власти, крепостного права. Но более всего его беспокоила проблема, говоря современным языком, кризиса идентичности украинского народа и поиск путей его возрождения. Именно в атмосфере кризисного социума благодаря его необычайному гению рождается поэтически осмысленная

и соответствующим образом оформленная национальная идея как способ выхода из этого кризиса середины XIX века, в котором оказалась Российская империя в целом и Украина в частности.

«КТО — МЫ?»

Тарас Шевченко направил острое перо иронии, а то и сарказма против представителей лагеря так называемых «шароварных патриотов». А их было немало среди отечественной помещичьего класса украинского общества, бюрократического слоя, интеллигенции. Он изобличал их взгляды на историю родины как на «поэму / Вольного народа», где верноподданнические чувства были изощренно приправленные украинофильской меланхолической грустью о минувших днях свободолюбивого народа. Такая трактовка не устраивала его, поскольку этот несколько романтический взгляд на сложные и драматические перипетии прошлого вселял в сердца и души соотечественников, по мнению поэта, примиренческие настроения с действительностью. А она требовала серьёзного ответа на непростые вопросы бытия, в конечном итоге сформулированные им в виде вопроса: «кто — мы?». Он сформулирован в чисто мировоззренческом ключе и требовал однозначного ответа. Чтобы такой ответ заполучить, необходимо, по мнению Т. Шевченко, не избирательно смотреть на собственную историю и не по подсказке со стороны, («как немец скажет»), а взглянуть, что называется «правде в глаза», не обходя вниманием тёмных страниц прошлого. Этот императив Шевченко прозвучал диссонансом в общем хоре голосов, воспитанных на тенденциозных трактовках, а иногда и откровенных фальсификациях истории украинского народа. В частности, он предлагает читать историю не только сквозь призму героики и казацкой славы, что так нравилось доморощенным патриотам, а смотреть на ее опалённые страницы глубже и дать ответ на вопрос: почему героизм и слава предков обернулись социальным и национальным порабощением? Обратиться к истокам правдивой истории означает для него тщательно изучить казацкие могилы и, может быть, там поискать ответы на неудобные вопросы, кои ставит сама безотрадная жизнь крепостных — наследников некогда вольных казаков: «Прочитайте знову/ Тую славу. Та читайте/ Од слова до слова,/ Не минайте ані титли,/ Ніже тії коми, / Все розберіть… та й спитайте/…» [Шевченко 2011а: 302].

И не дожидаясь, когда будет сделана такая работа в будущем, то есть история народа будет изучена что называется «без купюр», Кобзарь предлагает собственный взгляд на прошлое Украины, хозяева которой — элита прежде всего — во многом сами ответственны за то, что случилось с украинской землёй, ее народом. В эмоциональном порыве гнева он бросает инвективу «поводырям нации», коих едва ли не боготворили, приравнивая тех к римским сенаторам. Речь, конечно же, идёт о казацкой старшине и ее предводителях — гетманах:

Раби, подножки, грязь Москви,
Варшавське сміття — ваші пани
Ясновельможнії гетьмани.
Чого ж ви чванитеся, ви!
Сини сердешної Украйни!
Що добре ходите в ярмі,
Ще лучче як батьки ходили.
Не чваньтесь, з вас деруть ремінь,
А з їх бувало, й лій топили [там же].

Таким образом, мировоззренческий ответ на вопрос национальной идентичности следует искать не в избирательных картинах прошлого, радующих глаз и лелеющих слух, а в самой что ни на есть подлинной истории собственного народа, написанной не с чужих слов и подсказок. Как известно, вопросу — «кто — мы?» предшествует классическая шевченковская фраза: «Якби ви вчились так, як треба, // То й мудрість би була своя…», которую следует рассматривать в качестве своеобразной пропедевтики исторического самосознания, согласно которой полагаться на чужой разум в столь деликатном деле как изложение и понимание собственной истории нецелесообразно и даже опасно. Только правда, какой бы горькой она ни была для национального самосознания, может стать путеводной нитью к истине.

Такой фундаментальной истиной для Шевченко было возрождение исторических прав и свобод («вольностей») родного народа, который из-за деятельности «неразумных гетманов» их потерял. Видя предательскую роль казацкой элиты, Шевченко не питает никаких надежд на то, что она станет той силой, которая возьмёт на себя бремя национального возрождения в новых исторических условиях. Поэтому неслучаен и тот факт, что такая знаковая личность в украинской истории, как Богдан Хмельницкий не то что не вызывал никаких симпатий у поэта, а наоборот, пробуждал в нем отрицательные эмоции и вызывал осуждение: «За що ми любимо Богдана?// За те, що москалі його забули // У дурні німчики обули// Великомудрого гетьмана». [Шевченко 2011b: 320]. Или вот такие строки из его стихотворения с весьма красноречивым названием — « Якби то ти, Богдане п’яний»:

Амінь тобі, великий муже!
Великий, славний! та не дуже…
Якби ти на світ не родився
Або в колисці ще упився…
То не купав би я в калюжі
Тебе преславного. Амінь [Шевченко 2011c: 604].

Необходимо отметить, что в украинском политическом сознании Б. Хмельницкому нередко противопоставляется И. Мазепа как поборник национальной идеи независимости Украины. Не вдаваясь в тонкости вопроса, отметим, что Т. Шевченко, хотя и не подвергал его такой же критике как Хмельницкого, однако оценивал И. Мазепу весьма умеренно, во всяком случае, не глорифицировал его личность. Возможно, причиной тому служило то, что поражение под Полтавой, непосредственно связанное с личностью этого гетмана, дало повод царю Петру Первому существенно ограничить автономию Гетманщины — самоуправляемого территориально-государственного образования, возникшего во второй половине XVII века на Левобережной Украине. Эти ограничения были зафиксированы в так называемых «Решетиловских статьях», положивших начало гибели пускай ограниченной, но в чем-то самостоятельной украинской государственности, а также потери «вольностей казацких» — закрепощение крестьян. В противовес негативному или сдержанному, как в случае с Мазепой, отношению к элите и ее лидерам, Шевченко не скрывал своих симпатий к предводителям народных движений — С. Наливайко, П. Павлюку, И. Подкове, И. Гонте, М. Зализняку, простому казаку Галайде — герою поэмы «Гайдамаки» и многим другим, которые не принадлежали к казацкой элите, а своими действиями и поступками выражали дух народного протеста.

Разумеется, в сопоставлении, а точнее — противопоставлении понятий и явлений «элита — народ» считывается категориальный ряд политического дискурса более поздних времён, когда политология становится наукой. В украинской историко-политической традиции эту проблематику в начале XX века активно разрабатывали, хотя и с несколько разных позиций, такие политические мыслители как В. Липинский и Д. Донцов. Невзирая на то, что

оба были почитателями Великого Кобзаря, однако в своих политологических взглядах и подходах на проблему «элита — народ» склонялись к концепции элитизма, согласно которой не столько народ, сколько элита имела решающее влияние на ход политических событий. Т. Шевченко в данном случае придерживался иных взглядов, полагая, что социальное раскрепощение и национальное освобождение — дело рук самого народа как проявление его креативной стихии, неоднократно доказанной в истории в ходе всевозможных восстаний и революций. Такое недоверие к элите со стороны Шевченко можно объяснить тем, что в случае с украинской историей она неоднократно доказывала свою предательскую сущность по отношению к чаяниям народа. Отечественная элита нередко шла на компромиссы в решающие моменты истории, руководствуясь не столько национальными, сколько классово-корпоративными интересами. Для Т. Шевченко такой этос поведения был неприемлем, и поэтому он был так критичен и резок в своих оценках тех, кто претендовал на национальное лидерство, как в историческом прошлом, так и настоящем. Следует полагать, что антиэлитаристские настроения поэта, некая идеализация им народной бунтарской стихии, вера в ее креативные начала, протест против социального угнетения, национальной и религиозной несправедливости дали основания позиционировать его как «революционера-демократа». Однако такое определение можно считать справедливым лишь частично, поскольку оно не исчерпывает всей палитры политического мировоззрения национального гения. Ведь кто такой революционный демократ? Это тот, кто не совершенствует политический строй путём реформ, модернизации и т. д., а тот, кто радикально, иногда путём насилия изменяет его. Но возникает вопрос: может ли революционер быть демократом? История вообще и отечественная в частности, не дают однозначного ответа на этот вопрос. Более или менее понятно, что демократию невозможно привить насильственным путём. Она может лишь вырасти органическим способом из среды эволюционного развития государства и общества и стать результатом социального компромисса.

Если с этих позиций взглянуть на политическую философию Т. Шевченко, то в его поэтическом наследии можно найти призывы революционного характера к смене общественных устоев насильственным путём. Эти призывы довольно часто звучат в текстах социального антикрепостнического звучания, как, например, в знаменитом («Заповіті»), где поэт обращается к народу с призывом: «Кайдани порвіте // І вражою злою кров'ю // Волю окропіте» [Шевченко 2011d: 319].

Однако необходимо учитывать исторический и социальный контекст этих призывов, а они в то время буквально носились в воздухе, ведь это было время революционных потрясений, пронёсшихся едва ли не по всей Европе под лозунгом «весны народов». И Шевченко вместе с европейскими интеллектуалами стремился таким образом «збудити хиренну волю», которую к тому времени после восстания декабристов «приспав цар Микола» — символ крепостничества и национального порабощения.

Если с «революционностью» Шевченко все более-менее понятно, то, что касается его «демократизма», вопрос не до конца прояснён. Можем предполагать, что он носил несколько специфический характер, если смотреть на это явление с позиций современной теории демократии. Напомним, что современная трактовка этого понятия исходит из того, что демократия — это такое устройство государственной власти, при котором «единственным источником власти является воля народа» [Демократія… 2011: 194]. Бесспорно, относительно такого критерия демократии, как «воля народа», Шевченко вполне был демократически настроенным мыслителем. Но ведь демократия только этим критерием не исчерпывается. Не менее важной для ее определения является и форма организации власти или устройство государственных институтов, где власть принадлежит большинству, но не для того, чтобы осуществлять диктаторские полномочия по отношению к меньшинству. Своеобразно деформиро-

ванный тип «демократии», как известно, был присущ и советскому строю, где, номенклатурное меньшинство довлело над громадной массой народа. Весь фокус демократической парадигмы власти состоит в том, что ни большинство, ни меньшинство не являются раз и навсегда заданными константами. В подлинно демократическом обществе они регулярно меняются местами, большинство становится оппозиционным меньшинством и наоборот. Там, где этот принцип регулярности не соблюдается, при всей внешней атрибутике демократического устройства, говорить о демократии как таковой не приходится. Таким образом, если, с точки зрения политической теории, демократия — это тип организации общества, где государство контролируется этим обществом через механизм выборов, то у Шевченко, особенно раннего периода творчества, когда он поддерживал тесные контакты с Кирилло-Мефодиевским братством, просматриваются черты, свидетельствующие о его демократических убеждениях. Но об этом мы можем судить, исходя из опосредованных источников, таких как «Книги бытия украинского народа», который он наверняка знал, хотя авторство и принадлежало другим. Как известно, в этом трактате изложены демократические постулаты на жизнь общества и государства с позиций Кирилло-Мефодиевского тайного кружка, с членами которого тесно контактировал Т. Шевченко и взгляды которых он в целом разделял.

Что же касается поэтического наследия, то здесь мы не находим мотивов, которые свидетельствовали бы о симпатиях Тараса Григорьевича к какой-либо форме государственной власти. У него имеется чудесная реплика относительно «Вашингтона з новим і праведним законом», которая может свидетельствовать о том, что ему не были чужды идеи правового государства. А правовое государство по определению является и государством демократическим. Однако сколь-нибудь чётко артикулированных взглядов на этот вопрос мы не находим. Объяснение этому можно искать в том, что известный украинский исследователь творчества Шевченко Г. Грабович называет «идеальной общностью», заимствовав это понятие из области культурной антропологи [Грабович 1991: 87].

Если коротко, то смысл этого понятия, в свое время введённого в научный обиход культурологом В. Тернером для изучения традиционных обществ, сводится к тому, что «идеальные общности» — это такие общности, коим не хватает социальной дифференциации или структурированности [там же: 88]. Следует сказать, что ещё до В. Тернера исследователи обратили внимание на различия в организации традиционных и современных обществ, введя соответствующие понятия. Так немецкий культурфилософ Тенис ввёл градацию социумов как общностей (Gemainschaft) и, собственно, обществ (Geselschaft). Ещё ранее сходные мысли озвучивал французский социальный мыслитель Ж.-Ж. Руссо. Но суть вопроса не в приоритетах, а в логических основаниях подобного рода классификациях обществ. Как оказалось, основанием для такого рода определений является неравномерный характер цивилизационного развития, который приводит к появлению, с одной стороны, структурированных, а, с другой, не структурированных социальных систем, о которых писали в свое время Руссо, Тенис, а позже Тернер. Идея нерасчлененных социальных организмов или общностей оказалась близкой такому направлению не просто эстетической, а и в целом культурологической мысли, как романтизм. Т. Шевченко — яркий представитель этого направления и для него такой «идеальной общностью» (здесь можно согласиться с Г. Грабовичем) была «казацкая громада», казачество как этносоциальная общность, где господствовали обычаи и традиции, характерные, прежде всего, для такого рода «идеальных» общностей — своеобразное равенство, побратимство и свобода.

Бесспорно, Тарас Григорьевич идеализировал казацкий строй, хотя, следует отметить, для своего времени (а речь идёт о временах расцвета украинского казачества XVI–XVII веков) эта социальная общность во многом опережала консервативные государственные системы и во многом соответствовала идеалам республиканского строя, о чем упоминал даже

К. Маркс, называя Запорожскую Сечь «республикой». Именно модель республики как системы организации политического строя была наиболее близка мироощущению Шевченко, и прообразом для него служило казачество. Стало быть, как сын своего времени он отдал должное романтическим увлечениям прошлого, нередко идеализируя его и противопоставляя современности, вместе с тем он, очевидно, пребывал и в плену неких утопических представлений относительно оптимальной модели общества, представляя его по образу и подобию большой семьи или рода. В мировоззрении поэта миф играл важнейшую роль конструирования реальности. Для него жизнь форматировалась по «Закону божьему» (название одной из программных книг Кирилло-Мефодиевского братства) а не социологическими законами. В итоге, судя по всему, он не осознавал того, что казацкий строй прошлых веков вряд ли сможет органично вписаться в эпоху капиталистических отношений с их неизбежным расслоением и поляризацией интересов. Вместе с тем, как человечество в античной демократии ищет образцы для оптимальной организации политической жизни, так и Т. Шевченко такой образец для подражания находит в прошлом украинского народа — республиканско-демократическом устройстве жизни казачества. Была ли это классическая утопия — вопрос дискуссионный. Можно лишь предположить, что поскольку афинская демократия не может считаться утопией для средневековых монархий, постольку и казацкая демократия с ее республиканскими началами не может не рассматриваться в качестве вдохновляющего идеала, по сравнению с которыми настоящие порядки воспринимались поэтом как варварские.

Ещё и ещё перечитывая произведения Великого поэта-мыслителя в эпоху, когда философия, социология и даже политология уже достигли определённого уровня развития, по-другому воспринимаешь интуитивные прозрения Кобзаря. Это касается различных аспектов его творчества. Среди прочего нельзя не обратить внимания на то обстоятельство, что для Шевченко, например, социальный мотив воли как раскрепощение крестьянства органически сочетался с национальным аспектом свободы, и наоборот. Поэтому когда мы сегодня говорим о совпадении национального и социального компонентов в его мировоззрении, то корректнее было бы говорить не просто о революционном демократизме как политической основе его мировоззрения, а, скорее всего, о его национально-демократическом республиканизме, в коем сочетались мотивы свободы, воли, права и справедливости. Он не представлял социальную справедливость без национального освобождения украинского народа.

Касаясь национального устройства жизни, неизбежно возникает вопрос о государственности и отношении к ней самого Т. Шевченко. Сразу отметим, что национально-демократическая республика для него — это не столько государственный строй в современном понимании этого слова, сколько форма национального самоуправления, где власть определяется не через бюрократический слой чиновников, а институты обычая и традиции, по своему характеру и содержанию являющиеся демократическими институтами. Здесь определяющую роль играли традиции выборности, кои были присущи и казацкой среде — «казацкие рады», и мещанству, жившему по законам Магдебургского права на территории Украины. Иных аналогов демократического самоуправления в то время просто не было, если не считать античную Грецию.

Есть основания полагать, что общественно-политическим идеалом для Шевченко выступало такое устройство жизни, благодаря которому власть непосредственно принадлежит народу. Механизмом ее реализации выступает прямая демократия, хотя представительские институты, избранные народом, в определённом смысле также существуют. Такая модель власти созвучна идеалам, увы, ныне скомпрометированного движения, появившегося в середине XIX века благодаря усилиям Бакунина и Прудона, — анархизма. Выступая решительно против деспотизма власти, анархисты считали любое государство проявлением зла. Безусловно, этот тезис не выдерживает критики, но анархисты чётко подметили отчуждённость между

государством и обществом, властью и гражданами. Мы далеки от мысли, чтобы записать Тараса Григорьевича в сторонники или предшественники анархического воззрения. Но тот дух протеста, пафос антигосударственности, если хотите, присущий этому течению был не чужд и нашему великому земляку. Таким образом, вместо государственности — самоуправляемая «идеальная общность». Вот этот политический идеал и был близок поэту, его он и воспевал в своих гениальных произведениях, демонстрируя непримиримость с жестокой действительностью. Тот факт, что Шевченко, очевидно, не был государственником в традиционном смысле слова, нисколько не преуменьшает его роли и заслуг перед украинским народом, его историей. Он просто видел другие пути и альтернативы общественного развития помимо традиционных государственных форм, кои ассоциировались в его сознании с бездушием бюрократии и чиновничества, военщиной и экспансионизмом. Вполне возможно, что гений в данном случае заблуждался, но разве он был одинок среди великих мира сего, кто отрицательно относился к власти бюрократии и бездушия коррумпированного чиновничества?

Если посмотреть на мир с современных позиций, то нельзя не отметить, что в демократически развитых странах роль государственных институтов пусть и медленно, но снижается. В противовес этому возрастает роль общественных организаций, роль местного самоуправления, территориальных и региональных общин и структур. Но странным образом роль государства возрастает в недемократических или полудемократических странах, что, в общем-то, о многом говорит. Так что не такими уж, можно сказать, утопическими являются взгляды тех, кто не усматривал в государственности конечную станцию развития цивилизации. Вопрос этот, по большому счёту, открыт и принадлежит к мировоззренческим проблемам глобального развития. Не стоит торопиться с окончательными выводами. Но очевидно и другое, а именно то, что на определённом этапе развития истории государственность является неизбежной формой существования социума, этноса, нации, если таковые мечтают сохранить себя в истории, а не стать всего лишь, как писал Н. Данилевский, «этнографическим материалом» для строительства других наций и государств. Понятно, что в окружении империй в Украины не было иных, кроме государственных форм, способов сохранить собственную идентичность. Но осознание этого придёт несколько позже.

Мир вокруг нас: «МЫ — ОНИ»

Говоря о политическом мировоззрении Т. Шевченко, нельзя не сказать несколько слов о его геополитических аспектах. Геополитика в данном случае — это условная конструкция, но она проливает свет на те аспекты мировоззрения поэта, которые, так или иначе, касались судеб Российской империи и ее периферии, прежде всего Украины, а также других народов, входивших как в состав империи, так и сопредельных государств.

Сразу необходимо отметить, что геополитический мир, в котором жил наш поэт — это, прежде всего, мир империй, разного рода деспотических режимов, которые вызывали в поэта резкую реакцию неприятия. И это понятно, ведь его мир «идеальной общности» — это мир равенства, свободы и справедливости, в то время как имперско-деспотические образования — это воплощение неравенства, крепостного права, насилия. Поэтому, естественно, они никак не могли служить образцом для подражания. Вряд ли его на тот момент могла вдохновлять и американская модель в части социального равенства, поскольку рабство в южных штатах ещё не было ликвидировано, а его он не воспринимал в любых формах проявления — от порабощения государственного до угнетения семейно-бытового. Поэтому он не видел вне Украины, ее исторического прошлого политических моделей, достойных подражания, хотя и мечтал о Вашингтоне с его «новым и праведным законом», о чем уже упоминалось.

Итак, геополитическая картина в мировоззрении Шевченко имела особое значение и смысл. Подчеркнём ещё раз, что речь идёт скорее о воззрениях на государства и народы в восприятии человека, мыслящего образами и символами, а не теоретическими категориями, согласно которым геополитика — это «наука о влиянии географических факторов на внешнюю и внутреннюю политику государств и наций» [Геополітика… 2011: 136]. Геополитическая рефлексия в данном случае важна потому, что благодаря ей Шевченко как бы возвращает Украину в систему мировых координат, видит в ней не только объект влияний, но и субъект мировой политики. Разумеется, во времена, когда жил и творил поэт, говорить о субъектности в мировой политике Украины в обычном смысле слова не приходится. Но и не обращать внимания на этот аспект проблемы, пусть и с некоей долей условности, тоже неверно. В поэзии Тараса Григорьевича чётко просматривается геополитический образ Украины в двух ипостасях: первое — Украина как колонизированная страна, отсюда и понятийный ряд в виде противопоставления таких понятий как «империя» и «колонии», или, как тогда говорили — «окраин»; второе — Украина как эпицентр славянского возрождения — духовного и политического. Отсюда идеи славянского федерализма, изложенные в программных документах Кирилло-Мефодиевцев. Именно в этой, второй ипостаси он резервирует за Украиной роль активного геополитического игрока в будущем, возвращая ее если не на мировую, то, во всяком случае, на европейскую арену. Именно благодаря таким рефлексиям глубже постигается как роль самой Украины на геополитической карте, так и других народов, тех, что входили в состав Российской империи. Прежде всего, речь идёт о Кавказе и Польше. Впрочем, это касается и зависимых стран, которые не входили в состав империи, но привлекали к себе внимание в плане геополитическом — славяне Балканского региона. Эти вопросы достаточно остро звучали в поэзии Шевченко и имели отчётливо политический акцент в его мировосприятии.

Сквозь призму геополитических раскладов острее осознаётся проблематика «мы — они», которая начинается для Шевченко через осознание роли славянства в мировой истории. Как известно, в первой половине XIX века эта тема стала одной из ведущих в европейской внешней политике. Имена таких деятелей славянского возрождения как Ганка, Коллар, Шафарик стали вдохновляющим примером и для других, прежде всего восточных славян, к числу которых относятся и украинцы, заявить о своих правах на свободу и независимость.

Проблематика — Шевченко и «славянофилы» — достаточно хорошо разработана в целом ряде исследований по данной теме [Прийма 1958: 151–156; Шагинян 1961: 215–228]. В этой связи достаточно отметить, что славянофильство украинского поэта существенно отличалось от популярного в 40–50-е годы XIX века российского славянофильства в лице Хомякова, Киреевского, братьев К. та С. Аксаковых и других представителей этого течения общественной мысли. Суть расхождений заключалась в том, что патриотизм российских славянофилов нёс в себе подчёркнуто антизападнический характер, идеализировал допетровскую Русь, не подвергал критике социальные устои крепостного права и самодержавия, поддерживал политику протекционизма относительно славянских народов со стороны царизма. Для Шевченко такая позиция была неприемлемой, поскольку он мечтал о равенстве и искреннем братстве между славянскими народами, в том числе и русским.

Доказательством такой позиции может служить «Предисловие» к поэме «Гайдамаки», де поэт затрагивает непростые польско-украинские отношения и переживает по поводу того, что некогда из разряда братских они перешли в плоскость неприятельских. Слушая песню слепого кобзаря, который напевал думу о том, как «боролися ляхи з козаками», сам Шевченко замечает: «Слава Богу, що минуло», — а надто як згадаєш, що ми одної матері діти, що всі ми олов’яне. Серце болить, а розказувать треба: нехай бачать сини і внуки, що батьки їх помилялись, нехай братаються знову з своїми ворогами. Нехай житом-пшеницею, як золотом, покрита, нерозмежованою останеться навіки од моря і до моря — слов’янська земля» [Шев-

ченко 2011e: 136]. Этот же мотив единения звучит и в стихотворении — «Полякам», написанном несколько позже сравнительно с поэмой «Гайдамаки», а именно в 1847 г., в канун его ареста:

Ще як були ми козаками,
А унії ще не було,
Отам-то весело жилось!
Братались з вольними ляхами,
Пишались вольними степами, …
Отак-то, ляше, друже, брате!..
Подай же руку козакові
І серце чистеє подай!
І знову іменем Христовим
Ми оновим наш тихий рай [Шевченко 2011f: 376–377].

Тема славянской солидарности в творчестве Шевченко звучит и в личностном плане, свидетельством чего является посвящение поэмы «Еретик» выдающемуся подвижнику славянского возрождения чешскому языковеду Шафарику. Среди прочего там звучат такие строки: «…німота запалила // Велику хату. І сім'ю, // Сім`ю слав'ян роз'єдинила //І тихо, тихо упустила // Усобищ лютую змію //…Слава тобі любомудре, // Чеху-слов'янине! // Що не дав ти потонути // В німецькій пучині» [Шевченко 2011g: 234–235].

Но какой бы ни была важной для украинского поэта славянская тема, прежде всего он переживал за судьбу родной и близкой его сердцу Украины. Благодаря связке понятий: «мы — славяне» Шевченко артикулирует представление об Украине как стране с ее самобытным народом-нацией, об освобождении которого, как и других славян, он мечтал. Национальная идея как геополитическая проблема осознаётся и декларируется поэтом как украинская идея, с позиции которой он резко критикует политику имперских экспансий и колонизаций, что видно на примере «кавказской темы» в его творчестве. Об этом непосредственно свидетельствует стихотворение «Кавказ», где в образно-символической форме отображена безрадостная картина угнетения и, что важно, передано ощущение веры и надежды на лучшие времена порабощённых народов:

Не вмирає душа наша,
Не вмирає воля.
І неситий не виоре
На дні моря поле,… [там же: 293–294]

С сарказмом и гневом Т. Шевченко осуждает так называемое «цивилизаторство» или «культуртрегерство», то есть навязывание культурных стереотипов одних, прежде всего господствующих народов — народам, которые оказались в зависимом положении и вынуждены прислуживать своим хозяевам:

…Ми християне, храми, школи,
Усе добро, сам Бог у нас!
Нам тілько сакля очі коле:
Чого вона стоїть у вас,
Не нами дана; чом ми вам
Чурек же ваш та вам не кинем,
Як тій собаці! Чого ви нам
Платить за сонце не повинні!..

Якби ви з нами подружили
Багато де чому навчились!
У нас же й світа, як на те –
Одна Сибір неісходима, ... [там же: 295].

Закономерно, что в эпицентре своеобразных геополитических рефлексий Шевченко оказалась самодержавная Россия как государство-империя. Здесь необходимо сразу отметить, что отношение поэта к власти и режиму никоим образом не корреспондируется с его отношением к русскому народу, которое, вне всякого сомнения, было позитивным и не имело ничего общего с позже выработанным его врагами образом русофоба. Такие обвинения беспочвенны, но об этом несколько позже. Что же касается оценок Шевченко режима самодержавной власти, то они действительно были отрицательными, и скрывать тут нечего. Но переносить неприятие власти на чувства к народу, его ярким представителям, среди которых у Тараса Григорьевича было много искренних друзей, недопустимо.

Следует иметь в виду, что критической настрой по отношению к институту российской монархии Т. Шевченко разделял с такими представителями российской общественности, как декабристы, Чаадаев, Герцен и другие выдающиеся умы России своего времени. Как было отмечено выше, поэт имел свои политические предпочтения в вопросах организации общества и власти, он вынашивал идеал свободного человека в свободном обществе, чему тогдашняя российская власть никак не соответствовала. Более того, Шевченко был убеждён, что именно российское самодержавие послужило решающим образом делу ликвидации казацких вольностей и даже поэтому не заслуживает доверия и почтительного к себе отношения. Негативный образ воинствующей империи красной нитью проходит сквозь творчество поэта. В рамках данной статьи нет возможности в подробностях разбирать различные сюжеты касательно этой темы, но на один существенный момент все-таки следует обратить внимание, поскольку он, если можно так выразиться, принадлежит к своеобразным «блуждающим» сюжетам украино-российских отношений. Это отношение и оценка исторических деятелей, которые оставили глубокий след в истории наших народов. Показательной в этом отношении является поэма (комедия) «Сон», в которой была дана негативная оценка не просто самодержавной власти, но и подчеркнут персональный аспект властвующих господ в лице государя и государыни.

Уже с первых строк поэмы звучит резко негативная оценка захватнической политики: «У всякого своя доля // І свій світ широкий, // Той мурує, той руйнує, // Той неситим оком // За край світа зазирає, // Чи нема країни, // Щоб загарбать…» [Шевченко 2011j: 214]. Используя художественные приёмы изображения героев поэмы, Шевченко в уничижительном тоне рисует дворцовую атмосферу времён Николая Первого. Изображая портрет государыни, сравнивает ее с «опеньком засушеним» либо «чаплею між птахами», в то время как сам царь не просто говорит со своими поддаными, а «цвенькає», то есть болтает. Иронизируя по поводу вельмож, поэт как бы во сне неожиданно для себя оказывается в стольном Санкт-Петербурге возле памятника царю Петру Первому и удивлённо спрашивает себя: «Хто ж це такий? От собі й читаю, // Що на скелі наковано: // *Первому — вторая*. // … Це той *перший,* що розпинав // Нашу Україну, //А *вторая* доконала // Вдову сиротину…». [там же: 224]. Шевченко припомнил Петру как тот уничтожал Гетманщину, на казацких костях строил северную столицу на болотах и выносит ему политический приговор: «О царю поганий, // Царю, царю проклятий, лукавий // Аспиде неситий! // Що ти зробив з козаками? // Болота засипав…» [там же: 225].

Да, в современной России Петр Первый занимает одно из первых мест в различных рейтингах популярности типа «человек тысячелетия». Его вклад, справедливости ради, в мо-

дернизацию России трудно переоценить. Но стоит ли забывать, какой ценой дались «петровские реформы» и что из этого получила Украина? По крайней мере, для Шевченко дилеммы здесь не было и свою позицию он обозначил предельно чётко и ясно. Негативным было отношение Тараса Григорьевича и к особе императрицы Екатерины Второй, с деятельностью которой в украинском сознании связаны как минимум две трагические страницы истории: разрушение Запорожской Сечи и ужесточение крепостного строя. И когда среди определённой части современной политической элиты, в том числе и украинской, находятся деятели, в сердцах которых образ развратной императрицы вызывает восторг, так и хочется их спросить словами Кобзаря: «чиїх батьків, і чиї ми діти?» Что мы восславляем и чем восторгаемся? И его же словами приходиться отвечать: «Оце твої діти, // Твої квіти молодії, // Чорнилом политі, // Московською блекотою // В німецьких теплицях // Заглушені!.. Плач, Україно! // Бездітна вдовице!» [там же: 227].

Как видим, своеобразная шевченковская «геополитическое» видение — это художественными средствами воссозданная атмосфера насилия и несправедливости, которая в те времена коснулась многих славянских народов, в том числе, как русского, так и украинского. Такой ракурс позволил поэту рельефнее осознать место и роль Украины в мире, осмыслить ее героическое и вместе с тем трагическое прошлое. Сформулировать, хотя бы на уровне проекта так и не реализовавшейся программы Кирилло-Мефодиевского братства, ее будущее.

Очевидно, что критика Т. Шевченко самодержавной власти не вписывается в современный формат оценок прошлого в нынешней России, где принято превозносить, а не хулить монархию и ее венценосных представителей. В конце концов, это право самих россиян — оценивать династию Романовых то ли с положительной, то ли с отрицательной стороны. Мы же можем лишь констатировать, что в самой России никогда не было консенсуса на этот счет. Поэтому каждый мыслящий гражданин волен выбирать — он за величие монархической России или против. Смеем предположить, что аргументов как «за», так и «против» будет достаточно, чтобы сделать осознанный выбор. Во всяком случае, Т. Шевченко, который на себе познал все «прелести» крепостного права, имел достаточно оснований подвергать ту систему власти и общественных устоев самой резкой критике.

Теперь что касается отношения Великого Кобзаря к русскому народу, его ярким и видным представителям. Смеем предположить, что в этом вопросе Тарас Григорьевич меньше всего руководствовался мотивами национальными, а по большей части нравственными, гуманитарными. Об этом прямо свидетельствуют стихи поэта с адресными посвящениями, как выдающимся деятелям русской культуры, так и просто представителям русской элиты. К примеру, далеко не комплементарная касательно «московской» тематики поэма «Катерина» посвящена замечательному русскому поэту и благородного сердца человеку В. Жуковскому. Среди поэтических шедевров поэта находим стихотворение, посвящённое В. Гоголю, с проникновенными словами: «Ти смієшся, а я плачу, / Великий мій друже». Поэму «Тризна», кстати, написанную на русском, с ее трепетными строками: «Душе с прекрасным назначеньем…», Шевченко посвящает княгине В. Репниной, с которой тепло и нежно дружил. Этот перечень можно продолжать, но не менее интересно задаться вопросом: а кем был Шевченко для прогрессивной русской общественности?

Без преувеличения можно сказать, что он пользовался огромным уважением передовых людей России, он был популярен и в студенческой среде Санкт-Петербурга. Красноречивым проявлением этих чувств к украинскому гению стали траурные события, связанные со смертью и похоронами поэта. Чтобы попрощаться с ним, к гробу с его телом пришёл едва ли не весь мыслящий цвет русской интеллигенции. Одно перечисление имён перехватывает дух — Достоевский, братья Жемчужниковы («Кузьма Прутков»), братья Курочкины, Лесков, Некрасов, Панаев, Пыпин, Салтыков-Щедрин, братья Серно-Соловьевичи и много, много других

славных имён. Те, кто не смогли прийти на поклон к ушедшему поэту, как, например, семья Толстых, заказывали поминальные панихиды в церквах в память Великого поэта и человека.

Гроб с телом покойного петербуржские студенты несли на руках до самого кладбища, где состоялась гражданская панихида, на которой выступали Костомаров, Кулиш, представители студенчества — польского, русского и т. д. Трогает сердце нашего современника запись в книге посетителей Каневского мемориала, где похоронен Т. Шевченко, петербуржских студентов, прибывших на могилу по случаю девяностолетия со дня рождения Т. Шевченко: «С далёкого севера мы пришли на твою могилу, незабвенный поэт. На берегу родной твоей реки, у твоего креста мы читали твои думы, близкие и родные нашему сердцу. Привет тебе, великий певец Украины, борец за родину и правду. Благослови и нас на это дело» [Дзюба 2008: 686].

А выдающийся писатель и поэт И. Бунин — первый русский писатель, удостоенный Нобелевской премии в области литературы — посетив могилу Т. Шевченко в Каневе, отметил, что он бывал на могилах многих великих людей, но ни одна из них не произвела на него такого волнующего впечатления, как Тарасова могила [там же].

В этих знаках внимания известных и неизвестных россиян к Великому Сыну Украины поражает то, как высоко они ценили его миссию, с какой теплотой берегли память о нем. Особенно важно отметить эти чувства, когда знаешь, как не любил Шевченко самодержавную власть, подвергал критике устои царизма, противопоставив этому любовь к свободе, к своей родной земле — Украине, которую всегда воспевал. Возможно, это один из тех заветов, которые он оставил нам — русским и украинцам — как можно искренно любить добро и не ненавидеть зло. Об этом нам следует помнить всегда и никогда не предаваться лукавству, о чем говорил Т. Шевченко: «Ми не лукавили з тобою, // Ми просто йшли; у нас нема // Зерна неправди за собою…». [Шевченко 2011k: 562].

Геополітика… 2011. Геополітика. — *Політична енциклопедія*. — Редкол.: Ю. Левенець (голова), Ю. Шаповал (заст. голови) та ін. — К.: Парламентське видавництво. — С. 136.

Грабович Г. 1991. *Шевченко як міфотворець. Семантика символів у творчості поета*. — Перекл. з англ. Соломії Павличко. — К.: «Рад. письменник». — 212 с.;

Демократія… 2011. Демократія. — *Політична енциклопедія*. — Редкол.: Ю. Левенець (голова), Ю. Шаповал (заст. голови) та ін. — К.: Парламентське видавництво. — С. 194.

Дзюба І. 2008. *Тарас Шевченко*. — К., Видавничий дім «Києво-Могилянська академія», 2008.

Забужко О. 2001. *Шевченків міф України. Спроба філософського налізу*. — К.

Мейзерська Т. 1993. Шевченко між міфом та історією. — *XXX наукова Шевченківська конференція. 27-30 квітня 1993 р. — Тези і матеріали*. — Донецьк. — С. 15–17;

Прийма Ф. 1958. Шевченко и русские славянофилы. — *Русская лит*. — № 3. — С. 151–156;

Шагинян М. 1961. Тарас Шевченко и славянский вопрос. — *Дружба народов*. — № 5. — С. 215–228;

Шевченко Т. 2011a. І мертвим, і живим… — *Кобзар*. — Передмова П. Мовчана. — К.: Вид. центр «Просвіта». — С. 302.

Шевченко Т. 2011b. За що ми любимо Богдана? — *Кобзар*. — Передмова П. Мовчана. — К.: Вид. центр «Просвіта», 2011. — С. 320.

Шевченко Т. 2011c. Якби-то ти, Богдане п`яний. — *Кобзар*. — Передмова П. Мовчана. — К.: Вид. центр «Просвіта», 2011. — С. 604.

Шевченко Т. 2011d. Як умру, то поховайте («Заповіт»). — *Кобзар*. — Передмова П. Мовчана. — К.: Вид. центр «Просвіта», 2011. — С. 319.

Шевченко Т. 2011e. Передмова. — *Кобзар*. — Передмова П. Мовчана. — К.: Вид. центр «Просвіта», 2011. — С. 136.

Шевченко Т. 2011f. Полякам. — *Кобзар*. — Передмова П. Мовчана. — К.: Вид. центр «Просвіта», 2011. — С. 376–377.

Шевченко Т. 2011g. Єретик. — *Кобзар*. — Передмова П. Мовчана. — К.: Вид. центр «Просвіта», 2011. — С. 234–235.

Шевченко Т. 2011j. Сон. Комедія. — *Кобзар*. — Передмова П. Мовчана. — К.: Вид. центр «Просвіта», 2011. — С. 214.

Шевченко Т. 2011k. Доля. — *Кобзар*. — Передмова П. Мовчана. — К.: Вид. центр «Просвіта», 2011l. — С. 562.

ШЕВЧЕНКО-ПРОРОК

О.И. Прицак

Аннотация: *В статье автор прослеживает становление поэта, философа Т.Г. Шевченко. Автор размышляет о том, когда и почему Шевченко-художник начал писать стихи и когда он открыл, что присущее ему призвание не живопись, а поэзия.*

Ключевые слова: *национальное достоинство, Шевченко-художник, «Три літа».*

Раздел I

1

В Вильно Т. Шевченко приобрел два опыта: во-первых, ступил на путь профессионального обучения — прошёл науку под руководством настоящих художников, а во-вторых, открыл в себе человеческое достоинство и впервые встретился с национальной проблемой, что впоследствии переродилось у него в концепцию национального достоинства.

Зимой 1829–1830 г. в Вильно пребывал известный художник-портретист Франческо Лампи, у которого дамы виленского высшего света заказывали свои портреты. Среди них была и София, жена Павла Энгельгардта, собственника Шевченко, которая, зная о художественном таланте Тараса, решила воспользоваться случаем и воспитать себе собственного портретиста. Тараса немного принарядили и приказали ходить на лекции. В итоге шестнадцатилетний Шевченко получил возможность освоить основы изобразительного искусства под руководством мастера мировой славы. Он произвёл положительное впечатление на Лампи, поскольку перед отъездом в Вену тот поручил Тараса своему виленскому коллеге Яну Рустему (1762–1835). По происхождению армянин из Стамбула, тот был известным профессором рисунка Виленского университета[1]. Вот этого учителя, у которого Тарас работал до конца своего пребывания в Вильно, он позднее, в изгнании, доброжелательно вспоминал в письме (от 10 февраля 1855 г.) к своему польскому другу Брониславу Залесскому:

Ты спрашиваешь у меня, можно ли тебе взять кисть и палитру. На это мне отвечать тебе и советовать довольно трудно, потому что я давно не видал твоих рисунков. И теперь я тебе могу сказать только, что говаривал когда-то ученикам своим старик Рустем, профессор рисо-

[1]1. Повне видання творів Тараса Шевченка у 14 томах. — Чикаго: Видавництво Миколи Денисюка. 1958–1963. (Здесь в тексте цитируется: Твори, вид. Денисюка. — Т.11. — С. 48–52; Спогади про Тараса Шевченка, упорядкували Василь Бородін та Микола Павлюк. — Київ, 1982, цитируется: Спогади. — С. 51 (спогади Михайла Чалого, 1816–1907); Jerzy Jedrzewicz. Noce ukrain`skie, albo rodowo`d geniusza. — Warshava, 1970. — S. 86–87.

вания при бывшем Виленском университете: «Шесть лет рисуй и шесть месяцев малюй, и будешь мастером». И я нахожу совет его весьма основательным. Вообще, нехорошо прежде времени приниматься за краски. Первое условие живописи — рисунок и круглота, второе — колорит. Не утвердившись в рисунке, пр[ин]яться за краски — это все равно, что отыскивать ночью дорогу [Шевченко 1964, т. 6: 110].

Портрет и рисунок, изученные Шевченко в Вильно, остались до конца его жизни наиболее совершенным проявлением художественного творчества.

Однако на время его пребывания в Вильно приходится более важное (с точки зрения нашей темы) приобретение Шевченко. Как много поколений студентов перед ним и после него, он — тогда шестнадцати-семнадцатилетний — чтобы изучить чужую страну и культуру, подружился с девушкой-полькой Ядвигой (Дзюня, Дуня) Гусиковской. Родом она была из Варшавы, но после смерти родителей жила в Вильно у своей тёти. Хотя Дуня работала швеей, она была грамотной и интересовалась тогдашним бурным культурно-политическим движением студенчества. А это были очень весомые годы польского национального возрождения. Вильно — родина Адама Мицкевича — только несколько лет тому назад пережил страшный разгром. Членов товарищества филоматов и филаретов арестовали и вывезли этот цвет молодёжи вглубь России. Мицкевич вынужден был покинуть свой край. Но теперь вспыхнуло восстание в Варшаве, и вся молодёжь Вильно была опоясана системой агитационной сети. Дзюня в традициях польской женщины отказалась употреблять другой язык кроме польского. Это же принудило Тараса изучить польский язык, что впоследствии ему очень пришлось кстати. Под руководством Дзюни он зачитывался произведениями Мицкевича и польской революционной литературой. Они проштудировали вместе также некоторые работы историка и публициста Йоахима Лелевеля.

Дзюня была бедной, как и Тарас, но — это только теперь ему стало ясно — она обладала основной человеческой ценностью: свободой. Она не была крепостной, она была вольной. «Я в первый раз пришёл тогда к мысли, — так впоследствии рассказывал Шевченко своему другу-благодетелю художнику Ивану Сошенко, — отчего и нам, несчастным крепакам, не быть такими же людьми, как и прочие свободные сословия» [там же: 51–52]. Детронизация царя Николая I как польского короля сделала первый прорыв в свойственный крепостному, которым был Шевченко, пресекулярный миф православного и династического легализма. Он понял, что царь — это чужой сатрап и что Россия — это поработитель народов. Тарас впервые услышал и осознал лозунг польских повстанцев «За нашу и вашу свободу» и впоследствии применил его к украинской действительности [Jedrzewicz 1970: 91].

Тарас на всю жизнь сохранил добрую память о Дзюне. В своем «Дневнике» 5 сентября 1857 г. он записал: «Во сне видел церковь святыя Анны в Вильне и в этой церкви молящуюся милую Дуню, чернобровую Гусиковскую» [Твори, ред. Гудзій… 1964, т. 5: 118].

2

Санкт-Петербург 30-х и начала 40-х годов XIX в. был ещё настоящим культурным и интеллектуальным центром великой империи, который притягивал к себе творческие энергии. Трагическая судьба неудачливых революционеров-декабристов (с 1825 г.) все ещё оставалась свежей в памяти: не было, наверное, семьи среди аристократического Санкт-Петербурга, член которой не был бы либо расстрелянным, либо засланным в Сибирь. Творчество Пушкина, который лишь недавно погиб в безрассудном поединке, как и смех Гоголя, были и в дальнейшем темами столичных салонов.

До столицы «славянской» империи дошло в то время движение чешского славянофильства Вацлава Ганки, Павла Шафарика[2] и Яна Коллара. В своей начальной стадии оно вызвало

[2] Как известно, позднее (в 1845 г.) Шевченко посвятил Шафарику свою политическую поэму «Єретик».

восхищение, правдивое сочувствие, заинтересованность всеми славянскими языками и литературами, словом — оно тогда ещё не был использовано царской бюрократией и ещё не сдегенерировалось, как случилось позже, к концепции слияния в обнимающей всех славян российской тирании.

Не удивительно, что магия имперской столицы притягивала и чужих деятелей искусства и науки, которые надеялись сделать там успешную карьеру. Мы увидим отличие и величие Шевченко. Вместо того чтобы делать личную карьеру, он использовал Петербург как арену для выхода на нее Украины в качестве действующего фактора. И это сделал он сознательно, как увидим ниже, — жертвуя своей блестящей карьерой художника.

Мы не знаем, как прошёл первый год Тараса в Петербурге (1831), как он справлялся с чужим для себя русским языком, несхожими обычаями и чужестранным окружением [Документи 1982, Ч. 7: 9]. Наши все ещё достаточно скупые источники информации начинаются только со второго года пребывания Шевченко в имперской столице. Тогда его собственник законтрактовал Шевченко на четыре года (1832–1836) к «живописных дел цеховому мастеру» Василию Ширяеву [Документи… 1982, Ч. 9. 10; ЧЧ. 10, 11 10–12.]. Дмитрий Антоно́вич справедливо обратил внимание на то, что Ширяев (о котором теперь известно, что он был выпускником Арзамасской художественной школы академика А. Ступина и учился в рисовальном классе Товарищества поощрения художников в Петербурге) с лёгкой руки более позднего Шевченко-академиста часто недооценивается шевченковедами как, дескать, художник-декоратор. Д. Антоно́вич пишет:

[Мастерская Ширяева] объединяла и мастерство художника и техника-маляра, как это было в старые времена добрых художественных традиций, времена исполнителей фресок и декорационных мастеров, времена, когда такие мастера, как Рафаэль, не считали для себя зазорным расписывать орнаментами лоджии Ватикана. Стало быть, мастерская Ширяева была художественно-декоративной мастерской, которая компоновала росписи стен и плафонов, изготовляла трафареты и выполняла само рисование. Из автобиографической повести Шевченко знаем, что «для всех орнаментов и арабесок, которые украшали плафон Большого Театра, рисунки» сделал Шевченко. Из другого места узнаем, что иногда проекты орнамента делал Шевченко, а сам Ширяев из этих проектов вырезал трафареты. Разумеется, во время больших заказов Ширяев вынужден был нанимать для технической помощи и простых маляров […]. Позже Шевченко свысока называет Ширяева «цеховым мастером», и в этом термине «цеховой» чувствуется некоторая горделивость, дескать — «ремесленник». Следует иметь в виду, что именно в часы академизма в живописцев было в привычке отмежёвываться от ремесла, отличать разницу между живописцем и ремесленником, и показателем хорошего тона для художника было сторониться ремесла и пренебрегать им [Твори, вид. Денисюка… 1958–1963, т. 11: 61–62; Словник… 1976–1977, т. 2: 389].

Кроме этой практики в прикладном искусстве Шевченко постиг у Ширяева вкус истории искусства и художественного чтения.

Дело в том, что Ширяев позволял ему читать свой экземпляр многотомной энциклопедии античного мира и его искусства. Это был русский перевод произведения Жана-Жака Бартелеми *Путешествие Анахарсиса Младшего по Греции.*

Ширяев имел свояков и знакомых студентов Академии искусств. Они в его доме периодически устраивали скромные литературные вечера. Один из них, портретист Иван Зайцев (1805–1890), был сыном крепостного из Украины. Он охотно читал на тех вечерах вслух стихи Василия Жуковского и Александра Пушкина. Вот что пишет Зайцев об этом в своих воспоминаниях:

Я нередко бывал у Ширяева, и мы разговаривали вечерами, иногда я у него читал и декламировал сочинения Пушкина и Жуковского. В это время в соседней комнате, возле раскрытых дверей, всегда стояло два мальчика, лет шестнадцати-семнадцати, ученики хозяина, которые были у него на посылках […] Все, что я читал, мальчики слушали очень внимательно

но. Почему же, спросят меня добрые люди, я рассказываю так подробно о каких-то мальчиках? Потому, отвечу я, что один из них стал впоследствии любимым малороссийским поэтом, — то был Тарас Шевченко [там же: 59].

Так выглядело внедрение Тараса в русскую литературу и в художественное чтение. Иван Сошенко (1807–1876), студент Академии искусств, старший на семь лет земляк Тараса (родом из Богуслава), встретил его в июле 1835 г. [Спогади…1982: 38, 52; Зайцев 1955: 41–43; Жур 1972: 90] в Летнем Саду. Он взял опеку над талантливым парнем и велел своему новому знакомому прийти к нему на квартиру и принести свои рисунки. Вот что пишет о тех посещениях Шевченко в своей автобиографической повести *Художник*:

В воскресенье поутру рано я возвратился из всенощной своей прогулки, и в коридоре перед № моей квартиры встретил меня мой новый знакомый, уже не в тиковом грязном халате, а в чем-то похожем на сюртук коричневого цвета, с большим свёртком бумаги в руке. Я поздоровался с ним и протянул ему руку; он бросился к руке и хотел поцеловать. Я отдёрнул руку: меня сконфузило его раболепие. Я молча вошёл в квартиру, а он остался в коридоре. Я снял сюртук, надел блузу, закурил сигару, а его все ещё нет в комнате. Я вышел в коридор, смотрю, приятеля моего как не бывало. Я сошёл вниз, спрашиваю дворника: не видел такого? «Видел, — говорит, — малого с бумагами в руке, выбежал на улицу». Я на улицу — и след простыл. Мне стало грустно, как будто я потерял что-то дорогое мне. Скучал я до следующего воскресенья и никак не мог придумать, что бы такое значил внезапный побег моего приятеля. Дождавшись воскресенья, я […] пошёл в Летний сад […] Я туда. А приятель мой [тут] как тут. Увидя меня, он бросил рисовать и покраснел до ушей, как ребёнок, пойманный за кражей варенья… Как умел, обласкал моего приятеля, и когда он пришёл в себя, я спросил его, зачем он убежал из коридора. — Вы на меня рассердились. И я испугался, — отвечал он [*Твори*, ред. Гудзій 1964, т. 4: 142].

Встреча с Сошенко стала решающей в дальнейшей жизни Шевченко. Сошенко не только взял опеку над земляком, но спустя какое-то время ввёл его в «малороссийскую мафию» столицы. В то время жило там немало людей с Украины, которые даже занимали высокое положение в имперской системе, особенно в научных и художественных кругах. Душой их был Евгений Гребинка [*Твори*, ред. Гудзій… 1964, т .4: 142; Т*вори*, вид. Денисюка… 1958–1963, т. 6: 13]. В его доме проходили литературные вечера, в которых участвовали «сливки» интеллектуальной элиты столицы. Как увидим, через некоторое время Гребинка познакомил Шевченко с влиятельными земляками в художественных кругах. Это был в первую очередь Василий Григоро́вич (1786–1865) из Пирятина, историк искусства, секретарь Общества поощрения художников в Петербурге и конференц-секретарь Императорской Академии искусств.

Упомянутое Общество, основанное в 1820 г., сыграет большую роль в жизни Шевченко. Уже 4 октября 1835 г. комитет этого Общества за подписью Григоро́вича и прочих друзей Гребинки — профессора скульптуры и вице-президента Академии искусств графа Федора Толстого (1783–1873), виолончелиста графа Матвея Виельгорского (1794–1866) — издал такой документ: «По рассмотрении рисунков постороннего ученика Шевченко, Комитет нашёл оные заслуживающими похвалу, и положили иметь его в виду на будущее время» [Документи… 1982: 9].

Невзирая на его статус крепостного, Шевченко позволили посещать курсы художественных классов товарищества. Так Шевченко, все ещё крепостной, вошёл в художественные классы академического стиля. С того времени (1835–1837) сохранилось несколько рисунков Шевченко, исполненных тушью, на заданные темы воспроизвести драматические исторические эпизоды. Интересно, что Шевченко, кроме (тогда обязательных) тем из истории древней Греции и Рима, избрал две — из прошлого Украины: смерть князя Олега Святославовича Древлянского (в 977 г.) и смерть Богдана Хмельницкого (1657 г.). Как видим, здесь уже рождается Тарасово историческое сознание и смысл пропорции: одна тема взята из княжеских времён, а другая из казацких [Шевченко 1961–1963: 5, 8].

Осенью 1836 г. вернулся с триумфом из Италии в Петербург Карл Брюллов (1799–1852), наилучший в империи мастер жанровых картин, с целью возглавить профессуру в Академии искусств. Он был потомком онемеченной линии французских гугенотов. Его громадное полотно в академическом классическом стиле «Последний день Помпеи» принесло ему чрезвычайную славу и общее признание. Ведущий поэт столицы Василий Жуковский (1783–1852), который был одновременно воспитателем престолонаследника (будущего царя Александра II, 1855–1881), окрестил Брюллова «Карлом Великим». Этот «придомок» употребил Шевченко в своей автобиографической повести *Художник*.

Брюллов был всесторонне развитым художником: он интересовался музыкой, поэзией, театром. Вскоре после переезда в Петербург он стал одним из членов триумвирата «неистовых романтиков»; два других были — известный оперный композитор Михаил Глинка (1804–1857) и модный тогда писатель (украинского происхождения) Нестор Кукольник (1809–1868).

Иван Сошенко, опекун Тараса, сразу стал учеником знаменитого и модного профессора, и через него Брюллов познакомился со школьными рисунками Тараса и с одной его поэмой [Жур 1972: 102]. Они настолько прониклись симпатией [Документи… 1982: Ч.13. 12], что уже в 1837 г. великий Брюллов позволил крепостному Шевченко посещать свою художественную мастерскую. Сразу же 21 февраля 1837 г. комитет Общества поощрения художников выделил первую помощь «молодому художнику» Шевченко [там же: Ч. 12: 12; ЧЧ.15, 16: 13.].

Для крепостного Шевченко это было исполнением наиболее смелой мечты: самый известный художник империи сделал его своим учеником, а впоследствии ещё и своим поверенным. На некоторое время Брюллов даже пригласил его пожить у себя. «Быстрый переход, — писал Шевченко позже в своем дневнике (1 июля 1857), — с чердака грубого мужика-маляра в великолепную мастерскую величайшего живописца нашего века. Самому теперь не верится, а действительно так было. Я из грязного чердака, я, ничтожный замарашка, на крыльях перелетел в волшебные залы Академии художеств» [*Твори,* ред. Гудзій…1964, т. 5: 43; *Твори*, вид. Денисюка…1958–1963, т. 9: 45–46.].

Теперь недолго Шевченко оставался крепостным. Снова осуществление фантастической сказки! Уже 22 апреля 1838 г. Брюллов вместе с академиком Академии искусств Алексеем Венециановым (1780–1847), украинцем греческого происхождения, приятелем Сошенко, графом Виельгорским и поэтом Жуковским добились Тарасовой свободы: Брюллов нарисовал портрет Жуковского, который был продан на лотерее, устроенной Виельгорским, царской семье за 2500 рублей — цена, которую назначил за Тараса его собственник [*Твори,* ред. Гудзій… 1964, т. 5: 252, 259; Документи… 1982, ЧЧ. 18–24. 13–16.].

3

Нет сомнения, что для Шевченко было большим счастьем получить такого авторитетного учителя-протектора, каким был, безусловно, Брюллов. Однако, несмотря на всю его благосклонность к Шевченко, своим величием он тяготел над ним. Он же был разве что не Бог! «Карл Павлович (Брюллов), — писал Тарас, — для меня слишком колоссален и, несмотря на его доброту и ласки, мне иногда кажется, что я один» [там же, т. 4: 177]. Сошенко — искренняя душа, но он был на семь лет старше Тараса, а кроме того человеком, который ничем не увлекается. Между тем он был благодетелем Тараса, что увеличивало дистанцию между ними. А Шевченко нуждался и стремился иметь приятеля-одногодка, который мог бы помочь ему войти в образ жизни свободных людей. Друга, который посоветовал бы ему, как наладить текущие заботы, как одеваться в обществе, как пошутить, развлечься и т.д. Таким сердечным другом Тараса стал в январе 1839 года Вильгельм-Василий («Виля») Штернберг (1818–1845), талантливый художник немецкого происхождения [Словник…1976–1977, т. 2: 392.]. Хотя он родился и воспитывался в Петербурге, во время своей художественной поездки увлёкся кра-

сотой Украины и на всю жизнь связался с ней. «Ах, если бы скорее Штернберг приехал! — писал Шевченко. — Я, не видавши, полюбил его» [*Твори*, ред. Гудзій… 1964: т.4. 177; *Твори*, вид. Денисюка… 1958–1963: т.6 57.]. Тарасова интуиция не подвела.

Я в восторге! — писал впоследствии Тарас. — Давно и так нетерпеливо ожидаемый мной Штернберг, наконец, приехал! И как внезапно, нечаянно. Я испугался и долго не верил своим глазам; думал, не видение ли. Я же в то время компоновал эскиз «Иезекиль на поле, усеянном костями». Это было ночью, часу во втором. Вдруг двери растворяются, — а я углубился в «Иезекииля» и двери забыл закрыть на ключ, — двери растворяются, и является в шубе и теплой шапке человеческая фигура. Я сначала испугался и сам не знаю, как проговорил: «Штернберг!». — «Штернберг», — отвечает он мне, и я не дал ему шубу снять, принялся целовать его, а он отвечал мне тем же. Долго мы молча любовались друг другом, наконец, он вспомнил, что ямщик у ворот дожидается, и пошёл к ямщику, а я к дворнику — просить перенести вещи в квартиру. Когда все это было сделано, мы вздохнули свободно. И странно. Мне казалось, что я встретил старого знакомого… [там же: 177–178; там же: 58.]

Штернберг, как сказано выше, родился и вырос в Петербурге. Здесь жили его свояки, семья чиновника Александра Шмидта (1794–1862) [Словник…1976–1977: т.2 390.]. С ними познакомил Штернберг своего друга Тараса [*Твори*, ред. Гудзій…1964: т.4 182–183; *Твори*, вид. Денисюка…1958–1963: т.6 64–65.], а также еще с двумя другими немецкими семьями — инспектора студентов Петербуржского университета Александра фон Фицтум Экштедта (1804–1873) [Словник… 1976–1977: т.2 306] и мастера живописи и литейного дела Карла Иоахима (1805–1859) [Словник…1976–1977: т.1 265]. Некоторое время Шевченко конец каждой недели проводил в кругу указанных семей: суббота была днём Иоахима, а воскресенье принадлежало Фицтумам и Шмидтам. Шевченко, который грустил по семейной жизни, имел теперь случай ближе познакомится с семейной жизнью культурных немецких фамилий, изучить их способ жизни, получить доступ к немецкой культуре. «Я всегда, — писал Шевченко, — выхожу от них как будто чище и добрее» [*Твори*, ред.. Гудзій… 1964: т.4 183; *Твори*, вид. Денисюка…1958–1963: т.6 64]. Или: «У Фицтума. Насладившись квинтетом Бетховена и сонатою Моцарта, где солировал знаменитый Бем, часу в первом ночи возвратились на квартиру» [там же: 1844; там же: 66][3].

Шевченко и Штернберг вместе жили, вместе работали, вместе посещали музеи, театры, устраивали литературные чтения, ходили в рестораны, делали закупки. Две очень красочные картины с тех времён подал Шевченко в своих повестях, одну в *Прогулке*, а другую в *Художнике*. Вот первая:

[…] мы с покойным Штернбергом на последние деньги купили себе рабочую лампу, принесли ее в нашу келью и среди белого дня засветили, поставили среди стола и, как маленькие дети, восхищались нашим приобретением. После первых восхищений Штернберг взял книгу и сел по одну сторону лампы, а я взял какую-то работу и сел по другую сторону лампы. Так мы днём с огнём просидели до пяти часов вечера, в пять часов пошли в Академию и всему натурному классу разблаговестили о своем бесценном приобретении [*Твори*, ред. Гудзій…1964: т.4 294; *Твори,* вид. Денисюка… 1958–1963: т.8 205.].

Следующий случай: «Сделал я себе к празднику новую пару платья и из английской байки пальто, как у Штернберга — чтобы недаром нас Шмидты называли *Кастором* и *Полуксом*. А к весне думаем заказать себе камлотовые шинели» [там же: 184; там же: т.6 66].

Но самой большой заслугой Штернберга, с точки зрения украинской интеллектуальной истории, было открытие для Шевченко художественной красоты Украины. Шевченко-академист до сих пор идентифицировал искусство с воспроизведением драматических эпизодов классической истории и портретом. Но дадим снова слово Шевченко:

[3] Штернберг тоже имел знакомства в Украине. Это он познакомил Тараса с его будущим протектором Григорием Тарновским (см. ниже).

На второй день поутру Штернберг взял свою толстую портфель, и мы отправились к Калу Павловичу. Он был в восторге от вашей однообразно-разнообразной, как он выразился, родины и от задумчивых земляков ваших, так прекрасно-верно переданных Штернбергом.

И какое множество рисунков, и как все прекрасно. На маленьком лоскутке серенькой обёрточной бумаги проведена горизонтальная линия, на первом плане ветряная мельница, пара волов около телеги, наваленной мешками. Все это не нарисовано, а только намёкнуто, но какая прелесть! Очей не отведёшь. Или под тенью развесистой вербы у самого берега беленькая, соломой крытая хатка вся отразилась в воде, как в зеркале. Под хаткой старушка, а на воде утки плавают. Вот и вся картина, и какая полная, живая картина!

И таких картин или, лучше сказать, животрепещущих очерков полна портфель Штернберга. Чудный, бесподобный Штернберг! Недаром его поцеловал Карл Павлович [там же: 181; там же: 61–62].

Штернберг украсил первое издание «Кобзаря» прекрасным рисунком слепого старого украинского кобзаря с мальчиком; Тарас же посвятил своему другу драматического «Івана Підкову». Прощаясь с ним, Тарас посвятил своему «Вилли» поздней весной 1840 г. прекрасное четверостишье: «Поїдеш далеко…». Можно смело рискнуть гипотезой, что собственно те содержательные рисунки Штернберга дали стимул к *Живописной Украине* Шевченко (1844).

4

После отъезда Штернберга из Петербурга Шевченко получил (на предложение инспектора Фицтума) нового соквартиранта. Им был студент университета историк Леонард Демский. В отличие от темпераментного Штернберга, это был «скромный, и прекрасно образованный, и вдобавок бедный молодой поляк. Он целый день проводит в аудитории, а по вечерам занимается со мной французским языком и читает Гиббона». Ещё когда Шевченко жил со Штернбергом, он решил «заняться французским языком, это необходимо», — писал он. Но попытки, которые он тогда предпринимал, были безуспешными. Непосредственным стимулом для этого намерения было то, что Брюллов имел в своей библиотеке классическое произведение английского историка Эдварда Гиббона (1737–1794) *История упадка и разрушения Римской империи* во французском переводе. А Шевченко стремился ознакомиться с этим произведением: «я не могу смотреть на него [перевод Гиббона] равнодушно» [там же: 185, 198–199; там же: 99; Jedrzewicz. Noce…1970: 164–186]. Очевидно, Шевченко посчастливилось, что Демский, профессиональный историк, да ещё и заинтересованный историософией, читал вместе с ним и комментировал эту жемчужину мировой историографии.

Заинтересованность французским языком у Шевченко была серьезной. Он использовал свое знакомство с молдаванином Александром Эльканом (1802–1868), переводчиком Главного управления путей. «Он со мною, — писал Шевченко, — иначе не говорит, как по-французски, за что я ему весьма благодарен: это для меня хорошая практика» [там же: 203; там же: 90].

После смерти Демского Шевченко, похоронив своего друга, передал польскому патеру местного костела св. Станислава о. Посяде книжки покойника исторического и юридического содержания; однако оставил себе книжки, написанные на французском языке [там же: 232; там же: 123].

Демский, больной туберкулезом, работал безустанно, обучаясь и зарабатывая себе на хлеб. «И бедный Демский, он и не подозревает своей болезни. Он так искренно увлекается своим будущим, как может увлекаться только полный здоровья юноша. Счастливец, если можно назвать мечту счастием!». Он верил, что «если не превзойдёт своего идола Лелевеля в отечественной истории, то по крайней мере сравняется с ним, что будущая его диссертация откроет ему все средства осуществить свои блестящие надежды. А между тем бедняк кашляет кровью и старается это скрыть от меня. И, Боже мой, чего бы я не отдал за осуществление

его пламенных желаний [там же: 210; там же: 99]. Иоахим Лелевель (1786–1861) был тогда ведущим польским историком и демократическим деятелем, а вместе с тем одним из организаторов польского ноябрьского восстания. В 1815–1824 гг. он был профессором Виленского университета. Среди тогдашних его слушателей был Адам Мицкевич. Благодаря Демскому Шевченко ознакомился с историософскими и политическими концепциями Лелевеля, что только усилило украинскую национальную идентичность Шевченко.

5

Благодаря Гребинке и Брюллову новоосвобожденный Шевченко входит в салоны наивысшего интеллигентного общества столицы. Просматривая списки гостей, приглашённых участвовать в товарищеских и литературно-художественных вечерах, можно утверждать, что молодой художник и поэт Шевченко не только был там желанным гостем, но и привлекательной фигурой салонов. Из сохранённых списков гостей приводится здесь для примера избранные участники двух таких встреч. На вечере 27 апреля 1840 г. в доме русского поэта и переводчика Алексея Струговщикова (1808–1878) участвовали такие лица [Спогади… 1982: 73]: Петр Басин (1783–1877), профессор живописи Академии искусств; Виссарион Белинский (1811–1848), ведущий литературный критик; Карл Брюллов и его брат Александр (1798–1877), профессор архитектуры Академии искусств; Иван Витали (1794–1855), выдающийся скульптор; генерал барон Павел Вревский (1805–1855); Михаил Гедеонов (1814–185?), цензор драматических произведений; Михаил Глинка (1804–1857), выдающийся оперный композитор; Эдуард Губер (1814–1847), русский поэт и переводчик; Павел Каменский (1810–1875), русский беллетрист и цензор; братья Кукольники (украинского происхождения): Нестор (1809–1869) — русский поэт и драматург, а также Павел — историк и этнограф (1795–1884); Андрей Лоди (1812–1870), артист-тенор; Николай Маркевич (1804–1860), украинский поэт, этнограф и историк; князь Владимир Одоевский (1803–1869), русский писатель и теоретик музыковедения; Иван Панаев (1812–1862), русский фельетонист; Николай Рамазанов (1815–1867), русский скульптор; граф Владимир Сологуб (1804–1882), русский писатель; Дмитрий Струйский (1806–1856), русский поэт и музыкальный критик; Иван Сосницкий (1794–1877), выдающийся русский актер; граф Федор Толстой (1783–1873), скульптор, вице-президент Академии искусств; поэт Тарас Шевченко; Сильвестр Щедрин (1791–1850), художник-пейзажист; Яков Яненко (1800–1852), художник-портретист.

На вечере вышеназванного украинского поэта и историка Николая Маркевича — 9 мая 1840 г. были, кроме многих названных в предыдущем списке и Шевченко, ещё и такие участники [там же: 72–73]: Фаддей Булгарин (1785–1859), журналист, издатель газеты *Северная Пчела*; помещик Григорий Галаган (1819–1888), этнограф, более поздний знакомый Шевченко; Николай Греч (1787–1867), русский филолог и журналист; Александр Дрейшток (1818–1869), пианист и композитор; генерал Иван Корбеня (1800–?), более поздний знакомый Шевченко; Петр Корсаков (1790–1844), переводчик и цензор (пропустил *Кобзаря*); Карл Майер (1799–1862), пианист и композитор, учитель Глинки; Александр Никитенко (1805–1877), профессор русской словесности университета; мемуарист, редактор *Журнала Министерства народного просвещения* и цензор; Николай Полевой (1796–1846), писатель, историк, журналист и критик (Шевченко иллюстрировал его *Историю*); Николай Ригельман (1817–1888), чиновник канцелярии киевского генерал-губернатора, впоследствии товарищ Шевченко; Осип Сенковский (1800–1858), ориенталист и видный российский журналист польского происхождения (псевдоним «Барон Брамбеус»), редактор *Библиотеки для чтения*; помещики Тарновские из Левобережной Украины, впоследствии гостеприимные хозяева Шевченко; граф Павел (Том) Толстой, флигель-адъютант; граф Алексей Шереметьев, чиновник Министерства внутренних дел; Карл Штер (1824–1889), немецкий гость, музыкант-скрипач.

Мы видим, что уже два года спустя после выкупа из крепостничества, 26-летнего Шевченко трактовали как равного себе в наивысших кругах Петербурга, в частности интеллектуальных. Среди его новых знакомых видим поэтов, художников всех направлений, музыкантов, вокалистов, мастеров сцены, журналистов, писателей, ученых-профессоров, военных, бюрократов. Среди них было немало и из среды титулованной аристократии.

Не удивительно, что, когда 18 апреля 1840 г. вышел в свет *Кобзарь* Тараса Шевченко, появление этой небольшой книжки (114 или 115 страниц) в Петербурге, невзирая на то, что написана она была не по-русски, а «малороссийским» языком, стало сенсационным литературным явлением. На нее сразу обратили внимание рецензенты, которые знали уже нового автора лично. Все самые главные столичные журналы и литературные органы напечатали рецензии [Шевченко 1963: т. 1 8–9]. В своей популярной *Библиотеке для чтения* Осип Сенковский считал, что Шевченко — это первый настоящий поэт после смерти Пушкина; профессор Плетнев в основанном Пушкиным аристократическом *Современнике* считал, что Кобзарь — единственное литературное явление месяца, достойное внимания. Пространную, доброжелательную для автора и его народа оценку книжки дал профессор Корсаков, который был официальным цензором *Кобзаря* в консервативном славянофильском *Маяке.* Булгарин среагировал в *Северной Пчеле*, а сам великий Виссарион Белинский изложил свои мысли относительно этого небудничного литературного явления дважды: вкратце (без подписи) в *Отечественных записках* и более пространно, за подписью, в 1842 г. уже в связи с появлением поэмы «Гайдамаки» в своей известной статье в том же журнале. Еще появились отзывы в *Литературной газете*, *Литературных прибавлениях к журналу Министерства народного просвещения* и в *Сыне отечества*.

В задачу этой статьи не входит анализ рецензий. Были хвалебные, были и негативные. Но если и были замечания, то не относительно таланта поэта, а его решения при наличии такого таланта писать «малороссийским» языком (особенно Белинский). Главное, что появление *Кобзаря* не проигнорировали, а отнеслись к произведению как к важному литературному явлению. Здесь уместно ещё раз процитировать Сенковского, известного своим безжалостным пером: «На каком языке он [Шевченко] не писал бы, он поэт. Он умеет ощущать и выказывать свои чувства искусным стихом; на каждом его произведении лежит печать поэзии, идущей прямо к сердцу».

6

Мы не знаем точной даты знакомства Шевченко с Гребинкой, однако это должно было иметь место не позднее июля 1836 г. [Зайцев 1955: 46–47; Словник… 1976–1977: т.1 168–169]. Евгений Гребинка (1812–1848) был всего на два года старше, он — человек свободный (полтавский помещик), выпускник славного Нежинского лицея и младший товарищ Гоголя — начал печататься на русском и украинском языках ещё в 1831 г. и, прибыв в Петербург три года позже (1834), выявил большой товарищеский талант: сразу же сумел сплотить вокруг себя интеллектуально интересных людей имперской столицы. Хотя его талант как поэта был ограничен, он получил добротное образование, имел уже опыт записи украинского фольклора, собрал себе неплохую библиотеку, в частности украинистики, и был хорошо ознакомлен с тогдашней русской и украинской литературами.

Нельзя переоценить значение встречи молодого Шевченко с Гребинкой. Именно от Гребинки Шевченко впервые узнал, что украинская народная песня, которая была любимой и неотступной подругой его жизни, высоко ценится среди литераторов: они записывают ее, печатают и изучают так, как произведения поэтов. Он мог ознакомиться у Гребинки с печатными собраниями украинских песен, изданных Николаем Цертелевым в Петербурге (1819), и с двумя сборниками Михаила Максимовича, вышедших в Москве (1827, 1834).

У Гребинки Шевченко открыл, что существует печатная оригинальная литература языком народных песен. Гребинка дал Тарасу прочитать «Енеїду» Котляревского и произведения других украинских авторов, особенно харьковских романтиков, в первую очередь Григория Квитки-Основьяненко. Также благодаря Гребинке в руки Шевченко впервые попала в руки *История Малой России* (Москва, 1822) Дмитрия Бантыш-Каменского, из которой он узнал, что Украина имеет свою историю. Историческое сознание Шевченко окончательно очертилось в 1839 г., когда он получил возможность познакомиться с рукописной Историей Русов, которую привез в Петербург поэт, этнограф и историк Николай Маркевич (1804–1860). С последним познакомил Шевченко друг Гребинки Петр Мартос (1811–1863), тот самый, которого Гребинка уговорил в 1840 г. профинансировать первое издание *Кобзаря*.

История Русов, или, как ее назвал Шевченко, «Летопись Конисского», осталась навсегда главным источником его исторических сведений о прошлом Украины; кроме того, это произведение формировало его историософские взгляды[4]. Но *История Русов* не была летописью, как и не была произведением архиепископа Григория Конисского (1717–1795). Это было хорошо замаскированное (написанное в двух плоскостях: внешне лояльное к империи, а внутренне — самостийницкое) коллективное произведение членов тайного товарищества, созданное между 1815 и 1828 годами. Его авторы, потомки казацкой старшины, которые действовали как в Петербурге, так и на территории бывшей Гетманщины, рассматривали прошлое своей родины как независимой нации. В духе идей западноевропейского просветительства авторы *Истории Русов* делали ударение на документацию (правдивую и поддельную). Они рассматривали прошлое своей родины (Русов) как независимой западноевропейского типа нации, которая, будучи суверенной державой, обеспечила свой нейтралитет политическими договорными союзами с соседями и международными договорами [Пріцак 1983, Ч.1–2: 198–210].

Если Пушкин, Костомаров и другие восхищались «романтическими» образами прошлого Украины, обрисованными в этом произведении, Шевченко понял основную сущность и идеологию «Истории Русов», а затем блестяще ее развил, преимущественно в поэмах цикла «Три літа».

Многими художественными стимулами для тем, образов и деталей в своих ранних произведениях Шевченко обязан собственно Гребинке, однако все это прошло через горнило его творческого духа. Шевченко посвятил одну из восьми поэм, напечатанных в Кобзаре 1840 г., собственно Гребинке, в благодарность — как справедливо замечает Павел Филиппо`вич — за стимул к теме [Филипович 1971: 77–78]. Но, однако, насколько существенной оказалась разница между «украинским бардом» Гребинки и «Перебендей» Шевченко!

Кобзарь 1840 г. привлекает к себе внимание сдержанностью, редкой для первого сборника поэтов. Там помещено всего восемь поэм. Зато каждая из них — полноценная жемчужина. То есть кто-то из опытных литераторов с хорошим эстетически-поэтическим вкусом сделал выбор. Как следует из воспоминаний Петра Мартоса [Спогади…1982: 67–70.], а также принимая во внимание факт, что именно Гребинка подал рукопись *Кобзаря* в цензуру [Документи…1982: Ч.49. 24], можно допустить, что такой личностью был не кто иной, как собственно Евгений Гребинка. Не ошибемся, если станем утверждать, что именно Гребинке выпала судьба стать бабкой-повитухой великой украинской литературы.

Возможно, что шевченковеды переоценивают Тараса Шевченко как носителя украинского фольклора страны своего детства. Хотя Тарас, вне сомнения, как губка вбирал в себя все, что слышал в своем окружении, ему было, когда его насильно вырвали с родины, всего четырнадцать лет. Способности юноши его возраста, а также его тогдашнего окружения в сёлах Моринцы и Кирилловка были все-таки ограничены. Мне кажется, что не менее важным (а возможно и более важным) источником «народности» Шевченко была его исключительная

[4] Шевченко ссылался на «Георгия Конисского» уже в своих «Гайдамаках».

и настойчивая работа над собой в библиотеке гостеприимного дома его ментора Евгения Гребинки в Петербурге в 1836–1840 годах. Там Тарас имел возможность изучать большие сборники, как произведений украинского фольклора, так и произведения тогдашних украинских, польских и русских авторов-романтиков. Это и были Тарасовы «университеты».

Как доказал Павел Филиппóвич (1895–1937), в произведениях Гребинки и Шевченко того времени много общих тем, общих шаблонов и общих источников [Филипович 1971: 76–109]. Хотя гений Тараса скоро оформился в его творческом видении, которое я оцениваю как четырехмёрное[5], все-таки без стимулов Гребинки, наверное, не было бы возможности ему, гению, реализоваться.

Раздел II
1

Когда и почему Шевченко-художник начал писать стихи и когда он открыл, что присущее ему призвание не живопись, а поэзия? К сожалению, Шевченко не дал в своих писаниях точного ответа на эти два центральных вопроса. Однако его свидетельства, а также некоторая информация его современников представляют возможность дать приблизительные ответы.

Начну с первого вопроса.

В своем признании во время следствия по делу Кирилло-Мефодиевского братства 21 апреля 1847 г. Шевченко указал, что стихи любил с детства, а писать начал ещё в 1837 г [Документи…1982: Ч.229. 117]. И действительно, из воспоминаний русского журналиста и писателя Ивана Панаева (1812–1862) известно, что собственно в 1837 г. он впервые встретился с Шевченко на литературном вечере Евгения Гребинки [Спогади…1982: 63]. Тогда Шевченко написал уже несколько стихов, которые, как утверждает Панаев, не вошли в его сборник Кобзарь с 1840 г. [Панаев 1950: 103]. Аполлон Мокрицкий (1810–1870), художник, ученик Брюллова и приятель Шевченко, который взял на себя инициативу приобщить Брюллова к делу освобождения Тараса из крепостничества, отметил в своем *Дневнике*, что в среду 31 марта 1837 г. он показал Брюллову стихотворение Шевченко. Брюллов был «очень доволен и, увидев в нем мысли и чувства молодого человека, решил вытащить его с податного (крепостнического) состояния» [Спогади…1982: 60–62.].

Из этого видим, что в марте 1837 г. Шевченко уже писал стихи, которых не стыдился показывать знакомым и знатокам.

Однако свое искусство он осмыслил не сразу. В автобиографии поэта от 1860 г., отредактированной Паньком Кулишем, указывается следующее: «Украинская муза долго чуралась моего вкуса» [*Твори*, ред. Гудзій…1964: т.5 259]. В автобиографии поэта сказано, что в Летнем Саду он «начал делать этюды в стихотворном искусстве». Между тем в обеих версиях утверждается, что из тех многих упражнений поэт напечатал лишь только балладу «Причинна» [там же].

Ответ на первый вопрос: Шевченко начал упражняться в стихотворчестве под впечатлением своей встречи с украинскими произведениями у Гребинки (июль 1836 г.). По привычке художника, он начал делать собственные поэтические этюды и приблизительно спустя два года выработал свой поэтический стиль. С этими пробными стихами он выступил впервые уже где-то в марте 1837 г. Один продукт поэтических упражнений Шевченко, кстати, очень удачный, но все-таки отброшенный поэтом, — это недавно открытое стихотворение «Нудно менi, тяжко — що маю робити» [Бородін 1971: 198–220].

[5] Я не могу здесь вникать в детали литературоведческой сферы. Я имею в виду: стихотворную форму (суверенное употребление метрики и строфики), музыкальность (гармония языка), образность (пластический рисунок) и драматичность действия. Но при этом необходимо подчеркнуть (и это в первую очередь), что каждое произведение Тараса имеет ещё ясную руководящую идею.

Свое искусство как лирический поэт Тарас освоил очень скоро, уже в 1838–1839 гг. Тогда же он создал свой первый личный манифест «На вічну пам'ять Котляревському» и решил (1839) печатать сборник своих произведений под названием «Кобзар».

2

1839–1841 годы были переломными в жизни Шевченко. Его давняя мечта стать художником осуществилась. Тараса приняли на студии в столичную Академию художеств, и он стал любимым учеником профессора Карла Брюллова, наилучшего тогда живописца империи. За свои школьные художественные работы Шевченко получил в то время три серебряные медали [Документи…1982: Ч.38. 20; ЧЧ.59, 60. 27; Ч. 74. 35], а также стал «пансионером» (стипендиатом) Общества поощрения художников [там же: Ч.37. 20; Ч.62. 28].

Однако случилось по-другому. Выпустив в свет своего первенца *Кобзаря*, Шевченко попал в плен нового поэтического творческого видения, в первую очередь видения трагической Колиивщины (1768), которая вросла в подсознание страстными рассказами его деда Ивана, участника тех кровавых событий, когда мальчик Тарас жил ещё на своей малой родине. То ви́дение гайдамаков началось у поэта, собственно, где-то в марте 1839 г., когда он жил на квартире своего маэстро Брюллова [*Твори,* ред.. Гудзій…1964: т.5 43; *Твори*, вид. Денисюка… 1958–1963: т.9 46, т.6 78]. И вот 7 апреля 1841 г. Шевченко уже имел законченную поэму-эпопею «Гайдамаки» и написал тогда свое вступление-посвящение профессору Василию Григоро́вичу в память второй годовщины со дня выкупа его из крепостничества (22 апреля 1838 г.), в котором Григоро́вич, конференц-секретарь Академии искусств и приятель Жуковского, сыграл одну из главных ролей. Потом 11 ноября того же 1841 г. Шевченко сдал рукопись своих «Гайдамак» в Петербургский цензурный комитет, а разрешение к печати он получил уже через две с половиной недели (29 ноября) [Документи…1982: ЧЧ.80,81. 38]. Очень важно то, что к этому произведению Шевченко приложил «предисловие», которое было уже манифестом новой украинской литературы [Твори, ред. Гудзій…1964: т.1 142–143][6]. Это был своеобразный и весомый манифест: отныне поэзия поэта все сильнее требует от него своих исключительных прав. Она и национальная и общечеловеческая. Началась тяжёлая борьба художника с поэтом.

В своем докладе на Конференции Тысячелетия, произнесённом в Венеции осенью 1988 г. Юрий Лотман из Тарту (Эстония) поднял вопрос об особой роли поэта в интеллектуальной истории Петербургской империи времён Пушкина. На базе широкого доказательного материала он утверждал, что тогда образовалась дихотомия *художник versus поэт*. Художник, даже наивысшего класса мастер, оставался ремесленником, которому за его произведение платили деньгами. Зато поэт, вдохновитель муз, был одержимым творцом, а не ремесленником. Он указывал путь к будущему и заслуживал аплодисментов, признания и уважения. Потому речь не могла идти о гонораре. Творческая поэзия — без цены[7].

Однако вновь открытое и успешное творчество Тараса в сфере поэзии, чем дальше, тем больше требовало своих исключительных прав. Эта борьба художника с поэтом вызвала кризис в 1841–1842 гг. Шевченко тогда забросил свою науку в Академии искусств, потерял стипендию[8], физически болел и считай ничего не достиг в творчестве, кроме некоторых русскоязычных экспериментов. В 1843 г. эта затяжная борьба окончилась победой поэта. Когда 15 лет спустя поэт в ожидании обещанного освобождения из ссылки начал 12 июня 1857 г.

---

[6] Так же оценивает «Предисловие» и профессор Юрий Шевелёв, о чем подробней в его эссе в журнале «Сучасність» (1990. — Ч. 7–8. — С. 117).

[7] Доклады конференции вышли в свет в издании Итальянской Национальной Академии Наук (Академия Назионале деи Линцеи) в Риме.

[8] Документы. — С. 42–43. Шевченко исключили из списка стипендиатов 15 мая 1842 г. (ЧЧ. 89, 90) и подтвердили это решение в июне того же года (Ч.91).

писать «Дневник», уже 1 июля он записал впечатление о своем призвании стать поэтом (в 1839 г.):

Странное, однако, это всемогущее призвание. Я хорошо знал, что живопись — моя будущая профессия, мой насущный хлеб. И вместо того, чтобы изучить ее глубокие таинства, и еще под руководством такого учителя, каков был бессмертный Брюллов, я сочинял стихи, за которые мне никто гроша не заплатил и которые наконец лишили меня свободы и которые, несмотря на всемогущее бесчеловечное запрещение, я все-таки втихомолку кропаю. И даже подумываю иногда о тиснении […] Право, странное это неугомонное призвание [*Твори*, ред. Гудзій…1964, т. 5: 43–44; *Твори*, вид. Денисюка…1958–1963, т. 9: 46].

В русском оригинале дневника Шевченко употребляет слово «призвание». Этим термином, который был в русском языке 18–19 в. калькой двух немецких слов *Beruf* и *Ruf Gottes an die Menschen* [Vasmer 1955, т. 2: 432], русские романтики передавали концепцию призвания в двух вариантах: призвание поэта и призвание пророка.

Призвание художника Шевченко стать поэтом, которое началось в марте 1839 г. завершилось в 1843 г.

3

В январе 1843 г. Шевченко решил увидеть Украину, как об этом он написал одному из своих будущих гостеприимных хозяев — Григорию Тарновскому (25 января 1843 г.) [*Твори*, ред. Гудзій…1964: т.6 23], однако смог покинуть Петербург лишь 15 мая, получив отпуск от Академии искусств [Документи…1982: Ч.100 45].

Основной целью Шевченко не было посещение Кирилловки, села своего детства, но познакомиться со своими читателями, украинским интеллигентским слоем бывшей Малороссии, то есть с помещиками Черниговской и Полтавской губерний, потомками казацкой старшины. Кроме того, он планировал посетить новый недавно созданный университет в Киеве, а также посмотреть некоторые исторические и семейные места.

Проводником Шевченко по Черниговщине стал непосредственно Григорий Тарновский (1788–1853), собственник села Качановки, поскольку, как писал Шевченко в цитированном письме: «… у меня и на Украине, кроме Вас, нет пристанища» [*Твори,* ред. Гудзій…1964, т. 6: 23]. Этот высококультурный приятель Гоголя, Глинки и Максимовича собрал ценную библиотеку и создал большую картинную галерею, где некоторое время и должен был работать Шевченко [Словник…1976–1977, т. 2: 255].

По Полтавской губернии сопровождал Тараса его уже нам известный друг из Петербурга Евгений Гребинка (собственник хутора Убежище).

В то время центральными товарищеско-культурными событиями для интеллигенции Малороссии были полугодовые «балы» пани генеральши Татьяны Волховской (1763–1855) в Мосевке на Полтавщине (11 января — день рождения госпожи, 29 июня — день рождения покойника-мужа) [Спогади…1982: 78, 81–83, 87–90; Твори, ред. Гудзій…1964, т. 6: 69][9].

Другие привлекательные события — это так называемые «контрактовые ярмарки» в Киеве (Шевченко побывал на них в начале 1844 г.) [*Твори*, ред. Гудзій…1964, т. 5: 78; Словник… 1982, т. 1: 289], а также известные ярмарки Левобережья, преимущественно Ильинская в Ромнах (от 5 июля до 2 августа). На последней упомянутой ярмарке, одной из самых больших ярмарок империи, славившейся торговлей тканями и лошадьми, Шевченко побывал 24 июля 1845 г. и имел возможность, между прочим, видеть там харьковского актёра Карпа Соленика (1811–1851) в «Москалі-чарівнику» Ивана Котляревского [там же: 78–79].

Шевченко никогда не бывал на Слободской Украине, но с самого начала своих литературных занятий он был в заочном знакомстве с основными деятелями харьковского романтиз-

[9] Тарас участвовал в трех таких балах: в июне 1843 г. и в январе 1844 и 1846 гг.

ма, особенно с прозаиком Григорием Квиткой-Основьяненко (1778–1843), через посредничество Гребинки ещё с 1838 г [Листи…1962: 9–11][10], с поэтом Амвросием Метлинским (1814–1870) с 1842 г. Кажется, что Шевченко не имел непосредственного контакта с поэтом-романтиком Львом (Левком) Боровиковским (1806–1889) [Словник…1982: т.1 84].

Гребинка впервые привез Тараса в Мосевку и ввёл на июньский бал в 1843 г. Появление поэта вызвало там большой энтузиазм. Там присутствовало около двухсот персон, которые встретили его торжественно как своего национального поэта. «Много привлекательных женщин, — пишет один очевидец, — читали ему наизусть отрывки из его сочинений, и он особенно хвалил чистоту полтавского говора» [Спогади…1982: 89–91][11].

Назову здесь некоторых из читателей, с которыми Шевченко встретился в Мосевке и которые попозже сыграли важную роль в его творческой жизни.

Александр Афанасьев-Чужбинский (1816–1875), как и Гребинка, выпускник Нежинской гимназии, был писателем и этнографом. В то время он занимался польской поэзией, и в его доме в Исковцах (осень 1843 г.) они вместе читали третью часть «Дзядов» Адама Мицкевича, где сильнее всего развита концепция национального пророка [Спогади…1982: 91]. Платон Лукашевич (1806–1887) был сыном друга Григория Сковороды, Якима [*Твори*, ред. Гудзій… 1964, т. 4: 18–19] — фольклорист, который особенно интересовался Западной Украиной. Он издал в 1836 г. в Петербурге свой сборник «Малороссийские и червонорусские народные думы и песни» и переписывался с Иваном Вагилевичем, одним из львовской «Русской Троицы». Это, собственно, в Лукашевичевой Березани Шевченко впервые читал «Русалку Днестровую», изданную, как известно, в Будапеште в 1837 г. [Словник…1982, т. 1: 369]. Потом Шевченко посетил места Богдана Хмельницкого: Суботов и Чигирин. Под впечатлением увиденных руин, а также бесед с Лукашевичем Тарас Шевченко, доселе романтический Кобзарь прошлого, в той же Березани написал 9 октября 1843 г. свое первое национально-гражданское произведение «Розрита могила» [Твори, ред. Гудзій…1964, т. 6: 51][12].

Другой выпускник Нежинской гимназии, один из собственников села Березова Рудка — это Виктор Закревский [Словник…1982, т. 1: 228] (1807–1858), организатор и «генеральный старшина» (прозвище *Мочиморденко*) [*Твори*, ред. Гудзій…1964, т. 6: 353] товарищества «Мочимордов». Это был своеобразный орден, типичная реакция против всей существующей фальши провинциальной панской жизни под властью деспота [Франко 1955: 89]. Однако члены этого товарищества, которое выбрало Шевченко своим «гетманом» [*Твори*, ред. Гудзій… 1964, т. 6: 353], не ограничивалось товарищескими пирами [Оглоблин 1973]. Они, все высокообразованные, отдавались литературным, научным и художественным делам. Дискутировали о важных проблемах и осуществляли совместные творческие планы. Заместителем «гетмана», то есть «генеральным обозным», стал поэт и историк, автор пятитомной *Истории Малороссии* Николай Маркевич (1804–1860), которого Александр Оглоблин справедливо назвал «одним из наиболее культурных людей тогдашней Украины» [там же: 41]. «Войсковым есаулом» был граф Яков де Бальмен (1813–1845) по прозвищу *Дыбайло* [*Твори,* ред. Гудзій… 1964, т. 6: 353], тоже выпускник Нежинской гимназии, офицер, художник. Вместе со своим свояком художником Михаилом Башиловым (1821–1870) они сделали в первой половине 1844 г. по 39 иллюстраций к рукописному «Кобзарю» Шевченко каждый [Документи…1982, Ч. 229: 117; Словник…1982, т. 1: 56, 59]. Примечательно, что текст этого «Кобзаря», который Закревский получил 20 июля 1844 г. для передачи Шевченко, был переписан латинским алфавитом, поскольку готовился к изданию в Западной Европе, чтобы быть доступным для польскоязычной эмиграции с Украины, основавшейся преимущественно в Париже. Как известно, Шевченко под влиянием известия о смерти друга Якова (который ещё в 1842 г. интересовался

[10] Первое (неординарное) сохранённое письмо к Шевченко от Квитки-Основьяненко от 23 октября 1840 г.

[11] Олександр Афанасьєв-Чужбинський.

[12] Шевченко и Лукашевич (близкий знакомый Репниных) вскоре разошлись. См. письмо Шевченко к княжной Варваре.

историей Украины и незадолго до своего последнего кавказского похода посетил 7 апреля 1845 г. историка Аполлона Скальковского (1808–1899), чтобы просмотреть архив Запорожской Сечи) [Жур 1985: 163], завершил 18 ноября 1845 г. в Переяславе новую версию своего шедевра политической поэзии «Кавказ» [там же: 165–166].

Алексей Капнист [*Білецький 1949*] (1796–1869), сын писателя и украинского политического деятеля Василия Капниста (1758–1823), известного своей миссией к королю Пруссии в украинских делах в 1791 г., был декабристом и некоторое время узником Петропавловской крепости. Шевченко бывал в его поместье в с. Коваливка, где выполнял художественные задания. Капнист ввёл Тараса в семью бывшего войскового генерал-губернатора Малороссии (и бывшего вице-короля Саксонии) князя Николая Репнина-Волконского (1778–1845), покровителя украинских дел в империи. Сам князь Николай был женат на внучке последнего гетмана Украины Кирилла Разумовского (1750–1764). В резиденции князя Репнина (Яготине на Левобережной Украине) [Білецький 1949] слились две традиции — украинских автономистов, людей «старой Малороссии» (князь Николай позже был похоронен в славном Густынском монастыре), и декабристов, борцов за свободу человека на имперском уровне (брат Николая был сослан как декабрист). Можно смело сказать, что это был последний очаг украинской автономистской мысли старого типа. Для недавнего крепостного Шевченко это было необычное переживание. Князь Николай, который выводил свой род от Рюрика, трактовал его как равного себе, даже как сына [*Твори*, ред. Гудзій…1964: т.6 51], а его дочка княжна Варвара (1808–1891), сама писательница, стала его другом и опекуном на всю жизнь, а главное — во времена Тарасовой ссылки его правдивым ангелом-хранителем [Возняк 1925]. У княжны Варвары жили талантливые сестры Псел — старшая Александра (1817–1887) — украинская поэтесса [*Твори,* ред. Гудзій… 1964, т. 6: 48, 315] и младшая Глафира (1823–1886) — украинский живописец [*Твори,* ред. Гудзій…1964, т. 6: 48, 52]. Они познакомились с Шевченко в Яготине также в 1943 г. и остались на всю жизнь поклонницами его таланта, сердечными друзьями, диспутантами и корреспондентками [Листи… 1962: 71; Документи… 1982: 190, 192, 206, 215, 217, 220, 233, 236, 239]. К кругу тех высококультурных украинских женщин, которые были вдохновительницами Тараса-поэта, следует зачислить, и это в первую очередь, наверное, единственную любовь его жизни — Анну Закревскую, рожд. Заславскую (1822–1857), жену Платона, брата Виктора Закревского [Словник…1982, т. 1: 227–228], которую Тарас увековечил на своем полотне маслом (1843 г.), и ей же он посвятил свою редкостную в его творчестве любовную поэму [Твори, ред. Гудзій…1964: т.2 110–111; Спадщина… 1961–1963, т. 1: Ч.1. 87; Івакін 1968: 103–105]. С ней поэт встретился впервые в Мосевке в том же 1843 г. Вообще, можно без преувеличения сказать, что «открытие» Тарасом Шевченко высококультурных и талантливых украинских женщин в 1943 г. заполнило пробел в видении поэтом украинского народа в образе полной национальной единицы, а это в немалой степени послужило причиной тому, что 1843 год стал рубежным в его жизни и творчестве. Но об этом позже.

В том же переломном 1843 г. (в июне) Шевченко посетил Киев и его университет, который лишь недавно в 1841 г. переехал в свое собственное великолепное, по тем временам, здание по проекту архитектора Беретти. Благодаря своей неуёмной энергии и видению Михаил Максимович (1804–1873) [Марков 1973], — биолог, этнограф и творец украинской академической историографии — стал первым ректором нового Киевского университета, основанного в 1934 г. на месте ликвидированного Виленского университета. Это учебное заведение уже во времена первого его посещения Шевченко стало главным научным и интеллектуальным центром Украины, мало-помалу, но уверенно выталкивая своего «старшего брата» Харьковский университет (основанный в 1805 г.) на второе место.

Шевченко было приятно увидеть Максимовича, издателя украинских народных песен (1827, 1834), которые были важным источником его поэтического вдохновения. Собственно, с Максимовичем Тарас познакомился ещё в доме Гребинки (1836 г., см. выше). Тогда же Та-

рас встретился впервые ещё и с Паньком (Пантелеймоном) Кулишем (1819–1897), тем «самозваным» аристократом духа, но все-таки талантливым эстетом, всесторонним писателем, поэтом, историком и фольклористом, но прежде всего человеком большого, хотя подчас и переменчивого темперамента и с уникальным по тем временам видением большой украинской литературы. Влияние Кулиша на Тараса было уникальным. Шевченко боролся против автократичного и аристократического Панька, который был единственным, кто осмеливался критиковать его [Шевченко] поэзии, но все-таки признавал авторитет Кулиша в деле эстетики поэтического слова [Луцький 1983].

Пять исторических мест в Украине особенно интересовали Шевченко, и он посетил их дважды, в 1843 и 1845 гг.: остров Хортица, где когда-то была Запорожская Сечь; Суботов и Чигирин, связанные с личностью и делами Богдана Хмельницкого; Батурин — столица гетманов 17–18 вв. [Жур 1985: 41]; «Межигорский Спас» (возле Киева), где согласно легенде, в которую верил Шевченко, окончил свою жизнь любимый герой Тараса Семен Палий (умер в 1710 г.), и Холодный Яр (урочище в лесу в Чигиринском уезде) [Словник…1982, т. 2: 323], с Мотрониным монастырем, где в 1768 г. собирались гайдамаки.

На обратном пути в Петербург Шевченко задержался в феврале 1844 г. в Москве, где встретился с двумя великими людьми, которые стали его друзьями на всю жизнь. Первым был Осип Бодянский (1808–1877) [Полотай 1965, Ч. 8: 34–44; Твори, ред. Гудзій…1964, т. 6: 29, 30][13], выдающийся славист-филолог, издатель древних текстов. Собственно, в доме Бодянского увидел Тарас только что открытую Погодиным рукопись «Летописи» Самуила Величко, наиболее обстоятельный источник казацкой истории, которым поэт будет зачитываться до самой смерти [Дзира 1964: 61–88]. Второй друг, бывший крепостной, как и Тарас, это знаменитый актёр Михаил Щепкин (1788–1863), игрой которого и «Записками артиста» Шевченко восхищался и сердечно любил [Волошин 1963].

Под влиянием пережитого поэтом в Украине и тех встреч в Москве, Шевченко написал 19 февраля 1844 г. ещё в Москве свое рефлективное произведение «Чигирине, Чигирине…», а 8 июля 1844 г., уже в Петербурге, он создал один из выдающихся шедевров мировой литературы — «Сон» («У всякого своя доля»).

4

Второе путешествие Шевченко по Украине (март 1845 — арест 17 апреля 1847 г.), которое в художественной форме недавно (в 1985 г.) воссоздал Петро Жур в своей «Думі про огонь» [Словник…1982, т. 2: 116–118], ещё более укрепило связь поэта с читателями; и его исключительное положение в кругах украинской культурной элиты было теперь вне всякого сомнения.

Это путешествие также расширило его непосредственное знание родины ещё на Волынь (особенно Берестечко, место битвы 1651 г. [Словник…1982, т. 1: 64], бывший культурный очаг Острог, а также Луцк, Кременец и Почаевский монастырь), на родину Котляревского — Полтавщину, да ещё и на Подолье (Камянец-Подольский) [*Жур* 1985: 276–278]. Шевченко также совершил «паломничество» в Нежинскую гимназию, что произвела на свет столько украинских талантов.

Однако он постоянно возвращался к Чигирину, родине Богдана, где на могилах возле чигиринских шляхов он находил ещё настоящих кобзарей, слушал их песни, обменивался с ними мыслями в беседах.

Собственно, это и не было путешествие. 22 марта 1845 г. Шевченко получил в своей Академии звание «вольного» («внеклассного») художника» [Документи…1982, Ч. 42: 66] и теперь думал устроиться постоянно в Киеве. Я не буду здесь заниматься его деятельностью

[13] Бодянский информировал о творчестве Шевченко зарубежный славянский мир, в частности чешских будителей.

как сотрудника «Временной киевской археографической комиссии» [*Твори*, ред. Гудзій… 1964, т. 6: 303–311]; его знакомством (16 апреля 1846 г.) и дружбой с выдающимся историком Николаем Костомаровым (1818–1885) [Спогади…1982: 133–134, 138–140, 145–146], участием Тараса в деятельности Кирилло-Мефодиевского братства [Документи…1982: 88–132] и подвижничеством теперь возникшей «украинской троицы» (Шевченко, Кулиш, Костомаров), поскольку я заканчиваю свой рассказ началом 1846 года.

Вторая встреча поэта с Украиной и ее ведущими лицами, старшей и младшей генерациями левобережного просвещённого панства — людьми, которые были у руля украинской общественно-политической и культурной жизни, которые поверили в его специальную миссию и приняли его как своего лидера и национального поэта, оказав тем самым чрезвычайное, потрясающее впечатление на Тараса. Он жил на небывалом творческом подъёме, к интенсивности которого он уже больше никогда не вернулся. Между октябрём и декабрём 1845 г. он написал 15 произведений, среди них значительную часть своих самых сильных общественно-политических произведений. Вот их перечень: «Не завидуй багатому» (Миргород, 4 октября), «Не женися на багатій» (там же, 4 октября), «Єретик» (Марьинское, 10 октября), «Сліпий» (там же, 16 октября) , «Великий льох» (Миргород, октябрь), «Стоїть в селі Суботові…» (Марьинское, 21 октября), «Наймичка» (Переяслав, 13 ноября), «Кавказ» (там же, 18 ноября), «І мертвим і живим…» (Вьюнище, 14 декабря, «Холодний Яр» (там же, 17 декабря), «Псалми Давидові» (там же, 19 декабря), «Маленькій Мар'яні» (там же, 20 декабря), «Минають дні, минають ночі…» (там же, 21 декабря), «Три літа»…., (там же, 22 декабря), «Заповіт» (Переяслав, 25 декабря) [*Твори*, ред. Гудзій…1964: т.1 258–354]. Далее следовал семимесячный перерыв. Следующее произведение «Лілея» [там же: 355–357] был написано Шевченко в Киеве лишь только 25 июля 1846 г.

Уже из самого перечня названий произведений и их дат и места написания видно, что Миргород и село Марьинское (Марьянское), которое размещено возле него, и Переяслав с селом Вьюнище делятся славой местностей наивысшего вдохновения поэта. Марьинское принадлежало помещику Александру Лукьянóвичу (1802–1879), который пригласил поэта рисовать портреты своей семьи и создал для этого благоприятные условия. Поэт жил в отдельном помещении, где в свободное время мог оставаться, читая книги из богатой библиотеки хозяина. Лукьянóвич, майор в отставке, интересовался общественными делами, он впоследствии стал миргородским уездным маршалом (1847–1855). Брат его жены Иван Шимков (Шимко; 1802–1836) был видным декабристом и членом Товарищества объединенных славян [Оглоблин 1973: 41–42]. Атмосфера того дома и соседских (о которых сейчас ниже) способствовала вдохновению поэта и окончательному его переходу на гуманистические, общественно-политические темы.

Собственником Вьюнища был гостеприимный помещик и собственник интересной библиотеки, преследуемый режимом Степан Самойлов (1773–185?) [Словник…1982, т. 2: 193; *Жур* 1985: 170–177], который искренне заботился о Тарасе, и когда поэт заболел в конце октября 1845 г., он передал его под опеку своего приятеля — врача и преподавателя медицины в Переяславской семинарии Андрея Козачковского (1812–1889) [Словник…1982, т. 2, 308]. Козачковский оказался конгениальным поэту, у них завязалась дружба до самой смерти (см. посвящение к «Давно те діялось») [Твори, ред. Гудзій…1964, т. 2: 63–67]. Козачковский помогал позже высланному поэту и собрал большую коллекцию рисунков Шевченко.

5

Шевченко выразительно оценил годы 1843–1845 как особенные в его творчестве. Где-то в конце 1845 г. и вначале 1846 г. у Козачковского в Переяславе, после выздоровления от тяжёлого недуга он составил большого формата и хорошо технически выполненный альбом своих произведений, которому и дал название «Три літа», то есть годы 1843, 1844 и 1845. В

этот сборник вошло 23 произведения на общеукраинские общественно-политические темы, из которых самое раннее (9 октября 1843 г.) — это «Розрита могила», а самое позднее (от 25 декабря 1845 г.) — «Заповіт».

Альбом «Три літа» открывает выполненный Шевченко рисунок пророка [Шевченко 1966], на обратной стороне — автопортрет (собственно шарж) Шевченко, а потом после заглавного картуша, где, у большинства заглавий в том альбоме, буквы выполнены в стиле торжественного каллиграфичного полуустава семнадцатого века, на странице третьей, помещён эпиграф из старого Завета (церковнославянским языком), названный поэтом как «Молитва Иеремии пророка»:

Отцы наши согрѣшища, и нѣсть ихъ,
Мы же беззаконія ихъ подяхомъ.
Рабы обладаша нами, избавляющаго
Нѣсть отъ руку ихъ.
Князи въ руках ихъ повѣшены быша,
Старѣщины не прославышася.
Избранніи плачъ подяша, и юноши
В кладъ изнемогаша.
И старцы отъ вратъ оскудѣша, избранніи
Отъ пѣсней своихъ умолкоша [там же: 5].

Здесь идёт речь о плаче Иеремии, глава 5, стихи 7, 8, 12–14. Пророческая направленность творчества во имя свободы своего порабощённого народа — это наивысшая тема романтической поэзии. Во времена Шевченко пророк — это вещий поэт [Твори, ред. Гудзій… 1964, т. 1: 204–218; т. 2: 112; Івакін 1968: 110–116][14]. Такой «профетизм» наиболее сильно проявился в творчестве Адама Мицкевича, особенно в третьей части его «Дзядов». Это, наверное, не случайно, что Шевченко в доме Афанасьева-Чужбинского в Искровцах собственно ещё в 1843 г., во время первого своего путешествия по Украине прочитывал это произведение.

Так же не случайно, что теперь Шевченко собрал свои произведения нового типа в альбоме с многозначительным заглавием «Три літа», избрав для него титульный портрет пророка, очевидно Иеремии, и эпиграмму из пятой главы его плача.

Там подана трагическая судьба евреев, которые за грехи отцов попали под власть горделивых чужестранцев. Эти же бывшие рабы ныне владеют евреями. Князья их повешены, старшины не имеют признания, младшие согнаны на принудительные работы, а избранные поэты-пророки умолкли.

Очевидно ситуация ассирийской неволи евреев теперь повторилась на Украине с украинцами-казаками после ликвидации Гетманщины. Только слово поэта-пророка может спасти его народ. После тяжкой болезни выздоровевший поэт Шевченко принимает на переломе 1845–1846 годов решение. Так, как в 1843 г., после четырёхгодичного сомнения, борьбы между своими двумя призваниями он решил сменить палитру художника на перо национального поэта, так теперь, три года спустя, он понял, что его призвание намного выше: он осознал себе, что он не только поэт, он — вдохновенный лидер, он — пророк, Иеремия Украины [Франко 1982, т. 35: 185–189, 234–247][15]. Поэтому он поместил после портрета Иеремии и его

[14] В том же 1843 г., но после Мосевки, в Яготине, Шевченко впервые занялся вопросом пророка в своей «Тризне», посвящённой княжне Варваре Репниной (с посвящением «На память 9-го ноября 1843 года»). В этом произведении, написанном на русском языке, «кроткий» пророк (не Иеремия!) решил освободить свою святую родину от тирании, но безуспешно. К теме «кроткого» пророка Шевченко вернулся в 1847–1848 г.

[15] На основе анализа некоторых произведений Шевченко Василь Щурат (1871–1948) пришел к выводу, что нашего поэта следует ставить наравне с Иеремией. Соответствующий доклад Щурата, провозглашенный впервые в 1904 г в Вене, а позже напечатанный в львовском «Руслані», вызвал очень острую критику Ивана Франко ещё в том самом году. Однако здесь Франко ошибался.

слов свой автопортрет, за которым следуют его, Тарасовы слова — весть, с которой он обращается к своему онемелому народу, чтобы его разбудить, вдохновить на освободительную деятельность.

Его весть — это, собственно, «Три літа».
Вот так Шевченко-пророк — родился.

Перевод с украинского В.Н. Ткаченко

Білецький Л. 1949. *Тарас Шевченко в Яготині*. — Аугсбург: УВАН.

Бородін В. 1971. *Над текстами Т.Г. Шевченка*. — Київ.

Возняк М. 1925. *Шевченко й княжна Рєпніна*. — Львів.

Волошин І. 1963. *Т.Г. Шевченко і М.Щепкін*. — Київ.

Дзира Я. 1964. Тарас Шевченко и українські літописи XVII–XVIII ст. — *Історичні погляди Т.Г. Шевченка.* — Київ.

Жур П. 1972. *Шевченківський Петербург*. — Київ.

Жур П. 1985. *Дума про огонь*. — Київ.

Зайцев П. 1955. *Життя Тараса Шевченка*. — Нью-Йорк.

Івакін Ю. 1968. *Коментар до «Кобзаря» Шевченка. Поезії 1847–1861 рр*. — Київ.

Листи до Т.Г. Шевченка… 1962. *Листи до Т.Г. Шевченка 1840–1861*. — За ред. Євгена Кирилюка. — Київ.

Луцький Ю. 1983. *Panteleimon Kulish: A Sketch of His Life and Times*. — Boulder.

Марков П. 1973. *М.О. Максимович — видатний історик XIX ст*. — Київ.

Оглоблин О. 1973. Проблема українських зв'язків Шевченка. — *Український історик*. — Ч. 3–4.

Панаев И.И. 1950. *Литературные воспоминания*. — Москва.

Полотай А. 1965. Шевченко і Бодянський. — *Радянське літературознавство*. — Київ.

Пріцак О. 1983. Місце Липинського в українській інтелектуальній історії. — *Сучасність*.

Спогади про Тараса Шевченка… 1982. *Спогади про Тараса Шевченка, упорядкували Василь Бородін та Микола Павлюк*. — Київ.

Филипович П. 1971. *Література, статті, розвідки, огляди*. — Нью-Йорк.

Франко І. 1955. *Твори в двадцяти томах*. — Т. 17, ред. Давид Копиця. — Київ.

Шевченко Т. 1982. *Документи та матеріали до біографії (1814–1861)*. — За ред. Євгена Кирилюка. — Київ.

Шевченко Т. 1961–1963. *Мистецька спадщина у чотирьох томах*. — За ред. Василя Касіяна. — Київ.

Шевченко Т.Г. 1963. *Бібліографія літератури про життя і творчість, 1839–1959*. — За ред.. Євгена Кирилюка, у 2 томах. — Київ.

Шевченко Т. 1964. *Повне зібрання творів у шести томах*. — ред. Микола Гудзій. — Київ.

Шевченко Т. 1966. *Три літа. Автографи поезій 1843–1845 років*. — Видав Євген Шабліовський. — Київ.

Шевченківський словник… 1976–1977. *Шевченківський словник*, у 2 томах. — За ред. Євгена Кирилюка. — Київ.

Jedrzewicz J. 1970. *Noce ukrain`skie, albo rodowo`d geniusza*. — Warshava.

Vasmer M. 1955. *Russisches etimologisches Werterbuch*. — T. 2, Heidelberg.

ПОЭТ ПРОТИВ ИМПЕРИИ

И.М. Дзюба
Национальная академия наук Украины

Аннотация: *Журнал «Политическая концептология» публикует главу из книги Ивана Дзюбы «Тарас Шевченко». В ней дерзость молодого поэта сталкивается с непоколебимостью империи и неприкасаемостью ореола самодержавия. Однако деспотическое давление, загонявшее живую мысль в подполье, все-таки не могло ее убить.*

Ключевые слова: *политическая поэзия, политическая философия, творчество Т.Г. Шевченко.*

Вся сумма впечатлений от пребывания в порабощённой и закрепощённой Украине, которые наложившись на жизненный опыт в чиновничье-бюрократическом Петербурге с его социальными контрастами и идеологическими коллизиями; вся боль за повсеместное унижение человека и все понимание абсурдности деспотического механизма общественного бытия, — все это вылилось в комедию «Сон», которая стала вызовом поэта могучей, но не способной выстоять перед судом разума империи.

Принимая во внимание непоколебимость империи и неприкасаемость ореола самодержавия — нетрудно представить себе «безумную» меру дерзости молодого поэта. Но чтобы представить себе меру справедливости его суда, меру справедливости его «карикатуры», — следует знать, какой была Российская империя во времена Николая I, и каким был сам Николай I — властелин и репрезентант империи, главный «герой» «Сна» Шевченко.

Попытаемся припомнить кое-что из самого существенного.

После разгрома декабристского движения в России последовало, по словам Льва Толстого: «грубое, дурное тридцатилетнее царствование Николая, которое развратило людей». Яркую характеристику этого монарха и его режима дал знаменитый в свое время протестант против самодержавия, политический эмигрант из верхушки аристократии князь Петр Владимирович Долгоруков, чей род происходил от князя Михаила Черниговского, которого казнил Батый, а православная церковь канонизировала. «Последние пять лет царствования Николая», — писал он, — «режим, тяготевший над Россией, был ужасен. Надо было испытать на себе его гнёт, чтобы вполне его оценить. Печать была в оковах, свобода слова — под постоянным ударом, право путешествий нарушалось, шпионство прокрадывалось повсюду, политическая полиция царила над всей Россией; людей то и дело ссылали, казематы Петро-

павловской крепости и Шлиссельбурга было переполнены несчастными, брошенными туда без следствия и содержавшимися там без суда» [Долгоруков 1934].

В дневниках А. Пушкина находим интересную запись под датой 10 мая 1834 года. Это было время, когда поэт и камер-юнкер пытался демонстрировать уважение к личности царя — своего «благодетеля» и цензора (который, в частности, «соблаговолил» наставить знаков «?» в «Медном всаднике», а несколько рядков безапелляционно вымарать). Терпел он и унизительные напоминания о необходимости исполнять светские обязанности камер-юнкера. Но вот полиция в одном из писем поэта к жене (!) находит нечто неподобающее и докладывает царю. Тот «сгоряча его также не понял. К счастию письмо показано было Жуковскому, который и объяснил его». Письмо поэта жене объясняет царю другой поэт, воспитатель наследника трона! И здесь Пушкин не сдерживает себя: «Однако какая глубокая безнравственность в привычках нашего правительства! Полиция распечатывает письма мужа к жене и приносит их читать царю (человеку благовоспитанному и честному), и царь не стыдится в том признаться — и давать ход интриге, достойной Видока и Булгарина! Что ни говори, мудрено быть самодержавным» [Пушкин 1954: 33].

Царствование Николая I завершило процесс формирования в России абсолютной монархии и полицейско-бюрократического механизма управления, который начался в середине XVII в. и получил мощный толчок при Петре I. Формально образцом для России были абсолютные монархии Западной Европы. Но там, во Франции прежде всего, социальная структура общества была намного сложней, менее подверженной проникновению абсолютистской управленческой «вертикали», при наличии широкого культурного контекста функционирования монархии. И в конце XVIII — начале XIX в. абсолютная монархия в Западной Европе уже исчерпывала себя или же сдавала свои позиции, либо модифицировалась в сторону все большего политического либерализма. Поэтому апогей абсолютной монархии в России, который пришёлся на первую половину XIX в., смотрелся уже в некоторой степени анахронизмом на фоне европейской истории; к тому же российский абсолютизм был идеологически и культурно более бедным, «упрощённым».

Время царствования Николая I, указывает дореволюционный исследователь, это такой период в истории абсолютной монархии в России, когда «эта политическая форма стала боевым лозунгом, торжествующим свою победу, и из простого исторического факта окончательно превратилась в санкционированный политический принцип» [Полиевктов 1918: VIII]. Государственное управление приобретает личностный характер: «Абсолютная монархия при Николае I воплощается в его личности» [там же: XI]. Конечно, за три десятилетия царствования Николая I российское общество пережило период и своего экономического роста и усложнения, и своего духовного созревания». Однако «все эти достижения не служат, конечно, доказательством жизненности самой николаевской правительственной системы в ее основаниях. Эта система сама по себе для данного времени была уже изжитым прошлым, и в этом таились корни ее разложения, того, действительно, краха, который раскрывается во всей полноте, главным образом, во вторую половину николаевского царствования» [там же: X].

Но в целом 30–40-е годы XIX в. были годами укрепления Российской империи, наращивания военных, дипломатических, идеологических усилий. К этому времени Николай I победоносно закончил две очередные «восточные» войны — с Персией (1826–1828) и с Турцией (1828–1829), закрепив за Россией «на вечные времена», по Туркманчайскому и Андрианопольскому мирным договорам, все громадное Черноморское побережье от устья Дуная до Батуми. Это изменило всю геополитическую ситуацию в Юго-Восточной Европе, Малой Азии и на Кавказе. В 1834 году Николай I заключил соглашение с турецким султаном, согласно которого в 1834 году создал российскую военную базу в Дарданеллах и разместил там 10-тысячный корпус. Это продвижение на юг встревожило западные страны, и они возьмут реванш в Крымской войне 1853–1855 годов. Но это будет позже. Ныне же, на волне внешнеполитических успехов формируется николаевский вариант русской национальной идеи: в 1832 году

была провозглашена знаменитая формула министра образования графа Сергея Уварова, бывшего участника либеральных философско-литературных кружков: «самодержавие — православие — народность». Политика «обрусения» получает официальный статус; православная церковь выполняет роль апологета самодержавия. Начинается строительство на Волхонке грандиозного Храма Христа Спасителя — согласно новому проекту и новой идеологеме: изначально, во время Александра I, это должен быть храм, посвящённый победе над Наполеоном, он должен был символизировать вхождение в Европу и «библейское» объединение христианских религий; теперь этот «масонский» проект был отброшен, как и много других идей Александра I; теперь храм должен был символизировать державную и духовно-православную мощь России. («Царствовать начал российский самодержец, а не добрый наш угодник Запада, спрашивающий: что говорят обо мне в салоне мадам Сталь? Как отзовётся Шатобриан? Пали и исчезли и протестантские иезуиты, со своими библиями, из которых черкесы делали патроны, и с трактатами, пославшими не одного человека в дом умалишённых» [Греч 1930: 587]. Военные и дипломатические успехи России на «южном направлении» сопровождаются религиозной активностью: усиливается специфический интерес к «святым местам»; в Петербурге создан Палестинский комитет; в 1847 году в Иерусалиме открыта православная духовная миссию Московской Патриархии, что знаменовало собой особенные амбиции и Российской империи, и русской Православной церкви как гаранта «истинного» христианства. «Воротиться к патриархально-варварской власти царей московских, не утратя ничего из цезарского величия петербургского императорства — такова задача Николая», — писал Герцен.

Во времена Николая I началось строительство железных дорог в России, и царь приказал расширить колею: с целью обороны от врагов, чтобы их военные эшелоны не могли беспрепятственно достигать Петербурга и Москвы. Это был своего рода символ николаевской изоляции от небезопасной, потенциально революционной Европы. Одновременно возводился и железный занавес против циркулирования идей и против человеческих контактов. В феврале 1844 году выходит указ, который ограничивает поездки за границу. Упоминаемый уже А. Никитенко, будучи как цензор в курсе всех запретительных мероприятий, комментирует: «Лицам, моложе двадцати пяти лет совсем воспрещено ездить туда […] местные генерал-губернаторы не могут более выдавать паспортов на выезд за границу. Одним словом, приняты все меры к тому, чтобы сделать Россию Китаем. В обществе сильный ропот» [Никитенко 1905: 351]. Император демонстрировал каменную твёрдость против самой истории: «Революция на пороге России, но, клянусь, она не проникнет в Россию, пока во мне сохраниться дыхание жизни» [Антонов 1959: 6].

Царский режим стоял перед сложной проблемой: с одной стороны, нужды жизни требовали развития образования и науки, и здесь нечто делалось; с другой же, целая система запретительных мероприятий призвана была уберечь общество от влияния опасных идей из революционного, то есть «гнилого» Запада. Это было едва ли не главным предметом беспокойства царя и правительства.

Современный французский исследователь Марк Раев, который пытается сбалансированно показать «систему» Николая I («поскольку его стиль правления можно назвать «систематичным»), все-таки отчётливо делает ударение на негативных ее сторонах и, в частности, подавление свободной мысли: «Его (императора. — И. Дз.) первым заданием было положить конец попыткам образованного меньшинства активно и открыто принимать участие в административной и общественной жизни страны. Органы полиции были реорганизованы, оснащены сетью тайных агентов и успешно действующим аппаратом подавления — жандармским корпусом, подчиненным Третьему отделению Личной канцелярии Его Императорского Величества. Учреждение этого полицейского аппарата позволяло некоторым журналистам и «историкам» писать, что Николай I угадал заранее тоталитаризм — суждение анахроничное, поскольку Николаю не хватило основной характерной черты тоталитаризма — идеологии. Правда, правительство осуществляло слабые и, кстати, безуспешные попытки со-

здать что-то наподобие теории или, скорей всего, идейного оправдания своей законности — знаменитая триада С.С. Уварова, министра народного просвещения: православие, самодержавие, народность. Но, кроме отдельных услуг, которые эта формула предоставила цензуре, она не имела влияния ни на образованные круги, ни на правящие верхи […] Однако правительство Николая I энергично противодействовало проникновению с Запада новых либерально-политических идей и распространению критического духа в кругу просвещённой публики. Цензура стала крайне суровой: все подозрительные выражения, которые можно было трактовать как критику существующего в стране положения, подвергались запрещению» [Раев 1990: 180–181].

Более того, граф Уваров[1], требуя умножать, «где только можно, число умственных плотин», обязывал цензуру следить даже за языком и стилистикой произведений, поскольку «разврат нравов приуготовляется развитием вкуса», а пресса «дерзает выступать за пределы благопристойности, вкуса языка и даже простирать свои покушения к важнейшим предметам государственного управления и к политическим понятиям, поколебавшим едва ли не все государства в Европе» [Полиевктов 1918: 232]. Тот же цензор (!) А. Никитенко с недоумением и возмущением приводит то и дело примеры бессмысленных в адрес цензуры претензий и указаний, за несоблюдение которых цензоров даже отправляли под арест (!) — он и сам побывал в кутузке. На страже имперского патриотизма стоял и шеф жандармов Бенкендорф. Графу М. Орлову, который просил за Чаадаева, он ответил: «Прошлое России блестяще, ее настоящее более чем великолепно, а что касается ее будущего, оно превосходит все, что может представить себе самое смелое воображение. Вот, дорогой мой, с какой точки зрения следует понимать и описывать русскую историю» [Русское общество 30-х… 1989: 105].

Однако деспотическое давление, загоняя живую мысль в подполье, все-таки не могло ее убить (это уже Сталин поднялся до уровня простого рецепта: «Нет человека — нет проблем»; Николай I вынужден был ограничиться казнью пятерых декабристов). О работе «подземной» мысли писал позднее Герцен:

«Чем тяжелее и мертвее настоящее, тем сильнее стремление отрешиться от него и подняться на алгебраическую высоту теории. Германия в своей гражданской ничтожности шла дальше всех стран в философии права, и сама не имея истории, являлась как пробужденная совесть других народов. Таково было для двух поколений России царствование Николая.

Государственная фура, управляемая им, заехала по ступину в снег, обледеневшие колёсы перестали вертеться, сколько он не бил своих кляч, фура не шла. Он думал, что поможет делу террором. Писать было запрещено, путешествовать запрещено, можно было думать, и люди стали думать. Мысль русская в эту тёмную годину страшно развилась, и если вы сравните тайное веяние ее, ее бесстрашную логику, не бледнеющую ни под каким последствием — с юным, благородным и чисто французским направлением литературы за двадцать пять лет, то вы увидите это ясно» [Колокол… 1859: 32–33].

Немного спустя Герцен снова обращается к этому сугубо российскому феномену — существования неофициальной общественной мысли в условиях отсутствия публичной общественной жизни — и видит ее в несколько ином аспекте:

«У нас общественное мнение показало и свой такт и свои симпатии и свою неумолимую строгость, даже во времена общественного молчания. Откуда этот шум о чаадаевском письме, отчего этот фурор от Ревизора и Мёртвых душ, от рассказов Охотника, от статей Белинского, от лекций Грановского? И с другой стороны, как оно зло опрокидывалось на свои идолы за гражданские измены или шаткости. Гоголь умер от его приговора; сам Пушкин испытал, что значит взять аккорд в похвалу Николаю. Литераторы наши скорее прощали дифи-

[1] Интересная запись об Уварове в дневнике Пушкина (февраль 1835 г.): «Он кричит о моей книге («История Пугачевского бунта». — І. Дз.) как о возмутительном сочинении […] Это большой негодяй и шарлатан. Разврат его известен […] Он крал казённые дрова […] казённых слесарей употреблял в собственную работу etc.etc.» (Пушкин А. Полн. собр. Соч. — М., 1954. — Т6. — С.41–42).

рамбы бесчеловечному, казарменному деспоту, чем публика; у них совесть притупилась от изощрения эстетического нёба» [там же: 44].

Тарас Шевченко стоял на большом расстоянии от тех литературных кругов, где рафинированное эстетическое «нёбо» угнетало совесть. Он творил поэзию бесстрашной правды и шёл далеко впереди даже самого смелого «общественного мнения… в часы общественного молчания».

Поэма «Сон» засвидетельствовала окончательную кристаллизацию антиимперского стержня демократического мировоззрения Шевченко. Ею он вступал в борьбу с царизмом. Жанровое определение «комедия» преследовало цель оправдать свободное использование формы сновидения и приёмов гротеска, хотя это порой не так комический гротеск, как трагический; впрочем, разве реальность крепостнической деспотии — не комедия, грустная и трагическая комедия, перед судом человеческого разума?

Канонический зачин Шевченко в этот раз особенно масштабный — это словно обобщённая характеристика той «человеческой комедии» и ее разнообразных персонажей. Рассудительное раздумье:

У всякого своя доля
І свій шлях широкий, —

сразу же оборачивается сарказмом из-за абсурдности этих судеб и путей, не достойных истинно человеческого выбора и ничего не стоящих перед неминуемой гранью земного бытия:

Той мурує, той руйнує,
Той неситим оком —
За край світа зазирає,
Чи нема країни,
Щоб загарбать і з собою
Взять у домовину…[2]

Здесь, как в увертюре, зазвучал мотив, что «готовит» появление в поэме Петра I и Екатерины II, а тем временем выныривают более мелкие благодетели общественного бестиария: и тот, что «нишком у куточку // Гострить ніж на брата», и тот, «тихий та тверезий, // Богобоязливий», что «тузами обирає // Свата в його хаті», — увенчивается этот бестиарий опять-таки масштабной фигурой великодушного государственника-патриота, покровителя православной веры и искусств (возможно, и самого царя):

А той щедрий та розкішний,
Все храми мурує;
Та отечество так любить,
Так за ним бідкує,
Так із його, сердешного,
Кров, як воду, точить!..

И сарказм Шевченко переходит в гнев, корда он видит обиходность этого фарисейства, примиренческое отношение к нему в общности, которая заслуживает презрительного обозначения — «братія»:

[2] Это то «всемирное», чего так много в поэзии Шевченко. Сравним: «Экспансия — это все», — сказал Сесил Родс и впал в отчаяние, ибо еженощно видел над собой «эти звезды… эти необозримые миры, каких нам никогда не достичь. Я бы аннексировал планеты, если бы мог» (Арендт Ханна. Джерела тоталітаризму. — К., 2002. — С.167). Напомню: Сесил Родс — легенда и символ британского империализма. А его мечта об аннексии планет ныне уже не кажется такой неосуществимой, как в XIX веке.

А братія мовчить собі,
Витріщивши очі!
Як ягнята: «Нехай, каже,
Може, так і треба».

Наверное, «братія» здесь не только чиновничество (как в другом случае, дальше), не только придворная челядь, но и весь униженный, но послушный, беспомощный люд, — ибо именно ему впоследствии молвит Шевченко:

Так і треба! Бо немає
Господа на небі!
А ви в ярмі падаєте
Та якогось раю
На тім світі благаєте?
Немає! немає!
Шкода й праці…

Это опять-таки один из сквозных мотивов всей поэзии Шевченко: отчаянное сомнение в существовании на земле Божьей правды, — что, однако, не является тем философским или политическим атеизмом, который приписывался Шевченко в советское время, — это страдание самой веры, к которой поэт даже через болезненное отрицание каждый раз возвращается, ибо в ней видит основу человеческого равенства:

…Схаменіться:
Усі на сім світі –
І царята і старчата —
Адамові діти.

Моральная инвектива достигает высшего напряжения — и внезапно поэт как бы делает ее не столь важной: оказывается, это так он размышлял, возвращаясь «з банкету п’яний уночі». Такой «заниженный» авторский комментарий на самом деле только оттеняет небудничность, неконтролированную истинность монолога (мол, что у трезвого на уме, то у пьяного на языке) и вводит его вроде бы как в жанр комедии, подготавливая переход к самой фабуле сна. А сон, оказывается, не просто «напрочуд дивний», а такой, что не одному хотелось бы его увидеть, но дудки, не всякому дано… Это уверение — будто бы риторический заменитель сценической комедийной интриги.

Сон многоактный. Сначала — «буцімто сова» (а сова — символ мудрости) «летить лугами, берегами та нетрями», — «А я за нею та за нею, // Лечу й прощаюся з землею». Это прощальный осмотр Украины, и он эмоционально чрезвычайно насыщен. Поэт покидает «неприязний край», чтобы в тучах спрятать свои «люті муки», но одновременно это бегство вроде бы и не от Украины, а от некоего мира, который и не является истинной Украиной, который разве что враждебный Украине, а как иначе понять такое обращение уже к ней:

А ти моя Україно,
Безталанна вдово,
Я до тебе літатиму
З хмари на розмову.
На розмову тихо-сумну,
На раду з тобою;
Опівночі падатиму
Рясною росою.

Порадимось, посумуєм,
Поки сонце встане;
Поки твої малі діти
На ворога стануть.
Прощай же ти, моя нене,
Удово небого,
Годуй діток: жива правда
У Господа Бога!

Не много мы отыщем в мировой лирике образцов такой нежности, такой интимности в разговоре поэта со своей Отчизной, такой целостной «отдачи» в любви к ней!

Тем временем продолжается сакральный полет, и Украина раскрывается во всей красе и благодати своей природы (классическое, хрестоматийное: «Дивлюся, аж світає, // Край неба палає…»), во всей неистребимости и вечности этой земной благодати:

І нема тому почину,
І краю немає!
Ніхто його не додбає
І не розруйнує…

Однако голос души прерывает эту вдохновенную идиллию, душа грустит, душа плачет. «Душе моя убогая, // Чого марне плачеш, // Чого тобі шкода?».

Не напрасно плачет душа. Она знает, что основное занятие рода человеческого — обращение рая в ад (тоже чисто шевченковский мотив!). Она видит, как в этом земном раю «латану свитину з каліки знімають», потому что «нічим обуть // Княжат недорослих», как «розпинають // Вдову за подушне, а сина кують, // Єдиного сина, єдину дитину // Єдину надію! В військо оддають!», как «під тином // Опухла дитина, голоднеє мре,// А мати пшеницю на панщині жне», как «покритка попідтинню // З байстрям шкандибає, // Батько й мати одцурались // Й чужі не приймають! // Старці навіть цураються!!».

Все это те картины крепостнической действительности, которые преследуют поэта и переходят из одного его произведения в другое, но каждый раз, — а в этот раз, собранные в одно, особенно, — они набросаны с такой зримой разительностью и с такой силой чувства и страдания («А он бачиш? Очі! Очі! \\ Нащо ви здалися, // Чом ви з малку не висохли, // Слізьми не злилися?»), что поэтова мука выливается в святотатственный вопрос:

Чи Бог бачить із-за хмари
Наші сльози-горе?
Може й бачить, та помага…
……
Пошлем думу аж до Бога,
Його розпитати,
Чи довго ще на сім світі
Катам панувати??

И пока дума будет возмущать небо («Нехай чорніє, червоніє, // Полум’ям повіє…» — метафора народного восстания?), поэт все-таки ищет хоть «на край світу раю»: «І знов лечу понад землею».

Следующий акт сновидения — страна болот, туманов и пустоты, где «людей не чуть, не знать і сліду // Людської страшної ноги». Есть ли такая страна, «не полита сльозами, кров’ю», где можно душой «одпочити». Напрасная надежда! Загудели кандалы, «заворушилася пустиня», и из сибирского подземелья, как из тесного гроба «на той останній страшний суд //

Мертвці за правдою встають». Но то не умершие, не убитые, «ні, то люди, живі люди, // В кайдани залиті. // Із нор золото виносять, // Щоб пельку залити // Неситому!…» — понятно кому.) И среди закоренелых каторжан —

В кайдани убраний
Цар всесвітній! Цар волі, цар,
Штемпом увінчаний!
В муці, в каторзі не просить,
Не плаче, не стогне!
Раз добром нагріте серце
Вік не прохолоне!

Эти хрестоматийные слова, памятные многим поколениям украинских читателей, всегда воспринимались как проникновенный панегирик декабристам. И это естественно: Шевченко только что вернулся с Украины, где в Яготине его благоговейное преклонение перед памятью тех, кого считал он первыми предвестниками свободы в этой империи, приобрело особенно интимное тепло в общении с Репниными, Капнистом и другими близкими к декабристам людьми. Совершенно другую версию в своих интерпретациях произведений Шевченко выдвинул Степан Смаль-Стоцкий: «…Никто из сосланных декабристов или петрашевцев не достиг, думаю, всемирного значения, к никому из них нельзя приложить вот такого прилагательного», следовательно «цар всесвітній, цар волі» должно обозначать если не самого Христа, которого его палачи уже вроде бы вновь в кандалы заковали и на Сибирь в каторгу сослали, то персонификацию самой всемирной идеи правды и воли либо самого духа «істини», или же — это, возможно, в наибольшей степени правдоподобно — персонификацию духа Украины с его наивысшим идеалом и неудержимой жаждой воли, за которую он боролся (Полуботок!), которых в Сибири в кандалы забили. Не кого-то там неизвестного или менее известного, а самого царя всемирного, царя воли в кандалы убрали, в Сибирь на каторгу сослали, клеймом увенчали! Страшный образ, в котором кульминирует господство палачей в этом мире» [Смаль-Стоцький 1965: 145].

Предположения о том, что Шевченко имел в виду самого Иисуса Христа, вызывает сомнение, слова «Раз добром нагріте серце // Вік не охолоне» говорят скорее о людском характере миссии подвижника. А вот с мыслью о персонификации в «цареві волі» всемирной идеи правды и воли и самого «духа Украины» можно согласиться. Только, наверное, зря Смаль-Стоцкий подает эту версию как альтернативу «декабристской»: в воображении нашего поэта образ «царя воли» целиком мог объединить в себе и конкретное (страдалец-декабрист), и расширительное (борцы за волю Украины, персонализация идеала правды и свободы) содержание.

«Украинский» и «сибирский» акты химерного сновидения подготовили кульминацию «комедии»: ее петербургский акт. Кто тот «неситий», в угоду кому, или по воле кого, или под скипетром кого совершаются все эти адские дела? Где жестокое сердце всего этого нечеловеческого мира? И мудрая сова — провожатая поэта в надоблачной выси (хотя о ней уже и не вспоминается, но она определяет маршрут!), поворачивает к финским болотам, где

У долині, мов у ямі,
На багнищі город мрієє;
Над ними хмарою чорніє
Туман тяжкий… Долітаю –
То город безкраїй.
Чи то турецький,
Чи то німецький.
А може те, що й московський.

Церкви, та палати,
Та пани пузаті,
І ні однісінької хати.

Обратим внимание: «комедія» комедией, гротеск гротеском, — но насколько точно в этом бурлескном понижении увидені настоящие черты «Северной Пальмиры». Ни единой хаты — не в значении сельской хаты, а в значении личной застройки, поскольку никто не имел права стоить на свой вкус, все здания в столице сурово контролировались — особенно во времена Николая I — согласно с царскими предписаниями («регламентами»); что это за город: турецкий, немецкий или московский? — это не только шуточное иносказание, но и намек на стилевую эклектику, отмеченную многими авторитетами архитектуры; а уж что касается болотистости и тяжёлого тумана — это вещи известные… Вот послушаем… «…Почва, на которой стоит город, — это болотистая низина, бескрайний лес, его окружающий, не содержит признаков жизни […] Внешний вид строений придуман далеко не Иниго Джонсом и не Палладием (известные архитекторы — английский и итальянский — И.Дз.). Тут господствует какой-то выморочный архитектурный стиль, средний между итальянским, французским и голландским…» [Альгаретти 2003: 83]. Это писал в 1739 году в письме из Петербурга итальянский литератор и путешественник Франческо Альгаретти. Конечно, за сто лет много чего изменилось; самодержцы не жалели средств на его строительство, превратив в «город дворцов», как его и называли иностранцы. Однако грех происхождения тяготел над ним в течение всей его истории. По меньшей мере такой амбивалентный образ утвердился за ним в самой русской литературе — и в определённой мере в национальном сознании вообще (об этом ещё будет речь в связи со славянофилами).

В русской литературе в течение почти трех столетий варьируются три мифологемы «града Петрова» (от же Петрополь, «Санктъ-Питербурхъ», Петербург, Петроград). Вклад в эту мифологию делали несколько поколений русских писателей, публицистов и философов — от Одоевского и Пушкина (не говоря уже о Гоголе) до Достоевского, Белого и Степуна. Иногда город воспринимается как апофеоз имперскости с эстетикой величия; как бюрократический вампир (П. Вяземский: «В России — один Петербург, где можно найти все удобства жизни; но как там жить, не продав души…» [Остафьевский архив… 1899, т. 3: 180]); но преимущественно он представляется призрачным, придуманным, фантастическим, проклятым, апокалиптическим. Говориться о «мистике» и «метафизике» Петербурга. С другой же стороны, Петербург поражал своей «геометричностью», устрашающей распланированностью, волюнтаристским насилием над природой — как символ торжества державной воли над стихийным течением жизни. Маркиз де Кюстин в книге «Россия в 1839 году» увидел в Петербурге лишь огромную пустоту, в которой живут «люди-автоматы», «шахматные фигуры, движущиеся по воле одного-единственного игрока, невидимым соперником которого является все человечество. Здесь действуют и дышат лишь с разрешения императора или по его приказу… Молчание правит жизнью и парализует ее». Для итальянского поэта Альфьери Петербург — «азиатский лагерь, застроенный вытянутыми в ряд хижинами».

Это впечатление чужестранцев. Однако и певец «града Петрова» Пушкин не был в восхищении:

Город пышный, город бедный,
Дух неволи, стройный вид,
Свод небес зелено-бледный,
Скука, холод и гранит.

(После чудовищного наводнения 1824 года, которое уничтожило считай полгорода, Пушкин писал из Михайловского другу: «Что это у вас? Потоп? Ничто проклятому Петербургу!» [Битов 2003: 6]. К этой теме он возвратиться в «Медном Всаднике», но уже по-другому.)

И Лермонтов:
Увы, как скучен этот город
С своим туманом и водой.
Куда ни взглянешь — красный ворот[3]
Как шиш торчит перед тобой.

(Мотив «проклятости» Петербурга усиливался коллизией между ним и Москвой, которая возникла ещё при Петре I, заострилась во времена Екатерины II, а во взглядах некоторых из славянофилов приобрела крайние формы вплоть до того, что во время Крымской войны было высказано пожелание, чтобы вражеский флот уничтожил этот пропитанный нерусским духом город. Во всяком случае, если верить биографу П. Чаадаева М. Жихареву, «…они сообща и единогласно сознавали настоятельную необходимость в окончательном истреблении и уничтожении Петербурга как города нерусского, басурманского…», а Хомяков желал «Затопления Петербурга» [Жихарев 1989: 95–96]. Позже известный русский философ Г. Федотов писал о «западническом соблазне Петербурга и азиатском соблазне Москвы», противостояние которых, дескать, могло бы быть преодолено поворотом «стрелки духа» к третьему полюсу: «этим полюсом, неподвижной православной вехой в судьбе России является Киев, то есть идея Киева» [Федотов 1991: 61]. Эта «идея Киева» со времён Елизаветы и Екатерины II то и дело отзывается у некоторых православных мыслителей и сегодня, — и, как бы предвидя это продолжение, однажды Гоголь написал Максимовичу знаменитые слова о Киеве: «Он наш, не их!»)

В основе «метафизики» и «мистики» Петербурга — конечно же, сам тот факт, что громаднейший город возник не обычным путём, из жизненных нужд населения, а по воле монарха, ценой больших жертв, вопреки и неблагоприятным погодным условиям, и всему традиционному «москвоцентричному» комплексу русских. (Кстати, рядом с поэтической героизацией Петрового акта создания города «из ничего», существовали предания о фантастических финансовых махинациях, в которых особенно отличился «светлейший князь» Алексашка Меньшиков).

У Шевченко же был и свой взгляд на Петербург: на костях украинских казаков воздвигнута столица империи, которая душила Украину…

Чтобы освободить этот взгляд из-под инерции привычного видения и поднять над магией имперского величия, поэт имитирует видение эдакого простака, сбитого с толку невидалью, однако зоркого и не обделённого здравым смыслом (вроде бы то мужицкое «невчене око», которое заглянет «в саму душу // Глибоко! Глибоко!»):

...Дивуюсь
Мов несамовитий!
Як то воно зробилося
З калюжі такої
Таке диво... отут крові
Пролито людської —
І без ножа.

И как подтверждение этой догадки — перед «невченим оком» возникает тот, кто совершил и это диво, и много других див. Возникает знаменитой статуей, которая стала своеоб-

[3] Городовой.

разным «идеологическим центром» имперской столицы, эстетическим манифестом Российской империи вообще.

Памятник Петру I описан многими авторами разных времён. Вот одно из описаний почти что во времена Шевченко — 1830 года, в письме офицера английской миссии Джеймса Эдварда Александера своему начальству: «Памятник Петру I работы Фальконе — один из самих выдающихся памятников города — расположен вблизи Исаакиевского моста. Конная статуя сооружена на огромной, весом полторы тысячи тонн, гранитной глыбе. Постамент памятника был перевезён на катках из болота, которое находится в четырёх милях от Петербурга. Правая рука императора протянута в направлении реки, конь копытами топчет змею, символ зависти» [Альгаретти 2003: 91–92].

Памятник, созданный учеником Дидро (который лично одобрил проект), открыт в 1782 году — к столетию коронования Петра I. Открыт под гром барабанов и залпы военных кораблей, в присутствии тысяч петербуржцев, перед которыми появилась на балконе Сената сама Екатерина II. Н. Эйдельман в книге «Мгновенье славы настаёт…» приводит интересный эпизод. Когда во время богослужения возле усыпальницы Петра митрополит Платон воскликнул: «Восстань же теперь, великий монарх, и воззри на любезное изображение твоё: оно не истлело от времени и слава его не помрачилася…», — то в толпе боязливо шутили: «А вдруг, в самом деле — восстанет!» [Эйдельман 1989: 44].

Александр Радищев в «Письме к другу, жительствующему в Тобольске по долгу звания своего» (то есть, не на каторге, а на службе) так описывает памятник императору, которого «наши предки в живых ненавидели, а по смерти оплакивали»: «Крутизна горы суть препятствия, кои Петр имел, производя в действо свои намерения; Змея, в пути лежащая, — коварство и злоба, искавшие кончины его за введение новых нравов; древняя одежда, звериная кожа и весь простой убор коня и всадника суть простые и грубые нравы и непросвещение, кои Петр нашёл в народе, который он преобразовать вознамерился…».

Более однозначно впечатление у Н. Карамзина: «…Мысль поставить статую Петра Великого на диком камне сем для меня прекрасная, несравненная мысль, ибо сей камень служит разительным образом того состояния России, в котором она была до своего преобразователя».

А вот знаменитая француженка мадам де Сталь: «Петр изображён на камне взбирающимся на крутую гору среди змей, которые хотят остановить коня. Эти змеи, по-правде говоря, сделаны для того, чтобы поддержать массивного коня и всадника, но мысль эта неудачна, поскольку, по сути дела, правитель должен опасаться не зависти; и не те, кто пресмыкается, — его враги, а Петр I всю свою жизнь опасался только русских, сожалевших о старинных обычаях своей страны. Тем не менее восхищение, которое он до сих пор вызывает, доказывает, что он сделал России много добра, потому что спустя сто лет после своей смерти деспоты уже не имеют льстецов» [там же: 46].

Впрочем, наверное, никто — ни из русских, ни из чужеземцев — не высказывался так патетично, как М. Ломоносов в «Надписи к статуе Петра Великого»:

Се образ изваян премудрого героя
Что, ради подданых лишив себя покоя,
Последний принял чин и царствуя служил,
Свои законы сам примером утвердил,
Рожденны к скипетру, простер в работу руки,
Монаршу власть скрывал, чтоб нам открыть науки.
Когда он строил град, сносил труды в войнах,
В землях далеких был и странствовал в морях,
Художников сбирал и обучал солдатов,
Домашних побеждал и внешних сопостатов;
И словом, се есть Петр, отечества отец;

Земное божество Россия почитает,
И столько олтарей пред зраком сим пылает,
Коль много есть ему обязанных сердец.

Это естественно, что много российских патриотов получали высокое поэтическое вдохновение от созерцания знаменитой статуи своего славного императора, которая метафоризировала его прославленные дела. Так же естественно и то, что у некоторых других россиян она вызывала иные ассоциации:

Реформою своей стяжал он много славы:
Ведь он европеизм настолько к нам привил,
Что сущий искони батог наш величавый
Шпицрутеном немецким заменил[4].

Ещё иное у Шевченко. Неподвластный имперской магии, он проще простого, с чувством казацкой горделивости, десакрализирует священную фигуру, стягивает ее с имперско-патриотического поднебесья. Его первый, в сновидении, взгляд на диво — взгляд «невченого ока», которое вроде бы и не видит всеми признанной символики, а вместо того грезится ему жалкое подобие. Это безотказный и уничижительный приём бурлескной пародии — в этом случае словесной пародии на патетику монументальную:

…От я повертаюсь —
Аж кінь летить, копитами
Скелю розбиває!
А на коні сидить охляп,
У свиті — не свиті,
І без шапки. Якимсь листом
Голова повита.
Кінь басує, — от-от річку,
От-от перескочить…

И здесь пародийный тон угасает, а из него освобождается голос острого прозрения исторической сущности явления:

А він руку простягає,
Мов світ увесь хоче
Загарбати. Хто ж це такий?
От собі й читаю,
Що на скелі наковано:
Первому — вторая
Таке диво наставила.
Тепер же я знаю:
Це той перший, що розпинав
Нашу Україну,
А вторая доконала
Вдову сиротину.
Кати! кати! людоїди!
Наїлись обоє,
Накралися; а що взяли
На той світ з собою?

[4] Из стихотворения М. Щербины.

А, наверное, все-таки взяли — загнали же на тот свет огромные и огромные тысячи людей. И как продолжение украинского счета «катам, людоїдам!» («Тяжко, тяжко мені стало // Так, мов я читаю // Історію України» — эти слова Шевченко чуть ли не на столетие «опередили» часто цитируемые ныне слова Винниченко о том, что историю Украины нельзя читать без брома; правда, в обоих случаях имелось в виду не совсем то же самое), — как продление украинского счета имперским душегубам «сумно співає // Щось такеє невидиме», голосом «наказного гетьмана» Полуботка:

Царю проклятий, лукавий,
Аспиде неситий!
Що ти зробив з козаками?
Болота засипав
Благородними костями;
Поставив столицю
На їх трупах катованих!

И туча на небе становится белой птицей — душой погубленных казаков — и вопит:

І ми скована з тобою,
Людоїде, змію!
На страшному на судищі
Ми Бога закриєм
Од очей твоїх неситих…

(Кстати, этот пассаж вынуждает нас вернуться к версии Смаль-Стоцкого о том, что под «царем всесвітнім, царем волі», заточенным в Сибири, Шевченко мог иметь в виду самого Христа — такая метафора зла самодержавной дьявольщины, — возможно, это предположение не такое уже и безосновательное, как нам сначала казалось…)

Композиционно эпизод с «медным всадником» делит «петербургский» акт сновидения на две приблизительно равные части, вводя их в историческую перспективу. В обеих из них главным «героем» является Николай I, но в разных ипостасях. В первой мы видим, как он державствует в своем дворце, куда автора проводил за «полтинку» разбитной землячок. Здесь искусство Шевченко как сатирика-демистификатора достигает своих вершин. Уже не с высоты заоблачного полёта, а с пункта здравого смысла управленческие ритуалы оказываются не только абсурдными, но и смехотворными. Заканчивается дворцовый церемониал знаменитой сценой государственного мордобития:

Дивлюсь, цар підходить
До найстаршого… та в пику
Його як затопить!
Облизався неборака;
Та меншого в пузо —
Аж загуло!.. а той собі
Ще меншого туза
Межі плечі; той меншого,
А менший малого,
А той дрібних, а дрібнота
Уже за порогом
Як кинеться по улицях,
Та й давай місити
Недобитків православних,
А ті голосити;

Та верещать; та як ревнуть:
«Гуля наш батюшка, гуля!
Ура!.. ура!.. Ура! а, а, а…»

В свое время Михаил Драгоманов упрекал Шевченко за карикатурность этой сцены; потом этот упрёк повторял ещё кое-кто[5]. Но разве ж карикатура не является законным средством сатиры, в том числе политической сатиры? И разве гротеск Ф. Гойи так уж далёк от карикатуры? Или же О. Домье? И разве она не предоставляет возможность сделать наглядной скрытую сущность какого-то явления? Однако в этом случае не такая уж карикатура. Вот реальная сценка, которую описал в своем дневнике (12 февраля 1842 года) А. Никитенко. Бал-маскарад в Дворянском собрании при участии «Государя». «В этот день собрание было особенно многочисленное. В одном месте его окружали маски-патриотки и, желая насладиться лицезрением монарха, до того стеснили его, что он должен был остановиться и ожидать. Наконец, терпение его не выдержало, он топнул ногой и грозно крикнул, назвав их по-французски скотами. Волны народа, как волны Чёрного моря перед жезлом Моисея, мгновенно расступились от этого слова. И поделом! Надо быть умеренным и в выражении патриотических чувств, особенно когда царь веселится запросто и либерально со своим добрым народом» [Никитенко 1905: 323].

Интересно, что к приёму развёрнутого политического гротеска в форме сна, очень близкого к Шевченко, дважды прибегал Алексей Константинович Толстой, который, как известно, симпатизировал нашему поэту. Это — сатирическая поэма «Сон Попова» и «Песня о Потоке-богатыре». В последней древнекиевский богатырь, уснув, на час просыпается в различные периоды российской истории и удивляется увиденному.

11.
Вдруг гремят тулумбасы, идет караул.
Гонит палками встречных с дороги;
Едет царь на коне, в зипуне из парчи,
А кругом с топорами идут палачи!
Его милость сбираются тешить:
Там кого-то рубить или вешать.
12.
И во гневе за меч ухватился Поток:
- Что за хан на Руси своеволит?
Но вдруг слышит слова: — То земной едет Бог!
То отец наш казнить нас изволит!
И на улице, сколько там было толпы:
Воеводы, бояре, монахи, попы,
Мужики, старики и старухи —
Все пред ним повалились на брюхи [Полн. собр. соч. …1907: 298–299].

Позднее, в 1859–1861 гг., М. Михайлов пишет сатирическую поэзию «Апостол Андрей» — в форме пародии на обработку летописного пересказа об апостольском путешествии на Русь Андрея Первозванного. И снится ему, вроде бы он побывал через семнадцать столетий в России. И увидел:

[5] Д-р М. Гнатищак, например, ставил под сомнение эстетическое достоинство политической сатиры да и вообще политической поэзии Шевченко, ставя на первое место его романтические произведения (см.: Др. М. Гнатищак. Ренесанс Шевченкової романтики // Поступ. — 1929. — Ч. 6–7. — С. 213). Еще раньше в намного более осторожной форме предостережение относительно оценки политической поэзии Шевченко как «вершины творчества нашего поэта» выразил д-р Остап Грицай (см.: Др. Остап Грицай. Шевченко і молодь // Молоде життя. — Відень, 1921. — Ч.2. — С.5).

Великий у русских царит человек
И ходит повсюду с дубиной;
И орден апостолу в честь создает
Для тех, кто народу с ним больше побьет.

Реальность самодержавного своеволия и самодурства, реальность иерархии чиновнических согбенных спин, реальность жертвенного верноподданничества «недобитків православних» была не очень далёкой от «карикатуры» Шевченко. (Как и реальность страха — сравним ещё одну «карикатуру»: в рассказе «Хо» М. Коцюбинского, с «участием» Ведмедя — у Шевченко Медведь.) И пусть это анекдот — рассказанная позже известным фельетонистом Власом Дорошкевичем история: «Кто будет читать философию! Вот!» — и указал на исправника. И исправник стал читать философию» [Дорошкевич 1986: 145], — но ведь не случайный анекдот, какую-то примету царствования Николая I он отражает. И когда у Шевченко царственная чета почтенно переговаривается «о отечестве, здається, // Та нових п*етлицях*, // Та о муштрах ще новіших», — то разве это сведение *отечества* к проблемам петлиц и муштровки не было характерным для многих российских царей и для того же Николая I, и разве не написано об этом достаточно в более поздней русской литературе? Парад, муштра, казарма были неисчерпаемым источником вдохновения для государственнической мысли. А для Николая I — ещё и источником личного наслаждения и сакрального чувства; неудачный же парад, с несоблюдением каких-то предписаний, — был для самодержца чуть ли не личной драмой. Был случай, когда он посадил на гауптвахту своего сына, наследника престола, за то, что он проскакал галопом, а не рысью (об этом — в дневниковых записях А. Пушкина под датой 12 мая 1834 г.).

Солдафонская ментальность, конечно же, не ограничивалась царским двором. В своих «Письмах из-за границы» Г. Данилевский приводит красноречивую реплику своего спутника-генерала — впечатление о центральной площади Кенигсберга с памятником: «Площадь красива, но мала, больше одного баталиона не поставишь на учение. А пресловутая площадь св. Марка в Венеции, говорят, и того теснее… То ли дело наша Русь! Немцы!» [Сочиненія Г.П. Данилевскаго… 1901: 11]. Уже через полстолетия после Николая I его тёзка, последний (пока что) российский император Николай II во время торжественной закладки фундамента казармы для императорских стрельцов (было такое элитное подразделение) выразил, как записала мемуаристка, глубокую философскую мысль: «Удивительное дело, кладут в одно место всякую дрянь, поливают чем-то эту дрянь, и выходит крепко» [Богданович 1990: 511]. Это воистину метафора имперского «обустройства России»!

Отдельно следует сказать о том непочтительном бурлескном тоне, каким Шевченко говорит об императрице. Известно, что это стало одной из причин тяжёлого приговора, который скрепил сам Николай I своей незабываемой резолюцией: «С запрещением писать и рисовать». Упрёки, отчасти справедливые, за дерзкое оскорбление как-никак женщины преследовали Шевченко и при жизни, и после смерти. Однако, чтобы понять причины глумления Шевченко, следует принять ко вниманию, что поэт развенчивал не личность, а своего рода эстетический символ империи. Ведь сонм придворных и непридворных поэтов восславлял царицу, простираясь к заоблачным высотам одописания:

И нет подобной ей и станом молодым,
Ни стройной плавностью походкой лебединой,
Ни гибкой ловкостью, врожденной ей единой,
Ни кроткого чела спокойствием святым…
(Е. Ростопчина, 1838 г.)

…Какою
Возможно кистию земною

Тебя достойно описать,
Тебя — России благодать!
Я сам описывать тебя не смею,
Молчу, молюсь, благоговею…
(И. Мятлев, 1842 г.)

Поэтому разве тяжело понять «мужицкиий» эмоциональный вызов Шевченко этой нестерпимой политической и эстетической фальши:

Так оце то та богиня!
Лишенько з тобою.
А я, дурний, не убачивши
Тебе, цяце, й разу,
Та й повірив тупорилим
Твоїм віршомазам.

Кстати, Шевченко был не первым, кто «оскорбил» царицу. По поводу стихотворения Пушкина «Цапли» Франко заметил: «Едкая сатира едва ли не на царя Николая и его жену, которая названа цаплей — припоминаю сравнение Шевченко царицы с цаплей в «Сне» [Франко 1982: т. 35 163]. Хотя в более поздних дневниках Пушкина есть и целиком доброжелательные реплики об императрице.

Все сновидение заканчивается новым визитом «до царя в палати» — после картины петербургского утра, когда «уже вбогі ворушились, // На труд поспішали, // І москалі на розпуттях // Уже моштрувались. // Покрай улиць поспішали // Заспані дівчата, // Та не з дому, а додому!»; уже когда «і братія сипонула // У сенат писати // Та підписувать — та драти // І з батька і брата. // А меж ними і землячки…».

По-своему встречают утро и в царских палатах. Параллельно к ритуалу мордобития в предыдущем эпизоде, свершается и другой ритуал, который символизирует действие механизма государственной машины:

Неначе з барлоги
Медвідь виліз…
……..
… як крикне
На самих пузатих —
Всі пузаті до одного
В землю провалились!
Він вилупив баньки з лоба —
І все затрусилось,
Що осталось; мов скажений,
На менших гукає —
І ті в землю; він до дрібних —
І ті пропадають!
Він до челяді — і челядь,
І челядь пропала;
До москалів — москалики,
Тілько застогнало,
Пішли в землю; диво дивне
Сталося на світі…

Но ещё большее диво: как только медведь-самодержец остался один, без своих министров, клевретов и челяди, без москалей-москаликов, — куда и подевалась его магическая сила. Грозный медведь становится беспомощным котёнком.

Да, магическая сила самодержавия — в слепом послушании людей. Не первый ли в пределах Российской империи Шевченко высказал эту мысль так подчёркнуто, преподнеся ее в сочной картинной метафоре. А у него самого она вызревала давно. Она логично проистекала из его «казацкого» свободолюбия, из духа непокорности, завещанного украинской историей. Потому-то так горделиво относился он к «священным» для обывателя ритуалам самодержавия, так убийственно профанирует его «высокие» идеологемы[6] и так едко язвит землячков-отступников, которые «по-московській так і ріжуть, // Сміються та лають // Батьків своїх…», — и это бесчестие опять-таки оборачивается плачем по добровольным жертвам джаггернаутовой колесницы, по доле Украины:

Україно! Україно!
Оце твої діти,
Твої квіти молодії,
Чорнилом политі,
Московською блекотою
В німецьких теплицях
Заглушені!.. Плач, Украйно!
Бездітна вдовице!

…Типологически «Сон» Шевченко стоит в ряду выдающихся произведений европейской политической поэзии. А к самой форме сновидения — мистерийного или комедийного — часто прибегали романтики. Давно отмечено (И. Франко, А. Колесса, Н. Зеров) влияние на Шевченко «Дзядов» Мицкевича; В. Щурат допускает и влияние сатиры Элеоноры Штирмер («Bartlomiej w chmurach»), опубликованной в «Rochniku Literackim» Ромуальда Подберезского (доброго знакомого Шевченко), изданного в Петербурге в 1843 году. Однако не меньший знаток и Шевченко, и Мицкевича Богдан Лепкий отвергал связь между «Сном» и «Дзядами», а Смаль-Стоцкий вообще считает выискивание влияний малополезным делом при анализе какого-либо произведения (в этом случае — «Сна» Шевченко) и объясняет подобное выискивание неутолимым желанием блеснуть какой-то ракетой своего собственного духа» [Смаль-Стоцький 1965: 150]. Во всяком случае, иногда это так и происходит. В конце концов, если говорить о «комедии» Шевченко, следует, прежде всего, учитывать, что форма сновидения сама по себе является самой естественной для разворачивания фантастических ситуаций, тем более гротескного характера; она же даёт и максимальную возможность насыщать объективное видение пристрастной субъективностью (во сне достигается абсолютно свободная комбинация элементов реальности и недоступная для будничного состояния степень их эмоционального переживания). Поэтому форму сновидения никто один не изобретал, и никто ни от кого не заимствует: она вечно присутствует в интеллектуальном пространстве. Что же касается содержания «Сна» Шевченко, то разве нуждался поэт в чьем-то влиянии, чтобы сказать то, что он сказал? Для этого он слишком много видел и пережил сам, жизнь сама навязывала ему это содержание. И без личностного пережитого, тяжёлой выстраданности это бы не высказалось…

Поэтому следует, наверное, говорить не только (и, возможно, не столько) о влияниях, как о типологическом сходстве (или несходстве). Типологические сравнения — с точки зрения как сходства, так и несходства (несходного в сходном и сходного в несходном) — углуб-

[6] Тем, кто считает сатирические картины у Шевченко «грубыми», можно посоветовать обратиться к мировым классикам сатиры — от Аристофана до Рабле и Свифта, от Беранже до Брехта.

ляют понимание литературного явления, ставя его в историко-литературный контекст и сам этот контекст разворачивая новыми гранями.

Другое дело — сознательная вариация какого-то образца (это также одна из продуктивных форм) — в мотивированном и талантливом исполнении. Или же сознательная полемика с известным литературным образцом. «Сон» Шевченко является, кроме всего прочего, также сознательной полемикой с пушкинским «Медным Всадником»: в интерпретации Петра I (и исторического, и в бронзовом идоле) и в картинах имперской столицы.

Впрочем, шедевр Пушкина имел множество отзывов в русской литературе — и вариативных относительно него, и полемических. Наверное, эту чуть ли не столетнюю полемику окончил (впрочем, окончил ли?) Александр Блок в поэме «Двенадцать». Революционная вьюга изменила ландшафт Петербурга, и Медный Всадник перестал (во всяком случае, на короткое историческое время) быть его идеологическим центром. И Блок, который сказал о пушкинском «Медном Всаднике»: «Все мы находимся в вибрациях его меди», — теперь представляет нам другой идеологический ландшафт Северной Пальмиры; его так интерпретирует компетентный в этих вопросах Р. Иванов-Разумник: «…На том самом месте, где прорвалось тяжело-звонкое скаканье Медного Всадника, там теперь — «Над Невской башней тишина». Где же Конь? Где же Всадник? Их нет. И там, где был Конь — там теперь стоит «Безродный пес, поджавши хвост»; там, где был Всадник, там, где в «Непоколебимой вышине Над возмущенною Невою Стоял с простертою рукою Кумир на бронзовом Коне», там теперь «Стоит буржуй на перекрестке и в воротник упрятал нос…» [Иванов-Разумник 1918: 11].

Однако это лишь одна из очередных исторических метаморфоз. Медный Всадник империи стоит и ещё протягивает свою загребущую руку в будущее многих народов…

Авторизованный перевод с украинского О. Бульвинской

Альгаретти Франческо. 2003. Из книги «Путешествие в Россию». — *Звезда*. — № 5.

Антонов В.И. 1959. *Мышкин — один из блестящей плеяды революционеров 70-х годов*. — М.

Битов А. 2003. Дежа вю. — *Звезда*. — № 5.

Богданович А. 1990. *Три последних самодержца*. — М.

Греч Н.И. б/д. *Записки о моей жизни*. «Academia». — М.; Л., MCMXXX.

Долгоруков П.В. 1934. *Петербургские очерки. Памфлеты эмигранта*. — Собрал и подготовил к печати П.Е. Щеголев. Дополнил и снабдил введением и примечаниями С.В. Бахрушин. — М.

Дорошкевич В. 1986. *Рассказы и очерки*. — М.

Жихарев М.И. 1989. Докладная записка потомству о Петре Яковлевиче Чаадаеве. — *Русское общество 30-х годов XIX века. Люди и идеи. Мемуары современников*. — Изд. Моск. Ун-та.

Иванов-Разумник Р. 1918. Испытание в грозе и буре. — *Блок. Скифы. Двенадцать*. — СПб.

Колокол. — Лист 32–33. — 1 января 1859 г.

Никитенко А.В. 1905. *Моя повесть о самом себе... Записки и дневник (1804–1877)*. — СПб. — Т. 1.

Остафьевский архив князей Вяземских. — СПб., 1899. — Т. III.

Полиевктов М. 1918. *Николай I. Биография и обзор царствования*. — М.

Полн. собр. соч. графа А.К.Толстого. — СПб., 1907. — Т. 1.

Пушкин А. 1954. *Полное собрание сочинений*. — М. — Т.6.

Раев М. 1990. *Понять дореволюционную Россию. Государство и общество в Российской империи*. — Пер. с франц. — Лондон.

Русское общество 30-х годов XX века. Люди и идеи. Мемуары современников. — Изд. Московского университета, 1989.

Смаль-Стоцький С. 1965. *Т. Шевченко. Інтерпретації*. — Нью-Йорк; Париж; Торонто.

Сочиненія Г.П. Данилевскаго. Томъ 23. Изданіе восьмое, посмертное. — СПб., 1901.

Федотов Г.П. 1991. *Судьба и грехи России*. — СПб. — Т. 1.

Франко І. 1982. *Зібр. тв. у 50 т*. — К. — Т. 35.

Эйдельман Н. 1989. *Мгновенье славы настает…* — Л.

ТАРАС ШЕВЧЕНКО В МОСКВЕ (март 1858 года)

В.Ю. Мельниченко
Национальный культурный центр Украины в Москве

Аннотация: *В статье анализируются впечатления Т. Шевченко о Москве 1858 года, зафиксированные в его дневниковых записях.*

Ключевые слова: *Шевченко, Бодянский, Максимович, Мокрицкий, Репнина, Щепкин.*

«В доме Щепотьевой»

Время, проведённое Тарасом Шевченко в Москве, было крайне коротким — чуть больше одного месяца на протяжении пяти посещений в течение четырёх разных годов — 1844, 1845, 1858 и 1859 гг. Но Бог определил для поэта особую планку полноты и смысла жизни, да и Первопрестольная испокон веков каждый день измеряла по собственным, непостижимым для других городов масштабам.

Дольше всего Шевченко находился в Москве по дороге из ссылки в Санкт-Петербург весной 1858 года — с 10 по 26 марта. Из дневника поэта [Шевченко 2003, т. 5: 11–187] видно, что, прибыв в город поздно, около 11 часов вечера, он решил в тот день не беспокоить своего друга Михаила Щепкина: «Взял № за рубль серебра в сутки в каком-то великолепном отеле. И едва мог добиться чаю, потому что уже было поздно. О Москва! О караван-сарай! Под громкою фирмою — отель. Да еще и со швейцаром».

В отеле Шевченко очень не понравилось, и он оставил его с утра: «В 7 часов утра оставил я караван-сарай со швейцаром и пустился отыскивать своего друга М.С. Щепкина. Нашёл его у старого Пимена в доме Щепотьевой и у него поселился…» 12 марта Тарас Григорьевич ещё раз уверенно зафиксировал свой адрес в письме к Михаилу Лазаревскому: «Сижу я у Михаила Семеновича Щепкина, близ Садовой улицы в приходе старого Пимена, в доме Щепотьевой».

Речь идёт о Сретенской части Москвы, но буквально соприкасающейся с арбатским ареалом. Достаточно сказать, что на рубеже XIX и XX веков эта местность входила в Арбатскую часть.

«У старого Пимена, в доме Щепотьевой» — Шевченко не называл даже переулка, но не сомневайтесь, что в этом случае адрес был абсолютно точным и понятным. Церковь преподобного Пимена, которая находилась неподалеку, была известна всей Москве, а дома, как

мы знаем, тогда назывались по фамилиям их домовладельцев. Посему в Москве середины XIX столетия никаких проблем с поиском дома Щепотьевой возле церкви старого Пимена не было. Зато они возникли через сто лет, когда исследователи вознамерились точно установить, где конкретно находился дом Щепотьевой. Началось с того, что они поленились по-настоящему поискать домовладелицу с довольно редкой в Москве фамилией. Авторитетный москвовед Борис Земенков в конце 50-х гг. XX столетия заявил, что ни в одном справочном издании тех времён ему не удалось обнаружить фамилию домовладелицы Щепотьевой. Через тридцать лет авторы книги «Шевченко в Москве» И. Карабутенко, О. Марусич и М. Новохатский повторили это утверждение и высказали предположение, что Шевченко жил, очевидно, в доме Щепотьева, но, не ведая о хозяине, знал лишь его жену [Карабутенко, Марусич, Новохатский 1989: 156]. Собственно, авторы и в этом некритически продублировали своих московских предшественников. Театровед В. Маслых в статье «По щепкинским местам» в журнале «Театр» (№ 8) ещё в 1963 году утверждал: «Щепкин поселился в Воротниковском переулке в доме Щепотьева… Здесь прожил несколько дней Т.Г. Шевченко». Между прочим, тогда ещё никто не знал, что даже московская полиция, пользуясь устаревшей информацией, докладывала начальству о «доме Щепотьева». В найденном мною в Центральном историческом архиве Москвы «Рапорте» московского обер-полицмейстера, князя Алексея Кропоткина военному генерал-губернатору Арсению Закревскому речь шла о том, что «отставной рядовой Тарас Шевченко прибыл из Нижегородской губернии проездом в С.-Петербург и остановился Сретенской части 1 квартала в доме Щепотьева» [ЦИАМ ф. 16, оп. 47, д. 130, л. 11].

В рапорте не упоминается фамилия Щепкина, и это тоже можно объяснить недобросовестной работой полиции. Дело в том, что за две недели до приезда Шевченко в Москву московский военный генерал-губернатор Арсений Закревский распорядился, чтобы Кропоткин установил строгий полицейский надзор за Щепкиным, которому инкриминировались «неправильные суждения об эмансипации». Формально это было сделано уже 3 марта, то есть за неделю до приезда Шевченко, в полиции логично было бы увязать две фамилии.

Легкомысленные заявления по поводу Щепотьевой также были обусловлены, с одной стороны, поверхностным подходом тогдашней московской полиции, с другой, неглубоким изучением вопроса советскими историками. Достаточно развернуть «Книгу адресов жителей Москвы» за 1858 г. там, где помещаются адреса артистов, и прочитать: «Щепкин Михаил Семенович, Сретенская часть, на Малой Дмитровке, в Воротницком переулке, дом Щепотьевой». Кроме того, мною была проведена поисковая работа в архивах, чтобы наверняка подтвердить, кто был собственником дома, в котором остановился Шевченко. Чрезвычайно интересной оказалась находка исповедальной ведомости церкви Старого Пимена об исповеди прихожан конкретно по каждому дому во время Святой Четыредесятницы весной 1857 года, в которой записана и семья Щепкина: «Дом Щепотьевой. Артист Московских Императорских театров Михаил Семёнович Щепкин. Жена его Елена Дмитриевна. Дочь их девица Вера» [ЦИАМ ф. 203, оп. 747, ед. хр. 1727, л. 811–811 об].

Точный адрес стоял и на письмах, которые получал великий артист. Скажем, в секретных бумагах тогдашнего московского генерал-губернатора графа Арсения Закревского есть конверт с адресом артиста: «Сретенской части на Малой Дмитровке Воротниковском переулке в д. Щепотьевой». Сам Щепкин, находясь на гастролях в Ярославле в апреле 1858 года, то есть сразу после отъезда из Москвы Шевченко, писал жене Елене Дмитриевне Щепкиной: «В Москву в приход Старого Пимена в дом госпожи Щепотьевой» [Государственный… ф. 312, оп. 1, ед. хр. 255].

Стало совсем ясно, что владелицей дома, в котором жил Щепкин в то время, когда у него гостил Шевченко, была именно Щепотьева.

Это была сенсация, и о ней я доложил в январе 2006 года на традиционных «Щепкинских чтениях» в доме-музее М. С. Щепкина. В следующем году вышла в свет моя книга «Тарас Шевченко: „Моё пребывание в Москве“», в которой писал: «Итак, поставим точку в

надуманной версии об отсутствии домовладелицы Щепотьевой и прекратим неоправданную ревизию удивительно точной записи Шевченко в дневнике. На самом деле, как он и зафиксировал, дом числился не за Щепотьевым, а именно за Щепотьевой».

Этот дом давно снесён, но страсти вокруг него не утихают. Дело в том, что в двух шагах от жилища Щепкина находился дом, в котором в мае 1836 года во время последнего приезда в Москву жил у своего друга Павла Нащокина поэт Александр Пушкин. Это был двухэтажный каменный особняк с деревянным мезонином, построенный в 1817–1820 гг. В 1838 г. вместо мезонина надстроили второй этаж[1]. Дом № 12 сохранился и называется теперь «Домом Нащокина», на нем установлена мемориальная доска, посвящённая Пушкину. Здесь часто бывал Гоголь, и Нащокин стал прообразом одного из героев второго тома «Мёртвых душ» — Хлобуева.

Так вот, в 60–80-х гг. минувшего столетия в исторической и москвоведческой литературе прочно закрепилась мысль, что именно дом № 12 нанимал Щепкин и именно здесь в марте 1858 года жил Шевченко. Уже упомянутый Борис Земенков писал: «Щепкин переселился в дом № 12 в Воротниковском переулке… За несколько лет перед тем в этом доме жил близкий друг Пушкина — Павел Воинович Нащокин…» [Земенков 1966: 111–112] Эту версию активно поддерживал доцент Московского университета Михаил Зозуля, который в 1974 г. писал: «Дом, в котором Щепкин принимал тогда Шевченко, был в определенной мере знаменитым. Этот дом знал Пушкина и Шевченко, Щепкина и Гоголя, Грановского и Тургенева, многих ученых, артистов и музыкантов». В «Шевченківському словнику» (1977) к статье Зозули «Москва» была даже помещена фотография номера двенадцатого: «Дом, где в квартире М.С. Щепкина жил Т.Г. Шевченко 1858». Как-то совершенно незамеченными остались три верных слова в энциклопедии «Москва» (1980) касательно жилища Щепкина: «Дом не сохранился». Действительно незамеченными, ибо через восемь лет известный москвовед Сергей Романюк в книге «Из истории московских переулков» настаивал, что именно в доме Нащокина жил актер М.С. Щепкин: «Дом № 12 в то время… принадлежал А.И. Ивановой… В 1847–1858 гг. дом снимал актёр М.С. Щепкин. Здесь же в 1858 г. остановился Т. Г. Шевченко». В том же 1988 г. в издательстве «Искусство» в Москве вышли щепкинские «Записки актёра», сопровождённые соответствующими важнейшими документами, воспоминаниями, перепиской и научными комментариями. В самом их начале была помещена уже упомянутая фотография: «Дом П.В. Нащокина в Москве (Воротниковский пер. 12; с 1847 по 1859 год в этом доме жил М.С. Щепкин)».

И, наконец, уже в наше время в «Комментариях» к шестому тому Полного собрания сочинений Шевченко, изданных в Киеве, утверждается: «Современный адрес тогдашней квартиры М.С. Щепкина — Воротниковский переулок, 12».

Первыми высказали сомнение по этому поводу авторы книги «Шевченко в Москве» И. Карабутенко, А. Марусич и М. Новохатский. Они справедливо указали на то, что Шевченко не мог не отметить в своем дневнике о пребывании Пушкина в доме, где он остановился, однако великий украинский поэт даже не упоминал о великом русском поэте. Правда, эти сомнения не могли убедительно и окончательно опровергнуть утверждение приверженцев удобной и привлекательной версии о том, что в одном доме жили в разное время и Пушкин, и Щепкин, и Шевченко. По крайней мере, эта версия господствует в Москве поныне. Однако она не соответствует действительности. Доказать это нетрудно. Известно, что дом № 12 принадлежал губернской секретарше Аграфене Ивановой, о чем есть чёткая запись в «Алфавитном указателе к плану Сретенской части»: «Ивановой Аграфены Ив. Губерн. Секретарши, в Воротническом пер.». Но мы же знаем, что дом, в котором жил Щепкин и останавливался Шевченко, принадлежал совсем другой владелице, а именно Щепотьевой.

[1] «Паспорт», составленный в декабре 1973 года на объект культурного наследия федерального значения «Дом, в котором жил А. С. Пушкин у своего друга П.В. Нащокина в 1836 г.». С. 2.

В Центральном архиве научно-технической документации г. Москвы обнаружил «Указатель к плану города Москвы, печатанному Московскою городскою распорядительною Думой в 1868 году», а в нем — бесценная для меня «Ведомость городских и владельческих имуществ по планам 1849–1854 годов и по окладным книгам 1867 года». В этой «Ведомости» в Сретенской части нашел владение № 411 «Щепотьевой, поручицы, жены канцеляриста».

Эта находка была крайне важной, и я довольствовался ею на время выхода в свет книг «Тарас Шевченко: „Моё пребывание в Москве“» (2007) и «Тарас Шевченко и Осип Бодянский» (2008). Но сама по себе эта информация не давала ответа на вопрос, где именно стоял дом Щепотьева в Воротницком переулке. Поэтому, работая над книгой «Тарас Шевченко: „Мой великий друг Щепкин“» (2009), уже никак не мог допустить, чтобы точное местонахождение дома Щепотьевой, в котором две недели жил у Щепкина Шевченко, осталось не установленным. Я решил обратиться за помощью в Центральный исторический архив Москвы. Полная неудача! Ответ был такой: «Сообщаем, что в документах архива сведений из истории дома Щепотьевой, который находился в Воротниковском переулке Сретенской части г. Москвы, не выявлено».

Таким образом, важнейшими остались дневниковые записи самого Шевченко, из которых следовало, что из окна дома Щепотьевой было видно церковь «старого Пимена». Изучая переписку Михаила Щепкина, наткнулся на ещё один подобный аргумент. В письме к своему сыну Николаю Михайловичу от 16 апреля 1857 года Михаил Семенович писал о пожаре недалеко от дома, где он жил, — у купца Голяшкина (карету Щепкина, возвращавшегося 15 апреля домой, заблаговременно остановили: «Выходите здесь, дальше не проедете, против вашей квартиры пожар, горит дом г-на Голяшкина». Кроме того, Щепкин рассказывал сыну: «…Пожарные действовали отлично, и притом ветер был в противоположную сторону, то все поуспокоились, и, как следует по человеческой природе, чужое несчастие нам интересной картиной, и никого не оторвёшь от окон…»

Следовательно, дома́ Щепотьевой и Голяшкина, как и Ивановой, находились неподалеку друг от друга, впрочем, в небольшом Воротницком переулке все дома соседствовали. В упомянутом «Алфавитном указателе к плану Сретенской части» читаем: «Голяшкина Никол. Яков., купца в Воротническом пер.». На плане дом Голяшкина числился под № 68. Все это было немаловажно, однако, опять же, не позволяло точно указать местонахождение дома, в котором жил Щепкин. Выпускать книгу в свет без этого не хотел, а сформулированное в ней предложение о сооружении памятника Щепкина и Шевченко в Воротниковском переулке, казалась мне без адреса неубедительным.

И тогда в дело вмешался счастливый случай, но из числа тех, через которые пробивает себе дорогу закономерность. В процессе работы часто встречались учёные и архивисты, которые так или иначе помогали в историческом поиске, а в этот раз счастливая исследовательская судьба свела меня с удивительной женщиной, кандидатом искусствоведения, автором крупных монографий, заслуженным деятелем искусств России Лидией Андреевой. Оказалось, что Лидия Владимировна со дня рождения в 1930 г. и до 1953 г. жила в доме № 16 в Старопименовском переулке. Ее отец — Владимир Андреев (1899–1980) — был крупным инженером-строителем, а мать — Татьяна Просвирова (1895–1943) — архитектором. В середине 30-х гг. архитектор Просвирова взялась за надстройку четырех новых этажей к двухэтажному старому дому № 14 по Старопименовскому переулку, и тогда впервые ее дочь Лидия услышала разговор родителей о том, что в соседнем доме в XIX веке жил актер Михаил Щепкин. В семье его так и называли «Дом Щепкина», и это прочно закрепилось в сознании девочки, а затем девушки, которая назначала свидания у «дома Щепкина».

29 июня 2008 года Лидия Андреева показала точное место, где стоял когда-то дом Щепотьевой, в котором в 1848–1859-х гг. жил Щепкин, а в марте 1858 года гостил Шевченко. «Дом Щепкина» был снесен в 70-х гг. прошлого века и на его месте — на углу двух переулков — построили новый дом. Его нынешний адрес — Старопименовский переулок, № 12/6.

Дом Щепотьевой, из которого Шевченко видел «старого Пимена», действительно выходил своими окнами на церковь, ибо своим парадным фасадом он был ориентирован на въезд из Тверской улицы по Пименовскому переулку (во времена Шевченко переулок назывался Пименовским, позже и сейчас — Старопименовским).

Воспоминания Лидии Андреевой были подтверждены фотоснимками и материалами из фототеки Государственного научно-исследовательского музея архитектуры им. А.В. Щусева, где, в частности, сохранились изображения «Дома Щепкина», сделанные в 1840-х гг., когда в нем жил Щепкин, и незадолго до его сноса в советские времена.

Теперь — о «старом Пимене» (ещё его называли «великим Пименом что в Старых Воротниках). Церковь, названная в честь преподобного Пимена, известна с 1493 г. В середине XVII столетия слободу Воротники было перенесено в Сущево, где воротники также построили в 1672 г. церковь Преподобного Пимена, которая стала называться храмом Пимена Нового. Более раннюю церковь в народе назвали «старым Пименом». Исторические источники свидетельствуют, что во второй половине XVII столетия она была деревянной. Каменную церковь построили в 1681–1682 гг. Тогда же была возведена шатровая колокольня, которая стояла отдельно и отличалась редкой утонченностью. В 1689 г. после пожара храм восстановили. В XIX столетии в два приёма на месте старой церкви построили новую. В 1825 г. возвели трапезную с боковым приделом преподобного Пимена. Главная церковь перестраивалась в течение более чем десятилетия, начиная с 1848 г., и освящена 20 сентября 1859 года. Таким образом, в то время, когда Шевченко видел «старого Пимена», церковь как раз достраивали. Впрочем, в алтарях шли службы, здесь в январе 1854 года отпевали старенькую мать Щепкина — Марию Тимофеевну: «У меня домашнее горе. Мать скончалась 20-го сего месяца, — отпевать будут в субботу у Старого Пимена».

В первый день пребывания в Москве, поэт, который надеялся сразу посмотреть город и встретиться с друзьями, но, заболев, вынужден был сидеть дома, раздражённо записал в дневнике: «Сиди да смотри в окно на старого безобразного Пимена». Наверное, острый взгляд художника сразу отметил тяжеловатость очертаний храма и все же его суждение несправедливо — Старый Пимен привлекал внимание и выглядел симпатичным. Храм был опоэтизирован художником Иваном Павловым на гравюре «Старопименовский переулок», где он изображён в контексте ближних домов.

Впрочем, ясно, что не о храме шла речь, а просто Тарасу Григорьевичу надоело сидеть дома, в чем он сам сознался через три дня: «Надоело смотреть в окно на старого Пимена». Похожую запись в дневнике встречаем 22 сентября 1857 года, когда поэт, из-за непогоды, вынужден был сидеть в квартире в Нижнем Новгороде: «На улицу выйти нет возможности. Из-за стены Кремля показывает собор свои безобразные толкачи с реповидными верхушками, и ничего больше не видно из моей квартиры. Скучно».

«Втихомолку навестил Репнину»

Приезд Шевченко в Москву к Щепкину был омрачён болезнью поэта: «… Глаз мой распух и покраснел, а на лбу образовалося несколько групп прыщей». Шевченко обратился за помощью к Щепкину: «Пригласить медика, какого он лучше знает, потому что болезнь моя не шутя меня беспокоит. Михаил Семенович пригласил доктора Мина. Завтра я его дожидаю». Тот прописал ему пильнавскую воду и диету:

«После обеда явились ко мне два доктора, хорошо ещё, что не вдруг. Приятель Ван-Путерена прописал какую-то микстуру в тёмной банке, а Мин — пильнавскую воду и диету. Я решился следовать совету последнего.

Дмитрий Егорович Мин — учёный, переводчик Данта и ещё более учёный и опытный медик. Поэт и медик. Какая прекрасная дисгармония.

У старого друга моего Михайла Семеновича везде и во всем поэзия, у него и домашний медик поэт».

15 марта поэт отметил особую заботу о нем своего друга Михаила Щепкина: «Михайло Семёнович ухаживает за мною, как за капризным больным ребёнком. Добрейшее создание!» 16 марта Шевченко нарисовал прекрасный портрет Щепкина, о котором необходимо сказать отдельно.

Перед нами изысканно элегантный, степенный и вдохновенный Щепкин. Заинтересованно приподняв брови, что, кажется, ещё больше увеличивает его высокий лоб, он смотрит на нас ясными, открытыми и вдумчивыми глазами. Левый глаз прикрыт веком немного больше, и этот штрих, очевидно, взятый из жизни, трогает своей живой точностью. Полные губы, выдающие человека доброго и чуткого, заметно задеты горечью прожитых лет. Лицо великого артиста излучает выстраданную мудрость, можно лишь удивляться и восхищаться психологически тонкой, выразительной и точной характеристикой портретиста Шевченко.

В то же время, аккумулированные в портрете жизненные простота и доброта Щепкина, делают его образ, сказать бы, артистически приподнятым и величественным в понимании, сформулированном Львом Толстым: «Нет величия там, где нет простоты, добра и правды».

Хорошо видно, что художник вложил в портрет свое глубокое уважение и искреннюю любовь к Щепкину.

Чтобы убедиться в этом, сравним работу Шевченко с портретом Щепкина кисти талантливого художника Василия Пукирева, выполненного за год до Шевченко — в марте 1857 года. 20 марта Елена Дмитриевна писала сыну Александру Михайловичу о муже: «Он сидит теперь дома (в Пост театры были закрыты, и Щепкин больше находился дома. — В. М.), и с него какой-то молодой человек снимает портрет. Теперь очень похож, что-то будет в отделке?» Михаил Семенович «очень похож» и на литографии, сделанной в том же году по рисунку Пукирева. Однако искусная фотографическая точность не выдерживает никакого сравнения с одухотворённостью, влюблённостью шевченковского восприятия старшего друга.

Директор Дома-музея М.С. Щепкина в Москве Антонина Кучина говорила мне, что это лучший портрет артиста. Щепкиновед Борис Земенков писал, что портрет принадлежит к лучшим изображениям великого актёра. Биограф Щепкина Виталий Ивашнев восхищается: «…Один из лучших портретов Михаила Семёновича — на нём предстаёт человек уже преклонных лет, но сохранивший проницательный ум, живость взгляда, благородство и поэтичность натуры… По одному этому портрету нетрудно представить, какое многообразие оттенков чувств, настроений, порывов души могли наблюдать современники Щепкина в общении с ним, в ролях, исполняемых на сцене».

К портрету, созданному Шевченко, можно применить слова Виссариона Белинского из письма к Александру Герцену, написанные ещё в 1846 г. о другом изображении артиста: «Как хорош портрет Щепкина! Слеза, братец мой, чуть не прошибла меня, когда я увидел эти старые, но прекрасные в их старости черты; мне показалось, будто он, друзьяка, сам вошёл ко мне. Кто хочет убедиться, что старость имеет свою красоту, пусть посмотрит на этот портрет…»

17 марта Шевченко, несмотря на запрет врачей, впервые вышел на улицу: «Вечером втихомолку навестил давно не виданного друга моего, княжну Варвару Николаевну Репнину». Она жила в особняке на Спиридоновской улице (теперь — улица Спиридоновка), то есть, в Арбатской части.

Об этом визите Шевченко — подробнее. С Варварой Репниной поэт не виделся очень давно.

Неудержимое желание увидеть её переполняло душу поэта. Тем более, что Щепкин еще осенью прошлого года, а затем и в начале 1858-го сообщал Шевченко в письмах: «Варвара Николаевна Репнина, которой я читал твоё письмо, просила меня передать тебе её душевный

поклон»; «Репнина тебя целует». Со своей стороны, Шевченко просил Щепкина: «Поцілуй… княжну Рєпніну»; «А як побачиш мого давнього друга Варвару Николаевну Репнину, то привітай її од мене, мій друже єдиний, та в письмі своїм напиши її адрес».

Эта просьба, сформулированная в письме от 4–5 декабря 1857 года, свидетельствует, как сильно хотелось Шевченко ускорить встречу с Репниной. Щепкин отреагировал сразу. Уже 11 декабря он писал: «Адрес К[няжны]: на Спиридоньевской улице в приходе Спиридония в доме Аксакова». Это было недалеко от жилища Щепкина. Можно было пройти по Старопименовскому переулке, пересечь Тверскую и по Ермолаевскому переулку попасть на Спиридоновскую. Или выйти на Садовую-Триумфальную и по Садовому кольцу добраться туда же. Впрочем, это была дорога с одной части города — Сретенской, в другую — Арбатскую. Шевченко, волнуясь, почти пробежал этот путь.

С Репниной Шевченко не виделся очень давно. Она писала ему ровно десять лет тому назад, 19 марта 1848 года накануне Пасхи: «Да воскреснет Христос в душе Вашей, мой добрый Тарас Григорьевич, да освятит он душу Вашу, да просияет в Вас благодать святая… Я Вам желаю так много хорошего, лучшего. — Прошу Бога, чтобы он привёл меня увидеть Вас ещё в сей жизни…»

Бог дал им возможность встретиться. Но встреча вышла холодной.

Минули літа молодії,
Холодним вітром од надії
Уже повіяло.

Исчезла былая искренность и непосредственность, ощущалась взаимная отчуждённость. На это обратил внимание ещё Александр Конисский: «Десятилетняя ссылка лежала между ними непереходимым препятствием!» Богдан Лепкий в свое время излагал эту встречу, как «унылую». Он писал, что княжна не надеялась увидеть такого обездоленного Шевченко. Правда, из неволи посылал поэт ей свой словесный портрет солдата лысого и опущенного, но Варвара Репнина, судя по всему, в душе сохранила Шевченко таким, каким в последний раз видела, — молодым, энергичным, темпераментным, с пылкими глазами, со лбом высоким, круглым, красивым. «Теперь явился ей преждевременный старец, с длинными, седыми усами, с лысой головой, с морщинами под уставшими глазами. Душой остался поэт таким, каким и был, вечно молодым, быстрым к ласке и гневу, чувствительным на добро и красоту, на горе и несправедливость, но его телесный образ изменился до неузнаваемости».

Российский журналист Николай Ашешов, который в разгар гражданской войны в России издал в Петербурге брошюру о Тарасе Шевченко, писал: «Свидание было холодным: десять лет ссылки, а, возможно, и новые общественные настроения разделили эти две души, когда-то родные…»

Ещё один лапидарный комментарий к этой встрече находим в академических «Примечаниях» к московскому изданию «Дневника» Шевченко в 1931 г.: «Встреча Шевченко с Репниной во время его проезда через Москву в 1858 г. не оживила их отношений, загубленных длинным рядом лет каторжной жизни Шевченко». По словам Павла Зайцева, «встреча старых друзей состоялась не в той атмосфере, какую каждый из них, наверное, представлял себе, думая о такой возможности: они не сумели найти ни соответствующего тона, ни соответствующих слов».

Только через четверть столетия в письме к Федору Лазаревскому Репнина написала: «По возвращении из ссылки я его (Шевченко) видела два раза, и он на меня сделал грустное впечатление; я виню себя, что не переписывалась с ним, когда он был в Петербурге». Но ведь действительно глубокие, душевные, тёплые отношения не зависят от внешнего вида и состояния здоровья приятеля или друга. Никто, кроме Репниной, не оттолкнул в Москве Шевченко. И ещё напомню, что через месяц после встречи с Репниной, в апреле 1858 года исстрадав-

шимся поэтом искренне восхищалась юная Екатерина Юнге: «Кроме симпатии, которую возбуждали его горькая доля, его поэтическая натура, нельзя было не полюбить этого человека за незлобивое сердце, за почти беспомощную доверчивость… Какой Шевченко милый, как я люблю его!.. Я Шевченку с каждым днём больше люблю…» Значит, было за что любить беззащитного украинского гения.

После встречи с Репниной в дневнике Шевченко появилась иронически-горькая запись: «Она счастливо переменилась, потолстела и как будто помолодела. И вдарилася в ханжество, чего я прежде не замечал. Не встретила ли она в Москве хорошего исповедника?».

…Сном лукавим розійшлось,
Слізьми-водою розлилось
Колишнє святеє диво!

Начиная с Михаила Чалого, долго считалось, что Репнина «своими высоконравственными и глубоко религиозными посланиями старалась направить его на истинный путь, с которого его часто сводили полтавские и черниговские кутилы». На самом деле эти наставления всегда вызывали у Шевченко внутренний протест, тем более после тяжёлых лет ссылки. У Мариетты Шагинян читаем: «Когда, после ссылки, он снова встретился с княжной в Москве и над ним, ещё, в сущности, не старым, тяжкий опыт десяти лет прошёл, как буря над лесом, превратив его в больного, облысевшего старика, а ее, уже старуху, „счастливо переменил“, округлил и омолодил, Шевченко коротко записал в своем дневнике 17 марта 1858 года:

„Не встретила ли она в Москве хорошего исповедника?“

Молитвы и подавленные страсти; мировоззрение, выросшее на отказе, нетерпимое к себе и другим, но овеянное дымкой большой поэзии действительно прекрасной и доброй души, — таков был новый друг Шевченко, встреченный им в Яготине и тотчас же страстно его полюбивший. Между этим другом и воздухом беспечной Мосевки была целая пропасть. Яготин и Мосевка исключали друг друга, тут была антипатия глубже человеческой, — антагонизм двух эпох, двух разных мировоззрений».

Если не рассматривать эти два мировоззрения исключительно в классовом понимании, то можно сказать, что Шагинян довольно точно указала на давние истоки холодной московской встречи Шевченко и Репниной.

Варвара Репнина пережила Тараса Шевченко на три десятилетия и в конце жизни, как свидетельствуют архивные документы, наверное, осознала, что в длинной череде лет не было ничего светлее и ярче, нежели встреча с гениальным Шевченко. Очевидно, что Репнина берегла память о поэте. Скажем, в письмах к его биографу Михаилу Чалому в 1882–1883 гг. она беспокоилась о сохранении могилы Шевченко и сооружении на ней достойного креста: «Коли Бог даст поправить могилу и водрузить гранитный крест» [Отдел рукописных… ф. 92, № 47, л. 1–2].

18 марта 1858 года поэт сделал уже сам очень важный визит — к Осипу Бодянскому. О том, как сильно и искренне поэт стремился встретиться с другом, свидетельствует письмо Максимовича к Бодянскому от 13 марта, написанное после посещения им Шевченко: «Тарас — у М.С. Щепкина уже другий день; вчера был я у него; он за нездоровьем не может ещё нигде быть дня два-три, а между тем жаждет Вас увидеть. Отведайте его поскорее, возлюбленный земляче!»

Бодянский, который также болел, не мог этого сделать, и Шевченко, в первый же день после болезни, сам навестил его: «Вечером был у О.М. Бодянского. Наговорились досыта о славянах вообще и о земляках в особенности, и тем заключил свой первый выход из квартиры».

Говорить было о чём. Как раз в марте — 11 числа — газета «Литературный отдел Московских ведомостей 1858 года» в очередной раз сообщала:

«В книжной лавке Императорского Московского университета на Страстном бульваре, в доме Университетской типографии продаётся: „О времени происхождения славянских письмен, сочинение О. Бодянского, с атласом, состоящим из 19 снимков. М., 1855; цена 2 руб. с пересылкой 2 руб. 75 коп.“».

Конечно, в разговоре «о славянах вообще» они затронули эту книгу, вышедшую в Москве в 1855 г. В декабре 1857 года, когда Шевченко находился в Нижнем Новгороде. Бодянский передал её поэту. Записал у себя скрупулёзно: «“О времени происхождения славянских письмен“, — Т.Г. Шевченку, в Нижнем (через Варенцова)». Шевченко в свою очередь отметил в дневнике: «Из Москвы Варенцов (Варенцов А. П. — директор Нижегородского ярмарочного театра. — *В. М.*) привёз мне поклон от Щепкина, а от Бодянского поклон и дорогой подарок, его книгу „О времени происхождения славянских письмен“ с образчиками древнего славянского шрифта. Сердечно благодарен Осипу Максимовичу за его бесценный подарок. Эта книга удивительно как пополнила современную нашу историческую литературу».

Высокая и щедрая оценка работы Бодянского, который, кстати, с 1854 г. уже был членом-корреспондентом Петербургской Академии наук. Тем более, что речь шла о публикации отдельным изданием его докторской диссертации, подобного фундаментального труда у Бодянского больше не было. Напомню, что эта работа Бодянского находилась среди книг, которые остались после смерти Шевченко в его личной библиотеке.

Между прочим, украинский поэт очень тонко почувствовал то, что говорили известные слависты об этой книге, а именно: «Заглавие её далеко не выражает всего богатства содержания: это огромный сборник всякого рода историко-литературных и палеографических заметок и исследований по различным вопросам…» Более того, Шевченко воспринял монографию Бодянского как явление «исторической литературы».

Хотя Бодянский был избран членом-корреспондентом Академии наук в области «русского языка и словесности», прежде всего он был историком. Среди близких Шевченко знакомых Бодянский был единственным, кого удостоили высокого научного звания при жизни поэта. Михаил Максимович стал членом-корреспондентом только в 1871 г.

Очевидно, что во время разговора с Бодянским Шевченко узнал от него о работе вместе с братом Федором Бодянским над сборником украинских народных песен, ибо рассказывал об этом в Петербурге. Александр Лазаревский в письме к Осипу Бодянскому писал: «Особенно порадовались, что наконец знаменитый Ваш сборник увидит свет; весточку эту привёз сюда пан Шевченко».

Где жил в 1858 г. Осип Бодянский? В Газетном переулке, в доме Игнатьева (не сохранился). Недалеко от дома Бодянского находилась церковь Успения Божьей Матери, которая сохранилась (Газетный переулок, 15).

В марте 1858 года Шевченко встречался с Бодянским один раз и наедине. В оставшуюся неделю пребывания поэта в Москве — больше не судилось. Очевидно, потому, что времени попросту не хватило для следующей встречи. Но и потому, что Бодянский не был особенно близок к окружению Щепкина, не входил он и в учёно-литературный круг западников. Однако значение той вечерней встречи трудно переоценить.

Никто другой, даже Максимович, не был заряжен украинским духом, так, как Бодянский. Если у Станкевичей Шевченко мог «весело поболтать о Малороссии», а в семействе Аксаковых ему приятно было ощутить «непритворно сердечное сочувствие Малороссии», то только у Бодянского поэт мог «наговориться досыта о славянах вообще и о земляках в особенности».

«Кремль оригинально прекрасен»

В десять часов утра 19 марта 1858 года Шевченко и Щепкин вышли из дома вместе. Было тепло, тихо и облачно. Михаил Семенович рукой показал направление их экскурсии, и

Тарас Григорьевич послушно последовал за ним. Как вспоминал Александр Афанасьев, артист «неотступно сопровождал его по Москве». Татьяна Щепкина-Куперник, которая собирала сведения о том, как артист опекал поэта, писала: «Щепкин вызвался показать ему Москву. В то время „великим постом“ спектаклей в театрах не было, и он был свободен. С утра они выходили из дома. Две характерные фигуры: маленький, круглый, светло улыбающийся Щепкин, которого почти все прохожие узнавали и приветствовали (даже извозчики, величавшие его по имени-отчеству), кто поклоном, кто улыбкой, и суровый, с густыми бровями Шевченко в смушковой шапке и смазных сапогах». Несмотря на грязь под ногами, в тот день они, по словам Шевченко, «обходили пешком по крайней мере четверть Москвы».

Начали с того, что Михаил Семенович повёл своего друга в Кремль.

О своих впечатлениях Шевченко записал в дневнике: «Я не видал Кремля с 1845 года. Казармовидный дворец его много обезобразил, но он всё-таки оригинально прекрасен». Интересно, что шевченковские характеристики этого творения Константина Тона совпадают с оценками известного российского искусствоведа и критика Владимира Стасова, который писал: «Новый дворец в Кремле, тоже многомиллионная затрата, принадлежит совершенно одному пошибу с храмом Спаса: множество богатств, внешнемеханическое повторение некоторых народных сторон — а никакого истинного чувства русской национальной архитектуры, никакого истинного таланта». В дореволюционном путеводителе «По Москве», вышедшем под редакцией профессора Николая Гейнике, Кремлевский дворец также назван казармой, способной поразить лишь малокультурного обывателя. В советские времена москвовед Олег Волков категорически заявлял: «В Кремле были осуществлены казарменно-помпезные затеи Николая I, руками безвкусного архитектора К.А. Тона исказившего тот поистине сказочный облик кремлёвских ансамблей, о которых даёт представление скупой иконографический материал. Уже свидетели постройки Большого Кремлёвского дворца с негодованием писали о варварском разрушении палат и хором московских царей, стоявших на его месте».

Так что Шевченко, высоко ценя древний Кремль, один из первых предвидел отрицательные характеристики архитектурного сооружения Тона на кремлёвской территории. Тарас Григорьевич, как художник, был абсолютно свободен в своих предпочтениях и оценках, как в Москве, так и в Киеве. Например, весьма строго относился Шевченко к зданию Института благородных девиц архитектора Викентия Беретти на улице Институтской в Киеве. В письме к художнику Николаю Осипову 20 мая 1856 года писал: «Казармы, да ещё казармы самые неуклюжие, а местность — самая восхитительная, и так бесчеловечно обезображена…» Шевченко не любил грандиозные сооружения, напоминавшие ему казармы.

Впрочем, оценка Кремлёвского дворца, кажется, в вину поэту не ставилась. Иное дело — его впечатления от храма Христа Спасителя, строительство которого Шевченко созерцал вместе со Щепкиным с высоты кремлёвского холма 19 марта. В дневнике записал:

«Храм Спаса вообще, а главный купол в особенности безобразен. Крайне неудачное громадное произведение. Точно толстая купчиха в золотом повойнике остановилася напоказ среди белокаменной». На следующий день — 20 марта — Шевченко один пришёл уже к самому храму: «Полюбовавшися старым красавцем Кремлём, прошёл я к юному некрасавцу Спасу с целию посмотреть скульптурные работы. Но меня и на двор не пустили. „Не приказано“, — сказал сторож. Я ему не противоречил и возвратился в Кремль».

Итак, набожный Шевченко не воспринял архитектуру и эстетику храма Христа Спасителя, который тогда уже почти двадцать лет строился по проекту Константина Тона. Нужно помнить, что храм Христа Спасителя возводился как храм-памятник, посвящённый Отечественной войне 1812 г. Он поражал своей высотой (свыше 100 м), грандиозными масштабами и богатством не только внутреннего убранства и утвари, чего Шевченко не видел, но и внешней пышностью.

Раньше вообще не возникал вопрос, видел ли Шевченко строительство храма во время своих первых приездов в Москву в 1844–1845 гг. На мой взгляд, скорее да, чем нет. Напомню,

что 7 июля 1857 года поэт записал в дневнике: «Видел сегодня во сне Москву, не встретил никого знакомых и храма Спаса не видал». Ясно, что храм Христа Спасителя был уже для Шевченко знаковой московской реальностью. Впрочем, в начале 2009 года Борис Олийнык в разговоре со мной трактовал запись поэта совершенно неожиданно: сон Шевченко был пророческим, он увидел во сне Москву, которая… уже потеряла в 1931 г. храм Христа Спасителя.

Что же мог видеть воочию Шевченко в первые свои приезды в Москву, то есть, в середине 40-х гг. XIX века? Известно, что в 1839–1853 гг. возводились кирпичные стены бань, осуществлялась наружная облицовка. В 1846 г. появился свод главного купола. Ко времени экскурсии Шевченко к храму в 1858 г. уже были установлены металлические части крыши и куполов и построены леса внутри — проводились штукатурные и облицовочные работы внутренних стен и пола. Скульптурные работы на внешних стенах храма велись с 1846 по 1863 гг., и на момент московского пребывания Шевченко были в разгаре. Их исполняли известные мастера: Александр Логановский, Петр Клодт, Николай Рамазанов. Именно интерес к творческой работе российских скульпторов привёл поэта на строительство храма: «О, как бы мне хотелось взглянуть на эти колоссальные работы!»

Между прочим, открою то, что мало кому известно в Украине и в Москве. Сегодня можно вблизи посмотреть оригинальные «колоссальные работы», столь интересные для Шевченко! Думаете на нынешнем, нововозведённом храме Христа Спасителя? Нет! Его стены теперь украшены бронзовыми скульптурами, а не мраморными, к которым и стремился поэт. Современные москвоведы жёстко пишут: «За всю историю русского церковного зодчества нельзя найти хотя бы один пример, когда металл, скульптурные изделия из бронзы использовались бы в наружной отделке церквей, храмов, соборов. Только резные белокаменные или, как в случае с храмом Христа Спасителя, беломраморные детали украшали их стены… Единственное логическое объяснение этой странной подмены напрашивается само собой — скульптор Церетели не работает в камне. Круглые барельефы… в последний момент (когда часть из них уже была изготовлена в мраморе) тоже были заменены, но даже не на бронзу, а на отливки из специального пластика» [От Пречистенских… 2012: 39–40].

Итак, подлинные горельефы, снятые с храма Христа Спасителя перед его уничтожением, украшают сегодня стены Донского монастыря. Скажем, вы можете вблизи рассмотреть мраморный горельеф «Воин Георгий», исполненный Шевченковым знакомым Николаем Рамазановым в 1847–1849 гг.

Поэту не удалось увидеть скульптурные работы вблизи, но нет сомнения, что ему не понравились огромные размеры и ритуальная холодность храма Христа Спасителя, который подавлял старинную белокаменную Москву, возвысившись на месте бывшего Алексеевского монастыря. Особенно раздражал его главный купол, напоминавший золотой повойник на голове купчихи — повязку, которую издавна одевали женщины под платок.

Впрочем, не следует забывать, что в то время храм стоял в лесах, которые вскоре были сняты частично, когда «храм был закончен вчерне», а окончательно — в 1859–1860 гг. Однако храм ещё будут строить и украшать в течение четверти века после посещения Шевченко. По крайней мере, в том виде, в котором его застал поэт, храм значительно проигрывал предстоящему завершённому сооружению.

Можно было бы на этом и точку поставить, но прочитал у москвоведа Льва Колодного назидание Тарасу Шевченко, который посмел «метнуть стрелу в голову нового кафедрального собора»: «Сравнивать Храм надо не с купчихой, а со строем богатырей в золочённых шлемах, или с крепостью из пяти башен».

Стоит ли столь однозначно жёстко поучать Шевченко за строки, написанные, между прочим, в дневнике? Тем более, что, скажем, современный москвовед Алексей Митрофанов вполне разделяет его точку зрения и даже назвал одну главу в своей книге о старой Москве словами Шевченко: «Купчиха в повойнике». В этой книге Митрофанова читаем: «Если не брать во внимание размеры и другие количественные характеристики храма Христа Спасите-

ля, получается, что он ничем особенным не примечателен. Более того, не слишком удачный. Большая фигура — но дура». Авторы современной книги о ста крупнейших храмах в мире М. Губарев и А. Низовский пишут: «Здание поражает своими огромными размерами, но вовсе не богатством замысла. В храме Христа Спасителя древнерусские формы, заимствованные из зданий небольшого размера, увеличены в несколько раз, что привело к их утяжелению и немасштабности всего сооружения». Не секрет, что шевченковская характеристика храма Христа Спасителя полностью созвучна и с авторитетными оценками известных дореволюционных российских знатоков.

«Пустились мы Москву созерцать»

21 марта 1858 г. Шевченко записал в дневнике:

«В 10 часов утра не пешком, а в пролётке пустились мы с Михайлом Семеновичем Москву созерцать. По дороге заехали к сыну его Николаю. Выпили по стакану чаю и потягли далее. Заехали также по дороге к Кетчеру, встретили там Бабста. Кетчер подарил мне все издания своей компании, кроме своего перевода Шекспира, — он ещё в типографии. А Бабст подарил свою речь о умножении народного капитала, издание той же компании. Выпили у Кетчера по рюмке сливянки (у Владимира Даля: «Сливянка, сливяная, наливка, вино, водка, настоянная на сливах». — В. М.) и поехали к Якушкину. Хозяина не застали дома, а милейшая хозяйка подарила нам по экземпляру портрета кн. Волконского, декабриста, и мы раскланялись…»

Итак, сначала — к Николаю Щепкину, который недалеко имел собственный дом (не сохранился) в Мещанской части на Троицкой улице (название от храма Живоначальной Троицы, известного с XVI столетия). Николай Щепкин жил здесь уже десять лет, с 1848 г.

От Николая Щепкина друзья поехали на 3-ю Мещанскую, где жил Николай Кетчер, который в московской адресной книге за 1858 г. Кетчер числился за «Медицинской конторой» (современный адрес — улица Щепкина, 44). Михаил Семенович рассказал, как пять лет назад друзья решили купить Кетчеру жилье. Создали специальный комитет, в который вошли Тимофей Грановский, доктор медицины, профессор Московского университета Павел Пикулин, его сын Николай Щепкин. Собрали деньги среди московских друзей, немалую сумму — тысячу рублей — дал Кузьма Солдатёнков, свой вклад сделал Иван Тургенев… Выбрали этот уютный домик с садом на тихой, зеленой Мещанской, и 1854 г. Кетчер с друзьями уже встречал в нем. Щепкин признался Шевченко, что и сам хотел бы жить здесь, рядом с другом.

Действительно, в 1859 г. семья Щепкина поселилась напротив Кетчера (теперь — улица Щепкина, 47, здесь находится Дом-музей М. С. Щепкина). Дом Кетчера стоял недалеко от церкви Филиппа Митрополита — самой известной в Москве в честь этого святителя. Церковь находилась на 2-й Мещанской улице. Она была сооружена в 1777–1788 гг. архитектором Матвеем Казаковим в стиле раннего классицизма. По мнению академика Игоря Грабаря, автором проекта этой церкви был сам Василий Баженов. Закрыта в 1929 г., возвращена Российской православной церкви в 1991 г. Церковь и теперь сохраняет духовную ауру в местности, которая немилосердно застроена современными сооружениями-монстрами. Церковь Филиппа Митрополита была ближайшей и для Михаила Щепкина. Именно в ней отпевали великого артиста в августе 1863 года.

Иван Бабст также жил на 3-й Мещанской улице, рядом с церковью Филиппа Митрополита и домом Николая Кетчера, вот почему Шевченко застал у него Бабста.

О Николае Христофоровиче Кетчере (1809–1886), враче по специальности и писателе Шевченко знал ещё в ссылке, прежде всего, как о переводчике Шекспира. Пьесы последнего в переводе Кетчера выходили из печати в Москве отдельными изданиями с 1841 по 1850 гг. Шевченко тогда заинтересовался ими, использовал в своей работе над иллюстрациями к «Королю Лиру» в 1843 г. В ссылке поэт просил друзей прислать ему произведения Шекспира в

переводе Кетчера. Например, 11 декабря 1847 года писал Андрею Лизогубу: «Если найдёте в Одессе Шекспира, перевод Кетчера… то пришлите…» Лизогуб оперативно выполнил просьбу поэта и сообщил ему 7 февраля 1848 года, что послал из Одессы в Орскую крепость все 13 выпусков переводов Кетчера, оправленных для удобства в две книги. К сожалению, этот драгоценный для Шевченко подарок был отобран у него во время ареста в 1850 году. Впрочем, Никита Савичев, который встречался с Шевченко в ссылке в мае 1854 года вспоминал: «…Я взял на полке одну из книг. Это были исторические драмы Шекспира в переводе Кетчера». Уже находясь в Нижнем Новгороде, поэт просил Михаила Лазаревского в письме от 20 января 1858 года: «А ты, мой друже единственный, купи мне Шекспира, перевод Кетчера…»

Такой интерес Шевченко к переводам Кетчера позволяет уверенно утверждать, что встреча с ним была для поэта приятной неожиданностью. Шевченко запомнил Кетчера таким, каким его описал Александр Герцен: высокий ростом, с волосами странно разбросанными, без всякого единства причёски, в очках, с лицом, напоминающим французского революционера Марата, с грустно-печальным выражением глаз… Встреча с Кетчером была непродолжительной, но проницательный Шевченко почувствовал, как важен он в кругу «просвещённых москвичей».

В 50-х — начале 60-х гг., когда Щепкин и Кетчер жили рядом, врач-переводчик и артист встречались часто. Кетчер, говорят, переходил улицу к другу в туфлях и халате. Александр Герцен вспоминал в «Былом и думах»: «Кетчер был домашним человеком в доме Щепкина. Он, впрочем, имел свойство делаться домашним человеком всюду, куда ни появлялся». Но именно у Щепкина Кетчер, как, впрочем, и Шевченко, находил «светлую, покойную гавань… всегда встречал его добродушный смех и дружеский приём…» Между прочим, Герцен посвятил Кетчеру немало страниц, интересный и тёплый портрет друга нарисован им в отдельном разделе, названном «Н.Х. Кетчер». Татьяна Щепкина-Куперник писала: «Кетчер жил напротив, в маленьком домишке, подаренном ему в складчину друзьями, знавшими его страсть к садоводству. Слышались там сказки «деда-сказочника» Афанасьева (жил на 2-й Мещанской улице. — *В. М.*), знаменитого собирателя русского фольклора. Или чтение Д. Мина, переводчика Данте и в то же время домашнего доктора Щепкина… Или украинские стихи Шевченко и вслед за ними такие горячие речи, что обеспокоенный будочник заглядывал через забор…» Николай Кетчер любил своих друзей, по словам Бориса Чичерина, он «под резкими формами и суровой наружностью скрывал золотое сердце, неуклонное прямодушие и беспредельную преданность своим друзьям». Особо прочная и искренняя дружба связывала Кетчера с Михаилом Щепкиным и Тимофеем Грановским, он надолго пережил их и завещал похоронить себя между могилами Щепкина и Грановского на Пятницком кладбище. Тот же Чичерин свидетельствовал: «Друзьям своим он остался верен до гроба; они составляли единственное утешение его старости». К большому сожалению, при этом он не вспоминал Щепкина, могила которого находится рядом с могилой Кетчера.

Кетчер подарил Шевченко книги издательства «К. Солдатенков и М. Щепкин», в деятельности которого принимал организационно-редакторское участие. После смерти Шевченко остались подаренные ему тогда «Сочинения Т.Н. Грановского» (М., 1856); «Стихотворения Н. Огарева» (М., 1856); «Стихотворения А. Полежаева» (М., 1858) и др. Какие имена! Как удивительно созвучен с Шевченко был этот подарок!

К сожалению, Шевченко снова не повезло с Кетчеровыми переводами Шекспира. Второе издание собраний «Драматические сочинения В. Шекспира. Перевод с английского Н. Кетчера…» ещё находилось в типографии.

Теперь об экономисте Иване Кондратьевиче Бабсте (1823–1881). В студенческие годы он жил в семье Щепкина и преподавал его сынам древние языки и с того времени поддерживал дружеские отношения с семьёй Щепкиных.

От Бабста Шевченко получил в подарок его работу «О некоторых условиях, способствующих умножению народного капитала. Речь, произнесённая 6 июня 1856 г. в торжественном

собрании императорского Казанского университета» (М., 1857). Эта речь профессора Казанского университета привлекла общественное внимание, в ней Бабст особенно выразительно показал себя пылким и убеждённым сторонником реформ. Он отстаивал ликвидацию сословных привилегий и идею просвещения широких народных масс. Большой резонанс вокруг речи учёного способствовал тому, что Бабст был избран на кафедру политической экономии Московского университета. Уже в Москве в ноябре 1857 года Бабст произнёс речь, в которой страстно и убедительно говорил о значении свободного труда в условиях свободного общества.

В академической биографии Шевченко (1984 г.) о Кетчере и Бабсте говорилось: «Это были деятели, которые сочувствовали подъёму демократического движения, искренне стремились послужить ему своей работой. Они и к Шевченко относились с сердечной доброжелательностью».

…Далее поэт и артист поехали к Евгению Якушкину, с которым Шевченко недавно познакомился.

Таким образом, на 3-й Мещанской жила целая колония интеллектуалов, в том числе настроенных оппозиционно к власти. Скажем, Кетчер и Якушкин числились в документе, составленном как раз в 1858 г. по личному указанию царя — «Список подозрительных лиц в Москве». Тайная полиция докладывала, что в доме на 3-й Мещанской у Кетчера «проходят сборища с недобрыми замыслами». Как в Воротниковском переулке, так и на 3-й Мещанской улице, полиция следила и за семьёй Щепкина, который вместе со своим сыном Николаем Михайловичем также входил в «почётный» список подозрительных москвичей из 30 лиц. О Михаиле Щепкине в нем говорилось: «Желает переворотов и на все готовый». О «временном купце, книгопродавце» Николае Щепкине было записано, что он «действует одинаково с отцом». Очевидно, что никаких переворотов отец и сын не готовили, но оценки полиции сами по себе интересны и показательны.

У Якушкина двух друзей — Шевченко и Щепкина — встретила его молодая жена Елена Густавовна (девичья фамилия — Кнорринг), верная помощница, жившая широкими гуманитарными интересами мужа. Портрет князя Сергея Волконского был одним из литографированных портретов, изданных Евгением Якушкиным. Эти портреты не продавались, они распространялись между людьми, которые пользовались доверием хозяев. Подарок вызвал у Шевченко живой интерес и как будто предвещал его скорую встречу и знакомство с самим Волконским.

Куда же дальше подались Щепкин и Шевченко? Они выехали с 3-й Мещанской на Садовую и направились… Впрочем читаем у Шевченко:

«… Мы раскланялись и поехали к Красным воротам, к Забелину. Это молодой ещё человек, самой симпатической кроткой физиономии, обитающий не в квартире, а в библиотеке. Он не совсем здоров, и я не решился просить его показать мне Оружейную палату, где он служит помощником Вельтмана».

Десять лет назад вышли в свет дневники и записные книжки Забелина, но в 1858 г. он сделал только одну запись как раз незадолго до встречи с Шевченко: «С 17 на 18 января, с пятницы на субботу заболел сильно и опасно воспалением лёгких и теперь 10 февраля ещё не схожу с постели» [Забелин 2001: 37,42,56,269]. Не совсем здоров был Забелин и во время встречи с Шевченко, что поэт увидел и отметил в дневнике. Обращает на себя внимание тактичность Шевченко: он не осмелился беспокоить Забелина, хотя надеялся вместе с ним посмотреть Оружейную палату построенную в 1849–1851 гг., когда Шевченко находился в ссылке. Впрочем, Забелин работал в Оружейной палате значительно раньше — в 1837–1852 гг.

От Забелина Щепкин и Шевченко поехали по Мясницкой на Большую Лубянку в книжный магазин Николая Щепкина, и здесь поэт расстался со своим чичероне. Скорее всего, произошло это потому, что Тарас Григорьевич решил вечером зайти к Максимовичам, а у

Щепкина были свои планы. Напомню запись Шевченко в дневнике 21 марта: «Вечер провёл у своей милой землячки М.В. Максимович».

Рассказав об этом в дневнике, Шевченко сразу написал такие слова:

«Грешно роптать мне на судьбу, что она затормозила мой поезд в Питер. В продолжение недели я здесь встретился и познакомился с такими людьми, с какими в продолжение многих лет не удалось бы встретиться. Итак, нет худа без добра».

Важное признание Шевченко!

«Я встретился и познакомился с ними»

На Пасху — 23 марта 1858 года — Шевченко проснулся в девять утра. «Христос воскрес!» — так начиналась запись в дневнике. А дальше — иронические строки:

«В семействе Михайла Семеновича торжественного обряда и урочного часа для разговен не установлено. Кому когда угодно. Республика. Хуже, анархия! Ещё хуже, кощунство! Отвергнуть веками освящённый обычай обжираться и опиваться с восходом солнца. Это просто поругание святыни!»

Действительно, семья Щепкиных жила по обычному распорядку дня. Михаил Семенович, как свидетельствовал Александр Афанасьев, говорил: «По-моему, вся религия состоит в этих правилах: люби Бога, люби ближнего и никому не делай зла! А все прочие обряды, посты — установление случайное».

На следующий день начиналась светлая пасхальная седмица, и Шевченко ещё целых два дня провёл в Москве. Щепкин сделал так, что они были полностью наполнены встречами и знакомствами.

24 марта после второго посещения Сергея Аксакова и его «симпатического семейства» Шевченко и Щепкин заехали ненадолго к Варваре Репниной, а от нее — к актёру Сергею Шумскому, ученику Михаила Щепкина.

Сергей Шумский, который жил на Большой Дмитровке в доме генерал-майорши Ольги Бартоломеус (№ 26), принял гостей радушно, пригласил к столу: «Вкусили священной пасхи с вестфальською колбасой и поехали к Станкевичам. Не застали дома».

О дальнейшем развитии событий читаем у Шевченко:

«Отправились в книжный магазин Н.М. Щепкина и ком., где и остались обедать. Обед был званый. Николай Михайлович праздновал новоселье своего магазина и по этому случаю задал пир московской учено-литературной знаменитости. И что это за очаровательная знаменитость! Молодая, живая, увлекающаяся, свободная! Здесь я встретил Бабста, Чичерина, Кетчера, Мина, Кронеберга-сына, Афанасьева, Станкевича, Корша, Крузе и многих других. Я встретился и познакомился с ними, как с давно знакомыми родными людьми. И за всю эту полную радость обязан я моему знаменитому другу М.С. Щепкину».

Искренняя радость Шевченко от встречи с молодыми и блестящими интеллектуалами в самом деле была настолько полной, что даже сейчас энергетически передаётся заинтересованному читателю его дневника. Все они были полны сил, энергии, упорства; мыслили и говорили, тем более в своем кругу, раскованно, глубоко, критически, интересно; пульсировали творческими идеями и планами на будущее. О них можно сказать словами Герцена: «Такого круга людей талантливых, развитых, многосторонних и чистых я не встречал потом нигде, ни на высших вершинах политического мира, ни на последних маковках литературного и аристократического».

Поражает сам перечень профессий и увлечений, творческих сфер и занятий, в которых эти люди были настоящими специалистами и достигли значительных высот: поэзия и литература, журналистика и публицистика, переводческое дело и правоведение, медицина, экономика, история, философия, фольклористика, зоология. Блестящий ряд энергичных деятелей, которые сочувствовали подъёму демократического движения в России и искренне стремились

прислужиться ему своей работой. Такой энергетический сгусток интеллектуальных сил и возможностей Шевченко воспринял с радостью и восторгом, он впитывал в себя творческую атмосферу, о которой в ссылке только мечтал, наслаждался общением с людьми, которыми был очарован. Шевченко искренне назвал их молодыми, живыми, свободными, страстными. Поэт ощущал себя, как рыба в воде, в этом изысканном кругу людей, которые показались ему близкими духом, и даже знакомыми, более того, родными.

Шевченко сам свидетельствовал, что, кроме названных в дневнике участников «званого обеда», в книжном магазине Николая Щепкина, он встретил ещё «многих других» интеллектуалов.

Скажем, там могли также быть активные авторы журнала «Библиографические записки», контора и редакция которого находились в том же доме — профессор Московского университета Сергей Соловьев, историк литературы Михаил Лонгинов, двадцатишестилетний профессор Московского университета, историк литературы Николай Тихонравов, который через три года — в апреле 1861 года — принял участие в панихиде над прахом Шевченко в Москве. В пользу этой версии говорит и то, что Николай Щепкин был одним из издателей «Библиографический записок», а второй издатель — историк, фольклорист, литературовед Александр Афанасьев, которого Шевченко уже знал, назван им в дневнике.

Возможно, в «званом обеде» также приняли участие владельцы московских книжных магазинов. В марте в Москве, кроме магазина Щепкина, работало ещё шесть крупных книжных магазинов: Университетский (при Университетской типографии, начальником которой был Александр Назимов), а также — Базунова, Полевого, Улитина, Салаева и Готье. Леонид Большаков в свое время высказал предположение, что там мог быть участник московских кружков, доктор медицины и профессор Московского университета, корреспондент и знакомый Герцена Павел Пикулин. Он был другом Николая Кетчера и Николая Щепкина, поэтому его присутствие в магазине было вполне мотивированным.

Наконец, скажу о том, что в этот день благодарный Тарас Григорьевич подарил Николаю Щепкину свой автопортрет (1858) с дарственной надписью «Николаю Михайловичу Щепкину на память 24 марта 1858 года. Тарас Шевченко».

24 марта 1858 года Шевченко сделал ещё одну запись в дневнике:

«В 8 часов вечера отправились к купцу Варенцову, музыканту и любителю искусств. Тут встретился я с некоторыми московскими художниками и музыкантами и, послушавши Моцарта, Бетговена и других великих представителей слышимой гармонии, в 11 часов удалился восвояси, дивяся бывшему».

Эти два слова — «дивяся бывшему» — свидетельствуют о том, что вечер у Варенцова поэту понравился. Однако, запись в дневнике никак нельзя трактовать как свидетельство того, что Шевченко проводил время в Москве, «посещая концерты популярных московских музыкантов и актёров» (П. Федченко). В самом деле, день 24 марта был насыщен, в особенности запомнилась встреча с Аксаковым и «званый обед» в книжном магазине. Да и прослушивание произведений Бетховена и Моцарта, было для поэта неожиданным и радостным, но лишь единичным случаем.

В «Комментариях» к 5-му тому Полного собрания сочинений Шевченко указано, что Николай Варенцов — московский купец и меценат — жил в доме Четверикова в Басманной части города. Конечно, мне хотелось уточнить этот адрес. Поиски домовладельца Четверикова не прояснили ситуацию, ибо в Басманной части было два Четверикова — Дмитрий и Иван, которые владели домами в Вознесенском, Денисовском, Сусальниковом и Сыромятниковском переулках. Но, в конце концов, удалось найти нужный и точный адрес именно того времени, когда у купца был Шевченко: «Варенцовы Николай и Сергей Мих., Поч. Гражд., на Новой Басманной, соб. д.». Итак, почётные граждане, братья Варенцовы имели собственный дом на Новой Басманной улице.

«Справочная книга о лицах, получивших на 1872 год купеческие свидетельства по 1 и 2 гильдиям в Москве» содержит сведения о том, что ко времени знакомства с Шевченко Николаю Варенцову было около сорока лет, он происходил из старинного купеческого рода, с 1869 г. был купцом 1-й гильдии и выборным от московского купечества, занимался торговлей шерстяной пряжей, контора находилась в Козмодемянском переулке на Покровке. Братья в начале 70-х гг. жили там же на Новой Басманной улице, но теперь уже в разных домах. Очевидно, в 1858 г. Николай Варенцов ещё не отпускал от себя Сергея Варенцова, который был на шестнадцать лет моложе.

Фамилии московских художников и музыкантов, которых встретил Шевченко у Варенцова, не установлены.

«Семейство Аксаковых сочувствует Малороссии»

О творчестве и тяжёлой судьбе Шевченко в семье Аксакова знали задолго до личного знакомства с поэтом от их друзей Михаила Щепкина, Михаила Максимовича, Осипа Бодянского. Однако прямые отклики Аксаковых на арест и ссылку поэта неизвестны: зная, что письма перлюстрируются, они не отваживались вспоминать в них его имя. Даже в 1856 г., после смерти Николая I, дочь Сергея Аксакова Вера, посылая список стихотворения, написанного Шевченко в Кос-Арале, не называла имени поэта, но писала в восторженном тоне: «Он бедный изгнанник. Он истинный поэт, мы недавно читали большое стихотворение, вроде поэмы, исполненное поэтических красот. Он и рисует прекрасно».

Со своей стороны, Шевченко ещё в ссылке высоко оценил творчество Сергея Аксакова, это видно из его записи в дневнике от 13 августа 1857 года: «Первая книжка „Русского вестника“ за 1856 год попалась мне в руки. Оглавление мне понравилось. Там были выставлены имена Гоголя, Соловьева, Аксакова — имена хорошо известные в нашей литературе».

Непосредственные отношения, сначала заочные, между писателями завязываются в декабре 1857 года, когда Сергей Аксаков послал Шевченко через Щепкина свою «Семейную хронику» с дарственным автографом. Это произведение, как и книга «Детские годы Багрова-внука» с автографом Аксакова, остались в личной библиотеке Шевченко. Судя по всему, Щепкин рассказал поэту много хорошего о близкой ему семье Аксакова, которой был благодарен. В воспоминаниях артистки Малого театра А. Шуберт о Щепкине зафиксировано важное признание артиста: «Своим развитием, по его словам, он обязан дому Аксаковых». Очевидно, Щепкин говорил и о писательском чутье известного писателя и его добром сердце, ибо Шевченко ещё до личного знакомства просит Аксакова дать критическую оценку своей новой русскоязычной повести «Прогулка с удовольствием и не без морали» и устроить ее публикацию.

Шевченко писал Аксакову 4 января 1858 года:

«Чтимый и многоуважаемый Сергей Тимофеевич!

Не нахожу слов сказать вам мою благодарность за ваш милый подарок, за ваше искреннее сердечное ко мне внимание. Я давно уже и несколько раз прочитал ваше изящнейшее произведение, но теперь я читаю его снова и читаю с таким высоким наслаждением, как самый нежный любовник читает письмо своей боготворимой милой. Благодарю вас, много и премного раз благодарю вас за это высокое сердечное наслаждение…

Послал я вам… свою „Прогулку с удовольствием и не без морали“. Вооружитесь терпением, прочтите ее, и если найдёте сию „Прогулку“ годною предать тиснению, то предайте, где найдёте приличным. Вторая часть „Прогулки“ будет прислана вам, как только покажется в печати первая».

К сожалению, первое письмо Аксакова к Шевченко в Нижний Новгород не сохранилось, однако представление о нем можно получить со слов поэта. Скажем, в дневнике 13 января он записал, что получил от Аксакова «самое любезное, самое сердечное письмо». Щеп-

кину сообщил в середине января: «… Я получил не письмо, а просто панегирик от Сергея Тимофеевича. Если бы я хоть немножко глупее был, то я угорел бы от его панегирика, а то, слава Богу выдержал. Поцелуй его, доброго, благородного, трижды за меня». А ниже в том же письме снова: «Поцелуй ещё раз Сергея Тимофеевича…» О заочном доверие Тараса Шевченко к Сергею Аксакову полнокровно свидетельствует его письмо из Нижнего Новгорода от 16 февраля 1858 года:

«Чтимый и многоуважаемый
Сергей Тимофеевич!

Ради всех святых простите мне моё грешное, но не умышленное молчание. Вы так сердечно дружески приняли мою далеко не мастерскую „Прогулку“, так сердечно, что я, прочитавши ваше дорогое мне письмо, в тот же день и час принялся за вторую и последнюю часть моей „Прогулки“. И только сегодня кончил. А как кончил? Не знаю. Судите вы меня, и судите искренно и милостиво. Я дебютирую этой вещью в великорусском слове (речь шла о том, что Шевченко хотел начать публикацию своих русскоязычных прозаических произведений, над которыми работал в ссылке. — В. М.). Но это не извинение. Дебютант должен быть проникнут своей ролью, а иначе он шарлатан. Я не шарлатан, я ученик, жаждущий дружеского, искреннего суда и совета…

Ещё раз прошу вас, мой чтимый, мой искренний друже! Простите мне моё невольное прегрешение. Не поставьте в вину мне моё долго молчание. Я хотя и представил вам причину моего тупого безмолвия, но никакая причина не извиняет невежливости. Еще раз простите и любите сердечно, глубоко полюбившего вас

Т. Шевченка».

На этом фоне состоялась 22 марта 1858 года первая встреча Шевченко с Аксаковым. Заглянем в дневник поэта, в котором передана его искренняя радость от нее:

«Радостнейший из радостных дней. Сегодня я видел человека, которого не надеялся увидеть в теперешнее моё пребывание в Москве. Человек этот — Сергей Тимофеевич Аксаков. Какая прекрасная, благородная старческая наружность! Он не здоров и никого не принимает. Поехали мы с Михайлом Семеновичем сегодня поклониться его семейству. Он узнал о нашем присутствии в своем доме и, вопреки заповеди доктора, просил нас к себе. Свидание наше длилось несколько минут. Но эти несколько минут сделали меня счастливым на целый день и навсегда останутся в кругу моих самых светлых воспоминаний».

Шевченко прекрасно понимал значение Сергея Аксакова для русской литературы, высоко ценил его в ряду выдающихся имён. Как раз в 1858 г. в Москве вышла в свет автобиографическая книга Сергея Аксакова «Детские годы Багрова-внука», в которой автор поднялся на художественный уровень, установленный его великим современником Львом Толстым в автобиографической трилогии «Детство», «Отрочество», «Юность» (1852–1857). Прослушав в начале 1857 года «Детские годы Багрова-внука» в прочтении автора, Толстой записал в дневнике: «Чтение у С.Т. Аксакова. „Детство“ прелестно!» В этом году Аксаков писал: «С Толстым мы видаемся часто и очень дружески. Я полюбил его от души; кажется, и он нас любит». Когда в 1860 г. Шевченко взялся за написание автобиографии, он однозначно высказался в пользу такого изложения фактов в ней: «Я бы желал изложить их в такой полноте, в какой покойный С.Т. Аксаков представил свои детские и юношеские годы, — тем более, что история моей жизни составляет часть истории моей родины».

24 марта Шевченко снова обратился в дневнике, к встрече с Аксаковым: «Ещё раз виделся с Сергеем Тимофеевичем Аксаковым и с его симпатическим семейством и ещё раз счастлив. Очаровательный старец! Он приглашает меня к себе в деревню на лето, и я, кажется, не устою против такого искушения. Разве попечительная полиция воспрепятствует».

На этот раз Сергей Тимофеевич чувствовал себя немного лучше, он сидел в кресле, одетый по-домашнему в подобие зипуна, и это придавало ему трогательную доступность и простоту. Измученный болезнью, старый писатель смотрел на поэта доброжелательно и ласково, и Тарас Григорьевич почувствовал, как его обволокло тёплой волной выстраданного добра и особой покорности судьбе. На глаза навернулись слезы, молнией мелькнула горькая и мучительная мысль, что видит благородного старца в последний раз…

У Шевченко сложились доброжелательные отношения с сыновьями Сергея Тимофеевича — Константином и Иваном. Он познакомился также и с дочерьми Сергея Аксакова — Верой и Надеждой. О последней записал в дневнике: «…С наслаждением слушал мои родные песни, петые Надеждой Сергеевной». В семье Аксаковых Шевченко чувствовал себя раскованно, сам пел украинские и русские песни, в частности, волжскую бурлацкую песню, услышанную, наверное, во время путешествия по Волге, что очень понравилось присутствующим. У Аксаковых была именно та атмосфера, о которой рассказывал в своих воспоминаниях Александр Афанасьев-Чужбинский: «… Любил он простоту семейного быта, и где принимали его не пышно, но искренне, он там бывал необыкновенно разговорчив, любил рассказывать смешные происшествия…» Сам Шевченко так объяснил в дневнике 25 марта комфортность своей души в этом доме: «Все семейство Аксаковых непритворно сердечно сочувствует Малороссии и её песням и вообще её поэзии».

Это было точное наблюдение поэта. В семье Аксаковых господствовало сердечное отношение к Малороссии. 26 марта 1858 года, то есть на следующий день после посещения Шевченко семьи Аксаковых, Вера Сергеевна писала в письме к своей приятельнице Марии Карташевской: «Шевченко на всех — и на отесеньку (Сергея Аксакова. — В.М.) и братьев, произвёл приятное впечатление; он умён и прост… Стихи его всегда чисты и нравственны. Он стихов не читал, но пел немного малороссийские песни, и Наденька, хотя не вдруг, но решилась спеть ему некоторые; что для него значат песни, вообще малороссийская поэзия, нечего и говорить…С Шевченком можно было бы о многом разговориться, и он начинал было рассказывать, но некогда было». Через четверть столетия Иван Аксаков вспоминал о Шевченко: «Мы имели возможность узнать его довольно близко… Мы можем свидетельствовать, что ни малейшего озлобления на нас, „москалей“, Тарас Шевченко в то время не питал, восхищался, как и все мы, и притом как своими родными, мастерскими созданиями русского литературного языка…»

Накануне отъезда из Москвы поэт не мог не посетить Сергея Аксакова. Однако, встретился только с его семьёй. «… Я заехал к Сергею Тимофеевичу Аксакову с намерением проститься. Он спал, и я не имел счастия облобызать его седую прекрасную голову».

Для нас очень важно, где именно жил в то время Аксаков, который часто менял адреса. Есть несколько возможностей выяснить это. Используем сначала простейшую — возьмём информацию из письма Михаила Щепкина к Тарасу Шевченко от 6 февраля 1858 года: «Адрес Аксакова: на Тверском бульваре в доме Юсуповой близ дома оберполицмейстера». Сам Аксаков писал в декабре 1857 года Тургеневу: «Я живу на Тверском бульваре в доме княгини Юсуповой». Этого было достаточно, чтобы во времена Шевченко надёжно прислать любую корреспонденцию Аксакову. Но нам хотелось бы точнее представить, где находился дом, в который (трижды!) приезжал Шевченко. Поэтому берём «Алфавитный указатель к плану Тверской части» и в разделе «Казённые, общественные и владельческие дома» узнаем, что дом княгини Юсуповой находился «на проезде Тверского бульвара». На плане Тверской части он числился под № 191. А под № 190 находим: «Обер-полицмейстера, казённый дом, на проезде Тверского бульвара». То есть Аксаков жил на Тверском бульваре (позже — дом № 24), ближе к Страстной площади, но это было недалеко и от Арбатской площади, тем более — от арбатского ареала. От этого дома, который был построен после пожара Москвы в 1812 г., ныне остался северный флигель, который охраняется государством как памятник архитектуры.

«Строгий полицейский надзор учреждён»

Исправляющий должность московского обер-полицмейстера князь, флигель-адъютант, полковник лейб-гвардии Кирасирского его Величества полка Алексей Иванович Кропоткин уже собирался на обед, когда сообщили, что в кассе Николаевского вокзала взял билет на поезд в Петербург поднадзорный Тарас Шевченко. В предвкушении хоть и недолгого, но с обязательной рюмкой водки застолья, не обременённого закончившимся Постом, князь не сразу воспринял остроту сложившейся ситуации. «Пусть уезжает, и без него дел хватает» — в ленивую рифму подумал Кропоткин. И вдруг его пронзило: «Предписывали следить за этим известным малороссом! Глаз не спускать! И все это — по высочайшему повелению! Но ведь его подчинённые ни разу толком не докладывали, что делал рядовой Шевченко в Москве… Бездельники и лоботрясы!»

Обер-полицмейстер Алексей Кропоткин отлично знал о предписаниях и приказах, которые сопровождали возвращение поэта и художника Шевченко из десятилетней ссылки, о деле по секретной части, заведённом на него в сентябре 1857 года в канцелярии московского военного генерал-губернатора Арсения Закревского…

Сие дело — «Рядового Оренбургского батальона Шевченко» — было найдено мною через полтораста лет в архиве [ЦИАМ ф. 16, оп. 47, д. 130] и воскресило эту московскую страницу биографии Тараса Григорьевича. В частности, в нём хранится сообщение из управления санкт-петербургского военного генерал-губернатора, отправленное 28 сентября 1857 года московскому военному генерал-губернатору Закревскому:

«Милостивый государь
Граф Арсений Андреевич!

По высочайшему повелению, объявленному Военным министром Оренбургскому и Самарскому Генерал-Губернатору от 1го мая сего года, рядовой Оренбургского линейного № 1 батальона Шевченко (бывший художник Императорской Академии художеств, отданный в службу за политическое преступление), во внимание к ходатайству Президента Академии художеств Её Императорского Высочества Великой княгини Марии Николаевны уволен от службы с учреждением за ним надзора там, где он будет жить, и с воспрещением въезда в обе столицы.

По неосновательному распоряжению коменданта Ново-Петровского укрепления, где состоял на службе Шевченко до увольнения в отставку, выдан сему рядовому билет, в котором не обозначено воспрещения жительства в столицах, вследствие чего Шевченко и отправился в С.-Петербург…

Сделав распоряжение по вверенному мне управлению к удовлетворению изъяснённого требования, я долгом считаю сообщить об оном Вашему Сиятельству на случай прибытия рядового Шевченко в Москву или Московскую губернию».

С осени 1857 года в Москве знали, как встречать всероссийского поднадзорного Шевченко. Правда, к весне 1858 года ситуация существенно изменилась, и поэт на законных основаниях прибыл в марте в Москву, а затем выехал из неё в Петербург. Однако надзор за ним отнюдь не отменялся, наоборот, присутствие Шевченко в Москве требовало повышенного внимания со стороны полиции.

Не случайно возвращение Шевченко в Петербург сопровождалось грозными напутствиями: Начальник III отдел В. Долгоруков 13 февраля 1858 года информировал министра внутренних дел С. Ланского:

«Ныне по всеподданейшему докладу моему ходатайства её императорского высочества президента Академии художеств государь-император изволили всемилостивейше разрешить

отставному рядовому Шевченко проживать в С.-Петербурге… однако, чтобы он подвергнут был здесь строгому полицейскому надзору…»

В феврале, как известно, Шевченко находился в Нижнем Новгороде, и начальник Нижегородской губернии генерал Муравьев очень хорошо понимал, что нужно сделать ему с отъездом опального поэта из города. В найденном мною деле хранится его сообщение московскому военному генерал-губернатору:

«Художник Тарас Шевченко отдан был в 1848 году, по Высочайшему повелению, в военную службу с назначением рядовым в Отдельный Оренбургский корпус.

В мае прошедшего года Всемилостивейше разрешено уволить его от службы, с учреждением за ним в месте его жительства надзора и с возвращением ему права въезда в столицы, а в сентябре 1857 года Шевченко прибыл в Нижний Новгород и остался здесь под надзором полиции до марта месяца…

В марте месяце (9 числа) Шевченко выехал из Нижнего Новгорода в С. Петербург, но, по частным сообщениям известно, доехав до Москвы, остановился в оной по случаю постигшей его болезни».

В самом деле, Кропотнику докладывали, что видели бородатого Шевченко с красным глазом и прыщеватым лбом, разгуливавшего вместе с артистом Щепкиным по Москве. Более того, несколько дней назад их обоих видели рядом с домом обер-полицмейстера — захаживали к Аксакову. Но сие не прописано на бумаге, а кто же станет оценивать работу на слух. Получается, что поднадзорный Шевченко уезжает из Москвы, а полковник Кропоткин даже не доложил о его… приезде в письменном виде! Совсем недавно вступил в исправление должности и фактически проигнорировал указание свыше! Подобное добром не кончается, так и генеральское звание может отодвинуться вдаль… Князь раздражённо чертыхнулся и велел вызвать к себе правителя канцелярии коллежского асессора Степана Орловского, который, кстати, жил в доме обер-полицмейстера и, кажется, лично видел Шевченко. Неизвестно, что Кропоткин говорил ему, но попалась мне в архиве на глаза бумага, которую он тогда подписал:

«Господину Московскому Военному Генерал Губернатору
Исправляющего должность
Московского Обер Полицмейстера

Рапорт

Означенный в предписаниях Вашего Сиятельства к бывшему Г-ну Обер-Полицмейстеру и ко мне, от 26 сентября прошлого года и 5 сего марта за №№ 1066 и 219, отставной рядовой Тарас Шевченко прибыл из Нижнегородской губернии проездом в СПетербург и остановился Сретенской части 1 квартала в доме Щепотьева.

О чем имею честь донести Вашему сиятельству, присовокупляя, что за Шевченко до выезда его отселе в СПетербург, строгий полицейский надзор учреждён.

Флигель-адъютант, полковник, князь Кропоткин.

№ 332.

„26“ марта 1858 года.»

Кропоткин внимательно перечитал составленную бумагу, остался доволен её должностной подобострастностью и деловой сжатостью, одобрительно отметил, что обращение к военному генерал-губернатору написано сплошь из больших начальных букв, выведенных особенно красиво и витиевато, как впрочем, и название его — Кропоткина — должности. Самостоятельно вписывая свои регалии и старательно подписываясь, он опять ощутил внутреннее беспокойство и снова уставился в рапорт. Затем резко и решительно подчеркнул в конце четвёртой строки: отставной рядо-»; перенос этого слова, три буквы — «вой» он уже не стал

трогать, ибо перо потянулось к истинному источнику полковничьего раздражения — фамилии поднадзорного. Когда Кропоткин рассерженно подчёркивал два слова — «Тарас Шевченко» — его рука дрогнула, и документ это навсегда зафиксировал…

Что и говорить, откровенно лживый рапорт о Шевченко подписал исправляющий должность московского обер-полицмейстера. Но его можно понять: не желал полковник Алексей Кропоткин терять свою злачную должность. Никак не желал! И, можно сказать, согрешил вынужденно. К тому же был уверен, что военный генерал-губернатор Арсений Закревский не станет вникать в это дело, тем более дотошно проверять. Иначе полковник не посмел бы докладывать о прибытии в Москву поднадзорного Шевченко в день его… отъезда.

Вообще в то время полицейское наблюдение было поставлено неважно. Постоянные агенты, слонявшиеся по рынкам и трактирам, очень редко проникали в дома «приличного общества», в котором и вращался все дни пребывания в Москве Шевченко. Шпионы-добровольцы приносили, как правило, ложные доносы, которые зачастую являлись результатом сведения мелких счетов. Окружение Шевченко в Москве таких особей не содержало. Что касается постоянного наблюдения, то оно, по словам исследователя российского сыска Петра Кошеля, «по-видимому, производилось сравнительно редко и чаще всего работало вхолостую».

Впрочем, обер-полицмейстер был озабочен абсолютно другим: ему предстояло доложить ещё об «отбытии» поднадзорного Шевченко из Москвы. Кропоткин и с этим справился блестяще. Выручила, говоря словами мудрого философа Семёна Франка, «полицейская мудрость». Выждав несколько дней, он обратился к Закревскому снова:

«Господину Московскому Военному Генерал Губернатору
Исправляющего должность
Московского Обер Полицмейстера

Рапорт

В дополнение к рапорту моему от 26 минувшего марта за № 332 имею честь донести, что отставной рядовой Шевченко 4 сего апреля выехал из Москвы в СПетербург.

Флигель-адъютант, полковник, князь Кропоткин.

№ 368.

„9“ апреля 1858 года».

Как видим, в этот раз московский обер-полицмейстер не спешил докладывать явную неправду, всё равно Шевченко давно был в Петербурге. Между тем, в канцелярии московского военного генерал-губернатора об этом не знали и, получив рапорт Кропоткина, 12 апреля наложили на нём резолюцию: «Уведомить С. Петербургского Военного генерал-губернатора». Тот, может быть, удивился столь позднему сообщению об опальном поэте, давно жившем уже в Петербурге.

Впрочем, обязан доложить читателю, что в московской полиции не раз и раньше случались подобные неточности. Скажем, с Пушкиным. Он прибыл в Москву 5 декабря 1830 года, а полицмейстер Миллер докладывал исправляющему должность московского обер-полицмейстера полковнику Сергею Муханову, что «9 числа сего декабря». Пушкин уехал из Москвы в Петербург 15 мая 1830 года, а московский обер-полицмейстер информировал об этом своего петербургского коллегу… 29 июня.

«За полную радость обязан я Щепкину»

Лев Жемчужников как-то написал о судьбе Шевченко: «У кого в жизни можно пересчитать дни горя, у него счастливые дни». На мой взгляд, не будет преувеличением сказать, что мартовские дни 1858 года в Москве были для Шевченко счастливыми. Они стали яркой кон-

центрированной антитезой к тем сотням и тысячам горьких дней, которые поэт провел в ссылке.

В Москве кипела жизнь! И Шевченко, хотя и ненадолго, сполна погрузился в нее, со щемящей радостью ощутил, что поэтическая слава его, несмотря на долгие годы отсутствия в Первопрестольной, росла. Именно в Москве Шевченко с особой силой и на высоком уровне «учёных и литературных знаменитостей» понял то, о чем журнал «Основа» писал относительно всей дороги поэта из ссылки в Петербург: «Возвращение Шевченка, после 10-летней разлуки, приветствовала вся Украина и не-Украина истинным восторгом: на всём пути, от Астрахани до Петербурга, его встречали, как друга, все, без различия национальностей, знавшие его по сочинениям, или по слухам; все старались дать ему почувствовать, что разлука и 10-летнее молчание его ничуть не изменили ни уважения к нему, как человеку, ни любви и сочувствия, как к народному певцу».

Никогда раньше и никогда позже, так сказать, духовный и культурный досуг и представительские визиты Шевченко не были столь упорядочены и управляемы, столь продуманы и протежированы извне, как в период его пребывания у Михаила Щепкина.

«Михайло Семёнович ухаживает за мною, как за капризным больным ребёнком. Добрейшее создание!» — эта запись в дневнике 15 марта, сделанная во время болезни поэта, предвосхищала все дальнейшие заботы Щепкина о Шевченко в течение всего гостевания в Москве.

Прежде всего, сопровождая Шевченко в прогулках по городу и во время различных совместных визитов, Щепкин проявил буквально чудеса дружеской самоотверженности. Не сомневаюсь, что читатель уже сам обратил на это внимание. Но всё же телеграфно повторю, что добрый и участливый Щепкин успел сделать для Шевченко.

Как только поэт относительно выздоровел, артист 18 марта сам повёз его в город, сначала к Максимовичу, затем — к Мокрицкому и в книжный магазин своего сына. 19 марта Щепкин провёл на ногах весь день, вместе с Шевченко, они, говоря словами поэта, «несмотря на воду и грязь под ногами, обходили по крайней мере четверть Москвы». И это в семьдесят лет! Тем более, что здоровье у Щепкина было далеко не могучее. Не случайно на следующий день Михайло Семёнович «ставил себе банки». Но уже вечером он отправился с поэтом к Станкевичам! 21 марта Щепкин полдня возил Шевченко по знакомым, а 22 марта направился с поэтом к Аксакову. Сделав перерыв на один день по случаю Пасхи, 24 марта Щепкин сопровождает Шевченко в поездке к Аксаковым, Репниной, Шумскому, участвует с ним в «званом обеде» в книжном магазине, вечером самолично везёт поэта к купцу Варенцову. 25 марта Щепкин снова находится рядом с Шевченко на обеде, который устроил в честь поэта Максимович. А ведь утром следующего дня артист отправился на гастроли в Ярославль! Такой напряжённый график в течении недели нелегко выдержать даже молодому и здоровому «чичероне» (Шевченко), а Щепкин, повторимся, не был ни молод, ни здоров. Но ради друга…

Никто, кроме Щепкина, пожалуй, не мог создать столь благоприятные условия для встреч Шевченко со старыми знакомыми, тем более, организовать и обеспечить такое количество новых интересных знакомств. Только щепкинские связи имели фактически системный характер и ввобрали в себя лучших представителей элиты русского общества.

Достаточно сказать, что в московском дневнике Шевченко названы свыше 30 фамилий. Из них 8 — это давние знакомые Тараса Григорьевича, с которыми он встретился в Москве, в том числе Бодянский, Максимович, Мокрицкий, Репнина, Щепкин…Кроме того, Шевченко назвал в дневнике почти 30 фамилий людей, с которыми он впервые познакомился в Москве, среди них Аксаковы, Афанасьев, Бабст, Волконский, Забелин, Кетчер, Корш, Крузе, Мария Максимович, Мин, Станкевич, Хомяков, Погодин, Чичерин, Шумский…А ещё остались неупомянутыми Бартенев, Галаган, Елагина, с которыми Шевченко точно встречался вместе со Щепкиным. Не забудем также, что, например, 12 марта Шевченко записал в дневнике о вечере у Щепкина, когда он «встретил несколько человек гостей, и между ними Кетчера, Бабста и

Афанасьева, с которыми тут и познакомил меня хозяин». Названы только три человека, но были и другие новые знакомые, хотя, судя по всему, менее важные и значимые для Шевченко. Или ещё. 24 марта перечислив в дневнике тех, кого встретил в книжном магазине Николая Щепкина на «званом обеде», поэт добавил многозначительно: «и многих других». В тот же день на вечере у купца Варенцова Тарас Григорьевич, по его словам, встретился «с некоторыми московскими художниками и музыкантами».

И все эти встречи и знакомства, без преувеличения, со сливками московского общества, с «московской учёно-литературной знаменитостью», произошли в течении двух недель, одну из которых Шевченко не выходил из дома, но, благодаря Щепкину, не порывал связи с внешним миром. Поразительно! Впечатляюще!

Благодарный поэт записал 21 марта: «В продолжение недели я здесь встретился и познакомился с такими людьми, с какими в продолжение многих лет не удалось бы встретиться». А ещё через три дня Шевченко сделал в дневнике искреннее признание по поводу новых знакомств: «И за всю эту полную радость обязан я моему знаменитому другу М.С. Щепкину». Это всё равно, что признаться в организации счастья…

Встречи и знакомства в Москве были, безусловно, важными и знаковыми для духовного космоса поэта, который после ссылки возвращался к полноценной жизни, с наслаждением вдыхал интеллектуальный воздух. Он очаровал многих новых знакомых и не случайно в дневнике поэта 6 мая 1858 года записано, уже в Петербурге, что его землячка, возвратившаяся из Москвы, «привезла мне три короба поклонов от моих московских друзей». Наверное, случалось, что за внешней гостеприимностью и светской вежливостью поэт интуитивно угадывал человеческую неискренность и аристократическую заносчивость. Бесспорно, что не все люди, с которыми Шевченко общался в Москве, разделяли его взгляды, и Тарас Григорьевич хорошо видел и знал, что не со всеми ему по дороге. Поэт обогнал время, однозначно заявив, что у россиян «народ и слово, и у нас народ и слово».

Для Шевченко было жизненно важно убедиться, что после десятилетия оторванности от цивилизации он стоял на уровне образованности московских интеллектуалов, а его культурные интересы, духовные запросы и, главное, творческий задел и мощный потенциал украинского поэта поразили москвичей. Среди них он встретил новых и настоящих друзей:

«В Москве более всего радовало меня то, что я встретил в просвещённых москвичах самое тёплое радушие лично ко мне и непритворное сочувствие к моей поэзии. Особенно в семействе С.Т. Аксакова».

Это были последние слова в дневнике, которые касались счастливого московского марта. Лучше не скажешь!

Имена для памяти

Известие о смерти Шевченко быстро достигло Москвы с помощью телеграфа. Уже 28 февраля 1861 года оно появилось в «Московских ведомостях» на первой странице в жалобном обрамлении. 1 марта «Московский курьер» сообщал:

«О.М. Бодянский сообщил нам полученное из Петербурга, 26 февраля, телеграфное известие о кончине Т.Г. Шевченка, последовавшей в воскресенье утром. Погребенье… назначено на вторник.

В лице Т.Г. Шевченка малороссийская литература лишилась одного из своих даровитейших поэтов, произведения которого известны и большинству нашей публики по переводам, появлявшимся в разных русских журналах».

На следующий день, 2 марта, газета «Русская речь» писала:

«26 февраля, в 6 часов утра, скончался в Петербурге известный литератор Тарас Григорьевич Шевченко. И талантом своим, и характером, остававшимся неизменно благородным

во всех обстоятельствах жизни, покойный снискал себе всеобщее уважение. Потеря его отзовётся глубоко во всех, кто имел возможность наслаждаться его произведениями».

27 апреля гроб с прахом Шевченко в сопровождении Григория Честаховского и Александра Лазаревского прибыл на Николаевский вокзал в Москве. Все, что происходило дальше, начиная с первого биографа поэта Михаила Чалого, вмещалось в нескольких фразах. У того же Чалого: «После торжественной встречи гроба Шевченко в Москве, поезд достиг Орла». Правда, со временем информация стала чуть богаче и равнялась приблизительно строкам из «Шевченковского словаря», изданного в 1977 г.: «Через Москву весной 1861 гроб с телом Шевченко везли из Петербурга на Украину. 27.IV его привезли в Москву и установили в церкви Тихона-чудотворца возле Арбатских ворот. С поэтом прощалось много москвичей». В научных трудах информация также была скудной.

Десять лет назад я обратился за помощью в Центральный исторический архив Москвы и получил ответ: «На Ваш запрос сообщаем, что сведений об установлении гроба с телом Тараса Шевченко в церкви Тихоновской у Арбатских ворот в 1861 году, перевозимого из Петербурга через Москву на Украину, не обнаружено».

Но через два года у меня в руках было важнейшее свидетельство, оставленное Григорием Честаховским. Оно было найдено украинским шевченковедом Сергеем Гальченко среди документов, которые в конце 2006 года вернулись в Украину из Украинской Вольной Академии Наук в США.

Вот это свидетельство:

«Вчера вечером в 6-ть часов подняли мы с вокзала нашего сильного отца Тараса и повезли: по Цветному, Страстному, Никитскому и Тверскому бульварам и поставили его в маленькой церквушке Св. Тихона на Арбатской площади.

Люди, которые шли, путешествовали за Кобзарем, больше всего было студентов, немного офицеров и четыре заядлых барышни. Они шли пешком от самой станции до церквушки Свят. Тихона. Когда везли Кобзаря, людей присоединялось все больше, все больше и больше».

Далее Честаховский писал, что неподалёку, «саженей с 50-т», от Сухаревой башни (Шевченко вспоминал ее в своем дневнике 13 сентября 1857 года) он увидел в лавочке портрет Пугачева и был так потрясен, что «побежал искать среди людей Лазаревского», чтобы сказать ему: «Смотри, вот Пугачов в цепях кланяется Тарасу».

Значение живого свидетельства Григория Честаховского о перевозке гроба Тараса Шевченко из Николаевского дворца в храм Святого Тихона Чудотворца на Арбатской площади трудно переоценить.

Прежде всего, впервые отчётливо указан путь, по которому везли гроб Шевченко с северо-востока Москвы в центр — по Цветному, Страстному, Тверскому и Никитскому бульварах. На Цветной бульвар, который Честаховский назвал первым, траурная процессия попала от вокзала таким путём: через улицу Домникова (ныне Маши Порываевой) или через Большую Спасскую улицу на Большую Сухаревскую площадь и мимо Сухаревой башни (Честаховский зафиксировал ее в воспоминаниях) — на Малую Сухаревскую площадь и Садово-Самотёчную улицу, которая является частью Садового кольца. Отсюда процессия круто повернула на юг по Цветному бульвару, затем на запад по Петровскому бульвару и перешла на Страстной бульвар, а дальше, как рассказал Честаховский, только сначала был Тверской, а затем — Никитский бульвары.

Вся дорога от вокзала до Арбатской площади, занимающая около 6 километров была пройдена людьми пешком, поэтому гроб с прахом Шевченко был доставлен в храм Тихона Амафунтского, скорее всего, после 8 часов вечера.

В записи Честаховского упоминаются «офицеры», сопровождавшие гроб. Вполне возможно, что это были кадеты Александровского корпуса, расположенного рядом с храмом святого Тихона, которых привел ученик Осипа Бодянского, педагог Александр Котляревский.

Свидетельство Честаховского полностью подтвердило мое предположение, что среди участников встречи гроба с прахом поэта и панихиды в арбатской церкви Святого Тихона, больше всего было студентов Московского университета. К тому же, он добавил чрезвычайно важный штрих: «Когда везли Кобзаря, людей присоединялось всё больше, всё больше и больше».

Не остаётся никаких сомнений, что встреча гроба с прахом Тараса Шевченко в Москве была многолюдной и достойной.

В пользу этой уверенности свидетельствует и неизвестная доселе информация, обнаруженная мною в газете «Московские ведомости» (№ 79 от 8 апреля 1861 года). В короткой заметке сообщалось буквально следующее:

«6-го апреля, в сороковый день смерти Т.Гр. Шевченко, некоторые почитатели поэта собрались в церкви Успения (что в Газетном переулке), где и выслушали с благоговением панихиду по покойном поэте».

Эта панихида, организованная, конечно, Бодянским, который хорошо знал церковь Успения Божьей Матери недалеко от дома, где он жил, со всей убедительностью подтверждает благоговейное отношение московских друзей и знакомых Шевченко к памяти о нём.

Если москвичи собрались на панихиду, когда гроб поэта лежал ещё в холодной петербургской земле, то они никак не могли пропустить панихиду над прахом поэта в арбатской церкви святого Тихона.

Кто же в Москве служил панихиду над прахом Тараса Шевченко? Кто присмотрел за гробом в храме Тихона Амафунтского на Старом Арбате 27–28 апреля 1861 года? Мне очень хотелось наконец назвать (через почти полтора столетия!) имена церковнослужителей храма святого Тихона, оставить их в нашей памяти. Поиски в Центральном историческом архиве Москвы оказались крайне сложными: архив Московской духовной консистории после Октябрьской революции серьёзно пострадал. Но все-таки сохранились дела некоторых московских храмов — церковные книги, переписка шести сороков, в том числе Пречистенского, в который и входил храм Тихона Амафунтского. В «Списке церквей Московской епархии» церковь «Тихоновская у Арбатских ворот» стоит под № 27 в 1-м отделении Пречистенского сорока.

В деле «Клировые ведомости Пречистенского сорока г. Москвы за 1861 году» обнаружилась «Ведомость о церкве Святого и Чудотворца Тихона Амафунтского, что возле Арбатских ворот». В ней и были фамилии всех церковнослужителей арбатского храма. Это была победа! Подумалось, что, равно как не горят рукописи, не исчезают бесследно и архивные документы. Теперь мы можем назвать этих людей.

Священник Левитский Николай Сергеевич, 32 года, родился в Московской епархии, сын священника, учился в Вифанской семинарии, которую закончил в сентябре 1850 года с аттестатом 1-го разряда. В ноябре того же года назначен дьяконом Георгиевской церкви в Ендове. Со 2 февраля 1860 года — священник церкви Тихона возле Арбатских ворот.

У Николая Левитского была жена и три сына.

Дьякон Фивейский Павел Васильевич, 37 лет, родился в Московской епархии, сын пламаря, учился в Московской семинарии, которую закончил в 1844 году с аттестатом 2-го разряда. С августа 1848 года до мая 1863 года — дьякон церкви Тихоновской возле Арбатских ворот.

Женат, имел двух детей, девочку и мальчика. Жил недалеко, в Афанасьевском переулке.

Пономарь Беляев Петр Васильевич, 29 лет, родился в Московской епархии, сын священника, учился в Московской семинарии. С октября 1853 года по ноябрь 1864 года — пономарь церкви Тихоновской возле Арбатских ворот.

Женат, имел двух детей, девочку и мальчика.

Просвирня Соловьева Евдокия Никитовна, 63 года, в церкви святого Тихона с октября 1840 года, то есть задолго до того, как в Москву впервые приехал Шевченко. «Читать и пи-

сать умеет». Жила с дочерью. Работала в храме до старости [ЦИАМ ф. 203, оп. 744, д. 2396, л. 181–190; ф. 2125, оп. 1, ед. хр. 1595, л. 1–4].

Эти люди так или иначе причастны к оказанию церковных почестей Тарасу Шевченко в храме святого Тихона и панихиде над ним. Они заслуживают нашей доброй памяти и того, чтобы их имена и фамилии отныне упоминались в соответствующих работах о Кобзаре.

Григорий Честаховский оставил нам рисунок карандашом «Гроб Т.Г. Шевченко в дороге», помещённый в этой книге. На нем — дроги, нарисованные абрисом, детальнее прописаны извозчик и четвёрка лошадей. Эти дроги стояли утром 28 апреля на Арбатской площади возле храма Тихона Амафунтского. Отсюда, из центра Москвы и до самого Киева прах Шевченко везли на лошадях по почтовому тракту через Серпухов — Тулу — Орел — Кромы — Волобуево — Кошелёвку — Дмитровск — Севск — Эсмань — Глухов — Кролевец — Батурин —Борзну — Нежин — Носовку — Козелец — Залесье — Бровары. То была далёкая и печальная дорогая, и Украина помнит о ней. Акцентирую внимание читателя на том, что начиналась она со Старого Арбата.

Вообразим себе 28 апреля 1861 года — день, о котором до сих пор не написано ни одной строки… Над Арбатской площадью поднимается по-весеннему тёплое солнце, золотит маковки храмов святых Бориса и Глеба и Тихона. Возле Тихоновского храма собралось немало людей, в особенности много молодёжи. Слышится мелодичный украинский язык. Григорий Честаховский и Александр Лазаревский, сопровождающие гроб с телом Шевченко, тихо переговариваются со священником лет тридцати, потом все трое заходят в церковь. От роскошной усадьбы Голицыных, где стоят экипажи, кто-то направляется к людской толпе. Группа молодых людей приближается от Александровского кадетского корпуса. Возле восьмиугольного водоразборника из красного кирпича, что рядом с церковью, переговариваются извозчики, приехавшие с кадками за водой, и торговки — на площади ярмарка. Вот они вместе подходят к церкви, крестятся и стоят молча. Проходил катеринщик с шарманкою-шафочкой и танцующими куклами в ней, остановился. Благообразная женщина одёрнула мальчишек, которые раскричались возле ручья Черторый. От Арбатской и Знаменской полицейских будок подошли будочники. Будто растворились в толпе жандармы и даже юродивые. Нечто было такое в атмосфере, что остановило и собрало людей возле Тихоновского храма. Над Арбатской площадью повисает тишина…

Як умру, то поховайте
Мене на могилі
Серед степу широкого
На Вкраїні милій…

Кто-то из студентов взволнованно читает шевченковские строки. Ведь именно ради воплощения завещания поэта собрались друзья и знакомые Кобзаря возле церкви святого Тихона…

Щоб лани широкополі,
І Дніпро, і кручі
Було видно, було чути,
Як реве ревучий.

Вдруг загудели колокола, студенты выносят из церкви гроб с телом Шевченко и устраивают его на дрогах. Извозчик поднимается на свое место и слегка дёргает вожжи. Дроги двигаются. За ними едет крытый экипаж для Честаховского и Лазаревского, сейчас они идут пешком. Бодянский, сильно хромая, следовал за гробом, время от времени притрагиваясь к нему. Слёзы по другу он уже выплакал, его глаза были красными, по сухими. Траурная про-

цессия, выходит на старинную Знаменскую улицу. На углу Знаменки и Арбатской площади скорбный кортеж минует колоннаду Александровского кадетского корпуса, который фасадом выходит на улицу. Возле церкви Знамения Пресвятой Богородицы замерли богомолки и ревностно крестятся. Отсюда за гробом пошли несколько мужчин интеллигентной внешности в дорогих пальто, наверное, профессора Московского университета, живущие рядом. Из церкви вышли люди, наблюдают за процессией, кое-кто примыкает к ней. Из окон особняков выглядывают хозяева и прислуга.

На углу Знаменки и Волхонки траурная процессия приостановилась возле пятиглавого храма Николая Чудотворца с колокольней. Здесь собралось немало москвичей…

А чистих серцем? Коло їх
Постави ангели свої,
І чистоту їх соблюди.

Скорбная процессия пересекает улицу Волхонку и поворачивает к недавно построенному Большому Каменному мосту, позади — красавец Кремль, который любил Шевченко, а впереди — храм Христа Спасителя. Часть людей расходится, молодёжь направляется дальше, кое-кто собирается подъехать на извозчиках за город, где предполагается остановка дрог с гробом. В историческом документе об этой остановке за городом говорится: «Стечение публики было значительное». Тарас Шевченко навсегда оставил Старый Арбат, чтобы остаться здесь навсегда…

Государственный центральный театральный музей им. А.А. Бахрушина ф. 312, оп. 1, ед. хр. 255

Забелин И.Е. 2001. *Дневники. Записные книжки*. — М.: Издательство им. Сабашниковых.

Земенков Б.С. 1966. *М.С. Щепкин в Москве*. — М.: Московский рабочий.

Карабутенко И., Марусич А., Новохатский М. 1989. *Шевченко в Москве. Историко-литературный очерк*. — К.: Советский писатель.

От Пречистенских до Арбатских ворот. Москва, которой нет. Путеводитель. — М., 2012.

Отдел рукописных фондов и текстологии Института литературы им. Т. Г. Шевченко НАН Украины, ф. 92, № 47, л. 1–2.

Шевченко Т. 2003. *Повне зібрання творів у дванадцяти томах*. Т. 5. — К.: Наукова думка.

Центральный исторический архив Москвы. ф. 16, оп. 47, д. 130, л. 11., ф. 203, оп. 747, ед. хр. 1727, л. 811–811 об., ф. 16, оп. 47, д. 130., ф. 203, оп. 744, д. 2396, л. 181–190., ф. 2125, оп. 1, ед. хр. 1595, л. 1–4.

Памяти Г.П. Щедровицкого

ВЛАСТЬ ИЛИ УПРАВЛЕНИЕ?

М.В. Рац
Институт развития им. Г.П. Щедровицкого
С.И. Котельников
НИИ культурологии Минкультуры РФ

Аннотация: *В статье ставится задача коренного переосмысления базовых понятий политической философии с позиций деятельностного подхода. Ключевые проблемы современности авторы представили в виде следствия господства поведенческой онтологии, не релевантной идее преобразовательной деятельности. В таком контексте понимается и базовая категория политики — власть — как «оестествившаяся» форма управления, лишённого рефлексивно-мыслительной составляющей. В качестве альтернативы такой власти предлагаются рефлексивно-диалогические отношения и управленческая деятельность.*

Ключевые слова: *политическая философия, власть, управление, мышление, рефлексия, диалог, деятельностный подход, Московский методологический кружок.*

Если бы люди всеми своими делами могли управлять по верному замыслу…

Б. Спиноза

Благими намерениями вымощена дорога в ад.

Пословица

1. Мы и наш мир (вместо введения)

Опасность прошлого в том, что людей делали рабами. Опасность будущего в том, что люди могут стать роботами.

Эрих Фромм

Размышляя о мире, которым правит наука, я становлюсь пессимистом… Тем не менее, я оптимист, когда вспоминаю о духовном мире, от которого наука пытается меня отвлечь…

У. Голдинг

Название данной работы до некоторой степени провокативно (как, по-своему, и мысль Голдинга, вынесенная в эпиграф к первой ее части). А именно, мы хотим обратить внимание читателей на вопрос, который, насколько нам известно, впрямую, по крайней мере, по-русски никогда не обсуждался: **как следует соотносить между собой представления о власти и управлении?**

Этой формулировкой мы подчёркиваем два момента. Во-первых, говоря, как обычно, о власти и управлении, желательно понимать, на каком основании (кроме общего смыслового поля) мы объединяем такие категориально разные феномены. А то, что они категориально разные, мы покажем далее. Во-вторых, мы не спрашиваем, как власть и управление соотносятся друг с другом естественным образом, «на самом деле». Такая постановка вопроса характерна для науки, мы же интересуемся больше тем, как следует мыслить наш мир, полагая, что он «устраивается» в значительной мере сообразно нашим представлениям о нем. В отличие от известного тезиса К. Маркса, мы считаем, что бытие определяет сознание в отсутствие мышления, наличие же последнего сильно влияет и на сознание, и на бытие. Такова наша интерпретация мировоззрения представляемой нами школы — Московского методологического кружка (ММК) и соответствующей версии методологии[1].

Попросту говоря, нашу работу не следует понимать как теорию, «т. е. незаинтересованное бездеятельное созерцание» [Филиппов 2009]. Пользуясь привычным языком, можно сказать, что это *практическая* философия, т. е. продолжение линии классической политической философии, как подчёркивал Л. Штраус, отличающейся «своим непосредственным отношением к политической жизни» [Штраус 2000: 51 и сл.]. Если угодно, такая философия, отправляющаяся от практических вопросов, в XX веке как раз и оформилась в методологию ММК, а мы занимаемся ее приложениями к общественно-политической сфере. Поскольку сложившийся в стране status quo нас не удовлетворяет, в конечном счёте перед нами стоит один вопрос «Что делать?», а поскольку мы видим за ним проблемы, то в итоге вынуждены развернуть его в целую систему вопросов и ответов.

Зачем нужна вся эта философия? Мы будем обсуждать различные формы *правления,* называя так здесь и далее нерасчлененный феномен власти и управления на любом уровне человеческого общежития. При этом мы исходим из представления, что в основе исторически сложившихся в современном мире форм правления лежит власть, понимаемая как способность одних людей принудить других делать то и так, что и как считают нужным первые. Такое принуждение, а, следовательно, и социальные отношения господства/подчинения считаются допустимыми и даже неизбежными, но вопрос об условиях и границах их допустимости остаётся не до конца проясненным. Мы имеем в виду не только государственную власть, поэтому такая постановка вопроса шире вечного, но все же частного вопроса политической философии о задачах и пределах *государственной* власти.

Тем не менее, можно понимать дело так, что против злоупотребления властью (в форме произвола, несправедливости, ущемления свободы и т. п.) были направлены усилия западной общественно-политической мысли, ещё во времена античности, а особенно последние триста-четыреста лет. И не зря: различия в этом плане между древними царствами и современными «развитыми» странами впечатляют, но все же, особенно, если посмотреть, что происхо-

[1] См. о них: Познающее мышление… 2004; Философия России… 2010 и др., а так же сайт Некоммерческого фонда «Институт развития им. Г.П. Щедровицкого: http://www.fondgp.ru/. Можно сразу обратить внимание на интенциональную близость наших взглядов к классической концепции «социального конструирования реальности» [Бергер, Лукман 1995] и соответственно к «конструктивистскому подходу в эпистемологии и науках о человеке» (2009).

дит за границами европейского культурного ареала, трудно посчитать дело сделанным; достигнутые успехи довольно относительны, и работа в этом направлении продолжается.

Мы полагаем, что характерное для ММК **последовательное противопоставление натуралистического и деятельностного подходов очень полезно в сложившейся ситуации, а** исповедуемый нами **деятельностный подход может и должен внести свой вклад в эту работу.** Остановимся чуть подробнее на своей позиции.

Если не углубляться в историю философии (а это отдельная большая работа), специальный интерес к феномену человеческой деятельности и осмыслению ее роли в нашем мире появился только в XX веке в трудах Т. Котарбиньского и Л. Мизеса, а затем в многолетней работе и Г.П. Щедровицкого и ММК. Трудами Щедровицкого и ММК была существенно дополнена и развёрнута идея деятельностного подхода и выстроена соответствующая деятельностная (а точнее, мыследеятельностная) онтология. Мы ещё поговорим о них далее, но в этом контексте сразу можем указать на первую особенность нашей позиции. Для нас различение между натуралистическим и деятельностным подходами вместе с соответствующими картинами мира играет решающую роль. Это означает, что любые другие подходы и представления мы рассматриваем сквозь призму данной оппозиции и можем интерпретировать их как деятельностные или как натуралистические[2]. И это тем более важно, что, собственно, только по мере становления альтернативы — деятельностного подхода — натуралистический подход и натуралистическая онтология начали осмысливаться как таковые, причём до сих пор это важнейшее для нас различение не стало общепринятым[3].

С учётом сказанного важно, что классическая политическая мысль центрировалась как на первой реальности, на формах человеческого общежития, прежде всего — по мере их становления — на понятиях государства и права, обсуждавшихся в связи с идеей власти. В XX веке всё это получило дополнительную — институциональную интерпретацию. Но развитие деятельностного подхода и деятельностной онтологии задало другую фокусировку, другой вектор обсуждения этих «вечных вопросов»: появилась возможность центрироваться на самой человеческой деятельности. Применительно к нашей теме именно в этом мы вслед за Г.П. Щедровицким [Щедровицкий 1995: 154] видим главную идею деятельностного подхода в его отличии от натуралистического. Мы собираемся идти именно таким путём, и это — наряду со сменой предмета обсуждения — диктует нам **необходимость коренного переосмысления существующих понятий и представлений, начиная, как выясняется, с нашей картины мира**[4].

Двигаясь означенным образом, на первых шагах мы вынуждены оставить в стороне феномены, на которых центрировалось внимание классиков общественно-политической мысли. **Человеческое общежитие, государство и право, общество, социальные институты — всё это для нас вторичные организованности мышления и деятельности.** Но тогда именно на последних**, на мышлении и деятельности мы должны сосредоточить свое внимание с тем, чтобы в дальнейшем проследить, как они порождают названные организованности** (или «превращаются» в них), **и каковы наши возможности повлиять на эти процессы.** Таким образом, наша логика, в этом отношении диаметрально противоположна традиционной и пока доминирующей. Такова вторая важнейшая особенность нашей позиции.

Здесь нужно хотя бы краткое пояснение. Ориентиры, с которыми оперируют практикующие политики, такие как, например, благосостояние населения, природные ресурсы, ста-

[2] Заметим, что сказанное касается и институционального подхода.

[3] К тому же до недавнего времени во главу угла ставилось противопоставление теологической и естественнонаучной (натуралистической) картин мира, далеко не потерявшее своего значения.

[4] Имея в виду такую фокусировку в отличие от фокусировки на авангардной разработке новых собственно методологических средств, это направление работы было названо «арьергардными боями» [Рац 2007].

бильность и т. д. для нас проблематичны. Например, мы не можем рассматривать благосостояние населения как единственный или конечный ориентир политики. Ориентация на так называемые «природные ресурсы» гарантирует нам прогрессирующее отставание от «развитых стран», потому что по понятию «ресурсы» таковых в природе вовсе нет, а полезность «полезных ископаемых» (и соответственно их превращение в ресурсы) определяется уровнем технологического развития общества. Стабильность необходима, но заведомо недостаточна и т. д. Но даже до этих понятий «среднего уровня» ещё нужно дойти, начиная с нашей картины мира и двигаясь от абстрактного к конкретному. Пока этот путь не пройден, — а мы делаем по нему лишь первые шаги, — наша работа не предназначается действующим политикам.

Наконец, третья особенность нашей позиции, сугубо важная в данной работе: **центрируясь на мышлении и деятельности, в качестве альтернативы властным отношениям мы рассматриваем рефлексивно-диалогические отношения и управленческую деятельность.** Но управленческая деятельность автономизировалась, получила массовое распространение и начала развиваться (подчеркнём, что, с нашей точки зрения, процесс этот находится в начальной фазе) только в XX веке параллельно с осмыслением самого феномена деятельности. Мы полагаем, что это неслучайно. Поэтому именно представление управленческой деятельности во всем многообразии, формирующейся вокруг нее сферы (и даже полисферы), получившей наименование «деятельности над деятельностью» выходит далее на авансцену наших интересов.

Означенному кругу вопросов посвящена первая часть настоящей работы, играющая роль введения, без которого за отсутствием необходимого языка нам трудно сформулировать даже свои цели. Соответственно мы начнём с постановки и самого краткого обсуждения проблем, вызвавших к жизни эту нашу работу, а так же принимаемых нами подходных и онтологических оснований ее проведения. Во второй части мы представим картину управленческой деятельности в самом широком понимании и в самом обще виде как «деятельность над деятельностью». Ещё не завершённая третья часть работы будет посвящена истории становления, современному состоянию господствующих ныне форм правления и перспективам их переосмысления и пересмотра, прежде всего на материале России.

Мы должны также предупредить читателя, что ему предстоит нелёгкая работа, но было бы нереалистично рассчитывать на простые решения глобальных общественно-политических проблем даже на уровне подходов и первоначальных эскизов. В связи с этим необходимо иметь в виду, что мы работаем в мыслительной действительности — в отличие от реальности жизни, видимой «за окном», — но не теряем своей практической ориентации и периодически осуществляем «зашнуровку» одного с другим. Чтобы подчеркнуть связь с «жизнью» обсуждаемых довольно абстрактных материй, мы пользуемся иногда и примерами из текущей периодики.

1.1. Проблематизация

Как пишет в недавней статье Л. Шевцова [Шевцова 2014], ссылаясь на З. Баумана, мы живём в межвременьи, в interregnum’е. «Это время, когда устарели, перестали работать нынешние формы организации общественной жизни — и система мирового порядка, и прежние формы государственности, и нынешняя модель либеральной демократии, и былые представления о политике и международных отношениях. Между тем, появились новые вызовы, на которые ни мир в целом, ни самая продвинутая цивилизация — Запад — не в силах ответить». Как говорит сам Бауман [Бауман 2011], мы живём теперь в «текучей современности», где происходящие перемены не имеют определённой направленности, а потому всегда

неожиданны. Мы (на сей раз М.Р. и С.К.) разделяем эту точку зрения и попробуем раскрыть приведённые, очень общие тезисы в интересующем нас плане.

Опыт XX века проблематизировал исторически сложившиеся крупные формы организации человеческого общежития, прежде всего государственные. (Мы уж не говорим о планетарных: неэффективность ООН давно стала притчей во языцех, а международное право пока пребывает в состоянии полуфабриката.) ГУЛАГ и Освенцим не были случайностью и, как выяснилось в результате десятилетий напряжённого анализа, «Холокост, равно как ГУЛАГ и Хиросима, вполне возможен в рамках модернизации. В условиях технократического общества, где средства подменяют ценности и цели, где «эффективные менеджеры» абстрагируются от социальной цены реформ и управленческих действий, **Холокост — не история, он актуален и может вернуться в мир в новом образе**»[5].

Опираясь на концепцию З. Баумана [Бауман 2010], мы утверждаем, что Холокост — всего лишь одно из следствий хорошо известной мегамашинной организации коллективной работы, описанной в другой, давно ставшей классической книге Л. Мамфорда [Мамфорд 2001]. Собственно, именно это показывает Бауман, хотя он не пользуется термином «мегамашина». Напомним, что мегамашиной принято называть социальную пирамиду, выстроенную из индивидов, за каждым из которых закрепляется определённые место и функция, но все они подчинены власти единого центра и лишены возможности целеполагания, а, следовательно, и осуществления осмысленной деятельности. Машины уничтожения — всего лишь крайний случай, а заметные черты мегамашинной организации можно найти едва ли не на любом предприятии и в госучреждении вплоть до государства как такового: в современном мире эта древнейшая форма организации не только очень распространена, но быстро захватывает все новые и новые плацдармы.

Тезис Мамфорда, гласящий, что «машиноориентированная метафизика взывает к замене: она устарела» [Мамфорд 1986], пока так и остался лишь стратегическим ориентиром, мало того, что далеко не общепринятым, но, кажется, изрядно подзабытым. Мы берем его на вооружение. Наш замысел состоит в том, чтобы сделать следующий шаг в означенном направлении и, в конечном счёте, попытаться разработать (а пока скажем скромнее: наметить) такие формы и способы организации общежития, которые минимизировали бы машинную организацию и сделали повторение трагедий XX века невозможным.

Зафиксировав сказанное как первую проблему, попробуем расширить свой взгляд на современный мир.

Многие эксперты, особенно в России связывают свои надежды на совершенствование общественного устройства с социальными институтами, роль которых, действительно, трудно переоценить. Вообще говоря, институты выступают в качестве промежуточного этапа как в историческом становлении господствующей ныне государственно-правовой формы организации общежития, так и в логике ее легитимации [Хеффе 1994]. В данном случае для нас особенно важна их роль в переходе от личных дел каждого индивида к его функциям, как члена различных сообществ и гражданина своей страны/государства (state). Мы связываем эту роль

[5] Мы процитировали издательскую аннотацию к русскому переводу книги З. Баумана [Бауман 2010], выделено нами — М.Р., С.К. Нужно заметить, что Хиросима упомянута через запятую с ГУЛАГом и Холокостом по идеологическим соображениям. См. об этом: http://berkovich-zametki.com/2012/Zametki/Nomer11/Volsky1.php. Вот совсем недавнее и более точное суждение польского кинорежиссера Агнешки Холланд: «Тоталитарное поведение присутствует и в демократическом обществе. Люди часто боятся свободы и ищут новые клетки. И одна из причин этого состоит в том, что опыт тоталитарных режимов недостаточно изучен. Я думаю, что все постсоветские режимы не дошли до уровня развития зрелого свободного общества, ментально они остаются узниками прошлого. Кроме того, старые демократии тоже переживают стадию кризиса. Мы живём в очень трудные времена. Так что тоталитарные режимы могу вернуться в любой момент» (Приложение «Окна» к газете «Вести», Тель-Авив, 26.12.13, с. 24.)

с тем, что институты обеспечивают совместное воспроизводство поведения/деятельности с формами их организации (что достаточно близко к господствующим представлениям [Шмерлина 2008]).

Пока, однако, упомянутые надежды не оправдались, и мы думаем, что неслучайно. Повторим, что, с нашей точки зрения, при всем их значении, институты вторичны, и фокусировать внимание нужно, прежде всего, на поведении/деятельности (которыми мы дальше и занимаемся).

Если же говорить об институтах, то для начала (мы к ним ещё вернёмся) надо бы разобраться, что именно мы хотим институционализировать, и что не устраивает нас в наличных институтах. Хотя институциональная организация вроде бы противостоит мегамашинной, но на практике власть нередко вытесняет и замещает институты мегамашинами, наследующими их способность к воспроизводству, что отчётливо видно в России. Здесь можно усмотреть своего рода псевдоморфозу мегамашинной организации по институтам. Хорошим примером может служить вытеснение института правосудия мегамашиной судопроизводства («басманным правосудием»). Другой пример — сфера исполнения наказаний (ФСИН), которая из института, каким должна была бы быть по идее, превратилась в чистую мегамашину, успешно воспроизводящуюся со сталинских времён.

Итак, практика свидетельствует, что институционализация как таковая не способна противостоять экспансии мегамашин. В условиях авторитарной власти институционализация регулярно обращается ритуализацией. Прибегая к метафоре, вопреки кажимости можно сказать, что, если институты подобны травоядным животным, то мегамашины — типичные хищники. Мы вынуждены искать новые пути и разрабатывать средства для решения этой проблемы, укоренённой, по-видимому, в наших антропологических представлениях. Свой путь мы видим при этом в реализации упомянутого «деятельностного поворота».

Имея в виду этот путь, нужно сделать одно парадоксальное (на фоне сказанного выше) замечание. Вообще-то ни институтов, ни мегамашин в жизни, «за окном» нет, а есть некие организованности, обеспечивающие воспроизводство всего спектра человеческой «активности», которую пока можно обозначить выражением «поведение/деятельность» (жизнедеятельность). И весь вопрос в том, на что делается упор в этом воспроизводстве: на поведение или деятельность.

К осмыслению этой оппозиции (поведение vs деятельность) как важнейшей в рамках деятельностной онтологии мы пришли в результате сопоставления власти и управления. Оказалось, что в первом приближении власть и управление можно (а, с нашей точки зрения, и нужно) рассматривать как проявления поведения и деятельности соответственно. Но этот важнейший для нас тезис требует специального обоснования и развёртывания, а потому не может быть изначально поставлен во главу угла: к нему ещё нужно придти.

Мы обратимся к нему во втором разделе нашего «вместо введения», а пока заметим, что всё сказанное имеет прямое отношение к ведущим политическим идеям нашего времени — идеям демократии и правового государства, связываемым большинством экспертов именно с институциональными формами организации. Известно, что Гитлер получил пост рейхсканцлера демократическим путём, как приходят к власти и исламисты в ходе далеко не закончившейся «арабской весны», трактуемой обычно на Западе как шаг демократизации. Так что **представительная демократия вместе с правовой системой в формах, исторически сложившихся в «развитых» странах, отнюдь не мешают повторению пройденного**. А других приемлемых для европейцев форм мы пока не знаем.

Судя по многим признакам, **эти системы вообще исчерпали свой ресурс и требуют коренного переосмысления.** Характерный симптом — заметное падение доверия к властям

предержащим по всему миру, о котором уже говорят СМИ[6]. О кризисе права Г. Берман [Берман 1998: 54] писал ещё тридцать лет назад, и ситуация с тех пор только ухудшилась. Как отмечает В. Пономарев [Пономарев 2010], после распада социалистического лагеря «возникла необходимость осмысления демократии как реального принципа общественной жизни, а не абстрактной цели мирового развития». При этом, однако, очевидна «фатальная нехватка политических идей. …Торжество политического прагматизма воспринимается в качестве основного свидетельства краха демократии как мировоззренческой системы». Европа, кажется, утеряла былой драйв, попала в ловушку популизма (в этом смысле характерны работы Ю. Латыниной [Латынина 2011a, 2011b, 2012, 2013 и др.], опирающиеся на классические идеи Д.С. Милля) и сдаёт позиции под напором наступающего исламизма; Америка под руководством Обамы начала движение в ту же сторону.

Глобальные перспективы так же неутешительны, и касается это в равной мере, как демографии (точнее, географических особенностей воспроизводства населения [Вишневский 2010]), так и напрямую связанных с нею доминирующих типов ментальности и культуры [Попов 2013] вместе с присущими им формами правления. В связи со всеми этими обстоятельствами, даже и плохо осознаваемыми, неудивительно распространение апокалиптических умонастроений вообще, разговоров не только что о «сумерках Запада», но об антропологическом кризисе и т. п. С нашей точки зрения, дело «всего лишь» в недостатке рефлексии и мышления, которые надо восполнять, а всё остальное — различные «превращённые формы» этого дефицита.

Характерный и поучительный пример в этом плане — так называемый «закон техногуманитарного баланса» — типичный пример продукта, порождённого натуралистически ориентированным сознанием. В соответствии с этим законом, или гипотезой, «развитие культурных регуляторов поведения и мышления сопряжено с техническим прогрессом: увеличение мощи технологий требует выработки всё более сложных нравственных ограничителей. Общества, не сумевшие своевременно адаптироваться к возросшим инструментальным возможностям, подрывают природные и/или геополитические основы своего существования» [Назаретян б/д]. Мы думаем, что никакого такого «закона» не существует, а **проблема в самом общем виде состоит** как раз **в систематическом и, кажется, нарастающем отставании рефлексии и осмысления происходящего от стремительно умножающихся инструментальных возможностей**.

Разумеется, не мы первые говорим обо всем этом: достаточно сослаться на М. Хоркхаймера и фракфуртцев с их критикой инструментального разума [Хоркхаймер 2011] или на «очередной инструментальный кризис» З. Баумана [Бауман 2006b]. А можно вспомнить еще раз Л. Мамфорда [Мамфорд 1986], говорившего о серьёзных причинах «для пересмотра всей картины как человеческого, так и технического развития, на котором основывается современная организация западного общества», и требовавшего «объяснить, почему весь процесс технического развития стал… принудительным, тоталитарным…». Но в том-то и состоит отличительный признак зрелой проблемы: мыслящие люди хорошо осознают её, но вопросы о том, что и как делать остаются до поры до времени без ответа.

Сказанное об институтах и демократии можно условно понимать как вторую проблему современного мира, очевидным образом, связанную с первой. Но в словах Мамфорда о тоталитарности технического развития мы видим ещё одну, третью проблему, вставшую во весь рост только в последние годы, вроде бы самостоятельную, но вместе с тем усугубляющую опасности, таящиеся в первых двух. Мы имеем в виду бурное развитие техники, ориентированной на умощнение именно инструментальных возможностей разума. Стремительное со-

[6] См., например: http://www.ng.ru/world/2014-01-22/8_usa.html

вершенствование, умножение функций (своего рода «разделение труда») и массовое распространение огромного числа разнообразных гаджетов сильно опережает наши способности не только осмыслить происходящее, но даже просто уследить за идущими при этом переменами в жизни миллиардов людей.

А перемены идут катастрофические. Выделим здесь два момента: миллиарды и инструментальную ориентацию. Миллиарды означают, что пользователями гаджетов оказываются люди — уже сегодня их, кажется, большинство — малограмотные. **Резкий рост инструментальной оснащённости повышает возможности каждого влиять на окружающий мир при недостаточном понимании происходящего и рефлексии собственных действий.** Ситуация напоминает хрестоматийного ребёнка со спичками, но в страновом, а в ближайшей перспективе, — и планетарном масштабе. Причём это только одна сторона дела, нашедшая выражение, в частности, в событиях «арабской весны». Много хуже перспектива, связанная с блокировкой интеллектуальных функций, в повседневной жизни заменяемых гаджетами. Причём это касается уже и подрастающего поколения в развитых странах.

Простейшие примеры здесь — ставшие хрестоматийными ненужность таблицы умножения, отказ от чтения, заменяемого видео и мультимедийными «игрушками», формирование «клипового сознания». Ещё только начинает осознаваться эффект свёртывания коммуникации, требующей навыков осуществления хотя бы элементарных логических умозаключений, замещения ее обменом сигнальными «эсэмэсками». Исчезновение из повседневной практики письменных текстов, замена диалога примитивным обменом информацией не могут не привести к смене пока господствующих в странах европейского культурного ареала привычных форм интеллектуальной жизни.

Возникает соблазн оценить всё это как деградацию, хотя, наверное, такая оценка преждевременна: мы ещё очень плохо представляем себе означенную перспективу [подробнее о ней см.: Попов 2013]. Но с полным основанием можно сказать, что мы не только не готовы к грядущим переменам, но и не думаем о них с необходимой серьёзностью. Между тем перемены такого рода прямо связаны с упоминавшейся оппозицией поведения и деятельности, власти и управления, о которых пойдёт далее наш разговор. Пока что мы видим здесь проблему — третью, из числа тех, на которые хотим обратить внимание читателя.

Мы полагаем, что сегодня у нас нет средств для решения намеченных проблем, и тут самое время ещё раз вспомнить Хоркхаймера. «…Современная склонность воплощать всякую идею в действие или в активное воздержание от действия — один из симптомов нынешнего культурного кризиса: действие ради действия никоим образом не предпочтительнее мысли ради мысли, а, возможно, даже менее желательно» [Хоркхаймер 2011: 6]. В этом смысле особенности нашей «текучей современности» ничего не меняют, и спустя шестьдесят с лишним лет после того, как это было написано, мы можем уточнить, что для нас речь идет именно о *мысли ради действия*. Тогда, оборачиваясь на нашу выросшую на молоке науки техногенную цивилизацию, резонно задаться вопросом, почему молчат (или, напротив, говорят слишком много и вразнобой?) наши общественные и шире — социогуманитарные науки?

Если угодно, это четвёртая, хотя и вторичная проблема в нашем ряду. К какой бы области социогуманитарного знания мы ни обратились, в последнее время едва ли не везде речь идёт о кризисе и необходимости новых подходов, происходят «методологические революции», «кардинальные обновления» и самые разнообразные «повороты» (от лингвистического до антропологического). И. Шапиро [Шапиро 2011] и вовсе пишет о бегстве от реальности в социогуманитарных науках. Ближе к нашей теме мы не откроем Америки, зафиксировав для начала, что эффективность политико-управленческих наук оставляет желать лучшего. Что касается России, можно сказать и больше: у нас нет практически никакой связи

между принятием политических решений и достижениями науки[7]. Вряд ли такое положение можно считать нормальным, но вряд ли можно рассчитывать и на его изменение подручными средствами.

В связи с этим кстати напомнить, что З. Бауман наглядно продемонстрировал органическую неспособность социологии извлечь уроки из феномена Холокоста. А ведь социология старше и более разработана, чем политическая наука или теория управления: последние только зарождались, в пору работы таких классиков первой, как М. Вебер, Э. Дюркгейм или Г. Зиммель. На наш взгляд, здесь дело в принципе. Классическая наука по понятию нацелена на познание законов жизни исследуемых ею объектов. (Мы ещё вернёмся к этой теме, но должны сразу предупредить, что не можем входить здесь в подробности, касающиеся типологии наук). Однако люди, пока они остаются людьми, действуют не законосообразно, а целесообразно.

Поэтому любые «естественные законы» (которые открываются/находятся наукой в обществе, а не принимаются законодателем, как юридические), претендующие на регулирование деятельности людей и человеческого общежития как процесса, в лучшем случае схватывают одну сторону жизненного мира, оставляя в стороне вторую и не менее важную — целевую. А, поскольку эти стороны отнюдь не складываются, а сложным образом сочетаются, эти законы ничего не регулируют, и такая односторонность приводит к грубым ошибкам. Что следует делать, и будут делать люди и их группы в тех или иных обстоятельствах, не зависит от устройства вещей, а, следовательно, это вопрос, в принципе не подведомственный науке галилеевского типа. **(**Первая часть этого тезиса принадлежит ещё Д. Юму и известна как «гильотина Юма» [Блауг 2004: 190]; во второй — насчёт науки — фиксируется относительно свежая проблема, в полный рост поставленная впервые только в работах Г.П. Щедровицкого и ММК).

В самом общем виде мы понимаем дело так, что в истории человеческого рода можно выделить два больших этапа. На первом люди были озабочены удовлетворением физиологических потребностей и поддержанием своего существования в природе, «завоеванием природы». С помощью науки и техники это дело худо-бедно сделано (как минимум, применительно к так называемому «золотому миллиарду») и продолжает делаться: миллиард быстро перерастает рамки миллиарда. Но при этом на нынешнем, втором этапе становления цивилизации **первостепенное значение приобрели проблемы человеческого общежития, которые и определяют жизнь человечества. Из чего,** в частности, **следует, что в наше время ведущая роль должна принадлежать социогуманитарным наукам, которые явно к этому не готовы. (**Подчеркнем, что это не более чем частность: в общем же речь должна идти о пересмотре и переосмыслении нашей картины мира, и настоящую работу надо понимать именно в этом контексте).

Здесь следует вспомнить обсуждавшуюся М. Бахтиным [Бахтин 1986] «дурную неслиянность культуры и жизни», раскол мира теорий и жизненного мира, которые призван преодолеть поступок. Но только после уроков XX века, довёдшего этот раскол до трагедий ГУЛАГа и Холокоста, мы начинаем понимать, что говорить о расколе или, наоборот, связи культуры и жизни можно только положив их изначально как разные сущности. Это было артикулировано и схематизировано ещё до публикации работы Бахтина в ММК [Щедровицкий 1995: 50–56). Похоже, однако, что социогуманитарным наукам так и не удалось осознать этот

[7] Да и просто здравого смысла. Примеров таких сколько угодно [Баранов 2013], но лучшей иллюстрацией к сказанному может послужить эпопея с так называемой «реформой» Академии наук: см. http://www.ng.ru/nauka/2013-09-11/11_academy.html. Не менее показательно и то, что при максимальном внимании к инновациям в технике, разговора об инновациях в общественно-политической жизни даже не возникает: идет только вялая тасовка старых форм.

разрыв: идея поступка так и осталась маргинальной, а вместо осмысленной работы с двумя сущностями — культурой и жизнью — случилось смешение жизненного мира с культурой, и, с нашей точки зрения, всё запуталось.

В итоге у нас нет понятия культуры, место которого занимают бесконечные определения, не позволяющие даже внятно категоризовать культуру: она трактуется как деятельность, как ее продукт, как система кодов и т. д., и т. п. Работа с культурой, культурная политика превращаются в «работу без понятия». Из-за этого, в частности, потерялась фундаментальная идея иерархичности мира культуры, следствием чего стало механическое уравнивание разных культур, повлёкшее за собой далеко идущие последствия уже политического характера. Именно по этой причине в Европе потерпела провал политика мультикультурализма.

Наряду с этими общими соображениями у каждой страны есть свои скелеты в шкафу. Что касается России, интересующей нас в первую очередь, то у нее есть своя особая история и современное состояние дел, которые превращают вопрос о формах и способах организации нашего общежития во вдвойне актуальный. Конечно, эти формы во многом наследуются, чем и определяется страновая специфика вообще, но мы считаем, что наряду с «наследственностью», не меньшую роль играет изменчивость. И, если первая определяется национальной культурой, ментальностью и соответствующими формами организации жизнедеятельности людей, то вторая зависит, в первую очередь, именно от существующих форм правления, от сакраментальной пары управления и власти.

При обсуждении этой линии (ей будет посвящена третья часть данной работы) мы глядим одним глазом в историю России, а другим в историю мысли и связанную с ней историю других стран европейского культурного ареала. На Западе наблюдаются постоянные смены форм правления, связанные среди прочего с подспудными удивительными метаморфозами соответствующих, казалось бы, вечных, понятий *политики* и *власти*, которые определяют формы организации и ход жизни общества и страны. В России, напротив, на протяжении всего Нового времени мы видим воспроизводство самодержавной власти, меняющей лишь свое обличье и периодически повторяющей безуспешные попытки модернизации. Именно это «возвратно-поступательное» движение обычно квалифицируют как основную проблемную ситуацию в истории России [см., например, серии статей в «Ведомостях» за ноябрь-декабрь 2012 г. и в «Полисе» № 6 за 2011 г., там же библиография].

Мы не склонны преувеличивать значение обсуждаемой при этом цикличности: более важным мы считаем отсутствие (или затруднённость, замедленность — смотря потому, о каких сторонах жизни идёт речь) поступательного развития. Вместе с тем, мы считаем, что это всего лишь симптом, а **отставание России и судорожные попытки догнать другие страны европейского культурного ареала предопределены разрывом между развитием мысли и стабильностью сложившихся форм правления — страною и в стране, — консервирующих унаследованную от отцов и дедов рабскую ментальность.** В последние сто-двести лет этот разрыв, в свою очередь можно связывать с тем, что в практике государства российского так и не сложилось промежуточное — оргуправленческое — звено между политическими решениями и их исполнением. Место судьбоносной для современного мира, сложной и специфичной оргуправленческой деятельности у нас занимают так называемое «ручное управление» и система «поручений» [Розин 2013]. В свете сказанного выше это можно трактовать как замещение демократических институтов мегамашинами. Что коренным образом отличает нашу систему правления от сформировавшейся в последние столетия на Западе и влечёт за собой многообразные последствия[8].

[8] Сошлёмся на концепцию русской истории как эволюции псевдоморфоз С.А. Королева [Королев 2009]. Подробнее мы поговорим об этом в третьей части работы.

Вместе с тем, система, сложившаяся на Западе лишь в некотором смысле и с натяжкой может служить нам примером. Она с грехом пополам обеспечивает поступательное развитие западного мира, а возникающие там проблемы требуют специального обсуждения: мы только обозначили выше эту тему. Поэтому, с нашей точки зрения, России предстоит непростой путь, а согласно версии ММК, политика и управление у нас должны быть ориентированы именно на *развитие*. Что в корне меняет дело по сравнению с господствующей на протяжении столетий русской истории *модернизацией путём* нерефлексивного заимствования западных идей, будь то представительная демократия с ее институтами, фактически организованный в форме мегамашины социализм или псевдолиберальный рыночный фундаментализм. [О нашей интерпретации модернизации и концепции развития ММК см. Рац 2011].

Именно с этой установкой мы связываем возможность исторического перехода от привычно воспроизводящейся, оестествившейся в России системы «судорожной модернизации» к режиму «устойчивого развития»[9]. Другой и не менее важный вопрос, как можно реализовать сказанное, а, с нашей точки зрения, это и есть дело управленцев — в отличие от политиков и властей предержащих.

1.2. Новая онтология

Мы исходим из убеждения, что чем более масштабные перемены назревают и/или происходят в нашем мире, тем более глубокого переосмысления наших понятий и представлений они требуют. В частности, мы полагаем, что намеченные в п. 1.1 проблемы не имеют решения в рамках сложившихся подходов и представлений, породивших господствующую натуралистическую «научную картину мира». И, пока намеченные проблемы не решены, такая, как говорил Н. Бор, «безумная гипотеза» имеет полное право на существование. Говоря грубо и коротко, мы однозначно отвечаем на вопрос, **почему в нашем мире всё идёт вкривь и вкось: по причине господства онтологии, не релевантной идее преобразовательной деятельности,** которой мы так или иначе вынуждены заниматься.

Но, возвращаясь к заявленной теме, надо принимать в расчёт два обстоятельства. Во-первых, дополняя сказанное в самом начале, заметим, что унаследованные нами от предков и пока господствующие формы (государственного) правления, прежде всего, властные, складывались (нередко на полях сражений), осмыслялись и обсуждались без оглядки на фундаментальное для нас, а в те годы не осознававшееся различение подходов и картин мира. Поэтому естественно надеяться, что учёт этого различения и взгляд на сложившиеся формы с деятельностной точки зрения позволит увидеть идею правления под каким-то новым углом зрения и, может быть, наметить пути к решению поставленных выше проблем. Во-вторых, надо отдавать себе отчёт в том, что фактически «научная картина мира» является *естественно*научной, в которой гуманитарная мысль (в широком смысле, включая и социально-философскую) существует на положении Золушки, до недавнего времени не набравшейся окаянства заявить о своей самостоятельности и, скажем прямо, о своем первородстве[10].

Такое «заявление», по существу, было сделано во второй половине прошлого века трудами нашего учителя Г.П. Щедровицкого [Щедровицкий 1995 и др.] и созданного им Московского методологического кружка. Но подобная заявка требует, разумеется, глубокой про-

[9] Под устойчивым развитием здесь вопреки бытующим представлениям подразумеваются перемены, идущие в спектре от обогащения арсенала средств мышления и деятельности до повышения производительности труда, качества жизни населения и т. п. Мы готовы в дальнейшем раскрыть этот тезис подробнее.

[10] Точнее говоря, серьёзная попытка такого рода была предпринята неокантианцами, но они не прошли намеченный путь до конца, и им так и не удалось переломить инерцию, а технические достижения цивилизации в XX в. вовсе отодвинули эту задачу на периферию научной мысли.

работки и развёртывания на материале. Эта огромная работа идёт уже полвека, ее малой частью является настоящая статья. Разумеется, мы понимаем, что за сказанным должна была бы следовать развёрнутая аргументация, однако мы вынуждены решать такую трудную задачу частями, и в данной статье ограничимся обсуждением темы, вынесенной в ее заголовок. Но даже постановка нашей цели требует введения некоторого объемлющего контекста, которому и посвящён данный параграф.

Наиболее широким, предельным контекстом для нас служит противопоставление подходов: впитанного нами с молоком матери натуралистического и (системо)деятельностного. Для краткости мы будем говорить о деятельностном, имея в виду все же его версию, разработанную в ММК, вкупе с порождаемой им деятельностной картиной мира, наиболее емко и сжато охарактеризованных в статье Щедровицкого [Щедровицкий 1995: 143–154]. «Натуралистически организованное сознание — пишет он, — …не замечает сложнейших структур мышления и деятельности и того обстоятельства, что объект мыследеятельности[11] включён в эту мыследеятельность, является функциональным и морфологическим элементом ее, а видит вместо сложнейших структур мыследеятельности только два морфологических фокуса ее — объект и субъект, их оно различает и разделяет, между ними проводит границу, стягивает все «мыследеятельное» к ним одним, а затем полагает между ними отношение, или связь особого рода — познавательно-исследовательскую». «…В этом, по-видимому, величайшая простота и сила натуралистического подхода, его бесспорное практическое преимущество».

Напротив, «наши (деятельностные — М.Р., С.К.) представления об объекте, да и сам объект как особая организованность, задаются и определяются не только и даже не столько материалом природы и мира, сколько средствами и методами нашего мышления и нашей деятельности. И именно в этом переводе нашего внимания и наших интересов с объекта как такового на средства и методы нашей собственной мыследеятельности, творящей объекты и представления о них, и состоит суть деятельностного подхода».

К этому надо добавить, что деятельностный подход не только противостоит натуралистическому, но и включает его в себя в качестве частного случая. Достаточно «выключить» объемлющую, создающую объекты и представления о них мыследеятельность, или (что, в сущности, то же) представить мир «естественным», как деятельностная картина мира превратится в привычную для нас натуралистическую. Иначе говоря, если исходить из того, что искусственное начало привносится в наш мир мышлением (а мы считаем, что дело обстоит именно так), в натуралистической (научной) картине мира, полагаемого как «естественный», нет места для (мысле)деятельности [Рац 2010а][12]. Но в отличие от этой «научной картины», в интересующих нас приложениях к жизни общества именно категория деятельности не только оказывается ключевой [о категории деятельности см. Щедровицкий 1975; Дубровский 2011], но и поворачивается к нам одной из своих сторон, ранее остававшейся в тени. А именно на первый план выходит вопрос о том, что же занимает место деятельности в натуралистической и, в частности, научной картине мира, как деятельность соотносится с этой сущностью.

С этого места мы начинаем восхождение от абстрактных идей деятельностного подхода и соответствующей онтологии к более конкретным, непосредственно интересующим нас идеям власти и управления, а затем и к формам их реализации в истории, прежде всего, истории России. Подчеркнём, что это лишь первые шаги на длинном и трудном пути, который в слу-

[11] В неологизме «мыследеятельность» артикулируется, вообще говоря, вовсе не обязательная (а на самом деле довольно редкая) мыслительная составляющая наших занятий. О мыследеятельности см. работу Г.П. Щедровицкого [Щедровицкий 1995: 281–298].

[12] А соответственно и для бахтинского «поступка». Мы полагаем, что, по большому счёту, схема мыследеятельности вскрывает структуру поступка, операционализирует поступание как образ жизни, но это ещё нужно специально показывать.

чае успеха может завершиться пересмотром привычных для нас форм организации человеческого общежития.

Поставленный вопрос о «заместителе» деятельности рискует увести нас далеко в сторону от темы данной работы, поэтому будем здесь предельно лапидарны и ограничимся оформленным в виде таблицы представлением о Человеке и человеческом, отсылая за подробностями к обсуждению этой темы в диалоге В. Даниловой и М. Раца [Данилова, Рац 2005]. В таблице, по существу, развёрнуты и сведены воедино три полярных и в некотором смысле фиктивных представления, выделенные ещё полвека назад Г.П. Щедровицким [Щедровицкий 1995: 367]. Заметим сразу, что это представление находится в русле классической традиции, в которой различаются тело, душа и дух.

Табл. 1.

Три ипостаси человека

Человеческое / Ипостаси человека	Основные виды активности и их регулятивы		Типичные формы общения	Характерные формы организации	Срезы «среды обитания»	Фокусировки системы воспроизводства человека	…
	Виды	Регулятивы					
Личность	Мышление и мыследеятельность	Личные ценности и ситуативные цели	Мысль-коммуникация (диалог-2)	Сетевая (клубная)	Мыслекоммуникативный	Образование, воспитание	
Социальный индивид	Деятельность	Функции, нормы, эталоны образцы	Обмен монологами (диалог-1), общение	Иерархическая (учрежденческая)	Социокультурный	Обучение, подготовка	
Биологич. организм	Поведение[13]	Инстинкты, рефлексы	Передача сигналов	Стадная (толпа)	Материально-вещественный	Обеспечение выживания	

Согласно Щедровицкому [Щедровицкий 1995: 369], первое (снизу) представление «задано материальным устройством в виде „*биоида“*». Это всего лишь природное существо. «Второе видит в человеке лишь элемент жёстко организованной социальной системы человечества, не обладающий никакой свободой и самостоятельностью, безликого и безличного „*индивида“* (в пределе — чистое „*функциональное место“* в системе)». «Третье изображает человека в виде отдельной и независимой молекулы, наделённой психикой и сознанием, … самостоятельно развивающейся и вступающей в связи с другими такими же молекулами, в виде свободной и суверенной *„личности“*».

Следует иметь в виду, что цитируемые характеристики даны в 1968 г., когда еще только разрабатывалась концепция деятельности, а до идеи и схемы мыследеятельности оставалось больше десяти лет. Теперь же нужно особо подчеркнуть значение верхней, «личностно-мыслительной» строки таблицы, которую, следуя традиции, можно противопоставить нижней,

[13] Поведение, конечно, только условно может быть отнесено к человеческой активности. Оно есть, в сущности, не активность, а нечто, для чего нет обозначения даже в английском языке; говоря словами Р. Коллингвуда [Коллингвуд 1980: 396], «это не actiones, a passions, проявления воздействия чего-либо на что-то».

связанной с человеческим естеством. Речь идёт о том самом противостоянии искусственного, интеллектуального и естественного, животного начала в человеке, которое осталось за кадром при обсуждении (в п. 1.1) институтов и мегамашин, и которое, между прочим, лежит в основе интерпретации Ю. Афанасьевым [Афанасьев 2008] советского периода русской истории. Это тема отдельного разговора, и здесь мы вынуждены ограничиться только фиксацией своей позиции. А именно, мы солидарны с Д. Быковым [Быков 2006], писавшим, что «человек вообще состоялся ровно в той степени, в какой преодолел свои имманентности: болезнь, старость, бедность (все рождаются голыми), сословные предрассудки, саму смерть. Человек интересен лишь настолько, насколько научился объезжать свое внутреннее животное. Интерес представляет только то, что поднимается над природностью, развивает или отрицает ее»[14].

Для нас не менее значимо различие личности и индивида (в нашей таблице это первая и вторая строки сверху), на котором делает упор в своем анализе современности З. Бауман [Бауман 2002: 132–137], отмечая, что многие из нас индивидуализированы, не будучи на деле личностями». Он связывает массовость этого явления с запустением общественного пространства, агоры, где обитают граждане. Но индивид как член общества неполноценен, гражданская позиция ему недоступна. Ликвидация пропасти между личностью и индивидом, по Бауману, — путь к освобождению человека, проблема отнюдь не житейской, а большой политики

Нам особенно важен также второй столбец таблицы: всё остальное приводится в качестве контекста, полезного для понимания и развёртывания предлагаемых идей. Теперь от ответа на поставленный выше вопрос нас отделяет только один шаг: в натуралистической картине мира, говорим мы, место мыследеятельности занимает синкрет, «склейка» поведения и деятельности, присущая людям, которых Щедровицкий называл «социобиоидами». Для полноты картины можно добавить, что место мышления занимают в этом случае умозаключения по прототипам, систему которых можно обозначить распространенным и близким по смыслу словом «менталитет» (или ментальность).

Но дальше наступают терминологические трудности. По недостатку языковых средств мы вынуждены принять волевое решение, и будем именовать указанную склейку поведением в расширенном понимании (или социокультурным — СК-поведением), включающем две указанные формы условной и безусловной «активности», которые объединяются идеей воспроизводства и даже сходными его механизмами. В случае поведения биоида это воспроизводство посредством генетических механизмов; в случае социального индивида — посредством культурных норм, эталонов и образцов. В отличие от них, мышление и мыследеятельность мы считаем принципиально невоспроизводимыми (как и личность, а, следовательно, человека в целом). Для краткости и простоты будем далее именовать мыследеятельность М-деятельностью или просто деятельностью[15].

---

[14] Полезно сопоставить сказанное с распространёнными представлениями, точно выраженными акад. А. Кулешовым при объяснении бурного развития Финляндии — от крестьянской страны к одному из заметных в современном мире кластеров науки и образования (http://www.novayagazeta.ru/society/60624.html). «На протяжении последней пары поколений она (Финляндия) вкладывает в удельном смысле больше остальных стран в образование и науку» и преуспевает: *«Социальный вектор развития общества формирует биологическую эволюцию»* (Выделено нами — МР, СК). Очень характерный для нынешнего состояния сознания людей, в т. ч. и учёных, тезис. С нашей точки зрения, говорить надо не о социальном векторе, а о направлении (общественной) мысли, порождающем соответствующий социальный вектор. Это принципиальный для нас момент.

[15] Мы бессильны преодолеть возникающие здесь языковые трудности и вынуждены просить читателя ориентироваться далее по контексту. Дело в том, что, в зависимости от ситуации, иногда приходится иметь в виду все три строки нашей таблицы, а иногда объединять их попарно, в данном случае (имея в виду второй столбик таблицы) поведение с деятельностью, в других — деятельность с мыследеятельностью. В истории ММК до появ-

Поясним, почему и в каком смысле мы считаем мышление и М-деятельность невоспроизводимыми, а потому и не подведомственными науке (галилеевского типа). Последнее вовсе не означает, что они могут осуществляться, «как попало»: они подчиняются определенным правилам (например, логики), а нередко вместе с тем и определенным формам существования (например, институтам), но, тем не менее, в каждом конкретном случае рождаются заново. Это происходит только и исключительно при условии и в результате выработки личного отношения субъекта к предмету мысли и/или предстоящего действия. Вот такое сообразное ситуации и вырабатываемое в рефлексии личное отношение невоспроизводимо в принципе, о чем без малого сто лет назад писал М. Бахтин [Бахтин 1986].

Поэтому, в частности, неокантианская идея коренного различия номотетических и идеографических наук совершенно верна (а привычные в России марксистские догмы ошибочны), хотя сам принцип их выделения, — а тогда уж и наименования — требует переосмысления. Будучи ориентированными соответственно на объекты vs мышление и деятельность, они различаются не только методом (на чем делали упор неокантианцы), но и предметом. Об этом мы ещё скажем несколько слов ниже (см. п. 1.3).

Итак, считая, что место искомой сущности в натуралистической картине мира занимает СК-поведение, коротко обсудим возможное в рамках наших целей соотнесение поведения и М-деятельности. Это непривычная постановка вопроса. Трудность связана с тем, что деятельностная картина мира зарождалась в недрах натуралистической, и «само понятие деятельности формировалось из понятия „поведение“» (Щедровицкий). Соответственно деятельностная картина не проработана пока с детальностью, сколько-нибудь сопоставимой с прорабатывавшейся на протяжении четырёх столетий естественнонаучной. В господствующих синкретических представлениях деятельностный и натуралистический подходы и порождаемые ими картины мира не различены достаточно последовательно и жёстко, а потому поведение и деятельность мирно сосуществуют в обеих, не прочищенных, как следует, картинах и часто трактуются едва ли не как синонимы. В психологии, где эти темы изучены наиболее детально, с деятельностью связываются «высшие формы поведения» (или «высшие психические функции»).

Таким образом, **мы будем трактовать СК-поведение и М-деятельность как два полярных и одновременно взаимно дополнительных способа, или две схемы осуществления одних и тех же занятий.** СК-поведение мыслится как осуществляемое в натурально представленном мире, М-деятельность соответственно — в деятельностном. И то, и другое суть идеальные типы: реальные люди «за окном» подобно мольеровскому герою просто делают то, что им нужно, ничего не зная о подобных различениях. Мы же попробуем теперь произвести сопоставление этих идеальных типов, но понимать нашу работу, сообразно сказанному, нужно не как их сравнительное изучение в качестве предзаданных и существующих независимо от нас, а, скорее как вклад в их конструирование посредством противопоставления. Такая, в рамках искусственного подхода, постановка вопроса, повторим, достаточно непривычна, что позволяет нам не загромождать изложение обзором научной литературы, но вместе с тем она может показаться неприемлемой для многих читателей. Однако этот путь приводит к непротиворечивым и достаточно правдоподобным результатам.

Поскольку нашей целью здесь является сопоставление различных форм правления, закончим разговор об их контексте — М-деятельности и СК-поведении — прямым сопоставлением последних. Если иметь в виду наш интерес (здесь и теперь) к общественно-политической проблематике, то **мы можем говорить о деятельностной и поведенческой онтологиях, которые репрезентируют в этой предметной области соответственно деятельност-**

ления идеи и схемы мыследеятельности поведению биоида противопоставлялась деятельность, обозначавшая именно то, что сейчас мы именуем склейкой деятельности с мыследеятельностью.

ную и натуралистическую картины мира. Данное утверждение, как и дальнейшее сопоставление делаются нами из позиции методологической рефлексии.

А. Начать можно с того, что М-деятельность и СК-поведение в пределах «своих» картин мира обладают совершенно разными статусами.

Деятельностная картина мира, собственно, так и называется, потому что в ее рамках, согласно Г.П. Щедровицкому, деятельность есть предельная реальность (субстанция), к которой в конечном итоге сводятся все социокультурные предметы и явления на правах видов и форм ее самопроявления. (Здесь имеется в виду склейка деятельности и М-деятельности.) Деятельность существует и воспроизводится в истории, а не на отдельных людях. Универсум деятельности (онтологически) тождественен человеческому миру как таковому, деятельность среди прочего выступает как конституирующее начало Человека и человеческого. Например, только приобщаясь к ней, ребёнок становится человеком.

Естественнонаучной картине мира присуще, напротив, индивидуально-психическое ее понимание. В этом случае «деятельностью» именуется особая эманация человека, индивидуальный человек (или сообщество) рассматривается как источник и производитель такой «деятельности». (Кавычки здесь специально поставлены авторами — сторонниками деятельностного подхода.) Для М-деятельности в натуралистической картине мира, строго говоря, нет места, а деятельность фактически становится едва ли не синонимом поведения (на сей раз без эпитета «СК»), которое понимается обычно как естественная, присущая различным биологическим объектам «система действий по поддержанию своего существования» (НФЭ). Между прочим, эта система действий по факту связана с переменами в среде обитания, но, что для нас важно, она реактивна, безрефлексивна и лишена какой-либо преобразовательной интенции.

Б. В рамках деятельностной картины мира СК-поведение ориентировано на окружающие нас *вещи*, пусть и в расширительном смысле, но понимаемые в античной традиции как видимые/ощущаемые (в отличие от мыслимых), как то, что имеет границы и место в пространстве-времени. (Здесь полезно вспомнить, что вещи принудительны по отношению к жизни человека: мы живём в доме сообразно его планировке, а пуля и вовсе может убить). В отличие от этого, М-деятельность регулируется *идеальными сущностями*, такими как цели, ценности, ситуации, нормы, знания, проблемы и задачи и т. п. Но из опыта следует, что любая практика обязательно включает обе эти составляющие и должна соответственно мыслиться в виде сложно организованной «кентавр-системы». Понятно, например, что проектируемое инженером строительство или разрабатываемая в штабе войсковая операция не могут завершиться иначе как работой с вещами.

Специальная и очень важная тема: замещение (или дополнение) идеальных сущностей вещами по мере реализации наших преобразовательных замыслов, часто фиксируемое и стягиваемое в точку сменой режима реализации замысла с проработки на исполнение принятого решения. Об этом далее нам предстоит подробный разговор.

Еще важное обстоятельство, требующее отдельного разговора: идеальные сущности можно представлять и описывать натуралистически. Это ведёт к потере их сущностных составляющих, но, тем не менее, характерно для массового социогуманитарного «образования» и соответствующей «науки» и «практики».

В. СК-поведение отчасти присуще любому живому «биологическому объекту» от природы, отчасти приобретается в ходе социализации, но откуда берётся М-деятельность? Наш ответ состоит в том, что М-деятельность возникает, хотя и опосредованно из осознания неудовлетворённости сложившимся положением дел и ходом вещей, в т.ч. собственными занятиями. «Неудовлетворенец» и «удовлетворенец» (по выражению Р. Акоффа) — две классические полярные позиции. Первая из них порождает любые преобразования в нашей жизни,

будь то революции, реформы или инновации, а ко второй относится афоризм М. Горького: «Консерватизм возникает на почве удобств». (Тезис, важный для понимания происходящего в России).

Но неудовлетворенность — лишь необходимое условие порождения М-деятельности (она может находить выход во фрустрации или агрессии): достаточным является ее проработка посредством рефлексии и мышления. В. Франкл [Франкл 2009] обсуждает эту тему как обретение смысла жизни.

Г. Сообразно сказанному в п.п. Б и В, М-деятельность оказывается активной, целенаправленной, всегда преобразовательной; СК-поведение — адаптивным, реактивным. В СК-поведении место формируемых мышлением целей заменяют эмоции, «хотелки» («Чтоб служила мне рыбка золотая / И была б у меня на посылках»), либо, наоборот, — внешнее принуждение (рабский, в пределе — сизифов труд)[16]. Но чаще всего СК-поведение осуществляется просто по привычке, автоматически. Иными словами, СК-поведение — в принципе безрефлексивно и соответственно бессмысленно, деятельность же, напротив, может быть только осмысленной, точнее, постоянно осмысляемой и переосмысляемой. Целенаправленность, осмысленность — вот, что отличает действия, поступки от поведенческих актов. Деятельность описывается в рамках телеологической логики, поведение — каузальной.

Д. СК-поведение воспроизводится индивидом, пока в нем не проснется рефлексия, которая может вывести его в мышление. Напротив, в мире М-деятельности действует своего рода закон, аналог второго начала термодинамики: **без периодического подключения рефлексии и мышления деятельность имеет тенденцию к автоматизации, вырождению в привычное СК-поведение**. Периодические выходы в рефлексию — важнейшее средство возвращения к М-деятельности, предохраняющее ее от долговременного скатывания в СК-поведение[17].

Если и можно говорить о воспроизводстве мышления и М-деятельности, то именно в этом смысле: как о сохранении/воспроизводстве условий выхода в рефлексию, чему может способствовать институциональная организация, если и когда она связана с М-коммуникацией.

Заканчивая наше сравнение, нужно заметить, что различение поведения и деятельности в явном виде нам не встречалось, хотя, что называется, висит в воздухе. Примеры противостояния искусственного, интеллектуального начала и «естества» человеческого можно перечислять долго, но мы ограничимся двумя. Вспоминая сказанное в п. **Б** о натурализации идеальных сущностей и массовом образовании, сошлёмся на книгу Д.Т. Гатто [Гатто 2006] с «говорящим» названием «Фабрика марионеток. Исповедь школьного учителя», где речь идёт о жизни детей, постоянно ждущих распоряжений учителя, что и как надо делать. Ученики просто воспроизводят то, что в них вкладывают, не проявляя инициативы, не вырабатывая личного отношения к предмету, не привнося никакой своей оценки. Как писала в свое время Х. Арендт, «формирование убеждений никогда не было целью всеобщего государственного образования. Целью было уничтожение возможности сформировать их самостоятельно» (цит. по книге Гатто). А вот точная фиксация В.В. Жириновского (в диалоге с Г. Хазановым): «Вы обращаетесь к разуму, а я — к инстинкту»[18].

С учётом всего сказанного, не приходится удивляться тому, что СК-поведение и М-деятельность находят свои формы выражения в способах правления, в том числе государственного. Следуя этой логике**, мы можем сделать ещё один шаг на пути от абстрактного к**

[16] Это противопоставление обыгрывается в знаменитом стихотворении Р. Киплинга «Раб, который стал царём».

[17] Об этом ставшие хрестоматийными строки Н. Заболоцкого: «Не позволяй душе лениться…».

[18] См.: http://www.youtube.com/watch?v=fTgZAK9dZAI

конкретному и различить две идеальные формы правления: властную и управленческую. (Здесь имеется в виду власть человека над человеком, о власти закона мы поговорим дальше на своем месте). Первая господствовала на протяжении всей истории, вторая начала распространяться преимущественно в Новое время в результате буржуазных революций, а начала осмысливаться как таковая и автономизировалась вовсе лишь в прошлом веке. Сопоставим предельно лапидарно эти формы правления, учитывая, что вся наша дальнейшая работа, собственно, и посвящена их сопоставлению.

α. В свете оппозиции натуралистической и деятельностной онтологии, в особенности на фоне исторически сложившихся представлений о сакральном характере власти, бесконечных попыток ее переосмысления, предпринимавшихся, что называется, лучшими умами человечества, и современной научной квалификации ее как сущностно оспариваемого понятия, вопрос о власти приобретает совершенно новое звучание. А именно: в отличие от управления, трактуемого как особый тип М-деятельности, **власть следует мыслить не как деятельность, а как социальное отношение, а ее проявления —** для начала (далее см. п. **δ**) — **как особую форму СК-поведения.** При этом, по словам Щедровицкого [Щедровицкий 2003: 276], «одни люди узурпируют власть, присваивают ее себе, отнимая у других». Как и выше, в случае с СК-поведением и М-деятельностью, речь идёт именно об идеальных типах правления: в реальности преобладают смешанные типы.

Борьба за власть (за авторитет, за имидж самого главного, самого мудрого, отца народа и т. п.) как самоценность — это все присуще поведению, а М-деятельность здесь может появиться и появляется в обеспечивающей функции: как средство борьбы за власть. Причём эта деятельность может носить самый разный характер: от вульгарного популизма до заботы об обороне страны, или — для разнообразия — о науке и образовании. Главное, что всё это преследует цель завоевания или удержания власти. Как «уход от существа дела» этот феномен был описан ещё М. Вебером [Вебер 1990: 691, 692]. «„Политик одной только власти“, культ которого ревностно стремятся создать и у нас, способен на мощное воздействие, но фактически его действие уходит в пустоту и бессмысленность». В отсутствие служения делу, идее, веры в идеалы, «проклятие ничтожества твари тяготеет и над самыми, по видимости, мощными политическими успехами» в борьбе за власть.

β. Понимание управления в ММК [Щедровицкий 2000; Щедровицкий 2003] довольно близко к принятому в менеджменте [см., например, Друкер 2000], но предельно далеко от кибернетического. А именно управление трактуется как М-деятельность, призванная реализовать представления о будущем управляемой системы (которое завтра станет ее настоящим). Осуществляется же оно путём непосредственной передачи в управляемую М-деятельность тех или иных организованностей, которые должны ее изменить. Место таких организованностей могут занимать ценности, цели, нормы, знания, проекты — от идей до прямых указаний. Но принципиально важно, что передача эта осуществляется посредством *диалога*. Применительно к западном странам, об этом как о факте пишет, пользуясь сложившейся терминологией, цитированный уже В. Пономарев [Пономарев 2010]: «система политического управления, основанная на властной иерархии и статусном подчинении, сменяется коммуникативным взаимодействием гражданского общества и власти».

Если кибернетические представления предполагают операции с двумя рядоположенными системами — управляющей и управляемой, — здесь имеется в виду структура «матрешки», где управляющая система как бы надстраивается над управляемой, рефлексивно объемлет и охватывает ее. Кажется, это особенно наглядно применительно к государству, а именно о государственном управлении чаще всего идёт речь в связи с политикой. Такая схематизация позволила Г.П. Щедровицкому [Щедровицкий 2000: 38; Щедровицкий 2003: 222, 229, 240] зафиксировать важнейшее обстоятельство: управление оказывается очень специфическим ти-

пом занятий, а именно это особая деятельность над деятельностью (далее Д/Д, подробнее о ней ниже)[19].

γ. В отличие от управления, власть устроена иерархически: здесь работает не матрешечная схема рефлексивного охвата, а кибернетическая схема двух подсистем: властвующей (наверху) и подвластной (внизу). При этом **в отличие от управления деятельностью (Д/Д) власть осуществляется над людьми и их поведением.** Важнейшее отличие характеризуемой связки от оргуправленческой системы определяется *монологичностью* власти: подвластные получают от нее только не подлежащие обсуждению приказы и поручения. Будут ли они как-то осмысливать порученное им дело, вырабатывать к нему личное отношение, — это власть не интересует. Ей важно только исполнение.

Но этого мало. Поскольку власть обычно имеет дело с массовой «исполнительской деятельностью» (которая для нас перестаёт быть таковой, вырождаясь в СК-поведение), планирование и пресловутая «проверка исполнения» осуществляется не по содержательным результатам работы в конкретной ситуации, а с помощью специальных усреднённых и внеситуативных «показателей», неизбежно выхолащивающих существо дела. В итоге исполнители ориентируются только на достижение «показателей», порождая, в конечном счёте, так называемые «фиктивно-демонстративные продукты», особенно характерные для советских времён, но широко распространённые и поныне[20].

δ. Определяющей особенностью властной формы правления оказывается в итоге явный или, чаще, неявный запрет подвластным (в пределе — крепостным, рабам) ориентации на собственные цели. Тем самым исключается сама возможность появления М-деятельности по понятию. **Суть властной формы правления —** не только и не столько в том, что делают власть имущие (спектр их возможностей достаточно широк), сколько **в ограничении самоопределения подвластных,** отношении не к их (личной) позиции, а к ним как индивидам, социобиоидам. В отличие от управления и Д/Д, **властное правление осуществляет деятельность** (а в пределе даже поведение) **над поведением.**

Это и есть знаменитая проблема отчуждения. Опыт XX века свидетельствует: дело не в эксплуатации человека человеком, которой объявил войну К. Маркс, а во власти, точнее, по словам И. Шапиро [Шапиро 2012], в злоупотреблении властью: в господстве человека над человеком. Как говорил Г.П. Щедровицкий [Щедровицкий 2003: 277], Маркс «почему-то не обсуждал вопроса: избавимся ли мы от отношений „господство — подчинение“, если избавимся от господства буржуазных отношений. И оказалось, что уничтожение эксплуататорских буржуазных отношений не есть уничтожение отношений „господство — подчинение“ между людьми вообще». Но именно здесь проходит граница между рабским трудом и осмысленной М-деятельностью. Это, с нашей точки зрения, ключевой момент для понимания ситуации не только в прошлом, но и в современной России, да и во всем мире.

Поэтому мы оставляем в стороне все эти «буржуазные отношения», и «эксплуатацию человека человеком», по-прежнему властвующие над умами большинства отечественных мыслителей, и занимаемся тем, чем занимаемся. В сущности, это та же проблема (не-)господства, которая активно обсуждается на Западе (обзор и библиографию см. в указан-

[19] Строго говоря, здесь следовало бы везде писать М-деятельность, но приведённая версия терминологии была предложена Г.П. Щедровицким ещё до появления схемы М-деятельности, и мы оставляем ее в прежнем виде, в том числе и ради простоты.

[20] В другой интерпретации (закон Гудхарта и др.) это явление хорошо известно социологам и экономистам. Именно на такого рода показателях основываются попытки выстроить внешнее управление наукой в ходе реформы РАН. См. Фейгельман М., Чеботарев П. Blitzkrieg завершен, объявлен Neuordnung. http://polit.ru/article/2013/11/19/new_ordnung/; Неретин Ю. Великий библиометрический джихад. http://www.ng.ru/nauka/2013-12-11/11_ran.html

ной работе Шапиро) и имеет свою проекцию в отечественной общественной мысли [см., например, Афанасьев 2008].

По совокупности сказанного власть может трактоваться как превращённая, оестествившаяся форма управления: это карикатура на управление, «управление», лишённое сущностной рефлексивно-мыслительной составляющей. В дальнейшем мы рассмотрим эту тему подробнее. Во избежание ненужных споров договоримся ещё сразу, что мы будем вести речь только о власти над людьми, оставляя в стороне власть над дискурсом или над животными.

С феноменологической точки зрения, сопоставляя власть и управление, мы не открыли никакой Америки. В сущности, речь идёт об углублении и категориальном оформлении оппозиции, известной в форме противопоставления авторитаризма и демократии, а также открытого для себя теоретиками бизнеса аналогичного противопоставления традиционного («теории X») и перспективного («теория Y») подходов к менеджменту [Клок, Голдсмит 2004][21]. Однако если учесть связанные с обсуждаемой оппозицией намеченные в п. 1 проблемы, то именно необходимость ее углублённой проработки оказывается достаточно понятной. Речь идёт о коренном переосмыслении понятий. Например, управление вовсе не связано с выборами в их современном институциональном, далёком от мыследеятельностного оформлении (тут полезно вспомнить о республиканской традиции и делиберативной демократии), которые, напротив, успешно используются властью (тут тоже есть, что вспомнить: от Д.С. Милля до Ю. Латыниной), но считаются важнейшим элементом демократии.

Подводя итоги сделанным сопоставлениям, заметим, что, с нашей точки зрения, **все проблемы, обсуждавшиеся в разделе 1.1, имеют общие корни. Эти корни — устойчивое господство (во многих регионах мира) и/или наступление СК-поведения и соответствующего ему властного правления, вытесняющие на периферию М-деятельность и соответственно Д/Д. Но именно в последних мы усматриваем определяющую особенность современной европейской культуры, их мы защищаем и отстаиваем**. Более того**,** защиту и встречное наступление М-деятельности и Д/Д мы считаем генеральным направлением работы нашего (вышедшего из ММК и наследующего его идеи) сообщества. В этих рамках мы осуществляем и настоящую свою работу.

При этом, поскольку мы видим свою очередную задачу в развёртывании представлений о Д/Д, охарактеризуем наши, основанные на упоминавшихся работах Щедровицкого исходные представления на этот счёт.

1.3. Деятельность над деятельностью: исходные позиции

К сожалению, идея типов М-деятельности, предвосхищенная М. Вебером [Вебер 1990] в его знаменитых статьях о науке и политике как «призвании и профессии», кажется, только в ММК получила свое развитие и распространение. Поэтому мы должны, прежде всего, пояснить, что типами М-деятельности (МД) мы называем особые связки мышления и деятельности, сформировавшиеся в ходе исторического процесса разделения труда, обладающие своим местом и функциями в универсуме мышления и деятельности и характеризующиеся специфической — для каждого типа МД — системой методов и средств.

В отличие от специальности, профессии или работы согласно должностной инструкции, к М-деятельности того или иного типа люди прибегают по ситуации (и, разумеется, в границах своей компетенции), что, однако, не мешает им специализироваться как управленцам, политикам, учёным или проектировщикам. Добавим, что проектировщик, к примеру,

[21] Эти авторы с полным основанием трактуют пришедший в упадок авторитарный, патерналистский менеджмент как традиционный (с. 16).

остаётся проектировщиком, независимо от того, занят ли он дизайном дамского платья или проектированием АЭС: это всего лишь различные предметные приложения проектирования. Вообще же вопрос о таксономии М-деятельности почти не проработан и стоит на повестке дня современной мысли. Мы ограничиваемся далее обсуждением только одной группы типов М-деятельности — Д/Д.

Г.П. Щедровицкий говорил: «Тезис, что организация, руководство и управление (далее ОРУ — М.Р., С.К.) имеют своим предметом не технологию, а живую деятельность и мышление людей, мне очень важен. Это принципиальнейшая характеристика оргуправленческой работы. Итак, организация, руководство и управление — это деятельности непроизводственного порядка. Они отличаются тем, что это *деятельности над деятельностями*, и что они противостоят деятельности по преобразованию материала» [Щедровицкий 2003: 222, выделено Щедровицким]. От себя можем добавить, что указанное противостояние в некотором смысле и является отправной точкой данной работы: властное правление, с современной точки зрения, есть не что иное, как распространение «инженерного» подхода на мир деятельности, человека и общество.

Щедровицкий указывал также, что Д/Д включает в себя не только ОРУ, но и другие типы деятельности: политику и разного рода «ве́дения» (литературоведение и т. п.). К сожалению, идея Д/Д до сего времени прорабатывалась в методологическом сообществе лишь фрагментарно, преимущественно по линии оргуправленческой деятельности, в контексте обсуждения которой и была изначально сформулирована.

Объясняется это тем, что в силу исторических причин в большинстве публикаций ММК речь шла об общей теории деятельности, а Д/Д лишь упоминалась как ее особый частный случай. Для наших целей важно «уравновесить» деятельность с косным материалом (Д/М) и Д/Д[22], отдавая себе отчёт в том, что первая обеспечивается всей мощью современного естествознания, в то время как вторая была осознана как таковая и начала осмысливаться сравнительно недавно, только в XX в. Ее интеллектуальное обеспечение лишь начинает разрабатываться, на чем и фокусировались интересы ММК в последние десятилетия. Лучше поздно, чем никогда, потому что наши производственно-технологические достижения в сфере Д/М рискуют оказаться и часто оказываются неэффективными: все зависит от Д/Д, ответственной за организацию и сорганизацию различных систем деятельности между собой. Собственно говоря, и методологию можно трактовать как сферу интеллектуального обеспечения Д/Д по аналогии с галилеевской наукой, обеспечивающей необходимыми знаниями Д/М и, прежде всего инженерию.

Общий момент, объединяющий все типы Д/Д, на первый взгляд, кажется чисто негативным: ни один из них не ориентирован непосредственно на производство каких бы то ни было материальных ценностей. Но они призваны делать нечто большее — создавать и поддерживать условия, в которых представители иных родов деятельности могут производить материальные ценности. А это значит, что благодаря им существует общество как таковое. Чтобы успешно отправлять эту сверхсложную функцию, им приходится брать на себя ответственность за скоординированное, взаимно полезное осуществление деятельности представителями самых разных специальностей, занимающими другие позиции.

Итак, Д/Д противопоставляется Д/М[23]. В свою очередь Д/Д, по нашей версии, распадается на две группы типов деятельности. Первая — это вспомогательная группа деятельностно ориентированных наук типа, например, политико-управленческих или упомянутых ве́де-

[22] Это различение прослеживается с античных времен и в явном виде зафиксировано М. Вебером [Вебер 2007: 14].

[23] Первая описывается известной в методологии оргтехнической схемой, вторая — схемой акта действия. См. об этих схемах: Щедровицкий 2000: 36–38.

ний, призванных обеспечивать необходимыми знаниями собственно Д/Д. Вторая группа — это «собственно Д/Д» включающая политику, триаду организации, руководства, управления (ОРУ), а так же объединяющее и модифицирущее перечисленные занятия предпринимательство и, наконец, нормоконтроль/нормотворчество. Особо отметим, что Г.П. Щедровицкий [Щедровицкий 2003: 253–255, 276–284 и др.] наметил и положение границ между политикой, управлением и властью, хотя по условиям времени не мог развернуть эту тему и организовать ее проработку.

Но по этой причине не могла быть простроена и структура Д/Д в целом: слова «Д/Д» оставались скорее метафорой, чем обозначением определённого понятия и соответствующего объекта. **Ликвидацию этого вынужденного обстоятельствами времени пробела мы вынуждены взять на себя,** начиная ее в настоящей работе, здесь и теперь.

Что касается науки, то мы сталкиваемся здесь с принципиально новой ее типологией. Упомянутые деятельностно ориентированные науки (НИР-2) призваны обеспечивать знаниями управление в широком смысле (Д/Д) и направлены на разработку нормативных теорий. В отличие от них, традиционные объектно ориентированные науки (НИР-1), обеспечивают производство, т. е. работу с косным материалом (Д/М) и нацелены на позитивные теории. Эта идея, упрощенно представляемая нами на схеме 1, также принадлежит Щедровицкому [Щедровицкий 1979]. Здесь мы говорим об этой новой типологии НИР для полноты картины: вообще, конечно, она требует отдельной проработки. Ниже мы сосредоточим внимание на собственно Д/Д: политике, ОРУ и нормоконтроле, которые и будем дальше для краткости именовать Д/Д, не возвращаясь более к науке.

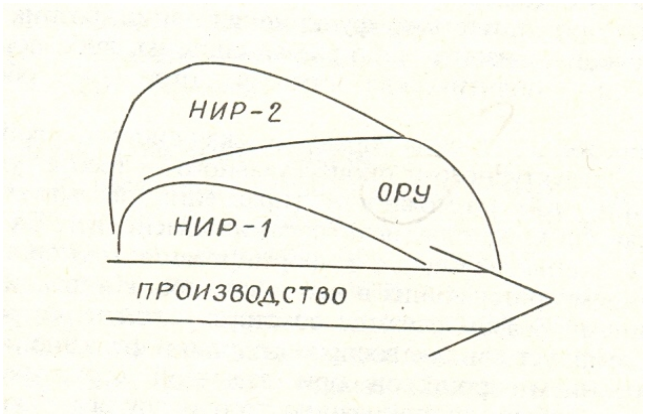

Рис. 1. Схема, иллюстрирующая различие объектно и деятельностно ориентированных исследований и соответствующих знаний.

Вернёмся, однако, к сопоставлению Д/Д с Д/М, а именно сопоставим складывающиеся представления о преобразовании косного материала (Д/М) и деятельностных систем («собственно» Д/Д). Использование научных (НИР-1) знаний применительно к Д/М в Новое время породило важнейшую профессию инженера. И здесь мы можем повторить уже знакомый вопрос: что занимает место — на сей раз инженерии — в системе Д/Д? Ответ, который мы надеемся пояснить и развернуть далее, состоит в том, что это место занимает управление. Причём противопоставление инженерии и управления, как ни странно, имеет преимущественно политическое значение. В свете всего изложенного выше это понятно: отношение к управляемой системе как к косному материалу уже в случае работы с крупными техно-природными системами проблематично, в случае же Д/Д «инженерный» подход выливается в известные эксцессы большевизма.

Историю этого вопроса можно проследить, начиная с «ревизиониста» Э. Бернштейна[24], через различение «тотальной» и пошаговой, поэлементной (piecemeal) социальной инженерии К. Поппера [Поппер 1993], проектного и программного подходов Щедровицкого, методологии организации общественных перемен С. Попова [Этюды…, 2002] — вплоть до нашего сопоставления власти и управления.

Сказанное в этом разделе можно резюмировать так. **Идея Д/Д позволяет с единой точки зрения взглянуть на всю предметную область «политико-управленческих наук» (а затем и на сами эти науки, но это вопрос второй). Впервые возникает перспектива анализа политики, управления и власти в их взаимосвязи и взаимодействии, как единой системы Д/Д, которую мы и намечаем далее.**

1.4. О предстоящей работе

Всё это позволяет, наконец, сформулировать цели нашей работы. В рамках обобщённого представления о Д/Д прорисовывается целый «пучок» деятельностей разных типов, ориентированных на преобразование других систем деятельности, чем они и отличаются от деятельностей с косным материалом (Д/М). Так вот, **наша цель** во второй части данной работы **состоит в том, чтобы представить целостную систему Д/Д, отчасти уже реализованную в общественно-исторической практике, отчасти же лишь проектируемую нами здесь и теперь; систему, которая позволяет свести к минимуму властные отношения господства/ подчинения между людьми.** (Вопрос о соотнесении власти и отношений господства-подчинения будет рассмотрен на своем месте.) Если угодно, — наметить систему «разделения труда» в сфере Д/Д в духе идей, которые обсуждает в последние годы П.Г. Щедровицкий (хотя соотнесение «деятельности» с «трудом» отдельная и очень важная тема).

Мы полагаем при этом, что именно система Д/Д является тем оружием, институционализация которого (если и насколько она возможна) позволит успешно противостоять экспансии мегамашин. Говорить же о воспроизводстве и институционализации мышления и М-деятельности (со сделанной в скобках оговоркой: если и насколько она возможна), или о воспроизводстве их условий (как это сделано ранее), с нашей точки зрения, безразлично. Как о стакане, наполненном на половину или полупустом.

С нашей точки зрения, предлагаемая далее картина Д/Д может и должна использоваться затем в качестве идеала организации мира деятельности, а тем самым и человеческого общежития в странах европейского культурного ареала и, прежде всего, в России: именно ситуация в России является отправной точкой нашей работы. Как ни парадоксально, мы при этом согласны с И. Шапиро [Шапиро 2012: 33], чей «политический идеал избегает конструирования „правильной“ модели общества и предписаний того, как ее достичь. Он скорее обращён к энергии и изобретательности людей, к их способности создавать практики, противодействующие господству или предотвращающие его появление». Но дело в том, что человеческая инициатива, на которую мы уповаем, как и Шапиро, требует для своего проявления определённых условий, именуемых обычно свободой. Её-то и призвана обеспечивать предлагаемая модель.

В связи со сказанным полезно ещё раз вспомнить о «текучей современности» Баумана, где меняется ориентация общественных преобразований. «Наши предки… меняли мир с целью сделать его неизменным. Такова была идея идеального общества. Например, коммунистического. Сегодня мы продолжаем менять мир, ни на что уже не надеясь» [Бауман 2006а].

[24] Суть его позиции, напомним, состояла в требовании к товарищам по социал-демократической партии отказаться от революционной идеологии и перейти к концепции эволюционизма и социального реформизма и, в частности, посредством местного самоуправления.

Мы не столь пессимистичны и считаем, что, меняя наш мир в период межвременья, упор надо делать не на конечную цель, а на принимаемые нами формы организации и способы действий. То, что будет получаться в итоге, прежде всего, будет зависеть от них.

В отличие от большинства авторов, пишущих на подобные темы, мы не работаем в привычных жанрах самодовлеющего анализа (существующего положения вещей), исследования (каких-либо предзаданных нам объектов), прогноза (обозримого будущего) или сценирования возможного хода событий. Нашу работу вернее понимать как проектно-изыскательскую (или проектно-исследовательскую), включающую в обязательном порядке пару: анализ существующей практики в сопоставлении с проектом желаемого (нами) состояния дел. Именно на основе такого сопоставления строятся ответы на вопросы, что и как делать сегодня, которые, собственно, и являются предметом дальнейшего обсуждения, на первом шаге по необходимости носящего предельно абстрактный характер. Вслед за тем предстоит упоминавшаяся работа восхождения от абстрактного к конкретному [Зиновьев 2002; Щедровицкий 1975b], но, как говорится, даже самая длинная дорога начинается с первого шага.

Таким образом, по своему содержанию настоящая статья покрывает предметные области целого ряда научных дисциплин (прежде всего, так называемого «политико-управленческого» ряда), политической философии и общественно-политической мысли в целом. Поэтому предлагаемая далее картина пишется **крупными мазками, и мы вынуждены опускать массу «подробностей», каждая из которых требует специального обсуждения, а за многими таятся проблемы.**

Если иметь в виду проектную составляющую нашей работы применительно к России, пока что мы делаем лишь первый шаг из трех на пути реализации нашего замысла. Второй шаг предполагает обсуждение, критику и проблематизацию предлагаемой ниже идеальной картины с последующей ее до- или переработкой. Только на третьем шаге целесообразен переход к программе действий, ориентированных на движение в сторону принимаемых идеалов, которые могут далеко уйти от предлагаемых изначально здесь и теперь. Таким образом, здесь мы предлагаем не ответ на классический вопрос «Что делать?» (в сегодняшней России), а материал для предварительного обсуждения этой темы. Попросту говоря, с учётом безмерной ответственности решения, прежде чем отрезать, предлагается семь раз отмерить и опробовать предлагаемую схему в собственной деятельности.

В третьей части работы мы постараемся проследить, как формировалась сфера Д/Д на протяжении истории, и каковы перспективы ее развития с параллельным оттеснением и локализацией власти — преимущественно на российском материале.

Дальше, однако, нам придётся преодолевать языковые трудности, обусловленные переходным характером нашего времени. Дело в том, что смена онтологии — в данном случае натуралистической на деятельностную — влечёт за собой и смену языка. Но начинать мы вынуждены, пользуясь уже сложившимся языком и последовательно выстраивая новые деятельностные понятия взамен отживающих свой век натуралистических. В первую очередь это касается политики, управления, власти и (принятия) решений, а в итоге и демократии.

2. Деятельность над деятельностью: общий вид

Это ведь есть азы той грамоты, которую должен знать человек XX и XXI века: типы деятельности, как они соединяются друг с другом, каковы законы каждого из них.

Г.П. Щедровицкий

Итак, теперь, во второй части работы мы будем конструировать систему правления для деятельностного мира, где должна быть исключена власть человека над человеком, и где (в рамках развиваемых представлений) только и может реализоваться конструкция, именуемая «правовым государством».

2.1. Основные типы Д/Д в схеме реализации преобразовательных замыслов

Повторим: любые преобразовательные замыслы всегда начинались и начинаются с осознания того, что не удовлетворяет субъекта, с прорисовки им ситуации и ответа на вопрос «Что делать?». (Другое дело, что в повседневной жизни мы ничего подобного можем не осознавать). Если речь идёт о Д/Д, ответ на этот вопрос мы квалифицируем как политическое решение, которому обычно предшествует борьба субъектов, имеющих общую сферу интересов (politics в отличие от итоговой политической линии — policy). Для полноты картины добавим, что в работе предпринимателя функциональным аналогом выработки policy оказывается самоопределение и целеполагание предпринимателя.

Вопрос о том, как (в борьбе) формируются и принимаются «политические решения», представляет самостоятельный интерес, и ему посвящена обширная литература, но нас интересует вопрос о дальнейшей судьбе такого «решения»: берём его в кавычки, поскольку в общем случае вовсе неизвестно, будет ли оно реализовано, и чем дело кончится[25]. К теме «решений» мы ещё вернёмся, в основе же наших построений лежит *жизненный цикл преобразовательных замыслов*, легитимируемых победой его сторонников в политической борьбе и порождающих новый раунд этой борьбы. Замыслы эти проходят в процессе своей реализации очень непростой путь, характер и степень осознания которого зависит от культурно-исторических условий.

Любая деятельность, по понятию, является преобразовательной, и, если вспомнить знаменитое марксово сравнение архитектора и пчелы, важнейшую роль для понимания этого обстоятельства имеет замысел. Основные этапы его жизненного цикла в первом приближении можно обозначить вопросами:

- Что делать (в сложившейся, но переставшей удовлетворять нас ситуации)?
- Как (реализовать замысел перемен)?
- Как, приняв тот или иной способ действий, обеспечить стабильность преобразуемой системы в целом и минимизировать возможные негативные последствия?

Этим трем вопросам можно поставить в соответствие три типа Д/Д, исторически сложившиеся к нашему времени для ответа на них в процессе общественного разделения труда: политику (**П**), призванную отвечать на первый вопрос, организационно-управленческую деятельность (короче, управление — **У**), отвечающее на второй, и обеспечиваемый властью закона нормоконтроль (**НК**), ответственный за решение третьего. Но здесь неизбежно возникает

[25] В качестве характерного в этом смысле решения можно вспомнить хотя бы о памятной «монетизации льгот»

дополнительный, четвёртый вопрос: что происходит, если замысел перемен предполагает изменение действующих законов? Очевидный ответ состоит в том, что наряду с нормоконтролем мы должны говорить о деятельности как бы парной ему, ответственной за разработку/коррекцию норм и законов: нормотворчество (**НТ**)[26]. Вот эта пара *нормоконтроль и нормотворчество* и есть в нашем проекте поле, отведённое власти, ее «резервация». Выход за ее пределы власти запрещён.

Вместе с тем определяющее значение для нас имеет понятная из всего сказанного ранее фиксация: **политику, управление, нормоконтроль и нормотворчество мы будем квалифицировать и описывать *как* различные типы М-деятельности,** объединяя при этом два последних под общим именем «работа власти». Разумеется, в зависимости от решаемой задачи их можно представлять и по-другому, но для нас все иные способы их представления будут иметь вторичный, вспомогательный характер. Специально подчёркиваем сказанное, имея в виду чудовищную путаницу, царящую по этому поводу в литературе, в том числе учебной. Правда, мы не подряжаемся наводить здесь порядок, поскольку предлагаем для обсуждения только одну из возможных версий концептуализации этого круга вопросов.

Заметим ещё, что несущим элементом обсуждаемой конструкции является управление. В прежние времена схема обходилась бы без него, была много проще и содержала бы испокон веков обсуждавшиеся философами два элемента: политику и власть. При этом в рамках натуралистической онтологии власть трактовалась как своеобразная склейка, например места (скажем, королевского трона) с его наполнением (человеком, имеющим статус короля), держателя власти с его поведением (либо деятельностью над поведением) или всего этого вместе, а политика как особого рода (хорошо известное этологам) поведение — борьба за власть. Вся эта конструкция дожила до наших дней, более того, господствует в странах третьего (а отчасти и бывшего второго) мира, хотя плохо стыкуется с оформившимися уже в XX веке идеями управления и институционализацией управленческой деятельности[27].

Исторические аспекты практик, которые рассматриваются теперь как различные типы Д/Д, и истории соответствующих понятий мы уже затрагивали [Рац 2013] и специально рассмотрим их в третьей части данной работы. Забегая вперёд, заметим только, что, как мы уже говорили, формирование управления как типа М-деятельности в целом ещё далеко от завершения и в известном смысле даже проблематично. Дело в том, что, во-первых, управленческая М-деятельность складывалась, как минимум, из трех разных источников: из штабной функции государственной власти, из управления собственностью и из самоуправления (городских коммун и т. п.). Причём эти три, скажем теперь, области приложения управленческой деятельности сохраняют свою специфику поныне. Во-вторых, управленческая деятельность как таковая изначально была внутренне разнородной и несла в себе зародыши очень разных занятий: от организации (т. е., преобразования структуры систем деятельности) до регулирования текущих процессов; от постановки и решения проблем до планирования предстоящих действий. В-третьих, наконец, управление даже теоретически — в профессиональном сознании и в науке — по сию пору не отграничено от политики и власти.

По гамбургскому счёту при всем обилии литературы управление как целостный тип М-деятельности пока лучше представлять себе не более чем «полуфабрикатом». Исходя из принципов системного подхода [Щедровицкий 1975а], в этой ситуации мы перенесём внимание с самóго управления на объемлющую его систему Д/Д. Имея в виду сферу Д/Д и три ука-

[26] Мы оставляем на будущее разговор о различении и соотнесении (культурных) норм и (юридических) законов.

[27] Говорить об институционализации управления в России можно только условно, поскольку, строго говоря, управления, по крайней мере, в системе государственной деятельности у нас практически нет. В условиях господства «вертикали власти» его и быть не может.

занных выше «главных» ее типа (**П**, **У**, **НК/НТ**), в самом общем виде представим современную позиционную структуру преобразовательной деятельности в схеме «лестницы» так:

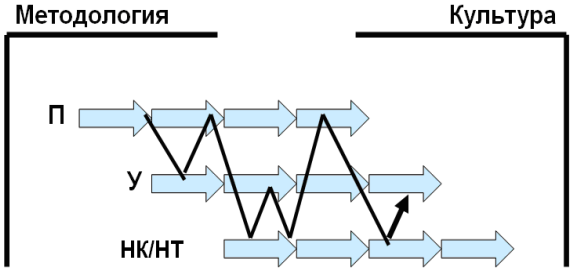

Рис. 2. Принципиальная схема реализации преобразовательных замыслов («схема лестницы»)

Поскольку эта схема в целом уже комментировалась в упомянутой статье (там речь шла и о рамках), ограничимся самым кратким пояснением к ней. Ряды горизонтальных стрелок на рисунке обозначают деятельности трех выделенных типов, которые в отличие от привычных ветвей власти делятся только функционально, но не морфологически. Нельзя рассадить политиков, управленцев, чиновников и законодателей по разным адресам: часто это одни и те же люди. Специальные знания, навыки и умения принадлежат человеку; функции, должностные обязанности приписаны к месту в штатном расписании; а различные типы деятельности используются людьми сообразно ситуации и решаемой задаче независимо от специальности и должности. **Одни и те же лица, занимающие различные места в аппарате управления, выступают в роли политиков, управленцев или держателей власти в зависимости от ситуации и задачи, решаемой ими в данный момент**.

Каждый тип деятельности по ситуации в любое время может сменяться другим, почему все горизонтальные стрелки «зашнуровываются» между собой (чёрной ломаной линией на схеме) на манер известной в методологии схемы программирования [Щедровицкий 1999]. Ломаная линия, таким образом, изображает траекторию движения замысла в ходе его проработки и реализации, когда, говоря метафорически, он переходит из рук в руки представителей разных позиций притом, что физически это может быть один и тот же человек, движущийся по позициям и осуществляющий при этом разные по типу работы[28]. Так мы представляем себе структуру Д/Д в целом, или, если угодно, управленческой деятельности в самом широком ее понимании — в отличие от ОРУ, локализующейся в ее центральной части.

Принципиально важно, что **происхождение, источник преобразовательных замыслов в схеме не имеет значения: таким источником может быть любой субъект безотносительно к его социальному, географическому и т. п. положению**. В том числе, и субъекты, заинтересованные в результатах уже идущих преобразований. Хотя вопрос, как подобные инициативы приобретают общественное значение (или, с другой стороны, как организовать их обсуждение), требует специальной проработки, сказанное надо подчеркнуть особо, как неотъемлемую часть предлагаемой схемы[29]. Дело в том, что эта формула обеспечивает «поря-

[28] Иначе говоря, иерархическая структура на схеме относится к парадигмальным представлениям, в то время, как на синтагматическом уровне («в жизни») иерархия превращается в гетерархию: по ситуации «сверху» может оказаться любой из обсуждаемых типов деятельности.

[29] В сущности, о том же на своем материале говорит Б. Манен [Манен 2008: 237] как о «примечательной особенности» принципа представительного правления.

док открытого доступа» к организационным инициативам, лежащий согласно Д. Норту и его соавторам в основе жизни современных развитых стран [Норт и др. 2011][30].

Выделенный тезис обозначает и ещё одну важную вещь: **предлагаемая система отбора и проработки замыслов преобразований лишена привычной** (особенно в России) **властной, иерархической регуляции.** Сама по себе фактически заложенная в схему сетевая регуляция принятия решений по сравнению с иерархической является (и, что не менее важно, по крайней мере, в профессиональном сообществе считается) новой парадигмой принятия решений [см., например: Соломонов 2014]. Но в нашем случае сетевой принцип отбора и проработки замыслов дополняется упорядочивающей его использование формой организации, предусматривающей последовательное разделение и, как мы убедимся далее, взаимную увязку соображений разного характера: политических, оргуправленческих и культурно-правовых.

Уточним дополнительно, что с нашей точки зрения, при этом речь должна идти не об отказе от управления («Куда-то за ненадобностью уходит слово „управление“, а значит, и иерархическая модель отношений; все начинает выстраиваться по формуле „не управление, а взаимодействие“»), а об отказе от властной иерархии. Сфера противопоставляемого власти управления, напротив, оказывается областью эффективного использования новой парадигмы наряду со сферами бизнеса и науки.

Схема лестницы задаёт лишь общий принцип организации Д/Д. Поэтому далее сосредоточимся на характеристике основных типов Д/Д с намётками детализации по отдельным занятиям, в особенности на стыках между основными типами.

2.2. Основные типы Д/Д, приходящей на смену «власти», и их характеристика

2.2.1. Основные типы Д/Д представлены в столбцах предлагаемой таблицы: 1. политика, 2. оргуправление (ОРУ с делением на три подтипа: 2.1. организовывание, 2.2. управление и 2.3. руководство), 3. Работа власти (нормоконтроль и нормотворчество). В строках намечена их характеристика, ориентированная на три системных плана: А. функции деятельности соответствующего типа, Б. характерные для него процессы и В. организованности, функционирующие в этих процессах.

Табл. 2.

Основные типы деятельности над деятельностью

Типы Д/Д **Системные планы**	**1. Политика**	**2. ОРУ**	**3. Работа власти**
А. Функции	Фиксация картины мира и вы-	Обеспечение реализации политических решений	Обеспечение соответствия изменений действующим нормам

[30] Акад. С.П. Новиков, математик, далёкий от обществоведения, с детской непосредственностью говорит об этом порядке: «Только США создали возможности стать в 21 веке миллиардером на внедрении инноваций, а не жульничества — без государства и рабства перед юристами и чиновниками» (http://www.kapitza.ras.ru/arhiv/doc/novikov.pdf).

	бор направления изменений	2.1. Организовывание	2.2. Управление	2.3. Руководство	3.1 Нормоконтроль	3.2. Нормотворчество
Б. Процессы	Конкурентная борьба, реализация победившей линии (см. ОРУ)	Оргпроектирование Реализация проекта	Рефлексия, коммуникация, ассимиляция деятельности знанием[31] (программирование)	Обеспечение подчинения – добровольное, либо принудительное	Коррекция и обеспечение подчинения (исполнения)	Нормирование, законотворчество
В. Организованности	Ориентиры, стратегии, предметы, масштабы действий	Организация (как продукт организовывания), позиции, цели	Ситуации, рамки, темы (объекты управления), позиции, проблемы	Задачи (вместо целей), кадры (вместо позиций). Приказы	Законы[32], нормы, эталоны и образцы.	

Так мы представляем себе поле наших возможных занятий на перспективу (типологию Д/Д). Сквозь эту таблицу можно с равным успехом смотреть на бизнес и государственное управление, хотя в обоих случаях есть, конечно, своя специфика. Не следует забывать и о том, что любая М-деятельность, по идее, должна завершаться подведением итогов, анализом опыта и рефлексией: это дело не нашло своего места в таблице, поскольку мы ограничили ее специфическими для Д/Д занятиями.

Общий механизм осуществления Д/Д, напомним, состоит в непосредственной передаче в «нижележащую» деятельность тех или иных организованностей, которые должны ее изменить. Место таких организованностей могут занимать регулятивы (ценности, цели, нормы), знания, проекты — от идей до прямых указаний. Связанные с самоопределением «исполнителей» организованности (ситуации, ценности, цели) как раз изымаются у них в случае принудительного обеспечения подчинения (клетки 2.3-Б и 3.1-Б таблицы).

Специального комментария требует появление в таблице третьего столбца — «работы власти». Дело в том, что власть — теперь мы говорим о *власти закона* — теснейшим образом связана с управлением и завершает его работу двумя указанными выше способами. Такое завершение необходимо, если мы хотим сделать принимаемые управленческие решения обязательными для исполнения, а нужда в этом возникает постоянно. **Нормоконтроль по функции противостоит политике и управлению: последние нацелены на перемены, первый — на не менее важное поддержание стабильности.** Таким образом, власть (правового) закона не имеет ничего общего с властью человека над человеком, порождаемым ею отношением господства-подчинения и мегамашинной организацией, о которых шла речь в первой части нашей работы.

(Здесь нужно сделать важное терминологическое замечание. В рамках нашего проекта власть ограничивается властью закона, а любой ее выход за эти рамки (за вычетом отношений руководства по типу учителя и ученика), когда возникает власть человека над человеком, мы считаем злоупотреблением властью и квалифицируем как отношения господства/подчи-

[31] Управленческое знание захватывает управляемую деятельность, меняя ее «природу» подобно тому, как меняют операционное содержание сложение и вычитание при переходе от арифметики к алгебре.

[32] (Пассивная) власть закона должна быть не слабее, а крепче, чем (активная) власть/господство одних людей над другими

нения. Насилие, по идее, возникает при сопротивлении власти, и только в рамках власти закона может считаться легитимным).

С другой стороны **управление в обобщённых типовых ситуациях** (в отличие от конкретных, экземплифицированных, где получаются конкретные результаты и продукты) **завершается в деятельности законодателя — нормотворчестве**: смене/коррекции законов.

Всё это, конечно, очень общо, и мы подробнее обсудим эту тему далее (п.п. 2.2.4 и 2.2.5), а пока заметим, что организация и содержание всех обсуждаемых типов деятельности сильно отличаются от практикуемых в настоящее время, а их системная связка и представление в целом предлагаются вообще впервые. Если думать о реализации предлагаемой схемы, возникает множество вопросов: прежде всего, как обеспечить согласованное осуществление всех этих разнонаправленных, но сплетённых в один клубок занятий, и как удержать при этом стабильность? Мы связываем перспективу проработки и возможной (в более или менее отдалённом будущем) реализации данных или других, такого рода предложений с участием юристов и считаем первоочередной задачей хотя бы намётку норм, вводящих и закрепляющих предполагаемую практику, а также обеспечивающих ее будущее воспроизводство.

После этих общих соображений перейдём к краткой характеристике основных идеальных типов Д/Д, какими они видятся в оппозиции к господствующей «за окном» практике. Поскольку смена наших (пока что) представлений и формирование концепции Д/Д обусловлена институционализацией и переосмыслением управления, с него и начнём.

2.2.2. Оргуправленческая деятельность в целом (ОРУ) была основательно описана Г.П. Щедровицким [Щедровицкий 2000; Щедровицкий 2003], как мы теперь понимаем, в качестве концептуального проекта. Мы рассчитываем на читателей, знакомых с этими работами и в дополнение к сказанному выше (в п. 2.1) ограничимся здесь несколькими общими соображениями.

Поскольку в отличие от политики и власти управление стало осознаваться как особый род занятий только на рубеже XIX и XX вв., у людей было очень мало времени на осмысление этого фундаментального явления. После победного шествия кибернетики, по-видимому, бесполезно бороться с получившим массовое распространение представлением о том, что управление — это целенаправленный перевод любой заданной системы в нужное состояние. Таково, с нашей точки зрения, определение не управленческой, а объемлющей ее преобразовательной деятельности, или просто деятельности как таковой, включая, между прочим, и Д/М[33]. Мы, однако, будем говорить здесь об управлении, имея в виду управление только системами деятельности в рамках Д/Д.

Напомним, что назначение управления мы видим в решении вопроса о том, *как* реализовать порождаемые в политике замыслы преобразований. В большинстве случаев (все они по-своему уникальны) для этого нет ни готовых форм организации, ни полного набора требуемых по ситуации методов и средств, чем и вызывается к жизни оргуправленческая деятельность с ее специализированными подтипами и «штабными функциями». Они формировались в XX веке параллельно с осмыслением оргуправленческой деятельности в целом. При этом в теории (до и вне ММК, где произошёл синтез) доминировал второй процесс, в то время как на практике, шла, скорее, диверсификация и, что важнее и хуже, — профанация управления, которым часто занимались случайные люди (в СССР чаще всего партийно-комсомольские деятели и инженеры).

[33] Впрочем, вспоминая о сопоставлении инженерии и управления, надо признать, что применительно к Д/Д слово «преобразования» вряд ли уместно: С. Попов не зря говорит об организации «общественных перемен» [Этюды… 2002].

К специализированным подтипам относятся организационная работа (столбец 2.1. в таблице 2) и — после создания/перестройки необходимых оргформ — собственно управление, центрирующееся на технологии программирования, проблематизации и искусства решения проблем (столбец 2.2). Исполнение управленческих решений обеспечивается посредством руководства (столбец 2.3), представляющего собой реликт властных отношений господства/подчинения в сфере Д/Д, сохраняемый специально для случаев, когда без этого нельзя обойтись (когда надо рукой показывать или за руку вести), типа отношений учителя с ребёнком. Таким образом, руководство радикально отличается от нормоконтроля, реализующего власть закона (см. п. 2.2.4). Штабными функциями Щедровицкий назвал обеспечивающие оргуправленческую М-деятельность интеллектуальные практики, прежде всего оргпроектирование и программирование. К ним же относятся прогнозирование, сценирование, планирование и такие плохо освоенные пока, а отчасти и недостаточно разработанные техники, как тематизация, целеполагание, проблематизация, объективация и т. п.

Мы не будем останавливаться на более подробной характеристике всех этих занятий, потому что, их общее описание дано в упомянутых работах Г.П. Щедровицкого[34]. Кроме того, сейчас, как уже говорилось, нас интересует общая картина Д/Д и, в частности, ОРУ, но опять же как целостного, пусть и проблематичного типа М-деятельности. Для понимания текущей ситуации здесь важно добавить, что в силу расщепления управленческой практики на перечисленные виды занятий управление как новый сложный тип деятельности редко «садится» на личность, классическим примером которой может по-прежнему служить Д. Форд.

Согласно Щедровицкому, управление трактуется как деятельность, реализующая представления о будущем управляемой системы (которое завтра станет ее настоящим). Основные практики управленческой деятельности (в бизнесе, городском самоуправлении и в государственной деятельности) вполне соответствуют такому пониманию, которое коренным образом отличается от понимания управления в кибернетике не только типом управляемого объекта, но также своей структурой и особенностями управленческой надстройки. Что касается структуры, то мы уже говорили, что в отличие от двух рядоположных, согласно кибернетическим представлениям, подсистем — управляющей и управляемой, — в методологии предлагается «матрешечная» структура, в которой управляющая система рефлексивно охватывает и ассимилирует нижележащую управляемую.

Для нашей темы особое значение имеют два обстоятельства. Во-первых, управленческая надстройка в этой схеме обладает рефлексией и мышлением, в особенности, проектным (в широком смысле, т. е. включая программирование, сценирование и т. п.); во-вторых, основным способом воздействия управляющей системы на управляемую становится коммуникация, их отношения оказываются диалогическими [Рац 2004][35]. К настоящему времени накопилось уже достаточно работ, где эти тезисно изложенные здесь представления развёрнуты и обсуждены с разных точек зрения. Однако, несмотря на отсутствие внятных возражений, они пока очень далеки от того, чтобы стать общепринятыми. Наряду с обычной инерцией и труднопреодолимой тенденцией к воспроизводству сложившихся форм, мы связываем это явление с упоминавшейся сложностью ОРУ в целом, а также с объективной трудностью принятия представлений об управлении при сохранении господствующей натуралистической (в данном случае поведенческой) онтологии.

[34] О программировании см. также: Щедровицкий 1999; оргпроектированием сейчас занимаются наши коллеги по Программному клубу во главе с М. Флямером: http://www.fondgp.ru/ projects/seminar/practice/oru-2

[35] Это не такие уж абстракции. Мы уже цитировали по этому поводу В. Пономарева (примеч. 2). Б. Обама в своей каирской речи 2009 г. говорил о поддержке режимов, которые правят с помощью убеждения, а не принуждения.

Строго говоря, последние несовместимы. Редукция деятельности к поведению ликвидирует возможность управления, сводя его к власти. Но именно такова естественная тенденция жизни общества (мы уже не раз писали об этом выше). И, если мы хотим в борьбе с нею искусственно восстанавливать М-деятельность и управление, необходимо понять действующие здесь механизмы. Предвосхищая их обсуждение в третьей части нашей работы, скажем о них очень коротко, пользуясь самой простой моделью.

На естественную деградацию М-деятельности часто накладываются усугубляющие ее И-воздействия обычно политического происхождения. Но, если пока оставить их в стороне, можно заметить, что даже у преуспевшего управленца, добравшегося до места (кресла), дающего власть, может потеряться самоконтроль, возникнуть желание, а затем и привычка руководить подведомственной ему системой деятельности подручными средствами, опираясь на здравый смысл и опыт, без чрезмерного внимания к регулирующим его деятельность нормам. Тем более что это желание корреспондирует с присущим большинству людей стремлением избегать ответственности, уходить от проблем (то, что Э. Фромм [Фромм 1990] назвал «бегством от свободы»). Патерналистская власть служит всего лишь логическим завершением этой тенденции. В итоге у всех действующих лиц теряется рефлексия, а вместе с ней и ви́дение ситуации; целеполагание узурпируется властью и привязывается к набору задач, способы решения которых наперёд известны…

Сложнейшей проблемой оказывается восстановление М-деятельности и возврат к управлению (реально именно к этой проблеме относится известная шутка об изготовлении яиц из яичницы). Теоретически понятно, что на смену власть имущим должны придти лидеры, обладающие рефлексией и мышлением, способные не только честно прорисовать ситуацию, но и работать в ситуации множества акторов, имеющих разные, нередко взаимоисключающие и, возможно, нереализуемые при этом цели. Видимо, неслучайно на уровне государств история не знает примеров мирного перехода такого рода, осуществлённого своими силами. Далеко не мирным путём происходили такие перемены в ходе буржуазных революций. Внешней помощью удалось обойтись после второй мировой войны Германии и Японии, а после развала «социалистического лагеря» — странам «народной демократии».

В данном контексте важно ещё указать на своего рода «двухэтажный» характер управления (не путать с верхним и нижним этажами ОТС). Мы имеем в виду различение управления предметной деятельностью, например, производством: коррекцию его целей, регулирование производственных процессов и т. п., с одной стороны («на первом этаже»), и управление развитием, ответственное за постановку и решение проблем, обогащение арсенала используемых средств и соответствующие вклады в культуру — с другой («на втором этаже»). Вслед за Щедровицким мы считаем определяющим для управления «второй этаж»: в его отсутствие управляемая деятельность рискует выродиться в поведение, а само управление — во власть. Но такое понимание управления содержит в себе проблему («вечный двигатель» управленческой деятельности), заключающуюся в противонаправленности работы в первом и втором этажах: внизу управленец должен работать, сообразуясь с законами функционирования социальных (мега)машин [Бауман 2010] и/или культурными нормами, наверху его задача — разрушение некоторых из этих норм (по ситуации) и созидание новых.

2.2.3. Политика. Предлагаемая интерпретация политики была задана Г.П. Щедровицким более тридцати лет назад [Щедровицкий 2000: 116] и в значительной мере стимулировала нашу работу в этом направлении. Соответственно, мы исходим из того, что политика (Politics) возникает в результате столкновения конкурирующих управленческих систем, когда они убеждаются в невозможности реализовать своё ви́дение будущего общей сферы интересов вне взаимодействия друг с другом. Итогом такой борьбы оказывается «равнодействую-

щая» конкурирующих позиций — Policy. Надо только отчётливо понимать, что «равнодействующая» в большинстве случаев — не более, чем метафора, поскольку может явиться результатом победы одной из конкурирующих систем над другой (другими). Повторим, что с нашей точки зрения, эта деятельностная интерпретация политики приходит на смену ее натуралистической трактовке как борьбы за власть (или, скажем мягче, пока дополняет последнюю и, как мы надеемся, потеснит ее в обозримом будущем).

Вопрос о картинах будущего далеко не так прост, как может показаться. Дело в том, что представление об управленческих системах как отдельно взятых, существующих автономно, во многом условно. В реальности управленческие системы всегда взаимосвязаны с соседними, т. е. как бы погружены в политический «бульон», в котором у каждой из них вырабатываются свои представления о будущем. т. е., картины будущего и формируются, и реализуются в конкурентной сфере политики, хотя принадлежат при этом разным управленческим системам.

Вот — наряду со сказанным — основные характеристики *politics* как деятельности особого типа. Надо только иметь в виду, что большинство этих характеристик приобретает свои нюансы применительно к каждой из двух указанных трактовок политики (как борьбы за власть и как конкуренции проектов будущего):

– многосубъектность и конкурентность;

– определяющая роль будущего: в ядре политики оказывается проектное (в широком смысле) мышление[36];

– общность для всех участников политической борьбы «сферы интересов» при различии представлений о ее будущем и путях его достижения;

– двухвекторность: вектор *politics* направлен на противников, *policy* — на общую для всех сферу интересов;

– неделимость сферы интересов, неуничтожимость противника и связанный с этим

– вынужденный характер.

Перечисленные характеристики можно понимать и как необходимые условия осуществления политической деятельности: если хотя бы одно из этих условий не выполняется, в рамках развиваемой концепции не следует называть происходящее при этом политикой.

Всё это, однако, ещё не даёт ответа на вопрос, что же должны делать политики. В функции политики и политиков входит перманентный анализ непрерывно меняющейся ситуации в сфере их общих (с конкурирующими политическими субъектами) интересов и вокруг нее, а на этой базе выработка текущего ответа на основной профессиональный вопрос «Что делать?». Странным образом при всем очевидном многообразии политик разного рода (по предметной и ценностной ориентациям, пространственно-временным масштабам и др.) в общем виде эта тема впервые рассматривалась совсем недавно в работе одного из авторов [Рац 2010b].

Вряд ли есть смысл обсуждать ситуативные и бесконечно многообразные ориентиры политики, но необходимо указать, что принимаемые политиками принципиальные решения могут и должны основываться на картине мира[37] и шкале ценностей (последние живут в культуре и, следовательно, очищены от ситуативно-шкурных интересов, присущих миру со-

[36] В случае борьбы за власть представление о будущем редуцируется до вопроса о том, кто же будет находиться при власти.

[37] Не следует путать принимаемую нами картину мира (онтологию) с подробностями устройства этого мира, которыми занимается позитивная наука. Мы уже говорили о «гильотине Юма» (в п. 1.1.): «невозможно вывести то, что должно быть, из того, что есть», фактологические, описательные утверждения сами по себе не могут отвечать на вопрос о том, что следует делать. Напротив, на примере двух обсуждаемых онтологических картин и соответствующих интерпретаций политики видно, что именно от них, в первую очередь, и будут зависеть политические решения.

циальности [Щедровицкий 1995: 50–56]). В противном случае политика вырождается в политиканство, каким оказывается в рамках деятельностной онтологии борьба за власть ради нее самой (Мы уже цитировали по этому поводу М. Вебера: п. 2.1, **α**). С принимаемой нами картиной мира, онтологией, среди прочего связано и пространство возможных стратегий, прорисовка которого представляется вполне актуальной. В отличие от господствующих недостаточно систематизированных представлений, мы предлагаем для обсуждения следующую общую схему.

На первом шаге различаем ориентации на стабильность vs перемены. Для типологизации перемен можно предложить простейшую матрицу 2x2. С одной стороны, мы делим их на растянутые во времени и сконцентрированные; с другой по соотношению искусственного (И) и естественного (Е) начал — на И/Е (когда преобразования приводят к артификации естественных процессов) vs Е/И (когда, напротив, происходит оестествление наших преобразовательных усилий).

Табл. 3.

К типологии общественных перемен

Соотношение И и Е Временна́я характеристика	И/Е	Е/И
Растянутые	Выращивание, культивирование	Эволюция
Сконцентрированные	Реформирование	Революция

В клетках матрицы мы получим соответственно:

- искусственно осуществляемые (И/Е) растянутые перемены, для которых нет общепринятого имени, скорее всего, выращивание, культивирование;
- эволюцию — растянутые во времени Е/И перемены;
- реформирование как подконтрольный нам (И/Е) процесс сконцентрированных во времени перемен;
- революцию, трактуемую как выход из-под контроля и оестествление сконцентрированных во времени преобразовательных усилий;

Наконец (для России это, видимо, практически наиболее важный момент), И/Е перемены независимо от их временны́х характеристик могут быть разделены по наличию или отсутствию прототипов на модернизацию/внедрение vs развитие/инновации [подробнее об этом см. Рац 2011].

Коренное отличие данной схемы от господствующих представлений, а также и от других оригинальных предложений такого рода (см, например, недавнюю статью В.В. Никитаева [Никитаев 2013]) подчёркивает необходимость дальнейшей проработки этой важнейшей темы. Но уже сейчас можно заметить, что стратегии мы связываем только с И/Е переменами и деятельностной онтологией; Е/И перемены свидетельствуют, скорее, об отсутствии какой бы то ни было стратегии, и являются результатом господства натуралистической (поведенческой) онтологии. При этом концепция Д/Д непосредственно относится только к (И/Е) стратегиям, а, революции и эволюция требуют, с этой точки зрения, специального обсуждения.

Мы считаем, что революцию определяют властные отношения господства-подчинения, когда власть имущие и подвластные меняются местами согласно схеме «Кроликов и удавов»

Ф. Искандера [Искандер 1982]. Поэтому неслучайно Запад, где такие отношения носят подчинённый характер, а преобладает система Д/Д, уже добрую сотню лет обходится без революций. Что касается эволюции, то мы связываем ее с «идеальным» властным правлением, при котором власть имущие работают по схеме реактивного поведения (что в целом как раз характерно для России, в частности после Второй мировой войны). Если и когда власть имущие осуществляют деятельность над поведением, у них появляется возможность перейти в режим реформирования. Впрочем, реализуется такая возможность редко: для этого власть должна принадлежать выдающимся личностям. С этой точки зрения было бы полезно рассмотреть, например, историю Кодекса Наполеона и реформ Александра II.

Завершая этот беглый обзор политики, наряду со сказанным нельзя также не упомянуть такое практически важное дело, как выбор предметной фокусировки приложения усилий политиков, например, по списку типа следующего:

1. Территориальная подложка,
2. Д/Д со своими организованностями, включая государственную машину,
3. Наука/образование,
4. Хозяйство,
5. Быт и потребление,
6. Сфера клуба и отдельно
7. Культура, определяющая воспроизводство каждой из составляющих сфер и всей этой целостности (страны, региона, города).

Конечно, в принципе надо заниматься «всем», но без какой-то фокусировки усилий и концентрации всегда ограниченных ресурсов здесь не обойтись. К тому же в разных фокусировках могут одновременно осуществляться разного типа стратегии. Сложность всей этой политики такова, что политическими субъектами (а, значит, и субъектами управления, и нормоконтроля) в современном мире могут быть только субъекты коллективные, сами по себе сложно организованные.

2.2.4. Нормоконтроль как работа чиновников. В отличие от политики, которой мы занимаемся уже много лет, и управления, обсуждавшегося ещё самим Г.П. Щедровицким, нормоконтроль как особый тип МД и объект анализа выделяется нами впервые, и мы можем высказать здесь только самые первые эскизные соображения [подробнее см. Рац 2010с]. Первая и определяющая мысль, на которой строятся все эти соображения, состоит в том, что, **согласно нашему замыслу, функция нормоконтроля ложится на чиновников.**

По аналогии с «политикой» и «управлением» мы трактуем нормоконтроль в качестве особого, идеального или «чистого» типа деятельности и приписываем его чиновнику. При этом выражение «работа чиновника» в обычном словоупотреблении характеризует скорее работу (гос)служащего, идентифицируемую не по типу деятельности, а по должности и месту службы и фактически включающую, как уже отмечалось, разные типы деятельности. Отказаться от этой повсеместно господствующей традиции невозможно, да и не нужно, и мы наметим здесь контуры работы чиновника (вспоминая Вебера, «как призвание и профессию»), включающей оба эти важнейших момента.

Итак, важнейшую и определяющую функцию «чистой» деятельности чиновников мы видим в обеспечении соблюдения установленных законов, причём не только и даже не столько в условиях стабильности (это само собой разумеется), сколько в условиях перемен: **перемены должны осуществляться законным образом**. В идеальной действительности чиновник как носитель своего особого типа деятельности олицетворяет власть закона, и в цивилизованном обществе XXI в. власть такого типа (не *кого*, а *чего*) нужно считать единственно

приемлемой и легитимной в мирное время. С этой точки зрения (в чем видится величайшее значение идеи власти закона) **отношения господства и подчинения, когда** — напомним формулировку Щедровицкого — **«одни люди узурпируют власть, присваивают ее себе, отнимая у других», следует мыслить как злоупотребление властью**[38].

Таким образом, в идеале — как особый тип — «чистая» деятельность чиновника, олицетворяющего власть закона, противопоставляется работе политиков и управленцев, ответственных за перемены. За этим вроде бы парадоксальным противопоставлением стоит простая фиксация: власть как способность *заставить* людей делать то, что и как считается нужным, легитимна постольку, поскольку направлена на поддержание существующего и привычного для людей порядка. Поддержание легитимного порядка в принципе не требует обсуждения. Любые же нововведения, проводимые политиками и управленцами, должны согласовываться с теми, чьи интересы они так или иначе затрагивают: в противном случае нововведения вызывают отторжение и превращаются в насилие. Что и понятно, ибо, по справедливому замечанию Исайи Берлина, жизнь дана человеку затем, чтобы он прожил ее по-своему.

Иными словами, реализуемая чиновниками власть закона, по идее, монологична — в отличие от диалогичных политики и управления. Молчаливая законопослушность большинства и бурные дебаты, сопровождающие законодательные инициативы, вместе с повсеместным распространением разнообразных форм демократии участия подтверждают, что в развитых странах практика именно так и строится. В итоге можно сказать, что в идеальной действительности власть (закона) — инобытие политики и управления: последние умирают во власти или, если угодно, теряя собственное лицо, предстают в качестве власти, когда ориентированы на воспроизводство и поддержание стабильности, а не нацелены ни на какие новшества.

Но наряду со сказанным, в работе госслужащего, «чиновника по должности», неизбежно сочетание разных типов деятельности, ибо никакое конечное число законов не может угнаться за бесконечным разнообразием жизненных ситуаций. Как показывает исторический опыт, ни детализация законодательства, ни прецедентное право этой проблемы не снимают. Поэтому госслужащий — чиновник по должности — не может ограничиваться формальным нормоконтролем, хотя это его непременная обязанность. В работе госслужащего регулярные расхождения между буквой закона и реальными ситуациями постоянно порождают проблемы, которые, во-первых, необходимо выделить и идентифицировать в качестве таковых и, во-вторых, решить. Выведение в идеальный план и проблематизация жизненных ситуаций — серьёзная нагрузка не только на интеллект, но и на нравственные устои чиновника, который при этом сам создаёт себе препоны в отправлении служебных обязанностей. Для разрешения подобных коллизий, требующего уже управленческих решений, в зависимости от содержания своей должностной инструкции чиновнику приходится принимать решение самому, либо обращаться на вышестоящий уровень бюрократической иерархии, представители которого могут быть отнюдь не рады такому обращению: у них своей работы хватает. Чиновник здесь вынужден выступать в позиции управленца, а то и политика.

Примерно так мы представляем себе идеал «рациональной бюрократии», отделённой от автономизировавшейся управленческой деятельности, через сто лет после Вебера. Эта картина, однако, далека от реальной жизни, в силу исторических причин особенно в России. Облегчая себе жизнь и избегая проблематизации, чиновник по должности либо принимает решение согласно букве закона — вопреки тому, как в данном случае следовало бы поступить по совести, — в чем и состоит характерное проявление бюрократизма; либо «входит в поло-

[38] Замечательно, что сходный мотив мы находим ещё у Екатерины II: «…Надлежит быть закону такову, чтоб один гражданин не мог бояться другого, а боялись бы все одних законов» [Сэндоу 2009]. Современные политические мыслители переоткрыли эту забытую истину [Шапиро 2012].

жение» и действует по ситуации, нарушая закон, что уже близко к коррупции. К тому же важно отличать от идеальной стабилизирующей функции власти реальные консервативные наклонности чиновничества, связанные с его корпоративными интересами: это уже политика. В первом случае, о котором говорилось выше, речь идёт об осуществлении перемен в рамках действующего законодательства (включая и изменения в самом законодательстве — в соответствии с установленными процедурами), во втором — о возможном сопротивлении переменам.

Это (как, собственно, описание М-деятельности любого типа), конечно, отдельная тема, здесь же для полноты картины мы закончим ещё упоминанием о делопроизводстве, тоже лежащем на плечах чиновника, которое заслуживает не только сатиры, но и серьёзного изучения.

2.2.5. Нормотворчество — работа законодателей. В определённом смысле работе чиновника противоположна работа законодателя: если первый призван обеспечивать соблюдение действующих норм, в том числе и законодателем, второй занят преобразованиями (изменением, дополнением, коррекцией) действующей системы норм, которую должен блюсти первый. Как уже говорилось, управление обеспечивает движение, власть закона — стабильность. Но, с другой стороны, власть (менять законы), реализуемая законодателем, служит как бы продолжением управления: **управление умирает во власти**.

Сказанное накладывает жёсткие ограничения на законодательную деятельность, которую, при всем обилии посвящённой этой теме литературы ещё только предстоит проанализировать и описать как деятельность особого типа. Мы считаем, что в основу ее переосмысления следует положить категориальную пару «искусственного» и «естественного» [Рац 2010а], т. е. вопрос о том, в какой мере законодателю необходимо считаться со сложившейся практикой, а в какой можно и нужно ее изменять. Сошлёмся в связи с этим на важную работу Я.Ш. Паппэ [Паппэ 1994], различившего два полярных типа законов: законы-фиксации и законы-проекты (не путать с законопроектами). Первые создаются в режиме рефлексии сложившейся практики, вторые — в режиме проектирования желательного (законодателю) положения дел. Здесь, однако, мы не можем развивать эту тему и в порядке исключения ограничимся важнейшим, с нашей точки зрения, вопросом о взаимосвязи законодательной деятельности с политикой и управлением. Итак, мы считаем, что законотворчество должно трактоваться как особая и полезная только в особых случаях технология управления. Полезна она в тех случаях, когда рассматриваемая ситуация и принимаемое применительно к ней решение носят типовой характер и/или касаются социальных институтов. Этот тезис кажется достаточно очевидным. Много труднее разобраться в технологической стороне дела.

Рассмотрим ее коротко, поскольку, повторим, все наши соображения предназначены пока только для обсуждения, а не для реализации. Итак, законы обычно принимает парламент, где есть разные комиссии и комитеты, которые занимаются законотворчеством. В рамках нашей концепции нужно считать, что депутаты, заседающие в комитетах и комиссиях, осуществляют оргуправленческую деятельность. А власть имеет лишь парламент при наличии кворума. Говоря метафорически, власть только кнопки нажимает. В каком смысле власть принимает законы? Она их (законы) как бы штампует, Законопроект разрабатывается и предлагается власти оргуправленцами, политиками, а власти остаётся поставить штамп: принято — не принято. Это есть единственная функция законодательной власти как таковой. Она оказывается особой технологией реализации политических и управленческих решений [ср. Манен 2008: 239 и др].

Возникает интересная коллизия: управление должно менять действующие законы, а законы должны одновременно регулировать реализацию управленческих решений. Разобраться

в этой коллизии, можно с помощью схемы «процесс-механизм» [Щедровицкий 1975с]. Будем считать, что управление выступает в роли механизма, обеспечивающего процесс изменения законодательства. Но изменение законов в силу приписанной им власти, со своей стороны, меняет работу управленца. Если мы хотим сохранить стабильность системы, здесь возникает жёсткое требование к законодателям: новые законы могут менять условия управленческой деятельности, но не должны ей мешать. Тогда, как пишет Щедровицкий [там же: 171], «мы можем осуществить симметричное оборачивание схемы и рассмотреть сам исходный процесс (в нашем случае изменения законодательства — М.Р., С.К.) как механизм, производящий процесс изменений в той структуре, которая изначально выступала у нас в роли механизма» (т. е. в системе управления — М.Р., С.К.). В итоге получается «слойка из двух противоположно ориентированных структур, как бы наложенных друг на друга» (рис. 3).

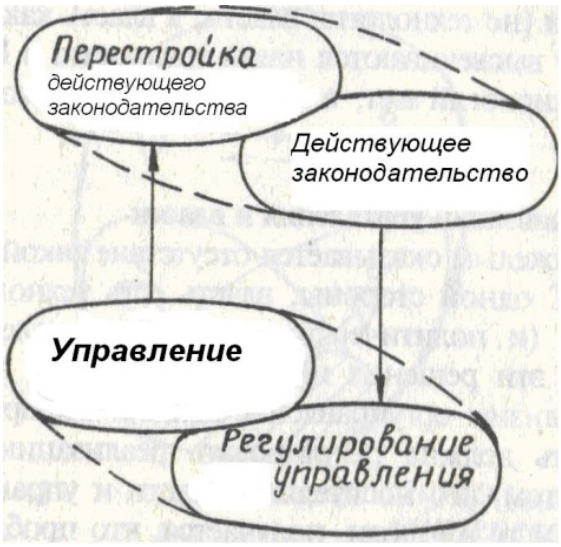

Рис. 3. Интерпретация отношения управления и законодательства по схеме «процесс — механизм» (пояснения в тексте)

Подводя итоги сказанному выше (в п.п. 2.1, 2.2.1, 2.2.4 и 2.2.5) о власти, легко видеть, что, если мы хотим развивать нашу общественно-политическую систему, то необходимо избавиться от синкретического ее (власти) понимания, как сакральной, данной «от Бога», как «сущностно оспариваемого понятия» и т. п. Следуя в фарватере «расколдовывания мира», давно пора рационализировать власть и во избежание злоупотреблений власти (и властью), загнать ее в намеченную резервацию. Для этого мало просто *рассматривать* политику, управление и работу власти как единый процесс реализации замыслов преобразований. У нас «за окном» они плохо различаются, а потому, естественно, слеплены воедино. Нужно же чётко их различать, функционализировать и, пользуясь этим, соответствующим образом (искусственно) *выстраивать и выращивать*, — а это разные стратегии обновления — систему Д/Д.

Собственно, рассматривая работу власти в рамках Д/Д, мы тем самым уже ушли далеко от существующего, по крайней мере в России, положения дел, когда работа власти больше напоминает СК-поведение, а Д/Д, если и встречается спорадически, то на правах пасынка и чаще за пределами государственной машины. Вообще, напомним, что рассмотрение власти не является нашей задачей в данной части работы: мы обратимся к ней далее в рамках истории. Здесь же говорим о ней только по необходимости и для полноты картины можем добавить, что не рассматриваем здесь также классической темы разделения властей, обсуждение которой требует участия юристов.

Поясним, однако, почему в третьем столбце табл. 2 отсутствует судебная власть. Дело в том, что с точки зрения осуществляемой ею деятельности судебная власть может рассматриваться как одна из двух важнейших разновидностей нормоконтроля, призванная (наряду с исполнительной властью) обеспечивать в обществе стабильность и правопорядок. По части судебной системы это ничего не меняет, а важнейший вывод из такого неожиданного объединения касается работы чиновников, которые (как и судьи) в принципе только тем и заняты, что пресекают неправомерные действия различных акторов и разрешают — в данном случае обычно латентные — конфликтные ситуации. Из чего, между прочим, следует расширенное по сравнению с традицией понимание правоприменительной практики, включающей наряду с работой суда ещё и работу чиновников.

2.3. Диверсификация Д/Д и стыки между разными её типами

2.3.1. Несколько общих моментов. Мы здесь предельно лапидарным образом говорим только о самых крупных узлах нашей темы, но необходимо хотя бы указать на то, что за каждым из выделенных в таблице типов МД формируются свои подтипы и разновидности. Применительно к политике они отчасти давно и широко известны (как внешняя, внутренняя, отраслевая и т. п.), но, как уже упоминалось, специально проанализированы и впервые систематизированы совсем недавно. Применительно к ОРУ о них вкратце писал П.Г. Щедровицкий (1998), и мы говорили о них выше (п. 2.2.2.). Вот нормоконтроль, с этой точки зрения, пока не анализировался, чему, правда не приходится удивляться, поскольку мы впервые его представляем как особый тип МД.

Очень важны также новообразования, возникающие на стыках МД разных типов. Наиболее общие новообразования, имеющие тенденцию превращения в автономные типы М-деятельности, можно объединить попарно: это изыскания и экспертиза, мониторинг и авторский надзор.

Изыскания, известные пока преимущественно в предметизованных формах, как изыскания для строительства или изучение рынка в системе маркетинга и родственная изысканиям разведка, выполняют функцию опережающего анализа условий реализации замыслов на каждом следующем этапе их жизненного цикла. Это могут быть с равным успехом изыскания для оргпроектирования компаний или для проведения реформ на стадии проработки и реализации политических решений, при переходе к оргуправленческой деятельности и т. д., и т. п. Экспертиза, напротив, призвана давать анализ и оценку результатов пройденных этапов жизненного цикла замыслов и рекомендации по части их дальнейшей судьбы. В данном контексте особый интерес представляет взгляд на экспертизу с точки зрения делиберативной демократии [Ляхович-Петракова 2011]. Ещё раньше С. Попов [Попов 2000] обсуждал экспертизу как источник новых преобразовательных замыслов. Стоит заметить, что оба направления мысли актуальны и для Д/Д всех остальных типов.

Приобретший в последние годы широкое распространение мониторинг позволяет отслеживать непрерывно идущие перемены в жизни страны и/или ее регионов, сфер деятельности и т. п., включая и инициированные нами, но в естественном полагании, что сближает эту работу с научной. Напротив, авторский надзор предназначен для отслеживания и рефлексивного анализа хода реализации преобразовательных замыслов, с точки зрения ответственных авторов этих замыслов, программ и проектов. Он позволяет сделать необходимые оргвыводы по части коррекции принятых ранее решений и использованных при этом средств. Вместе мониторинг и авторский надзор позволяют удерживать смысл задуманных преобразований при переменах, как в ходе реализации задуманного, так и во внешних условиях.

Переходя теперь к стыковке МД разных типов, напомним об одном кажущемся банальным вопросе общего характера. А именно: прежде чем обсуждать связи и отношения МД разных типов (или, вообще говоря, любых сопоставляемых сущностей, например, культуры и жизни, о которых мы говорили в п. 1.1), необходимо положить их как разные. В нашем случае схема лестницы и таблица основных типов Д/Д (табл. 2) являются необходимым условием обсуждения стыковки политики и управления или управления и нормоконтроля. При этом наряду с означенными выше новообразованиями на стыках МД разных типов возникают узлы, требующие специального анализа. Рассмотрим два из них.

2.3.2. Стыковка политики с ОРУ. Говоря о стыковке политики с управлением, надо учитывать, что вырабатываемая в политической борьбе линия (policy), обозначает, в сущности, управление в наметившихся в ходе борьбы рамках. Но как же политическая линия «превращается» в работу оргуправленцев?

Этот вопрос подлежит специальной проработке. Начинается всё с принятия так называемого «политического решения» (о «решениях» см. ниже, п. 2.4), а центральное место, видимо, занимает превращение «сферы общих (политических) интересов» в объект управления. Причем объект этот будет разным в зависимости от того, какая линия победит в политической борьбе. Необходимо учитывать и обратное влияние оргуправленческой деятельности (и даже только ее перспективы) на принятие политических решений (см. п. 2.3.3).

Решающую роль при этом играет рефлексия ЛПР — в данном случае политиков и лиц, призванных принятые решения прорабатывать и реализовывать — оргуправленцев (это характерный пример рефлексивной кооперации). Или заказчиков и подрядчиков. Последний случай важен для понимания целого: формирование определённого заказа на оргпроектирование и осуществление той или иной реорганизации как бы замещает принятие политического решения. Но только «как бы»: политикой при этом (до этого) вынужден заниматься заказчик.

В идеале они — политик и управленец, заказчик и подрядчик — должны понимать, что, попав в совершенно разные ситуации и приняв разные цели [см. Г.П. Щедровицкий 1999], они, тем не менее, «связаны одной цепью», и только плотная М-коммуникация даёт надежду на успешное движение к «общему благу», образ которого будет вырисовываться по ходу работы и может сильно отличаться от первоначальных замыслов политика. Фактически, однако, часто (особенно в России) приходится наблюдать архаическое, в сущности, положение, в котором политик/заказчик требует неукоснительного исполнения своего замысла (решения), не обращая внимания на стоящие на пути его реализации — нередко труднопреодолимые — препятствия. Сложность этой коллизии усугубляется ещё и тем, что как политик, так и управленец — фигуры собирательные, за каждой из которых стоит группа разных позиций, а, поскольку речь идёт о Д/Д, «внизу» ожидает решения более или менее молчаливое большинство, которому предстоит менять (или не менять) свою деятельность и жизнь сообразно принимаемым решениям.

Собственно, здесь и находится основная развилка между известной с родоплеменных времён «вертикалью власти», испокон веку использующей властный (большевистский) подход к преобразованиям (теперь, правда, сильно обогащённый популизмом), и указанным современным идеалом управления, оперирующим средствами убеждения. К сожалению, в системе российского госуправления безальтернативно господствует вертикаль и непосредственно связанное с ней так называемое «ручное управление». В результате политические решения рассматриваются управленцами и чиновниками как не подлежащие обсуждению «руководящие документы», сами госслужащие оказываются «рабами поручений»; Министерство

образования, к примеру, отвечает «только за то, что ему предписано сверху, а вовсе не за содержание и качество образования» и т. д., и т. п.[39]

2.3.3. Нормоконтроль и деятельности всех прочих типов. Стыковка управления с нормоконтролем и руководством

Нормоконтроль, как уже отмечалось, занимает особое место в ряду Д/Д и впервые выделяется нами в качестве особого типа деятельности. Одна из особенностей нормоконтроля — наряду со сказанным ранее (п. 2.2.4) — заключается в том, что он должен непосредственно стыковаться со всеми остальными типами Д/Д. Иначе говоря, мы могли бы «рисовать» нормоконтроль «приклеенным» к каждому из предыдущих столбиков нашей таблицы. С другой стороны о том же пишет А.Ф. Филиппов [Филиппов 2013]: «Где есть процедуры, правовые регуляции отдельных шагов, необходимых для принятия решений, там затруднена прямая связь между усмотрением существа дела, постановкой задачи и собственно действием».

Вот это «затруднение прямой связи» есть плата за то, что Г. Саймон назвал когда-то «процедурной рациональностью», за правоотношения вообще и правовое государство, в частности. Отчасти это даёт ответ и на замечательный вопрос Б. Уэйнгаста [Уэйнгаст 2009]: «Почему развивающиеся страны так сопротивляются верховенству закона?» Потому что, если воспользоваться нашей «родной речью», господствующая в этих странах система «поручений» и «ручного управления» привычна для исполнителей, кажется единственно возможной властям предержащим, стала основой местной политической культуры и избавиться от нее очень трудно. Но она в принципе несовместима с правовой регуляцией деятельности. Собственно для России это, с нашей точки зрения, основная проблема, о которой мы собираемся говорить специально.

По-видимому, именно в связи с распространённостью нормоконтроля он не выделялся до сих пор как отдельный тип деятельности, что несколько странно, учитывая целую библиотеку, посвящённую чиновникам, призванным его осуществлять.

В принципе (но только в принципе!) ситуация проста. Любые общественно значимые преобразования всегда имеют своих сторонников и противников. Чтобы, как указывалось, обеспечить стабильность жизни общества, свести к минимуму резкость и число неизбежных при этом конфликтов, а также упорядочить их ход, проработка, планирование и осуществление преобразований — в рамках нашего проекта — должны идти сообразно принятым культурным и, в первую очередь, юридическим нормам. Соответствующий нормоконтроль и должны проходить действия, как политиков, так и оргуправленцев[40].

В последнем случае есть своя специфика. Да и по соображениям симметрии хочется, наметив тему стыковки политики с ОРУ, с другой стороны (на сей раз, если иметь в виду таблицу 2, в буквальном смысле слова) коротко обозначить и вопросы, возникающие при стыковке ОРУ с нормоконтролем. В некотором смысле это важнейшее место нашей конструкции, потому что здесь как раз и происходит, как говорится, в душе человека прямая стыковка двух онтологических картин: старой — властной, и новой — управленческой.

В начале, кажется, просто: с некоторого момента реализация преобразовательного замысла осуществляется в режиме исполнения «по графику» (как уже говорилось, на стройке таким образом по возможности исполняется проект, на войне — план штаба). Если всю предшествующую работу по реализации задуманных перемен можно без особых усилий представлять себе как идущую в режиме управления и соответственно в форме диалога, то здесь

[39] См. Розин 2013; Абрамов А. Средний балл там правит бал… Независимая газета, 26.02.2013 http://www.ng.ru/scenario/2013-02-26/14_school_reform.html?mpril.

[40] На наш взгляд, такой порядок несовместим с российской практикой «ручного управления».

начинается зона власти. И, согласно, нашему проекту, только здесь она сохраняет право на существование. Особое место занимает точка сочленения управления (в узком смысле) с руководством, где сообразно сказанному выше, осуществляется нормоконтроль принимаемых оргуправленческих решений. Признанные нормальными или приведённые в соответствие с нормами решения приобретают статус обязательных, но их дальнейшее выполнение возможно в двух принципиально разных режимах.

1. Режим свободного самоопределения исполнителя в этом своем качестве, определяемый политической, организационной и управленческой надстройками. Такой режим характерен, например, для сознательного ученика в его отношениях с учителем, для солдата, сознательно участвующего в защите своей страны или строителя, который строит храм, а не просто таскает камни, как в известной притче. К этому случаю мы относим знаменитую максиму: «Свобода есть осознанная необходимость». Руководство выступает при этом как Д/Д.

2. Режим вынужденного подчинения принятому руководством решению, выступающее в этом случае как властное, которое делает излишним и бесполезным анализ ситуации и самоопределение, исключает свободу выбора исполнителя. Деятельность исполнителя вырождается в поведение, а руководство превращается в *деятельность над поведением*. Исполнитель *вынужден* действовать в соответствии с навязываемым ему решением, что было типично для рабов или крепостных, а в наше время характерно для «таскающих камни» бизнесменов, рабочих и (гос)служащих или приговорённых судом преступников.

Ровно в этом месте была и остаётся по сию пору **главная**, с нашей точки зрения, **болевая точка человеческого общежития, которая определяется возможностью/невозможностью свободного самоопределения исполнителя,** «маленького человека»[41]. Властное правление, по существу, лишает его этой возможности, причём здесь дело не столько в квалификации властного правления как поведения, сколько в том, что оно надстраивается не над деятельностью, а над подневольным поведением исполнителей[42]. В дальнейшем мы специально обсудим эту «деятельность над поведением». Система у-правления, Д/Д, по идее, напротив, это самоопределение обеспечивает. Что и стимулирует нашу работу, но от означенной «идеи» до ее возможной реализации предстоит пройти ещё длинный и трудный путь.

Пока что мы должны наметить ещё две темы, требующие особого разговора, как с точки зрения их практического значения, так и в силу огромного места, занимаемого ими в текущем общественно-политическом дискурсе. Одна из них касается бюрократии. По первому заходу она уже обсуждалась в рамках нашей концепции [Рац 2010с] и затронута выше в п. 2.2.4. **Вторая посвящена понятию «решения» и «принятию решений». Избежать ее мы не можем, поскольку «теория принятия решений» есть в некотором смысле противоположность развиваемым нами представлениям, господствующая в современной культуре. К ней мы и переходим.**

2.4. «Принятие решений» в предлагаемой схеме

Мы уже говорили (в п. 2.1) о том, что смена иерархической регуляции принятия решений на сетевую мыслится как радикальная смена парадигмы в этой области. Адресуя заин-

[41] Неслучайно «маленький человек» стал одним из важнейших персонажей классической русской литературы, а затем, по точному замечанию П. Вайля [Вайль 1992], «из нашего Маленького человека вышли разросшиеся до глобальных размеров… герои Кафки, Беккета, Камю…».

[42] Исполнители превращаются тогда в упомянутых «социобиоидов» Щедровицкого. Этот феномен неоднократно описывался в последние годы, правда метафорически и в совсем не обязательном политическом контексте. Социобиоиды фигурировали под названиями «анчоусов» у Ю. Латыниной и «людья» (неологизм О. Мандельштама) у С. Никольского [Никольский 2014]. В сущности, о том же шла речь у Ю. Афанасьева [Афанасьев 2008], когда он говорил о «подмене народа», совершенной большевиками.

тересованного читателя к соответствующим работам, мы обсудим теперь другой поворот этой темы, который кажется нам не менее важным.

Схема проработки и реализации замыслов (схема лестницы) и детализирующая ее таблица 2 в значительной мере покрывают поле «теории принятия решений». Мы не будем сейчас обсуждать содержание этой (квази)научной дисциплины, а ограничимся лишь основными понятиями, необходимыми для взаимопонимания с ее носителями и позволяющими соотнести ее содержание с представляемой схемой. Ключевую роль играет здесь понятие «решения», стоящее за выражением «принятие решения» (в отличие от «решения задачи»).

Во избежание недоразумений скажем сразу, что мы вовсе не склонны недооценивать и/или преуменьшать роль волевого начала в М-деятельности вообще и Д/Д, в особенности, традиционно связываемую с «принятием решений». Но нам кажется разумным не концентрировать всю эту волевую энергию на принятии решений, а сообразно ситуации распределять ее между последовательными этапами проработки и реализации замыслов.

Наша интерпретация «решения», которую мы предлагаем сделать нормативной, состоит в том, что это условная точка, разделяющая две типовые фазы реализации замыслов преобразований. Решение считается принятым, когда позади (или слева от этой точки на схеме) остаётся фаза *мыслительной проработки* замысла, а впереди (справа на схеме) фиксируется фаза его *исполнения* «руками». Типичный пример такой «точки» — переход от проектирования «на бумаге» к строительству/изготовлению спроектированного «в материале». Однако, вообще говоря, точка эта — плавающая: представитель любой позиции и специальности, участвующий в коллективной работе, может ставить ее в любой удобный ему момент и соответственно в любом месте на схеме.

Здесь нужно различать два типа решений. Произвольным образом решения можно принимать только для себя, и относиться это решение будет соответственно только к позиции и зоне ответственности принявшего его актора: решения такого рода никого (кроме самого принявшего это решение) ни к чему не обязывают. Тем не менее, это очень важное дело: «решения для себя» есть не что иное, как самоопределение актора в ситуации, и мы считаем принятие таких решений культурной нормой. Именно самоопределение отличает деятельность от реактивного поведения, здесь находится идейный центр нашего проекта. С другой стороны, решение может относиться к замыслу в целом и приниматься, в предположении, что оно должно затем исполняться «само собой» или, напротив, в приказном порядке. Именно этот второй случай явно или неявно имеется в виду в различных теориях принятия решений. Здесь и начинается самое интересное.

Если в первом случае управленец предопределяет лишь свою роль в предстоящей работе, то во втором, «приняв решение» и поставив такую точку, он в большей или меньшей степени берет на себя ответственность за дальнейший ход событий и воплощение всего замысла в жизнь. По функции «решение» представляет собой характерный пример организованности, передаваемой «вниз», в управляемую систему.

Поэтому, прежде чем «принимать решение», в любом случае полезно, а во втором — необходимо — проанализировать весь жизненный цикл, всю траекторию реализации замысла, включая мыслительную имитацию его предстоящего исполнения. В связи со сказанным, представитель каждой позиции обязан представлять себе картину целого и чётко обозначать зону своей ответственности, которая может быть частичной — сообразно занимаемой им позиции. Например, оргпроектировщик не может и не должен брать на себя ответственность за работу спроектированной им организации при возможном изменении объемлющей системы («условий»), но оговорить это обстоятельство, выступающее для него, например, в качестве форс-мажора, он обязан.

Особая ответственность ложится при этом на политика, чей ответ на вопрос «что делать?» как бы легитимирует замысел перемен и в значительной мере предопределяет весь дальнейший ход событий. Но не следует преуменьшать и роль представителей позиций, вступающих в игру позже: они не только ответственны за продолжение общей работы, но могут испортить и всё сделанное ранее (или многое из сделанного). Наиболее очевидно это обстоятельство применительно к нормоконтролю и руководству. Специального обсуждения требует вопрос об ответственности держателя рамки методологии (философии, науки — когда как) на стыке с представителями всех остальных позиций и, прежде всего, политиками[43]. У держателя рамки нет нужды принимать решения по каждому случаю, но есть необходимость рефлектировать всё происходящее и пересматривать свою картину мира и практикуемые подходы.

Вообще же «принятие решения» оказывается каждый раз *поступком* (в смысле М. Бахтина), и в этом качестве не может иметь никакой теории, по крайней мере, естественнонаучного типа. Наблюдаемая гипертрофия «принятия решений» и преувеличение роли соответствующих теорий, на наш взгляд, является запоздалым следствием господства онтологии власти, при котором любые преобразования оказываются двухчастными и включают принятие и исполнение решения. Именно эта схема безальтернативно господствует в системе российского госуправления, принимая облик так называемого «ручного управления».

Принципиальная разница между теорией принятия решений и нашей концепцией состоит в том, что у нас объемлющей выступает рамка реализации замысла, в то время, как «теорию» можно понимать двояко. Один вариант, когда место реализации занимает исполнение, которое встраивается в принятое решение: как решили, так и сделаем (а потом проверим, что получилось). Второй — когда «принятие решения» вообще рассматривается вне контекста претворения замысла в жизнь, как некая самоценность, «правильное решение». Свое ви́дение «решений» как особой организованности в рамках онтологии Д/Д мы представили выше, и, добавим, сказанное вовсе не мешает тем разумным соображениям об информационном и прочем *обеспечении* принятия решений, которые можно считать позитивным содержанием упомянутых теорий.

Специального обсуждения требуют так называемые «политические решения)» [Дегтярев 2004 и др.]. Здесь мы вынуждены ограничиться двумя замечаниями. В противоположность военно-большевистской ментальности («нет таких крепостей, которых не могли бы взять большевики» и т. п.), мы делали бы особый упор на принятие соответствующих *проектов* решений, подлежащих уточнению вплоть до полного пересмотра в процессе своей проработки и реализации. Это, кстати, недалеко от существующей практики, когда в процессе принятия политических решений выделяется особая точка принятия «решения о решении» вроде, например, принятия законопроекта к рассмотрению в парламенте. Мы полагаем при этом, что достаточно высокий процент непринятых законопроектов, предложенных президентом и/или правительством, и, наоборот, высокий процент принятых законопроектов от оппозиции может служить показателем качества работы парламента и уровня демократии в стране.

Особое значение приобретает в политике отмеченный выше момент: необходимость тщательного опережающего промысливания и проработки дальнейшего хода реализации замысла/проекта с учётом возможных последствий на любой фазе его жизненного цикла. Как следует из соображений здравого смысла и богатой исторической практики, такая проработка оказывается эффективной только при активном участии в ней политической оппозиции. Мы надеемся, что среди прочего именно в этом пункте предлагаемая нами схема может и должна оказаться практически полезной в работе по продвижению тех или иных преобразовательных

[43] Наша версия ответа именно на этот вопрос и намечается в настоящей работе.

начинаний. Пока что, как и в случае с «решениями о решениях», мы можем констатировать из рук вон плохую организацию этой работы в России.

2.5. Проблема целого и некоторые смежные вопросы

Итак, мы сделали очередной «первый проход» в попытке выстроить в мысли систему Д/Д[44]. Организующая ее схема лестницы представляет собою лишь принцип, который мы связываем с особенностями европейской цивилизации. Его реализация «на материале» компании, города, страны, государства — дело другое. Обо всех этих исторически сложившихся организованностях деятельности (каковыми они выступают в рамках деятельностного подхода) написаны целые библиотеки, так и не приведшие, однако, к построению понятий в строгом смысле слова. Уж во всяком случае, это так применительно к стране и государству, которые занимают нас в первую очередь.

Нам ещё предстоит проходить пути от абстрактного к конкретному и возводить реализационные «леса» применительно к каждой из названных организованностей сообразно ее месту в объемлющей системе. Помимо всего прочего они ведь заметно различаются от региона к региону даже в границах европейского цивилизационного ареала. Россия будет жить и, как мы надеемся, развиваться по-своему, иначе, чем государства Западной Европы или Южной Америки. Мы, однако, обсуждали лишь принцип организации преобразовательной деятельности, и не затрагивали ни объединяющий разные организованности цивилизационный контур, ни ценностные ориентации возможных преобразований, ни представление преобразуемого целого (в нашем случае, прежде всего, государства). Скажем обо всем этом тезисно.

Что касается европейской цивилизации на данном историческом этапе, то, в отличие от иных представлений [Латынина 2011b], наиболее характерными для нее мы считаем близкие нам по духу и направленности желаемых перемен идеи «открытого общества» К. Поппера [Поппер 1992] и «порядка открытого доступа» Д. Норта с соавторами [Норт и др. 2011]. Мы, однако, рассматриваем их как идеальные конструкции и не думаем, что они полностью реализованы хотя бы в странах Запада[45]. К тому же даже при наличии планов реализации (во втором случае) они слишком общи и не содержат понятий страны и/или государства как таковых[46]. Но вспоминая уже цитированного И. Шапиро, мы склонны считать, что это к лучшему, поскольку разработка проектов государственного устройства вне рамок у-правления, Д/Д, учитывающая среди прочего цивилизационный контекст, здесь заведомо неприемлема. Разрабатывать нужно соответствующие программы и, более того, используя объемлющую их политику (Politics), как особую форму *надпрограммной организации*, обеспечивать сорганизацию воедино (в рамках Policy) разных программ, разных как по предметной направленности, так и по ценностным ориентациям.

Однако при этом вопрос о ценностной ориентации объемлющей политики оказывается за кадром, что уже привычно фиксируется как проблема современной европейской цивилизации: явный дефицит ценностей. Обычно речь об этом заходит в связи с господством общества потребления, ориентированного на «вещные» потребности, характерные для поведенче-

[44] На самом деле, эта работа имеет уже более чем двадцатилетнюю историю, которую надо отсчитывать от публикации серии коллективных статей о «Строительстве будущего» в маргинальном журнальчике «Человек и природа» в 1991–92 гг. Но на каждом новом витке приходится так основательно пересматривать сделанное ранее, что, действительно, впору говорить о новом начале.

[45] Эксцессы политкорректности (то, что по-английски называется «PC police», «полиция политкорректности») свидетельствуют о явной недоработанности этих идей.

[46] Мы можем вспомнить только две попытки представить схему предполагаемого здесь объекта: это полувековой давности принципиальная схема общества Г.П. Щедровицкого [Щедровицкий 1995: 384] и схема страны О.С. Анисимова. Очень мало, да и разные задачи требуют разных представлений.

ской онтологии и во многом искусственно стимулируемые. В общем, с таким поворотом темы мы согласны, но сейчас хотим обратить внимание на другую сторону дела.

А именно, сама идея ценностной ориентации, т. е. идеологического содержания объемлющей политики в рамках либерального взгляда на мир оказывается как бы вне закона, поскольку противоречит идее открытого (к будущему) общества. Но так ли это? Для нас это важнейший вопрос, и мы утверждаем, что идеология идеологии рознь, а например, ценность развития вполне совместима с идеей открытого общества, поскольку носит рамочный характер. В двух словах [подробнее см. Рац 2011] «секрет» здесь состоит в том, что трактуемое как рамочная ценность развитие подобно бесспорной для нас ценности права. В случае права деятельность должна быть правосообразной, в случае принятия рамки развития формируется такой способ действий, который порождает новые методы, средства, нормы, эталоны и т. п. То, что в обиходе называется «творческим подходом» и даёт вклад в культуру. Как говорил когда-то Г.П. Щедровицкий, «мы не можем продвигаться вперёд, не развивая культуру своей страны и мировую культуру», или иначе: работать надо «на уровне современной, человеческой, общечеловеческой культуры. Причем, решая ее через наши дела. Дела нашей страны. Но общекультурные задачи»[47].

То, что при этом протягивается ниточка от идеи развития к качеству жизни или ВВП на душу населения, мы уже говорили (см. примеч. 9), но как именно это происходит, какие здесь работают процессы и механизмы, — всё это, конечно, специальная тема[48]. Сейчас напомним только, что реализуется идея развития лишь в процессе предметной деятельности, направляемой на другие, в том числе и вполне прагматические, цели. Нужно дом строить, землю пахать, сочинять роман или что-то исследовать, а иначе «творческий подход» повисает в пустоте: его к чему-то приложить надо. Предмет занятий сам по себе отнюдь не безразличен: мы уже говорили, что наряду с ориентацией на культуру политик и управленец ответственны так же за предмет и направленность управляемой деятельности.

Понятно (особенно с учётом последней фиксации), что принятие ценности развития потребует существенного переосмысления и переработки концепций как Поппера, так и Норта. Тем более, если хотя бы в качестве далёкого идеала распространить идею политики развития, как рамочной, на международные отношения. Эти перспективы мы и связываем с переходом от нынешнего состояния дел к деятельностной онтологии и системе Д/Д[49]. Рассматривать ли такое движение мысли как «ревизию» и развитие концепции либерализма или как намётку некоего нового «изма» («девелопизма» — ?) — вопрос, решение которого мы оставляем открытым.

Но обратимся все же к проблеме целого. По части будущего России мы видим свой вклад в представленной системе государственного (хотя и не только) управления, а в качестве переходника к означенному целому коротко рассмотрим поставленную в начале нашей работы тему институтов и институционализации. Выбор именно этой темы обусловлен отчасти ситуативно (наиболее продвинутые эксперты, на понимание которых мы рассчитываем, думают об институтах), но в большей степени содержательными соображениями.

Уточним свое понимание «институтов». Мы считаем, что таковыми оказываются популятивные (т. е., существующие во множестве экземпляров [подробнее см. Щедровицкий

[47] Цитируемая работа пока не издана, и мы можем сослаться только на рукопись: Щедровицкий Г.П. О единстве культуры. — Новая Утка, 7 июля 1978 года.

[48] Со своей точки зрения, в макроисторическом плане ее начал обсуждать П.Г. Щедровицкий на игре, посвящённой технологии мышления: http://berezkin.info/?p=1355

[49] Примерно этот круг вопросов обсуждается нашими украинскими коллегами из Международного института исследований будущего под именем «думающего общества» (http://future-ukraine.org.ua/ru/novini-ta-podiji/novini-institutu/mezhdunarodniy-institut-issledovaniy-budushego-nachal-cikl-diskussiy-o-probleme-dumaushego-obshestva/).

1976]) социальные объекты, сконструированные (по большей части в далёком прошлом) для отправления определённых функций в обществе. Институты призваны обеспечивать воспроизводство одновременно как деятельности/поведения, так и форм их осуществления: от совместного ведения хозяйства в семье до реализации правосудия в форме судопроизводства. На фоне множества примеров такого рода (будь то семья и школа или суд и парламент) контрпримеров не видно.

Мы полагаем, что эта тема может стать переходной в силу того, что государство в соответствии с изложенным пониманием может мыслиться как тип института (это, разумеется, не наше открытие, а весьма распространённое представление). Интрига далее завязывается вокруг того, что институты могут обеспечивать воспроизводство как М-деятельности (или, повторим, условий их воспроизводства, например, в университетах и академиях), так и СК-поведения (в семье). Именно эту их двуликость мы имели в виду, говоря в п. 1.1 о замещении институтов мегамашинами.

Дело, следовательно, не в нюансах тех или иных представлений об институтах: мы не видим принципиальных противоречий между нашим толкованием, упоминавшимся мейнстримом [Шмерлина 2008] или концепцией В.Г. Марачи [Марача, Матюхин 2005]. **Проблема состоит в том, как научиться строить и перестраивать институты, «затачивая» их на борьбу с экспансией мегамашин, как обеспечить иммунитет институтов к ритуализации и вырождению М-деятельности в поведение.** В общем виде, как следует из всего изложенного, мы предлагаем обратиться к деятельностному подходу и деятельностной онтологии. В связи с этим пора вернуться к основополагающим вопросам, с которых мы начинали. В свете сказанного они звучат так: **что** институционализировать? **Как?** Как обеспечить при этом стабильность и т. д.

Наш ответ на первый вопрос состоит в том, что институционализации подлежат именно различные типы М-деятельности, а точнее их особые, нацеленные на развитие связки, получившие в ходе обсуждений 1980-х гг. в ММК наименование «сфер деятельности». В этом тезисе, однако, заложено противоречие с нашим прежним утверждением, что мышление и М-деятельность в принципе не воспроизводимы, а ведь именно воспроизводство в ряде случаев оказывается целью институционализации. Напомним, что мы уточнили свою позицию, указав на возможность и необходимость (для нас) воспроизводства *условий* мышления и М-деятельности. Важнейшим условием такого рода мы считаем проблематизацию, реальность воспроизводства которой продемонстрирована, например, историей развития естествознания (наиболее ярко в концепции научных революций Т. Куна). Вклад ММК в технологизацию постановки проблем приближает нас к реализации идеи воспроизводства условий мышления и М-деятельности.

Таким образом, с нашей точки зрения, говорить об институционализации мышления и М-деятельности нужно, видимо, имея в виду расширительную трактовку этого выражения: воспроизвести мы можем в лучшем случае условия, а «вспыхнет» или нет мышление и М-деятельность при этом остаётся делом случая и удачи. Сказанным определяется и наше отношение к работе коллег в означенном направлении. При всех различиях, *в конечном счёте*, мы движемся с ними в одну сторону.

Более радикальными оказываются наши ответы на второй и третий вопросы: **в качестве схемы институционализации мы предлагаем использовать схему лестницы** с учётом ее детализации в табл. 2. Это означает, что институты подлежат перманентному строительству (в противоположность известной идее перманентной революции), и мы рассчитываем, что выстраиваемые таким образом, в частности, благодаря системам мониторинга и авторского надзора, они будут устойчивы против экспансии мегамашин.

Во избежание недопонимания можно добавить, что в рамках наших представлений правовое государство — это идеальная конструкция из деятельностной картины мира, форма организации правления, основанного на у-правлении, на триаде: политика — управление — нормоконтроль/нормотворчество (власть закона). В натуралистической картине мира рисуется другая система правления, основанная на власти (человека над человеком), на диаде: политика — власть. И здесь «правовое государство», строго говоря, в принципе немыслимо: здесь господствует другая система, реализованная в истории восточных царств, европейского абсолютизма и России — почти на всем протяжении ее истории.

Другое дело «за окном»: там действительно всё перемешано и склеено, в частности, правовое государство может трактоваться как особая институциональная форма власти, ограничение власти человека над человеком властью правового закона. Но мы стараемся различать происходящее за окном и мыслительную действительность, а в данном тексте сосредоточены на второй. При этом власть правового закона из нашей идеальной картины (табл. 2) и власть человека над человеком из натуральной картины мира несовместимы, существуют в разных мирах. **Следовательно, невозможно помыслить (в идеальной действительности) ограничение власти правовым законом. Мы** соотносим власть (человека) и управление как два способа правления, присущие разным идеальным мирам, и **конструируем систему правления для деятельностного мира, где должна быть исключена власть человека над человеком, и где только и может реализоваться идеальная конструкция, именуемая «правовым государством».**

Заключение

Что бы мы ни надумали насчёт будущего, а проблемы всегда возникают при реализации замыслов. Поэтому, в свете поставленных в начале статьи задач вопреки традиции **мы предлагаем заняться не прогнозами и/или проектами будущего, а пересмотром исторически сложившихся форм проработки и реализации замыслов** социально значимых преобразований. **Этот способ действий мы реализуем в собственной работе** и рассчитываем, что в случае перехода к новым формам проработки замыслов и организации преобразований начнут складываться и другие формы человеческого общежития.

Если нам удалось продвинуться вперёд в работе по заявленной теме, то мы обязаны этим деятельностному подходу (в версии Московского методологического кружка) и тому арсеналу средств, который был сформирован за его полувековую историю. Но, как принято говорить в таких случаях, мы несём ответственность за все возможные ошибки и заблуждения. Использованные нами антропологические представления и противопоставление деятельности и поведения выходят далеко за рамки темы власти и управления, и мы сознательно ограничили развёртывание обсуждения по этим линиям, стремясь сосредоточить внимание на направлении «главного удара».

Важно, что рефлексия организации общежития на Западе приводит к близким нам представлениям. В частности, мы считаем, что предлагаемая схема лестницы может трактоваться как деятельностная интерпретация того «порядка открытого доступа», который отличает организацию жизни в так называемых развитых странах. Точнее, может быть, так: схема указывает на организационные формы реализации этого самого открытого доступа. Более того, намеченный способ действий, по идее, позволяет реализовать ценность развития, что особенно актуально для России, уже триста лет движущейся в альтернативной развитию идеологии мо-

дернизации, дополняемой, а временами и замещаемой (как теперь) охранительной, консервативной идеологией[50].

Основная особенность организации Д/Д в целом, а, значит, и всего универсума деятельности, достигаемая посредством предлагаемой схемы, состоит в опоре на самоопределение каждого из участников, что, по идее, исключает мегамашинную организацию, а в случае неудачи гарантирует от возникновения ссылок на исполнение приказов и/или принятые «наверху» решения. Вспоминая историю XX века, Нюрнбергский процесс и книгу З. Баумана, можно сказать, что такая организация делает невозможной повторение ГУЛАГа и Холокоста. Именно такую организацию мы предлагаем считать демократической с деятельностной точки зрения. Демократия понимается не как власть народа (на наш взгляд, это не более чем метафора, к тому же отжившая свой век), а именно как особая форма организации общежития[51]. Суть ее как раз и видится в использовании схемы такого рода, как предложенная выше.

Мы полагаем (хотя, как и другие темы, затронутые в настоящей статье, данный вопрос требует специальной проработки), что предлагаемая схема ведёт к двум практически важным следствиям, которые стоило бы обсуждать в поисках выхода из кризиса демократии в ее исторически сложившихся формах.

1. Необходимость поиска новых форм демократии, когда права не дают, как при всеобщем избирательном праве, а берут, отстаивая свою точку зрения и свои интересы. Возможно, искомые формы могут быть найдены на пути сорганизации представительной демократии с демократией участия, но, так или иначе, при равных стартовых возможностях нужна дифференциация прав в зависимости от гражданской активности. Например, к решению общественно важных вопросов, включая выборы, можно приглашать только граждан, активно работающих в интересах общего дела. В этом случае кто не работает (именно в смысле участия в общем деле, т. е., «идиоты» в древнегреческом смысле слова), тот не выбирает. Участие в выборах — это своего рода награда: на него не распространяется «открытый доступ». В сущности, речь идёт об артификации сложившейся практики, когда в выборах участвует около половины избирателей.

По этому пункту имеется традиция, связанная с именами Локка, Руссо, Милля и обширная литература. В этом контексте вскрывается среди прочего важнейшее *практическое* значение правопонимания. Как писал в свое время Ортега-и-Гассет: «Под поверхностью всей современной жизни кроется глубочайшая и возмутительнейшая неправда — ложный постулат *реального* равенства людей» [Ортега-и-Гассет 2008]. Много лет спустя В.С. Нерсесянц [Нерсесянц 1996: 17–22] построил целую концепцию *формального* равенства, противостоящую этому «ложному постулату» (курсив везде наш — М.Р., С.К.). Именно и только ее мы считаем релевантной основой правопонимания в наше время и в ориентации на нее развёртываем свой проект.

2. В (анти)либеральных разговорах о месте и роли государства в жизни страны необходимо различать властные и управленческие функции государства. Минимизировать желательно первые, реализуемые посредством вертикали власти (и связанные с веберовским «легитимным насилием»), сведя их к обеспечению исполнения законов. Государственная власть в нашей схеме не должна выходить за рамки исполнения правового закона. Вторые же (в т. ч., политические) могут и должны быть достаточно широкими, но здесь уже неприемлемо

[50] Не надо быть Платоном, чтобы понимать: ориентация на традиционные ценности может оказаться полезной (но вовсе не обязательно будет такой) лишь в дополнение к каким-то продвигающим вперед целям. В противном случае она обещает всего лишь застой.

[51] Кстати, в Древней Греции слово «народ» (Δῆμος) обозначало не всех людей, ходящих по площадям города, а тех, кто «приписан» к его территории, ведёт на ней какую-то (обще- или общественно-значимую) деятельность.

властное правление, не может быть никакой вертикали, и возможен только диалог с обществом и представителями всех заинтересованных позиций.

Таким образом, различение власти и управления в нашем проекте дополняет классическое разделение властей и наряду с принципом формального равенства позволяет говорить о демократии в ее деятельностной интерпретации. Если рассматривать эти предложения в рамках либеральной традиции (что, вообще говоря, необязательно), то таково предлагаемое нами понимание либерализма в XXI веке. Хотя, в сущности, оно восходит, как минимум, к Б. Констану [Констан 1993], чья классическая трактовка свободы, данная без малого двести лет назад, состоит в том, что «это право каждого подчиняться одним только законам».

Предлагаемая деятельностная интерпретация позволяет по-новому интерпретировать феномен субъектной (в отличие от власти закона) власти. Субъектная власть, согласно И. Шапиро и в духе либеральной традиции, должна трактоваться как злоупотребление властью. **В рамках нашей схемы легитимной можно признать только безличную власть блюстителей норм и руководителей — по позиции. Никакое физическое лицо само по себе в принципе не может обладать властью над другими людьми,** или, как пишет Б. Манен [Манен 2008: 233], ссылаясь на родоначальников представительного правления, «никакое внутреннее превосходство не даёт одним людям право навязывать свою волю другим».

Ещё два обстоятельства, которые кажутся нам самоочевидными, во избежание недоразумений все же добавим к сказанному. Во-первых, представленные соображения — это лишь первые наброски по обсуждаемой теме, сообразно схеме лестницы они требуют публичного обсуждения, углублённой проработки и развёртывания. Во-вторых, масштаб предполагаемых перемен таков, что думать надо о запуске соответствующих исторических процессов, о которых мы поговорим в следующей части нашей работы. Ни о каком «внедрении» пока не может быть и речи.

Мы благодарим А.Е. Балобанова и В.Г. Марачу за стимулирующие замечания по первой редакции статьи, а также В.Л. Данилову, М.Г. Флямера и всех участников методологических семинаров, на которых обсуждались наши сообщения по ходу работы.

Афанасьев Ю. 2008. Мы не рабы? — *Новая газета*. — 5.12.2008. См. также «*Континент*». — № 138. — Доступно: http://magazines.russ.ru/continent/2008/138/af11.html. — Проверено: 03.04.2014.

Баранов М. 2013. Что хуже коррупции. — *Сетевой портал Полит. Ру*. — Доступно: http://polit.ru/article/2013/08/15/eb150813/. — Проверено: 03.04.2014.

Бауман З. 2002. *Индивидуализированное общество*. — М.

Бауман З. 2006a. «Завтра будет стыдно за то, чем можно гордиться сегодня». — *Интервью чешскому радио 20.12.2006*. — Доступно: http://www.radio.cz/ru/email/statja/86515. — Проверено: 03.04.2014.

Бауман З. 2006b. Пять прогнозов и множество оговорок. — *Иностранная литература*. — № 8. — Доступно: http://magazines.russ.ru/inostran/2006/8/ba14.html. — Проверено: 03.04.2014.

Бауман З. 2010. *Актуальность Холокоста*. — М.

Бауман З. 2011. *Текучая модерность: взгляд из 2011 года*. — Доступно: http://polit.ru/lectures/2011/05/06/ bauman.html. — Проверено: 03.04.2014.

Бахтин М.М. 1986. К философии поступка. — *Философия и социология науки и техники. Ежегодник 1984/1985*. — М. — Доступно: http://www.infoliolib.info/philol/bahtin/postupok1.html. — Проверено: 03.04.2014.

Бергер П., Лукман Т. 1995. *Социальное конструирование реальности*. — М.

Берман Г.Дж. 1998. *Западная традиция права: эпоха формирования*. — М.

Блауг М. 2004. *Методология экономической науки*. — М.

Быков Д. 2006. *Политики имманентностей*. — Доступно: http://polit.ru/article/2006/10/09/bykov/. — Проверено: 03.04.2014.

Вайль П. 1992. Смерть героя. — *Знамя*. — № 11.

Вебер М. 1990. *Избранные произведения*. — М.

Вишневский А.Г. 2010. Конец Североцентризма. — *Сетевой портал Полит. Ру*. — Доступно: http://www.polit.ru/lectures/2010/01/14/severotsentrizm.html. — Проверено: 03.04.2014.

Гатто Д.Т. 2006. *Фабрика марионеток. Исповедь школьного учителя*. — Генезис. — Доступно: http://thelib.ru/books/gatto_dzhon/fabrika_marionetok_ispoved_shkolnogo_uchitelya-read-1.html. — Проверено: 03.04.2014.

Голубкова Л.Г., Розин В.М. 2010. *Философия управления*. — Йошкар-Ола.

Данилова В., Рац М. 2005. *Вера Данилова и Марк Рац обсуждают «Тезисы о Человеке»*. — Доступно: http://www.futurisrael.org/Discussion/Antrop/Homo01.htm. — Проверено: 03.04.2014.

Диспозиции… 2011. *Диспозиции. Сборник статей участников семинара «Управленческие и методологические практики» 2010-2011*. — М. — Доступно: http://www.fondgp.ru/projects/seminar/practice. — Проверено: 03.04.2014.

Дегтярев А.А. 2004. *Принятие политических решений*. — М.

Друкер П. 2000. *Практика менеджмента*. — М-Спб-Киев.

Дубровский В.Я. 2011. *Очерки по общей теории деятельности*. — М.,

Зиновьев А.А. 2002. *Восхождение от абстрактного к конкретному (на материале «Капитала» К. Маркса)*. — М.

Искандер Ф. 1982 (1987) *Кролики и удавы*. — Ann Arbor (M.). — Доступно: http://lib.ru/FISKANDER/kroliki.txt. — Проверено: 03.04.2014.

Клок К, Голдсмит Дж. 2004. *Конец менеджмента и становление организационной демократии*. — СПб.

Коллингвуд Р.Дж. 1980. *Идея истории. Автобиография*. — М.

Констан Б. 1993. *О свободе у древних в ее сравнении со свободой у современных людей*. — Полис. — № 2. — Доступно: http://www.civisbook.ru/files/File/1993-2-Konstan-O_svobode.pdf. — Проверено: 03.04.2014.

Королев С.А. 2009. Псевдоморфоза как тип развития: случай России. — *Философия и культура*. — № 6.

Латынина Ю.Л. 2011a. Партия трех оболов. — *Ежедневный журнал*. — 4-5.07.2011. — Доступно: http://ej.ru/?a=note&id=11154; http://ej.ru/?a=note&id=11158. — Проверено: 03.04.2014.

Латынина Ю. 2011b. «Европа, ты офигела!». — *Новая газета*. — 16.08.2011. — Доступно: http://www.novayagazeta.ru/politics/48064.html. — Проверено: 03.04.2014.

Латынина Ю. 2012. «Избиратели-паразиты» и «страны-паразиты». От Ромула до наших дней. — *Новая газета*. — 30-04-2012. — Доступно: http://www.novayagazeta.ru/comments/52380.html. — Проверено: 03.04.2014.

Латынина Ю.Л. 2013. Благие намерения. — *Ежедневный журнал*. — 04.03.2013. — Доступно: http://ej.ru/?a=note&id=12722. — Проверено: 03.04.2014.

Ляхович-Петракова Н.В. 2011. Идеи делиберативной демократии как концептуальная база общественной экспертизы в оценке публичной политики. — *Вучоныя запіскі Брэсцкага універсітэта. Частка 1. Гуманітарныя і грамадскіе навукі*. — № 7. — Доступно: http://topreferat.znate.ru/docs/index-1326.html?page=20. — Проверено: 03.04.2014.

Мамфорд Л . 1986. Техника и природа человека. — *Новая технократическая волна на Западе*. — М. — С. 225–239. — Доступно: http://philosophy.mitht.ru/memford2.htm. — Проверено: 03.04.2014.

Мамфорд Л. 2001. *Миф машины*. — М. — Доступно: http://gtmarket.ru/laboratory/basis/3115. — Проверено: 03.04.2014.

Манен Б. 2008. *Принципы представительного правления*. — М.

Нерсесянц В.С. 1997. *Философия права*. — М. — Доступно: http://www.pravo.vuzlib.org/book_z1095.html. — Проверено: 03.04.2014.

Назаретян А.П. б/д. *Насилие и терпимость: антропологическая ретроспектива*. — Доступно: http://evolbiol.ru/nazaretyan02.htm#_ftn1. — Проверено: 03.04.2014.

Никитаев В.В. 2012. Субъекты и типология социокультурных изменений. — *Организация саморазвивающихся инновационных сред*. — Под ред. В.Е. Лепского. — М.: «Когито-Центр».

Никольский С. Людьё. — *Независимая газета. «Политика»*. — 22.01.2014. — Доступно: http://www.ng.ru/ideas/2014-01-22/5_people.html. — Проверено: 03.04.2014.

Норт Д., Уоллис Д., Вайнгаст Б. 2011. *Насилие и социальные порядки*. — М.

Ортега-и-Гассет Х. 1991. *Дегуманизация искусства*. — М. — Доступно: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Culture/Ortega/_Degymaniz_01.php. — Проверено: 03.04.2014.

Паппэ Я.Ш. 1994. О статусе актов законодательной власти в переходном обществе. — *Как это делается: финансовые, социальные и информационные технологии. Сборник материалов Института коммерческой инженерии*. — Вып. 3. — М. — Доступно: http://lib.web-malina.com/getbook.php?bid=2086. — Проверено: 03.04.2014.

Познающее мышление… 2004. Познающее мышление и социальное действие. Наследие Г.П. Щедровицкого в контексте отечественной и мировой философской мысли. — М.

Пономарев М.В. 2010. *История стран Европы и Америки в Новейшее время*. — М. — Доступно: http://vse-uchebniki.com/istoriya-besplatno/istoriya-stran-evropyi-ameriki-noveysheevremya.html. — Проверено: 03.04.2014.

Попов С.В. 2000. Методологически организованная экспертиза как способ инициации общественных изменений. — *Кентавр* — № 23. Доступно: http://old.circleplus.ru/kentavr/TEXTS/023PP1.ZIP. — Проверено: 03.04.2014.

Попов С.В. 2013. *Открытая лекция Сергея Попова «Творящееся будущее»*. 6 ноября.

Поппер К. 1992. *Открытое общество и его враги*. — М.

Поппер К. 1993. *Нищета историцизма*. — М.

Рац М.В. 2004. Диалог в современном мире. — *Вопросы философии.* — № 10. — Доступно: http://methodology.by/?p=1938. — Проверено: 03.04.2014.

Рац М.В. 2007. Текущие соображения о методологии. — *ММК в лицах*, т. 2. — М. — С. 17–25.

Рац М.В. 2010a. «Искусственное» и «естественное». — *Философия России второй половины XX века. Георгий Петрович Щедровицкий*. — М.: РОССПЭН. — С. 319–358.

Рац М.В. 2010b. К типологии политики. — *Сетевой портал журнала «Полис»*. — Доступно: http://www.polisportal.ru/files/File/puvlication/New_electr/Ratz_2010_K_tipologii_politiki.pdf. — Проверено: 03.04.2014.

Рац М.В. 2010c. Бюрократия в контексте перемен. — *Полития*. — № 3–4. — Доступно: http://www.politeia.ru/content/pdf/Politeia_Ratc-2010-3-4.pdf. — Проверено: 03.04.2014.

Рац М.В. 2011. Управление и развитие. — *Диспозиции. Сборник статей участников семинара «Управленческие и методологические практики» 2010–2011*. — М. — Доступно: http://www.fondgp.ru/ projects/seminar/practice. — Проверено: 03.04.2014.

Рац М.В. 2013. Концептуальный проект государственной деятельности: политика, управление, власть. — *Полис*. — № 2.

Розин В.М. (ред.). 2002. *Этюды по социальной инженерии: от утопии к организации*. — М.

Соломонов Ю.Б. 2014. Есть ли будущее у креативного класса России. — *Независимая газета, НГ-сценарии*. — 8.01.2014. — Доступно: http://www.ng.ru/stsenarii/2014-01-28/9_creative.html. Проверено: 03.04.2014.

Сэндоу А. (Песков А.М.) 2009. Свобода и воля. — *Веб-сайт Полит.ру*. — Доступно: http://www.polit.ru/analytics/2009/01/30/svoboda.html. — Проверено: 03.04.2014.

Уэйнгаст Б.Р. 2009. Почему развивающиеся страны так сопротивляются верховенству закона? — *Прогнозис*. — № 2. — Доступно: http://www.intelros.ru/pdf/Prognozis/02_2009/6.pdf. — Проверено: 03.04.2014.

Филиппов А.Ф. 2009. Политическая социология: проблема классики. — *Классика и классики в в социальном и гуманитарном знании*. — М. — С. 181–209.

Филиппов А.Ф. 2013. Политическое и полицейское. — *Независимая газета*. — 15.02.2013. — Доступно: http://www.ng.ru/ideas/2013-02-15/5_police.html. — Проверено: 03.04.2014.

Философия России… 2010. *Философия России второй половины XX века. Георгий Петрович Щедровицкий*. — М.

Фромм Э. 1990. *Бегство от свободы*. — М.

Шапиро И. 2011. *Бегство от реальности в гуманитарных науках*. — М.

Шапиро И. 2012. О не-господстве. — *Логос*. — № 4. — С. 3–35. — Доступно: http://www.yale.edu/macmillan/shapiro/2012_4_Logos_320.pdf. — Проверено: 03.04.2014.

Шевцова Л. 2014. 2013-й — жизнь в interregnum или о том, как мир заблудился. — *Ежедневный журнал*. — 6.01.2014. — Доступно: http://ej.ru/?a=note&id=23996#. — Проверено: 03.04.2014.

Шмерлина И.А. 2008. Понятие «социальный институт»: анализ исследовательских подходов. — *Социологический журнал*. — № 4. — Доступно: http://www.isras.ru/files/File/Publication/Novye_publikazii/Ponyatie_soc_inst_Shmerlina.pdf. — Проверено: 03.04.2014.

Штраус Л. 2000. *Введение в политическую философию*. — М.

Щедровицкий Г.П. 1975a. Исходные представления и категориальныне средства теории деятельности. — *Разработка и внедрение автоматизированных систем в проектировании*. — М. — С. 72–161. — Доступно: http://www.fondgp.ru/gp/biblio/rus/75/. — Проверено: 03.04.2014.

Щедровицкий Г.П. 1975b. Общая идея метода восхождения от абстрактного к конкретному. — *Разработка и внедрение автоматизированных систем в проектировании*. — М. — С. 161–169.

Щедровицкий Г.П. 1975c. Категории «процесс-механизм» в контексте исследования развития. — *Разработка и внедрение автоматизированных систем в проектировании*. — М. — С. 169–174. — Доступно: http://www.fondgp.ru/gp/biblio/rus/40. — Проверено: 03.04.2014.

Щедровицкий Г.П. 1976 (2005). Проблемы построения системной теории сложного «популятивного» объекта. — *Системные исследования. Ежегодник 1975*. — М. [Перепечатано в: Щедровицкий Г.П. Мышление. Понимание. Рефлексия. — М.]. — Доступно: http://www.fondgp.ru/gp/biblio/rus/41. — Проверено: 03.04.2014.

Щедровицкий Г.П. 1979. Комплексная организация НИР как социотехническая система. — *Комплексный подход к научному поиску: проблемы и перспективы (Краткие тезисы к Всесоюзному симпозиуму)*. Ч. 2. — Свердловск. — Доступно: http://www.fondgp.ru/gp/biblio/rus/46. — Проверено: 03.04.2014.

Щедровицкий Г.П. 1995. *Избранные труды*. — М.

Щедровицкий Г.П. 1999. *Программирование научных исследований и разработок*. — М.

Щедровицкий Г.П. 2000. *Оргуправленческое мышление: идеология, методология, технология*. — М.

Щедровицкий Г.П. 2003. *Методология и философия оргуправленческой деятельности (основные понятия и принципы)*. — М.

Щедровицкий П.Г. 1998. Организационное проектирование в системе управленческой деятельности. — *Проблемы управления*. — Москва. — С. 21–38.

Дискуссии и обсуждения

НАСЛЕДИЕ КОММУНИСТИЧЕСКОГО ПРОШЛОГО В СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ РОССИИ И РОССИЙСКИЕ ПЕРСПЕКТИВЫ ЛЕВОГО ДВИЖЕНИЯ

Стенограмма семинара-диспута 18–19 мая 2013 г., Ростов-на-Дону Донская государственная публичная библиотека

Участники:

Вольчик В.В., доктор экономических наук, профессор (ЮФУ)
Левина Г.В., координатор программ РОО «Кеннан» (Москва)
Макаренко В.П., доктор политических и философских наук, профессор (СКНИИЭиСП ЮФУ)
Мамедов О.Ю., доктор экономических наук, профессор (ЮФУ)
Марченко Т.А., доктор социологических наук, профессор (ЮФУ)
Мининков Н.А., доктор исторических наук, профессор (ЮФУ)
Паин Э.А., доктор политических наук, профессор (Научно-исследовательский университет — высшая школа экономики, Москва)
Попов В.Ю., младший научный сотрудник (СКНИИЭиСП ЮФУ)
Старостин А.М., доктор политических наук, профессор (ЮРИФ РАНХиГС при Президенте РФ)
Цымбал Е.В., кинорежиссер (Москва)
Шкуратов В.А., доктор философских наук, профессор (ЮФУ)

Первый день

В.П. Макаренко: Уважаемые коллеги, начинаем нашу очередную акцию. Её проводит Центр политической концептологии Северо-Кавказского НИИ экономических и социальных проблем совместно с факультетом социологии и политологии, кафедрой теоретической и прикладной политологии Южного федерального университета, Исследовательским комитетом по политической концептологии Российской ассоциации политических наук, клубом «Интеллектуальный Ростов», при финансовой поддержке Фридриха Эберта и при участии РОО «Кеннан». Напомню, что недавно переиздана книга Джорджа Кеннана «Сибирь и ссылка». Кто не читал — рекомендую взять книгу в библиотеке и прочесть, хотя бы для прочистки ума.

Э.А. Паин: Это первый американский руссолог…

Е.В. Цымбал: Но Институт Кенана организовал его внук, тоже чрезвычайно интересный человек, который провёл в Советском Союзе почти 20 лет. Одно время он был послом, как раз во время войны он был послом США в СССР, а потом представителем без мандата.

В.П. Макаренко: Разрешите мне представить наших гостей. В первую очередь, даму — Галину Владимировну Левину, — координатора РОО «Кеннан». К нам приехали также известный специалист-политолог, профессор Эмиль Абрамович Паин и известный кинорежиссёр, выпускник Ростовского государственного университета, обладатель премии Британской академии кино и телевидения Е.В. Цымбал. Прежде чем переходить к повестке дня, скажу сотню или больше вступительных слов.

В 1989 году я завершил первую программу по исследованию бюрократии и издал книжку «Бюрократия и сталинизм». Это — одна из наиболее известных моих книг. Проблемой бюрократии я занимаюсь с 1974 года. В период перестройки темы сталинизма и бюрократии были одним из популярных тем того, что я называю «временно-официальной идеологией». Под временно-официальной идеологией я имею в виду любые интелектуально-политические моды, которыми в ситуациях неопределённости пользуется правительство, чтобы заткнуть политические, социальные, экономические и прочие дыры, которые образовались в результате его деятельности. И вот книжка вышла. Летом 1989 года я прогуливался по улице Энгельса, возле парка имени Горького. Потом прошёл на другую сторону Буденновского проспекта, в известный всем ростовчанам книжный магазин. Привезли несколько контейнеров моей книги. Я стоял в сторонке и смотрел, как мою книжку расхватывали прохожие — первые попавшиеся люди, а не адресные читатели. И во мне взыграла гордыня — вот до чего дожил! Я преисполнился громадного вдохновения. «Смотри-ка, — подумал я, — как расхватывают, наверное, усвоят все то, что там написано». Но то была моя далеко не последняя иллюзия. В то время темы сталинизма и бюрократии вроде бы пользовались официальной поддержкой.

И вот Советский Союз крахнул, если пользоваться жаргоном Ленина. В России осталась примерно половина его населения. Зато численность бюрократии возросла в два раза по сравнению с Советским Союзом. Об этом вы можете прочесть в статистических сборниках. То же самое можно сказать о теме сталинизма. Ряд политических сил страны реанимируют сталинскую идеологию. По-прежнему существуют институты, которые созданы при Сталине и по его программам.

Недавно переведена книга «Насилие и социальные порядки», одним из авторов которой является Нобелевский лауреат Дуглас Норт. В этой книге есть несколько упоминаний о России. В том числе то, что путинская Россия — это вариант древней Месопотамии и Англии эпохи Тюдоров. Для обоснования этого вывода Дуглас Норт вводит понятие естественного государства. Естественное государство как раз предполагает господство тех лиц и структур, которые сложились при Сталине. Но их господство ведёт к последующему краху естественного государства.

Конечно, дело не в Сталине. Время «сталинских соколов» — т. е. людей, лично ему обязанных карьерой, прошло. Но созданные им институты воспроизводят блок проблем, которые пытаются осмысливать интеллектуально честные экономисты, юристы, историки, социологи, кинорежиссёры. С этой точки зрения особую актуальность сегодня имеет представление той художественной продукции, которую привез с собою Е.В. Цымбал.

В заключение скажу, что профессор Паин сообщил: его доклад будет посвящён более широкой тематике, а не только левому движению.

Е.В. Цымбал: Уважаемые зрители, слушатели, коллеги и мои однокашники! Я очень рад видеть здесь Анатолия Владимировича Лубского, с которым мне довелось прожить три года в одной комнате, хотя и в разных местах, по разным адресам. Не менее рад Николаю Мининкову, с которым мы вместе учились. Здесь есть Феликс Тодоров, тоже мой однокурсник, и Октай Мамедов, с которым мы сотрудничали. Простите, если я кого-то не назвал, все-таки я уже 39 лет не живу здесь, хотя считаю себя по-прежнему ростовчанином.

Сейчас мы посмотрим два фильма. Первый называется «Обыкновенный большевизм», он был снят в 1999 году. Возможно, некоторые вещи и некоторые акценты за это время изменились. Кино стареет быстрее, чем тексты, но иногда бывает наоборот. Первый фильм идёт около 80 минут. Потом у нас будет перерыв. Второй фильм называется «Защитник Седов», он идёт 44 минуты. После фильмов я готов буду ответить на ваши вопросы.

После просмотра фильмов звучат аплодисменты.

Е.В. Цымбал. Первый фильм был снят 25 лет назад, при советской власти. Пожалуйста, какие будут вопросы.

В.П. Макаренко: В последних кадрах — это Микоян?

Е.В. Цымбал: Да, это Микоян, в кадре находится 20-летие ВЧК в Большом театре, на котором должен был выступать Сталин. В последний момент Сталин позвонил и сказал, что занят делами, пусть выступит Микоян. Микоян совершенно не был готов к выступлению. Как вы видите, он импровизировал, нёс всякую чушь в духе своего времени.

Голос из зала: А не было кадров по поводу того, как самого Ежова погнали?

Е.В. Цымбал: Как правило, такие вещи не снимали. О борьбе с ежовщиной не было фильма.

Голос из зала: Но в кадрах он есть.

Е.В. Цымбал: Да, есть.

Голос из зала: Ваши источники все советские. Не приходило ли вам в голову, что есть достаточно репрезентативные английские, немецкие источники?

Е.В. Цымбал: Вы знаете, наверняка есть. Беда в том, что в те времена зарубежная хроника стоила в сотни раз дороже нашей. А сейчас уже и наши приближаются по стоимости к той цене, которая существует на Западе.

Голос из зала: А что Евгений Васильевич делает сейчас?

Е.В. Цымбал: Я могу вам назвать три фильма. 4 года назад снял фильм «Остановивший время» о Владиславе Микоше. То был один из лучших наших операторов, человек, который начинал снимать в 1932 году. Будучи студентом ВГИКа, он снимал взрыв храма Христа Спасителя, потому что считался лучшим студентом на операторском факультете. Рядом с ним стоял чекист, и как только кончалась плёнка, он под расписку сдавал этот материал. А увидел он этот материал спустя 54 года, в 1988 году. Он был фронтовым оператором, снимал всю оборону Севастополя, был в осаждённом Севастополе до последнего дня. Его увезли контуженного. После этого он подлечился, и его послали на съёмки американо-английских конвоев в Архангельск. Потом он с конвоями попал в Англию. Из Англии они поплыли в США. Конвой шёл вдоль Гренландии, обходными путями, чтобы обмануть немцев. Как выяснилось, немцы не обманывались, они просто шли тихо вместе с ними и выжидали удобного момента. В конвое было 113 судов, и когда до Нью-Йорка оставалось три дня пути, немцы атаковали их, у них это было очень хорошо отработано. Они подбивали первое и последнее судно, потом правое и левое. Так весь конвой оказывался в квадрате горящих судов, естественно, начиналась неразбериха, паника. А немцы ходили по кругу и уничтожали. В Нью-Йорк пришло 45 судов из 113. Когда они приехали в Нью-Йорк, достали сразу камеры, чтобы снимать. Но в посольство пришла телеграмма: любые съёмки в Америке категорически запрещаются. Потому что Сталин подумал и сказал: наши будут снимать там, и мы должны будем пустить их оператора, но нам не надо никаких съёмок. Правда, когда не было никого из посольства, они снимали втихаря маленькими камерами.

Там была забавная история. Когда они приехали в Америку, выяснилось, что никаких документов на них не пришло. Их тут же арестовали. После этого был суд, где было вынесено решение об их депортации. Но судья сказал: у нас сейчас идёт война, и вы наши союзники; я вынесу приговор о вашей депортации с правом на обжалование; у вас есть 75 дней на то, чтобы обжаловать. 75 дней вы можете находиться в США. Добро пожаловать в Америку! Они провели там достаточно долгое время, консультировали несколько американских филь-

мов, посвящённых России. У Владислава Микоши был роман с актрисой Хейди Ломар. Это была выдающаяся женщина. Помимо невероятной красоты у нее ещё было физическое образование. Она придумала что-то такое, что явилось основой радиолокационной техники и нынешних сотовых телефонов.

После этого они из Лос-Анджелеса двинулись во Владивосток, но в 2-х днях пути до Владивостока их остановил японский крейсер. С японцами у нас был вооруженный нейтралитет, они имели право досматривать наши суда, чтобы в наших судах не было оружия. Естественно, пароход был набит американским оружием, хотя на ящиках было написано «станки» и что-то такое. Когда пришли японцы, выяснилось, что у нас не до конца точно оформлены документы. И капитан сказал, что да, я с удовольствием вас пущу, вот я связался с нашими властями, и они сказали, что пока не будет этих документов, мы вас пустить не можем. Хорошо! — сказали японцы, мы вам завтра эти документы привезём. Отошли буквально на 300 метров и сказали: вы здесь стоите и никуда не деваетесь. Ночью лёг туман, команда вручную выбрала якорь, шлюзы, из которых цепи шли, были укутаны телогрейками, чтоб не было лязга. И они ушли в тумане и пришли во Владивосток. Когда этот пароход пошёл обратно, японцы его потопили. Микоша со своими коллегами приехал в Москву на Центральную студию документальных фильмов, сдал более 30 коробок отснятого материала, больше этого материала никто не видел и не слышал. Потом он долго ещё воевал и закончил войну съёмкой капитуляции Японии на крейсере «Миссури».

После этого у меня был фильм «Дневник из сожжённого гетто». Мы нашли девушку, которая, как Анна Франк, вела дневник в каунасском гетто. К счастью, она осталась жива. Но этот дневник — он остался совершенно неизвестным, потому что всех, кто ее спасал, посадили за участие в гестаповско-сионистском заговоре. Все они получили по 10 лет, уехали в Амурскую область, на Колыму. Она жила в Советском Союзе до 1971 года, ее зовут Тамара Ростовская. Можно найти в Интернете это имя и дневник. В 1974 году дневник был опубликован в Израиле в переводе на иврит, в 1994 году издан в Литве в переводе на литовский. После нашей картины я связался с исследователем Павлом Поляна и надо отдать должное его энергии, нам удалось издать впервые этот дневник на русском языке.

Мой последний фильм называется «Юргис Балтрушайтис — последний рыцарь Серебряного века». Это история литовца, русского поэта, одного из выдающихся деятелей культуры XX века и создателей русского символизма, человека, который знал два десятка языков и перевёл на русский язык Ибсена, Инберга, Гамсуна, Уайлда. Он жил в Москве. В 1920 году литовцы предложили ему стать представителем, а потом послом Литвы в России. Он пробыл на этом посту до 1939 года, то есть прожил в Москве 47 лет. Была неизвестная глава в его деятельности — он стал давать выездные визы деятелям Серебряного века. Мне лично удалось установить, что он дал визы Марине Цветаевой, Ходасевичу, Берберовой, Бальмонту, Вячеславу Иванову, Борису Зайцеву, Алексею Ремизову, Шимону Дубнову, Мстиславу Добужинскому, Коровину. Скорее всего по литовским визам уехали также Шаляпин, Кандинский, Рерих, семья Пастернаков, Андрей Белый и Борис Пастернак, которые быстро вернулись и т. д. и т. п. Могу сказать, что среди них родители политического обозревателя Познера, дочери Александра Скрябина, мать Мария. В общем, это ещё поле для исследования. Вот три моих последних фильма, что будет дальше — не знаю.

В.П. Макаренко: Как имя Микоши?

Е.В. Цымбал: Владислав, он саратовский поляк.

Э.А. Паин: Вопрос у меня такой: это наследие коммунистического прошлого или какого-то другого? Коммунистический — это единственный или один из возможных псевдонимов или это уже другая тема?! Если позволите, я выскажу также несколько ремарок по поводу того, что увидел. Меня уполномочил не Сталин, но совесть и личный интерес. Я все видел в первый раз, фильм художественный и документальный. Документальный мне в начале сильно не понравился. Многие вещи сняты так, как будто текст написал белый эмигрант с из-

вестными фобиями. И советский период, большевизм, который вторгся в Афганистан, а потом туда вторгся американский небольшевизм…

Е.В. Цымбал: Но это уже было после фильма.

Э.А. Паин: Для такого дела не обязательно, чтобы это был большевизм. Ко многому можно бы было придраться, но если соединять два фильма, — что для меня было важнее всего, — то в них речь идёт о неких заражениях, процессах сходства и взаимовлияния большевизма и нацизма. И не только. Речь идёт о факторе радикализма, который переходил из большевизма в нацизм и наоборот. На этой основе возникло массовое заражение, эпидемия. Вот это вещь чрезвычайно важная: как это происходит и как это может быть опасно и незаметно. После того, как власть демонстрирует, что суд, право и закон как дышло… Если эту народную мудрость подкрепить двумя-тремя примерами, то в принципе можно довольно быстро создать ситуацию поиска врагов народа. Художественный фильм просто замечательный. Особенно концовка. Все ждали, что Седова поведут в наручниках, а он оказался героем. Это все очень интересно и важно. А что же это, если не коммунизм?! Что это такое?

Я думал об этом, когда в начале документального фильма говорили, как высоко и широко шагала Россия к 1913 году, что уровень достиг уровня Франции, что она опережала по темпам Америку. Опережала, но это была абсолютистская монархия. Первый парламент в России был создан на 60 лет после соседней Османской империи. Там уже 60 лет был, когда у нас появилось нечто похожее. В этих условиях все время существует опасность. В документальном фильме была фраза: улица была во власти толпы. Абсолютизм даёт право власти толпы. И если нет общества, если оно не структурировано, то получается выбор: из огня да в полымя. Этот вариант возвратных движений и его природы — чрезвычайно важная вещь. Я совсем недавно выступал по радио, у меня вышла заметка в «Огоньке». Множество радиостанций решили взять у меня интервью, паре я дал, в том числе Русской службе новостей. Вот и Женя слышал. Закончилось все это тем, что один из слушателей сказал: мы хотели бы, чтобы вы сплотились в газовой камере.

Причём, никто со мной не спорил по сути. Никто не говорил, что написал автор правильно или неправильно. Слова «газовая камера», «натянуть кожу на абажуры» и им подобные присущи отнюдь не только советскому мышлению. Оказывается, нужно всего лишь чуть-чуть разозлиться на человека, чтобы узнать, что он планирует взрыв в метро или нашего товарища Сталина или шести доярок с помощью быков. Все легко происходит и легко производится; и природа этого понятна. Не формируется гражданское общество, нет того, что называют гражданской нацией. Даже никакого интереса к этому нет, это не обсуждается. Я не буду сравнивать фильмы с научными исследованиями, это нелепо. Но польза таких фильмов чрезвычайна важна, это заслон от инерции воспроизводства массовой паранойи. Проблема воспроизводства массовой паранойи под любым идеологическим названием крайне важна. Это может быть названо как угодно, не обязательно коммунизм, нацизм, фундаментализм. «ИЗМов» может быть бесконечное множество, но такая возможность существует всегда. Я очень жалею, что этот фильм забыт. Его нужно было многократно пускать по телевидению, чтобы его смотрели. Ведь примерно похожее делается сегодня. Этот фильм стоит обсуждать и показывать. Но если даже два человека в каждой аудитории вынесут что-то для себя после всего этого, то это уже будет хорошо, уже заслон, уже какая-то защита.

Е.В. Цымбал: Спасибо всем большое! Конечно, у этих фильмов была разная судьба. По сведениям Мосфильма, «Защитник Седов» купили 862 управления кинофикации и кинопроката. А его производство обошлось всего в 60000 рублей. Деньги были поделены на две части, я очень опытный кинематографический волк. Тюрьма снималась в подвале Мосфильма; кабинет следователя и кинотеатр — в проходной автобазы. Фильм снят за 18 дней в городе Серпухове. Квартира Седова была снята в чужой декорации, которую я переобставил. В подвале Мосфильма был пустой и заброшенный народный театр, там ничего нет, кроме шкафов. Мосфильм продавал этот фильм по 100000 рублей и продал 862 копии. Мне заплатили как за

две части, так как планировался двухчастевой фильм. «Защитник Седов» имел достаточно шумный резонанс. В газете «Правда» была опубликована статья, что фильм создан по худшим рецептам геббельсовской пропаганды, что Цымбал — это Иуда, который сполна отработал свои тридцать серебряников, а в скобочках добавлено: можно только догадываться, сколько ему щедрой рукой заплатили сионисты и американские империалисты за поливание нашей истории.

В.П. Макаренко: Кто автор этой статьи?

Женский голос: Скажите, пожалуйста, предположим, вы сейчас, в 2013 году снимали бы свой документальный фильм. Изменились ли аксиологические акценты и внутреннее ощущение художника — кинематографического волка, как вы сами себя назвали?

Е.В. Цымбал: Вы знаете, мы, конечно, все меняемся. Если бы сейчас я делал эти фильмы, в «Седове» я ничего бы не стал менять. В «Обыкновенном большевизме» я, наверное, больше уделил бы внимания не индоктринации народа, а его собственной психологии и тем механизмам, которые заставляют нас ходить по этому кругу. Я бы больше внимания уделил социально-психологическим моментам, массовой психологии, психологии толпы, если хотите.

Женский голос: Эмоциональному интеллекту?

Е.В. Цымбал: Я не думаю, что там много интеллекта. Я думаю, что есть много стереотипов или идиотизмов национальной истории и национального характера. Они существуют внутри каждой нации и страны. Это невероятно устойчивая вещь. Чтобы они изменились, нужны очень многие годы. Когда меня упрекали за то, что я снял такой фильм; я сказал: «Простите, прокоммунистических фильмов сняты десятки тысяч, можно снять и один антикоммунистический фильм». Беда наша в том, что это направление и тенденция не получили развития. Чтобы исправлять какие-то ошибки, нужно хотя бы их осмысливать или воспринимать рационально. Я имею надежду, что кино прежде всего имеет отношение к искусству. А искусство всегда обращается не к рассудку, а к эмоциям. Как говорил Владимир Набоков, у искусства одна цель — потрясать. Не знаю, насколько это мне удалось.

А.М. Старостин: Первый фильм не могу оценить, он в моё мировосприятие не входит, и не потому, что я человек левых убеждений. Эгалитаризм там подвергнут очень грубой обработке. Мы знаем теперь гораздо больше, чем знали даже в конце 1980-х. Более того, в России сама политическая практика, история и политическая история была, как правило, не кумулятивной. Выводов из прошлого не делается, опыт не накапливается, гражданская культура не идёт своим путём. Поэтому я думаю, что сюжет документального фильма отработал свое. Ведь есть вещи и заказные. А «Защитник Седов» — это пример художественной философии. На коротком промежутке с помощью ёмких образов, многомерно показана суть сталинизма. Хотя какая-то одна нитка совпадает с первым фильмом. Но есть не только эта нитка, а и множество других, которые потом проявились. Фильм зафиксировал времена 1930-х и те надежды, с позиций которых этот фильм снимался. Да и вообще трудно в России быть Богом…

Е.В. Цымбал: Да в России трудно просто быть…

А.М. Старостин: Как-то мы очень спешим и увлекаемся большими проектами. Едва мы к этим проектам обращаемся, в конце получается совсем не то, что было задумано в начале. То ли народ неправильный, то ли главные конструкторы опыта не имеют; то ли глобальные обстоятельства мешают. У меня тоже нет ответа.

Е.В. Цымбал: А у меня реплика на реплику. Для меня лично большевизм — не столько политическое и философское, сколько этическое и социологическое явление. Я рассматриваю его прежде всего с этой стороны. Например, в нынешней ситуации идеологии большевизма у нас нет, а этики и социальной психологии большевизма очень много. Я считаю, дело не в народе, но народ ведь нужно воспитывать. Ему нужно постепенно прививать какие-то образцы, цивилизованные пути существования, а это очень длительный кропотливый тяжкий процесс.

Многим из нас преподавали материализм, теорию партии, мне в том числе. Вы понимаете, у нас нет понятийного аппарата для описания каких-то других возможностей. Поэтому мы волей-неволей вынуждены возвращаться на тот же путь, на те же круги. Плюс ситуация с отношением: народ и власть. Я считаю, что это не изменилось то ли со времён Киевской Руси, то ли со времён монголо-татарского ига. Если ты — власть, тебе все дозволено. Если вы — народ, то вы знаете что…

В.П. Макаренко: Какие ещё есть вопросы, реплики, высказывания? Тогда у меня сначала реплика, а затем высказывание по поводу того, что здесь прозвучало. Конечно, потрясают вещи, которые пытаются изнутри описать репрессивную машину с помощью художественных средств. Мне кажется, тут нужна целая государственная политика, чтобы каждый представлял, что такое государство и люди, которые выполняют роль элементов или винтиков в государственной машине. Тут рациональности и рассудочного восприятия недостаточно. Конечно, оно необходимо, но лишь после того, что Роман Ингарден в его классической работе «О познании литературного произведения» назвал предварительной эмоцией. Если предварительной эмоции нет, то ее можно создать. Евгений Васильевич это делает и создаёт, и это прекрасно. На этой базе можно изучать нашу квазисобственную историю.

Теперь скажу о сравнении с 1913-м годом. Почему-то профессиональные отечественные историки мало фиксируют следующую цепь вполне определённых событий, начиная с 1850-х гг. до настоящего времени. Россия проиграла Крымскую войну 1853–56 гг. В 1904–1905 году она проиграла войну с Японией — небольшим островным государством. Первую мировую войну Россия тоже проиграла. На протяжении чуть больше полустолетия монархическая Россия проиграла три войны. В 1920-м году Советская Россия потерпела сокрушительное поражение под Варшавой. В финской войне 1939–1940 Советский Союз тоже потерпел поражение. В любом случае его людские потери не идут ни в какое сравнение с потерями Финляндии. В 1986 г. СССР пришлось ретироваться из Афганистана после семилетней войны. Какова была наша техника и качество вооружений в войнах между Кореей и США, Израилем и Египтом — особая тема. Холодную войну СССР тоже проиграл. На протяжении 150 лет страна изменила политический строй и понесла при этом сколько поражений — пусть каждый посчитает сам. Эта связь событий нуждается в углублённой рефлексии. На нее мало обращают внимания. Опять звучат победные фанфары.

Если стоять на почве фактов, то история государства не есть только история побед, но и история поражений. Истории без поражений не бывает. Евгений Васильевич прекрасно сказал, что если снято сто апологетических фильмов про советскую власть, то не грех снять хотя бы десяток против этой власти. Тут я абсолютно с ним согласен, хотя и в этом случае будет явная диспропорция. Независимо от того, идёт ли речь о надеждах или трагедиях, мы в любом случае отступаем от исторических реалий, исторической правды.

А.М. Старостин: Виктор Павлович, но это же не научный, а идеологический подход.

Е.В. Цымбал: Должен сказать, что авторское название первого фильма было «Краткий курс истории ВКП(б)». Его переименовали продюсеры.

В.П. Макаренко: По поводу истории ВКП(б) сейчас тоже скажу. Спасибо, что вы эту тему зацепили. В 4 года я научился читать. Первая книжка, которую я в своей жизни прочёл, был «Краткий курс истории ВКП(б)». Дома почти не было никакой литературы. Отец ходил на занятия, изучал краткий курс, а я вместо букваря учился читать на этом кратком курсе. Целые фразы оттуда до сих пор помню. Могу цитировать, но не буду этим заниматься. Вы затронули социальную психологию. А я с удовольствием сошлюсь на мою супругу Татьяну Александровну. Она краткий курс ВКП(б) сегодня носит студентам на лекции, зачитывает оттуда фразы студентам. Сам текст у большинства студентов вызывает рвотный позыв.

Е.В. Цымбал: А у кого-то вызывает и энтузиазм!

В.П. Макаренко: Вряд ли можно добиться того, чтобы пропорция восхищения и отвращения при восприятии этого текста была бы одинаковой. Мне понравилось ваше высказыва-

ние о социально-психологических корнях большевизма. В этом смысле большевизм жив до сих пор. Приведу примеры.

В постсоветской России причиной авторитарных тенденций является связь экономики с политикой. Под предлогом модернизации страны власть транслирует советско-монархическую связь политического угнетения с экономической эксплуатацией людей и природы. Драма посткоммунистической трансформации — это борьба между поклонниками рынка и рантье. Государственные рантье поставили задачей переходного периода сохранить условия для извлечения ренты в любых обстоятельствах. Существуют ли параллели между ситуацией в России и ситуацией в других странах? С удовольствием сошлюсь на Дугласа Норта, который в своей классической работе показал, что институты армии, церкви и бюрократии — главные действующие лица латино-американского пути зависимости от траектории предшествующего развития. В результате испаноязычные страны навсегда отстали от других стран Запада. Движение России сегодня по латиноамериканскому пути подтверждено. Довольно много есть исследований, фиксирующих параллели между Россией и испаноязычными странами. Так что предпосылки для анализа влияния армии, церкви и бюрократии на социальную жизнь страны уже появились. Мне кажется, нужен детальный анализ влияния этих политических институтов на социальную психологию России.

Эту проблему можно ставить и решать по-разному. В том числе на основе прозрений Андрея Платонова об универсальности двоемыслия. В научной литературе обычно при описании двоемыслия связывают эти явления либо с Оруэллом, либо с Владимиром Кормером, считая что оно характерно только для Советского Союза. Однако Андрей Платонов считал этот феномен следствием и причиной поведения и появления особого социально-антропологического типа, возникшего в СССР после революции. Приведу здесь главные констатации Платонова.

Первая рубрика: общая характеристика человека. Давайте вслушаемся в то, что писал Платонов. Типичный человек нашего времени — это голый и без имущества в предбаннике истории, готовый на все, но не на прошлое. Не Иван-дурак, а Иван-аспид, Иван-хитрец — вот сущий тип нашего времени. Сознание себя Иваном-дураком — это самосознание народа или класса. Каждый человек с детства вырабатывает социальную маску, чтобы гарантировать себе наибольший успех. Уже с детства человек впадает в уродство, люди на самом деле замаскированы. Такова характеристика материала, на котором растут социально-психологические предпосылки сталинизма.

Е.В. Цымбал: Если я не ошибаюсь, в Ростове в 1987 или 1988 году, на Северо-Кавказской студии кинохроники, Ростовской студии кинохроники был снят замечательный фильм Сергея Стародубцева. У меня лично он есть, где его найти в Ростове, пока не знаю, но, наверное, можно. Фильм совершенно потрясающий. Жаль, что Сережа безвременно погиб

В.П. Макаренко: Я помню эту фамилию, он работал на телевидении.

Е.В. Цымбал: Именно так.

В.П. Макаренко: Спасибо за подсказку. Второй сюжет я обозначаю так: связь революции и контрреволюции. Я считаю, что у людей, подобных Евгению Васильевичу Цымбалу — т. е. у публицистов и художников, — нюх как у охотничьего пса. Они раньше других должны фиксировать явления, за которыми должна следовать теоретическая мысль. Поэтому для меня художественные вещи важнее. Андрей Платонов писал, что революция была задумана в мечтах о никогда несбывшихся вещах. Такие мечтания он называл тайными идеями и указывал три таковых: устранение религии как народной религиозности; устранение нечистой совести: «Жизнь состоит в том, что она исчезает. Ведь если жить правильно — по духу, по сердцу, подвигом, жертвой, долгом, — то не появится никаких вопросов, не появится желание бессмертия и т. п. Все эти вещи являются от нечистой совести»; использование философии для освобождения человека: «Вся философия есть способ самозащиты угнетённых людей против угнетателей, путём поисков такого слова, чтоб их угнетали не до смерти, чтоб слово это по-

действовало на угнетателей особым, неизвестным, магическим образом, — но чёрта с два это выйдет».

Не менее значима «…мечта о государстве, где население бьёт, издевается, колотит полицию, власть и пр. — и население наслаждается».

Нетрудно понять, что все эти цели не достигнуты до настоящего времени. Проблема смещается к обсуждению меры их утопичности или реализуемости.

Непосредственная цель революции: уничтожение буржуазии — «великой гниды земного шара». Средство: «Только деклассированные, выродившиеся из своего класса, „ублюдки“ истории и делали прежде революции… Да здравствуют безымянные „ублюдки“ и всякие „отбросы“ человечества!». «Без мучений нельзя изменить общество: ведь социализм получил в наследство мещанство, сволочь… Сознание, не закреплённое в чувстве, — это действительно контрреволюция, т. е. непрочное слишком состояние». «Если нельзя сплотить людей на основе родства, то можно их соединить на основе мучительства».

На деле великая гнида и ублюдки играют роль исторического навоза: «В революцию выигрывает „боковая сила“, т. к. главные уничтожают друг друга, а боковая остаётся при здоровье и забывает все». «Мещанин, а не герой вывезет историю». Иначе говоря, реальная революция — это мучительство масс ради победы мещан под видом революционных преобразований.

«Советская власть опирается на приспособленческие элементы, страстно цепляющиеся за жизнь и готовые на все». «Удивительно, что люди жались к жакту, конторе, к справкам, хотя в городе были мировые театры, и в мире — вечные вопросы мучения». «Люди связаны между собой более глубоким чувством, чем любовь, ненависть, зло, мелочность и т. д. Они товарищи даже тогда, когда один из них явный подлец, тогда подлость его входит в состав дружбы. Отчего это? Оттого, что человек интересен лишь с „говном“. Устраивали праздники по случаю получения паспортов, справок, воинских билетов и т. д.».

Из всего перечисленного вытекает бюрократическая природа советского государства — это «…государство, держащееся на чтении книг, газет». Жизнь в таком государстве есть беспрерывное напряжение приспособленчества и безошибочности. «Учреждения ничего не делают, сознавая бесполезность большинства дел, но взаимосвязь, прослежки, страх перед неисполнением пустяка такие сильные, что все плетётся мелочью, трётся и тихо выходит дело. Так что учреждения полезны, но не работой, а суетой». «В начале класса — чиновничий героизм; смерть на далёких бурьянных полях с портфелем и преданностью; героизм более мощный, чем военный, более глубокий и жуткий». Бюрократический героизм в СССР стал массовым явлением: «Чтобы истреблять целые страны, не нужно воевать, нужно лишь так бояться соседей, так строить военную промышленность, так третировать население, так работать на военные запасы, что население все погибнет от экономически безрезультатного труда, а горы продуктов, одежды, машин и снарядов останутся на месте человечества, вместо могильного холма и памятника». Как известно, все население страны не погибло, но СССР распался. Советская власть провозгласила социалистическую демократию, а постсоветская назвала ее «суверенной». Однако «…происхождение демократии — это переодетая полиция, это штатскость — для конспирации наблюдения».

В этом смысле А. Платонов оказался пророком. Ни цели революции, ни тайные мечтания наших соотечественников не осуществились до сих пор. Мне кажется, что проблемы, поставленные Андреем Платоновым, остаются до сих пор актуальными.

Е.В. Цымбал: Вы знаете, если начать с конца вашего выступления, то это напоминает старый анекдот. Армянское радио спрашивают «Будет ли новая всемирная война?» Ответ «Войны не будет, но будет такая борьба за мир, что камня на камне не останется».

Это раз. Во-вторых, лет 15 назад, когда я делал этот фильм, я, может быть, в большей степени согласился бы с Андреем Платоновым, нежели сейчас. Потому что царская Россия тоже была бюрократическим государством. Я думаю, дело в принципах, на которых строится

государство. Потому что должны быть какие-то выходы, каналы для публикации и учёта других мнений. Если этого не происходит, получается не плавильный, но паровой котёл, который время от времени взрывается. При всей ненависти Платонова к мещанству нужно сказать, что мещанство — носитель здравого смысла в большой степени. При всей его пошлости, глупости и т. п. Что такое средний класс? Это образованное мещанство. Сейчас средний класс — основа более или менее стабильных государств. Что касается чтения газет, то я думаю, что это сейчас вообще уходящее. Сейчас властитель дум, правительство у тебя в квартире, гипнотизёр, индоктринатор — это телевидение. А дальше мы вступаем в мир интернета. Что это такое? Это уже некая мозаичность социальной психологии, мозаичность политических систем. Мне кажется, мы с вами оказываемся в совершенно новой ситуации, аналогов которой в прошлом не было.

Э.А. Паин: Это так кажется. А потом оказывается, что ничто не ново под луной. Базовые вещи воспроизводятся. Давайте не будем рассказывать об интернете. Но вы бросили реплику: «А вы знаете какая цель?» Это существенный вопрос. Есть ли некий общий путь или у каждого он свой? В вашем фильме герой едет в поезде и говорит, что граф Мирабо говорил: я готов признать любой суд, даже самый подкупленный и нечестный, но он должен быть публичный. Значит, есть какой-то набор свойств… Если вы не хотите диктатуры, то 1000 лет назад, 200 лет назад, сегодня и завтра — сделайте публичный суд, всего-то. Не так уж сложно определить набор условий, который можно задать в качестве общей для нас цели или ценности. Скажем, права человека являются существенно важными. Обычно против прав человека выступают те, кто не принимает прав другого человека. Например, Сурков написал о нашем времени как о времени долгожданной жёсткости. Это было за несколько дней до его отставки. Когда я прочитал про отставку, то понял: вот прекрасный образец. Против своих прав человека ни один живущий человек не выступает. Против каких-то абстрактных и вообще — может.

Теперь по поводу Платонова. Один Платонов может написать столько, что сотни философов потом не разгребут. Писатель он и есть писатель, и я бы не возводил это…

В.П. Макаренко: Вы имеете в виду, что писатель более безответственный, чем философ?

Э.А. Паин: Это все можно делить на 226. Каждую фразу не только великого Платонова, но даже величайшего Пушкина. В каждой фразе можно усомниться. Даже Блаженного Августина.

Е.В. Цымбал: Это правильно. В трудах любого великого писателя, как в Библии, можно найти совершенно взаимоисключающие вещи.

В.П. Макаренко: Хорошо-хорошо, но я не то имел в виду. Если вникнуть хотя бы немножко в биографию и тексты А. Платонова, то там совершенно определённо конструируется представление о возможности построения идеального общества. Он примкнул к советской власти в надежде на то, что эта утопия будет реализована. И он поверил в эту власть. А ведь именно такая вера породила массовый большевизм, что прекрасно описано в его рассказе о лампочке Ильича, как гонят самогонку, чтобы заливать ее в двигатель, чтобы он работал и давал свет лампочке Ильича. Он верил в это…

Е.В. Цымбал: Я с вами согласен.

(Поднялся шум)

Э.А. Паин: А я не согласен…

Е.В. Цымбал: А как же быть с идеальным и гармоничным миром? Быть может, этот мир вытекает из Платоновской пещеры? Ведь он имеет мало общего с реальными вещами, институтами и т. д.

Э.А. Паин: Утопия — это абсолютно необходимый образ для человеческой мысли. Без утопии, без некого представления о счастливом будущем нет никакого движения. Да, утопия — это неадекватное выражение мира, но она абсолютно необходима человечеству как

воздух. Отдельный вопрос: какими бывают утопии? Но наличие утопии не является несчастьем. Я с этим не согласен.

В.П. Макаренко: Завтра мы про утопию поговорим специально. Но дело не только в утопии. Оно сложнее, если речь вести об А. Платонове. Я это хорошо помню — вырос на железной дороге. Вы помните такой прекрасный зелёный паровоз СУ, который возил пассажирские поезда? Я им был восхищен. А потом это детское восхищение паровозом встретил в образе Захара у Платонова. Он верил, что с помощью такой техники можно переделать и совершенно изменить мир. Убеждение, что с помощью технических средств и соответствующих им методов управления можно изменить мир, входит в состав технократической идеологии. Сегодня ее называют социальной технологией. Куча книг про это написано, защищаются диссертации, правительствующие особы говорят о том же в надежде, что они открывают некую истину. Вот о чем идёт речь. Не является ли этот поток слов и действий разновидностью платоновского Захара?

Е.В. Цымбал: Может, кто-то ещё хочет что-то сказать, а то мы узурпировали…

В.Ю. Попов: В вашем фильме присутствует известный музыкант Гарик Сукачев. Если не секрет, по каким мотивам Вы его взяли в этот фильм?

Е.В. Цымбал: В «Защитнике Седове» есть два актёра, которые были до этого практически неизвестны: Владимир Ильин, который в эпизодических ролях снялся в 20–25 фильмах, а что касается Гарика Сукачева, то я его увидел летом 1987 года на московском кинофестивале, был профессиональный клуб, там играла его группа «Бригада С». Я посмотрел на него, он мне показался человеком из того времени. Я исходил только из внешних параметров. Не знал, какой он актёр, есть ли у него какие-то способности. Мне казалось, что я сумею передать ему свою концепцию, то, что мне от него нужно. Я доволен, он был очень дисциплинирован на съёмках и никаких проблем с ним не было. Я его первый стал снимать, после меня его взял Александр Митта в фильм «Затерянный в Сибири».

В.Ю. Попов: В качестве продолжения этой темы чуть-чуть скажу. Как ни странно, как раз в интересах исторической репрезентации, на мой взгляд, получилась интересная штука. Сукачев смотрится в этом фильме как отдельное произведение, а вы его брали как типаж из того времени. Его все знают, как известного современного человека, но никак не человека тех лет. Получилось наоборот. И это тоже интересно.

Е.В. Цымбал: Вы знаете, это в вашем восприятии.

В.П. Макаренко: Это восприятие твоего возраста.

Е.В. Цымбал: Он абсолютно вписался в этот портретный ряд. Для меня это очень важный момент, потому что у каждого времени есть свои лица. Если ты смотришь хронику, то у тебя вдруг останавливается взгляд. Вот человек из нашего времени. А вот эти лица попадаются в 1920–30-е годы. Но и в наше время попадаются лица из тех времён. Это непостижимый для меня феномен, но я всегда стараюсь много внимания уделять исключительно внешним параметрам. Я считаю, если человек не бездарен, то совсем необязательно он должен быть великим артистом, чтобы сыграть какую-то роль. Достаточно взаимопонимания между этим человеком и режиссёром. И умения режиссёра объяснить, чего он хочет.

Женский голос: Мы знаем, что у вас первое образование истфак. Не мешает ли вам образование историка?

Е.В. Цымбал: Наоборот, очень помогает. Умение работать с источниками — вот главное, что я вынес из университета. Умение знать, где, что и как надо искать. Когда ты смотришь хронику, в описях трудно что-то понять. Например, 1 мая 1925 года. Ты начинаешь думать, что-то там может быть и прикидываешь, может ли это быть интересно.

В заключение хочу сказать вам большое спасибо. Я очень благодарен. *(Аплодисменты)*. Я не отношу себя к режиссёрам, которые любят только слова: «это гениально!», «это восхитительно!», как Никита Михалков. Я люблю, когда мне говорят честно. Это даёт повод задумываться.

Второй день

Э.А. Паин Российские идеологические течения в эпоху безвременья (по материалам Рунета)

О «партии Интернета» и «партии телевизора»

Западные исследователи давно уделяют внимание Интернету как инструменту формирования общественного мнения и как его отражению. Российские учёные обратили внимание на Интернет и на его российскую ветвь Рунет только в последние годы. На это есть две главных причины.

Во-первых, Россия именно в эти годы продемонстрировала чрезвычайно быстрый рост числа интернет-пользователей, которое на весну 2012 года достигло 59,5 млн человек (это более 51% взрослого населения России). При этом по количеству времени, проведённому в социальных сетях, россияне оказались одними из самых активных пользователей в мире (третье место после Израиля и Аргентины)[1].

Во-вторых, массовые акции протеста, которые произошли зимой-весной 2011–2012 годов, заставили обратить внимание на возможную роль Рунета в формировании оппозиционных движений и координации действий участников акций.

Эти движения, как и предшествовавшие им «цветные революции» на постсоветском пространстве и «арабская весна», привели некоторых исследователей к мысли о необычайных политических возможностях Интернета. Ряд исследований указывает на пропасть между дискурсами, разрабатываемыми в социальных медиа, и тем, что в западных исследованиях принято называть mainstream media (прежде всего телевидение). Например, социолог М. Кастельс рассматривает Интернет как единственный инструмент «производства» и совершенствования демократии, которая перерастает в развитие социальных связей и протестов против некоторых действий власти[2]. Традиционным клише стало выделение противостоящих друг другу в политическом плане «партии телевизора» и «партии Интернета»[3]. Образ телевидения, воспринимаемого как наиболее контролируемое государством и ограниченное политикой телеканалов СМИ, дополняется образом Интернета в качестве независимой информационной среды. И это при том, что телевидение статистически остаётся главным источником информации для подавляющего большинства россиян[4].

Кроме того, социологические исследования интернет-аудитории («Левада-центр», 2012 год) показали, что соотношение идеолого-политических групп в интернет-сообществах мало чем отличается от того, что социологи фиксируют во всем обществе или в среде избирателей. Численно во всех случаях пока преобладает группа провластных (пусть и не с таким отрывом, как на последних выборах президента), далее идут объединённые левые и замыкают список националисты и «демократы-либералы»[5].

Общий вывод, который можно сделать относительно связи интернет-активности и протестных выступлений, заключается в том, что Интернет не более чем средство связи между

---

[1] Интернет в России. М.: Фонд «Общественное мнение», весна 2012. Вып. 37 [http://runet.fom.ru/files/download/1387].

[2] Байдакова А. Социолог Мануэль Кастельс — о неизбежности новой демократии. — Радио Свобода. 2012. 16 ноября [http://www.svoboda.org/content/article/24620450.html].

[3] Захаров М. «Партия телевизора» живёт и побеждает. — Полит.ру. 2012. 5 июня [http://polit.ru/article/2012/06/05/internet_tv/].

[4] Источники информации: откуда черпают информацию представители разных социальных слоёв. — М.: Фонд «Общественное мнение», 2012 [http://fom.ru/SMI-i-internet/10481].

[5] Волков Д. Протестное движение в России в конце 2011–2012 гг.: истоки, динамика, результаты. — Доклад. «Левада-Центр», сентябрь 2012 [http://www.levada.ru/sites/default/files/movementreport.pdf].

людьми, не всегда способствующее консолидации оппозиции и развитию социальных связей. Интернет оказывает как позитивное, так и деструктивное влияние на рост реальной гражданской активности, пока не перекрывая влияния других медийных каналов.

По мере спада эйфории по поводу чудодейственных возможностей Интернета как коллективного организатора и вдохновителя демократизации в России, растёт уверенность исследователей в том, что социальные медиа могут рассматриваться как новый и важный источник знаний о процессах, которые происходят в российском обществе, и прежде всего об отражении в нем реальной картины идеолого-политического размежевания. Только здесь представлен весь спектр политических сил России, поскольку многим политическим течениям, таким как националисты, новые левые, религиозные фундаменталисты и др., нет места в mainstream media.

Именно на изучение этих вопросов было нацелено коллективное исследование идеологических течений современной России, проявляющихся в зеркале Рунета. Первый его этап назывался «Этнополитические процессы в российской блогосфере» (январь – сентябрь 2012 года), второй (сентябрь 2012 – апрель 2013 года) — «Российское идеологическое безвременье в зеркале социальных медиа». Исследование проводилось под руководством Эмиля Паина (НИУ ВШЭ, Москва) и при научном консультировании Галины Никипорец-Такигава (Университет Кембридж). Методология исследования достаточно подробно изложена в коллективной статье участников проекта[6].

Идеологическое размежевание по исторической памяти

На основе анализа массовых интернет-сообществ и элитарных групп в блогосфере наша исследовательская команда пыталась определить идеологический портрет современной России. Вырисовались четыре узнаваемых «лица»: либеральное, левое, националистическое и провластное. Это те идеологические течения, которые проявились в России ещё в начале XX века и сохранились в исторической памяти, несмотря на более чем семидесятилетнюю монополию в СССР одной партии — коммунистов. Восстановившееся идеологическое разделение российского общества весьма аморфно, что понятно: люди самоопределяются на основе тех признаков, которые сохранила наша историческая память, а кроме «левых – правых», «либералов – державников» мы вряд ли что-то помним. В массовом Интернете («ВКонтакте») идеологическая направленность групп узнаваема уже по названию, вроде «Я — русский», «Наша Родина — Советский Союз», «Коммуна» и т. п. Их изучение позволило нам сосредоточиться на тех социальных феноменах, которые обычные опросы общественного мнения оставляют незамеченными. Анализ контента Рунета позволяет анализировать не только сиюминутные оценки и настроения респондентов, но и устойчивые идеологические объединения, обладающие специфическим самосознанием и особым языком. Именно с составления словаря такого сообщества начиналось наше исследование. Мы выделили наиболее популярные и устойчивые тематики обсуждений в различных интернет-сообществах, а также ключевые, специфические только для данного сообщества слова и семантико-смысловые конструкции их дискурсов.

Наибольшую группу в Рунете формально составляют сторонники действующей власти. Однако после детального изучения мы дали ей другое название — «материковая масса советских людей». Это те люди, которые всегда в большинстве и всегда составляют опору власти, даже если политический режим радикально изменяется. Сегодня они поддерживают партию «Единая Россия» и близкие ей партии типа партии В. Жириновского (ЛДПР), а также религиозно-православные группировки, но многие из этих людей в 1990-е поддерживали партию «Наш дом — Россия», созданную Б. Ельциным, а в свое время — и либералов Е. Гайдара и

[6] Паин Э., Мохов С., Поляков Е., Федюнин С. Этнополитические процессы в зеркале Рунета. — Политическая наука. 2013. № 1. С. 133–160.

А. Чубайса. Конформизм — вот свойство, которое прежде всего отличает данное сообщество, использующее для самоописания, в качестве главного признака, словесную конструкцию «мы — большинство» или «мы как все». Единая инертная масса имперского, советского общества, являющаяся основным объектом манипуляций, ныне диверсифицируется, постепенно, крайне медленно и болезненно, но расслаивается. Это не так заметно в самой массовой социальной сети «ВКонтакте», а вот анализ Facebook и Twitter показал, что здесь уже во всех идеологических течениях появляется множество дробных элитарных ячеек, которые сильно усложняют, раскалывают идеолого-политические течения, хотя они все же продолжают называть себя обобщенно «левыми» или «националистами».

Прежде всего, *изменения коснулись группы левых.* Именно в ней проявились совершенно новые для России течения, отчасти доказывающие справедливость вывода Фрэнсиса Фукуямы о том, что левые (пока больше на Западе) ныне сменили основной объект любви и защиты. Их больше не интересует рабочий класс, обуржуазившийся и не нуждающийся в их поддержке. Они поддерживают сегодня колониальные народы, культурные меньшинства, ЛГБТ-группы и т. д. Мы видим и в России это гигантское различие между людьми, которые называют себя марксистами, левыми. Все они выступают вроде бы за идею эгалитаризма, социальной справедливости, но между ними, между ультраксенофобами из партии Г. Зюганова и защитниками меньшинств «антифа»; между левыми Pussy Riot и советскими коммунистками, патриархальными бабушками, которые борются с теми, кого называют «кощунницы», мало общего. Впрочем, новые левые и в Рунете численно составляют ничтожное меньшинство по сравнению со сторонниками коммунистов (КПРФ).

Очень *серьёзные перемены наблюдаются в группе националистов*. Русские националисты рождались как группа, защищающая империю и самодержавие. Поэтому их политические объединения, появившиеся в начале прошлого века («Черная сотня», «Союз русского народа»), были настроены ультрамонархически и проимперски. Ныне же мы видим в среде русских националистов нарастание антиимперских настроений, проявляющихся в лозунге «Долой Кавказ!» С этого начинаются расхождения русских националистов с властью, ставящей в качестве одной из главнейших своих задач сохранение империи. Антивластные настроения усиливаются и разрастаются, проявляются не только в Петербурге и Москве, но и на периферии. Причём в некоторых районах России, например в Ставропольском крае, русский национализм выступает в качестве основной оппозиции власти.

Меньше перемен в группе либералов. Кстати, у них и меньше различий между массовой и элитарными группами. Можно выделить три основные особенности этой группы.

Первая: либеральное интернет-сообщество — самая атомизированная, разобщённая группа. Это проявляется уже на уровне самоидентификации в силу отсутствия единого термина для самоопределения. Так, скажем, слово «либерал» по отношению к самим либералам употребляется довольно редко. Из специфических самоопределений можно назвать либо сугубо этические: «мы — рукопожатные», а они — «нерукопожатные», либо такие негативные по своей природе самоназвания, как «антиселигер» (очень популярный, между прочим, термин).

Вторая особенность этого интернет-сообщества состоит в крайнем пессимизме в отношении реализации либерального политического сценария как некоего европейского пути для России. Господствуют представления о том, что либералы — это меньшинство, которое существует в некоем враждебном социальном окружении, среди народа с «рабским сознанием», поэтому это меньшинство обречено на поражение.

Из этого вытекает и третья особенность — эта группа самая некреативная, она не предлагает общей для страны повестки дня — единой программы действий. В лучшем случае делаются предложения только для «своих».

Впрочем, некоторые политические деятели, позиционирующие себя как либералы, пытаются расширить свой электорат за счёт привлечения внимания к себе со стороны русских

националистов. Таких персон совсем немного (единицы), и среди них наиболее заметен Алексей Навальный

Исследование показало, что разделение общества на идеологические группы можно считать свершившимся фактом. Отчасти это позитивный сдвиг — по сравнению с эпохой доминирования аморфной массы советских людей. Теперь тотальная мобилизация общества в мирных условиях исключена. Значительно меньше возможности манипуляции людьми. Однако у каждой медали есть и оборотная сторона. Международные сравнительные исследования интернет-сообществ показывают, что российское — самое раздробленное, его идеологические «кусты» слабо связаны друг с другом, умение разговаривать и договариваться так и не появилось. При всех различиях просматривается несколько признаков, общих для всех течений. Во-первых**,** негативная консолидация во всех группах превалирует. Так, для самоидентификации интернет-сообщества чаще используют негативные определения («мы — не они») и объединяются только перед лицом общих врагов. Ни одна из идеологических групп, включая провластную, не выражает удовлетворённости текущим положением дел и нынешнюю власть оценивает в лучшем случае как меньшее из зол. В-третьих, во всех группах преобладает скепсис в отношении позитивных перемен. Мало кто верит, что у нас может стать лучше, и уж тем более, что скоро станет лучше. Сравнение массовой интернет-аудитории с элитарной показывает, что чем выше уровень интеллектуализма, тем больше проявляется критическое отношение к современным условиям, но при этом у всех групп впечатление бесперспективности. Одни не хотят перемен, боятся их, другие хотят, но не верят в возможность благоприятных перемен. Для большинства групп *настоящее безобразно, будущее бесперспективно. И это сущность того безвременья, о котором мы сегодня говорим.*

Что нас ждёт после конца «безвременья»?

Эпоха безвременья постепенно уходит. Это ещё не очень заметно — как наступление утра зимой: пять часов утра в декабре мало отличаются от трех часов ночи, однако язык все-таки говорит нам, что одно — утро, а другое — ночь. И вот сейчас по ряду признаков уже можно угадывать приближение хмурого утра.

Фундаментом безвременья была политическая стабильность, пусть и застойная. В таких условиях большинство идеологических группировок оставались пассивными и могли позволить себе абстрактно размышлять на тему, а нужны ли им программы действий. Но это была шаткая конструкция, и стоило какой-то из ее частей проявить активность, как равновесие нарушилось. После серии митингов в 2011–2012 годах включилась власть. Ее новую стратегию Владислав Сурков, бывший главный идеолог Кремля, назвал «долгожданной жёсткостью», а политическая оппозиция (практически всех ее оттенков) — репрессиями. Так или иначе, возникает цепная реакция — действие рождает противодействие. То, что Сурков назвал «однозначной победой» власти, может быть всего лишь естественным запаздыванием ответа оппозиционных сил на действия властей. В начале прошлого века этот ответ растянулся на 12 лет (между 1905 и 1917 годом), сегодня сроки способны сжиматься, а варианты «отдачи» — быть ещё более непредсказуемыми. Оппозицию буквально провоцируют к росту напряжения: в 2010 году, когда футбольные фанаты вышли на Манежную площадь, Путин с ними встретился. Через год, после целой серии многократно больших по численности митингов, власть отказалась от диалога. Оппозиция, дескать, не конструктивная. Действительно, куда ей до футбольных фанатов. Но ведь и провластные силы не получили успокоения. Напротив, именно они стали основными потребителями потока антизападной истерии. Мобилизовать с ее помощью население нельзя, не получается, а вот страхи и фобии возрастают, а это плохая опора для стабильности. К тому же все это происходит в условиях экономического спада. За период 2012 года динамика ВВП снизилась в России примерно в четыре раза. Приток иностранных инвестиций в экономику России уменьшился и, по прогнозам, в 2013

году ещё сократится. Правительство РФ выдвинуло задачу улучшения инвестиционного климата. Но стратегия «долгожданной жёсткости» вряд ли будет способствовать этому. Вся система сдержек и противовесов, обеспечивавшая состояние застойной стабильности, деформируется. Нас ждёт интересное будущее.

Чтобы оценить, какой будет идеологическая палитра России в ближайшем будущем, стоит обратить внимание на способность к самоорганизации и объединению сторонников каждой из представленных групп. Когда все находится в становлении, эта способность очень важна. И в этом аспекте расстановка сил иная. Наибольшую способность и готовность к самоорганизации проявили левые и националисты. Заметно отстают провластные (их организовывают сверху). А наименьший интерес к самоорганизации — у либералов. Соответственно, у них же самые безрадостные перспективы. Кроме того, в этом исследовании мы выделили тематические блоки дискуссий каждой из четырёх групп — новости, самоорганизация, идеология, развлечения и т. д.

Идеология — это то, чем интересуются в основном левые. Они рассуждают, что такое марксизм новый, что такое марксизм старый, что такое отчуждённость, справедливость, интересы. На втором месте по этому пункту оказались русские националисты. Меньше всех идеологией интересуются российские либералы. У них лидирует блок «иное» — это та «каша с гвоздями», которой даже названия не найти: личные фотографии, обсуждение книг, споры о киногероях и котиках… Собственно политический контент сведён к минимуму. Интерес к приватной жизни понятен, но обратите внимание: мы рассматривали политические интернет-сообщества. Справедливо заметить, что и на Западе сегодня либеральная идеология сравнительно размыта. Но почему? Потому что там основная либеральная идея — о главенстве прав человека — стала общим местом. Ею воспользовались почти все существующие партии. Либералам осталось бороться за частности. Однако у нас иная ситуация. Права человека в России ценностью не считаются. Более того, именно сейчас они подвергаются целенаправленной травле, постулируется мысль, что Запад использует идею прав человека для вмешательства во внутренние дела России. Казалось бы, в этих условиях именно либералы должны сплотиться под знаменем защиты прав человека, но, увы, и в этом лагере идут дискуссии (пусть и в иносказательной форме) о пользе соблюдения таких прав. Случается, что либералы (даже такие заметные, как Владимир Милов) предлагают с пониманием отнестись к призывам «Хватить кормить Кавказ!» и «считаться с устойчивыми стереотипами против „выходцев с Кавказа“». Какие уж тут права человека.

Идея гражданской нации, полтора века назад высказанная Э. Ренаном, в либеральном сообществе даже не упоминается. Непонятыми для идеологов российского либерализма остались и идея Э. Геллнера о нации как основе экономической и политической модернизации, и мысль Д. Растоу о том, что национальное единство — главное предварительное условие для демократии. Народ может стать источником власти, однако сначала нужно договориться, кто же такой народ. Россия решила обойти ответ на этот щекотливый вопрос, в результате у нас ведутся споры между либералами-космополитами и этническими националистами — заранее тупиковые споры. И наконец, главный грех современного русского либерализма — это склонность его сторонников к идее исторической предопределённости. В двух ее разновидностях. Во-первых, в пессимистической. В России, мол, сложилась такая авторитарная политическая культура, рабское сознание. «Плохой народ» не способен отказаться от «исторической памяти» и поддержать либеральный курс. Во-вторых, предопределённость сквозит и в натужно оптимистических выступлениях. Этот мотив преобладает на митингах, когда собравшихся убеждают, что исторический прогресс сам собой приведёт Россию к торжеству свободы и демократии. Непонятно лишь, о каком масштабе истории идёт речь — о веках, тысячелетиях? Если говорить о текущем историческом моменте, то он показывает, что победа из рук либералов ускользает. Положим, они многое сделали для того, чтобы внушить большинству населения святую ненависть к «партии жуликов и воров». Но вот публикуется список мини-

стров-миллионеров, охарактеризованных как сторонники экономического либерализма, и тут же в Интернете появляется пост: «Хорошо устроились либерасты: сами воруют, а на Путина сваливают». Доверия к либералам нет.

Неструктурированные, расколотые, донациональные общества в течение долгого времени оказываются во власти либо диктатур, либо толпы, и трудно оценить, какое из зол большее. В 1979 году после свержения монархии в Иране к власти пришла исламская теократия. В 2011–2012 годах после революций так называемой «арабской весны» в ряде арабских стран были свергнуты застойные диктатуры, но власть захватили идеологи исламского фундаментализма. В современной России в случае ослабления авторитарных тенденций и нарастания нестабильности не исключено, что претендентами на политическое лидерство станут совершенно новые силы – идеологические мутанты, возникшие из сочетания ксенофобного национализма и левого социального популизма. Их появление вызвано запросом снизу. Наше исследование показало, что единственная идея, общая для массовой аудитории каждой из четырёх групп, — это ксенофобия. Исламофобия, кавказофобия, мигрантофобия распространены даже среди либералов, а в других течениях они ещё сильнее. Также растёт популярность идеи социальной справедливости. Согласно последним соцопросам, россияне все большее значение придают условиям жизни, комфорту и защищенности по сравнению с тем же увеличением зарплаты. А власти, конечно, гораздо легче прибавить зарплату и индексировать пенсии, чем разбираться с ЖКХ. Назревает недовольство. Подстраиваясь под эту реальную повестку дня, националисты и левые мутируют. Самые активные ячейки слева и справа подхватывают лозунги друг друга, сливаясь в своеобразный национал-социализм российского розлива. В одном из информационных листков партии «Воля», отнюдь не самой популярной, но весьма показательной, собраны все ударные лозунги: критика власти — «Наша страна умирает. Ее убивают как раз те, кто должен „по должности“ о ней заботиться, — чиновники»; национализм — «Народное движение „За Иванов!“» (это значит в защиту коренного населения России против колонизации страны); левая риторика против иностранной буржуазии — «Заводы и предприятия за годы перестройки были отданы на откуп Западу, грабительство названо „приватизацией“». Подобные лозунги в современной России вполне перспективны. История в таких ситуациях, как сегодняшняя российская, предлагала два варианта сплочения граждан на общей платформе. Либо испанский сценарий — пакт Монклоа, когда разные политические силы после смерти генералиссимуса Ф. Франко объединились в неприятии диктатуры и выработали «дорожную карту» демократического транзита; либо сценарий эволюции Веймарской республики — от авторитаризма к диктатуре. Во втором случае, как мы помним, объединение происходило не за счёт диалога и учёта мнений оппонентов, а за счёт уничтожения или выдавливания всех противников режима. Я не говорю, что в России невозможен первый сценарий. Однако опасность второго налицо: он гораздо проще, и, если ничего не предпринимать, в силу исторической инерции может осуществиться именно он.

В.А. Шкуратов: Спасибо, Эмиль Абрамович, за сообщение о фундаментальном исследовании. Но ваши результаты очень порадовали бы левых постмодернистов, Делеза и Гваттари. Они написали знаменитый «Шизоанализ». Их цель состояла в том, чтобы ни грядущая бюрократия, ни правые и левые никогда не смогли использовать правую и левую идею. Идея нации была использована левыми бюрократиями. Делез и Гваттари писали, что «тело без органов» использовать нельзя. А вы описали непрерывную текучесть дискурсов, некую реальность саму по себе, неформализованную семантику. Можно ли сравнивать этот самостоятельный, автономный фундаментальный слой постсовременной культуры с политическими ландшафтами?

Э.А. Паин: Мы как раз и пытались провести такое сравнение. Мне потребовалось бы куда больше времени и многочасовая лекция, чтобы рассказать о всех аспектах нашего исследования. Я же не приводил объяснительных схем, а просто сообщил, что мы получили. Я занимаюсь проблемами наций не только в этническом смысле, но и в гражданском и политиче-

ском. На мой взгляд, исторически длительное отсутствие политической гражданской нации в России приводит к задержке процессов политической модернизации. Общество не выступает как субъект политических отношений, а по-прежнему является лишь объектом манипуляций, электоральным ресурсом. Наше исследование показало, что какие-то, пусть и пока слабые, перемены происходят в российском обществе, проявляется какое-то идеологическое самоопределение разных групп населения. Этому процессу идеологического самоопределения сильно мешают, государство пытается его затормозить. Но это совершенно бессмысленная затея, ни одну из появившихся групп уничтожить нельзя. С каждой из них придётся договариваться. Проблема развития общества как политического субъекта и его национально-гражданской консолидации ещё слабо осознаётся не только массами, политическим истеблишментом, но и экспертным сообществом. В 1970-м году Данкварт Растоу отметил: «Единственным предварительным условием демократии является национальная консолидация». Это очень важное теоретическое положение, но о нем знают буквально несколько человек, которые занимаются политологией. Это один из примеров и одно из объяснений разрыва между политическими процессами и дискурсивными практиками. Но я полагаю, что рано или поздно они должны быть преодолены, если успеем. Ни человеку, ни стране вечного существования никто не гарантировал.

В.Ю. Попов: Эмиль Абрамович, вы обрисовали методологическое поле, в котором речь идёт о семантике. Меня интересует проблема размежевания семантического поля и персонифицированных отношений, которые в России очень сильны. Какова независимость концепций от реальных людей и их авторитета? Ведь немаловажны здесь личные связи идеологов, авторитетов в этой системе с правительствами, со спецслужбами, с фейс-структурами и зависимость идеологии от персональных связей.

Э.А. Паин: Это большая тема. Я не знаю, как это все затронуть в рамках одного семинара. Быстро и коротко отвечаю, иначе затянем время. О независимости концепций от реальных людей. Я человек старомодный и, по-прежнему, считаю, что практика — критерий истины, поэтому последняя и не зависит от личности. Например, сторонники супермодных идей говорят: в России не надо никаких лидеров, каждый из них претендует на власть, никто не хочет уступить, мы не будем бороться за этих лидеров, где вы их найдёте? Другие люди вроде меня говорят, что есть правило: если вы вышли удить рыбу, то вам на крючок нужно надеть не то, что любите вы, а то, что любит есть рыбка. Так вот, надо исходить из того, что наше сообщество пока не способно ориентироваться без поводырей-лидеров. Оно сильно персонифицировано. Интернет показывает, что идеологические течения группируется не только вокруг идей и лозунгов, но и вокруг популярных лидеров, ярких персон. Мне кажется, что это экспериментальное доказательство справедливости одной из концепций в упомянутой дискуссии и ее независимости от персон. Я не знаю, насколько я ответил на ваш вопрос. Может быть, я в кулуарах постараюсь ответить подробнее.

Голос из зала: Спасибо, очень интересный был доклад. Привёл в порядок мои представления как неполитолога и как симпатизирующего либеральной идее. Но как мне показалось, у вас было одно противоречие. В начале доклада вы сказали, что возможности для манипуляций сокращается. В конце доклада вы упомянули об антиамериканизме, который соответствует манипуляции. Существующие формы психоза есть результат манипуляций.

Э.А. Паин: Я сказал: невозможно в мирное время мобилизовать весь народ на борьбу с Западом или с кощунницами. Из этих попыток получается только раскол общества. Но ещё не было такой страны, где у власть имущих не было бы возможности манипулировать общественным мнением. Есть такая возможность даже в самых передовых и развитых странах. В нашей же вертикально устроенной стране возможностей для манипуляции побольше, но эффект достигается очень слабенький. Власть использует страхи, и все же и у неё ограниченный ресурс манипуляций этими страхами. Наше исследование показало, что она не увеличи-

вает зону своей поддержки, а лишь нагнетает больший масштаб страхов и фобий среди тех, кто и без этого ее поддерживает.

В дополнение скажу: я привез с собой книгу «Идеология особого пути в России и Германии». Очень дорожу этой книжкой, которая выпущена институтом Кеннана. На неё всё больше позитивных отзывов людей, которые её прочитали. И ещё несколько книжечек, самых последних, которые выпущены нашим институтом в рамках любимой мной темы: «Антропология идеологических течений», по которой я веду семинар совместно с Высшей школой экономики.

О.Ю. Мамедов: Конечно, доклад блестящий, я должен сказать, что такого рода исследования для нас обладают новизной. Мы ещё никак не привыкнем, что появляются новые формы социальной реальности. Мы не готовы к исследованию. Я рад, что был упомянут экономический базис, но об экономике не было сказано ни слова. Имеет право это исследование быть таким? Имеет. По существу, речь идёт об анализе вторичной реальности, поскольку речь идёт не столько о реальности, сколько об интеллектуальном отражении реальных процессов. Но вы будете поражены, если узнаете, насколько представленные в докладе умонастроения отражают реальную ситуацию в экономике. Они буквально показывают удельный вес каждого сектора. Чтобы знать тенденцию будущего и снять безвременье, надо знать тенденцию развития каждого сектора. Первый премьер-министр Италии сказал: «Мы создали единую Италию, теперь нам надо создать итальянцев». Это универсальный закон. Мы создали новую Россию, теперь нам нужно создать новых россиян. Мы хотим построить рыночную экономику. Теперь нам нужно ее создать. Если бы у меня было время, я бы вам нарисовал экономическую модель, которая показывает, что настоящий, свободный рынок сам вербует своих сторонников. Только не надо мешать рынку. Вся проблема в том, чтобы создать рыночную экономику. Мы никогда не пойдём вперёд, поскольку сегодня рынок основной массе не выгоден. Таков результат обрубания гайдаровских реформ — шаг вперёд, два шага назад. Для меня существенно то, что доклад стимулирует работу не только социологов, политологов, но и экономистов. Я считаю важным, чтобы вы нашли бы ещё обоснование всему этому. Давайте заключим союз с экономистами: мы вам обязуемся сделать обоснование экономическое, и все эти выводы встанут на твёрдый фундамент. Чудесный доклад!

В.П. Макаренко
Уроки Орхана Памука, или Как выйти за грань приличий?

По программе мне предстоит сделать доклад под названием «Проблемы анализа сталинизма. Эффект трагикомедии». И я готов об этом говорить. К сожалению, я откладываю эту тему. Скажу кратко, почему. В 1989 году я выпустил книжку «Бюрократия и сталинизм». Тогда мне казалось, что правительство СССР всерьёз заинтересовано в обсуждении и решении этой проблемы. Но всякая излишняя серьёзность вредна. К любой правительственной деятельности надо относиться с элементами юмора, сатиры и иронии. Таковы уроки М. Салтыкова-Щедрина и А. Платонова. В 1990 г. я опубликовал публицистическую книжку «Революция и власть». В ней есть глава «Шут или клоун?», в которой я проанализировал 13 томов сочинений Иосифа Виссарионыча Сталина под углом зрения комического эффекта. Напомню, что тогда вышел на экраны фильм Тенгиза Абуладзе. Мне он тоже показался излишне серьёзным. А согласно одной из мудрых мыслей, человечество должно смеясь расставаться со своим прошлым. В советское время был распространён такой книжный жанр «В мире мудрых мыслей». Ещё в старших классах школы мы туда заглядывали и нередко хохотали от того, что сплошь и рядом там можно натолкнуться на обычные банальности в упаковке «мудрых мыслей». Я хорошо помню, что толпа выходила после просмотра фильма «Покаяние» из кинотеатра «Ростов» с озадаченным видом. Большинству было непонятно, чего от них хотят

и как реагировать на фильм. Непонятно было, кого выкидывать из гроба, кого считать полудураком или идиотом? Власть в советское время не вышучивалась, а тут вдруг фильм Абуладзе.

Видимо, под влиянием фильма я попытался показать, что тексты батьки Сталина можно интерпретировать как разновидность клоунады, а его самого рассматривать как клоуна. Я не согласен с концепцией покаяния, предложенной Тенгизом Абуладзе. Короче говоря, Евгений Васильевич *(обращается к Е.В. Цымбалу)*, если модернизировать эффект трагикомедии, то я готов показать, что и нынешняя власть в России произносит речи и публикует тексты, которые могут рассматриваться как разновидность шутовства и клоунады. Сошлюсь для пущей важности на Маркса, Бертрана Рассела, лорда Актона и др. Все они в один голос говорят: без элемента иронии в отношении прошлого, особенно прошлого, своей страны и актуального политического режима гражданское сознание невозможно. Вот этот элемент комедии многократно отработан. Могу сослаться на бравого солдата Швейка, на Ивана Чонкина, на героев Брехта и т. д. А сейчас выскажу некоторые исходные соображения по поводу идей, которые я анонсировал 25 лет назад…

В.А. Шкуратов: То есть, это сейчас уже ваш новый доклад?

В.П. Макаренко: Да, и я его условно называю так: «Как выйти за грань приличий». Сформулирую общий проблемный контекст: в начале 20-го века в мире существовало 65 государств. В конце столетия их было уже около 240. За сто лет число политических «холодных чудовищ», если воспользоваться определением Фридриха Ницше, выросло примерно в 4 раза. Одновременно произошли 2 мировые войны. В результате первой распалась Османская империя и Австро-Венгерская империя. В результате Второй мировой войны рухнул Третий рейх в Германии. Примерно тогда же начался распад Британской империи. А в конце 20 века распался СССР. За сто лет произошли эти глобальные процессы. Тенденция распада больших государств зафиксирована в середине 20 века. Я имею в виду книгу Леопольда Кора «Распад государств». Одновременно происходил рост диктатур в малых и средних странах. Общее число войн и военных жертв в мире на протяжении 20 века оказалось больше, чем во всей предшествующей истории. Возникает вопрос: следует ли считать все эти явления, произошедшие за сто лет, нормой социально-политического развития?

Теперь сделаю конкретизацию. В контексте глобальных процессов юг России можно рассматривать как результат противоборства между Османской и Российской империями на протяжении последних 500 лет. В 2000 году в «Социсе» я опубликовал статью «Кавказ: концептологический анализ», которая получила премию за наилучшее сочетание фундаментальных и прикладных возможностей социологии. Вчера прозвучала идея сходства между турками и русскими. В русском менталитете к туркам принято относиться пренебрежительно, но парламент там возник почти на полста лет раньше, чем в России. Есть сходство и в процессах военной, административной и политической модернизации. Обращаю внимание на книгу Доминика Ливена «Российская империя и её враги с 17 века до наших дней». В ней детально прописано сходство Российской, Османской и Австро-Венгерской империй. С. Орешкова в статье «Османская империя и Россия в свете их геополитического различения» проанализировала южную политику России с 18-го века до настоящего времени и сделала вывод: для Южной политики России 19-20-го веков характерен отказ от позиции здравого смысла: «Российские национальные интересы в это время приходят в противоречие с имперским авантюризмом, овладевшим российской имперской верхушкой и привёдшим, в конце концов, к национальной трагедии и крушению Российской империи».

Такова постановка проблемы. Под таким углом зрения я прочёл роман выдающегося современного турецкого писателя Орхана Памука «Биографиия Стамбула». Он разработал концепт любви-ненависти в отношении родного города и родной страны. Мне понравилась у него ирония по отношению ко всем привычкам, накопленным в прошлом. Дух города — это творческая связь между прошлым и современностью, Востоком и Западом, совмещение лю-

бви к книгам и искусству с принадлежностью к культуре города. Неповторимость и уникальность города вытекает из множества случайных встреч, слов, воспоминаний, цветов, образов жителей города. Популярная история формируется на стыке истории и литературы, истории и личной жизни в контексте событий, оставшихся в прошлом.

Как нам — постосветским людям — подходить к своему и стране проживания? Я думаю, можно использовать концепт любви-ненависти. Для адекватного описания города и страны надо изображать то, что прячется за его кулисами. Нищие дальние кварталы не менее важны, чем достопримечательности центра. Характер города определяется тем, что можно увидеть и рассказать о нем только за гранью приличий. Надо усвоить критические суждения о родном городе иностранцев и иногородних. Эта информация намного интереснее банальных восторгов по поводу красоты и своеобразия любого города. Записки иностранцев о своей собственной стране и городе надо читать как собственное воспоминание. Особенно важны такие указания на особенности местной жизни, которую аборигены не замечают из-за специфической слепоты.

Короче говоря, нам надо вырабатывать привычку смотреть на свое место-развитие (если использовать евразийский жаргон) глазами чужака, чтобы обладать возможностью калейдоскопического или стереоскопического восприятия. Каждый живущий на стыке культур Запада и Востока должен стать своим собственным иностранцем. Концепт любви-ненависти позволяет дистанцироваться от политики и существующих здесь и сейчас идеологий национального и этнического патриотизма. Особенно важно отвергнуть изображение истории своего государства как истории побед. Изучать связь между идеологиями и возможностью сделать карьеру в данной стране.

Следует ли отсюда, что каждый государственный житель, если использовать термин Платонова, должен выработать свой вариант любви-ненависти к городу, стране рождения и проживания? — Так можно конкретизировать проблему.

В этом контексте я хочу предложить тему для обсуждения: «Новороссия: концепт роковой чепухи». Недавно издан дневник Ивана Сергеевича Аксакова, одного из основателей славянофильства. В этом дневнике я обнаружил много интересного, созвучного нынешним российским дискуссиям. Этот дневник имеет непосредственное отношение к Ростову-на-Дону. Он писал этот дневник почти 50 лет. И.С. Аксаков объезжал с инспекционной поездкой огромный регион от Волги до Дуная, был и в Ростове-на-Дону. По ходу путешествия он высказал интересные суждения о судьбе Одессы, судьбе евреев (предсказывал, что они непременно перейдут в православие), о сравнительном трудолюбии и уме молдаван, хохлов и русских мужиков, о поповской касте России, о русских купцах, специфике российской книжной торговли, об официальной лжи России и сравнительном воровстве в гражданском и военном ведомстве, о тайной полиции, о православных холуях правительства, сути славянофильства и т. д.

Один сюжет выделю особо. Ростов-на-Дону — часть Новороссии, в которой, по мысли Аксакова, произошло политическое соединение Великой, Малой и Белой Руси. Но именно здесь уже в середине 19-го века обнаружились следствия правительственного вмешательства в естественные процессы. О них можно говорить специально и длинно. Но весь предмет описания И.С. Аксаков резюмирует в формуле «Все народы Новороссии давно угнетены роковой чепухой современной российской жизни». Я предлагаю использовать метафору «роковая чепуха» для описания нынешней всероссийской, новороссийской и ростовской роковой чепухи.

Дискуссия должна быть трансграничной в том смысле, что наши соседи (наследники Малой и Белой Руси) тоже имеют суждения на этот счёт. Их можно связать с социологией пограничья — направлением современной социологии. Что касается нас как наследников Великороссии, то я особо обращаю внимание: у Ивана Сергеевича Аксакова проведено различие между общим российским типом и российско-лакейским типом или московско-лакейским типом. Производство всей роковой чепухи он связывал как раз с московско-лакейским типом

человека. Подтверждаются ли его прогнозы в отношении советского времени и сталинского периода в особенности?

Для ответа можно использовать монографию покойной Наташи Козловой «Советские люди: сцены из истории». Она много написала статей в 1990-е годы в журнале «Знание-сила». Она обрабатывала народный архив — письма, которые советские люди в разные периоды советской власти писали в ЦК, в правительство, товарищу Сталину. Они не только описывали свою жизнь, но и хотели удовлетворить свое естественное и неистребимое чувство справедливости. Здесь возникает попутный вопрос: можно ли провести различие между таким письмом, жалобой и доносом? Этот вопрос Н. Козлова не рассматривает. Короче говоря, надо изучать эту сферу советской письменной практики. Она интересна сама по себе, может быть предметом фельетона, фильма и научного исследования.

Н. Козлова проанализировала дневники советских людей. Я использовал ее книгу как эмпирический материал для описания советского московско-лакейского типа человека. Н. Козлова создала целую ментальную карту типов советских людей. Скажу о них кратко.

Тип сознательного нигилиста. *(Обращаясь к Е.В. Цымбалу)*. Он частично пересекается с тем, что вы делаете в кино. Сознательный нигилист после революции срывал иконы, потом поумнел. Стал читать Библию.

Тип верноподданного офицера. Тот после войны служил в политотделе и читал лекции на тему «Роль товарища Сталина в организации ремонта бочек на фронте». Очень интересная тема для анализа советской системы общества «Знание».

Тип профсоюзного деятеля с полностью атрофированной социальной памятью. Наверняка все мы встречались с людьми, у которых вообще отсутствует чувство истории. Тем паче — критическое отношение к своей собственной истории. Речь идёт о естественном мемуарном синдроме приукрашивания прошлого. Этот синдром с успехом использует государство в официальной историографии. Атрофию социальной памяти вполне можно утилизировать, в том числе и в кино.

Тип председателя колхоза, ярого сталиниста.

Тип осведомителя НКВД. У него была интересная привычка — носить под мышкой «Диалектику природы» и «Капитал», чтобы производить впечатление на окружающих. Дорогие коллеги, в юности, в возрасте 18 лет у меня тоже был такой бзик: с серой лошадью («Историей философии» под редакцией академика Александрова) я тоже ходил к одной девице, надеясь произвести на неё впечатление: какой умный мужик, уже в 18 лет читает историю философии… Но осведомителем я никогда не был, а «Диалектику природы» и «Капитал» читал неоднократно. Тогда как описанный в книге Н. Козловой тип осведомителя НКВД текстов классиков марксизма так и не осилил, а под культурой (вот популярное представление о культуре!) понимал покупку костюма, мандолины и часов, чтобы гулять с ними с форсом. Это особый предмет разговора, поскольку на советских семейных фотографиях нередко приходилось видеть выставленные для обозрения наручные часы… К тому же из документальных источников известно, что советские солдаты в 1945 во время грабежей в Европе отбирали прежде всего часы и велосипеды. Так они понимали культуру…

Тип тупоголового партийно-профсоюзного работника, который жил и мыслил в языке советских плакатов. Вот сейчас Вадим Попов задал интересный вопрос: как провести различие между дискурсами и персонами? По крайней мере, язык плакатов укоренён глубоко. Провести различие между реальным и действительным содержанием популярной лингвистики довольно трудно.

Тип простой советской женщины, для которой письмо наверх и «Отче наш» выступали в одной и той же функции взывания к Богу.

Тип жертвы режима. Жена заключённого была художницей и стала элементом советского истеблишмента — клепала портреты советского великого кормчего как самый ходовой то-

вар. Хорошо известно, что заработки на портретах и скульптурах Ленина, Сталина и фильмах о них были вполне хлебным делом.

Тип «бывших людей» — сложившихся до 1917-го года деятелей искусства (Булгаков, Горький, Чуковский, Сейфуллина, Корин, Шостакович и т. д.). Эта публика славила советскую власть за деньги, дачу, квартиру.

Тип молодёжи периода застоя — это те кому сегодня уже за 50 лет. Именно эта молодёжь превратила труд в абстрактную категорию, а досуг в главное пространство общения. Возникает попутный вопрос: то, что мы сегодня имеем в интернете, «фейсбуках» и «твиттерах», не является ли следствием указанного превращения? Часто наблюдаю студентов, которые стоят и трепятся. Но не приходилось видеть, чтобы они посвящали этот трёп научным проблемам. Говорят преимущественно о вещах, посторонних для науки. Иначе говоря, противоположность между трудом и общением стала массовой нормой поведения. Быть может, интернет сознательно эксплуатирует эту норму?

Тип деятелей советской номенклатуры, буржуа, писатели, художники.

Моя гипотеза будет чисто классификационной. Я предлагаю воспользоваться учением о базисе и надстройке, которая содержалась в советских учебниках по философии. Базисом пусть будут 11 типов советских людей, которых я перечислил. Но обращаю внимание: «советские чеканы и образцы» (так называет советское время и советскую цивилизацию Глеб Павловский) состоят преимущественно из маленьких и больших начальников, их бессловесных рабов и идеологической обслуги. Эту когорту советских людей уцелевший князь Сергей Михайлович Голицын (недавно вышли его «Записки беспогонника»), один из рядовых участников войны, предлагает назвать особым термином: «Беззаветных тружеников возглавляла всевозможное начальство: уполномоченные, особо уполномоченные, культурники, агитаторы, политработники, комиссары и всякие другие *главнюки*»[7]. Обращаю внимание: в состав главнюков входят осведомитель НКВД, который привлекает внимание людей книгами классиков марксизма. Для обозначения этого типа можно использовать также описание А. Зиновьевым «легавого марксизма».

Надстройку я предлагаю обозначить типами советских философов по типологии Леонида Столовича. В результате мы получаем грубо сколоченную табуретку, с которой уже можно работать. Мы получаем классификационную сетку для описания антропологических типов постсоветских людей и постсоветских специалистов в сфере гуманитарных наук и философии.

Чтобы связать внутреннюю политику с внешней, послушаем выводы Н. Козловой. В заключении она пишет, что все эти типы готовы были всё простить государству в любой момент времени. Вот здесь объекты научного и кинематографического интереса (в том числе фильмы Евгения Цимбала) пересекаются. Речь идёт о феномене прощения государству и превращении бывших страдальцев в его холуёв, лакеев.

Взгляните, как всё превращается в противоположность: новая ментальная карта типов советских людей, которую предложила Козлова в результате пятнадцатилетнего исследования советского «народного архива», воплощает старую гегелевскую идею о тождестве государства и типов людей. Правда, Гегель ограничивал это тождество формулами политического мышления. В его философии права три типа (политическое умонастроение, корпоративный дух и государственный разум) образуют предпосылку разумного государства. Но поскольку советское государство распалось, то можно ли считать разумным его и его разнообразную обслугу? При любом ответе следует учитывать готовность сохранившихся типов советских людей и их наследников всё простить государству. Интересно: элемент всепрощения имеет религиозное или политическое происхождение или карьерные соображения или просто соображения элементарного физического выживания?

[7] Голицын С.М. Записки беспогонника. — М., Русский міръ, 2010. — С. 31–32.

Предлагаю вдуматься в этот промежуточный вопрос. Если человек незаслуженно нанес нам вред, мы используем необходимую оборону. И не только кровная месть (типичный обычай первобытных обществ), но и уголовный кодекс на нашей стороне, хотя толкование правоприменения соответствующей статьи — тоже специальная тема. В Британии и США господствует прецедентное право. Там анализ судебных решений составляет одно из важнейших направлений юридической практики. А в России, если нас обидели «государевы люди», мы обязаны им прощать, а не привлекать к ответственности. Парадокс в том, отмечает Н. Козлова, что советский модерн — это аппарат надзора, и монополия государства на средства насилия. Социальные технологии повседневного сопротивления ведут к службе государству. Вполне возможно все это истолковать так, как предлагает Эмиль Абрамович. Но в любом случае надо выделять особый московско-лакейский тип. В постсоветской России происходит регенерация этого типа, включая Рунет.

Теперь обозначу другую проблему. Я говорил, что взгляд иностранца на место обитания чрезвычайно важен. Под этим углом зрения я прочёл, а затем проштудировал «Кавказские заметки» Эрнста Юнгера, в которые входит его характеристика Ростова-на-Дону. Он определял Ростов-на-Дону как Восток, лишенный всякой магии: «Глаз должен притерпеться к виду невыносимо тягостному, нет ничего, на чем бы он мог успокоиться. В порядке только техника: железные дороги, машины, самолёты, громкоговорители, и, разумеется, всё, что относится к вооружению. И, напротив, недостаток в самом необходимом: в питании, в одежде, в тепле, в свете. Ещё очевиднее в отношении более глубоких сфер жизни, того что нужно для радости, счастья, веселья, для щедрой, любящей творческой силы; для творчества как такового. И все это в одной из богатейших стран на земле»[8].

Мне это было интересно потому, что знаю на основе своего жизненного и педагогического опыта: многие коллеги, дослужившиеся до профессуры, не знают, что такое когнитивное удовольствие, удовольствие от познания. «Любящая творческая сила» — это часть того, что я называю когнитивным чувством. У Эрнста Юнгера есть интересные наблюдения и фиксация тех вещей, которые мы не в состоянии фиксировать, живя здесь и сейчас в Ростове-на-Дону. При таком подходе возникает ряд сюжетов, которые условно можно назвать «Как выйти за грань приличий при изображении топоса, в котором мы существуем». Нам надо стать иностранцами в собственных городах и стране. Этот сюжет входит в рамки политической концептологии, которую я развиваю. Мой способ работы включает использование художественной литературы, научных исследований, исторических сочинений, повседневных наблюдений.

Е.В. Цымбал: Я думаю, ни Марксу, ни Энгельсу, ни Ленину со Сталиным вместе взятыми не довелось быть столько цитируемыми, сколько вы ссылаетесь на меня. Ей-Богу, я в этом не виновен.

В.П. Макаренко: В кулуарах обсудим и это.

Голос из зала: А почему выделяется 11, а не 111 типов?

В.П. Макаренко: Эта типология предложена Н. Козловой на основе детального изучения «Народного архива» — писем и дневников, которые наши деды и отцы посылали в центральные органы власти. Типы выделены на основе частоты, с которой они встречаются в этой фольк-истории. Хочу сказать, что когда я сравнительно часто публиковался в газетах, одна газета мне предлагала это сделать. В центральные газеты письма приходили целыми мешками. Вот на этой основе построена ментальная карта советских людей.

Голос из зала: Если повторить нельзя, то это уже не метод. И на каком основании делается вывод, что именно эти типы могут всё простить власти? Особенно меня интересуют бессознательные нигилисты и обиженные властью. Это чисто авторские предпочтения: если вы почитаете эти письма, вы увидите совершенно другие типы.

[8] Юнгер Э. Излучения (февраль 1941 — апрель 1945). — Пер. с немецкого Н.О. Гучинской, В.Г. Ноткиной. — СПб., изд. «Владимир Даль», 2002. — С. 221–222.

Э.А. Паин: Есть люди, которые при любых раскладах всегда верят в те инициативы, которые идут сверху. Типы приблизительно одинаковы.

В.П. Макаренко: Проблемы методологии всегда останутся спорными.

А.В. Лубский
Коллективная идентичность в СССР и сталинизм

Практика общественных дискуссий о социальной природе советской системы показывает, что из всех этапов ее истории наибольший интерес и наибольший полемический накал до сих пор вызывает именно сталинский период. Причём такое предпочтение характерно как для либералов, так и для консерваторов — и не только левых (сталинистов), но и правых.

Вместе с тем следует отметить, что полемический ракурс дискуссий постепенно смещается с социального на персональное, акцентируясь на фигуре вождя. В этой «персонификации» эпохи можно отметить ментальное сходство между постсоветскими сталинистами и либералами. Оно обусловлено тем, что выход на фигуру Сталина даёт возможность сократить радиус приближения и приобщения к тому, кто сам являл собою символ абсолютной власти.

Здесь важно подчеркнуть, что для либералов, как и для сталинистов, Сталин — символ силы, а с этим отечественные либералы считаются в силу своих ментальных предпочтений, независимо от своего личного отношения к нему. Кстати, какой персонаж из «Мастера и Маргариты» вызывает у современных поклонников этого романа наибольший интерес, независимо от идеологических или политических их пристрастий? Мастер? Маргарита? Нет. Воланд — тот, кто символизирует силу власти над другими, а какова при этом природа такой власти — это уже не столь для них важно. Культ силы власти выше культа самой власти.

Интерес к эпохе сталинизма не угасает. Сталинизм бросил вызов всем: и «левым», и «правым», и интеллектуалам, и обывателям. Почему интерес к этой эпохе не только не угасает, но и заметно растёт?

Ещё совсем недавно некоторым интеллектуалам казалось, что после того, как они скажут всю правду о Сталине, о его эпохе, назовут преступления преступлением, а зло злом, уже не будет серьёзных препятствий для десталинизации массового сознания. Однако это оказалось не так.

Социологические опросы 2012–2013 гг., проведённые «Фондом Карнеги» показывают особенности восприятия сталинизма и отношения к Сталину в массовом сознании россиян. На вопрос, какие ассоциации у вас вызывает слово «сталинизм», 60% респондентов ответили — построение социализма в СССР, 25% — репрессии, беззакония, лагеря, 20% — дисциплина и порядок во всем. «Сталин скорее жив, чем мёртв» — такой вывод делают эксперты «Фонда Карнеги» в докладе, опубликованном накануне 60-летней годовщины кончины советского вождя. На вопрос «Согласны ли вы с тем, что Сталин был мудрым лидером, который привёл Советский Союз к процветанию и благосостоянию?» 15% опрошенных россиян ответили «однозначно да», 32% сказали «да» и 25% ответили «в основном согласны». Итого — 72% позитивных ответов. Если в 1989 г. «рейтинг» Сталина в перечне величайших исторических личностей был минимальным (12%, Ленин — 72%, Петр I — 38%, Пушкин — 25%), то в 2012 г. он оказался на первом месте с 49%. Сходные данные приводят эксперты «Левада-Центра»: 49% россиян заявили социологам, что Сталин, по их мнению, сыграл положительную роль в жизни страны.

Соблазнительно искать причины этого в усилении авторитарных и державно-патриотических тенденций, которые усилились в последнее время в России. Но отмеченные тренды общественного сознания имеют место и в Украине, и в странах Закавказья. Число граждан, желающих видеть во главе государства политика, подобного И.В. Сталину, составляет существенную величину. «Наш народ никогда не сможет обойтись без руководителя такого типа, как Сталин, который придёт и наведёт порядок» — убеждён почти каждый третий участник

опроса в РФ и Грузии, в Армении такого мнения придерживается 39% опрошенных. При этом 55% опрошенных сказали, что для них смерть Сталина ассоциируется с прекращением репрессий.

Таковы данные, полученные социологическими центрами либеральной ориентации. Я специально подобрал данные именно этих центров, поскольку предлагаемые ими анкеты содержат целый ряд вопросов, которые подталкивают респондентов к ответам в антисталинском духе.

Следовательно, дело не в текущей политической ситуации, связанной с обострением идейного противостояния по поводу нашего прошлого или усилением державно-патриотических и авторитарных тенденций в современном российском обществе? Дело, по-видимому, ещё и в архетипических основаниях российской ментальности.

Интересно, что изучая современных российских респондентов, начинаешь лучше понимать советских людей, живших при сталинском режиме. В этом плане материал для размышлений дают данные об отношении российских респондентов к Сталину и современным реформаторам. Эти размышления наводят на мысль об особенностях менталитета этих респондентов.

Этот менталитет как совокупность рефлексивных и нерефлексивных представлений (образов), ценностей (предпочтений), аттитюдов (установок) носит бинарный характер, обнаруживающий несовпадение между его осознанными и неосознанными структурами. В таком менталитете в зависимости от ситуации активизируются то рефлексивные (осознанные), то нерефлексивные (неосознанные) структуры, что сказывается на отношении его носителей к тем или иным социальным явлениям и персонажам. Так, многие респонденты считают, что, не смотря на репрессии, мудрый Сталин сыграл положительную роль в жизни страны. Это наглядно проявляется также в негативных оценках россиянами результатов реформ в постсоветской России, рефлексивно соотнесённых с собственными жизненными целями и ценностями, а также в позитивном отношении к нынешним реформаторам, не сумевшими, однако, преодолеть негативные последствия преобразований на рубеже веков, как проекции неосознанных структур их менталитета.

В связи с этим следует обратить внимание на особенность национального дискурса о Сталине и сталинизма, которая связана с его нарративизацией. Нарратив — это рассказ, в котором воображение автора на основе конфигуративного замысла упорядочивает исторические факты и наполняет их значением и смыслом, исходя из культурно-символического контекста. В этом плане исторический нарратив, содержащий правдоподобные высказывания фактического характера, является продуктом культуры и языка познающего субъекта**,** которому заранее известен финал исторического повествования, стягивающий все сюжетные векторы его рассказа в общий фокус. Поэтому исторический нарратив является не столько описанием исторической реальности, претендующим на адекватность, сколько «инструкцией» по определению и пониманию прошлого. В результате национальный дискурс о Сталине и сталинизме становится проекцией идеологической ангажированности, экзистенциальной интенции и воображения того или иного дискурсанта.

В целом надо сказать, что исторический дискурс в современной России, утратив топику «советского марксизма», сохранил и прагматику, и стилистику его интеллектуальной работы. И это присуще и левым, и правым, и либералам, и консерваторам. Это проявляется и в отношении к сталинизму. Мы продолжаем сохранять его риторику: нетерпимость к чужому мнению и сотворение и ниспровержение кумиров. В результате две крайности: с одной стороны, героизация, с другой — демонизация советской истории.

Аргументы исторических нарративов всегда окончательны, а нарративные приговоры обжалованию не подлежат. Поэтому споры между нарративами бессмысленны и бесполезны, — они не примиряют, а ожесточают. Но понять сталинизм как исторический феномен

все же хочется. При этом я употребляю понятие «феномен» не в значении уникального исторического явления, а как продукта сознания.

В связи с этим я против некоторых упрощённых трактовок сталинизма, основанного на насилии, актах поклонения, покорности, «забвении» себя в кумире, как результата сознательного обмана масс. Сталинский режим мог стать исторической реальностью только при наличии соответствующего общественного сознания, с одной стороны, «санкционирующего» происходящее в стране, с другой — выступающего в качестве духовной основы воспроизводства и сталинизма, и сталинского режима.

Сталинизм — это не только практика, но и метафизика. Надо изучать сталинизм как отношение Вождя, Системы и Общественного. Одним из шагов в этом направлении может стать исторический анализ «коллективной идентичности в СССР».

Коллективные идентичности, или «Мы-идентичности», могут формироваться на различных основаниях. Например, на культурных основаниях формируются коллективные идентичности, принадлежность к которым члены определённой группы не столько осознают, сколько духовно ощущают. Это — различного рода «Мы-идентичности», объединённые идеей общности «почвы» или «крови», культурной или исторической судьбы. Коллективные идентичности формируются прежде всего на различении «своих» и «других», поэтому в их структуре можно выделить три взаимосвязанных компонента: 1) определение «мы» («свои»); 2) определение «они» («другие»); 3) определение границ между «мы» и «они».

«Мы-идентичности» — это воображаемые коллективные идентичности. «Воображаемые» не в том смысле, что они не существует как социальные реальности, а в том, что они как результат коллективных воображений представляют собой особого рода ментальное гипостазирование абстрактных сущностей. Ментальное гипостазирование — это представление о реальном существовании того, что зафиксировано в понятии или образе. При этом следует учитывать, что абстрактные понятия или образы как презентации таких идеальных предметов, как коллективные целостности, навязывают определённое видение социальной действительности, благодаря чему появляются люди, заявляющие о своей принадлежности к идеальным сущностям, делая их социально реальными.

Таким образом, люди, гипостазируя абстрактные понятия или образы, начинают рассматривать коллективные целостности как реальные, а «если люди определяют ситуации как реальные, то, — согласно теореме У. Томаса, — они реальны по своим последствиям». Воображаемая социальная реальность выступает средством и формой семантической реинтерпретации внешнего социального мира, обусловливая тем самым социальные взаимодействия и социальные измерения. Воображаемая социальная реальность — это символическое пространство, которое замещает социальную действительность. Поэтому воображаемые социальные реальности играют большую роль в процессе социального взаимодействия и формирования коллективных идентичностей.

Коллективные идентичности являются результатом и информационного воздействия (конструктивистских усилий), и культурной актуализации (эссенциалистских предпосылок). В силу этого, коллективные идентичности выступают, с одной стороны, проекцией осознанных представлений индивидов, рассматривающих себя в коммуникационном пространстве определённой группы как «Мы», о своей коллективной принадлежности, с другой — проекцией неосознаваемых ментальных образов, предпочтений и установок.

Коллективная идентичность в 20–30-х гг. формировалась, с одной стороны, сталинским режимом, обладавшим значительным символическим капиталом власти и мощными информационными ресурсами, с другой — благодаря менталитету советских людей. Большая роль в формировании коллективной идентичности в СССР отводилась идее «нового человека» как презентации новой коллективной целостности. Уже в 20-х гг. прошлого века советские писатели стали уделять особое внимание формированию образа этого человека.

Для «нового человека» были характерны стихийность, цельность, страстность, непосредственность, прямолинейность, инстинктивная тяга к справедливости, жадность к жизни, наивность, невежество, любознательность, непочтительное отношение к дореволюционным ценностям, коллективизм, неприязнь к интеллигенции. На этой основе сформировался, например, массовый тип руководителя из числа рабочих и крестьян, который обладал «психологией прямого действия»: уверенностью в безграничных возможностях «революционных мер» при решении любых проблем. О.Ф. Берггольц нарисовала такой типичный портрет мелкого управленца: «Да, это государственный деятель, но деятель именно того типа. — Ее называют «хозяйкой села»… Т. к. все в основном держится на страхе, — а она проводник этого страха, его материализация, ей подчиняются. Она ограниченна и узка, и совершенно малограмотна. Усвоенные ее ограниченным, малограмотным умом догмы низшей политграмоты — т. е. база «идейная» ее деятельности. Она употребляет разные термины и слова без точного понимания их значения. Но это бы полбеды. Как все чиновники, держащиеся за эту систему и смутно понимающие, что она — основа их личного благополучия, — она бессердечна, черства, суха к людям. Об этом говорили решительно все… И вот со всем этим сочетается в этой женщине — тёмное, языческое суеверие…Она говорила ему об этом с той же непоколебимой самоуверенностью, как в райкоме о чем либо: „Надо поворожить, спросить у одной женщины“».

Во второй половине 30-х гг. предпринимаются особые усилия по созданию «нового человека», наделённого «новым сознанием». Вступает в самостоятельную жизнь первое поколение советских людей, родившихся либо незадолго до Октября, либо вскоре после революции, людей, социализация которых происходила в основном в условиях сталинского режима, которые не помнили (либо даже вовсе не знали) ни дореволюционного прошлого, ни развития революции на её первом, ленинском этапе, ни действительной истории партии, ни истории Отечества, ни его культуры. Людей, чья память была «чистой доской», на которой Система и Вождь, выступавший в роли главного «инженера человеческих душ», могли начертать «нужные» фигуры.

Конечно, говоря о сознании советского общества 20–30-х гг. и более позднего периода, когда соотношение поколений все более менялось в пользу генераций «нового типа», не следует забывать, что оно вовсе не было тем «монолитным сознанием советского народа», каким его пыталась представить официальная пропаганда и каким его, по-видимому, действительно хотели видеть Сталин и «операторы» Системы. И все же, начиная с 30-х гг, доминирующая роль постепенно переходит к «новому — счастливому — сознанию», этому имманентному атрибуту «нового человека», героического энтузиаста, которому «нет преград ни на море, ни на суше», стойкого, скромного, патриота, коллективиста, готового к самопожертвованию ради дела социализма.

Таким образом, «Новое сознание» вырастало из установки на полный разрыв с прошлым, традицией и историей. Старый мир должен был быть «разрушен до основанья», а затем на его месте надлежало построить «наш, новый мир», в котором если не все, то многое обращалось в свою противоположность. Так, председатель ревкома уездного города Чевенгура (из одноимённого романа Андрея Платонова), где утвердился «коммунизм», объявляет собеседникам: «…У нас всему конец. Чему ж конец-то? — недоверчиво спрашивал Гопнер. Да всей всемирной истории — на что она нам нужна?»

Это была, другими словами, установка на переход в иную систему пространственно-временных координат, на формирование принципиально нового типа бытия и создание нового человека, порывающего со «старой» человеческой моралью в понимании добра и зла. Время, вперёд! «Мы движемся, как тень, с запада на восток. Мы возвращаемся с востока на запад, как солнце…» (В. Катаев. Время, вперёд!)

Однако в этом светлом «новом — счастливом — сознании» просыпалась и его «старая — тёмная сторона», обусловленная ментальностью русского человека как нормативной

личности, «принуждавшая» его добровольно вступить в интимную связь с Идолом-вождём. В этом плане «новый человек» в СССР был человеком политическим и авторитарным.

«Человек политический» как тип нормативной личности является историческим продуктом эволюции российской цивилизации и социоцентристского общества, в котором человек поглощён государством. «Человек политический», скорее, ощущает, чем осознает, что вне государства и той социальной ниши, которую он занимает, ему нет места в этом мире. Поэтому единство социоцентристского общества, заключающееся в том, что у «человека политического» нет иного выбора, кроме как принадлежать государству и выполнять предписанные ему социальные роли, — это не принцип, провозглашённый государством, а ментальная установка и даже нравственный императив.

В ментальной структуре «человека политического» доминируют политические ценности, а также установки перемещать решение всех жизненных проблем, в том числе приватных, в государственно-политическую сферу. В основе ценностей и установок «человека политического» лежат этатистско-патерналистские представления о том, что государство является «творцом» всех общественных отношений и должно опекать общество и человека. Эти представления складывались на основе воспроизводства патриархальной идеи отношения человека и власти как отношения детей и родителей, подразумевающей хорошее, отеческое и справедливое правление доброго «хозяина-отца».

У «нового человека» в условиях неуклонного усиления роли государства как ядра сталинского режима, подминающего под себя и индивида, и общество, постепенно выкристаллизовывается — под видом «коллективистского», ориентированного на гармонизацию отношений между частью и целым, — этатистское сознание. Сознание, ориентирующее его субъекта на отчуждение личного интереса и личной свободы в пользу государства. Сознание со слаборазвитой или даже вовсе атрофированной установкой на свободу выбора и самостоятельное принятие решений, лишённое активного критического отношения к социально-политическому миру, пропитанное духом конформизма.

Формируется также патерналистско-иждивенческое сознание, рассчитывающее — как бы в обмен на полную растворённость индивида в Целом (Государстве) — на всестороннюю опеку «сверху», на «заботу государства». Сознание, презирающее «своеволие» личности и оперирующее только категориями «героя» и «массы» («единица — ноль, единица — вздор»). Герой повести А. Платонова «Город Градов» (написанной ещё в 20-х гг.) бюрократ Шмаков «умер от истощения, работая над большим социально-философским трудом «Принципы обезличения человека с целью перерождения его в абсолютного гражданина с законно упорядоченными поступками на каждый миг бытия».

Можно сказать, что такой «абсолютный гражданин» и появился в 30-е гг. в миллионах копий. Он был способен на «беззаветное служение делу» и подчинение строгой дисциплине, на самоотверженный труд в тяжелейших условиях. Он был готов без малейших колебаний одобрить любое решение партии и государства, даже если из двух одновременно одобренных им решений одно противоречило другому и оба — здравому смыслу.

В «Новом — радостном — сознании» «Нового человека» Сталин становится символом субстанции бытия. Эффект ослепления Сталиным имел не только метафизические корни. Сталинизм не мог игнорировать идею субъектности — слишком мощным был энтузиазм революционных масс. Но это противоречие он разрешил по-своему: сталинизм отчуждает от революционного субъекта такую форму его самосознания, при которой бы он воспринимал себя в качестве непосредственного субъекта истории и подменяет ее другой, согласно которой понятие «творец истории» теперь связывается с именем Сталина. Другими словами, сталинизм породил превратную форму императива революции — освобождение от власти бога, царя и героя; теперь сам Сталин стал символом и бога, и царя, и героя. Более того, со временем Сталин воспринимается вообще как символ субстанции всей советской реальности.

Поэтому «Новый человек», готовый служить государству и все ему прощать, является симулякром социальной субъектности.

Вот почему символ Сталина в сталинский период воспринимался главным образом как субстанция всего и вся, то есть как некое едва ли не божественное начало. Одним из примеров такого восприятия может послужить дневниковая запись К. Чуковского от 22 апреля 1936 г., которую приводит в своих мемуарах литературовед Э. Герштейн: «Вчера на съезде (ВЛКСМ) сидел в 6-м или 7-м ряду. Оглянулся: Борис Пастернак. Я пришёл к нему, взял его в передние (рядом со мной было свободное место). Вдруг появляются Каганович, Ворошилов, Андреев, Жданов и Сталин. Что сделалось с залом! А ОН стоял, немного утомленный, задумчивый, величавый. Чувствовалась огромная привычка к власти, сила и в то же время что-то женственное, мягкое. Я оглянулся: у всех были влюблённые, нежные, одухотворённые и смеющиеся лица. Видеть его — просто видеть — для всех нас было счастьем. К нему все время обращалась с какими-то разговорами Демченко. И мы все ревновали, завидовали, — счастливая! Каждый его жест воспринимался с благоговением. Никогда я даже не считал себя способным на такие чувства. Когда ему аплодировали, он вынул часы (серебряные) и показал аудитории с прелестной улыбкой — все мы так и зашептали: „Часы. Часы, он показал часы“, — и потом расходясь, уже возле вешалок вновь вспоминали об этих часах. Пастернак шептал мне все время о нем восторженные слова, а я ему, и оба мы в один голос сказали: „Ах, эта Демченко заслоняет его (на минуту)“. Домой мы шли вместе с Пастернаком и оба упивались нашей радостью».

Так что не только сталинисты подпадали под власть этого ослепления. Впрочем, можно ли говорить о власти ослепления применительно к таким крупным художникам, как Мандельштам, Пастернак, Булгаков, которых сегодня подают исключительно как беспомощных жертв сталинского режима? Да, их могли не печатать (что действительно бывало), но представить, чтобы кто-то, даже сама власть, могла заставить их творить под диктовку, — это кажется почти невозможным. Но как тогда объяснить следующие факты? Осип Мандельштам пишет «Оду Сталину», после долгого перерыва Михаил Булгаков берётся за пьесу о Сталине («Батум»), в ноябре 1936 г. в «Известиях» был опубликован стихотворный цикл Б. Пастернака, посвящённый Сталину. Что за всем этим — в действительности? Вопрос сложный. Но не думаю, что Сталина славили только из-за страха или стремления к эфемерной славе.

«Человек политический» также полагает, что «власть рождает собственность», поэтому для него нормой являются антисобственнические настроения и отсутствие правовых гарантий неприкосновенности частной собственности. Это порождает у «человека политического» склонность к перманентному перераспределению общественного богатства, что является также индикатором коллективной идентичности советских людей.

Другой концепт, позволяющий понять «Нового человека» в СССР, — «человек авторитарный». Этот концепт синкретически вбирает в себя и склонность «человека авторитарного» в России к подавлению других — «нижестоящих», и предрасположенность к подчинению другим — «вышестоящим». «Человек авторитарный», в ментальной структуре которого доминируют установки подавления/подчинения, представляет собой тип нормативной личности социоцентристского общества, с характерной для него разбойничье-холуйской моралью — разбойничьей по отношению к нижестоящим и холуйской — по отношению к вышестоящим.

Особенностью культуры такого общества является растворение человека как личности в некоем «Мы», т. е. «своей» общности, которая выступает по отношению к человеку в качестве высшей власти и высшей силы. При этом надо подчеркнуть, что речь идёт о добровольном и зачастую самим человеком не замечаемом усвоении принятых в данной общности стереотипов мышления и образцов поведения, которые рассматриваются как единственно возможные. Принадлежность к «Мы» избавляет человека от ответственности за поиск соб-

ственных решений, мучительных сомнений, тягостного бремени свободы. Одновременно причастность к «Мы» («своим») наделяет человека гордостью и чувством превосходства.

Другой особенностью культуры социоцентристского общества является постоянное присутствие в сознании человека представления о неких «чужих» («Они»). Чем могущественней и чем более угрожающими выглядят «Они», тем сильнее потребность сплотиться, раствориться в «Мы». Деление людей на «своих» и «чужих» в культуре социоцентристкого общества придаёт ей конфронтационный характер. Специфика конфронтационной культуры наиболее наглядно проявляется в способах разрешения конфликтов. Участники этих конфликтов не просто отрицают друг друга, а стремятся стать единственной социальной целостностью, что сопровождается глубоким социальным расколом в обществе. Поэтому конфликты в российском обществе, как правило, не разрешаются путём консенсуса (согласования интересов), а завершаются подавлением одной из социальных сторон. Специфика социальных конфликтов в России состоит также в том, что зачастую они не разрешаются, а откладываются, для того чтобы вспыхнуть с новой силой, как только возникнут подходящие условия. Отсюда в конфронтационной культуре сложилась и своеобразная трактовка понятия свободы, как признания только собственного права на выбор и отказ другим в таком праве. Свобода по-российски — это воля как «свобода для себя» и подавление других.

Склонность «человека авторитарного» к подавлению проявляется в агрессивности по отношению к «чужим» и безответственности по отношению к «своим», догматизме, следовании стереотипам, завышении уровня притязаний и самооценки, предельном субъективизме, слабой рефлексии и «закрытости» сознания. Предрасположенность «человека авторитарного» к подчинению проявляется прежде всего в терпимости и терпеливости, пассивности и конформизме, в нетерпимости к социальной неопределённости и нарушению социального порядка.

«Человек авторитарный» чувствует себя комфортно лишь в ситуации социальной определённости, где существуют конкретные предписания, что и как делать. Поэтому в его менталитете доминируют такие ценностные ориентации, как «страсть к порядку» и «ориентация на кумиров». При этом «порядок» ассоциируется с наличием определённых социальных предписаний и необходимостью их строгого выполнения. Эти предписания наделяются, как правило, административным смыслом: тот или иной способ жизнедеятельности должен быть разрешён «сверху» инструкциями, стандартами и законами. Эти предписания должны касаться всех сторон жизни человека: чем больше предписаний, чем шире сфера их деятельности, чем сильнее они охватывают каждого человека, чем меньше у него свободы выбора, тем больше порядка в обществе.

«Страсть к порядку» в менталитете «человека авторитарного» сопряжена с этатизмом и порождает в нем, с одной стороны, антиличностную установку, нетерпимость ко всякой индивидуальности, к не таким, «как все», а с другой — готовность всегда поддерживать государственную власть в деле «наведения порядка».

У «человека авторитарного» идеалом государственной власти выступает в первую очередь власть единоличная (ответственная), сильная (авторитетная) и справедливая (нравственная). Этот идеал государственной власти, который всегда сочетался с коллективным демократизмом охлократического толка, был ориентирован на «кумиров», не способных «ошибаться» и готовых давать «правильные» ответы на все «вопросы жизни», что и делает их предметом всеобщего восхищения и преклонения.

Однако у «человека авторитарного» существует двоякое отношение к «кумирам». С одной стороны, это вера в «кумиров», наделяемых чертами харизматических лидеров, ожидание от них «чуда», сопровождаемые постоянной готовностью подчиняться. С другой — это постоянное соотнесение деятельности «кумиров» с общей идеей, которой они должны обязательно следовать и которая сообща переживается людьми. Если эта деятельность начинает

идти вразрез с «идей» и «переживаниями», то авторитет «кумиров» падает и их свергают, а иногда и жестоко с ними расправляются.

Одной из интенций «человека авторитарного» выступает державность, т. е. ориентация на могущественность и величественность, которая формировала у него склонность к монументализму, к грандиозным проектам самовыражения. Отсюда у «человека авторитарного» склонность к размаху, «широте души», вплоть до размашистости и невнимания к деталям и «досадным мелочам» жизни.

Такой человек ощущает свою непредсказуемость, и поэтому всегда боится настоящего, и живёт больше прошлым, чем настоящим, и уж очень любит помечтать о будущем. Мечтательность такого человека — это возвышенная устремлённость в будущее. Она сочетается с «идеоманией» как способом снятия напряжённости от глубоких общественных потрясений или извечных забот и переживаний. «Идеомания» представляет собой также форму перераспределения ответственности за происходящее между «личным» и «трансцендентальным». Все это порождает в менталитете «авторитарного человека» такие устойчивые духовные доминанты, как консервативный синдром и утопические иллюзии.

Утопизм проявляется в широко распространившемся и оказавшемся весьма устойчивым представлении о социализме (коммунизме) как немедленном осуществлении вековечных мечтаний о «праведной земле», «земном рае» или «справедливом обществе». Он проявляется в «потолочном» планировании соответствующими инстанциями показателей экономического, социального и культурного развития; в умозрительном конструировании «законов» развития общества. Утопизм обнаруживается в любезной догматическому уму трактовке перспектив планетарной эволюции, согласно которой все нации раньше или позднее должны устроить свою жизнь по советскому образцу, в представлениях о том, что капитализм и социализм относятся друг к другу примерно так, как «ад» к «раю».

Утопический способ миропроектирования неизбежно влёк за собой манихейскую, по сути, интерпретацию контекста, в котором находился утопист. Мир с его сложной системой связей, оттенков, переходов, полутонов упрощался до примитивной биполярной модели, где, с одной стороны, находились и действовали силы «света» и «добра», с другой — силы «тьмы» и «зла», по одну сторону — «свои», по другую — «чужие». «Свои» непременно должны были победить «чужих», «добро» — одолеть зло; это их предназначение и моральный долг, их «миссия». Но «зло» само не отступит, против него требуется «мобилизоваться» (проявляя при этом железную дисциплину и «монолитное единство») и вести с его носителями — «врагами» — беспощадную борьбу.

Воспитанное на таком контрастном мировосприятии «черно-белое» сознание могло уже сравнительно легко, без шока воспринимать и сам факт постоянного воспроизведения внутри страны «вредителей», «шпионов», «диверсантов», «врагов народа», равно как и совершенно иррациональные на взгляд здравомыслящего человека «разоблачения», «судебные процессы», уничтожение людей, которые ещё вчера входили в пантеон новых мифологических героев, окружавших Вождя и требовавших своей «порции» поклонения.

Утопизм и манихейство разрывали, разымали противоречивый мир на части, задавая онтологическую основу «борьбы за светлое будущее». Но они требовали дополнения их объединяющим, синтезирующим началом, ибо «борьба» могла вестись только «объединённой армией» людей, «чувствующих локоть друг друга», верящих в общность судьбы, в непобедимость ведущих их героев. Такой объединяющей силой всегда служил миф.

Одним из самых ярких проявлений мифотворческого духа стало издание в 30-х гг. «Краткого курса истории ВКП(б)», который был, в сущности, не чем иным, как сводом мифов. Реальные исторические события подменяются в нём «преданиями», в которых действуют не живые люди, а «боги», «герои» и «злые демоны». Эти «предания» предназначались для многократного повторения каждым гражданином. В них требовалось верить, как в Библию. Они не подлежали никакому рациональному анализу и критическому осмыслению. Десятки

миллионов людей снова и снова повторяли сакральные тексты, как бы заново их переживая. Историческое сознание вытеснялось мифосознанием.

Объектом целенаправленной мифологизации становится и марксизм. Сочинения К. Маркса, Ф. Энгельса, В.И. Ленина превращаются в канон, интерпретация которого становится исключительной прерогативой Вождя, а для остальных — в источник веры и ритуального цитирования. При этом сами основоположники лишаются реальных человеческих черт и предстают в роли своего рода секуляризированных святых, которые, как и Вождь, именовавшийся «продолжателем» их дела, никогда не развивались как мыслящие личности, не заблуждались, не ошибались.

Одновременно складывается пантеон новых мифологических героев, прообразом которых были живые, нормальные люди, но которые, войдя в этот пантеон, лишаются своих земных черт, становятся объектами обожествления, подражания и поклонения. Венчает пантеон сам Вождь. Для абсолютного большинства людей, которые никогда не сталкивались с ним лично, лицезрея его лишь на трибуне Мавзолея в дни празднеств, на бесчисленных портретах и в скульптурах, на страницах журналов и газет, он превратился в конце концов в сверхличность, живое божество, наделённое абсолютными качествами: всевидением, всезнанием, всемогуществом. И отношение к нему со стороны людей, его сограждан не могло строиться на чем-либо ином, кроме слепой веры и поклонения.

Формированию массового мифосознания способствовало и превращение политических и социальных мероприятий (митингов, собраний, манифестаций и т. п.) в своеобразные гражданские литургии: присущие им церемониал и аранжировка призваны были показать величие живого бога и окружавших его героев, бессмысленность попыток рационального постижения их речений и деяний, укрепить веру в их мудрость и всесилие.

Рассмотрение сталинизма в контексте коллективной идентичности в СССР позволяет выявить их метафизическую связь и феноменологическое единство. Поэтому я не сторонник объяснений отношения народа и Вождя в эпоху сталинизма формулой «жертвы и Палача». Она проста и удобна, ибо снимает ответственность с человека. В этом плане следует обратить внимание на то, что если подчинение человека радостно-ослепляющей власти сталинизма носило характер массового действия, то освобождение от этой формы отчуждения, как правило, имело сугубо индивидуальный характер. Вот почему высвобождение от этого внутреннего ослепления Сталиным проходило у каждого через свою трагедию. А у некоторых этого высвобождения не произошло и до сих пор, они продолжают жить в эпоху Вождя.

В.Ю. Попов: Вы хорошо рассказали о конструировании коллективной идентичности и конструировании технологии по формированию авторитарного сознания. Но вы несколько раз упомянули, что всё это было возможно только в силу некоего культурного подсознательного, на уровне юнговских архетипов. Каким образом ваша гипотеза архетипов как предпосылки сталинизма связана с тем, что аналогичный спрос на вождя возникает не только в русской культуре, но и в армянской, и в грузинской? Причём здесь русские архетипы, если то же самое хотят в Грузии и Армении? Это первое. И второе: как это всё связывается с вчерашним разговором о «новом» человеке? Ведь теми же методами и почти с теми же результатами построили государство в третьем Рейхе? Причём здесь культурные архетипы?

В.П. Макаренко: Скажи, что ты ошибочно использовал слово «архетипы»…

А.В. Лубский: Нет-нет, я не настаиваю ни на чем, потому что моя позиция заключается в следующем: особенность гуманитарного познания заключается в том, что мы, думая, что изучаем социальную реальность в настоящем, на самом деле имеем дело с моделями, которые были созданы до нас, и оперируем этими моделями. Эти модели мы иногда выдаём за социальную реальность. К чему я это говорю? Поэтому я исхожу из того, что каждый исследователь обладает правом выбора тех конструктов, с помощью которых он изучает ту или иную социальную реальность. Я не конструктивист, а в данном случае являюсь представителем конструктивного реализма. Я не отрицаю того, что было в советскую эпоху, не отрицаю того,

что творится у нас за окном, то есть я — релятивист. Но я исхожу из того, что мой методологический выбор и мой аппарат понятийный позволяют мне выявлять то, что я хочу изучать. И я создаю такие картины социальной реальности, которые презентуют не только социальную действительность, но и меня самого. И в любой этой картине узнается почерк самого познающего. Я исхожу из этого. Поэтому я использую такой конструкт.

Я исхожу из идентичности. Откуда берётся идентичность? Есть две противоположные установки: конструктивизм утверждает, что она конструируется человеком; эссенциализм полагает, что есть некие присущие человеку доминанты, о которых он не рассуждает и не рефлексирует. Эти доминанты содержатся в культуре. Культурные архетипы не имеют никакого отношения к юнговским архетипам. Они не передаются естественно-генетически, а усваиваются в процессе коммуникации и социализации. Армяне, грузины, украинцы прошли свою социализацию. Человек может быть обманут в том случае, если он предрасположен к этому. Если он к этому не предрасположен, то его обмануть трудно. Архетипические начала человека я выразил в концепте нормативной личности. Это то, что свойственно человеку, выросшему в условиях данной культуры, что передаётся из поколения в поколение, о чем человек не задумывается. Если бы у человека не было архетипических нерефлексивных начал, то можно было бы сконструировать любого человека.

Возникает вопрос: почему фашизм, гитлеризм и сталинизм появились в этих ареалах? Я уже говорил о том, какие коллективные идентичности формируются в культурах, основанных на общности крови, почвы и т. д. Имперская идентичность в России формировалась на общности почвы, в Германии на общности крови. Немцы и русские по некоторым ментальным характеристикам очень близки, несмотря на популярное убеждение «что для русского хорошо, то для немца смерть». Культурные основания позволяют говорить о том, что они являлись предпосылкой возникновения таких режимов.

В.Ю. Попов: Анатолий Владимирович, можно говорить о каких-то архетипах, но почти не было сказано о том, что Сталину предшествовало время большого террора, войны и разрухи. Очень много насилия.

А.В. Лубский: Мы тогда просто начнём проводить аналогии с фашисткой Германией, тоже период разочарования, разрухи, насилия. Я не касался этих вопросов. Если автор рассматривает сталинизм с позиции парадигмы злого клоуна, вождя, палача, народа или с каких-то других позиций, то это его право. Реализация любого подхода позволяет лучше понимать то, что происходило, то, что происходит сейчас, даёт нам поле большого выбора. Но дело в другом. Если одна из этих версий становится главной или кто-то назначит ее главной, то она отчуждается от носителей, становится самостоятельной реальностью. Это та абстрактная реальность, сквозь призму которой люди начинают смотреть на мир. Представьте себе, что в рамках определённой парадигмы напишут официальный российский учебник истории и издадут его десятимиллионным тиражом, по которому будут учить учеников. Сквозь призму этого учебника будут смотреть уже дети этих учеников.

Т.А. Марченко: Если мы возьмём Карла Густава Юнга, то его учение о коллективном бессознательном привело его к сотрудничеству с фашизмом.

А.В. Лубский: Татьяна, я вам обещаю, что увлечение архетипами культурными не приведёт меня к идеологии сталинизма.

Н.А. Мининков
Модели поведения историков при тоталитарном и авторитарном режимах

Прежде всего хочу поблагодарить организаторов за возможность присутствовать на такой интересной конференции и послушать интересные доклады. Моё сообщение связано с развитием исторической науки и процессами, которые в ней происходили. В центре внима-

ния будут не столько события научной жизни, сколько отношения, которые складывались на почве развития науки между историками и государством, историками и общественными структурами, а также в самой академической среде. Первоначально я думал ограничиться рамками тоталитарного режима. Но потом расширил рамки, поскольку имеются интересные образцы поведения отдельных личностей в посттоталитарный период. Возможно, эти образцы появятся и в современный период, когда будет написан единый учебник истории, в связи с этим будут высказываться различные точки зрения и разные отношения к нему. Это выявит новые особенности личностных взаимоотношений и личностей историков.

Поведение историка — исходный концепт, который я использовал. Это комплекс действий в профессиональной и общественной сфере, который определяется особенностями личности и культуры историка. Вместе с тем, модель поведения определяется не только особенностями личности и характера историка, но также и социокультурной ситуацией, которая имела место в обществе в то время, когда он жил. В истории отечественной науки при тоталитарном и авторитарном режимах выработалось несколько моделей поведения, из которых весьма условно можно выделить следующие:

1. Историк в эти рамки напрямую не вписывается, но улавливает исходящие от власти идеологические тенденции и воспроизводит их в отдельных моментах своих трудов, которые могут носить черты нормального исторического исследования.

2. Историк специально и особо подчёркивает свою аполитичность и отстранённость от идеологии, резко и принципиально отделяет науку от идеологии. Идеология — это одно, а наука нечто совершенно другое. Но в советских условиях это не исключало наличия необходимого количества цитат из классиков марксизма-ленинизма. Он занимается наукой и подчёркивает, что его исследования не имеют отношения ни к политике, ни к идеологии. Однако некоторые историки, поведение которых вписывается в третью модель, могли сочетать интерес к науке и научную работу с участием в идеологических кампаниях против историков. От этого иногда было трудно удержаться или уклониться. В условиях массовых репрессий такие историки могли подвергаться гонениям, арестам и т. д.

3. Историк отстаивает свои научные воззрения, готов вступать в конфликт с официальной идеологией ради их защиты. Иногда осторожно, а иногда резко. Чем ближе к концу советского периода, тем выступления становились более заметными и более резкими.

Типичный пример первой модели М.Н. Покровский. Тот самый который занимал первое место в ряду советских историков 20-х годов.

В.П. Макаренко: Разрешите по поводу Покровского попутно задать вопрос, а то потом забуду. Сейчас историки развивают идею казачьей революции?

Н.А. Мининков: Не видно…

В.А. Шкуратов: Я сейчас скажу — Борис Кагарлицкий…

Н.А. Мининков: Как-никак, М.Н. Покровский был заместителем комиссара народного просвещения с 1918 года до своей кончины, усидел на таком посту столько времени. Можно говорить о том, что он вписался в поведенческую модель советского времени. В этом отношении на меня особое впечатление произвёл выход в свет большого сборника документов, относящегося к академическому делу 1929–1931 гг., в период установления тоталитарного режима. В первом томе были следственные дела, посвящённые академику С.Ф. Платонову. В предисловии Б.В. Ананьич и В.М. Панеях пишут о том, что материалы этого дела отправлялись на просмотр М.Н. Покровскому. Он был в курсе, воспринимал это дело как естественное. Так было в 1933-м году, когда он был с почётом похоронен, потом все изменилось.

Случай второй модели более типичный, это такая известная личность, как Н.Н. Яковлев. Одна его книга содержит идею иудеомассонского заговора против России. С одной стороны, эта концепция не соответствовала советской идеологии. С другой стороны, она была весьма симпатична для существенной части идеологической верхушки, несмотря на несоответствие официальной марксистской идеологии. Для этой части основу идеологиче-

ских воззрений представляли не отвлечённые положения марксизма-ленинизма, но махровый и шовинистический национализм. Имеются и более поздние примеры такой модели поведения. Одной из них было активное участие В.Т. Пашуто в борьбе с так называемым остфоршунгом. Пашуто — действительно крупный историк-медиевист. С другой стороны, он явно и активно участвовал в борьбе с так называемым остфоршунгом, который развивался в ФРГ, Австрии и носил далеко не научный характер.

Ещё один пример из сегодняшнего времени. Это современный антинорманизм, на позициях которого стоит Сахаров, недавний директор Института отечественной истории РАН. Ещё одна более яркая фигура в этом направлении — липецкий историк Вячеслав Васильевич Фомин. Следующий пример этого направления, которое существует в современной исторической науке и ярко выражено на историческом факультете ЮФУ, это идеализация политики самодержавия на Кавказе, завоевание Кавказа и последующей политики на Северном Кавказе в период буржуазных реформ. На эту тему только что, в этом году защищена докторская диссертация, в ходе которой автор собрал большой материал и обследовал множество архивов, но в теоретическом отношении его позиция ожидает желать лучшего.

Третья модель поведения представлена более широким кругом историков. Типичным примером может служить основоположник концепции истории Киевской Руси Б.Д. Греков. Он создал эту концепцию, подчёркивал свою научность, отстраненность от каких бы то ни было идеологических начал. С другой стороны, есть современные исследования, посвящённые Грекову, например, Н.А. Горской в Москве. Греков сам не избежал репрессий, он опасался по поводу того, что подумают о том, что им написано по истории Киевской Руси. Было широко известно, что он интересовался историей. Наиболее яркий пример, когда крупный историк не избежал участия в идеологических компаниях, — это участие Нечкиной в сборниках против своего учителя Покровского. Эти сборники выходили в свет в 1937–1939 гг. и назывались «Против исторических концепций Покровского». Хотя Нечкиной принадлежит ряд серьёзных трудов по Ключевскому. Даже в рамках современной культуры исторического нарратива ее книги читаются с интересом.

Можно найти немало аналогичных примеров. Не избежал в 1949 году репрессий известный санкт-петербургский историк Д.Н. Альшиц, который умер в прошлом году. Вскоре после того, как он вернулся с фронта, он создал труд, в котором привёл ряд обоснований того, что поправки к лицевому летописному своду всеобщей истории были сделаны самим Иваном Грозным. В 1947 году это исследование в научной среде было встречено с большим интересом. Но наступил 1949 год, и Альшиц был арестован. Главное обвинение было таким: оказывается, он таким образом подавал сигнал к подрыву авторитета вождя, он создал пародию на редакторскую работу товарища Сталина над «Кратким курсом истории ВКП(б)». Это все у Альшица опубликовано. Никаких пародийных начал там и близко нет. Он подходил к предмету как чистый историк. Он избежал характерной для того времени апологетики Ивана Грозного. Получил 10 лет, вышел по амнистии и был реабилитирован.

Было также немало случаев, когда историк стремился яростно отстаивать свою позицию. Классический пример — академик С.Б. Веселовский, который ещё в 1940-х – начале 50-х гг. резко отмежевался от апологетов Ивана Грозного и отстаивал свою научную позицию. Следующий случай такой: в 1970 году вышел труд И.Д. Ковальченко и Л.В. Милова. Там весьма осторожно было опровергнуто одно из основных положений советской историографию: начало формирования российского рынка происходило в XVII веке. Ни в XVII веке, ни даже в первой половине XVIII века Ковальченко и Милов не находили оснований для такого вывода. Этот важный экономический процесс начался только во времена Екатерины II, но никак не раньше. Что же произошло? Несмотря на то, что положение о начале формирования российского рынка в XVII веке опиралось на ленинское высказывание, ничего не произошло. Потому что оно не имело особого идеологического значения. Оно имело значение для узкого круга специалистов по истории России эпохи позднего Средневековья.

Ещё один случай был тогда, когда Волобуев и Тарновский поставили под сомнение идеологически важный тезис советской политики о том, что Октябрьская революция 1917 года носила социалистический характер. Ряд историков, в числе которых были Ю.О. Серый и П.В. Крикунов, поддерживали Волобуева и Тарновского. Но времена уже были не тоталитарные, а авторитарные. Волобуева сняли с поста директора Института истории АН СССР, больше ничего против него не предпринималось. Понятно, что против этого положения власть и идеология пройти уже не могла, так как оно было основой советской системы.

Ещё один пример с А.Я. Гуревичем. В 1970 году вышла его книга о средневековой культуре. Годом раньше вышла книга, посвящённая западному феодализму. Узкой группой специалистов по западной медиевистике она была встречена с большим интересом. Что касается самого Гуревича, то хотя он был доктором исторических наук, долгое время аспирантов ему не давали, лишили возможности развивать свое научное направление и научную школу. Таковы примеры того, что историки чётко отстаивали свою позицию.

Здесь я только наметил наличие указанных моделей поведения, может это вызовет интерес. Эти положения нуждаются в доработке, в том числе фактическим материалом (*Аплодисменты*).

Э.А. Паин: Понятно, когда власть вмешивается в дело истории. А как вы отличаете историка добросовестного от историка-пропагандиста?

Н.А.Мининков: В профессиональной среде это различие чувствуется сразу и понятно по многим показателям, хотя бы по историографии: каков историографический обзор, как поставлена проблема, какова база источников, каковы методы исследования. И тогда это сразу становится заметно. Допустим, историк, говоря о завоевании Россией Кавказа, не использует огромный массив нарративных источников и основывает свой анализ только на источниках, написанных с официальной позиции.

А.В. Лубский: Вы приводили примеры тех, кто считался апологетами. Они использовали одни и те же источники, но давали разную интерпретацию, рисовали другие картины. Какая из этих картин более реальна?

Н.А. Мининков: Возьму для примера современного историка ливонской войны Филюшкина, который работает в Санкт-Петербургском университете. Ливонская война — существенная часть эпохи Ивана Грозного. Давно известна связь между этой войной и налогообложением, экономическим кризисом, предпосылками смуты и т. д. Он сам говорит так, что ему известны практически все эти источники войны, которые находятся в России. Но ему известна только часть зарубежных источников, относящихся к этой войне. То есть, в этом отношении кое-что ещё можно найти. Историки казачества нередко указывают на то, что отечественным историкам практически неизвестны богатые турецкие архивы, которые могут дать немало. В этом отношении наращивание материала может иметь перспективы. Что касается интерпретаций, то все зависит от того, как они обоснованы.

В.А. Шкуратов
Левая идея как символический капитал

Коллеги, когда Виктор Павлович меня ангажировал для участия в семинаре, то я стал изучать, что такое левая идея и какое она отношение имеет для России. Но Виктор Павлович перевёл меня из категории докладов в категории сообщений…

В.П. Макаренко: Ну, что ты, Володя…

В.А. Шкуратов: И если я прервусь от того, что не очень хорошо знаю то, что знаю хорошо — прошу меня не винить. Капитал по Марксу — это самоумножающаяся ценность, а символический капитал адресует нас к Бурдье — это некое восполнение нашей материальной недостаточности статусно престижными преференциями. Но не буду останавливаться на Бурдье. А начну с анализа трудов левого оксфордского профессора Терборна о состоянии левой

идеи в мире. Он дал резюме и прогнозы этой идеи на 2013 год. С его точки зрения левая идея в Европе и США терпит поражение и не имеет особых перспектив, несмотря на состояние социального кризиса. Даже несмотря на то, что на волне протестных настроений левые правительства прорываются во власть, например, во Франции. Находясь в рамках неолиберальной системы Евросоюза, они неизбежно начинают проводить нелевую неолиберальную политику. На других континентах положение не лучше. В Азии весьма консервативные и стабильные режимы нисколько не склонны к левым экспериментам. А наилучшее положение левого движения и левой идеи сейчас в Латинской Америке. С его точки зрения Латинская Америка является классическим примером социал-демократической политики. Что касается России, то профессор ее даже и не упоминает, тут все понятно. Кремлевский режим проводит политику неолиберального курса, в рамках которого он периодически склоняется то к поддержке своей номенклатуры, то к популистским демаршам. Такова политика качелей в рамках неолиберального курса. Профессор не вполне точно отвечает, почему так происходит, но я думаю, что здесь стоит обсудить саму симметрию правого и левого.

Я приведу определение правого и левого, которое сформулировал итальянский политик и политолог Норберто Боббио. Он определил, что левый принцип — это принцип равенства и эгалитарности, а правый принцип — это принцип иерархии и порядка. Существуют некие полюса левого и правого. Эти полюса заданы самой природой политических движений и политической мысли. Но внутри континуума существует огромное разнообразие различных контаминаций. Действительно, нас ожидают сюрпризы и даже загадки при попытке определить политический режим.

Вспомним Оруэлла. 1984 год, Ангсоц. Он что, описывает левый режим? Нет, он описывает крайне правый консервативный режим. Он изображает утопию по Платону. Государство, которое построено на почти неизменных кастах. И в такой чрезвычайно английской манере, я бы это назвал тоталитаризмом по Юму. Чрезвычайно большое значение придаётся внутренним интроспективным комплексам, которые подвергаются разработке власти. И это очень похоже на сталинизм.

Что такое сталинизм? Левый режим, но не похоже. Очень иерархичный режим, все носят мундиры. И приходится вести некую историческую последовательность этих переходов демократизации, движения левой идеи на разных исторических площадках. Сначала принцип демократизации и левое движение существует в хилиазме — левом христианстве. Затем буржуазно-демократические движения XVIII века, «Декларация прав гражданина…» — это равенство. Либерализм является очень левым, но равенство… Затем социалистические, социал-демократические, коммунистические идеи XIX века, где равенство должно быть имущественным и классовым. А сейчас на крайне левом фланге находятся уже не социалисты и демократы, а сторонники биологической эмансипации, то есть биологического равенства. Борцы за права сексуальных меньшинств, за права детей и т. д. На их фоне социал-демократическая идеология уже не кажется левой. И если мы спросим здесь левое в основном население, то его придётся анализировать с точки зрения классических концепций XIX века. То есть равенство по имуществу — да, но с точки зрения биологического, биосоциального равенства — нет.

Значит, мы определяем успешность или неуспешность левой идеи на разных исторических и социальных площадках. Латинская Америка по своей классовой структуре максимально близка к европейским обществам периода индустриализации. А в Европе уже очень мало рабочего класса, там в промышленных классах занято около 10%. Поэтому опоры классические левые идеи там уже не получают, несмотря на кризис и появление новых бедных. А в Китае сейчас количество индустриальных рабочих в 2 раза превышает количество индустриальных рабочих в странах большой семёрки, вместе взятых. Но китайские рабочие совсем не стремятся организовывать профсоюзы и принимать самостоятельное участие в политике.

Третья часть моего сообщения посвящена обсуждению идентичности и сущности русской элиты. Чем для нее является символический капитал, особенно капитал левой идеи? Почему в России левая идея получила такое значение среди интеллигенции? Вот здесь именно идентичность. Именно символический капитал, а элита становится элитой в той степени, в какой она не является туземной, выделяется из туземной массы. Поэтому я думаю, что рассматривать петровские преобразования как сугубо модернизационные односторонне. Спрашивают: зачем Петр I переодел все городское население в немецкое платье? Отвечают: чтобы победить в войне с Швецией. Но разве для победы над шведами дворянам было обязательно курить табак, пить грог, а их жёнам переодеться из сарафанов в платье с декольте?! Нет, здесь скорее всего дело состоит в умножении символического капитала. В том, что русская элита должна была опять выделяться из массы, поскольку она приобрела большой символический капитал при Крещении Руси, когда она стала сильно отличаться от массы. И таким образом получила рычаги управления ею. Можно долго продолжать, потому что здесь начинается гонка преследования, соперничество между двумя группами элиты. Сначала она — общегосударственная элита. Затем внутри нее выделяются фракции: правительственная элита и оппозиционная элита, которые наращивают капитал по-своему. Оппозиционная элита за счёт левой идеи, а правительственная за счёт правой. Но то и другое они сначала заимствуют со стороны. Сегодня первый случай, когда символический капитал уже не импортируется, а экспортируется капитал левой идеи. Пожалуй, это бакунизм, который является очень левой идеей, левее марксизма, но уже с международным весом. То есть, внутрь народовольческих движений анархизм бакунистского толка уже импортируется, пройдя там оборот и получив некоторый престиж. *(Аплодисменты)*.

Э.А. Паин: Я все время задаю вопрос насчёт символического капитала и фактора смены одежды. Эта гипотеза не хуже других, но возникает одна сложность. Нечто похожее происходило и в соседней стране, которая на нас очень сильно похожа. В соседней Османской империи было все как у нас — реформа, контрреформа. Там вплоть до XX века существовала связь модернизации и реформы одежды. Ататюрк потратил свой огромный капитал на то, чтобы убрать феску.

В.А. Шкуратов: Там это встречало сопротивление…

Э.А. Паин: Если это так, может гипотеза и в России неверна? И более верно понимать модернизацию по Петру, чем по Ататюрку?

В.А. Шкуратов: Она состоит в расходах на предметы одежды, роскоши. Например, русское дворянство в XVIII веке тратит огромные суммы на западные предметы роскоши и быта, обогащая всяких архитекторов, композиторов и прочих «французиков из Бордо». Это уже является показателем. Есть интересные исследования, когда появляются в России собственные дома модной одежды. Они появляются только в конце XIX века, когда российская элита настолько уже накопила капитал внутри, что она позволяет внутри страны создавать и потреблять свое. Эта сфера исследований даёт некоторые основания перехода к сырьевой экономике. Почему элита предпочитает продавать сырье, но не создавать эту индустрию у себя? Вот интересный момент.

Э.А. Паин: Как вы оцениваете гипотезу Ходорковского и Зюганова о том, что в ближайшие годы именно левая идея будет доминировать в России?

В.А. Шкуратов: Два года тому назад я на это даже надеялся. Но сейчас нет. Сейчас мне кажется, что путинский век является долгим.

Е.В. Цымбал: Я так заслушался, что забыл вопрос. Но в качестве реплики хочу сказать, что был очень обрадован, услышав моё любимое слово «хилиазм», но неиспользуемое в кинематографических кругах. Кроме того, я понял, что капитал — это не только реальный капитал, но ещё и символический. Если идти дальше, то я хотел бы связать появление русских модных домов с развитием нашей текстильной промышленности. Монополистом в этом до XIX века была Великобритания. В Англии до 1848 года существовал закон, предусматриваю-

щий смертную казнь за вывоз из страны текстильных машин и технологий. Когда его отменили, то первыми это дело подхватили немцы и прежде всего персонаж по фамилии Кноп. Он рьяно взялся за дело. Города центральной России — Иваново, Москва, Кострома и Подмосковье — так быстро и успешно стали применять машины, что примерно к 1868 году, т. е. спустя 20 лет, Россия стала главным конкурентом британского текстиля на мировом рынке. Случилось это потому, что близко были сырьевые базы. Бурное развитие текстильной промышленности стало выгодно. Появилась реальная потребность в создании продукта из этого текстиля. Это впоследствии повлекло создание модных домов и текстильных промыслов…

А.В. Лубский: И этим потом занимались старообрядцы…

Е.В. Цымбал: Да, совершенно верно! Это очень точное дополнение.

В.А. Шкуратов: Собственно русские модные дома возникают на грани XIX–XX веков. Эта модель предполагает понятия экспорта и импорта. А культурный экспорт из России начинается во второй половине XIX века, с экспорта русской литературы, кстати…

Е.В. Цымбал: Я думаю, что все-таки с Тургенева. Никто столько русскости не привнёс…

В.А. Шкуратов: Да, русская культура в начале первой мировой войны уже модная на Западе. Уже наступает следующий цикл — не импорт, а экспорт культуры. И большевики это культивируют.

В.В. Вольчик: Я хотел бы сказать по поводу левой идеи, об этом почему-то никто не сказал. Мне кажется, что левая идея развивается параллельно исламскому возрождению. Исламское возрождение — это левая идея. Может быть, будущая левая идея — это исламское возрождение? Может она просто примет другие формы? С одной стороны, мы говорим, что она проиграла, но неизвестно ещё, как повернётся исламская идея.

В.А. Шкуратов: Я не специалист в исламской идее. Хотя революция 2011 года на арабском Востоке и потерпела поражение, но это временное явление, вероятно, в форме исламского социализма.

В.П. Макаренко: На этом завершаем. Всем большое спасибо!

Книжная полка

ТАК ВСПОМИНАЕТСЯ, ИЛИ ЕЩЁ ОДНО ЛЖЕСВИДЕТЕЛЬСТВО (главы из книги)

Э.И. Колчинский
Санкт-Петербургский филиал
Института истории естествознания и техники РАН

Аннотация: *Журнал «Политическая концептология» публикует избранные главы из книги воспоминаний директора Санкт-Петербургского филиала Института истории естествознания и техники им. С.И. Вавилова РАН Эдуарда Израилевича Колчинского. В центре внимания автора находятся сложные проблемы переплетения личной жизни и науки, науки и власти, социальной истории и истории науки, науки и кризисов.*

Ключевые слова: *мемуаристика, социальная история науки, наука и власть, наука и кризисы.*

Семейный тыл

Человеку для счастья надо не много. Интересная работа, друзья и, конечно, надёжная семья. Последнее наиболее важно, так как только в семье нет непримиримых конкурентных отношений, а два основополагающих ее элемента в идеале выступают как целое. Ведь семья — это не только и даже не столько общая постель, сколько хозяйственная и психоэмоциональная ячейка общества. Благодаря Наталье Викторовне, урождённой Константиновой, мне удалось обрести семью. Наши отношения складывались по сюжету служебных романов. Вначале — сугубо официальные контакты, затем совместная работа, переросшая во взаимную симпатию симпатии, а затем наступило то, что называют «больше, чем любовь», где увлечения и преданность были переплетены с чувством долга перед детьми. Пожалуй, трудно было найти людей, столь отличающихся друг от друга не только внешне, но и по образованию, характеру и взглядам, как мы с женой в первые годы совместной жизни. Возможно, именно это позволило сохранить интерес друг к другу на протяжении почти 45 лет. В этом, прежде всего, заслуга моей жены, которая создала все условия для моей нормальной работы и, подарила мне сына и дочь.

После того как мы поженились, она добровольно ушла из ЛО ИИЕТ — поступок по тем временам немыслимый, так как работа в АН СССР была престижна, — и пошла преподавателем английского языка в школу. Наташа много преподавала на различного рода курсах, ко-

торые иногда посещал я. Она была учителем от бога, хотя и не очень любила свою профессию, главным образом, из-за разного рода бессмысленных воспитательных мероприятий в советское время, бюрократизации, формализма и бесправия учителей — как перед администрацией, так и перед некоторыми амбициозными родителями. Тем не менее, она отработала в школе почти четверть века, в том числе последние 10 лет в престижном физико-математическом лицее № 239 на Кирочной улице в здании, где ранее размещалась Анненшуле. Здесь и учебный контингент, и преподавательский состав были намного лучше, чем в большинстве школ. Директор ценила ее опыт и не загружала воспитательной работой, да и бюрократическая писанина в те годы была сведена к минимуму. До прихода в лицей она несколько лет работала переводчицей в закрытом НИИ, но её не устраивали царящие там сплетни и интриги, конкуренция за пятирублёвые премии и разнарядки на сельхозработы и овощные базы. Да и сама работа в НИИ казалась мёртвой и бессмысленной по сравнению со школой, где каждый день видишь результаты своего труда.

После регистрации брака мы более двух лет жили вместе с ее родителями. К счастью, к 250-летнему юбилею АН СССР строили кооперативный дом, о чем мне стало известно от П.Б. Щелища. Претендентов на трёхкомнантую квартиру было немного, и меня включили в состав пайщиков, а родители дали часть денег на первый взнос. Остальное пришлось зарабатывать на калымах. Уже к сентябрю 1976 г. дом в районе Шувалово-Озерки был построен, практически посреди чистого поля. Ещё несколько лет я мог у подъезда встать на лыжи и уйти в лесопарк Парнас. С магазинами было плохо. Ближайший универсам находился на расстоянии одного километра. Трамвай — единственный способ добраться до центра, включая место работы. Это занимало минимум час. Правда, первые годы большую часть пути можно было сидеть и читать книгу. Но очень холодно было зимой.

Сыну Денису было два с половиной года, и ни яслей, ни садиков ещё не было. К счастью, его няня Полина Семеновна любила его как собственного внука, и так как у нее семьи не было, жила у нас, отказываясь от всякой платы, рассматривая нас как свою семью. Она была женщиной глубоко и искренне верующей, трудолюбивой, исключительно порядочной, с высоким чувством собственного достоинства. Родилась она ещё в XIX веке. В 16 лет ее хотели выдать насильно за нелюбимого, но накануне свадьбы она бежала из деревни в Петроград, где устроилась на фабрику и нашла своего суженого. Впоследствии революция, Гражданская война, индустриализация, Великая Отечественная война не раз перечёркивали ее личную жизнь, которую ей приходилось начинать сызнова. Но она не сгибалась, воспринимая трагедии как испытание Божье, и, несмотря на пережитое, оставалась оптимисткой и добрым, отзывчивым человеком. Очень интересные были с ней разговоры о прошлом. И я удивлялся, как практически безграмотный человек точно воспринимал сущность событий, свидетелем и участником которых приходилось быть. У нас с ней практически на все были общие взгляды. Единственное, что она не смогла принять, — это то, что дева Мария и Христос были евреи по национальности. Услышав это, она возмутилась до глубины души и сказала: их, мол, пожалуйста, не трогайте. И я согласился, так как бесполезно спорить насчёт мифов.

В этом я ещё раз убедился, посетив в 2011 г. «дом Марии» в Назарете и Храм Господня в Иерусалиме, где «новоделам 4 века» фанатично поклоняются как подлинникам. Кстати, в Храме Господня мне было «знамение». В тот миг, когда я положил руку на камень, символизирующий центр мира, какое-то небесное создание, видимо, в образе голубя, обгадил мне ее. Но я до сих пор понимаю смысл этого знака свыше. В целом же я с громадным удовольствием посетил все эти святые места, и даже совершил омовение в реке Иордан, так как них за десятки веков сконцентрировалась громадная историко-эмоционнальная энергия приверженцев трех основных религий.

В три с половиной года сыну дали место в садике, который находился примерно в полутора километрах от дома и не было никакого транспорта. Зимой можно было отвезти на санках. Как сейчас помню, он, сидя в санях, распевает:

Мой дедушка разбойник, разбойник.
Был, в самом деле, очень знаменит,
Кто мимо дедушки идёт, тот сразу деньги отдаёт,
Иначе будет бит.
И далее с воодушевлением звучал припев:
Где ты времечко златое,
Когда можно было жить разбоем,
Неужели это время не вернётся
Никогда?

Редкие прохожие осуждающе посматривали на меня, думая, что именно я обучил его столь непионерской песне. Но я его ничему не учил и до сих не понимаю — это хорошо или плохо. Скорее плохо, потому что у него явно были математические способности, но мы не приложили никаких усилий, чтобы их развивать. Единственному, чему мы его учили, — жена обучала его английскому, заложив основы для овладения им после окончания вузов. Немного он занимался спортом, но не захотел поступать в спортивную школу, как предлагал тренер. Он как-то рос сам по себе. Учился в обычных школах, где быть в числе хорошо успевающих можно было, не прилагая усилий. Много читал, благо я старался искать книги для домашней библиотеки, что, как, может помнят мои сверстники, было сложным делом. Книги исчезли из продажи раньше, чем продукты. Хорошую книгу можно было достать только у спекулянтов по баснословным ценам. Легче было купить специальные книги по истории, биологии и философии, к чтению которых сын пристрастился. Интересовался он также атомной физикой и математикой и к окончанию школы не мог решить, кем стать — гуманитарием или физиком. К выбору профессии он с ранних лет относился серьёзно и спросил моего совета. Я сказал, что видел много бывших физиков и математиков, которые стали потом профессиональными историками и философами, но никогда не встречал философа или историка, которые бы стали физиками, инженерами, математиками. Он меня послушался и после школы окончил Политехнический институт, получил специальность по атомной энергетике и довольно быстро стал специалистом в проектировании атомных станций.

Дочери пришлось пойти в ясли с двух лет, что ей явно не нравилось. И при случае она старалась остаться дома, так как я к тому времени стал старшим научным сотрудником и на работу ездил только два раза в неделю. С детства она явно тянулась к искусству, любила петь и танцевать, знала много стихов, любила в лицах пересказывать по памяти любимые сказки из грампластинок. Жена долгое время работала в Доме культуры и брала её с собой на танцевальный кружок. В школе она училась прилежно, была очень самостоятельная и любила отстаивать свою точку зрения. Она окончила физико-математический лицей, но предпочла Университет экономики и финансов, затем там же поступила в аспирантуру, защитилась и стала специалистом в области региональной экономики.

Немаловажным фактором возвращения жены в сферу образования был двухмесячный отпуск летом. Это давало возможность проводить лето с детьми, которые, к счастью, почти не знали, что такое пионерские лагеря. Во время моих калымов жена с детьми проводила лето на даче под Ленинградом, которую построила её мать Тамара Ивановна, но официально она принадлежала Наташиному брату. В строительстве дачи участвовал и я, но вскоре выяснилось, что двум семьям нелегко ужиться в маленьком домике, и начиная с 1981 г. до 1997 г. практически каждое лето мы проводили в деревне Полстниково Чухломского района Ко-

стромской области, расположенной в 5–6 км. от села Судай с населением в 2 500 человек. Для детей это был прекрасный отдых вдали от шумного города, на природе и в обстановке практически полной свободы. Для взрослых, особенно, для жены и ее сестры, которая вместе с двумя сыновьями, обычно отдыхала с нами, это был тяжёлый труд по ведению домашнего хозяйства. Еду надо было готовить в русской печи, доставать продукты при почти пустых магазинах, полоть огород и т.д. На меня ложилась обязанность ремонтировать старый дом, носить воду, в том числе и для полива огорода, из речки под горой в 150 метрах от дома, колоть дрова, топить баню, копать огород и выполнять прочие обычные работы. Дом был не жилой, на зиму мы его консервировали, причём надо было обязательно спрятать все вещи, так как после нашего отъезда его обязательно обшаривали местные. Вещи прятали в подполе, заваливая различными досками и тряпками, в поленницах, на сеновале и т. п. Благо дом был огромный, около 400 кв. м, из которых жилых примерно 80 кв. м с горенками. По приезде несколько дней уходило на то, чтобы все достать, просушить, промыть, разложить, расставить, а перед отъездом все то же самое надо было повторить в обратном порядке. К тому же летние заготовки, особенно варенье, надо было заранее отправить почтой, которая находилась в шести километрах от нашей деревни. Так что на дачу все это походило мало, но были и свои плюсы.

Прежде всего, это сам дом, построенный без гвоздей незадолго до революции зажиточным крестьянином с большой любовью и умением. Впоследствии так уже никогда не строили. К счастью, дом никогда не был колхозной собственностью, в нем всегда кто-то жил. Он лучше сохранился, чем два других аналогичных дома, построенных в то же время тем же хозяином для братьев. Поскольку у сруба не было фундамента, вместо которого были деревянные стулья, т.е. бревна, закопанные в землю, то нижние венцы подгнили, но остальные были, как будто только что привезены из леса. Так же выглядели и стропила — огромные бревна 7–9 м длиной и диаметром полметра, которые были так подогнаны друг к другу, что и спустя 90 лет в пазы нельзя было просунуть иголку. Плотно сбитым оставался и пол из полубрёвен, скреплённых нагелями.

Двухэтажный дом состоял из трех частей. В первой из них на втором этаже были кухня и большая зимняя комната, а внизу всякие подсобные помещения, в середине огромная широкая лестница и летние большая горница и маленькая горенка. На этом же этаже была огромная повить, где хранилось сено. Его раньше завозили туда прямо на второй этаж на лошадях. Внизу было множество различных сараек и сараюшек для дров, лошадей, свиней, баранов, кур, гусей и т. д. Планировка была такова, что в течение долгого времени можно было жить автономно, не выходя на улицу в метель и крепкие морозы. Все помещения были связаны внутренними переходами и лестницами. Когда-то в доме была и скважина, так что и за водой не надо было ходить. Также предусмотрен был внутри дома разумно встроенный туалет.

При доме был громадный огород — более четверти гектара, в котором мы использовали две-три сотки, а остальное отдавали косить соседям, которые держали двух коров и двух телят, а порой и жеребёнка. Они паслись по всей деревне, из-за чего мне постоянно приходилось ремонтировать забор, так как тёща не любила, чтобы скотина заходила на нашу территорию. На огороде в основном росла зелень, немножко огурцов, лук, чеснок, морковь, горох, редиска и т. д., а также картошка, урожай которой мы оставляли у соседей, чтобы было что есть до нового урожая. В конце мая приходилось специально приезжать сажать огород, чтобы к окончательному перебазированию в деревню было чем питаться до появления лесных даров.

Сама поездка была очень тяжела. Сперва надо было полдня и ночь ехать на поезде в плацкартном вагоне до Галича. А оттуда в набитом автобусе 100 км на север до посёлка Судай, а далее как-то решать вопрос о том, как добираться до нашей деревни. Прямо доехать

нельзя было, так как в 700 метрах от нее мост через лесной ручей был сломан и все его попытки его починить, т.е. срубить и уложить несколько десятков брёвен, давали временный успех. Как только через это рукотворное сооружение проходил трактор или комбайн, все приходилось начинать заново. В лучшем случае, если благодаря знакомым и за бутылку водки удавалось найти грузовик, нас довозили только до этого ручья. В противном случае от Судая надо было ехать на автобусе, который довозил до деревни Полтораново, а оттуда с маленькими детьми и всеми вещами около двух километров приходилось добираться до дома пешком.

Ещё сложнее было с отъездом. Билеты на обратный путь надо было закупать за месяц, а гарантии, что будет автобус до Галича в тот день, никогда не было. Приходилось опять договариваться с несколькими шоферами, чтобы довезли до Галича восемь человек. А если удавалось уехать утренним автобусом, то затем на вокзале около полусуток ждали поезд. Посадка в вагоны напоминала битву на рельсах или, точнее, поездку во время Гражданской войны: все с маленькими детьми и огромным багажом, стараются влезть в вагон и занять места, так как в последние годы билеты можно было достать только в общий вагон. И в таких условиях, когда порой даже сидеть надо было по очереди приходилось ехать 16 часов, включая ночь.

Каждый день надо было решать вопрос о хлебе насущном. Если молоко ещё можно было купить, то остальные продукты исчезали в магазинах стремительно, а в конце 1980-х гг. остались только пустые полки. К тому времени деньги уже перестали играть какую-то роль. Достать что-нибудь удавалось только в обмен на папиросы, водку и сахар, из которого местные гнали самогон. Ну, с папиросами и водкой мы расставались без особого сожаления, а сахар нужен был самим для варенья. Особенно тяжело было достать хлеб, за которым надо было идти 2 км в Полтораново и ждать, порой по несколько часов, так как хлеб был нужен местным жителям, кормившим им скот и набиравшим его мешками. На нас, 8 человек, из которых четверо детей и тёща — участница Великой Отечественной войны — со скандалом давали одну буханку на два дня.

Спасало только то, что у Володи Кузьмина, бывшего мужа Наташиной сестры Татьяны, по материнской линии было много родственников в этой местности. В детстве он часто жил здесь сам и, будучи компанейским по натуре, завёл хороших друзей. Татьяна также приезжала сюда с их старшим сыном Сашей. Она пользовалась громадным уважением у Володиных тёок, дядек, двоюродных и троюдных братьев и сестёр. После развода Володина родня ей очень сочувствовала. В русской деревне помнят родство до пятого колена и стараются помогать родственникам, а такими для них были Татьянины дети и она сама. В случае крайней необходимости они приходили на помощь. Одна из них, Нина Александровна Дмитриева, заведовала продуктовой базой и приказала продавать нам, хотя бы по две буханки хлеба на два дня, что продавщица с неохотой делала.

Все любят повторять за Михаилом Булгаковым, что, мол, советские люди были неплохие, но их испортил жилищный вопрос. С этим трудно согласиться. Как всегда, кого испортил, а кого нет. Так и в деревенской местности люди были разные, хотя большинству было далеко до светлых образов, нарисованных классиками нашей деревенской прозы. Тяжёлый и почти не оплачиваемый труд, практическое бесправие перед начальством, жуткие бытовые условия, незащищенность от криминала — все это не способствовало облагораживанию нравов. Я видел дикие драки с кольями взрослых людей. К тому же Москва, Ленинград, Вологда и Кострома, как огромные насосы, выкачивали из деревенской местности если не самых лучших, то во всяком случае самых предприимчивых и энергичных. Оставшиеся пили, кто почёрному каждый день, кто при случае. Мимо рта не проносили и женщины, на которых во многих многодетных семьях была главная нагрузка. Нищета порой была ужасающая. Об этом почему-то не любят вспоминать некоторые тоскующие по нашему светлому прошлому и по великому СССР. Почти все мужчины после армии оставались в городах. В деревне обычно

жили те, кто по разным причинам, чаще всего из-за судимости, не мог уехать. Другие до хрущевских времён не имели паспортов, а затем с семьями было уже некуда ехать. Уехавшие в города приезжали на лето в деревню, и нередко выяснялось, что и в городах они не обрели счастье.

В целом с местными жителями мы ладили. Ни с кем старались не ссориться, всегда были приветливы и при случае старались помочь. Я иногда помогал им при вывозе сена и загрузке его на сеновал. Импонировало им и то, что всю тяжёлую неквалифицированную работу я делал сам. А если приходилось прибегать к их помощи, то это всегда оплачивал. Денег они, как правило, не брали, но им нравилось, что я, как положено, ставил на стол бутылку, пил вместе с ними и вёл длинные беседы, с неподдельным интересом выслушивая их рассказы и суждения. Действительно, за плечами каждого из них был уникальный опыт, прикасаясь к которому я лучше узнавал страну.

К середине 1980-х гг. приближающийся крах сельского хозяйства был очевиден, как и бессмысленность происходящего. Полуразрушенные фермы, тощие, неухоженные совхозные коровы контрастно выглядели на фоне откормленных и ухоженных «дочек», как называли хозяйки своих коров. Поля ещё засеивали, но чаще всего уже не убирали. Засеянное поле, находившееся рядом с нашей деревней, последний раз убирали в 1981 г., когда на нем росла пшеница. В последующие годы посеянные горох, лен и т. п. или ушли под снег, или были просто запаханы. Перестройка покончила и с этой имитацией деятельности. Поле превратили в пастбище, оно быстро зарастало, как и поля вокруг остальных брошенных деревень, коих было много в нашей местности. Примерно в десяти из них я побывал во время своих грибных и ягодных походов: это Душино, Ефимовское, Лобаново, Марково, Нелидово, Плосково, Стрелицы, Фёдосово, Полтораново и т. д., находящиеся на разных стадиях исчезновения. Кое-где торчали развалины когда-то шикарных домов, украшенных искусной резьбой. В другие брошенные деревни на лето ещё приезжали дачники из городов, живя на керосинке, в третьих — обитали немногочисленные пенсионеры.

Все эти деревни и села существовали сотни и тысячи лет, располагались в живописных местах, на берегу маленькой безымянной речки в густых лесах, богатых ягодами, грибами и плотно населённых птицами и зверями. Хватило всего нескольких десятилетий колхозного строя, а затем совхозов, чтобы все исчезло. И не плохие дороги, и даже не дураки стали причиной обрушившейся на села беды. Полное бесправие населения и бесконтрольность властей погубили русскую деревню. И за последние два десятилетия положение нисколько не улучшилось, а лишь усугубилось, так как к прежним напастям добавились хаотическая вырубка лесов и засилье мигрантов.

Тем не менее, летние месяцы, проведённые мной в деревне Полстниково, были наиболее счастливыми в моей жизни. Я любил ее как малую родину. Несмотря на то, что большинство домов к тому времени уже исчезло, она оставалась удивительно красивой. С каждым годом все реже и меньше приезжали летние дачники. В последние годы там жили только мы с Наташей и Антонина Ивановна Лебедева со вторым мужем Николаем Ивановичем, к которым на лето приезжали внуки с родителями и родственники. Антонина Ивановна была неутомимая труженица, работала от зари до зари, держала огромное хозяйство ради своих сыновей и внуков в городе. Деревня и все окрестности на несколько километров вокруг были в нашем бесконкурентном пользовании. Характерен мой разговор с Михаилом Ивановым, который жил в Судае, но иногда приезжал в свой домик в деревне на опушке леса, чтоб спозаранку сходить за ягодами и грибами. Он спрашивал: «Эдуард, ты почему в брусничное болото заходил со стороны речки у Стрелиц? Лучше заходить со стороны Душино». Я ему отвечал, да я так и заходил, а у Стрелиц только выходил из болота». Обе бывшие деревни нахо-

дились в нескольких километрах от нашей, но он знал, обнаружив следы, что кроме меня там никто не мог проходить.

Все время, свободное от хозяйственных дел, я проводил в лесу, который полюбил всей душой, ориентируясь со временем в нем не хуже, а чаще всего, и лучше некоторых местных, у которых к лесу сохранялся сугубо утилитарный интерес. Я же иногда часами бродил по нему просто так. Обычно же я собирал душистую лесную клубнику, бруснику, клюкву, чернику, малину, которой в некоторые годы было так много, что куда бы ни пошёл, набирал ведро. Были освоены болота черники и клюквы, урожай которых был стабилен ежегодно, а в некоторых местах все эти ягоды росли вместе.

Самым моим любимым делом был поиск и сбор грибов, ради которых я порой ежедневно проходил по 10–15 километров, хорошо зная, где можно найти лисички, где стоят пни опят, а где в самые негрибные годы можно найти подберёзовики, подосиновики и даже отдельные боровики. Эти места я разведал сам. Местные, как правило, не любили их показывать. Да им и некогда было. Иногда приносил корзины белых грибов, к зависти некоторых своих соседок, которые ходить далеко или боялись, или из-за возраста не могли. Бывали годы, когда грибы, как говорится, косой косить можно было. Для подберезовиков, подосиновиков и отчасти белых грибов таким было дождливое лето 1993 г., когда я каждый день приносил их по четыре ведра, насушив за 18 дней 11 кг. Хотя мы раздали часть по родственникам, грибов хватило на несколько лет. Были и годы, урожайные на осенние опята, которых в течение несколько дней можно было собирать буквально мешками. В определённых местах ежегодно золотым покровом буквально расцветали большие поляны лисичек.

Адреналин в крови добавляли внезапные встречи с лесными обитателями, в том числе с кабанами, лосями. С медведем, правда, встретиться лицом к лицу не удалось, но и медвежьи следы и свежий помет я не раз встречал на лесных тропинках.

В деревне я наиболее полно ощутил, что такое семья. Хотя забот было много, но их решение, как правило, зависело от наших слаженных действий и единства понимания ближайших целей и задач, очень простых и соответствующих сущности человека: плодиться и размножаться. Сыну Денису, дочери Лизе и их двоюродному брату Павлику было особенно хорошо. Они пользовались свободой, о которой их городские сверстники не могли и мечтать. Компанию им составляли младший сын Антонины Лебедевой и ее племянники. Покушав, они сразу убегали из дома, все время во что-то играли, строили какие-то куренки, ходили на бобровую плотину и т. д. Кроме тёщи, их никто не понукал, не воспитывал, не читал нотации. Со временем Денис и Павлик сами стали заядлыми, опытными грибниками, но, из-за конкуренции, предпочитали ходить по одному и также за многие километры. Вообще все дети в деревне приучались с юных лет трудиться на благо семьи. Думаю, что это пригодилось моему сыну и дочери во взрослой жизни, где они создали прочные семьи, воспитывают детей, считаются хорошими специалистами. Павлик также был хорошим отцом, но, к сожалению, трагически погиб в ДПП в 27 лет. Это было одна из самых трагических потерей в моей жизни, а тем более моих детей.

О физиологической пользе российской бани всем хорошо известно. Для нас же с женой, которая раньше никогда не мылась в деревенской бане, она стала важным семейным ритуалом. Каждую субботу рано утром в баню с речки надо было натаскать воды, истопить ее почёрному, помыть детей, самим вволю напариться, а затем устроить чаепитие со свежим мёдом. Как я уже говорил, пищу нередко приходилось готовить в огромной русской печке. Удивительно, как быстро моя хрупкая жена научилась орудовать ухватами и чугунками и перешла от простого приготовления каш, супов и картошки к выпечке больших пирогов со свежей черникой. Во время деревенских каникул мы с женой лучше узнали друг друга и убедились во взаимной надёжности.

В постсоветский период все сложнее и сложнее стало в деревню добираться. Дети выросли, и, хотя продолжали любить деревню, времени поехать туда на лето у них уже не было. Надо было учиться и зарабатывать деньги на жизнь. Лиза к тому же увлеклась сперва туризмом, а потом и альпинизмом, так что отпуск проводила в горах со своими сверстниками. Со смертью Николая Ивановича в 1997 г., в деревне никто не жил зимой. Грабителям было вольготно обшаривать дома. Вскоре отрубили электричество и сняли провода. Последний раз Денис со своей невестой Леной съездили туда на 10 дней в 1999 г. Из нашего дома уже стали выпиливать окна и двери. Протестовать было бесполезно. К тому же вокруг хищнически вырубали леса. Вековые боры превратились в свалки мусора, и мы решили больше туда не ездить. Но наша деревня Полстникова и сейчас мне часто снится как место, где я и моя семья были счастливы.

В новой социально-экономической, идеолого-политической и морально-этической формации

Меня долго мучили сомнения, которые не развеялись и по сей день, о целесообразности этого раздела, в котором рассказывается о недавних событиях. И дело не только в том, что родные, друзья и коллеги особенно придирчиво будут вчитываться в эти страницы, сверяя, насколько мои суждения совпадают с их представлениями о происходящем. И даже не в том, что этот раздел скорее оставит многих неудовлетворёнными, как это произошло с недавними очень интересными, хотя и не бесспорными, воспоминаниями талантливого учёного Г.Л. Тульчинского о жизни философского сообщества. Они явно не прибавили ему друзей, а уж количество, мягко говоря, недоброжелателей увеличили многократно. Самому трудно остаться в рамках сколь-нибудь приемлемой объективности, отделив существенное от второстепенного. Вот почему в первоначальном варианте рукописи, написанной 7 лет назад, я умолчал о годах перестройки и последовавшем распаде СССР, коренным образом изменившем жизнь каждого из его трехсот-миллионного населения и вызвавшем не только колоссальные геополитические изменения, но ломку стереотипов и собственного мировоззрения.

Сейчас же я решился довести рассказ до наших дней, не взирая на потенциальные опасности. Заранее хочу попросить извинения у всех близких и коллег, если я в чем-то не оправдаю их ожиданий. Я искренне стремился сделать как лучше, и не обессудьте, если получилось как всегда.

«Хотели как лучше, а получилось как всегда»

Это фраза председателя Совета Министров РФ Виктора Степановича Черномырдина уже давно стала универсальным объяснением неоправдавшихся надежд. Тем не менее, можно усомниться в ее оригинальности и точности. Во-первых, мне она кажется перефразировкой известной пословицы: «Заставь дурака Богу молиться, он и лоб расшибёт». Во-вторых, все-таки в самых трагических ситуациях кто-то получил и получает то, что хотел. И хотя сейчас на каждом углу ругают и саму перестройку, и ее инициатора, и правителей «лихих 1990-х», но каждый должен задать вопрос: а что он лично делал в то время, за кого голосовал, с кем выходил на площади и насколько готов взять ответственность за все происшедшее. Но отвечать никто не хочет, клянут масонов, партаппаратчиков, КГБ, ну и конечно, злых американцев, только и думающих, как погубить святую Русь. Особенно громко их винят те, кто отправил свои семьи жить за океан, а заодно пристроил свои средства в зарубежные банки, а государственные вложил в собственные ценные бумаги. Евреев винить бесполезно, их почти уже не осталось. Ругать кавказцев опасно, могут и прирезать, ведь в столичных городах сла-

вянское население стремительно превращается в меньшинство, а по некоторым данным уже и превратилось. Вряд ли стоит уподобляться пеняющему на зеркало, что, мол, рожа крива. История ещё не вынесла вердикт событиям недавнего прошлого, которое остаётся столь же непредсказуемым, как и ближайшее будущее.

Сейчас многие, кто крепок задним умом, ностальгируют по брежневским временам. Забыли, что к середине 1980-х гг. коренных изменений жаждало большинство населения, в том числе и партийная номенклатура, испытавшая ужас начавшихся репрессий во время недолгого правления Ю.В. Андропова, а тем более шустрые комсомольские функционеры, со студенческих отрядов приобщившиеся к распиливанию государственных средств. В растерянности был репрессивный аппарат, не понимавший, где свои. а где чужие. Антисоветские анекдоты рассказывали коммунисты, в том числе и члены Политбюро. Песни Владимира Высоцкого, далёкие от маршей строителей коммунизма, гремели во всех домах, на всех вечеринках. Во ленинградском Дворце Культуры им. Дзержинского, принадлежащем МВД, выступал Михаил Жванецкий с юморесками, во время которых я спросил жену: «Брать где будут, в зале или при выходе?», — так как по прежним временам сам факт присутствия на подобных концертах грозил большими неприятностями. Не срабатывали попытки дать стране новые идеологемы типа антисемитизма и русского шовинизма. Евреев становилось все меньше, а за время пролетарского интернационализма произошла интенсивная гибридизация разных народов и наций, сливающихся в новую историческую общность «советский народ». И в этой массовой гибридизации активно участвовали исконные русские в силу своей традиционной открытости к другим культурам.

Страна жила в какой-то фантасмагории. В успешное построение коммунизма не верил никто. Сакраментальность власти сошла на нет. Да она и не могла дать какие-то новые идеи. Все сводилось к прежним комсомольским починам, типа фотографирования перед Знаменем победы. Прошедшие в 1980 г. в Москве Олимпийские игры по составу участников напоминали больше Спартакиаду народов СССР. Деньги у людей были, но купить на них ничего уже было нельзя. Все доставалось с заднего хода магазина. Для этого даже не нужно было иметь там знакомых. Достаточно было постучаться и заплатить наличными. Экономика деградировала, промышленность производила никому не нужные товары, запасы оружия в стране сравнялись с общемировыми. Высшее образование плодило переизбыток инженеров, не желающих идти на производство. Гуманитарии избегали школ. Иностранные отделения филологических факультетов заканчивали люди, не общавшиеся с носителями живого языка. Безрадостным было и геополитическое положение страны, оставшейся фактически без союзников. Из вечного друга Китай окончательно превратился в заклятого врага. Особо близкие друзья из «развивающихся стран», строя справедливое общество, не брезговали каннибализмом, постоянно требуя интернациональной помощи. Друзья по социалистическому лагерю жаждали остаться без опеки старшего брата, несмотря на практически бесплатные нефть и газ. За «бугор» устремляли свои взоры практически все братские народы СССР. Особенно непримиримую позицию занимали православные народы Закавказья и единоверцы из Западной Украины, а также страны Прибалтики, спасённые Советской армией от практики национал-социализма. Провозглашённая новая общность людей — советский народ — на глазах превращалась в Вавилонское столпотворение с Содомом и Гоморрой впридачу. Интеллигенция с утра до вечера пила, рассуждая об особом призвании народа. Всех не согласных с этим объявляли русофобами, а заодно и агентами американского империализма. Доктора философии тайком крестились, не расставаясь при этом с партбилетом.

Газетам никто не верил, даже если в них писали правду, особенно о жизни за рубежом. Всю информацию поставляли «голоса». В то же время, хотя недовольство было всеобщим,

никто не спешил встать под знамёна диссидентского движения, так как трудно было разобраться, кто в него заброшен от них, а кто от нас.

Вот почему поданный в 1885 г. сверху М.С. Горбачевым сигнал о необходимости реформ был с энтузиазмом воспринят большинством, но вскоре процесс стал неуправляем. Недавно мой однокурсник Юра Фурманов сказал, что я диссидент при любой власти. Он не прав, я не был и не собираюсь стать диссидентом, так как никогда не занимался и не буду заниматься политикой. Сочувствуя попыткам реформировать страну и КПСС и веря в построение социализма с человеческим лицом, я не собирался отказываться от науки ради политической деятельности. Так вообще-то поступали в те годы и многие другие члены клуба творческой интеллигенции — «Ленинградской трибуны», регулярно обсуждавшие злободневные вопросы в 1989–1991 гг. и старавшиеся донести свое мнение до общественности. Эти заседания, проходившие в Доме литератора или в редакции журнала «Звезда», нередко посещали популярные тогда политические деятели Ленинграда, включая Анатолия Собчака, Марину Салье, Петра Филиппова, Юрия Нестерова.

Но быстро стало ясно, что борцы за народное счастье заботятся, прежде всего, о себе и о своих близких. У них не было никакой идеологии и продуманной программы действий. Как и другие мои единомышленники в то время, я не принял ГКЧП, но и не испытал эйфории по случаю победы ее оппонентов, которые сразу же приступили к тому, ради чего и звали нас на баррикады: делить и распределять. Только делали это теперь не кулуарно, а открыто и цинично. Разграбление страны шло под лозунгом приватизации. Уголовный мир, слившись с властью, создал новую форму общественного правления — «кремленитет», олицетворением которого был «малопьющий» президент с замашками пахана. С властного Олимпа исчезли последние остатки профессионалов, а их места заняли все те же представители партийно-комсомольской номенклатуры, которая уже могла действовать без оглядки на КГБ и МВД и не бояться допросов в «МУРе». Воцарилась идеология «бабла», которой были верны все партии, независимо от их названия.

Распаду СССР я отнюдь не радовался, так как он поломал жизни десяткам миллионов людей, опустив многих из них на дно беспросветной нищеты и бесправия. И сегодня надо признать, что никто не сделал так много для дискредитации идей демократии и либерализма, как люди, управлявшие страной в лихие 1990-е.

Недавно в журнале «Политическая концептология», выпускаемом одним из самых вдумчивых, неангажированных российских политологов, профессором Южного федерального университета Виктором Павловичем Макаренко, я прочитал, что Юрий Афанасьев, один из лидеров либерального лагеря в разгар перестройки, автор хлёсткого термина «сталинско-брежневское агрессивное большинство», теперь считает, что его самого и других лидеров межрегиональной группы следовало бы в 1989 г. расстрелять, как предателей. Это у многих вызвало чувство неловкости как высказывание неадекватного человека. Но нельзя отказать Афанасьеву в честности и мужестве. Многие из активных участников тех событий, убедившиеся, что в результате произошла геополитическая катастрофа, перекроившая карту Евразии, но не принёсшая мир и спокойствие, думают идентично.

Дело не только в распаде страны, которую многие воспринимали как огромную Родину, дающую набор социальных гарантий и возможность самореализации в областях. не связанных с политикой и идеологией. Распад СССР — это трагедия не только русского народа и русской культуры. Не менее трагичным он оказался для других народов, задвинув их на задворки мировой истории. Но самое главное в ином. Рухнула многовековая мечта человечества построить общество социальной справедливости, без частной собственности и классовой разобщённости, и вместо тоталитарного государственно-бюрократического социализма

возникло странное общество — без моральных и этических ценностей и без элементарного уважения к профессионализму.

Статус учёного в обществе сильно изменился, усиливался антисциентизм. Многие стали считать, что научная деятельность не требует длительного обучения и каждый может заниматься, чем угодно, выдавая плагиат и компиляцию за диссертационный труд, написанный «под ключ» отнюдь не диссертантом.

Российская наука погрузилась в продолжительный кризис, когда финансирование уменьшилось в десятки раз и оставалось низким в течение ряда лет. Положение было особенно тяжёлым в 1990–1992 гг. Ежемесячная зарплата сотрудников равнялась 10–15 долларам, которые выплачивали с задержкой порой в несколько месяцев. Невыплаты зарплат заставляли искать любые дополнительные заработки, что неизбежно сказывалось на качестве научной работы. Для моей семьи серьёзным подспорьем стали овощи, выращенные на садовом участке под Вырицей, который я получил в 1990 г. и который мы вместе с сыном раскорчевали. От станции до участка надо было идти более 5 км, и осенью было тяжело тащить на себе урожай, которого хватало лишь на несколько месяцев.

В Академии наук рухнула существовавшая система публикаций плановых тем. В Санкт-Петербургском филиале ИИЕТ, так в 1991 г. назывался ЛО ИИЕТ, в 1992 г. не было напечатано ни одной книги. От сотрудников требовался теперь не столько профессионализм, сколько навыки лоббирования своих работ среди вновь возникающих книгоиздательств, а также умение искать средства для исследований и публикаций их итогов. Не все оказались готовы к этому. Часть отчаявшихся историков науки, лишённых возможности кормить семью научным трудом, не желали работать над плановыми темами. Один из них мне сказал прямо: «Ты хочешь работать — работай, а нам не мешай жить». И ничего не оставалось, кроме того, что с начала и до конца самому готовить рукопись по общей плановой теме. Падала трудовая дисциплина. Многие не появлялись на работе месяцами, так как при регулярных посещениях на транспорт уходила чуть ли не вся зарплата. Наряду с отъездом многих за границу, шла внутренняя миграциям, резко возросла текучесть кадров, реорганизационная суета.

Статус учёного неформально стали оценивать по критерию: кого и сколько раз пригласили за границу, куда порой ездили и те, кто знал английский или немецкий язык, но был абсолютно невинен в вопросах истории науки. Было среди них немало просто самозванцев, которые гастролировали по странам Европы, выдавая себя за экспертов по истории российской науки. На разного рода зарубежных конференциях я неожиданно открывал для себя ведущих историков науки в России. Одну из таких дам я встретил в Страсбурге на очень престижной конференции, организованной Всеевропейскоой академической рабочей группой. В ней участвовало около 400 человек. Вместе со мной она входила в Оргкомитет как представитель РАН, чем вызвала удивление со стороны историков из бывших союзных республик (Украины, Белоруссии и Литвы), ещё знавших, кто есть кто в историко-научном сообществе России. Увидев, что я не собираюсь устраивать «разоблачение» ее, она мне поведала, что попала сюда благодаря знакомству ее мужа с одним из организаторов конгресса. Оказалось, что она уже несколько лет ездит по Германии с лекциями по истории русской науки. Сама же она в Академии наук не работала, читала лекции в одном из университетов Ленинградской области, созданных в постперестроечное время. А вся ее связь с историей науки ограничилась двухчасовой лекцией, которую она читала как введение к курсу по физиологии. Впоследствии некоторые из неофитов даже получили PhD за рубежом, скомпилировав труды своих российских коллег. Но я не знаю ни одного, из которого бы получился профессионал.

В Страсбурге я встретился также с активной группой «историков техники» с Южного Урала. Один их них обратился ко мне с вопросом, почему в своем обзоре историко-научных исследований в современной России я ничего не сказал об их центре, где уже защищено

несколько докторских диссертаций. На мой вопрос, кто же им присудил эти степени, он наивно ответил, что обычные советы по специальному разрешению присуждали докторскую степень по истории науки, о которой подавляющее большинство голосовавших не знало ничего. На что я ему сказал, что уже Д.И. Фонвизин знал, что только первый портной ни у кого не учился, а уже второй портной должен был у него учиться. Мой ответ привёл его в состояние крайнего удивления. Эта мысль, очевидно, ему никогда раньше не приходила в голову. Более того он был уверен, что историей может заниматься каждый. Жаль, что это мнение разделяет ВАК, неизвестно по какому принципу утверждавший Специализированные советы при учреждениях, не имевших никакого отношения к истории науки.

Ещё больше был удивлён я, когда у меня спросили о целесообразности открытия в Уфе некого филиала нашего ИИЕТ с правом защиты там диссертаций. Я выступил категорически «против», указав, что в таком случае защитившие будут отождествляться со специалистами, подготовившими диссертации в аспирантуре и докторантуре нашего института. Тем не менее, этот «центр историко-научной мысли», судя по всему, успешно функционирует. Недавно мне на глаза попались две диссертации о развитии газонефтяного комплекса на Южном Урале, напоминающие собой близнецов-братьев.

Вообще в вопросах защиты диссертаций я со временем занял непримиримую позицию по отношению к разного рода проходимцам. Не всегда мне удавалось убедить членов Советов отклонить диссертации, не соответствовавшие высоким стандартом, но я выступал открыто и находил поддержку тех, кто не желал мириться с разного рода административным соображениями. Вместе с Е.Б. Музруковой нам удалось отбить притязание одного из подобных претендентов на получения степени доктора биологических наук несмотря на звонки из Государственной думы, Президиума РАН и даже бывшего генерал-полковника ФСБ. Так что противостоять липовым диссертациям, не только нужно, но и можно. Было бы только желание и воля.

«Это даже хорошо, что пока нам так плохо»

Эти беды не обошли стороной и ЛО ИИЕТ в начале 1990-х гг. Как и другие члены российского научного сообщества, сотрудники СПбФ ИИЕТ переживали шок, когда выяснялось, что не только правительство, но и российское общество не уверено в том, что ему нужна наука. Начал культивироваться миф о безнадёжной отсталости нашей науки, в том числе и истории науки, вследствие её политизированности и идеологизированности. Взамен предлагали встать на позиции социального конструктивизма, заменяя работу с архивами и источниковедческий анализ умозрительными построениями.

Для такой позиции были объективные причины, связанные с тем, что в течение долгого времени социальная история науки или игнорировалась, или трактовалась упрощенно — в духе исторического материализма. В то же время поверхностное знакомство некоторых начинающих исследователей с макро- и микросоциологическими методологиями в области истории науки создавало у них иллюзию возможности мгновенного обретения истины путём накладывания на реальный процесс развития отечественной науки разного рода историко-научные концепции, имевшие хождения за рубежом, но мало известные в сообществе российских гуманитариев. Увлечение социальным конструктивизмом вело к игнорированию когнитивной составляющей в истории знаний. Учёные в иных трудах по социальной истории науки превращались в субъектов, занятых только поисками денег и конкуренцией с соперниками за обладание материальными, финансовыми и людскими ресурсами, одержимых жаждой власти и успеха любой ценой.

Особенно досталось истории отечественной биологии, для описания которой до этого использовали два цвета: белый и чёрный. Открывшиеся архивы способствовали разрушению мифов о бескорыстных искателях истины в «белых одеждах», что породило стремление изображать всех участников тех трагических событий, символом которых стал разгром генетики и торжество лысенкоистов, в единых серых тонах. Другой опасностью стали попытки подменить исследования всякого рода компиляциями. Организация и издание так называемых «энциклопедий», где многие статьи содержат такое количество фактических ошибок, что на обложке подобных «трудов» следовало бы написать: «до прочтения сжечь», также вело к снижению уровня профессионализма. В том же ряду находится и проект Википедии.

Под лозунгом реформирования были попытки размыть тематику историко-научных исследований, развернув в его стенах разного рода культурологические и философские исследования. В истории науки стал моден постмодернизм с неким плюрализмом без берегов и методологией эпистемологического анархизма. Историю науки пытались представить в виде «Гайд-парка», где всякий может говорить и писать все, что угодно. Под грифом «Международного фонда по истории науки», юридическим адресом которого на некоторое время стал СПбФ ИИЕТ РАН, стали выходить труды по экономике, юриспруденции и т. д.

В то же время в постсоветском пространстве были и позитивные изменения, хотя в стране царил произвол. Часто по улицам, которые захватили вооружённые банды, было опасно ходить. Впервые учёные смогли ощутить, что значит сладкое слово «свобода», когда ты сам решаешь: чем, когда и как заниматься, с кем сотрудничать, а кого избегать, куда поехать, в чем участвовать, а от чего отказываться. Перестройка стимулировала самостоятельность научного поиска и расширение круга исследуемых проблем. Эта тенденция вела к отказу от прежних парадигм и методологий, к либерализации международных контактов и т. д. Исчезла цензура, а с ней запретные темы и идеолого-политический контроль над планами исследований и публикациями их результатов. Доступнее стали отечественные и зарубежные архивы. В миграции было что-то и очистительное в переживаемом кризисе. Из науки уходили те, которые могли без нее прожить, те, кто поняли, что она теперь не сулит ни карьеры, ни доходов.

У дирекции появилась большая свобода в проведении кадровой политики и преобразовании структуры ЛО ИИЕТ, а у коллектива — право участвовать в выборе руководителя. После добровольного отказа Э.П. Карпеева от руководства ЛО ИИЕТ в ноябре 1987 г. коллектив впервые избрал заведующего. Им стал кандидат философских наук А.И. Мелуа, который энергично взялся за решение многих назревших административных проблем и добился превращения Ленинградского отдела ИИЕТ в Ленинградское отделение, в котором был создан Учёный совет с правом утверждения рукописей к печати, что в значительной степени облегчило издательство научной продукции сотрудников ЛО ИИЕТ. Введение в 1986 г. системы аттестации научных сотрудников сделало ненужными их поездки в Москву для прохождения конкурсов на Учёном совете ИИЕТ. За короткий срок почти в два раза увеличился штат, достигнув 65 человек. Коллектив помолодел, хотя возросла текучесть кадров. Нередко появлялись случайные люди, малопригодные для научной деятельности. В 1991 г. ЛО ИИЕТ стал называться Санкт-Петербургским филиалом ИИЕТ им. С.И. Вавилова (СПбФ ИИЕТ). Возросла его независимость от головного института в Москве, что напрямую было связано с нарастанием центростремительных тенденций и появлением новых форм финансирования.

ЛО ИИЕТ был инициатором многих значимых мероприятий, в которых мне пришлось участвовать. Неожиданное продолжение получило сотрудничество с Марком Б. Адамсом. Начиная с 1987 г. он бомбардировал меня письмами-проектами по подготовке к печати на русском и английском языках выявленной нами в 1977 г. переписки Ф.Г. Добржанского с его учителем Ю.А. Филипченко. С этой целью М.Б. Адамс приехал в СССР, и мы с ним и М.Б. Конашевым разработали программу, предполагавшую серию конференций в СССР и в США. Во

время заседания Комиссии по американо-советскому сотрудничеству в области истории науки проект был утверждён в самом общем виде, без указания исполнителей с советской стороны, так как ещё действовало прежнее правило, что начальство лучше знает, кто достоин лучше представлять нашу страну в международных проектах.

В те годы США многим представлялись «землёй обетованной», а участие в проекте Национального фонда — актом мирового признания. Поэтому оказалось немало жаждущих участвовать в этом проекте, но не способных что-то реально сделать. В связи с этим наступила пауза в его реализации, и только спустя два года ко мне обратились вновь с предложением организовать конференцию в Ленинграде в связи с 90-летием со дня рождения Ф.Г. Дорбржанского. С американской стороны ее председателем был М.Б. Адамс, а с советской — С.Г. Инге-Вечтомов. Конференция финансировалась АН СССР и проходила она в Главном здании АН СССР на Университетской наб. В ней участвовали более 300 отечественных и 18 зарубежных исследователей: из США, Италии, Канады, Греции, Югославии. Симпозиум проходил на английском языке и стимулировал многие международные проекты. Основной объем организационной работы выполнили М.Б. Конашев, Н.Л. Кременцов и С.А. Орлов. Материалы симпозиума были опубликованы в 1994 г. в США в книге «Эволюция Феодосия Добржанского», под редакцией М. Адамса.

В начале 2000-х гг. была реализована главная цель проекта — издание переписки Ф.Г. Добржанского с Ю.А. Филипченко, куда также вошли письма Добржанского к Н.И. Вавилову и В.И. Вернадскому. Вопреки первоначальным планам книга вышла только на русском языке, так как к тому времени интерес в США к ней пропал. Вся основная работа по дешифровке материалов, написанию комментариев, редподготовке была выполнена М.Б. Конашевым, моё участие как ответственного редактора было эпизодическим. Книга «У истоков академической генетики в Санкт-Петербурге» (2002) стала уникальным документальным источником для изучения периода создания, интенсивного развития и всемирного признания отечественной генетики и ее взаимодействия с американской генетической школой Т. Моргана, а также для изучения истории русской миграции в США.

В начале перестройки по инициативе Р.С. Карпинской я подготовил большую рукопись, посвящённую дискуссиям о взаимоотношении биологии и марксизма в 1920-е гг., для коллективной монографии, которая, однако, не вышла. Собранный материал был использован при написании с С.А. Орловым небольшой книги «Философские проблемы биологии в СССР (1920–1960 гг.)». В ней был поставлен вопрос о противоречивой, а порой и трагической судьбе многих крупных советских биологов, поверивших в плодотворность марксизма для развития биологии и открывших тем самым путь в науку для многих ее губителей типа И.И. Презента.

По предложению М.Г. Ярошевского, готовящего тогда к изданию два тома «Репрессированная наука», первый из них открывался моей статьёй о печальных итогах различных попыток диалектизировать биологию. В книгах были опубликованы также интервью, проведённые мною с активными участниками трагических событий тех лет, включая бывших ректоров ЛГУ чл.-корр. АН СССР Ю.И. Полянского и академика А.Д. Александрова, физиолога, академика А.М. Уголева, генетика В.С. Кирпичникова и мн. др. Часть этих интервью проводилась мной совместно с московскими коллегами Е.Б. Музруковой, В.И. Назаровым, К.О. Россияновым, Л.В. Чесновой, Публикация бесед стала одним из первых опытов целенаправленного использования методологии «устной» истории в отечественной историко-научной литературе. Поскольку к каждому интервью приходилось тщательно готовиться, изучая архивные материалы, газетные фонды и публикации прошлых лет, было интересно наблюдать за аберрацией памяти интервьюируемых, их интерпретации происшедшего, в том числе и собственных поступков. При этом удавалось узнать много нового, что не отложилось ни в одном архи-

ве. Работа с Михаилом Григорьевичем Ярошевским, историком психологии и науковедения, расширила арсенал моих исследовательских приёмов, оказавшихся полезными в международных проектах.

Среди них главным стал немецко-русский проект «Образованные слои при тоталитарных режимах», руководителем которого был крупный немецкий историк, директор Института истории восточной Европы Тюбингенгского университета Дитрих Байрау. Он прекрасно говорил по-русски, так как в молодости подолгу жил в СССР, учился в МГУ, имел немало друзей среди петербургских историков. Получив финансовую поддержку от Ваген Штифтунген, Байрау в мае 1994 г. провёл Большую конференцию во Франкфурт-на-Майне, в которой участвовали и российские учёные, в том числе из Санкт-Петербурга архивист В.С. Соболев и специалист по развитию высшего образование в Ленинграде А.П. Купайгородская. Вернувшись из командировки, В.С. Соболев сказал мне, что Байрау интересовался мной и просил сообщить мой адрес. Я решил сам написать ему. В ответном письме Байрау сообщил, что планирует приехать в Санкт-Петербург осенью, и выразил желание встретиться. После долгой беседы он предложил мне также участвовать в этом проекте. Был подписан контракт, в котором я должен был подготовить статью и обзор архивных материалов в объёме 100 с. За это мне в течение трех лет выплачивалась ежемесячная стипендия в размере 200 марок. Сумма, конечно, кажется мизерной, примерно 4 тыс. рублей, но тогда она в несколько раз перекрывала мою зарплату. Работа над проектом, растянувшаяся на три года, оказалась важной не только в финансовом, но и в научном отношении, о чем я подробнее расскажу ниже.

Здесь же отмечу только, что с самого начала у меня установились с Байрау товарищеские отношения. Мы были с ним близки по возрасту, и, хотя жили в разных странах, но имели единое ощущение прошедшей эпохи и одинаково воспринимали современность. В юности у нас были одни и те же фильмы, писатели, мы помнили политических лидеров нашего времени, идиотизм идеологий Холодной войны, разделивших человечество на два непримиримых лагеря. Но самое главное, мы действительно не забывали, что недавно была большая война, которая принесла несчастье сотням миллионов людей. И на нашем уровне надо делать все, чтобы топор войны между нашими странами был зарыт навсегда. В дальнейшем, общаясь с учёными разных стран, я не раз убеждался, что легче найти общий язык со сверстником из Японии, Китая, США, Германии, Англии, чем с соотечественником младше меня на 10–15 лет. Это можно было бы назвать эффектом поколения.

В те годы приходилось браться за любую работу в области науки, как бы она ни была далека от традиционных интересов. Но нередко случалось так, что со временем новая тема становилась важной. Так произошло с предложением участвовать в подготовке многотомного энциклопедического издания «Три века Санкт-Петербурга», для которого я написал пару десятков статей по российской биологии XVIII века. Впоследствии я не раз обращался к этой тематике, написал несколько больших статей и даже совместную с А.К. Сытиным и Г.И. Смагиной книгу «Естественная история в России» (2004), в которой постарался становление и развитие биологии в России проанализировать в социально-культурном контексте. При изучении формирования отечественной биологии и роли первых российских биологов в предопределении основных направлений в познании живого мной был использован «принцип основателя» Э. Майра.

В дальнейшем я расскажу о более значимых результатах моего обращения к истории биологии XVIII в., прежде всего, об энциклопедическом справочнике «Биология в Санкт-Петербурге», реализация которого состоялась 20 лет спустя. Здесь же остановлюсь на проекте, который начался в 1992 г. и продолжается по сей день, хотя первоначально я ни за что не хотел в него включаться.

В годы глубокого кризиса российской науки, в первой половине 1990-х гг., поддержка со стороны зарубежных фондов и зарубежные командировки были чуть ли не основными средствами сохранения историко-научного сообщества Санкт-Петербурга. Этому способствовали упрощение бюрократических процедур и отмена государственной регламентации международного сотрудничества. По действующим в большинстве стран правилам облегчённая процедура для приглашения на стажировку действовала лишь для учёных до 40 лет. Им были доступны разнообразные программы постдоков. Для остальных же процедура была достаточно сложна — как для тех, кого приглашали, так и для тех, кто хотел пригласить. К тому же для длительной поездки за рубеж надо было владеть иностранными языками. И хотя я более или менее следил за литературой не только на немецком языке, который учил со школы, но и на английском, который выучил практически самостоятельно на немецкий манер, совершенно не заботясь о произношении, овладеть разговорном языком, несмотря на все усилия со стороны моей жены Наташи, мне не удалось. Да я и не стремился, так как твердо знал, что невыездной. Иностранные визитёры в ЛО ИИЕТ или сами говорили по русски, или всегда находился переводчик для наших бесед. С возрастанием контактов с западными исследователями выявилась актуальность разговорных навыков, что оказалось нелегко. Поэтому я, как правило, уклонялся от приглашений зарубежных коллег и не предпринимал никаких усилий в этом направлении. Вместе с тем при случае я старался помочь зарубежным партнёрам, жаждущим изучать историю биологии в России. Так, например, в те годы у мены был магистрант, а затем и аспирант из США Ллойд Аккерт.

В июне 1992 г. Э.И. Воробьева из московского Института эволюционной морфологии и экологии им. А.Н. Северцова обратилась ко мне с просьбой помочь в поисках архивного материала по Г.В. Стеллеру историку науки из Лейпцигского университета, Виланду Хинтцше, с которым познакомился ее коллега Юрий Юриевич Дгебуадзе во время визита к профессору зоологии университета в Галле М. Штуббе. Когда Хинтцше прибыл в Санкт-Петербург, одна из сотрудниц нашего сектора — Людмила Николаевна Карышева — взяла на себя заботу о его быте. Он поселился у нее на квартире, а ее муж и сын фактически стали его личными шофёрами. Преступность в тот год в Петербурге была огромная, и для Хинтцше такой способ был безопасным, а в финансовом отношении необременительным. Со временем у них завязалась прочная многолетняя дружба семьями.

Со своей стороны я познакомил его со многими сотрудниками академических учреждений, которые могли быть быть полезными. Прежде всего, это был директор Санкт-Петербургского Филиала Архива РАН В.С. Соболев, который дал ему возможность ознакомиться с огромным количеством архивного материала по Второй Камчатской экспедиции, в том числе и с неопубликованными рукописями самого Стеллера. В благодарность Хинтцше стал уговаривать меня приехать в Галле в порядке академического обмена с Лейпцигским университетом. Вначале я отнекивался, так как у меня не было денег даже на билет. Да к тому же я не понимал, чем могу сделать для зарождающегося проекта как исследователь, а в качестве туриста ехать не хотел. Но Хинтцше обещал оказать содействие в поисках литературы по моей плановой теме о неокатастрофизме, а деньги на билет (70 долларов — моя полугодовая зарплата в то время) одолжил друг моего сына Витя Доргостайский, который учился в 10 классе. Я специально заостряю внимание на подобных деталях, чтобы было понятно, в какой ситуации оказалась советская профессура в результате ельцинских реформ. Именно в них кроются причины отката российской науки. в котором учёных сейчас винят люди, сделавшие карьеры благодаря Ельцину. Особенно меня умиляют крики об американском спекулянте Соросе, который якобы скупил российскую науку. Могу точно сказать, что благодаря ему тысячи учёных остались в России, а не отправились в другие страны или в другие сферы деятельности с элементарной целью как-то прокормить семью. Лично для меня грант «Открытого общества»

по программе «Биоразнообразие» в размере 500 долларов был очень кстати, но не мог существенно изменить финансовую ситуацию. Хотя я был включён в число выдающихся учёных России и мне выплачивалась президентская стипендия, мы жили скромно, и основным добытчиком в те годы была жена, преподававшая в лицее и на вечерних курсах. Как выживали другие, я не знаю.

Возвращаюсь к моей поездке в Германию. Она неожиданно оказалась удачной, позволив пережить лихолетье и вернуть некую веру в счастливое его завершение. Хинтцше предложил мне поселиться у него дома, а выданные на гостиницу деньги (на 20 дней) забрать с собой. По тем временам в России это были сумасшедшие деньги, примерно равные моей зарплате за 10 лет. Конечно, было страшно их везти с собой, так как пересекать надо было 7 границ, а на некоторых, например, на польской, деньги могли забрать сами пограничники. Весьма жёсткий досмотр был на белорусской границе, которые ещё стерегли офицеры бывшего СССР.

Поездка позволила в течение нескольких недель наблюдать жизнь немецкой семьи. Супруга Виланда Хинтцше — Элизабет — происходила из семьи потомственно практикующих врачей. В довоенной Германии у них была аптека и небольшая клиника в центре Галле, которые им вернули в частное владение. Виланд был не слишком загружен служебными обязанностями и вёл домашнее хозяйство, но машину водила Элизабет. Очаровательная молодая женщина оказалась гостеприимной, заботливой хозяйкой, и к тому же русофилкой. Ее дедушка служил врачом во время Второй мировой войны, потом был в советском плену и вернулся оттуда здоровым и почему-то благодарным России.

В Германии, где я бывал около 30 раз, проведя в общей совокупности около 2 лет, я ни разу не встречал людей, в чем-либо обвиняющих советских солдат. Напротив, я несколько раз встречался и разговаривал с фрау, которым весной 1945 г. было около 20 лет, но которые всю жизнь помнили какого-то Ваню Иванова из Новгорода, и просили его отыскать и даже пытались передать деньги. Вообще они все знали, что в России плохо, сочувствовали и по мере сил пытались помочь.

Виланд, как и его друзья, также старался сделать моё пребывание в Галле полезным и приятным. В одно из воскресений мы поехали в турне в бывшую ФРГ. Путешествие повергло меня в шок. Даже Галле, входивший в ГДР, казался мне процветающим на фоне нищего, грязного Петербурга, превращённого после развала СССР в громадную барахолку. Брауншвайг же из бывшей ФРГ выглядел просто ослепляющим.

Я был одержим идеей организовать крупномасштабный проект «русско-немецкие связи в области биологии» и искал партнёров в Германии, смутно представляя практику организации подобных проектов в Германии. Благодаря Виланду я познакомился со многими историками науки в Германии, которые оказались потенциальными партнёрами. По-русски говорить тогда почти никто не хотел, мне пришлось вести переговоры по-английски, и, как ни странно, первоначальный контакт был установлен. Прежде всего, это Э. Краузе из Дома-Музея Эрнста Геккеля в Йене, вице-президент Общества истории и теории биологии, только что созданного в Германии. В Берлине я гостил у Рольфа Лётера, который в свое время опубликовал рецензию на нашу с К.М. Завадским книгу «Эволюция эволюции». Он был признанным в мире специалистом по философии и истории биологии, но после объединения с Германии оказался без работы, так как Академию наук ГДР закрыли, а его досрочно отправили на пенсию. Его ученик Клаус Вениг работал в воссозданной Берлинско-Бранденбургской академии наук. Вместе с Лётером, который сопровождал меня по Берлину в течение трех дней, я навестил Гюнтера Петерса, работавшего в Музее естественной истории. Он был учеником моего преподавателя по зоологии Льва И. Хозацкого и прекрасно говорил по-русски. В свое время он написал большую рецензию на книгу «Развитие эволюционной теории в СССР».

Хотя никто из них в тот момент не мог предложить мне какое-то реальное сотрудничество, знакомство оказалось полезным, так как их рекомендации звучали весомо. В то время Германия ещё не была отягощена грузом ответственности за Европейский союз. Ее экономика процветала, а правительство, ценя оказанное СССР содействие в мирном объединении ФРГ и ГДР, всячески поощряло научные контакты с Россией. Десятки немецких фондов охотно финансировали проекты с участием российских учёных, оплачивая их пребывание и проезд. Более того, оплачивались проводимые в России конференции и публикации по совместным проектам. Ситуация была унизительная, российская наука стала какой-то европейской побирушкой. Но немецкие учёные искренне сочувствовали российским коллегам и старались им всячески помочь.

Поездка оказалась для меня очень полезной в научном отношении. Во время посещения с Хинтцше Института истории медицины и естествознания в Лейпциге, где я сделал доклад о вкладе советских биологов в познание эволюции биосферы, мне удалось найти немало книг, опубликованных в Веймарской республике или в Третьем Рейхе. Ни одной из них не было в библиотеках СССР. Ценная для меня литература была и в Библиотеке Академии естествоиспытателей Леопольдина, куда я ходил практически каждый день, как на работу. У Элизабеты Хинтцше в поликлинике был ксерокс, на котором она позволила копировать необходимые материалы. В итоге у меня практически не было ни минуты свободного времени, Утром я шел в Библиотеку Леопольдина, в полдень обедал в частной клинике Елизабет, где копировал материалы, отобранные в первой половине дня, после обеда снова шёл в библиотеку, а, возвращаясь домой, вновь заходил в поликлинику на ксерокс. В итоге за короткий период времени собрал огромный объем материала по плановой теме, который впоследствии вылился в книгу «Неокатастрофизм или селекционизм: вечная дилемма или возможность синтеза?».

В ходе переговоров с В. Хинтцше в России и Германии был разработан совместный проект СПбФ ИИЕТ, СПФ АРАН и Лейпцигского университета «Георг Вильгельм Стеллер». После подключения к этому проекту фонда Франкеше Штифтунген началась работа по поиску архивного материала, а также подготовка публикаций и конференции по Второй Камчатской экспедиции, в которой из сотрудников СПбФ ИИЕТ РАН участвовали В.С. Соболев, Э.П. Карпеев, Ю.Х. Копелевич, А.Б. Кузнецова, К.В. Манойленко, Н.И. Невская. С 1994 г. в практику вошли ежегодные русско-немецкие конференции в Галле, посвященные истории изучения Сибири в XVIII в. В 1996 г. в Галле состоялась грандиозная выставка «Великая Северная экспедиция: Нетерпение и отчаяние», посвящённая 250-летию со дня смерти Г.В. Стеллера, а в 2009 г. прошли юбилейные мероприятия в Виндсхайме, Халле, Тюмени и Санкт-Петербурге в связи с 300-летием со дня рождения Г.В. Стеллера. В 1997 г. в рамках этого проекта мной была составлена, а спустя 12 лет существенно переработана и дополнена книга «Стеллериана в России», насчитывающая около 400 названий, в число которых входят труды самого Г.В. Стеллера, его биографии, труды об эпистолярном и научном наследии Стеллера или работы, написанные с использованием его рукописных трудов в изданиях XVIII–XIX вв., а также материалы Второй Камчатской экспедиции. Во втором издании особое место заняли краеведческие материалы последних десятилетий, в которых анализируется вклад Г.В. Стеллера в познание отдельных регионов Сибири, Дальнего Востока и Аляски. В их подготовке активно участвовали Д.А. Гоголев, О.О. Кох и В.В. Рыкова. Инициатором второго издания выступил профессор Тюменского университета Александр Павлович Ярков, который развернул огромную работу по пропаганде научного наследия и увековечивания памяти Г.В. Стеллера.

В 2007 г. было создано международное общество Г.В. Стеллера с целью подробного изучения жизнедеятельности и научного наследия учёного. Позднее В. Хинтцше, В.С. Собо-

лев, американский историк географии О.В. Фрост и я были избраны почётными членами этого общества. В целом наш проект оказался одним из самых долговременных и продуктивных.

Этот проект представлял интерес не только с историко-научной точки зрения. Было удивительно наблюдать, как полузабытая в России фигура великого путешественника и биолога, первого натуралиста, вступившего на Аляску, учителя С.П. Крашенниникова и автора известной во всем мире книги «Описание земли Камчатки», благодаря усилиям одного энтузиаста, Хинтцше, вдруг становится объектом исследований многих стран. О нем выпускают сотни статей, выходят десятки крупных томов его неопубликованных трудов, кинематографисты снимают о нем художественные и документальные фильмы. В юбилейном году я консультировал кампанию Peter Prestel Filmproduktion, которая по заказу Баварского ТВ (Bayerischen Rundfunk) снимала документальный телефильм о жизни и деятельности Г.В. Стеллера. В 2013 г. такой фильм сняли голландцы, которые в интервью со мной долго не могли понять, почему в Петербурге, где работал Стеллер, и откуда он отправился в свое знаменитое путешествие и куда поступили богатейшие естественно-исторические коллекции, нет ни только памятника, но даже мемориальной доски, посвящённой первооткрывателю Аляски. И при этом в городе есть десятки Советских, Красноармейских и прочих улиц. В этом отношении далёкая Тюмень, где был захоронен Стеллер, оказалась более благодарной, чем «культурная столица Европы». Там при поддержке губернатора активно реализуется программа, направленная на разработку научного наследия Стеллера, сооружён ему памятник.

В эти годы произошло моё возвращение к преподавательской деятельности по совместительству на философском факультете СПбГУ. Причиной этого стал кадровый кризис, обусловленный обнищанием профессорско-преподавательского состава. Многие из них ушли в бизнес порою не очень удачный. Не было энтузиазма и у студентов, занятых добыванием хлеба насущного. Поэтому приходилось не только серьёзно готовиться к каждой лекции, но и вести с ними длительные дискуссии, убеждая в полезности приобретаемых знаний по философии биологии. Видимо, в какой-то степени это удалось, так как вскоре меня попросили читать и другие курсы (история естествознания, биология человека, философия и методология науки, история и методология биологии) как на философском, так и биолого-почвенном и геологическом факультетах.

Несколько слов о том, как кризис сказывался на кадровом составе Филиала. В целом он омолодился. Заметную роль стала играть группа энергичных сотрудников, которые, как и положено молодым, ратовали за отказ от прежних практик историко-научных исследований и за решительный поворот от когнитивной и институциональной истории науки к рассмотрению ее социально-культурных и антропологических аспектов. Ведущую роль в пропаганде методологии социального конструктивизма играли Даниил Александрович. Александров и Николай Леонидович Кременцов, которые одними из первых стали уезжать в длительные заграничные командировки. В отличие от них Леонид Яковлевич Жмудь скептически относился к модному социальному конструктивизму, следуя в изучении античной науки классическим традициям. Владимир Алексеевич Росов, принятый в ЛО ИИЕТ для разработки научного наследства В.И. Вернадского, постепенно перешёл к изучению творчества Николая Рериха и созданного им в Гималаях института Ураварту. Михаил Игоревич Микешин активно пропагандировал необходимость выйти за рамки истории науки и перейти к изучению истории идей в разных областях интеллектуальной деятельности. В чем-то я был согласен с этими инновациями, в чем-то нет, но все они представлялись мне интересными. Но жизнь расставила все на места. В истории науки остался только Кременцов, работающий сейчас в Торонто. За рубежом он опубликовал пять книг.

К концу 1980-х гг. в нашем секторе оказался Михаил Давидович Голубовский, с которым я впервые встретился на защите Л.З. Кайданова, тогда ещё не ведая, что он автор так по-

любившейся мне рецензии на книгу Н.П. Дубинина. В то время я знал его как автора статей по методологии эволюционной теории, вызывавших желание резко возразить. При личном знакомстве выявился ряд привлекательных черт: огромный творческий потенциал и умение нетрадиционно подойти с позиций современной генетики к решению проблем в рамках истории науки и библеистики. По мере сил я способствовал ему перевестись в наш сектор из Института генетики и цитологии СО АН СССР, а затем и издать книгу «Век генетики: эволюция идей и понятий» (2000), имевшую большой успех и отмеченную многими положительными рецензиями. Книга стала удачным примером преимущественно когнитивного анализа целой отрасли знания, в которой впервые в отечественной литературе дан историко-научный обзор драматической интеллектуальной истории генетики, начиная с судьбы законов Г. Менделя и кончая долгим непризнанием «подвижных элементов» Барбары МакКлинтон. Будучи одним из крупных генетиков современности, Голубовский предложил оригинальную трактовку ряда важнейших проблем современной эволюционной теории и молекулярной генетики. Как отмечалось во многих рецензиях, написанных биологами, книга убедила их, насколько важна и актуальна история науки.

Вскоре после ее публикации мне позвонил протистолог Лев Николаевич Серавин и спросил, по-прежнему ли я придерживаюсь дарвинистских воззрений, и, услышав утвердительный ответ, задал аналогичный вопрос насчёт Голубовского. Я ответил: «Думаю, что нет». Тогда Серавин сказал, что не понимает, как в моем секторе, издавна считавшемся ортодоксально дарвинистским, противник теории естественного отбора может не только работать, но и получать от меня деньги на издание своих книг. Вопрос меня удивил. Сам Серавин, как уже говорилось, не относился к числу правоверных селекционистов. Пришлось объяснять ему, что подобный плюрализм даже в пределах одной исследовательской структуры не только нормален, но и необходим для поддержания творческой обстановки. Важно только, чтобы нетрадиционные взгляды развивались в рамках современной науки. Кажется, Серавин меня понял, так как его самого нельзя было отнести к ортодоксам.

В годы перестройки мы с Голубовским обсуждали различные политико-этические и экономические аспекты, в том числе и в рамках общественного клуба «Ленинградская трибуна», где он был авторитетной фигурой. Человек либеральных взглядов, он искренне не мог понять, почему крах тоталитарной системы привёл не к улучшению, а к резкому ухудшению состояния науки, образования, медицины и к обнищанию практически всего народа. Где-то в октябре 1991 г., когда в магазинах уже исчезло все, а инфляция набирала бешеные темпы, он сказал: «Почему так происходит? Ведь не было ни революции, ни войны?» И был удивлён ответу: «Что все происходящее и есть революция, а что касается войны, то мы проиграли Третью мировую войну, правда, Холодную». В те годы и либералы, и консерваторы не желали видеть очевидную вещь — проигрыш Холодной войны, и все происходящее объясняли или предательством, или некомпетентностью новых властей. И почти все радовались развалу СССР, а депутаты Съезда депутатов РСФСР дружно голосовали за Беловежское соглашение.

Благодаря высокому научному рейтингу неплохому знанию языка, Голубовский быстро соорентировался в новых условиях. Все чаще он уезжал на работу в Австралию, Францию, Англию и, наконец, поселился в США, в Беркли, оставаясь при этом сотрудником сектора на общественных началах. Важно отметить, что Голубовский не на словах, а на деле следовал «принципу сочувствия» Сергея В. Мейена, искренне стремясь понять и противоположную точку зрения, оставался всегда в рамках научной полемики. Наша переписка периодически принимает взрывной характер. Когда происходит нечто неординарное, мы стараемся подробно информировать друг друга.

Произошли существенные изменения в структуре учреждения. В состав ЛО ИИЕТ в 1988 г. была передана мемориальная квартира выдающегося исследователя Центральной

Азии П.К. Козлова. Однако она была в ужасном состоянии: в ней не было экспозиции, а в качестве сотрудников сперва работали люди, не имевшие навыков музейной работы и историко-научных исследований. Была создана группа методологии биосферных исследований, но и она быстро перестала существовать, после защиты докторской диссертации ее руководителя. Борис Игоревич Козлов организовал сектор истории технических наук и инженерной деятельности, но вскоре уехал в Москву, возглавив в 1992 г. ИИЕТ, руководство сектора перешло к Б.И. Иванову. Вернувшийся в 1990 г. в филиал Самуил Аронович Кугель возобновил исследования по социологии науки.

Были и серьёзные потери. Вопреки мнению Учёного совета СПбФ ИИЕТ РАН Музей М.В. Ломоносова в 1992 г. стал сначала самостоятельным филиалом ИИЕТ, а в 1993 г. был включён в состав Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого. Инициатором этого перехода был Э.П. Карпеев. На заседании Учёного совета, где сотрудников Музея клеймили, называя дезертирами, я и А.Б. Георгиевский выступили за то, чтобы им не препятствовали работать там, где они считают нужным. В конечном счёте, их поддержал Президиум РАН и мэрия Санкт-Петербурга. Я продолжал поддерживать с этим коллективом дружеские отношения, а когда Э.П. Карпеев решил вернуться в филиал, принял его с удовольствием.

В начале 1990-х гг. разрабатывались планы создания сети мемориальных музеев-квартир учёных, плавучего музея истории науки на ледоколе «Красин». Вначале его разрекламировали как новую форму пропаганды достижений российской науки и даже сходили на нем в Англию и Скандинавию. Затем выяснилось, что для его ремонта и содержания требуются громадные деньги. Легендарный ледокол решили продать на металлолом за границу, но, затем, как это бывает, вдруг неожиданно начались протесты. С утра до вечера судьба корабля не сходила с экранов телевизора и страниц газет. О ситуации вокруг «Красина» постоянно говорило радио. Формально Филиал не имел отношения к этому судну, которое принадлежало Международному фонду истории науки. Но фонд возглавлял директор Филиала А.И. Мелуа. В итоге и Филиал, и Санкт-Петербургский научный центр РАН оказались в центре скандала, который, в конечном счёте, привёл к смене директора.

Директорская суета

В 1995 г. меня избрали директором Филиала, который, как и вся российская наука, переживал далеко не лучший период в своей истории. По-прежнему зарплата выплачивалась нерегулярно, порой с задержкой на два-три месяца. Не всегда было понятно, кто в этом виноват: государственные мужи, задерживавшие финансирование, или начальство, прокручивавшее средства через банковские структуры, что приносило неплохие доходы в условиях галопирующей инфляции. На весь Филиал был только один компьютер, цена которого была соизмерима со стоимостью автомобиля. На нем сотрудники, жаждавшие овладеть новыми технологиями, работали поочерёдно, оставаясь иногда на ночь. Другие же не желали учиться и в кулуарах смеялись над энтузиастами. Денег у филиала не было практически ни на что. Наиболее активные, как правило, молодые сотрудники работали за рубежом, остальные в значительной степени были деморализованы, так как труды не печатались, а перспектива писать в стол в надежде на лучшие дни вдохновляла далеко не всех. И практически первые 5 лет ушли на преодоление этой ситуации. Надо было не только сохранить коллектив, но настроить его на выполнение крупных проектов, значимость которых была бы видна не только исполнителям, но хотя бы другим членам академического сообщества, а в идеале — власти и интеллектуальным кругам.

Социальная история науки оказалась хорошим средством для реализации подобных целей. Но сделать это, не поступаясь научной методологией, было совсем не просто. На смену

советским мифам и идеологемам пришли другие, связанные с тотальным отрицанием недавней истории, описываемой преимущественно в мрачных тонах, и сопровождаемые причитанием о нашей исходной убогости. Порой это было выгодно при получении грантов. Дело иногда доходило до анекдота. В зарубежные фонды писалась заявка о деятельности красных банд в Сибири во время Гражданской войны, а в РГНФ тот же автор предлагал проект о партизанском движении против белых бандитов А.В. Колчака. И зачастую автор успешно получал грант в обоих случаях. Тем не менее, именно в этот период, как никогда в истории России, существовали благоприятные возможности для того, чтобы историк мог писать только то, в чем он уверен, в максимальной степени отвлекаясь от внешних обстоятельств и всякого рода давлений. В отличие от прежних времён из академического начальства никто никогда нам ничего не мог приказать, что и как писать. А властям, занятым делёжкой свалившейся на них народной собственности, на все было просто наплевать.

В целом же в исследованиях по социальной истории отечественной науки сотрудники Филиала заняли взвешенную позицию. Без морализирования и пафоса стали использоваться все цвета радуги и их оттенки. Советизацию науки рассматривали как один из способов симбиоза государства и научного сообщества. Специфику его определяли тем, что в СССР, государство, будучи единственным заказчиком научных исследований, всегда старалось с максимальной эффективностью для себя использовать их, в первую очередь, для развития своей экономической и военной мощи, для идеологического оправдания политики и господства в обществе, для повышения международного престижа. Понимая, что образование и наука составляют единую систему, от которой впрямую зависит воспроизводство государственных чиновников и интеллигенции, партийное руководство старалось не только поставить все сферы духовного производства под свой контроль, но и воспитать особую разновидность ученых, всецело разделявших её мораль, планы и мировоззрение. Со своей стороны научное сообщество, оказавшееся в условиях, когда только государство было способно предоставлять средства для осуществления научных проектов, вынуждено было искать особые формы взаимоотношения с государством и обществом. Достигнуть взаимопонимания оказалось не столь трудно, так как «адаптация» к власти протекала в стране, где науку обычно воспринимали как некое экзотическое растение, насильственно пересаженное волею Петра на национальную почву. Для выживания наука в России всегда нуждалась в поддержке государства, а сами лидеры научного сообщества были убеждены, что без мощного государственного финансирования её развитие невозможно.

В связи с этим традиционная тематика коллектива ЛО ИИЕТ несколько отошла на второй план. Ведущее место стали занимать социально-культурные и институциональные аспекты развития отечественной науки, что позволяло организовывать временные научные коллективы для исследования крупных проблем.

В целом удалось не только выжить, но существенно укрепить научно-исследовательский потенциал филиала. Это стало возможным благодаря целому ряду обстоятельств, к которым, в первую очередь, следует отнести кадровый состав ЛО ИИЕТ. Старшее поколение не надо было стимулировать к работе: они продолжали привычно трудиться несмотря даже на то, что практически не оставалось шансов на публикацию своих трудов, которые они готовили в привычной для них манере: тщательно, проверяя и перепроверяя каждый факт и каждое утверждение с привлечением архивного материала. И здесь надо сказать особое спасибо Санкт-Петербургскому филиалу Архива РАН, возглавляемому в те годы В.С. Соболевым. Несмотря на то, что сам Архив находился в тяжёлом положении и был закрыт для посетителей в течение долгого времени, сотрудники СПбФ ИИЕТ беспрепятственно работали над своими проектами.

Во второй половине 1990-х гг. видное место в филиале заняло новое поколение историков и философов науки: А.Д. Александров, А.И. Андреев, Л.Я. Жмудь, М.Б. Конашев, А.Б. Кузнецова, М.И. Микешин, В.А. Росов, Г.И. Смагина и др. Большинство из них имели прочные контакты с зарубежными коллегами, участвовали в международных проектах, подолгу жили и работали за границей. Зная тенденции развития современной истории науки, они вносили новую струю и в плановые исследования Филиала, и в подготовку молодых специалистов. Здесь особенно следует отметить специальные лекции и семинары по истории науки для аспирантов и соискателей, которые в разные годы вели Д.А. Александров, И.С. Дмитриев и Л.Я. Жмудь. Постоянное обновление кадрового состава непрерывно шло и в последующие годы, выдвигая все новых исследователей с высокой профессиональной мобильностью (Е.Ю. Басаргина, Ю.А. Лайус, М.В. Лоскутова Т.И. Юсупова и др.). К настоящему времени лицо Филиала в значительной степени определяет новое поколение историков и социологов науки, сформировавшееся за последние за 10–12 лет (Н.А. Ащеулова, Н.Е. Берегой, А.И. Ермолаев, А.В. Полевой, А.В. Самокиш, В.Г. Смирнов, С.В. Шалимов, Д.А. Щеглов. А.А. Федотова, Т.Ю. Феклова др.).

Важным фактором нормализации деятельности Филиала стало завершение периода «смуты» и «анархии» в московской части ИИЕТ, где после ухода С.Р. Микулинского обязанности директора исполняли 5 человек. Наконец, осенью 1993 г. директором был избран и утверждён В.М. Орёл, работавший более 10 лет заместителем директора ИИЕТ. У него был большой опыт организационно-административной работы, в том числе в ЦК ВЛКСМ и в отделе науки ЦК КПСС, разносторонние связи в академическом сообществе. Он всегда хорошо относился к Филиалу, пользовался авторитетом у ведущих сотрудников. Он инициировал выдвижение меня на пост директора, что, возможно, предопределило поддержку со стороны большинства коллектива. Из писем же противников, направленных в Президиум РАН, следовало, что моё предстоящее правление страшит некоторых больше, чем пережитый сталинский террор и ленинградская блокада. Однако, их обращения, как и заявления моего предшественника в прокуратуру по поводу незаконности его замены, не возымели действия, так как не только дух, но и буква закона при выборах были соблюдены.

Возглавлять Филиал я согласился не без колебаний. Ситуация была сложная, административных обязанностей всегда хватает, и не хотелось в них погружаться, жертвуя научными планами. Вместе с тем было понятно, что как раз их-то вряд ли удастся реализовать, если не попытаться изменить ситуацию. О принятом решении я практически никогда не жалел, несмотря на все беспокойства, хлопоты, заботы, связанные с руководством коллективом весьма неординарных творческих людей, в своих трудах привыкших на «ты» общаться с Ч. Дарвином, В.И. Вернадским, И. Ньютоном, Д.И. Менделеевым и другими гениями человечества, однако отнюдь не всегда склонных соблюдать элементарную трудовую и исполнительскую дисциплину, а тем более выполнять распоряжения какого-то Э.И. Колчинского, который недавно был безусым аспирантом или с которым водку вместе пили.

Первое время Филиал, имея собственный Устав, был практически самостоятельным юридическим лицом. Гражданский кодекс РФ, в котором было прописано, что филиалы не являются юридическим лицом, незадолго до этого принят. Не совсем было ясно, как его трактовать. Неуклонное следование букве закона порождало массу вопросов и трудностей при заключении самых простых договоров: по охране Музея, вывозу мусора, закупке канцтоваров, взаимодействиям с казначейством. Поэтому мы стремились в юридическом отделе мэрии Санкт-Петербурга зарегистрировать Устав Филиала, а не Положение, как предусматривал Гражданский кодекс. Это не удалось сделать моему заместителю, и пришлось подключиться к этому делу мне. Договорившись о времени приёма, я, надев парадную одежду, белую рубашку и галстук, что тогда делал крайне редко, с большим букетом цветов и коробкой конфет

поехал решать «проблему». К счастью, сотрудница, которая до этого не пропускала документы, опоздала на полчаса и чувствовала себя несколько виноватой. Но, извинившись, она сразу начала выговаривать за ошибки в формулировках многих пунктов и в заключении сказала: «У Вас в Академии все не так». Потупившись, я ответил: «Но что поделаешь? Нас создал Петр Первый 275 лет тому назад. Жизнь вокруг менялась столь часто, что мы не успевали за ней следовать». Моё смирение и скрытый сарказм ей, вероятно, понравились. Во всяком случае, улыбнувшись, она поставила штамп, что Устав зарегистрирован, добавив: «Никому не говорите, что я знала о недостатках Вашего Устава. но зарегистрировала его».

Вспоминая этот эпизод и сталкиваясь сегодня с бюрократизацией, доведённой до абсурда, я нахожу немало ценного в решении многих вопросов в те годы, когда во властных структурах все же на первое место ставили дело, а не букву стремительно меняющегося законодательства, трактуемого нередко как дышло.

Благодаря Уставу у нас с ИИЕТ были отдельные бюджеты. Однако московский директор В.М. Орел представлял наши интересы в Финансово-экономическом управлении Президиума РАН и помогал в публикации некоторых книг, что имело огромное значение для сотрудников. Его советы, рассказы о работе в ЦК ВЛКСМ и ЦК КПСС, об эпизодах из истории Академии наук, встречах с видными учёными и политическими деятелями много давали для понимания жизни академического сообщества и реальных механизмах взаимодействия науки и власти. Избавленный от мелочной опеки, что бывало в прежние десятилетия, филиал получал всестороннюю поддержку от московских коллег.

В те годы руководители большинства санкт-петербургских филиалов московских институтов РАН стремились к независимости, а некоторым и удалось этого добиться. Мы не участвовали в этом параде суверенитетов, ратуя за сохранение прежнего статуса, построенного на взаимовыгодных отношениях Филиала и Института, и расценивали их, перефразируя В.И. Вернадского, как «бесценный дар нашей истории». У меня лично были прекрасные отношения с коллективом московской части ИИЕТ, в том числе со сменившим В.М. Орла на посту директора ИИЕТ Алексеем Владимировичем Постниковым, его заместителем Василием Петровичем Борисовым, с учёным секретарём Ольгой Александровой Соколовой, с главным бухгалтером Анной Александровной Ейбогиной, а также с руководителями научных подразделений С.С. Илизаровым, С.С. Демидовым, В.П. Гвоздецким, Ю.И. Кривоносовым, В.П. Визгиным, Е.С. Мирской, Е.Б. Музруковой и многими другими научными сотрудниками. Эти традиции взаимоуважения, взаимопонимания и дружбы характерны для отношений Санкт-Петербурга и Москвы и по сей день.

С 2010 г. ИИЕТ возглавляет известный общественный деятель, бывший советник президента Б.Н. Ельцина по коллективной безопасности, журналист, космонавт, Герой России Ю.М. Батурин. Его приход оживил атмосферу московской части института, наметился ряд перспективных направлений, в том числе создание виртуальной истории, возросла публикационная активность и т. д. Как и его предшественники, Батурин внимательно относится к нуждам и запросам Филиала, оказывая всяческую помощь и поддержку. Учитывая, сколь непростые отношения порой существуют между некоторыми другими Санкт-петербургскими филиалами и отделениями и их московскими метрополиями, наш 20-летний опыт взаимодействия может быть оценён как уникальный.

Одна из главных проблем, с которой я столкнулся на посту директора, — это ситуация с Музеем-квартирой путешественника П.К. Козлова, переданным нам из Музея Санкт-Петербурга в ужасном состоянии. Его семь комнат не ремонтировали с довоенных времён, архив был не разобран, мебель не реставрировалась и т. д. Содержание Музея, находящегося вблизи Смольного в престижном доме, было непосильным бременем для нашего Филиала, поглощая треть скудного бюджета, требуя фантастические по тем временам зарплаты на вневедом-

ственную охрану, коммунальное обслуживание и т. д. Учёный совет не раз предлагал отказаться от него и передать в какое-нибудь другое учреждение, связанное с деятельностью П.К. Козлова и владеющее собранными им коллекциями, например, Эрмитаж, Санкт-Петербургский филиал Института востоковедения РАН, Зоологический институт, Российское географическое общество или вообще ликвидировать. Но эти учреждения также испытывали финансовые трудности и принять Музей-квартиру П.К. Козлова в свой состав не могли, а ставить вопрос о ликвидации Музея не представлялось возможным.

Вместо этого прорабатывался проект сделать его самостоятельным учреждением под эгидой СПбНЦ РАН или вернуть городу, кто-то даже предлагал организовать там гостиницу и так зарабатывать деньги. Первый проект вначале был воспринят благосклонно, но затем вмешались хозяйственники, бухгалтеры, доказывая, что у СПбНЦ РАН нет возможности содержать новую структуру, находящуюся на таком расстоянии. Возникли затруднения и юридического характера. Не удалось и передать Музей в ведение города. Приехавший на совещание по этому вопросу вице-губернатор, председатель Комитета по культуре Санкт-Петербурга В.П. Яковлев, известный как Яковлев-маленький, резко отказался от этого проекта, заявив, что квартира не представляет никакой культурной ценности, а П.К. Козлов вряд ли достоин музея-квартиры, когда ещё не увековечены П.И. Чайковский. М.Ю. Лермонтов и т. д. Последний аргумент был особенно странен в устах деятеля, поставленного бдеть за культурой. Ситуация стала особенно тяжёлой после дефолта 1998 г., когда плата за аренду помещения оказалась неподъемной. Тем не менее абсурдную ситуацию, когда РАН должна была ещё платить за помещение, где хранит от разграбления исторические и культурные ценности, удалось разрешить. Город передал помещение в безвозмездную аренду.

Осознав на практике правоту принципа «спасение утопающих — дело рук самих утопающих», мы активизировали усилия по поиску спонсоров. В лице директора Палеонтологического института Ю.А. Розанова получили поддержку от музейного совета РАН и сохранили музей. Новый директор В.А. Росов, востоковед по базовому образованию, нашёл фирму «Агню» из Самары, которая помогла с ремонтом и изданием научных трудов. Благодаря А.И. Пруднику была фактически заново создана экспозиция. В ней рассказано о жизни и деятельности замечательного российского путешественника, чьи раскопки «мёртвого» города Хара-Хото в пустыне Гоби и гуннских захоронений в горах Ноин-Ула принадлежат к числу выдающихся достижений археологии XX в., сравниваемому в литературе с раскопками Генрихом Шлиманом Трои. 4 декабря 2002 г., спустя почти 15 лет после передачи квартиры в ведение ЛО ИИЕТ РАН, состоялось официальное открытие Музея, на котором присутствовали главным образом директора академических Институтов и представители руководства СПбНЦ РАН. Ни Министерство культуры, ни администрация «культурной столицы» Европы не заметили этого события. Видимо, не прошёл приказ по властной вертикали.

Вместе с тем Музей (в контексте городской культуры) становился центром изучения истории исследований Центральной Азии русскими путешественниками в конце XIX — начале XX вв. и приобрел популярность среди зарубежных гостей нашего города. Показательно посещение Музея в мае 2003 г. лауреатом Нобелевской премии швейцарцем Рихардом Эрнстом, который о переполнявших его чувствах сказал на вечернем приёме у губернатора А.В. Яковлева (большого) и был удивлён, что ни хозяин города, ни его помощники по культуре и науке ничего не знали об этом уникальном музее.

К середине 1990-х гг. работа с активом Филиала в рамках Санкт-Петербургского отделения Национального комитета истории и философии науки практически прекратилась. Конференции перестали проводиться, а материалы предшествующих оставались неопубликованными многие годы, что снижало интерес историков науки в других научных учреждениях и вузах к сотрудничеству с нами. Шло раздробление историко-научного сообщества, а также его

маргинализация, так как специалисты, интересующиеся историей собственных дисциплин, не имели возможностей следить за развитием методологии и методики историко-научных исследований. С 1996 г. была возрождена практика ежегодного проведения таких конференций, которые были посвящены Санкт-Петербургу как научному центру, роли учёных Ленинграда — Санкт-Петербурга в возникновении и развитии отечественной науки и высшего образования, в создании отечественного военно-промышленного комплекса, в развитии ракетно-космических исследований, в организации экспедиционной деятельности и в изучении природных ресурсов, в организации международного научного сотрудничества и т. д. Одна из конференций была посвящена кропотливой и упорной работе многих поколений учёных, связанной со сбором и хранением бесценных сокровищ — памятников культуры прошлых веков, сконцентрированных в институтах, библиотеках, музеях и архивах Санкт-Петербурга. Большое внимание уделялось анализу вклада Санкт-Петербурга–Петрограда–Ленинграда в развитие мировой культуры в ходе подготовки к 300-летнему юбилею города.

Важнейшим фактором, способствующим интенсификации историко-научных исследований, стало расширение источников финансирования, в котором значительное место заняли гранты, выигранные на конкурсной основе. Если в предыдущие годы финансовая поддержка шла, прежде всего, со стороны зарубежных фондов, то с середины 1990-х гг. большую роль стали играть фонды российские. Диверсификация финансирования способствовала разнообразию научных исследований, их методов, тематики и стилей. Претендуя на получение гранта от того или иного фонда, учёный должен был учитывать, какие проекты, а порой и результаты исследований имеют наибольшие шансы на поддержку. Гранты имели особое значение в 1996–2005 гг., превышая иногда базовое финансирование.

Благодаря отчислениям из грантов мы оказались единственной академической организацией в Санкт-Петербурге, не имевшей задолженности по коммунальным платежам и не прибегающей к самозачётам, столь широко распространенным в те годы. Более того нам удалось даже выплатить зарплату в июле и августе 1998 г., когда из-за дефолта ее нам просто не перечислили. За счёт грантов мы смогли обеспечить Филиал современной техникой. Почти 70% плановых тем и работ, выполненных по грантам РГНФ и РФФИ, заканчивались выпусками монографий. До последнего времени грантодержатель не был столь жёстко регламентирован в использовании выделенных средств. Первые руководители вновь образовавшихся российских фондов сами были хорошими учёными и понимали губительность формализации. А чиновникам, занятым распилом более жирных статей государственного бюджета, было не до крох, выделяемых на науку.

Постепенно их взоры обратились и в эту сторону. Ушёл из РГНФ один из его создателей науковед Евгений Васильевич Семенов, искренне преданный делу поддержки российской науки, особенно социологии, философии и истории науки. Со временем кадровые изменения произошли и в РФФИ, где Отдел наук о человеке долгие годы возглавлял талантливый искусствовед Владимир Сергеевич Жидков, уделявший большое внимание истории и социологии науки. В 2013 г. ликвидировали сам отдел, якобы из-за дубляжа с тематикой РГНФ, где история науки также была растворена в науковедении. Сама система отчётности стала настолько сложной, что сотрудникам проще было брать деньги в виде зарплат, заплатив налоги, а потом уже оставшееся деньги тратить в соответствии с потребностями. Денег на сами исследования оставалось меньше, но зато государству удавалось вернуть обратно около 40% выделенных сумм в виде налогов. В данном случае ничего нового не было придумано. Так же действует вожак в стае павианов, поочерёдно давая один и тот же фрукт всем остальным членам стаи, а, в конечном счёте, сам же его съедает. Особенно трагичным стала отмена грантов для участия в зарубежных конгрессах и симпозиумах, практически сведя на нет международные контакты.

Препятствуя, таким образом, свободе научных контактов и делая их недоступными для молодых сотрудников, чиновники от науки, цинично рассуждают о международных рейтингах и о мировом уровне исследований. Тем не менее сотрудничество с учёными дальнего зарубежья и активное включение в международные научные связи стали важнейшим фактором модернизации историко-научных исследований. В 1990–2010-е гг. сотрудники Филиала поддерживали научные контакты более чем с 200 зарубежными научными учреждениями. Традиционные контакты с историками США, Германии, Англии, Франции, Швейцарии за последние 10 лет существенно дополнились совместными исследованиями с социологами и историками науки Бразилии, Венгрии, Индии, Испании, Италии, Китая, Мексики, Норвегии, Сербии, Хорватии, Финляндии и других стран. Десятки крупных международных проектов реализованы с историками Германии, Японии, Китая, США, Франции. Сотрудники филиала на длительные сроки выезжали для работы в другие страны. При этом М.Д. Голубовский. Д.Ю. Гузевич. Н.Л. Кременцов, А.В. Козулина постоянно работают в Канаде, Франции и США, а подавляющее большинство остальных сотрудников выбрали путь маятниковой миграции и эпизодических командировок. Около 40 учёных из дальнего зарубежья ежегодно приезжают в Филиал. В итоге практически каждая конференция в 1995–2013 гг. становилась международной.

Важную роль в продвижении макро- и микросоциологических методологий в изучение истории отечественной науки сыграла серия российско-американских конференций, проведённых в 1995–1999 гг. в Санкт-Петербурге и Филадельфии, российско-немецкие конференции в Санкт-Петербурге и разных городах Германии (1994–2013), российско-французские конференции в Париже и Санкт-Петербурге (2010–2012), а также ежегодные сессии Международной школы по социологии науки (1992–2013) и конференции «Немцы в России» (1990–2005). В последние 10 лет несколько сотрудников Филиала (прежде всего, молодых) регулярно участвуют в международных и европейских конгрессах. Как правило, учёные из России — нечастые гости на подобных мероприятиях. Поэтому их доклады вызывают повышенное внимание. Уже принято говорить о «петербургском десанте». На каждом из этих конгрессов, как правило, вместе с зарубежными коллегами сотрудники Филиала организуют собственные симпозиумы. Десятки крупных международных проектов реализованы с историками науки Германии, Японии, Китая, США, Франции. Всего на английском, немецком, китайском, японском и русском языках вышло около 70 книг — результаты совместных проектов. Ещё 13 книг наших сотрудников издано в США, Великобритании и Германии за счёт международных грантов. В результате либерализации международного сотрудничества и диверсификации источников финансирования эффективность научного труда существенно повысилась. Публикационная активность, в том числе и выпуск монографий, по сравнению с советским периодом увеличилась в два раза. Существенно расширились связи с высшей и средней школой, проведена большая работа по подготовке учебных программ и пособий по истории науки, в том числе программа по истории биологии для сдачи кандидатского экзамена.

В последнее десятилетие у меня появилась новая когорта учеников и сотрудников. Анастасия Алексеевна Федотова активно занимается историей прикладной биологии. Проблемой охраны домашних животных в царской России и историей ветеринарии занимается Наталия Евгеньевна Берегой, а энергичная Надежда Валентиновна Слепкова много сделала для изучения история ЗИН. С увлечением работает над проблемами истории генетики в СССР в послелысенковский период Сергей Викторович Шалимов, который к 25 годам защитил диссертацию и опубликовал книгу о генетике в СО АН СССР в 1950–1960-е гг. Анатолий Всеволодович Полевой все сильнее втягивается в изучение истории физиолологии и биохимии растений.

«Встречи и расставания»

Так назвал свои воспоминания, призведшие на меня большое впечатление, Юрий Ашотович Петросян. Мне кажется оно хорошо отражает суть нашего учреждения.

В силу сложившихся традиций руководству Филиала приходится контактировать с более разнообразным кругом представителей научного сообщества, чем другим директорам, и прежде всего с Президиумом Санкт-Петербургского научного центра РАН, который вот уже более четверти века возглавляет Нобелевский лауреат, вице-президент РАН, академик Жорес Иванович Алфёровом.

Об Алферове снято немало фильмов, ещё больше написано. Есть сотни и тысячи интервью. Поэтому трудно что-то добавить к образу, прочно укоренившемуся в общественном сознании. Он, бесспорно, наиболее харизматичная личность в современной российской науке, и. если бы таких людей было больше, то судьба ее в последние два десятилетия, возможно, была бы другой. Обладая широким кругозором и даром слова, Жорес Иванович умеет очаровать любого собеседника и заворожить любую аудиторию. Его позиция в отстаивании интересов российской науки, особенно в период ее так называемого реформирования, снискала ему огромное уважение среди современников, но, как историк, могу предположить — и благодарность потомков.

Алфёров — почитатель истории науки и автор нескольких оригинальных работ в этой области знаний, обычно далёкой для физика-экспериментатора. Он не только поддерживает наши начинания, но и часто ставит доклады по истории науки на заседания Президиума СПбНЦ, профессионально руководя их обсуждением и приходя порой на выручку докладчику, стушевавшемуся от резко поставленного вопроса. Несколько раз Алферов выступал с докладами на международных конференциях, посвящённых крупным юбилейным датам, как, например, 300-летию со дня рождения Л. Эйлера или 200-летию со дня рождения Ч. Дарвина. И всегда это были оригинальные выступления, выглядевшие как яркие экспромты. Я не могу представить Алферова, выступающего с бумажкой. Подкупал и его демократизм в общении и готовность содействовать историко-научным проектам.

Под стать Ж.И. Алфёрову была его команда. Особенно близкие отношения у меня сложились с главным учёным секретарём СПбНЦ РАН Эдуардом Абрамовичем Троппом, и заместителями председателя СПбНЦ РАН Юрием Ашотовичем Петросяном и Сергеем Георгиевичем Инге-Вечтомовым.

С физиком-теоретиком Э.А. Троппом я впервые встретился на заседаниях «Ленинградской трибуны», где, как я уже говорил, в разгар перестройки собиралась интеллигенция, ратующая за реформы, но не желавшая заниматься политикой. Теперь я понимаю, что в чем-то мы походили на «пикейные жилеты» Черноморска, хотя какое-то воздействие на ход событий наши обращения, напечатанные в ведущих ленинградских газетах, оказывали до краха ГКЧП. Среди красноречивых, но порой наивных выступлений писателей и учёных-гуманитариев диссонансом зазвучали взвешенные суждения представителя точных наук Троппа, свидетельствующие о понимании сути происходящих событий и мотивов, вовлеченных в них лиц, многие из которых тогда были кумирами экзальтированных сторонников перестройки. Пару раз мне довелось наблюдать Троппа в роли председательствующего на собраниях Ленинградского союза учёных, где он оказывался фактически единственным, кто мог как-то обеспечить ход этих сборищ, которые по буйству слов и действий превосходили не только печальной памяти демократический Ленсовет образца 1990 г., но запорожское братство, описанное Н.В. Гоголем.

В 1991 г. я с удовольствием узнал, что Э.А. Тропп стал одним из руководителей СПбНЦ РАН. Мы встречались на разного рода конференциях, перекидывались фразами. Однако мою

фамилию он узнал только тогда, когда В.М. Орел представил меня как исполняющего обязанности директора филиала и попросил его, в свою очередь, представить меня Алфёрову. Предварительная характеристика, которую Тропп дал Алфёрову, вероятно, была благоприятной. Алфёров только спросил о бюджете Филиала на 1995 г. и, услышав ответ по всем статьям, явно был удовлетворён. С тех пор началось многолетнее сотрудничество с Э.А. Троппом, наделенным массой талантов, среди которых я особенно ценю энциклопедическую эрудированность в разных сферах человеческого духа, неподражаемый юмор, собранность и организованность, искреннюю доброжелательность и готовность помочь каждому, обратившемуся за содействием. Даже когда он оказывался бессильным чем-то помочь, он оформлял это в такой форме, что становилось ясно, что все резервы с его стороны исчерпаны и надо искать другие пути выхода из ситуации. Так, видя мою обескураженность после совещания с В.П. Яковлевым по поводу Музея-квартиры П.К. Козлова, Тропп в шутку посоветовал мне собирать милостыню на Невском на благое дело — содержание единственного в Санкт-Петербурге музея, посвящённого путешественнику. Я живо представил себе сцену в духе Ильфа и Петрова и понял, что полагаться надо только на собственные силы.

На протяжении почти 20 лет Тропп участвовал практически во всех наших конференциях и симпозиумах, часто выступая с интересными и глубоко продуманными докладами, сделанными с философской широтой, исторической доскональностью и глубиной естественника. Всякий разговор с ним доставлял духовное наслаждение. Казалось, в науке, политике и искусстве нет тем, о которых бы он не имел собственного, обоснованного, и почти всегда профессионального суждения. Его шутки я нередко запоминал на всю жизнь, цитируя при случае. Так после моего доклада на Президиуме СПбНЦ РАН по случаю 50-летия нашего Филиала, предшественником которого был обозначен Институт истории науки и техники АН СССР во главе с Н.И. Бухариным, Тропп предложил тост: «Стопочку рыковки за последних бухаринцев».

Мне особенно запомнилась наша совместная работа как редакторов-составителей над коллективной монографией «Академическая наука в Санкт-Петербурге в XVIII–XX вв.», выпущенной под редакцией Ж.И. Алфёрова к 300-летию Санкт-Петербурга. Втроем мы написали большое введение к этой книге. Неоценим и вклад Троппа в подготовку второго, исправленного и дополненного, издания Полного собрания сочинений М.В. Ломоносова, к которому он с Э.П. Карпеевым написал вводную главу, ставшую камертоном для всего издания. Вместе с ним мы готовили конференцию по Л. Эйлеру, и в ее успехе немалая доля его заслуг. С момента возрождения деятельности Санкт-Петербургского отделения Российского национального комитета по истории и философии науки и техники в 1996 г. Эдуард Абрамович — один из заместителей председателя Отделения. Он немало сделал для расширения тематики историко-научных исследований в городе на Неве. Многие сотрудники Филиала воспринимали Троппа как внештатного сотрудника и часто обращались к нему напрямую за помощью и поддержкой. Особенно много он помогал С.А. Кугелю в проведении многолетнего мониторинга состояния академической науки в Санкт-Петербурге, в организации и проведении Международных научных школ по социологии науки, а Г.И. Смагиной в подготовке и редактировании коллективных монографий «Академия наук в истории культуры России XVIII–XX вв.» и «Комиссии Академии наук в XVIII–XX веках: Исторические очерки» (2013).

Как я уже говорил выше, с Сергеем Георгиевичем Инге-Вечтомовым я познакомился ещё в 1970-е гг. И по мере сил и возможностей старался привлекать его к нашим проектам и мероприятиям. Ключевую роль он играл в международной конференции, посвящённой Ф.Г. Добржанскому. Он всегда в откликался на предложение о сотрудничестве, оставаясь при этом в круге своих профессиональных интересов, т. е. истории генетики. Лейтмотивом его исторических работ последнего времени стало сожаление, что Россия — страна упущенных

возможностей, так как у неё были все шансы стать лидером современной генетики, но это не произошло. Рассказывая о блестящих достижениях отечественных биологов (С.И. Коржинского, Ю.А. Филипченко, Н.К. Кольцова, С.С. Четверикова, Г.А. Надсона, Н.П. Дубинина и др.), не говоря уже о Ф.Г. Добржанском и Н.В. Тимофееве-Ресовском, Инге-Вечтомов не раз подчёркивал, что волюнтаристское вмешательство властей в науку было главной причиной нашего отставания в тех отраслях, где в первой трети XX века мы не только занимали лидирующие позиции, но и предвосхитили многие позднейшие открытия, удостоенные Нобелевской премии. Последние годы Сергей Георгиевич Инге-Вечтомов возглавляет СПб НК ИФНТ и к этой обязанности относится крайне серьёзно, выступая не только на годичных конференциях, но и на международных симпозиумах, посвящённых истории биологии.

Возрождая практику ежегодного проведения конференций историков науки, я обратился с предложением к академику Александру Александровичу Фурсенко, одному из ведущих наших американистов, с предложением возглавить СПбО РНК ИФНиТ, который официально стал числиться при СПбНЦ РАН. Вскоре Фурсенко избрали академиком-секретарём Отделения истории РАН. Значительную часть времени он проводил в Москве и не мог уделять много внимания новой должности. Но наше сотрудничество продолжалось. Иногда он обращался ко мне за помощью при выполнении поручений правительства или президента РАН, будучи при этом жёстким и требовательным заказчиком.

Не вникая в повседневные заботы СПбО РНК ИФНиТ, Фурсенко много сделал для решения наших глобальных проблем. Благодаря ему удалось сохранить специальность «история науки» в номенклатуре ВАК, а также предотвратить перевод ИИЕТ из подчинения Президиума РАН в Отделение истории РАН и т.д. Трудно переоценить и его роль в проекте «Наука и кризисы», в издании «Летописи РАН», на чем я остановлюсь ниже. Интересно, что наше знакомство и сотрудничество, как и с Троппом, началось до назначения меня директором Филиала и далеко не на профессиональной основе. Его отец, Александр Васильевич Фурсенко, выдающийся протистолог и один из создателей отечественной микропалеонтологии, был ближайшим другом Юрия Ивановича

Полянского, жена которого помогла выходить маленького Александра Александровича после смерти его матери вскоре после родов. После кончины Ю.И. Полянского и возникшей проблемы с публикацией его воспоминаний я несколько раз встречался с А.А. Фурсенко, который в то время был первым заместителем Ж.И. Алфёрова. Фурсенко даже достал деньги на издание этих воспоминаний, но в условиях галопирующей инфляции они обесценились раньше, чем дошли до издательства, и книга Ю.И. Полянского увидела свет позже, изданная по гранту РФФИ. В то время я для Фурсенко, так же как и для Троппа был человеком, известным по имени-отчеству как ученик Полянского. Позже он мне сказал, что никак не ассоциировал меня с моей фамилией, когда Орёл спрашивал его согласие на назначение меня исполняющим обязанности директора филиала.

Моим начальником как заместитель председателя СПбНЦ РАН А.А. Фурсенко был недолго, до осени 1996 г. Но в течение почти двух лет я встречался с ним часто, и видно было, что он уделял большое внимание консолидации гуманитарной науки и ее выживанию в то непростое время. При нем регулярно и по-деловому проходили встречи директоров гуманитарных академических учреждений. Он удачно осваивал новые формы организации и финансирования научных исследований, у него были хорошие связи и с мэрией Санкт-Петербурга, и в правительстве. Для меня как историка науки был интересным и тот факт, что будучи вместе с Б.В. Ананьичем, Р.Ш. Ганелиным, учениками известного профессора Б.А. Романова, они не только не конкурировали друг с другом, но, напротив, всегда выступали единым фронтом, что не часто бывает в гуманитарной среде. Александр Александрович Фурсенко очень гордился принадлежностью к академическому сообществу. При характеристике того

или иного человека он часто говорил, что тот академический или, напротив, неакадемический человек. Интересно, причислял ли он к числу академических людей своего сына Андрея Александровича, бывшего Минобрнауки, а теперь советника президента РФ по вопросам науки?

С осени 1996 г. заместителем Ж.И. Алфёрова по гуманитарным наукам стал экономист, создатель Санкт-Петербургского экономико-математического института Б.Л. Овсиевич. По отзывам, это был интеллигентный и доброжелательный человек, но мне довелось с ним встретиться только один раз. После моего выступления на летней сессии Международной школы по социологии науки в июне 1997 г., где я резко критиковал какого-то очередного министра науки (кажется, связиста по специальности) за какую-то очередную идиотскую реформу, Овсиевич подошёл ко мне. Он представился и попросил зайти осенью и поговорить о планах. Увы, поговорить не пришлось: Борис Львович вскоре скончался. Тогда же в моем выступлении его заинтересовал прогноз о том, что если со стороны правительства не будут приняты меры, то через 15 лет Россия станет второразрядной в сфере науки страной, а значит, не сможет даже претендовать на статус великой державы. Первая часть предсказания подтвердилась уже в начале 2010-х гг., а после реформирования, или точнее уничтожения, академической науки в реформах 2013 г., думаю, осталось недолго до реализации второй части прогноза.

На место Б.Л. Овсиевича был назначен востоковед Юрий Ашотович Петросян, который с 1960-х гг. был директором Ленинградского филиала Института востоковедения. Наше знакомство состоялось в очереди к зубному врачу в академической поликлинике. Было удивительно видеть его терпеливо ждущим своей очереди в поликлинике, где по правилам докторов наук обслуживали вне очереди. А здесь первый заместитель председателя Президиума СПбНЦ РАН ждёт, как все, приёма. Мы сидели рядом, и он вдруг обратился ко мне по имени-отчеству и сказал, что рад встрече, так как хотел со мной поговорить об участии Филиала в задуманном им проекте «Сокровища академических собраний Санкт-Петербурга», а также о юбилейных мероприятиях, посвящённых 275-летию РАН. Мой ответ был однозначным: мол, готовы сотрудничать, преследуя, прежде всего, интересы Филиала. Вскоре я представил ему список книг, которые мы хотели бы издать в ближайшие годы. Ю.А. Петросян одобрил наши планы и сделал все возможное, чтобы они были реализованы.

Юрий Ашотович сыграл решающую роль в том, что я оказался вовлечённым в исследования по истории Академии наук. Задуманная им книга должна была начинаться главой о вкладе Академии наук Санкт-Петербурга в мировую культуру. Поскольку из наших историков Академии наук никто не брался за ее подготовку, писать пришлось мне, опираясь на труды А.В. Кольцова, Ю.Х. Копелевич, Н.И. Невской, Г.И. Смагиной и М.Ф. Хартанович и результаты собственных архивных исследований по истории Академии наук в 1920-е — начале 1930-х гг. В установленный срок глава была готова и одобрена Петросяном. О ней знал В.М. Орёл, который был редактором журнала «ВИЕТ». Он предложил ею открыть публикации в юбилейном году. С согласия Петросяна рукопись была напечатана в первом номере журнала за 1999 г., где она попалась на глаза президенту РАН Ю.С. Осипову, и меня привлекли к ряду юбилейных мероприятий, о которых я расскажу ниже.

При окончательном редактировании текста главы Ю.А. Петросян внёс в неё существенные дополнения, исправления. Естественно, я предложил ему стать соавтором, мотивируя это тем, что сама идея принадлежала ему. Он долго отказывался, но мне удалось его уговорить. В конечном счёте, задуманная Ю.А. Петросяном хорошо иллюстрированная книга вышла в год трёхсолетнего юбилея Санкт-Петербурга. Благодаря ей широкая общественность смогла ознакомиться с малоизвестными древними рукописями, документами, этнографическими, зоологическими, ботаническими и другими раритетами, которые собирали российские учё-

ные и путешественники на протяжении всей истории города на Неве. Помимо вводной главы «Академическая наука в Санкт-Петербурге и мировая наука», написанной совместно с Ю.А. Петросяном, в это фундаментальное издание вошла и другая моя глава «История науки — история умножения человеческой мощи», посвящённая коллекциям нашего Филиала. В нее вошли также крупные разделы о книжном собрании в библиотеке Филиала и коллекциях Музея П.К. Козлова, подготовленных соответственно С.В. Ретунской и Т.И. Юсуповой.

Эта совместная работа с СПбНЦ РАН и рядом академических институтов способствовала более тесной интеграции историко-научных исследований с историческими работами в других гуманитарных и естественных науках. В этом отношении важную роль играл созданный по инициативе Ю.А. Петросяна Объединенный научный совет по гуманитарным проблемам и историко-культурному наследию. Его работе Петросян придавал огромное значение, тщательно подбирая интересных докладчиков. Он не считал за труд накануне очередного заседания обзвонить всех членов совета, чтобы напомнить о предстоящем мероприятии. Благодаря его искренней заинтересованности совет работал живо и плодотворно.

Создавалось впечатление, что содействие и бескорыстную помощь гуманитарным исследованиям в академических институтах, в том числе и в нашем Филиале, Петросян считал своей главной задачей. Вместе с Э.А. Троппом они курировали Международную конференцию «Петербургская Академия наук в истории академий мира», посвящённую 275-летию РАН. Для придания торжественности происходящему особое значение имело исполнение музыкально-хоровых произведений, связанных с историей Академии наук, в Эрмитажном театре артистами Государственной Академической капеллы под руководством народного артиста России В.А. Чернушенко. По инициативе Петросяна одна из ежегодных конференций СПбО РНК ИИНиТ была посвящена кропотливой и упорной работе многих поколений учёных по сбору и хранению бесценных сокровищ — памятников культуры прошлых веков, сконцентрированных в институтах, библиотеках, музеях и архивах Санкт-Петербурга.

Петросян привлёк меня к работе в секции «Культура. Образование» Научно-технического совета при губернаторе Санкт-Петербурга. В этой секции он был сопредседателем вместе с ректором СПбГУ Л.А. Вербицкой, и мы втроём не раз обсуждали планы совместных мероприятий. Вербицкая дважды участвовала с пленарными докладами на ежегодных конференциях СПбО РНК ИИНиТ Охотно Петросян откликался и на просьбы других сотрудников Филиала, выступая с приветственными речами или докладами на конференциях «Немцы в России», «Международная школа по социологии науки и техники».

Трудно было встретить более доброжелательного человека. В написанных им воспоминаниях я не нашёл ни одного сколько-нибудь критического замечания о своих друзьях, сотрудниках, начальниках, хотя некоторые из них, насколько я мог судить по рассказам других востоковедов, были далеко не ангелы. Да и вообще, любое академическое сообщество, как и все сообщества талантливых людей, весьма не просто в управлении, чего Петросян, возглавлявший Филиал Института востоковедение в течение более четверти века, не мог не знать. На мой вопрос, почему он об этом не упоминает, он ответил, что никогда не обращал внимания на какие-то сплетни и интриги, и если кто-то о ком-то говорил что-то плохое, то он тут же обо всем забывал и того, кто говорил, и о том, что говорили. И, действительно, я никогда от него не слышал ни одного плохого слова даже о тех, кто по отношению к нему поступал явно несправедливо.

Правда, однажды, в один из наших последних разговоров он изменил своему правилу. Узнав об избрании членом-корреспондентом РАН одного московского администратора, научные заслуги которого были, мягко говоря, не известны, но было известно, что его статьи и книги писали другие люди, Петросян сказал: «Сам факт попадания такого человека в академическое сообщество свидетельствует о том, что в РАН не все в порядке». Следует заметить,

что он прекрасно понимал, что происходит вокруг. Однажды на моё брюзжание о падении академических нравов во время выборов он заметил: «Вы напрасно думаете, что раньше было иначе. И друзей предавали, и негодяев протаскивали, и даже жён для успеха карьеры подкладывали кому надо». Как показали позже опубликованные интересные заметки Ю.А. Золотова «Выборы в Академию наук», действительно некоторые претенденты в это высокое сословие о рыцарской чести не всегда заботились.

Краткие ремарки Петросяна становились для меня руководством на всю жизнь. В этом отношении показателен наш разговор 22 июня 1998 г. Мы с ним вместе открывали Международную школу по социологии науки. Всем было ясно, что страна стоит на пороге катастрофы. Бюджетных денег ни на коммунальные расходы, ни зарплату не поступало. Жили мы за счёт 15% отчислений от грантов РГНФ И РФФИ, но и их стали задерживать. Эмоционально обрисовывая сложившуюся обстановку, я обронил слово «катастрофа». На что он мне ответил буквально следующее: «А катастрофы полной никогда не бывает. После нее всегда что-то остаётся». И я подумал, если так рассуждает человек, переживший Великую Отечественную войну, поздний сталинизм и потерявший в автокатастрофе семью, то мне не к лицу паниковать в сложившейся ситуации. Вскоре грянул августовский кризис 1998 г., но Петросян оказался прав. Уже весной 1999 г. появился просвет.

Последние годы своей жизни Петросян тяжело болел, но никогда не забывал позвонить накануне Нового года. Поскольку я это обычно делаю или в новогоднюю ночь, или 1 января, он всегда опережал меня. Только раз мне удалось его опередить с поздравлениями. Это было незадолго до его кончины. Видно было, что ему трудно говорить. Вскоре его не стало. По решению родственников прощание проходило в узком кругу самых близких. В его лице мы потеряли одного из самых бескорыстных представителей санкт-петербургской науки, верного ее лучшим традициям.

Г.Ф. Терещенко был первым заместителем председателя СПбНЦ РАН до своей скоропостижной кончины в мае 2010 г. По специальности химик, он внимательно относился к истории науки, а после смерти А.А. Фурсенко после долгих уговоров согласился возглавить СПбО РНК ИФНиТ и по мере сил и возможностей старался нам помогать. К тому времени из-за огромной занятости Алфёров не всегда мог приходить на конференции, и от его имени их часто открывал Терещенко. Последние годы он возглавлял также Санкт-Петербургскую комиссию по подготовке к празднованию 300-летней годовщины со дня рождения М.В. Ломоносова и немало сделал для разработки плана юбилейных мероприятий и изданий, а также для его реализации. В этом ему активно помогала Т.М. Моисеева, которая вместе с Г.И. Смагиной выступила с инициативой издания после долгого перерыва очередного, 10-го выпуска сборника «Ломоносов. Сборник статей и материалов». Вместе с Г.Ф. Терещенко я был титульным редактором этого издания, базирующегося, в основном, на неопубликованных или малоизвестных материалах. Но моё участие в этом проекте было сугубо номинальным.

Невозможно рассказать подробно о других сотрудниках СПбНЦ РАН, с которыми я сталкивался в работе и без помощи которых мне и моим сотрудникам, прежде всего, учёным секретарям Татьяне Ивановне Юсуповой и Надежде Алексеевне Ащеуловой было бы трудно реализовать наши планы. Это работники иностранного отдела, возглавляемые Дмитрием Кузьмичем Донским, заведующий отделом кадров Ю.Н. Фокичев, начальник секретариата Эльвира Анатольевна Морозова, и, конечно, начальник научного отдела Елена Александровна Иванова, которая участвовала во всех наших главных проектах и конференциях, прежде всего, по социологии науки. Причём все делалось в соответствии с академическими традициями. Жизнь текла своим чередом, кто-то уходил, на их места приходили другие, но этос, заложенный великими предшественниками, продолжал жить. И очень жаль, если они исчезнут в огне скоропалительных реформ.

Со времён В.И. Вернадского, создавшего Комиссию по истории знаний, известно, что вести историко-научные исследования невозможно, не опираясь на поддержку академического сообщества и, прежде всего, его директорского корпуса. В последние десятилетия многие академические учреждения возглавляли директора, не только понимающие значение истории науки, но и сами профессионально занимающиеся ею. Среди них я, прежде всего, хотел бы назвать директора БАН В.П. Леонова, который активно помогал при организации симпозиумов «Немцы в России» и «Цензура в России», ежегодных конференций СПбО РНК ИФНиТ, многократно выступая с докладами, посвящёнными истории БАН. Леонов всегда откликался на наши просьбы организовать книжные выставки, приуроченные к юбилейным датам в истории науки. Только в 2013 г. БАН организовал три выставки, посвящённые 125-летию со дня рождения Н.И. Бухарина, 150-летию со дня рождения П.К. Козлова и 60-летию со дня рождения СПбФ ИИЕТ РАН. Леонов дружил с Д.В. Лебедевым и трогательно заботился о нем, поддерживая его до последних дней.

СПбФ Архива РАН всегда оставался для нас близким и родственным учреждением. Комиссия по истории РАН, созданная ещё С.И. Вавиловым, вошла в состав ЛО ИИЕТ, став одним из главных его подразделений. Мы с директором Архива В.С. Соболевым сотрудничали ещё до моего директорства. И впоследствии, когда он возглавлял Российский государственный архив военно-морского флота, я его активно вовлекал в наши проекты, благодаря которым был выполнен ряд важных исследований по истории Академии наук, и в свою очередь помогал печатать труды, подготовленные в Архиве. Среди них и книга «Во главе первенствующего учёного сословия России. Очерки жизни и деятельности президентов Императорской Санкт-Петербургской Академии наук. 1725–1917 гг.» , о которой я скажу ниже. Хорошие рабочие и дружеские отношения я поддерживаю с нынешним директором СПбФ Архива РАН, крупным историком И.В. Тункиной. Как член Учёного совета я стараюсь по мере сил участвовать в их повседневной жизни и в изданиях.

Судьба распорядилась так, что наш ближайший сосед — Кафедра иностранных языков. За все время моей работы в филиале я не помню ни одного случая, омрачившего наши добрососедские отношения. Практически все научные сотрудники Филиала — ученики этой кафедры, на которой они не только сдавали кандидатские экзамены по языку, но и изучали другие языки, оказавшиеся необходимыми для работы. Соответственно в преподавателях кафедры, возглавляемой Юрием Петровичем Третьяковым, они видят прежде всего высокообразованных и милых, но при этом требовательных учителей.

На конференциях по истории науки часто выступают директор Института социологии Ирина Ильинична Елисеева, директор Института восточных рукописей И.Ф. Попова, директор Музея антропологии и этнографии (Кунсткамера) Ю.К. Чистов, директор Института лингвистических исследований Н.Н. Казанский. С Санкт-Петербургским институтом российской истории, возглавляемым В.Н. Плешковым, были издано 4 тома сборников о деятелях российской науки. Несколько раз их соредактором был И.П. Медведев.

Как и прежде, я старался по возможности взаимодействовать с биологами. У меня сложились хорошие отношения практически со всеми руководителями биологических институтов РАН. Особенно много мне помогали академик Юрий Викторович Наточин и член-корреспондент РАМН Владимир Олегович Самойлов. С большим интересом к истории науки относятся академик Александр Федорович Алимов и член-корреспондент Олег Николаевич Пугачев из ЗИН. В наших мероприятиях не раз участвовали директор БИН Василий Трофимович Ярмишко и особенно его заместитель Дмитрий Викторович Гельтман, бывший и нынешний директора ИЭФБ академики Владимр Леонидович Свидерский и Николай Петрович Весёлкин. Мы часто плодотворно беседуем с Александром Даниловичем Ноздрачевым, много сделавшим для изучения истории физиологии в Санкт-Петербурге. В конференциях и проектах,

инициируемых мной, постоянно участвуют зоологи А.В. Балушкин, Л.Я. Боркин, А.В. Смирнов, С.И. Фокин, ботаник А.К. Сытин, историк медицины Ю.П. Голиков.

Более 20 лет я как совместитель работал на философском факультете на кафедре философии науки и техники, которую с 1994 г. до недавнего времени возглавлял мой тёзка Эдуард Федорович Караваев. Логик по специальности, Караваев прекрасно ориентируется в вопросах истории и методологии науки, в том числе и эволюционной теории. Он внимательно следит за новейшими работами в этой области, и наши нечастые встречи и беседы всегда были очень полезными для меня. Ему удалось собрать на кафедре блестящий коллектив исследователей, в том числе историка химии Игоря Сергеевича Дмитриева, а также В.П. Бранского и А.С. Мамзина — ведущих специалистов в области философии естествознания. Алексей Сергеевич Мамзин на протяжении всего моего творческого пути оставался мудрым старшим товарищем и исключительно доброжелательным человеком. Мне всегда приятно встречаться с Борисом Васильевичем Марковым — учеником М.С. Козловой и другом моих друзей, прежде всего, И.Ш. Шмерлинга. С Марковым мы провели ряд содержательных и интересных конференций. В силу сложившихся обстоятельств недолго просуществовали курсы по переподготовке преподавателей по истории и философии науки, созданные по инициативе Михаила Семеновича Уварова в Республиканском гуманитарном институте в СПбГУ. Но в его лице я встретил блестящего мыслителя с широким кругозором в области эпистемологии, истории и философии естествознания.

Для меня всегда было важно участие в заседании Специализированного совета на философском факультете, который бессменно возглавляет человек высокой культуры руководитель Петербургской логической школы Ярослав Анатольевич Слинин. Для всех воспитанников этой школы характерен не только его профессионализм и широта научных интересов, но и исключительное чувство юмора. Помимо Э.Ф. Караваева к ней принадлежат блестящие методологи науки Станислав Сергеевич Гусев и Борис Иванович Федоров, из общения с которым я почерпнул много полезного. Меня связывают многолетние дружеские отношения с другим представителем этой школы — Владимиром Ивановичем Кобзарем, который на втором курсе вёл у нас семинары по математической логике. В дальнейшем мы несколько лет совместно работали в ЛО ИИЕТ и даже как-то вместе калымили. Я всегда с интересом слушаю выступления крупного специалиста по философии культуры и личности, а также логике и методологии науки Григория Львовича Тульчинского, также закончившего кафедру логики.

К воспитанникам этой школы принадлежит Юрий Никифорович Солонин — ученик блестящего И.Н. Бродского, читавшего нам математическую логику. Диапазон научных интересов Солонина, как и других логиков, широк. Он эксперт в области истории философии и логики, философии науки и теории идеологии. Солонин создал и возглавляет кафедру культурологии философского факультета. Но особенно велика его роль в модернизации философского факультета СПбГУ, который он возглавлял более 20 лет. Благодаря его исключительным административным и организаторским способностям факультет коренным образом изменился, стал открытым внешнему миру. Созданы десятки новых кафедр и специальностей. Разительные изменения произошли во внешнем облике факультета, который по благоустройству, оборудованию техникой может конкурировать с другими мировыми центрами философской мысли.

Академическая среда всегда отличалась высокой степенью демократизма: в ней звания, степени, должности, происхождение, а тем более состояние практически не играли никакой роли в профессиональном общении. Ещё будучи младшим научным сотрудником, я, как и многие мои коллеги, на равных общался и дискутировал с признанными в мире учёными, занимавшими высокие должности в академической иерархии. Более того, иногда даже заочно, по электронной почте, ты знакомишься с человеком, и между Вами завязывается оживлённая

переписка как между близкими друзьями. Таким человеком для меня оказался член-корреспондент РАСХН Николай Петрович Гончаров, которого я никогда не видел, но благодаря переписке стали понятнее многие аспекты жизни Н.И. Вавилова. В последние годы я нашёл удивительно близкого мне по духу академика РАСХН, генетика Виктора Александровича Драгавцева.

Быстро на «ты» мы перешли с заслуженным деятелем науки, профессором политологии Южного университета Виктором Павловичем Макаренко. Он прочитал книгу «Наука и кризисы» и стал активно пропагандировать предложенную там концепцию, а потом пригласил меня и И.С. Дмитриева для выступления на одном из организуемых им симпозиумов. Оказалось, что мы не только одногодки, но и много есть схожего в наших биографиях. Но самое главное, выяснилось, что, несмотря на разницу в специальностях, мы придерживаемся близких взглядов на проблемы взаимоотношения научного сообщества с властью. Это позволило нам с первых встреч говорить легко, как будто бы мы знали друг друга всю жизнь.

Именно ненависть к этому академическому духу свободу и взаимному взаимопониманию стали причиной разгрома РАН, учинённого на глазах всей страны людьми, не получившими признания академического сообщества, но, тем не менее, назначенными смотрящими за ним.

В последнее время часть средств массовой информации вели кампанию против Академии наук. Я могу твердо сказать, что в приписываемых ей грехах не повинен ни один из академиков и директоров, с кем мне приходилось сотрудничать в последние десятилетия. Я никогда не слышал об откатах или о зарплатах директоров, в несколько десятках раз превышающих доходы их сотрудников, что, судя по печати, стало нормой для учреждений, подчиняющих Минобрнауки. Более того, среди директоров академических учреждений Санкт-Петербурга встречались подлинные подвижники науки, ведущие спартанский образ жизни. Таким был недавно скончавшийся член-корреспондент РАН, директор Института цитологии В.Н. Парфенова. Он жил на первом этаже в моем подъезде. В последние годы я часто заходил к нему, чтобы обменяться новостями, посоветоваться, да и просто поговорить о житьё-бытьё. Будучи директором лучшего в Санкт-Петербурге биологического института с высоким международным рейтингом, он жил не просто скромно, но по нынешним меркам очень бедно, если не сказать больше.

Расширяющийся круг: от социальной истории к сравнительным исследованиям

Распределение по секторам никогда жёстко не определяло исследований в СПбФ ИИЕТ. Ещё более размытыми стали границы во второй половине 1990-х гг. Большое развитие получили исследования, в которых сотрудники различных секторов участвовали в рамках временных творческих коллективов, создаваемых для реализации проектов по грантам различных отечественных и зарубежных фондов, а также по академическим программам. Нередко эти проекты не только выполнялись под моим руководством, но я был их инициатором и главным исполнителем. Неизбежно при этом шло расширение проблемного пространства моих исследовательских интересов, так как я стремился реализовать единство когнитивного и социального подходов в истории науки, когда изучение социальной истории науки базируется на знании самой науки и научной методологии как неразрывного целого. В этом отношении мои предшествующие исследования облегчали переход к новой тематики, так как из естественных наук биология в наибольшей степени оказалась подверженной всякого рода деформациям, обусловленным идеолого-политическими причинами. Разрабатывая социально-политические, социально-культурные и идеологические аспекты развития биологии, неизбежно стал-

киваешься с проблемами взаимоотношения науки и власти, а также взаимодействий типа: наука и философия, наука и репрессии, наука и псевдонаука, наука и кризисы, наука и война и др. Изучение социальной истории биологии в контакте с учёными разных стран, особенно Германии, Китая, США и Японии, в свою очередь, стимулировало к более широким обобщениям, часто построенным на сравнительном анализе разных «идеологически корректных наук», в смысле М. Уолкера, в разных странах и в разные времена.

В эти годы я активно работал в академических и партийных архивах, развивая идеи об ответственности части научного сообщества в возникновении разного рода «пролетарского» или «диалектического» естествознания, а, в конечном счёте, практики решения научных разногласий путём апелляции к властям с указанием на идеологически чуждые взгляды оппонентов. Исходным пунктом здесь стали различные попытки учёных в 1920-е гг. политизировать научные дискуссии, нередко инициированные самими учёными. По моему мнению, поддержка видными биологами, включая генетиков, идеи А.М. Деборина создать диалектическое естествознание способствовала «культурной революции» 1929–1932 гг., которая подорвала позиции лидеров отечественной науки, вставших на путь сотрудничества с большевиками (Н.И. Вавилов, В.И. Вернадский, Н.К. Кольцов, В.Н. Сукачев, Ю.А. Филипченко и др.), и выдвинула на авансцену новое поколение советских учёных, в том числе Т.Д. Лысенко и И.И. Презента. Монографически эти идеи впервые были изложены в 1999 г. в книге «В поисках советского „союза“ философии и биологии» (1999). Благодаря сотрудничеству с директором Института истории современного образования и науки Ганноверского университета профессором М. Хайнеманном, организовавшим в Академии естествоиспытателей Леопольдина в Галле две большие международные конференции «Наука и власть» (1996) и «Холодная война: воспитание, образование и наука» (1998), удалось провести комплексное изучение феномена «советской науки», финансированное немецким фондом Volkswagen. По предложению Хайнеманна, на базе материалов участников этих конференций из России и Германии была подготовлена книга «За „железным занавесом“: Мифы и реалии советской науки» (2002). О ней даже была специальная передача по «Немецкой волне», заплатившей нам с Хайнеманном за это по 48 евро. Кстати, это был единственный гонорар полученной мной за последние 20 лет от средств массовой информации. Отечественные журналисты, телеведущие, режиссёры документального кино и т. д., не раз привлекая меня для консультаций и интервью, ни разу даже не заикнулись о гонорарах, считая, видимо, что оказывают мне честь. Это один из показателей отношения к знаниям учёных в современной России. В дорыночном СССР дело обстояло иначе.

Центральными проблемами были выбраны особенности взаимоотношений науки, государства и общества в условиях формирующегося и усиливающегося режима государственного и политического тоталитаризма. К основным аспектам рассматриваемого процесса отнесены изменения в сфере академической науки и системы высшего образования, специфические особенности формирования «пролетарской» биологии, становление системы информационного контроля и вынужденный изоляционизм советской науки в период Холодной войны.

Для редактирования этой книги Хайнеманн пригласил меня на полтора месяца в свой Институт, где предоставил уникальные возможности для работы с новейшей литературой и ее копирования. По моим заявкам, любая книга из библиотек Германии доставлялась прямо в Институт в течение нескольких дней. Более того, в моем распоряжении круглосуточно была институтская библиотека, насчитывающая около 30 000 и постоянно пополняющаяся. Это позволило мне в этот и последующие ежегодные приезды не только подробно ознакомиться с состоянием историко-биологических исследований на Западе, но и собрать уникальный литературный и отчасти архивный материал по социальной истории биологии в разных странах, прежде всего в Германской империи, Веймарской республике, Третьем Рейхе и США.

Помимо меня, проведшего в этом институте в общей сложности более полугода, несколько раз в Ганновер приезжал М.Б. Конашев, а также по месяцу работали Н.Е. Берегой, А.В. Самокиш, А.А. Федотова, Т.И. Юсупова. Подолгу работали у Хейнеманна и учёные из других учреждений РАН. Для облегчения общения с ними он даже в конце 2002 г. принял на полставки Елену Локшину, эмигрантку которая блестяще знала немецкий. От неё, а также от часто бывавшей у Хайнеманна в последние годы Ольги Синчиновой, работавшей ранее в Физико-техническом институте, а затем в Ганноверском университете, удалось много узнать о трудностях адаптации мигрантов из России к жизни в Германии. В то время ещё не все понимали разницу между туризмом или кратковременной работой за границей и эмиграцией.

Хайнеманн отличался высокой активностью, все время фонтанировал идей грандиозного немецко-русского проекта о советской науке в годы Холодной войны, часто приезжал в Россию, вёл переговоры со многими руководителями петербургских вузов и институтов. В свою очередь, в Германии он старался организовывать мне встречи с ведущими немецкими историками биологии, а заодно и знакомил с различными городами Германии. Не раз я бывал у него дома, благодаря чему мог узнать, как живёт преуспевающий немецкий профессор, и сравнить с бытом нашей профессуры, который на этом фоне выглядел просто нищенским. Однако первоначальный вариант проекта встретил ряд вопросов и замечаний, на которые, по правилам Немецкого исследовательского фонда (DFG), надо было отвечать, а Хайнеманн не привык к тому, что грант ему дают не сразу, и мы его не получили.

В связи с достижением им пенсионного возраста его Институт влили в какой-то другой, а его перевели в статус почётного профессора. Он по-прежнему активен, не раз приезжал в Санкт-Петербург, приглашал в Ганновер. К сожалению, обстоятельства складываются так, что я все не могу туда выбраться. И это жаль, так как никогда и нигде я не имел столь благоприятных условий для работы, которые создавал мне М. Хайнеманн.

Поскольку было невозможно работать с 7 утра до 11 вечера, я каждый день совершал длинные пешие прогулки по городу или по лесопарку рядом с Институтом, что позволило воочию видеть, как введение в Евросоюзе единой валюту сказалось на повседневной жизни Германии. Если в первые годы Ганновер производил впечатление процветающего города, то с заменой марки на евро реальная покупательная способность граждан сократилась, по крайней мере, в два раза. Это было достигнуто просто: в цифрах зарплата и цены остались прежними. И уже с 2003 г. все чаще приходилось сталкиваться с целыми кварталами закрытых магазинов. Больше впечатление на меня произвели опустошения в крошечных садах-огородах, размером не более сотки, где стояли маленькие домики, росли пара деревьев, несколько кустов и цветы. Многие из них вскоре оказались заброшенными, так как хозяева, видимо, не могли платить налоги за аренду, а желающих купить участок не было.

На моих глазах происходило резкое возрастание числа мигрантов из России, русская речь слышалась повсеместно. Характерен разговор подростков в трамвае: «У нас в классе только два мальчика говорят по-немецки, а в соседнем классе только одна девочка знает немецкий язык». Выплаты пособий мигрантом по немецкой и еврейским квотам также обременяли немецкий бюджет. Хозяевами и обслугой большинства шашлычных, пиццерий, бистро и прочих заведений питания были мигранты, преимущество из Китая, Турции, арабских стран. Немало было и выходцев из Африки, многие из которых вряд ли были студентами или высококвалифицированными сотрудниками.

Тем не менее, я ни разу не слышал из уст немцев ни единого расистского или националистического высказывания и не сталкивался с враждебностью по отношению к понаехавшим мигрантам. Немцы моего поколения были воспитаны с сознанием национальной вины и платили долг за грехи предшественников. Здесь были немыслимы даже шутки на подобные темы. Полагая, что ввиду моего отчества меня никогда нельзя заподозрить в антисемитизме,

я как-то рассказал еврейский анекдот в кампании Хайнеманна, его сотрудницы-переводчицы и семейной пары, у которой мы ночевали в окрестностях Ольденбурга. Неожиданно для меня воцарилось молчание, а затем переводчица, также еврейская эмигрантка из России, которая сама нисколько не была шокирована анекдотом, посоветовала мне не шутить подобным образом. Оказывается, за подобные шутки можно попасть в тюрьму. Для меня это было удивительно, так как в России никто в анекдоте не усматривал националистической подоплёки. Еврейские анекдоты семиты рассказывают с не меньшим удовольствием, чем антисемиты.

В другой раз шутить подобным образом мне отсоветовала моя ученица, с которой я был в знаменитом пивном баре Мюнхена, откуда начиналась карьера А. Гитлера. Мне показалось историческим парадоксом, что белокурые гретхен обсуживают посетителей, большинство из которых были явно не арийского происхождения. И я спросил, а что будет, если я в шутку выкрикну нацистское приветствие. Мне ответили, что пять лет тюрьмы гарантировано, невзирая на моё отчество. Позже я узнал, что с подобными шутками можно нарваться на неприятности и Великобритании, и в США. Оказалось, что идеи и лозунги национал-социализма даже в быту безнаказанно можно произносить только в России, стране, в набольшей степени пострадавшей от нацистской Германии. Здесь нацистские лозунги звучат отнюдь не как шутки.

Благодаря Хайнеманну я мог лучше окунуться в повседневную жизнь Германии и убедиться воочию, что благодаря организованности и трудолюбию немецкого народа не только построена процветающая страна, но тратятся огромные средства для подъёма экономики многих других членов Евросоюза. Немцы безропотно несут это бремя, так как убеждены, что бескорыстная помощь другим странам позволит навсегда покончить с войнами в Европе. Я не уверен, что это так. Порой это расценивается нищими как слабость и появляется желание все отобрать. Арабское и африканское население Франция особенно далеко продвинулось в этом направлении из-за абсолютизации принципа толерантности.

Содружество с Хайнеманном позволило мне перейти к широкому сравнительному анализу особенностей отечественной науки и наук других стран, прежде всего, Германии. Впервые к этой проблематике я обратился в рамках крупного немецко-русского проекта, финансируемого Volkswagen, руководителем которого, как я уже говорил, был Дитрих Байрау. Однако не во всех разделанных подготовленной книге «В джунглях власти: интеллектуальные профессии при Сталине и Гитлере» (2000) удалось провести сравнительный анализ различных эпизодов из истории науки двух стран, так как российские исследователи почти не знали историю национал-социалистической науки. Пожалуй, только введение самого Д. Байрау, а также статьи Б. Фойленбаха о деформации исторической науки при Гитлере и Сталине и Г.-В. Шмуля о расовой гигиене и евгенике в Германии и СССР были выдержаны в жанре историко-сравнительного анализа

Участие в этом проекте позволило мне лучше понять, как готовятся коллективные монографии на Западе. Опыт был поучителен. Каждый год Байрау приезжал в Санкт-Петербург, чтобы заслушать наши отчёты о проделанной работе, которая обязательно должна была строиться на новом архивном материала, проанализированном с учетом целей и задач проекта. При этом каждый раз надо было сдать рукопись объёмом 4–5 печатных листов, которая в дальнейшем должны были стать основой твоей главы в будущей монографии. Кроме того, летом 1997 г., воспользовавшись моим пребыванием в Тюбингене, он предложил мне сделать доклад на семинаре, в котором участвовали не только немецкие, но и американские историки. Несколько дней мы вместе с историком биологии из Гамбурге Торстером Рюттингом жили в квартире Байрау, который доверил ему свою машину, чтобы он показал мне окрестности Тюбингена.

Итоговая конференция по проекту состоялась в горном городке Блаубойрен в Баварии в декабре 1997 г. В ней участвовали около 30 человек. С российской стороны доклады делали В.Д. Есаков, Б.С. Илизаров, Ю.С. Воронков, А.Б. Кожевников, А.П. Купайгородская, К.О. Россиянов, В.С. Соболев и др.; с немецкой — Л.-Д. Берендт, Ф. Дам, Т. Рюттинг, Б. Фауленбах, Г.В. Шмуль, Х. Мик и др. Каждый доклад вызывал оживлённые дискуссии, по итогам которых Байрау и принимал решение, какие из них следует включить в будущую монографию. Но прошло ещё более трех лет, прежде чем она увидела свет и была отмечена положительной рецензии а одной из ведущих немецких газет. На Западе это считается более важным, чем рецензия в научном журнале. Неожиданно для меня, среди участников проекта, не выполнивших взятых на себя обязательства, были и немецкие историки. На мой недоуменный вопрос, как такое возможно в Германии, Байрау ответил: «В России немало мифов о дисциплинированности и обязательности немцев, на самом же деле разгильдяев и среди них хватает».

И ещё несколько деталей врезалось мне в память во время работе над этим проектом. Несколько дней я работал в Институте, возглавляемом Байрау. Все научные сотрудники знали русский язык, а стажеры из России безукоризненно владели немецким. В библиотеке Института, состоявшегося из нескольких человек, были все ведущие международные журналы, связанные с историей России и российской науки. Более того, там было огромное собрание разного рода учёных записок, вестников и трудов вузов, включая периферийные, связанные с историческими исследованиями. Наши библиотеки никогда так не комплектовались.

Поскольку конференция в Блаубойрене должна была состояться через несколько дней после моего выступления на другой конференции в Гёттинге и возвращаться на два-три дня в Россию было нецелесообразно. Байрау пригласил меня приехать до конференции, поселив в дом одной из своих знакомой, которая после войны вместе с родителями инженерами была вывезена в Ленинград, где прожила несколько лет, учась в советской школе. И хотя они вроде были там на положении военнопленных, женщина (к сожалению, я не могу вспомнить ее имя), тепло вспоминала юность, проведённую на чужбине, и была рада приютить меня в память тех лет. С ностальгией вспоминал прошлую жизнь в СССР и эмигрант из Казахстана, немец по происхождению, с которым я случайно познакомился. При этом он удачно устроился, работал фактически по специальности водителем автобуса, а в СССР он был автомехаником в совхозе.

Работа над проектом «Образованные слои при тоталитарных режимах» оказалась знаковой для меня. Прежде всего, она дала опыт командной работы в международном проекте. В этом отношении полезным был симпозиум в г. Блаубойрен и семинары в Тюбингене и Санкт-Петербурге. Они давали возможность посмотреть как бы со стороны результаты собственных исследований, сравнить их с результатами коллег и т. д. Во-вторых, сам проект показал мне перспективы историко-сравнительного анализа развития науки в разных странах и побудил к изучению огромного комплекса литературы об истории немецкой науки в конце XIX — первой половине XX. И в-третьих, впервые в моих публикациях основные выводы были сделаны не на изучении литературных первоисточников, а на архивном материале. С тех пор работа в архивах стала неотъемлемой, а порой и главной компонентой моих работ.

В 2001 г. Бойрау попросил пригласить его в качестве визит-профессора на несколько месяцев, но оплачивало все немецкая сторона. Вообще в международных контактах того времени существовали дикие обычаи. Когда мы ехали за границу, то приглашающая сторона оплачивала все, а затем, когда они приезжали к нам, то тоже за все платили сами. Мы же не имели, да и сейчас не имеем права заплатить им ни копейки, даже если они участвовали в наших грантах. И если в начале 1990-х гг. это ещё как-то можно было объяснить, то по мере появлению у нас все большего количества бизнесменов, скупающих в западной Европе дворцы

и имения, зарубежным коллегам становилось непонятно, почему российские учёные находятся в столь бедственном положении и почему они должны тратить на них деньги своих налогоплательщиков. Я прекрасно понимал справедливость подобных рассуждений и поэтому старался по мере сил и возможностей найти средства для частичного финансирования совместных проектов.

Во время пребывания в Санкт-Петербурге Байрау выступил с докладом «Утопические элементы в реализации социальных цивилизаций: наука, техника, психотехника и т. п.», в котором шла речь о попытках воспитать «нового» человека в СССР в 1920—1930-х гг. Часть наших сотрудников, не желавших отказываться от исторических идеологем прошлого и не знакомых с методологией социальной истории науки, враждебно встретила этот доклад, что отнюдь не обескуражило Байрау. После доклада мы подробно обсудили перспективы дальнейшего сотрудничества. В частности, он предложил кому-нибудь из наших молодых кандидатов исторических наук поддать заявку на получение двухгодичного гранта в Немецкого фонда Герды Хенкель, что и было сделано А.Н. Дмитриевым.

Тогда же мы с Байрау договорились о проведении в Санкт-Петербурге Международную конференцию о взаимодействии науки и общество в Первой мировой войне приуроченной к 90-летию ее начала. Эта проблема по ряду причин практически не затрагивалась в советской историографии, тогда как в немецкой ей было посвящено огромное количество работ. Конференция состоялась в апреле 2003 г. в финансовой поддержке РФФИ, РГНФ и Немецкого фонда Герды Хенкель. В ней участвовали около 30 учёных Германии и США. Были обсуждены проблемы: развития науки накануне 1914 г.; пропагандистской войны как средства мобилизации учёных; взаимодействия науки и государство, науки, техникой и промышленностью; организации науки во время войны; соотношения патриотизма и диссидентства; преодоления последствий войны. Большой объём организационной работы выполнила моя ученица Юлия Александровна Лайус, которая по совместительству работала в Европейском университете и имела большой опыт проведения международных мероприятий. Она же вместе со мной и Байрау стала редактором «Наука, технология и общество в Первой мировой войне» (2007), построенной на материалах конференции. Перевод статей немецких авторов был выполнен Г.В. Снежинской, с которой мы сотрудничали много лет. В этой книге впервые был дан последовательный историко-сравнительный анализ взаимоотношений между наукой, техникой и обществом России и Германии в период Первой мировой войны и рассмотрены различные аспекты воздействия войны на организацию науки, на ее взаимодействие с военной промышленностью, на соотношение фундаментальных и прикладных исследований, на систему международных связей, на нормы и ценности научного сообщества. Особое внимание в работе было уделено использованию опыта Первой мировой войны для мобилизации науки в годы подготовки и ведения Второй мировой войны.

Последний вопрос позднее был проанализирован мной вместе с В. Грунденом (США), Г. Майером (Германия), Ю. Кавамура и М. Ямазаки (Япония) в крупном международном проекте «Сравнительная история Общества Кайзера Вильгельма (ОКВ) при национал- социализме», с участием более 30 учёных из более разных стран. Руководителями проекта, финансируемого Обществом Макса Планка, были крупнейшие специалисты по истории науки в Третьем Рейхе К. Сакс (Германия) и М. Уолкер (США). Им удалось собрать сильный международный коллектив, члены которого дважды встречались в Доме Гармака Общества Макса Планка (Берлин) для обсуждения хода совместной работы. Сложность этой работы заключалась в том, что сравнительный анализ надо было провести сквозь каждую главу, написанную представителями разных стран. Итоги этого проекта были опубликованы в специальном выпуске альманаха «Osiris» под названием «Политика и наука в военное время. Сравнительное изучение Общества Кайзера» и были использованы также в русско-японском проекте

«Наука и война. 1935–1953. Сравнительное исследование», руководимое Хироши Ичикава и финансируемое японской стороной. В рамках этого проекта состоялся круглый стол в СПбФ ИИЕТ в марте 2004 и симпозиум в Университете Хиросимы в сентябре 2005 г. Это был первый мой визит в Японию, да к тому же в город, пострадавший от ядерной обстановки. Хозяева были очень любезны и внимательны. Год спустя материалы симпозиума были опубликованы в книге «Наука и война», изданной на японском языке под редакцией Ичикава Хироши.

Участие в международных проектах и собранный литературный и архивный материал позволили приступить к сравнительному анализу особенностей отечественной биологии и науки Германии. В начале я намеревался ограничиться несколькими статьями в рамках гранта РГНФ, завершённого мною в конце 2003 г., незадолго до моей операции по аортно-коронарному шунтированию. Но выздоровление шло не быстро и я на несколько месяцев сел на бюллетень, да и после его закрытия далеко не каждый день ходил на работу. Образовавшуюся паузу заполнял выписыванием различных сюжетов из социальной истории биологии двух стран в переломные моменты их развития во второй половине XIX — первой половине XX века.

В то время одни авторы увлекались поисками сходных черт в арийской и пролетарской науке, другие с негодованием отвергали подобные попытки. Но, как правило, у нас на эту тему писали философы, не очень знавшие, какова на самом деле была наука в Третьего Рейхе, каковы были ее взаимоотношения с властями и в какой степени учёные были вовлечены в политику национал-социалистов. Им не был известен обширный массив литературы на английском, а тем более на немецком языке, посвящённой этой тематике. У меня же к тому времени скопились сотни ксерокопий книг и статей, сделанных во время визитов в Ганновер. К тому же была возможность уточнять и проверять сведения в последующие годы. Важным стимулом служил и рост популярности национал-социалистических идей и лозунгов в России, что, по моему мнению, грозило национальной катастрофой. Я хотел показать, как самые благородные идеи улучшить все человечество или свою нацию, в конечном счёте, ведёт к гибели собственную страну,так как это делается за счёт уничтожения других.

Таким образом, не чисто научный интерес, но и желание понять аномалии российского общества, дрейфующего в сторону правого радикализма, побуждали меня завершить проект книгой «Биология Германии и России — СССР в условиях социально-политических кризисов первой половины XX века: между либерализмом, коммунизмом и национал-социализмом». Неожиданно с первого заходы был получен издательский грант РГНФ, и уже на границе 2006 и 2007 гг. был отпечатан тираж в 1000 экземпляров. Опираясь на опыт участия в вышеназванных международных проектах, я старался провести комплексный историко-сравнительный анализ когнитивных, институциональных, социально-культурных и политико-идеологических факторов развития биологии в России и Германии в конце XIX — первой половине XX в. Динамика взаимодействия науки, власти и общества в ходе «пролетаризации», «аризации», «национализации» и «милитаризации» биологии рассматривается сквозь призму эволюции политики правящих элит по отношению к биологии, а также с учётом борьбы внутри биологического сообщества и реакции различных групп учёных на создание «идеологически корректной биологии». Показана роль биологии в модернизации двух стран, в установлении и функционировании тоталитарных режимов, изменение ценностных ориентаций и традиций биологического сообщества, тематики и дискурса биологических исследований, их философских и идеолого-политических оснований.

Книга имела большой успех, быстро превратившись в библиографическую редкость несмотря на приличный для наших дней тираж. Сделанная два года спустя допечатка также быстро исчезла. На книгу вышло около 20 рецензий не только в отечественных и зарубежных

научных журналах, но и в средствах массовой информации: газетах, радио и телевидение. Номинировали ее и как лучшую книгу на 2007 г., о чем я, правда, узнал только из прессы.

«Нам не дано предугадать, как слово наше отзовётся». И в Интернете, и в беседах с коллегами приходилось убеждаться, что некоторые увидели в книге реабилитацию учёных, принявших идеи национал-социалистов и участвовавших в их осуществлении. Были и такие, кто считал, что биологи Третьего Рейха даны в более привлекательном виде, чем советские. На самом же деле я писал, что попытки создать некую арийскую или немецкую биологию завершились неудачей, в то время как в СССР расцвела «мичуринская биология» от имени которой репрессировались другие направления. Вообще кощунственно обсуждать, где было лучше, а где хуже на фоне трагической истории немецкой и советской биологии при тоталитарных режимах. В СССР жертвы измеряются сотнями, тогда, как в Третьем Рейхе уничтожены только два биолога: В. Арнд и Г. Прижбрам, и около 15 были уволены с государственной службы. У нас только во Всесоюзном институте растениеводства, созданном Н.И. Вавиловым, цифры на порядок выше. И особенно странно было слушать упрёки, что на фотографиях немецкие биологи в эсэсовских формах выглядели симпатично. Видимо, приверженцы черно-белой истории науки, хотели бы, что вместо фотографий я помещал бы их карикатуры.

Наука и кризисы

Примером удачного сотрудничества историков науки многих странах США, Японии, Китая и России в рамках проекта, предложенного российской стороной и поддержанного РГНФ, на мой взгляд, может служит коллективный труд «Наука и кризисы: историко-сравнительные очерки» (2003). Идея провести комплексное исследование наук при тоталитарных режимах XX в. возникла в 1994 г. в беседах с профессором Я.М. Рабкиным из Канады. Когда-то он учился в аспирантуре ИИЕТ АН СССР, подавал большие надежды. Мы с ним познакомились в те годы благодаря его однокурснице Ларисе Фроловой, работавшей в ЛО ИИЕТ. На меня большое впечатление произвёл доклад Рабкина, если не ошибаюсь, о институционализации прикладной химии в США. И по стили, и по содержанию он резко отличался от остальных. Но каких-то тесных отношений не было, так как показался типичным общественником на почве науки.

Неожиданно он стал правоверным иудеем, и по окончании аспирантуры эмигрировал в Израиль, оттуда переехал в Канаду, где стал профессором истории Монреальского университета, автором резонансных монографий по взаимодействию науки и техники, науки и культуры, а также по политической истории науки. Ряд из них посвящены судьбам науки и учёных после расформирования СССР, взаимоотношению политических свобод и свободы научного поиска. Он был известен не только в научной среде, но и в общественно-политических кругах, будучи консультантом ряда международных организаций (ОЭСР, НАТО, ЮНЕСКО, Всемирный банк) по вопросам науки и высшего образования и неоднократно выступая в престижных журналах и газетах, а также на радио и телевидении многих стран.

Ко мне он обратился с идеей провести серию международных конференций, посвящённых сравнительному анализу науки при тоталитарных режимах, начиная с революционной Франции XVIII века и кончая китайской культурной революцией в 1960-е гг. Имевший богатый опыт научно-организационной работы на западе, свободно владевший пятью языками, глубокий исследователь, Я.М. Рабкин был для меня интересным собеседником и многообещающим партнёром. К тому же мы оба росли в реалиях поздней хрущевской оттепели и ранних брежневских заморозков и легко понимали друг друга. Хотя меня и забавлял его несколько демонстративный фундаментализм, жёсткое следование всем предписаниям иудаизма в повседневной жизни.

В ряде встреч, а также в активной переписке в 1994–1995 гг., был очерчен круг проблем, объектов исследования, цели и задачи, сформулирована методология и идеология предстоящей программы, в которой предполагалось рассмотреть переломные моменты в истории Франции, Германии, России, США, Италии, Испании, Китая и т.д. Первая установочная конференция «Научная политика между автономией и централизация» должна была состояться в Санкт-Петербурге. Благодаря Рабкину ею заинтересовался какой-то совет НАТО, выразивший готовность финансировать встречу, попросив изменить название на «Continuity and Rupture between Totalitarian and Post-totalitarian Research System» и ориентироваться не только на историю и социологию науки, но и науковедение, политику, право и экономику науки, т.е. весь круг вопросов, входящих в формирующуюся отрасль знаний Scence of Studies. Было рекомендовано включить в состав участников не только представителей академических кругов, но и правительства, а также экспертов из разных городов России, союзных республик и бывших социалистических стран Восточной Европы. Будучи готовой внести решающий вклад в финансирование конференции, НАТО выразило желание знать, какая часть будет выделено местным правительством, а также РАН, СПбГУ, СПбСУ и т. д.

В целом большинство вопросов было урегулировано, мы прошли о первый этап какого-то конкурса, нам обещали 25 тыс. долларов, но окончательное решение должно было состояться после завершение выборов губернатора в Санкт-петербурге. По словам Рабкина, в НАТО особенно обрадовались результатам первого круга, где уверенно лидировал А.А. Собчак. Но далее произошло неожиданное: харизматичный А.А. Собчак проиграл выборы какому-то совершенно неизвестному не только на Западе, но даже в Санкт-Петербурге хозяйственнику В.А. Яковлеву. С ним в Смольный пришла другая команда, в которой не было место известному в академических кругах либералу А.М. Елишевичу. На посту председателя Комитета по науке и высшему образованию Санкт-Петербурга его сменил малоизвестный заместитель декана приборостроительного факультета Ленинградского кораблестроительного института Виталий Александрович Рычков. Все планы были приостановлены, надо было налаживать новые контакты, в чем новые люди в Смольном не были заинтересованы. НАТО также не желала брать на себя всю тяжесть расходов и проект был отложен до новых времён. Потерял к нему интерес и Я.М. Рабкин, заявив, что на самом деле в каждой стране были разные ситуации и сквозное исследовании провести трудно. В результате проект, интенсивно разрабатываемый в течение двух-трех лет, не состоялся.

Однако работа в этом направлении была начата в Санкт-Петербургском филиале Института истории естествознания и техники РАН по инициативе Министерства науки и технологии РФ, возглавляемого вице-премьером правительства Е.В. Фортовым. В начале 1997 г. он обратился с просьбой к академику-секретарю Отделения истории РАН А.А. Фурсенко подготовить в сжатые сроки исторический обзор о том, какие кризисы переживала наука в других странах и в другие времена и как она из них выходила. На предложение Фурсенко подготовить аналитическую записку на эту тему я вначале ответил отказом, но телефонный разговор с ним слышали Д.А. Александров и М.И. Микешин. В два голоса меня убеждали, что я не прав, что наш профессиональный долг довести до сведения правительства точку зрения историков науки на этот счёт, что они возьмут на себя всю основную работу, а на мою долю останется только титульное редактирование. С большим энтузиазмом мы обсуждали различные аспекты предполагаемой работы и была выработана исходная позиция, суть которой заключалась в том, что кризис это не катастрофа, а болезнь роста связанная с пересмотром взаимоотношений научного сообщества с властью и со становлением новой структуры их взаимодействий и языка. При этом были использованы и наработки из несостоявшегося проекта с Я.М. Рабкиным.

Успешный старт не нашёл продолжения. Д.А. Александров вскоре на месяц уехал в Норвегию, откуда прислал несколько страниц тезисов о советской науки в 1920-е гг. и реферативную работу о науке США в «Великую депрессии». Между тем, час Икс приближался и мне пришлось написать большую часть текста, включив туда разделы, присланные Д.А. Александровым, мой реферат его статьи о науке при национал-социализме, кое-какие материалы по российской науке, подготовленные А.В. Кольцовым и М.И. Микешиным. Хотя в основу обзора была положена нетривиальная концепция, в целом он был сырым и в значительной степени носил компилятивный характер. Поэтому мы решили, что поскольку правительственный заказ был получен через Фурсенко, то ему и решать, можно в таком виде его подавать в Министерство науки и высшего образования. Более того, я попросил Фурсенко быть вместе со мной титульным редактором, с чем он согласился, ознакомившись с текстом и внеся в него ряд исправлений.

Обзор, названный «Наука и кризисы» (объёмом 6 п.л.), был оценён положительно, нам щедро заплатили и на некоторое время о проекте забыли. Осенью 1997 г. я и Д.А. Александров написали главу для коллективной монографии «Наука и безопасность», выпущенной в 2001 г. Институтом истории естествознания и техники РАН под редакцией В.М. Орла. Полгода спустя по инициативе А.А. Фурсенко был разработан план-проспект коллективной монографии «Наука и кризисы: исторические очерки», поддержанный Региональным фондом Санкт-Петербурга. Помимо авторов аналитической записки в исследовательский коллектив вошли И.С. Дмитриев, Ю.Х. Копелевич, Н.Л. Кременцов, Т.В. Чумакова, М.Ф. Хартанович. Но правительство В.С. Черномырдина ушло в отставку, финансирование прекратилось, и энтузиазм ряда участников проекта угас.

Важную роль в совершенствовании концепции сыграли главы о науке во времена Английской революции XVII века и особенно Великой Французской революции, подготовленные директором Музея-архива Д.И. Менделеева, профессором И.С. Дмитриев. Один из самых ярких историков и философов в современной России, блестящий стилист и оратор, он, в известной степени задал масштаб выполняемого исследования, написав вместо планируемых кратких глав в 1–1,5 п. л. фактически микромонографии, что потребовало оболе детального рассмотрения кризисов в других стран. Н.Л. Кременцов дал оригинальный анализ развития науки во время Великой Отечественной войны и позднего сталинизма, базирующийся на уникальном архивном материале, а Ю.Х. Копелевич смогла в соответствии с новой концепцией рассмотреть прежние свои работы по истории российской и зарубежных академий наук. К сожалению, вскоре из жизни ушёл А.В. Кольцов, но беседы с ним и подготовленные вместе с ним разделы по российской науке в первые два десятилетия XX века очень много дали для понимания переломного момента в развитии отечественной науки, связанного с революциями 1905 и 1917 гг., Первой мировой и Гражданской войнами. Месте с тем, с увольнением А.Д. Александрова встал вопрос об аналогичных текстов по проблеме выживания науки в периоды глобальных кризисов в США и Германии, которые он ранее брал на себя.

Вскоре выяснилось, что параллельно под руководством профессора департамента истории объединённого колледжа в Скенектади штата Нью-Йорк М. Уолкера, шла работа над книгой «Наука и идеология», вышедшей практически в один месяц с книгой «Наука и кризисы», В ряде ее глав, прежде всего в статье Я.М. Рабкина и Е.З. Мирской, а также в главе «Идеологически корректная наука», написанной М. Гординым, В. Грюндером, М. Вальтером и З. Ванг, содержался ряд положений, ранее обсуждённых мною с Я.М. Рабкиным. Видимо, поэтому удалось легко установить рабочий контакт с М. Уолкером, с которым я познакомился феврале 1999 г. на конференции в Регенсбурге. Он согласился помочь подключить к реализации российского проекта, поддержанного РГНФ и, историков науки из США, Японии и Китая. Это было огромной удачей. Ведущий в мире специалист по истории создания атомной

бомбы в Третьем Рейхе Уолкер, казалось, был создан для коллективных монографий. Он лично написал для нашей книги три блестящие главы, содержащие сравнительный анализ науки в Германской империи, Веймарской республике, Третьем Рейхе и ФРГ.

По его рекомендации к нам присоединились и другие авторы. Профессор Вальтер Грюнден из департамента Боилинг Грин государственный университете в штате Огайо подготовил статью о мобилизации науки в Японии во Второй мировой войне. Конг Као, работавший в Государственном университе Нью-Йорка, написал статью о науке и учёных во время культурной революции. При переводе его статьи возникли трудности. Мои сотрудники, которые были младше меня на 10–25 лет, прекрасно знавшие английский язык, не могли понять многие места в его статье, так как он, уроженец Китая, писал, используя штампы и язык того периода. И здесь опять сыграл фактор поколений, я смог понять и, надеюсь, передать смысл бытовавших выражений типа «вонючая бочка», «школа кадров 7 мая», «дурно пахнущие» и т. д.

Наконец, благодаря Н.Л. Кременцову мы получили статью от крупнейшего специалиста по политике, науке и военно-промышленному комплексу США во время Холодной войны Стюарт Лесли, которому я смог вручить книгу только в 2005 г. в Японии.

В итоге нам удалось рассмотреть проблему наука и кризисы в широком временно-пространственном масштабе, рассматривая не только возникновение новых институтов, но и поведение учёных и состояние самой науки в экстремальных условиях. Для более тесной интеграции глав (общим объёмом 65 п. л.), написанных 12 авторами из 4 стран. К каждому разделу: «Институционализация науки и кризисы Нового времени», «Наука между коммунизмом, национализмом и либерализмом», «Вторая мировая война» и «Наука и Холодная война» — я написал введение и заключения, помимо общей концепции и выводов, изложенных в предисловии и послесловие редактора. Большой вклад в сближении манеры изложения внесла моя помощница филолог Ирина Александровна Белозерова, занимавшаяся переводами и литературным редактированием. Моя аспирантка ботаник Анастасия Александровна Федотова выполнила огромный масштаб работы по уточнению литературных ссылок и авторского указателя.

При всех отличиях в стиле и оценках, неизбежных при изучении сложных и противоречивых событий, разворачивавшихся на протяжении более трех чем столетий в различных социально-культурных условиях, авторы придерживались некоторых общих теоретических установок. Во всех главах монографии история науки рассматривается в кризисной динамике общества и государства, что позволяло понять механизмы преобразования отношений науки, государства и общества и мотивы поведения отдельных учёных, их групп и научного сообщества в целом. Главная цель книги заключалась в том, чтобы преодолеть традиционные рассуждения о роли науки в эпоху глобальных кризисов, опиравшиеся до сих пор в основном на философско-мировоззренческие постулаты, дававшие немало доводов как «за», так и «против» тезисов о пользе или вреде науки. Мы были убеждены, что предшествующий опыт, например, Древнего Рима или нацистской Германии, свидетельствует, что без науки у государства нет перспективы, а религиозность и мистицизм, охватывающие общество, — не знак духовного возрождения, а предвестник его гибели. С целью проверки этого тезиса и был осуществлён масштабный историко-сравнительный анализ кризисных ситуаций, в которых оказывалась наука разных стран, начиная со времён Английской буржуазной революции вплоть до «культурной революции» в КНР.

В то время как лидеры академического сообщества России культивировало миф об учёных, якобы невмешивающихся в политику, было показано, что зачастую именно их действия способствовали началу социально-политических и экономических преобразований, приводивших к кризису. Будучи втянутыми в водоворот событий, в какой-то степени инициируе-

мых ими, они затем одними из первых страдали от кризисов, так как власть и общество в эти периоды, как правило, не желали довольствоваться прежними формами организации научных исследований и их практической эффективностью. В поиске новых форм взаимоотношений науки и государства каждая из сторон старалась с максимальной выгодой для себя использовать неустойчивость ситуации.

При этом мы старались пояснить российскому научному сообществу, что трактуемое как кризисное состояние науки в России означало слом прежних отношений между учёными, обществом и властью. До недавнего времени в рамках симбиоза государства и научного сообщества власти стремились использовать учёных для получения знаний, для развития экономической и военной мощи, для идеологического оправдания своей политики, для повышения международного престижа. Учёных привлекали как экспертов при принятии важных экономических и социально-политических решений. Вместе с образованием наука составляла единую систему, от которой зависело воспроизводство интеллектуальных ресурсов советского государства, всей его инфраструктуры, включая аппарат управления, систему здравоохранения, экономику и т. д. В свою очередь учёные считали свою работу исключительно важной для государства, которое было единственным заказчиком и предоставляло в их распоряжение огромные материально-финансовые для осуществления научных проектов.

В целом, эта модель была обычна для взаимодействия науки и власти в периоды, требовавшие максимальной мобилизации ресурсов. Со времён Реформации, когда наука стала социальным институтом, именно она обычно реализовалась в периоды крупных социально-политических и экономических потрясений, войн, обострения геополитической ситуации и т. д. С тех пор наука и власть были тесно связаны. Сильное государство стремилось иметь передовую науку, а власть, не уверенная в своем будущем, не желала вкладывать средства в проекты, не сулившие быстрой прибыли, рассчитывая на спасения благодаря причудливым смесям архаичных форм религии, философии и политических доктрин. Кризисные моменты в жизни государства и общества вынуждали власть и учёных искать новые формы взаимодействия. Нередко поиски сопровождались гибелью целых научных направлений и их создателей. Но при этом складывалась новая конфигурация отношения науки к власти, изменялся общественный статус учёных, модифицировались тематика и язык научных исследований, ритуалы научных мероприятий, традиции и этика научного сообщества.

В силу своего положения в обществе учёные неизбежно участвовали в решении актуальных социально-экономических и политических проблем. Научная интеллигенция, воспринимая себя как носителя национального разума, способного дать рациональные формы общественной жизни, всегда претендовала на активное участие в управлении государством и выработке стратегических решений. Учёные в кризисные периоды всегда стремилась решить на первый взгляд трудно совместимые задачи: с одной стороны усилить свою профессиональную независимость, а с другой — получить большую финансово-материальную поддержку от властей и обеспечить приток талантливой молодёжи в науку. А власть за предоставляемые ресурсы требовала не только, а иногда и не столько практические результаты, сколько идейно-политическую поддержку.

Примеры из истории главных «научных» стран (Англии, Франции, России, Германии, Японии, США и КНР), когда они находились в состояния остро выраженных или перманентных кризисов, позволили просмотреть основные сценарии разрешения кризисных ситуаций в развитии отношений науки, государства и общества, обусловленных кризисом общества в целом, а иногда локальными кризисами власти, природными катастрофами, временными спадами в экономическом и политическом развитии страны. Сравнительный анализ критических ситуаций в разных странах дал возможность исследовать причины, благоприятствовавшие или препятствовавшие развитию науки уже в ходе ее институционализации и социализации в

Новое время, когда шёл поиск первоначальных форм отношений между наукой и государством. Удалось выяснить, что, несмотря на специфику взаимоотношений науки и государства или, точнее, науки и власти в каждой стране, существовали некоторые общие алгоритмы. Наука страдает не только от того, что государство не уделяет ей достаточного внимания. Не менее пагубна и обратная ситуация. Необходимы оптимальные взаимоотношения между государственным регулированием и финансированием научных исследований и участием научного сообщества в определении адресатов этой финансовой поддержки и основных направлений научного развития. Однако их становление требует огромных усилий со стороны научного сообщества и затягивается нередко на многие десятилетия, как это произошло в современной России.

Чтобы выжить в этих условиях и сохранить науку, учёным не должны были пассивно ждать помощи от государства, надеясь на возвращения прежних времён. Успех сопутствовал тем, кто стремился к диалогу с властями, объясняя им важность своих проектов для государства, в том числе зачастую ничем не обоснованных. Сказалось и отсутствие авторитетных лидеров академического сообщества, чьи достижения получили мировое признание, поддержка которых способствовала бы росту престижа правящих кругов как внутри страны, так и за рубежом.

Теперь, когда наука и научное образование вошли в плоть и кровь современной цивилизации, обществу порой кажется, что оно легко обойдётся и без науки. Однако сколько бы ни была политизирована сама наука во все периоды ее существования, сколько бы ни были социально определены способы и результаты разрешения научных споров, провозглашаемые наукой нормы и ценности имеют непреходящее значение в современном мире. Наука и образование являются единой системой производства и воспроизводства знания и взаимно поддерживают друг друга. Там, где нет уважения к науке, нельзя ждать профессионально образованных и эффективно действующих врачей, экономистов, юристов, учителей и государственных чиновников.

Давно известно, что народ, не желающий кормить свою армию, будет кормить чужую. Но современная армия невозможна без науки, ориентированной на национальные интересы. Сама же наука проявляет удивительную живучесть, адаптируется и выживает в самой неблагоприятной социально-политической среде, неся плоды своих достижений в те страны, правительство которых может по достоинству их оценить. Если самый боевой и талантливый генерал, не поддержанный своим правительством, не нужен никому, то выдающийся учёный чаще всего найдёт возможность продолжить исследования в другой стране. В качестве парадокса я написал, что страна, отказавшаяся содержать свою науку, неизбежно будет подкармливать чужую. Тогда никто не мог даже представить, что это уже скоро может произойти у нас: в некогда вторую в мире научную державу за огромные деньги будут заманивать иностранных учёных, тогда как лучшие свои кадры эта держава вынудила искать судьбу на чужбине. Из пяти российских Нобелевских лауреатов, получивших премию за последние 15 лет, трое живут и за работают за рубежом. Вместо них в Россию за огромные деньги как челноков привозят весьма сомнительных лидеров мировой науки, цель которых в лучшем случае отобрать талантливую молодёжь и увезти ее к себе, а оставшихся здесь скармливать методологиями и технологиями 10–15-летней давности. Воистину, как писал Евгений Евтушенко в прежние годы и по другому поводу: «Никто, как русские, так не спасал других. Никто, как русские, так сам себя не губит». Не плохо про аналогичную ситуацию сказал Михаил Шолохов: «Жену отдай дяди, а сам иди к б…». В данном случае мы знаем этого дядю. Зовут его «Дядя Сэм».

Современная власть, сталкиваясь с критикой со стороны ряда представителей академической науки, оказалось неспособной понять, что научное сообщество в целом всегда было

готово принимать любую идеологическую риторику — быть «идеологически корректным» и служить власти. В противном случае нельзя было уцелеть, например, когда власти вместо обещанного Эльдорадо, получали очередной продукт фундаментальной науки с весьма смутными перспективами его практического использования. Для развития науки была важна не столько политическая свобода, сколько мощная поддержка со стороны государства при условии его невмешательства в профессиональную деятельность учёного. Однако история показала, что такие взаимоотношения в принципе недостижимы. Кто платит деньги, тот и заказывает музыку. Свобода в профессиональной деятельности, без которой рано или поздно приходят в упадок не только фундаментальные, но и прикладные науки, возможна лишь при наличии множественных независимых источников финансирования, что, однако, чревато распылением средств и отставанием в стратегически важных направлениях. Поэтому весьма непросто создать такие оптимальные формы сотрудничества правительства и научного сообщества в распределении имеющихся материальных и людских ресурсов и в координации научных исследований с учётом как общенациональных интересов, так и мировых тенденций научного поиска.

Презентация книги «Наука и кризисы», вышедшей в марте 2003 г., состоялась 24 июня 2003 г. в рамках конференции «Санкт-Петербург и мировая наука» и III-е Всероссийской конференции по науковедению и организации науки в период реформ. Малый конференц-зал СПбНЦ РАН был забит полностью. В обсуждении участвовали учёные из разных научных учреждений и высших учебных заведений Санкт-Петербурга, Москвы, Воронежа, Новосибирска. Во вступительном слове я рассказал о том, как родилась ее идея, как шло формирование авторского коллектива и насколько удалось международному коллективу реализовать первоначальные планы. Все выступившие в обсуждении отметили оригинальный характер книги, ее фундаментальность и энциклопедичность, выразив уверенность, что она станет отправной точкой для многих будущих историко-сравнительных исследований (Ю.А. Виноградов, И.С. Дмитриев, Б.И. Иванов, Ю.И. Кривоносов, Б.И. Козлов, В.П. Леонов, Е.З. Мирская, Э.А. Тропп и др.). В качестве пожелания Э.А. Тропп предложил в дальнейших изданиях книги обратить большее внимание на роль маккартизма в развитии науки США, а также предусмотреть более жёсткую интеграцию зарубежных авторов в историко-научных традициях отечественных исследований, что усилит монографический характер обсуждаемого труда, подзаголовок которого все-таки не случайно сейчас осторожно звучит «Историко-сравнительные очерки».

Вскоре на книгу вышло около 10 положительных рецензий, в разных странах. Ее пропагандистом стал известный политолог и социолог науки, профессор Южного федерального университета Виктор Павлович Макаренко, с которым у меня на этой почве установились прочные научные контакты. Несколько раз он приглашал меня в Ростов, где я выступал с докладами и лекциями, в том числе на его ежегодной школе по научной политике. В течение нескольких лет мне приходилось не раз выступать с докладами и лекциями на эту тему в разных престижных аудиториях, в том числе и за рубежом, у меня брали интервью для журналов и газет, приглашали на телевидение. В 2005–2009 гг. я часто читал краткий цикл лекций на эту тему на курсах переподготовки профессорско-преподавательского состав к экзамену по истории и философии науки на философском факультете и в Гуманитарном институте СПбГУ, и, как правило, встречал доброжелательный приём.

Особенно заинтересовались этой книгой в Китае, где в 2003–2011 г. я не раз бывал в длительных командировках, читая курсы лекций по истории науки в университете Циньхуа и выступая с докладами в университетах Нанкина, Шанхая, Чанши, Синянь и в Институте истории естествознания Академии наук КНР. Под влиянием обсуждения книги с китайскими

коллегами я заинтересовался итогами реформ в послесоветской науке и вместе с Надеждой Алексеевной Ащеуловой подготовил несколько презентаций и публикаций на эту тему.

Вместе с тем не все готовы были принять выводы историко-сравнительного исследования. Это показал мой доклад в рамках ежегодных встреч лауреатов Нобелевской премии и «Глобальной энергии» в марте 2005 г. Среди докладчиков конференции «Наука и общество» не было представителей гуманитарных и общественных наук. Видимо, выдающиеся физики, математики, биологи и экономисты знали, как строить отношения с властью и обществом. По совету Н.А. Ащеуловой, которая помогала мне готовить первую в моей жизни презентацию, я вначале кратко остановился на кризисе современной российской науке. Готовя этот раздел, я с удивлением обнаружил, что у нас нет достоверных данных о том, каково ее современное состояние. Даже, казалось бы, базовые цифры о числе учёных, уехавших за границу, или объёмах финансирования различались на порядок.

Выступать мне довелось последним, когда регламент был исчерпан и приглашённые томилась в предвкушении вечера в Доме учёных на Дворцовой набережной. Передо мной выступал вице-президент РАН А.Д. Некипелов, который не уложился в регламент, но которого председательствующий, не осмеливался прервать. Чуть раньше на зал большое впечатление произвёл яркий доклад академика-секретаря Отделения-экономики РАН Д.С. Львов. В чем-то тематика наших докладов пересекались, но были существенные различия в данных и оценках. Он говорил, что беды России не столько в «дураках» и «дорогах», сколько в «дураках на дорогах», к которым он однозначно причислял представителей властей и бизнеса. Для него выход из современного кризиса был прост: надо слушаться академиков-экономистов и дать учёным столько денег, сколько они просят, не докучая вопросами, на что они потрачены. Предшествующие поколения учёных с лихвой оплатили затраты на науку на несколько столетий вперёд, а посему власть должна кормить учёных, даже их ценность сегодня не так уж велика. Подобные взгляды импонировали многим в аудитории Большого конференц-зала СПбНЦ, набитого битком.

Мои суждения о выходе из кризисного состояния отечественной науки путём конструктивного диалога с властями были приняты, видимо, не всеми. Из-за недостатка времени дискуссии не было, но один из наиболее активных и талантливых представителей академического корпуса в Санкт-Петербурге А.М. Финкельштейн сказал в кулуарах сразу после доклада: «Ну, Эдик, ты одним докладом все академии наук мира обоср…». Позднее он взял у меня большое интервью «Академия наук — прошлое, настоящее и будущее» для телеканала «ВОТ» Санкт-петербургского телевидения, и недоразумения, я думаю, были рассеяны. Несколько обескуражило и высказанное мне в кулуарах пожелание другого ведущего представителя академического сообщества в Санкт-Петербурге: «Эдуард Израилевич, вы, пожалуйста, нам про историю рассказывайте, а с современными проблемами мы сами разберёмся». 2013 г. показал, как они разобрались.

В то время я полагал, что власть ещё способна на конструктивный диалог с академическим сообществом, но идея компромисса многим его членам казалась кощунственной, вызывая подчас острую идиосинкразию. Они уверяли, что советская модель организации науки совершенна, что допустимы лишь косметические вмешательства, типа укрупнения отделений и переименования некоторых их них в секции, а всякие проекты ее реформы — это происки врагов, жаждущих завладеть академическим имуществом. Наиболее непримиримые призывали стоять насмерть как панфиловцы под Москвой, сражаясь за каждый квадратный метр академических зданий и занятых территорий, а при отступлении — цепляться за каждый бугорок и окапываться в каждой ложбинке. Они не хотели ничего слышать об исторических прецедентах, когда Академии закрывали, а самих академиков отправляли на эшафот.

Эту позицию, можно было понять, так как с 1991 г. правительство инициировало различного рода реформы науки и образование, после которых становилось только хуже и страна стремительно теряла прежние позиции в мировой науке, откатываясь в разряд аутсайдеров. Тем не менее, диалог был необходим, так как российская наука, внедрённая в России железною волею Петра Великого, всегда была, есть и в обозримом будущем останется делом государевым, которое всегда практиковало политику кнута и пряника по отношению к учёным. Это особенно ярко проявилась во времена сталинской тирании, о котором ностальгировали наиболее убеждённые противники реформ РАН, забыв, что тогда были уничтожены десятки научных направлений, а их несговорчивые лидеры, да и не только они, были арестованы, расстреляны или отправлены в лагеря и тюрьмы. Избрав сталинизм как образец научной политики академическая элита потеряла поддержку со стороны и наиболее активных неправительственных сил в обществе.

И на этот раз итог противостояния оказался предрешённым. Прежняя РАН была ликвидирована, а ее руководство безуспешно пытается хоть что-то спасти из предназначенного к сливу в небытие через ФАНОвскую трубу. Несколько раз в газетах выступал и я. Безрезультатным было мощное протестное движение, так как на постсоветском пространстве власть, видимо, признает только один аргумент — «коктейли Молотова» и окрик из США, где хранятся деньги ее представителей.

Учёные быстро ушли с площадей и конференций. Иссяк и поток гневных публикаций в немногих средствах массовой информации, поддержавших позицию большинства академического сообщества. Опять повторилась известная ситуация, по поводу которой когда-то негодовала ещё мадам Л.Ж. де Сталь. Оценив силу и твёрдость правительства, лидеры академического сообщества дали обет послушания, надеясь, что власть позволит им дальше предаваться своим трудам в мире и спокойствии, погрузившись в поиск законов природы и общества. Творческие люди остались верны своему призванию, понимая преходящее значение всех форм и событий политической жизни. Насколько оправданы их надежды — покажет ближайшее будущее. Мой опыт историка науки подсказывает плачевный финал, так как произошло самое непоправимое. Как в незабвенном 1948 г., власть решила, что может напрямую управлять наукой и судить, какая наука ему нужна, а какая нет. А уж здесь необозримое поле действия всяким откровенным проходимцам и шарлатанам типа Петрика. Вскоре во главе академических организаций встанут чиновники, главная задача, которых выполнять приказы вышестоящего начальника. А наука без свободы существовать не может. Свободу же может дать только множественные источники финансирования и свободная конкуренция. А вот их то в стране и нет.

В то же время чиновникам, прельстившимся славой Герострата, не следовало бы бить в литавры. Следует помнить приводимо четверостишие А.М. Уголева о традициях, которое прямо относится и к нынешним «реформам» РАН.

Когда традиции ломать,
Неплохо было бы понять.
Традиция — отнюдь не целка,
А многоопытная б….

Изнасилованная российская наука отомстит так, что невзгоды реформаторов-казнокрадов российской армии покажутся детскими игрушками и главному инициатору нынешних реформ науки. Так было во всех странах, где власть не желала прислушаться к голосу научного сообщества, априорно зная, какая ему нужна наука и в каких организационных формах она будет развиваться. Кто забыл об этом, пусть вспомнит судьбу поверженной в 1945 г. Германии. Полезно и почитать протоколы Нюрнбергских процессов для того, чтобы знать о судьбе тех, кто этому способствовал.

Указатель статей и материалов, опубликованных в журнале в 2013 году

СЛОВО РЕДАКТОРА

Макаренко В.П.
Дискуссионные проблемы политической концептологии..... № 1

Макаренко В.П.
Производство свинины и господство над структурами..... № 2

Макаренко В.П.
Современный российский милитаризм (статья первая)..... № 3

Макаренко В.П.
Современный российский милитаризм (статья вторая)..... № 4

КОМПАРАТИВИСТИКА ИЕРАРХИЙ

Денисов С.А.
Конец истории откладывается на неопределённый срок..... № 1

Оболонский А.В., Барабашев А.Г.
К концепции кадровых перемен в госаппарате: два взгляда..... № 1

Шкуратов В.А.
А.П. Чехов и Мишель Фуко: российская каторга или западная тюрьма?..... № 1

ПРОРАБОТКА ПРОШЛОГО И ВНУТРЕННЯЯ КОЛОНИЗАЦИЯ РОССИИ

Артемьева Т.В.
«Особливая часть света»: формирование государственной идентичности России в XVIII веке..... № 2

Кукулин И.В.
«Внутренняя постколонизация»: формирование постколониального сознания в русской литературе 1970–2000 годов..... № 2

Майофис М.Л.
Ранняя рецепция индоевропейской теории в России..... № 2

Платт К.М.Ф.
Оккупация против колонизации: как история постсоветской Латвии помогает провинциализировать Европу..... № 2

Рябчук М.Ю.
Разновидности колониализма: во возможностях применения постколониальной методологии к изучению посткоммунистической Восточной Европы..... № 3

Смирнов И.П.
Сталкинг как национальная идентичность..... № 2

Стенограмма Всероссийской конференции
Проблема проработки советского прошлого (23–24 марта 2013 г., г. Ростов-на-Дону.... № 4

Ткаченко В.Н.
«Проработка прошлого»: украинский правый радикализм в общеевропейском контексте..... № 3

Ткаченко В.Н.
Феномен «внутренней колонизации» в украино-российских отношениях (исторический аспект)..... № 4

Уффельманн Д.
Подводные камни внутренней (де)колонизации России..... № 2

Ходарковский М.
В чём Россия «опережала» Европу, или Россия как колониальная империя..... № 2

Эткинд А.М.
Главы из книги «Внутренняя колонизация. Имперский опыт России»..... № 4

Эткинд А.М., Уффельманн Д., Кукулин И.В.
Внутренняя колонизация России: между практикой и воображением..... № 2

ЗЛОБА ДНЯ: ВЧЕРА, СЕГОДНЯ, ЗАВТРА

Батурин Ю.М.
«Здесь наука под защитой навечно»..... № 3

Верховский А.М., Паин Э.А.
Цивилизационный национализм: российская версия «особого пути»..... № 4

Гудков Л.Д., Дубин Б.В., Паин Э.А.
Беседа на тему: «Есть ли модернизационный ресурс у идеологии «особого пути»?..... № 4

Колчинский Э.И.
Всё уже было, всё ещё будет..... № 3

Мелихов А.М.
Идеология «особого пути» как орудие модернизации..... № 4

Оболонский А.В.
Гражданское недоверие к власти как предпосылка политического развития..... № 3

Открытое письмо известных юристов
Правовая угроза..... № 3

Фирсов Б.М.
Апология «особого пути» и ментальность россиян: взгляд извне..... № 4

НАВСТРЕЧУ 90-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ М.К. ПЕТРОВА

Макаренко В.П.
Малоизученные аспекты творчества М.К. Петрова: заметки студента и читателя (статья первая)..... № 1

Макаренко В.П.
Малоизученные аспекты творчества М.К. Петрова: заметки студента и читателя (статья вторая)..... № 2

Макаренко В.П.
Малоизученные аспекты творчества М.К. Петрова: заметки студента и читателя (статья третья)..... № 3

Межуев В.М.
От философии периода «оттепели» к философии периода «застоя»..... № 1

Петров М.К.
Феномен кумулятивности научной дисциплины..... № 1

ОБРАТНАЯ ПЕРСПЕКТИВА

Малинова О.Ю.
Проблема политически пригодного прошлого и эволюция официальной символической политики в постсоветской России..... № 1

Чайко И.В.
Проблемы исследования режимных трансформаций или неопатримониальная альтернатива транзитологии..... № 1

Шнирельман В.А.
Излечима ли болезнь этноцентризма? Из опыта изучения конструирования образов прошлого — ответ моим критикам..... № 1

УЛЫБКИ И ГРИМАСЫ СОВРЕМЕННОСТИ

Денисов С.А.
Служилая интеллигенция в российском административном обществе..... № 2

Кузнецов А.М.
Человек в международных отношениях: дань времени или необходимая трансформация парадигмы?..... № 2

Павлов А.В.
Славой Жижек извращает идеологию..... № 1

Поляков Е.М.
Насилие и политический терроризм в современном мире..... № 2

Чукин С.Г.
Онтологическая война Джонатана Лителла..... № 1

МОРАЛЬ И ПОЛИТИКА

Константинов М.С.
Коммунитаристская критика либеральной концепции моральной нейтральности..... № 4

Константинов М.С., Николаев И.В.
Фреймы и концепты морального обоснования консерватизма..... № 4

Николаев И.В.
Морально-когнитивные основы либерального понимания свободы..... № 4

Поцелуев С.П.
Моральные мотивы и моральная риторика в марксизме и социализме..... № 4

Поцелуев С.П., Константинов М.С.
Деятельностный подход: мораль в структуре политических взаимодействий..... № 4

ДИСКУССИИ И ОБСУЖДЕНИЯ

Круглый стол
Концепт катастрофы и российская реальность (6 июля 2012 г., г. Ростов-на-Дону)..... № 3

Круглый стол
«Политическая концептология: журнал метадисциплинарных исследований» в информационном и научном пространстве региона и страны (5 июля 2012 г., г. Ростов-на-Дону)..... № 3

ИНТЕРВЬЮ И БЕСЕДЫ

Беседа В.Е. Семенкова с В.В. Савчуком
Нужна ли сегодня русская философия?..... № 3

КНИЖНАЯ ПОЛКА

Колесников Е.В.
Бюрократическое управление наукой..... № 1

Макаренко В.П., Рюмшина А.И.
Читая Джеймса Скотта: государственные факты и мелодия власти..... № 4

Неретина С.С.
Социальная активность против социальной инерции (рецензия на книгу: *Макаренко В.П. Практикующие гегельянцы и социальная инерция. Фрагменты политической философии М.К. Петрова. Ростов-на-Дону: Изд-во МАРТ, 2013. — 536 с.*)..... № 3

Олейник А.Н., Кирдина С.Г., Попова И.П., Шаталова Т.Ю.
Академическое чтение: пределы понимания и интерпретации..... № 4

Савчук В.В.
Топологическая рефлексия (часть 3)..... № 1

НАШИ АВТОРЫ

Батурин Юрий Михайлович – доктор юридических наук, профессор, член-корреспондент РАН, директор Института истории естествознания и техники РАН (yubat@mail.ru)

Берлявский Леонид Гарриевич – доктор исторических наук, кандидат юридических наук, профессор кафедры конституционного и муниципального права Ростовского государственного экономического университета («РИНХ») (berleonid1@gmail.com)

Гудков Лев Дмитриевич – доктор философских наук, профессор, директор Аналитического центра Юрия Левады (Левада-Центра) (gudkov@levada.ru)

Дзюба Иван Михайлович – литературовед, писатель, публицист, академик Национальной академии наук Украины, Институт литературы им. Т.Г. Шевченко НАН Украины (admin@ilnan.gov.ua)

Колчинский Эдуард Израилевич – доктор философских наук, профессор, директор Санкт-Петербургского филиала Института истории естествознания и техники им. С.И. Вавилова РАН (ihst@ihst.nw.ru)

Котельников Сергей Иванович – кандидат технических наук, старший научный сотрудник НИИ культурологии Минкультуры РФ (kketl@list.ru)

Макаренко Виктор Павлович – доктор политических и философских наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, академик Национальной академии наук Украины, директор Центра политической концептологии Северо-Кавказского НИИ экономических и социальных проблем Южного федерального университета (vpmakar1985@gmail.com)

Мельниченко Владимир Ефимович – доктор исторических наук, заслуженный деятель науки и техники Украины, лауреат Шевченковской премии, генеральный директор Национального культурного центра Украины в Москве (ukrcenter_info@mail.ru)

Никольский Сергей Анатольевич – доктор философских наук, доцент, заместитель директора по научной работе Института философии РАН (s-nickolsky@yandex.ru)

Паин Эмиль Абрамович – доктор политических наук, профессор, руководитель Центра по изучению ксенофобии и предотвращения экстремизма Института социологии РАН, профессор Национального исследовательского университета — Высшей школы экономики (painea@mail.ru)

Рац Марк Владимирович – доктор геолого-минералогических наук, профессор, эксперт фонда «Институт развития им. Г.П. Щедровицкого» (ratzm@netvision.net.il)

Ткаченко Василий Николаевич – доктор исторических наук, профессор, член-корреспондент Академии педагогических наук Украины (vasyl.tkachenko@gmail.com)

Шкляр Леонид Евдокимович – доктор политических наук, профессор, заслуженный деятель науки и техники Украины, лауреат Государственной премии науки и техники Украины, научный сотрудник Института политических и этнонациональных исследований НАН Украины им. И.Ф. Кураса (kvadriha@gmail.com)

Summaries and keywords

Makarenko V.P. Russian power and modernization: the general trends on background of the latest research

Summary: The author applies his three-power concept developed to analyze Soviet modernization. The three-power system well-established in the USSR covers power, property and ideology and includes trends of terrorization, bureaucratization, and modernization. On the basis of recent literature a heuristic potential of this premise to describe today's Russia is shown. According to the author, the memory of state violence in the past as well as awareness of the forms of its manifestation in the present have to be made to starting point of analysis of all social problems, including regional.

Keywords: modernization, state and everyday violence in the USSR / Russia.

Baturin Y.M. Scientists have been told: "You are not needed"

Summary: The article deals with the relationship between science and government. On the example of the crisis in summer and autumn of 2013, associated with the reform of Russian Academy of Sciences (RAS), the patterns in the relationship between government agencies, politicians and representatives of Russian scientific environment are shown. In the context of issue about science funding by authority, a scientist status as property is problematized. As the author notes, since the law on the reform of RAS entered into force in September 28, 2013, the Academy proves to be in the new reality.

Keywords: science, power, reform of RAS, scientific institute, education reform.

Berlyavsky L.G. Deportation of scientists from Soviet Russia in 1922: Lessons of history

Summary: The author considers the relationship between science and the Soviet political regime. The events in 1922 — deportation of a large group of scientists from the Soviet Russia are analyzed in the article. An issue that puts the author is to assess the outcome of the expulsion and intellectual exhaustion society. The administrative deportation as a means to combat intellectual opposition is analyzed in the article.

Keywords: science, the Soviet political regime, deportation of scientists, administrative deportation, intellectual opposition, political opposition.

Nikolsky S.A. Russians as an imperial people

Summary: The central theme of this article is rethinking the problem of imperial consciousness of Russians. The author identifies a number of features of imperial consciousness and

examines in detail the process of empire building, formation and evolution of imperial consciousness.

Keywords: imperial people, the imperial consciousness, empire building.

Tkachenko V.N. Community of historical destiny: Maidan test

Summary: The article analyzes the origins, the driving forces and the current of civil confrontation in Ukraine known as Euromaidan 2014.

Keywords: Euromaidan, Antimaidan, civil confrontation, European integration, international sanctions, the originator of bloodshed, resistance identity, identity of project for the future, “double periphery”, “war of the millionaires against the billionaires”, “millenniums” “generic” work, “self-programmed labor”, “titushki”, social exclusion, policy of “strong hand”, anticriminal revolution.

E.A. Pain — L.D. Gudkov. Conversation on “Waiting for the miracle: Russian society after the Crimean events”

Summary: The journal “Political Conceptology” publishes the conversation between political scientist Emil Pain and sociologist Lev Gudkov about changes in Russian society and power after the Crimean events. The main mythologemes arising in Russian society about the situation in Crimea are opposed by the assessments of the real state of Russian society, based on the recently completed joint study of mentioned scientists.

Keywords: Crimea, Russian power, political demobilization, political propaganda.

Shklar L.E. National patriotic prerequisites of T.G. Shevchenko's political worldview

Summary: The political component of the creative heritage of T.G. Shevchenko is analysed in the article. According to the author, the political element in the work of Shevchenko is an attempt to pass, in the form of categories and concepts, what is portrayed in the poetics of symbol, metaphor or image.

Keywords: political philosophy of Shevchenko, Shevchenko as politician, national idea, “trousers patriots”, Shevchenko' political outlook.

Pritsak O.I. Shevchenko as prophet

Summary: The author traces the emergence of the poet and philosopher T.G. Shevchenko. The author reflects on how, when, and why Shevchenko as artist began writing poetry and when he discovered that his calling is not inherent in painting and poetry.

Keywords: national dignity, Shevchenko as artist, “Three summers”.

Dziuba I.M. Poet against empire

Summary: The journal “Political Conceptology” publishes an excerpt from a book by Ivan Dziuba “Taras Shevchenko”. In this poem, the audacity of the young poet is faced with empire

firmness and untouchability of autocracy halo. However, a despotic pressure which drove the living thought into underground but could not kill that thought.

Keywords: political poetry, political philosophy, T.G. Shevchenko's work.

Melnichenko V.Y. Taras Shevchenko in Moscow (March 1858)

Summary: This article analyzes the Shevchenko's experience about Moscow 1858, recorded in his diaries.

Keywords: Shevchenko, Bodyanskiy, Maksimovic, Mokritsky, Repnina, Shchepkin.

Rac M.V., Kotelnikov S.I. Power or governance?

Summary: The article seeks to rethink in a fundamental way the basic concepts of political philosophy from the standpoint of activity approach. The key issues of the modernity are presented by the authors in the form of consequence of behavioral ontology dominance which is not relevant for idea of reform activities. In this context, a basic political category — the power — is understood as 'reificated' form of governance which devoid of reflexive mental component. As alternative to such a power, the reflexive dialogical relationships and management activities are offered.

Keywords: political philosophy, power, governance, thinking, reflection, dialogue, active approach, Moscow methodological circle.

Transcript of Seminar-Debate “Heritage of the communist past in the modern life of Russia and Russian prospects of Left Movement” (18–19 May 2013, Rostov-on-Don)

Summary: The journal “Political Conceptology” publishes transcript of the seminar “Heritage of the Communist Past in the Modern Life of Russia and Russian Prospects of Left Movement” held in Rostov-on-Don on May 18–19, 2013.

Keywords: study of the past, history of the USSR, art and politics, bureaucracy, Internet and politics, historical memory.

Kolchinsky E.I. So it Came to mind, or another one perjury (Chapters from the book)

Summary: The Journal “Political Conceptology” publishes selected chapters from the memories book written by the director of the St. Petersburg branch of the Institute of History of Science and Technology named after S.I. Vavilov at the RAS Eduard Kolchinsky. The author focuses on complex problems of intertwining between personal life and science, science and power, social history and science history, science and crises.

Keywords: memoirs, the social history of science, science and power, science and crises.

CONTENTS

EDITOR'S WORD

Makarenko V.P.
Russian power and modernization: the general trends on background of the latest research.. 6

TOPIC OF THE DAY: YESTERDAY, TODAY, TOMORROW

Baturin Y.M.
Scientists have been told: "You are not needed"..... 23

Berlyavsky L.G.
Deportation of scientists from Soviet Russia in 1922: Lessons of history..... 29

Nikolsky S.A.
Russians as an imperial people..... 42

Tkachenko V.N.
Community of historical destiny: Maidan test..... 55

Pain E.A. — Gudkov L.D.
Conversation on "Waiting for the miracle: Russian society after the Crimean events"..... 69

200th ANNIVERSARY OF TARAS SHEVCHENKO

Shklar L.E.
National patriotic prerequisites of T.G. Shevchenko's political worldview..... 75

Pritsak O.I.
Shevchenko as prophet..... 90

Dziuba I.M.
Poet against empire..... 109

Melnichenko V.Y.
Taras Shevchenko in Moscow (March 1858)..... 128

IN MEMORY OF G.P. SHCHEDROVITSKY

Rac M.V., Kotelnikov S.I.
Power or governance?..... 156

DEBATE AND DISCUSSION

Transcript of Seminar-Debate
Heritage of the communist past in the modern life of Russia and Russian prospects of Left Movement (18–19 May 2013, Rostov-on-Don)..... 210

BOOK SHELF

Kolchinsky E.I.
So it Came to mind, or another one perjury (Chapters from the book)..... 250

Index of Articles and Materials Published in the Journal in 2013..... 301

Authors..... 305

Summaries and keywords..... 307

Contents..... 310

Notes for contributors..... 312

К сведению авторов

Предварительно автор должен подготовить рукопись статьи в соответствии с требованиями к оформлению статей. Далее рукопись необходимо отправить на электронную почту редакции konstantinov@sfedu.ru, konstms@gmail.com (просьба дублировать на оба адреса) с пометкой «Статья для электронного журнала „Политическая концептология“». Статьи, оформленные не надлежащим образом, не принимаются к рассмотрению. После поступления в редакцию рукопись проходит обязательное рецензирование, по результатам которого принимается решение о публикации статьи или отказе. Редакция не знакомит авторов с текстом внутренних рецензий, а только уведомляет по электронной почте о решении относительно публикации и ее условий (срока и формы публикации, необходимости доработки). В случае, если статья нуждается в авторской доработке, автору высылается отзыв рецензента. Редакция оставляет за собой право правки текстов, не наносящей вред искомым идеям автора статьи. Рукописи не возвращаются. Все статьи публикуются бесплатно вне зависимости от статуса автора.

Требования к оформлению статей

1. Статья должна быть объемом не более 1,5 п.л. – 60 тыс. знаков, набрана в формате *.doc* (*Microsoft Word* или *OpenOffice.org*).

2. В начале статьи приводится аннотация (не более 1000 символов) на русском и английском языках, а также сведения об авторе: Ф.И.О. полностью, ученые степени и звания, должность, место работы, телефоны (рабочий и домашний с кодом города), электронный адрес (обязательно).

3. Параметры текста: шрифт *Times New Roman*, 12 кегль, интервал 1, поля: сверху и снизу – 2 см, справа и слева – 2 см. Выравнивание текста: по ширине. Абзацный отступ (красная строка): 1 см. Нумерация страниц: не ведётся. Рисунки – чёрно-белые и внедрены в текст.

4. Допускается использование шрифтов *Arial* и *Courier New* для обособленных фрагментов текста. Допускается использование шрифта меньшего размера для участков текста, имеющих вспомогательное (второстепенное) значение. Размер шрифта табличного текста обычно на 2 пункта меньше размера шрифта основного текста. Рисунки можно присылать цветные, но следует иметь в виду, что журнал публикуется чёрно-белым.

5. Сноски постраничные (не концевые!) автоматические. Нумерация начинается с цифры «1». (Просим не делать нумерации вручную с круглыми или квадратными скобками!).

6. Библиографический список оформляется следующим образом:
Фамилия И.О. Год. *Название работы*. – Город: Издательство. – Количество страниц.
Фамилия И.О. Год. Название статьи. – *Название журнала*. – Номер. – С. ... .
Фамилия И.О. Год. *Название источника*. – Доступно: http://URListochnika/ . – Проверено: Дата.